

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1971

Р. Слав. 2.36.4 (1875/3)

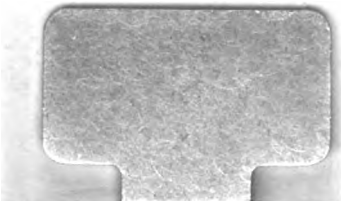
ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

1941

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАРТЪ.

1875.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Романъ. Часть III.
(Окончаніе). П. ЛЕГКОВА.
- II. СВЯТОГОРЪ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.
Стихотвореніе. М. Р.
- III. ЗАКОНЪ И ЖЕНА. Романъ. (Гл. XXX —
XXXVIII). УИЛЬКИ КОЛИЦА.
- IV. ЖЕОРЖЪ-ЗАНДЪ. Біографическій очеркъ. (Про-
долженіе). П. ГР—ЛН.
- V. ПРОКЕТЪ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ ВО ФРАН-
ЦИИ. В. Ю.
- VI. ИСПОВѢДЪ СТАРИКА. Романъ. (Гл. I — II). ЕПОЛИТА НЬЕВО.
- VII. СУХАЯ ЛИПА. Стихотвореніе. П. ВЕЙНБЕРГА.
- VIII. ГОРЯЧІЕ КАШТАНЫ. (Изъ А. Мюссе). В. ТОРНИНА.
- IX. РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ XVI —
XIX ВѢКА. (Ст. третья). С. СТАВРИНА.
- X. ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЦЮРИХЪ.
(Окончаніе). ЭЛН ТРИГО.
- XI. ПОЭТУ. Стихотвореніе. В. П. СЛАВЯНСКАГО.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХП. ВЕЛЛЕТРИСТЫ-ЭМПИРИКИ И ВЕЛЛЕТРИСТЫ-

МЕТАФИЗИКИ. (Ст. первая) П. НИКИТИН.

(1. Кудевскій: Маленькіе рассказы, очерки, картинки и легкіе наброски. Спб., изд. Базунова (Библиот. соврем. писателей, 1875 г.). 2. Успенскій (Глѣбъ): „Глушь“, провинціальныя и столичныя очерки. Спб., 1875. 3. Боборыкинъ: а) „Дѣльцы“, ром. въ 2 томахъ, 1874. б) „Докторъ Цыбулька“, раскодін въ трехъ книгахъ. Москва, изд. Салаевыхъ. 1875. с) „Под - жизни“, ром. въ 2-хъ книг. Спб., изд. Кехрибарджи, 1874 г. д) „Въ усадьбѣ и на порядкѣ“, повѣсть („Вѣстникъ Европы“, январь, 1875 г.). 4. Смирнова: „Соль земли“, ром. въ четырехъ частяхъ. Спб., 1875.)

ХІІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Курсъ статистики, съ 2 политичежами и картою населенности Россіи. Составилъ Н. Карсевичъ. Спб., 1874 г. Изд. „книжнаго магазина для иногороднихъ“. — **Жизнь европейскихъ народовъ**. Географическіе рассказы Е. Н. Водовозовой. Томъ I. Жители юга. Съ 25 рисунками В. М. Васноцова. Спб., 1874 г. — **Отъ старшаго къ меньшому, отъ малаго къ большому**. Сочиненіе Льюиса Біара. Популярныя бесѣды съ дѣтми о серьезныхъ вопросахъ и научныхъ предметахъ. Спб., 1875 г. — **Толковый словарь 40,000 иностранныхъ словъ**, вошедшихъ въ русскій языкъ, русскіхъ старинныхъ, мѣстныхъ и техническихъ, по веѣмъ отраслямъ знанія, выраженій и словъ. — Въ словарь этотъ вошли рѣшительно все иностранныя слова, помѣщенные въ словаряхъ гг. Михельсона, Бурдона, Дубровскаго и другихъ, и кромѣ того, онъ дополненъ А. Дмитріевымъ, по словарямъ Б. И. Даля, г. Макарова, профессора Сувилона и многихъ другихъ. Москва, 1875 г.

ХІV. ВРЕДЪ ИЛИ ПОЛЬЗА? (Народныя чтенія въ „Со-

линомъ городѣ“). М. И. ПОПОВА.

ХV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неопредѣленность нашихъ понятій относительно значенія фактовъ общественной жизни. — Вопросъ о землевладѣніи. — Желательно-ли для Россіи развитіе фермерства? — Предложеніе гр. Орлова-Давыдова. — Крупное землевладѣніе. — Что стануть дѣлать крестьяне, продавшіе свои земельныя надѣлы? — Земледѣльческія артели. — Пауперизмъ. — Испытанія неспособныхъ къ военной службѣ. — Собранія врачей.

ХVІ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Качества, отличающія версальское собраніе отъ всѣхъ другихъ представительныхъ собраній. — Принятіе конституціонныхъ законовъ. — Республикан-

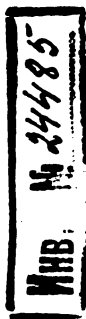
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 3.

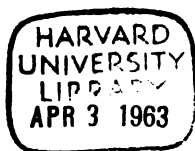
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 89,
1875.

Р. 16744

Δ
Р. № 236.4 ($\frac{1875}{3}$)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 марта 1875 г.

ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Затѣя Валеріи увѣнчалась успѣхомъ. Зала для танцевъ было окончена за два дня до назначеннаго пикника и вышла чрезвычайно красива и удобна. Сосѣдямъ очень понравилась идея пикника для встрѣчи генерала и многіе изъ нихъ пріѣзжали давать совѣты и помогать хозяйкѣ въ устройствѣ бала. Полный оркестръ музыки былъ приглашенъ изъ города и нѣсколько поваровъ уже начали готовить различные маіонезы, заливныя, фарши и тому подобное.

Утромъ, наканунѣ этого дня, Валерія одна въ своей комнатѣ ходила взадъ и впередъ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Нервы ея были въ возбужденномъ состояніи: ожиданіе завтрашняго дня, долженствовавшаго заключить короткіе дни ея свободы, заставляло усиленно биться ея пульсъ; неизвѣстность, какъ приметъ мужъ ея безумныя выходки, еще болѣе подстрекала ее. Она точно летѣла, зажмуривъ глаза, на неувертливомъ конѣ, и не знала, сбросить-ли онъ ее въ пропасть или привезетъ къ пристани... Но гдѣ эта пристань для нея?..

Впрочемъ, въ эту минуту ее занимала другая мысль, поглотившая ее вполне: она ждала къ себѣ Анюту.

Наканунѣ Валерія была у нея и взяла съ нея слово, что она придетъ утромъ посовѣтовать ей, какую отдѣлку положить на платье.

— Двѣнадцать, сказала она, подходя къ столу, на которомъ лежали маленькіе золотые часы. — Отчего она не идетъ? кто задержалъ ее?

Она задумалась; щеки ея попеременно краснѣли и блѣднѣли, тонкія брови нахмурились, глаза смотрѣли не видя. Шелестъ платья послышался въ коридорѣ. „Она!“ сказала Валерія, быстро открывая дверь...

— А, это ты, Маша!.. Странно, неужели она меня обманетъ?

Но не прошло четверти часа, какъ Анюта явилась.

— Наконецъ! прошептала Валерія, опускаясь на диванъ и ложась на немъ въ лѣнливо-граціозной позѣ. — Отчего вы такъ долго не шли, Анюта?

— У насъ сидѣлъ Бѣляевъ, отвѣчала та спокойно.

Валерія приподнялась и посмотрѣла на нее странными глазами. На Анютѣ было новое, свѣжее платье: верхній тюникъ изъ небѣленаго полотна суроваго цвѣта съ гладкимъ, высокимъ борсажемъ, застегнутомъ стальными пуговицами; талія стройно стянута кожанымъ поясомъ съ стальной пряжкой и такія-же пряжки на подборахъ тюника; юбка черная полосатая по суровому фону. Черная бархатная лента на шеѣ съ серебрянымъ медальономъ и такая-же въ волосахъ — дополняли костюмъ Анюты.

„Такою ее видѣлъ сейчасъ Бѣляевъ, думала Валерія; — она для него такъ одѣлась... Съ какою любовью, съ какимъ вкусомъ расположена каждая складка; какая грація въ этомъ гладко обтянутомъ бюстѣ!.. Она имѣетъ видъ любимой и любящей женщины. И съ какимъ спокойнымъ торжествомъ она мнѣ говоритъ, что онъ сидѣлъ у нея!..“

— Вы хотѣли показать мнѣ ваше платье, сказала Анюта, удивляясь молчанію Валеріи.

— Да... только не сейчасъ. У меня голова болитъ отъ всѣхъ этихъ хлопотъ... Передайте мнѣ пожалуйста одеколонъ со стола...

Анюта подала ей флаконъ, и Валерія, почувствовавъ внезапную слабость, прилегла лицомъ къ атласной подушкѣ дивана. Невыразимая горечь охватила ее. Ей удалось было на нѣсколько дней отвлечь Бѣяева отъ Анюты — и вдругъ сегодня, не говоря ей ни слова, не жалѣя ее, не заботясь о томъ, что она подумаетъ, онъ пошелъ и просидѣлъ съ Анютой все утро!.. И это наканунѣ того дня, который сдѣлаетъ ее опять рабой. Нѣтъ! надо выиграть по-

бѣду въ этотъ день. Надо растоптать разъ навсегда этого врага, эту дѣвушку, которая смѣетъ считать себя свободной, чистой и достойной любви, когда на ней лежитъ бремя преступленія и позора! Валерія встала съ дивана и выпрямилась во весь ростъ; въ глазахъ ея блеснула молнія ненависти.

— Такъ вы будете завтра царицей бала, Анюта! сказала она, усмѣхаясь и не сводя съ нея глазъ.

Анюта посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Это почему? спросила она.

— Такъ. Я вчера видѣла ваше платье... бѣлый крепъ въ буфахъ—это прелестно. А цвѣтного вы ничего не надѣнете?

— Цвѣты какіе-нибудь; я еще не выбрала ихъ.

— О, разумѣется, бѣлые! засмѣялась Валерія;—непремѣнно бѣлые, какъ эмблема чистоты душевной и тѣлесной!

Валерія нервически хохотала.

— Что съ вами сегодня, Валерія Павловна? спросила Анюта.

— Ничего... Развѣ вы не видите, что мнѣ завидно, что вы будете царицей бала!

— Настоящая-то будете вы, а мнѣ съ какой стати!

— О! что это за скромничанье—это провинциализмъ! Вы сами вполне увѣрены, что вы красавица. Такъ и быть, ужъ я не буду вамъ завидовать и, пожалуй, сама буду одѣвать васъ завтра... Вы позволите? вы довѣритесь моему вкусу?

— Нѣтъ, холодно сказала Анюта.

— Отчего-же? Или вы боитесь, что я воткну въ васъ отравленную иглу?..

— Почемъ знать! я очень могу это подумать по вашему обращенію.

Валерія замолчала и сѣла, закинувъ руки на голову.

— Нѣтъ, вы напрасно меня остерегаетесь, сказала она черезъ минуту;—я такъ — шучу; но я ужъ матрона, замужня женщина: мнѣ остается только любоваться на такой нѣжный цвѣтокъ, на такую лилію, какъ вы!.. Желала-бы я знать, кто будетъ такъ счастливъ, чтобъ обладать вами... обладать впервые!.. Вы такъ смотрите, какъ-будто у васъ въ жизни никогда не было ни тѣни, ни пятнушка, ни зазубринки... Правда это, Анюта?

Валерія извительно впила глазами въ лицо своей противницы, зарапѣ тѣшась ея блѣдностью и смущеніемъ... Тогда Анюта, раз-

смагтривавшая все время дорогой переплеть альбома, медленно положила его на столъ, подняла голову и ея большіе, черные глаза увѣренно и пристально устремились на Валерію.

— Не совсѣмъ, отвѣчала она; — въ моей жизни могло быть много тѣней, и вы, кажется, именно это и хотите сказать. Но въ подобныхъ намекахъ надо быть очень осторожной, Валерія Павловна: не забудьте, что кто роетъ яму своему ближнему, рискуетъ самъ попасть въ нее.

Еще съ минуту взгляды ихъ скрещивались; потомъ рѣсницы Валеріи опустились. Несмотря на всѣ ея усилія, по лицу ея разлилась блѣдность и верхняя губа задрожала отъ гнѣва и смятенія. Противъ собственной воли она чувствовала какой-то паническій ужасъ передъ предостереженіемъ Анюты, въ которомъ ей звучала таинственная угроза. Что это такое?... Не Бѣляевъ-ли открылъ ей тайну ихъ прежней связи? Можетъ быть, онъ рассказалъ ей все?

Пока эти беспорядочныя мысли проходили въ умѣ Валеріи, Анюта встала и подошла къ ширмамъ, заслонявшимъ постель. На нихъ, подъ кисейнымъ покрываломъ, висѣло великолѣпное палевое съ золотистымъ отливомъ платье, съ накинутыми на него легкими облаками газа и кружевъ.

— Это ваше платье? спросила Анюта; — можно взять посмотреть?

Валерія подошла и помогла ей перенести платье на диванъ, гдѣ онѣ его разостлали и начали разсуждать объ отдѣлкѣ такъ усердно, какъ-будто ничего между ними не было.

— Какъ хороша, какъ волниста эта матерія! говорила Анюта, любуясь на складки шелковой юбки.

— Да, это фай; верхній тюникъ будетъ изъ газа одинаковаго цвѣта — видите! Подборы и буфы будутъ подхвачены шелковыми петлями. Къ этому золотыя браслеты и золотая діадема.

— А цвѣты, конечно, натуральные?

— Да; но какіе пойдутъ къ этому цвѣту? пунцовые, бѣлые?

— Знаете, сказала Анюта, — я видѣла у васъ въ саду великолѣпныя маки, красные и темные...

— Ахъ, какая идея! темныя маки — это прелесть! Да, непременно надѣну ихъ. Это будетъ красивый туалетъ, не правда-ли?

— Конечно.

— А что надѣнетъ Люба?

— Она шьетъ себѣ чудесное розовое платье изъ тарлатана; отдѣлка бѣлая и бѣлыя розы въ бутонахъ по всему платью.

Валерія съ улыбкой удовольствія драпировала золотистый газъ на палевомъ шелкѣ, любясь имъ со всѣхъ сторонъ; вдругъ по лицу ея пробѣжала тѣнь.

— А впрочемъ, вѣдь это все вздоръ, сказала она съ нетерпѣніемъ;— черное-ли, желтое-ли надѣтъ—ничего себѣ этимъ не выразишь у судьбы!

Она съ пренебреженіемъ взяла платье и кинула его за ширмы; потомъ возвратилась и сѣла на диванъ съ ногами, какъ-будто ей было холодно. Анята сидѣла напротивъ, у стола, и подумывала о томъ, чтобъ уйти.

— Я-бы желала, чтобъ завтра у меня было очень, очень весело, сказала Валерія,— чтобъ всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа. Послушайте, Анята... Да! о чемъ, бишь, я хотѣла у васъ спросить...

Подъ ея небрежно-ласковымъ, веселымъ тономъ Анята почувала какіе-то кошачьи - змѣйные звуки и съ нѣсколько затрудненнымъ дыханіемъ ожидала продолженія.

— Вотъ что, продолжала Валерія, улыбаясь; — но вы дайте слово, что скажете правду.

— Я или скажу правду, или вовсе ничего не скажу.

— Хабаровъ выдается съ вами часто, по-прежнему?

Анята помолчала.

— Вы знаете, что нѣтъ, — иначе вы-бы не спрашивали, отвѣчала она съ невольной горечью.

— Что-же это значитъ? какая черная кошка пробѣжала между вами?

— Никакой, рѣзко сказала Анята.

— А вѣдь какъ онъ прежде-то къ вамъ лънулъ: и читали вы съ нимъ, и повѣрялъ онъ вамъ всѣ свои авторскія тайны, и шептался съ вами при свѣтѣ луны. Такая поэзія была и такъ прозаично кончилась. Какже это такъ?

Анята чувствовала, что блѣднѣетъ. Она хотѣла-бы встать, бѣжать... но ее удерживала гордость: такое бѣгство было-бы постыднымъ пораженіемъ. Валерія, улыбаясь, взяла ее за руку.

— Ну, признайтесь, вѣдь вы думали, что онъ въ васъ влюб-

лень? это такъ понятно, такъ извинительно... тѣмъ больше, что вы и сами были къ нему равнодушны. Такъ вѣдь? Не скрывайтесь, и теперь еще сердечко у васъ стучается... а?..

Валерія оцупью пошла на настоящее больное мѣсто и съ наслажденіемъ погружала свою руку въ свѣжую рану. Она жаждала крови Аняты и пристально смотрѣла ей въ лицо, упиваясь нѣмымъ содроганіемъ своей жертвы.

— Васъ, можетъ быть, удивляетъ его непостоянство, продолжала она, не могши остановиться;—но я его знаю съ дѣтства, я вамъ растолкую, что это за характеръ. Ему лишь-бы было новое—онъ сейчасъ прельстится; за то очень скоро и отпадетъ,—такъ, безъ всякой причины; надоѣсть ему, и все тутъ! Но знаете-ли, мы что сдѣлаемъ,—вѣдь это ужасно неприятно и неловко, когда въ обществѣ разладъ,—такъ я завтра скажу Хабарову, чтобъ онъ къ вамъ опять подольстился и умилостивилъ-бы васъ, и вы перестанете на него дуться. Онъ это сдѣлаетъ для меня, я знаю; тогда всѣмъ будетъ весело!

Валерія переполнила мѣру. Анята встала съ видомъ такого достоинства, что она тотчасъ замолчала.

— Вы надо мной потѣшаетесь, Валерія Павловна, сказала она спокойно;—но я должна вамъ сказать, что не вижу причины вашей потѣхи. Отношеній моихъ съ Хабаровымъ я вамъ не повѣряла и все это ваше чистое предположеніе. И какъ-бы вы хороши были съ нимъ знакомы, повѣрьте, что въ посредницы онъ васъ не возьметъ между мною и собою.

Съ этими словами Анята пошла къ двери.

— Куда-же вы?

— Домой. Я замѣчаю, что мое присутствіе вамъ нездорово, сказала Анята, улыбнувшись.

— Вы ошибаетесь, я здорова. Я только шутила. Такъ до завтра: мы поѣдемъ на пикникъ въ четыре часа.

— Хорошо.

Возвратившись домой, Анята нашла въ залѣ Любу, очень блѣдную и съ слегка покраснѣвшими глазами.

— Что случилось? спросила Анята съ безпокойствомъ.

У Любы задрожали губы и она молча указала ей на середину комнаты. Там на нѣсколькихъ стульяхъ были развѣшаны два платья: одно розовое, другое бѣлое—Анютино.

— Твое платье готово? Вѣрно модистка испортила? спросила Анюта.

— Нѣтъ, оно не испорчено, отвѣчала Люба, отирая слезу; — но я... я его не надѣну.

— Отчего?

Люба съ страдальческимъ видомъ опустила голову и устремила грустный взглядъ на платье.

— Люба, что это значить?

— Я не могу надѣть его: оно слишкомъ ярко, для невѣсты это совсѣмъ не идетъ.

— Но прежде тебѣ это не казалось? ты сама выбрала.

— Ну-да, пока я покупала, пока заказывала, мнѣ это не приходило въ голову, но теперь, когда его принесли готовое... и когда я вижу рядомъ твое платье, такое бѣлое, нѣжное, — я вижу, что это такъ грубо, ярко!.. Мнѣ невозможно его надѣть, невозможно!

— Что-же ты будешь дѣлать?

— Надо шить новое платье, бѣлое.

— Это ужъ совершенно невозможно, чтобъ оно успѣло къ завтраму. Надо ѣхать въ городъ; оно только къ утру можетъ быть куплено; когда-же его шить?

— Ну, такъ я не поѣду на пикникъ.

Люба отвернулась къ окну и скрестила руки на груди. Анюта пожала плечами и начала разсматривать платье.

— Это прелесть, говорила она;—цвѣтъ густой и нѣжный, отдѣлка съ необыкновеннымъ вкусомъ!

— Однако, ты не возьмешь его себѣ, съ горечью замѣтила Люба, продолжая смотрѣть въ окно;—твое лучше!

— Я не нахожу, чтобъ оно было лучше.

— Если-бъ у тебя былъ другой характеръ, я-бы предложила тебѣ переѣмѣниться платьями, но я знаю, что ты этого не сдѣлаешь.

— Да если твое платье не по мнѣ шито.

— Какую-нибудь бездѣлицу подшить пришлось-бы. У насъ тальи

одинаковыя. Но, разумѣется, объ этомъ печего и думать; мнѣ придется остаться.

Анюта помолчала въ раздумьи.

— Я пойду примѣрю твое платье, сказала она.

Къ удивленію ея, платье оказалось какъ-будто по ней сшито, такъ-что даже исправлять ничего не требовалось, развѣ только оно было немножко длинно.

— Люба, я беру его, сказала она, возвращаясь въ залу и останавливаясь передъ нею вся въ розовомъ облакѣ, которое необыкновенно шло къ ней.

Любѣ вдругъ стало жаль своего платья. Она нерѣшительно глядѣла то на него, то на бѣлое креповое, которое уже успѣла примѣрить прежде.

— Зачѣмъ? проговорила она уныло. — Ты скажешь, что я у тебя отнимаю, что я требую отъ тебя жертвы.

— Жертвы или нѣтъ, рѣшайся сейчасъ, возразила рѣшительно Анюта, — я больше не пережѣню. Берешь ты мое платье или нѣтъ?

Люба молчала. Анюта начала разстегивать корсажъ, чтобъ снять съ себя розовое платье.

— Беру! поспѣшно сказала тогда Люба.

— Насилу-то! И розовые ботинки свои мнѣ отдашь?

Люба обмерла.

— Да... но потомъ ужъ они не будутъ годиться... ты ихъ истопчешь.

— А ты развѣ не истопчешь мои бѣлыя?

— Ну, а цвѣты? нерѣшительно сказала Люба, пугаясь болѣе и болѣе ряда пожертвованій, которыхъ она не предвидѣла. — Ты такъ и оставишь эти бѣлыя розы?

— Онѣ очень милы, сказала Анюта;—но я лучше надѣну натуральныя. А эти отлично пойдутъ къ бѣлому платью.

Люба проворно отколола отъ платья бутоны розъ и побѣжала ихъ прятать.

„Какowo! думала она, запирая ихъ въ комодъ. — Она дѣлаетъ видъ, будто изъ милости уступаетъ мнѣ, а сама хотѣла меня всю обобрать! Весь обмѣнъ въ ея пользу, отъ этого она такъ скоро согласилась“.

II.

На другой день погода стояла самая благопріятная для пикника. Передъ тѣмъ шли частые дожди, такъ-что пыль прибило и освѣжило зелень. По небу, правда, ходили довольно опасныя тучки, но солнце, какъ-будто успокоивая пирующихъ, по временамъ появлялось во всемъ блескѣ, бросая на окрестность будто снопы пламени.

Часамъ къ пяти пополудни множество приглашенныхъ были уже въ рошѣ, но экипажи продолжали безпрестанно подъѣзжать. На широкой прорубленной полянѣ, почти возлѣ самой большой дороги, возвышался четырехугольный громаднй павильонъ, поддерживаемый колонами и обведенный ступенями, какъ какой-нибудь мифологическій храмъ. Между колонъ спускались бѣлыя драпировки и стояли деревья и вазы съ цвѣтами, привезенныя изъ оранжереи. Внутри блестяли зеркала, прикрѣпленныя къ колонамъ и отражавшія живую, движущуюся картину ходящихъ между зеленью людей; посреди павильона накрытъ былъ длинный обѣденный столъ, сиявшій серебромъ и хрусталемъ и уставленный пирамидами фруктовъ. Кругомъ павильона были разбѣяны нарядныя полотняныя палатки: для поваровъ, для буфета, для прислуги, для музыкантовъ; въ числѣ ихъ была также дамская уборная.

На широкихъ и удобныхъ ступеняхъ, ведущихъ въ залу, расположилась, какъ стая птицъ, большая часть общества, болтая и поглядывая на дорогу, откуда долженъ былъ пріѣхать Громовъ. Лошади были высланы за нимъ наканунѣ и, по расчету времени, онъ долженъ былъ послѣтъ къ шести часамъ, къ самому обѣду. Музыканты должны были привѣтствовать его торжественнымъ маршемъ, а гости встрѣтить съ бокалами въ рукахъ. Валерія сидѣла, какъ царица, на верхней ступени, какъ-будто вся облитая золотомъ въ своемъ палевомъ платьѣ. На ея черныхъ волосахъ сверкала діадема и отъ нея вились тонкія золотыя цѣпи, перевивая локоны. Кружокъ мужчинъ обступилъ ее; въ числѣ ихъ былъ Бѣляевъ, съ которымъ она преимущественно разговаривала, не давая ему отойти. Многіе группами разбрелись по лѣсу, въ особенности молодыя дѣвушки пестрѣли вездѣ между деревьями, какъ крупныя, чужеземныя цвѣты.

— Что это наша невѣста такая грустная? приставали къ Любѣ ея подруги.

— Чему-же мнѣ особенно радоваться, отвѣчала она, меланхолично склоняя головку, увѣнчанную розами,—ужь не думаете-ли вы, что бракъ такое счастье?

— Вѣроятно, счастье для васъ, если вы выходите замужъ, возразила ей одна изъ подругъ не безъ колкости.

— Если-бъ я могла выбрать другой путь, я-бы не пошла замужъ, но что-же другое остается дѣлать, скажите!

— Повѣрьте, Любовь Федоровна, лучше ничего не придумаете, замѣтила толстая, пожилая дама.

Люба отвернулась съ видомъ непонятаго существа. На ея лицѣ, въ самомъ дѣлѣ, лежалъ отпечатокъ трогательной грусти: она была уничтожена тѣмъ, что къ Анютѣ необыкновенно шелъ ея розовый туалетъ, убранный бѣлыми азалиями. Ея никто еще не видалъ въ розовомъ; этотъ цвѣтъ придавалъ такой блескъ и жизнь ея нѣжному лицу, что почти всѣ безъ исключенія говорили о ней въ глаза и за глаза, что она необыкновенно авантажна.

„Скрывать отъ меня до послѣдней минуты, что она уберетъ голову азалиями! думала Люба въ глубокомъ негодованіи на сестру:—кому могло придти въ голову, что она подыщетъ такіе цвѣты?.. Розы—это такъ обыкновенно: она нарочно подвела такъ, чтобъ я ихъ надѣла, и теперь смѣется надо мною! Хитрая завистница!“

Туалетъ Любы былъ нисколько не хуже, но это ее не утѣшало: чтобъ быть вполне удовлетворенной, ей надо было быть лучше Анюты и раздавить ее своей красотой.

Валерія, съ своей стороны, также не могла удержаться отъ колкихъ замѣчаній.

— Какая вы хитрая, говорила она Анютѣ: — показать одно платье и потомъ надѣть другое—гораздо эффектнѣе!.. Вы хотѣли поразить меня?

— Напротивъ, я сама не ожидала; это все Люба...

— Нѣтъ, не я, возразила та, подходя.

— Какъ не ты? спросила изумленная Анюта.

— Ты сама сказала, что возьмешь мое платье, а я тебя не просила, я даже не ожидала, что ты возьмешь.

— Вы все-таки чудесно сдѣлали, Люба, вступилась Валерія:—

бѣлое — это ваше торжество! У васъ такой томный, задумчивый видъ — точно нарцисъ надъ водою... Въ розовомъ вы не были-бы такъ поэтичны.

Это было при Бѣляевѣ, и Люба покраснѣла отъ удовольствія.

— Вотъ терпѣть не могу, когда говорятъ комплименты, преваль Аркадій; — хорошо, что они теперь выводятся; всякій понимаетъ, что это нелѣпость.

— Почему-же нелѣпость? спросилъ Бѣляевъ.

— Да развѣ у всякаго нѣтъ своихъ глазъ, чтобъ видѣть, что хорошо, что дурно? чего-же тутъ растолковывать!

— Почему-же не выразить свою мысль словами?

— Если дѣльная мысль — это другое дѣло; а то такъ, впечатлѣніе какое-то, не зачѣмъ и выражать.

Люба бросила на жениха раздраженный взглядъ и отошла прочь.

Гости равнодушно слушали эти разговоры и часто посматривали на часы.

— До котораго-же часа насъ будутъ морить? раздавалось между ними вполголоса; — это-бы лучше дома пообѣдать.

— Мужа дожидается... Комедія!

Юлія сначала также фигурировала между дѣвицами въ голубомъ тарлатановомъ платьѣ, съ жемчугами на шеѣ, потомъ она исчезла.

— Дуняша, Дуняша! поди сюда! слышался ея голосъ за полетномъ палатки, въ дамской уборной. Дуняша была ея горничная, прислуживавшая ей еще въ институтѣ, маленькая, толстенькая, краснощекая дѣвушка.

— Что угодно? спросила она, точно выкатившись изъ-за ширмъ.

— Послушай, шепотомъ сказала Юлія, — поѣзжай домой и приготовь мнѣ къ вечеру другое платье, бѣлое тюлевое; хорошенько выгладь, чтобъ какъ новое было.

— Зачѣмъ-же это вамъ, барышня?

— Ахъ, ты ничего не знаешь... Ты дѣлай, что велятъ: ужъ не даромъ велю бѣлое платье!

Тутъ она положила обѣ руки на плечи Дуняши и шепнула ей на ухо:

— Сватовство идетъ. Такія вчера штуки были, что ты-бы ахнула, если-бъ узнала. Семень Семеновичъ Коровинъ имѣетъ на меня виды, всѣ говорятъ!

— Да вѣдь онъ, никакъ, купецъ? Это вы за купца-то и пойдете?

— Какая ты глупая! вотъ глупая-то! Онъ прежде торговалъ, а теперь онъ купилъ землю, стало быть онъ помѣщикъ.

— Помѣщикъ? переспросила Дуняша.

— Какъ-же, когда у него земля. Теперь вѣдь всѣ равные стали; у кого земли больше, тотъ и важнѣе. А онъ скупили въ Завьяловѣ у насъ десятинъ семьсотъ да въ Смуровкѣ десятинъ тысячу.

— Откуда-же онъ столько денегъ набралъ?—(Дуняша недовѣрчиво покачала головою.)—Когда-же свадьба-то, барышня? спросила она.

— Не знаю еще... Вотъ если папаша прїѣдетъ, такъ, можетъ быть, нынче насъ обручатъ.

Юлія задумалась, потомъ вдругъ щелкнула пальцемъ и радостно проговорила:

— Ужь помяни мое слово: скоро меня будутъ къ вѣнцу убирать. Я тогда упаду въ обморокъ... Любочка ни разу не падала съ тѣхъ поръ, какъ невѣста, а еще считается, что нѣжнаго сложенія.

На этихъ словахъ ее застала Валерія, входившая въ палатку.

— Наговорила съ своей наперсницей? сказала она.

— Никакихъ у меня наперсницъ нѣтъ, отвѣчала, обидѣвшись, Юлія;—что вы все ко мнѣ придираетесь?

— Помилуй, зачѣмъ ты безпрестанно бѣгаешь въ уборную?.. Всѣ смѣются.

— Совсе не безпрестанно. Я только когда нужно.

— А Семень Семеновичъ все одинъ сидитъ, скучаетъ. Ты-бы его заняла, ты одна умѣешь съ нимъ разговаривать.

Юлія засмѣялась отъ радости.

— Я хоть кого хотите займу, внезапно расхвасталась она;—со мной хоть мертвый, и тотъ разговорится.

Она вышла, подбирая платье, и дѣйствительно увидала неподалеку сидящаго на скамейкѣ подъ деревомъ худощаваго, пожилого человѣка, который слѣдилъ за всѣми гостями съ такимъ видомъ, какъ-будто они были звѣри изъ зоологическаго сада: каждого проходившаго мимо онъ оглядывалъ съ головы до ногъ, повидимому, оцѣнивая все, что на немъ надѣто, и долго провожалъ глазами.

Съ своей стороны, дамы также разсматривали и перешептывались о немъ. Это и былъ купецъ Коровинъ, недавно сдѣлавшійся богатымъ землевладѣльцемъ и, слѣдовательно, завидной партіей для невѣсть.

Юлія съ побѣдоноснымъ видомъ подѣбла къ нему.

— Чему вы улыбаетесь, Семень Семеновичъ?

— Ничему-съ.

— Нѣтъ, я подошла, а вы улыбнулись. Значить, это вы надо мной?

— Я... на васъ полюбовался-съ... какъ вы акуратно идете, отвѣчала любезно Коровинъ.

— Чѣмъ-же акуратно?

— Платьице подбираете, чтобъ не замаралось объ траву. А то инья, видите, какъ распустили хвосты — такъ пыль и заматаютъ... Я ужъ этого не люблю-съ.

— И я не люблю. У насъ съ вами одинаковый вкусъ, Семень Семеновичъ...

— Что-жь, это дѣло не худое, замѣтилъ Коровинъ, значительно поглядывая на нее; — я, знаете, человекъ тихій, акуратный; если у кого одинъ вкусъ со мною — значить, у того человека совѣсть есть.

— И я такъ думаю! У меня, знаете-ли, всегда чиста совѣсть! Ну всегда, рѣшительно всегда!..

Она весело засмѣялась и съ торжествомъ поглядѣла вокругъ.

Въ такомъ родѣ продолжался ихъ разговоръ. Юлія не уставала сообщать ему точныя подробности обо всѣхъ присутствующихъ, не забывая отзываться съ самой невыгодной стороны о дѣвушкахъ, которыми могъ-бы прельститься Коровинъ. Она ликовала въ душѣ, видя, что всѣ на нее смотрятъ съ улыбкой.

— Это, наконецъ, свинство, слышалось между гостями; — солнце заходить, а обѣдать не даютъ!

— Разговорами, что-ли, пріятными заниматься насъ пригласили? У меня дома дѣло было, мнѣ не до разговоровъ.

— Къ чему всѣ эти фарсы? разсуждали двѣ дамы, уходя подъ деревья; — будто-бы мужу сюрпризъ этотъ пикникъ! Ну развѣ она посмѣла-бы безъ него такъ распоряжаться? конечно, онъ самъ все это велѣлъ.

— Да вѣдь онъ поѣхалъ получать наслѣдство, замѣтила дру-

гая; — ну и хотятъ намъ показать свое богатство. Какая мелочность!

— Да... А Хабаровъ-то за хозяина—каково?

— Скандаль! только съ такимъ осломъ, какъ Громовъ, можно такія штуки продѣлывать.

— Пожалуйте кушать, раздалися голоса. — Господа, обѣдать, обѣдать! Насилу опомнились!

Изъ всѣхъ концовъ лѣса устремились толпы и осадили павильонъ. Послѣ нѣкоторой толкотни и перебѣганія все, наконецъ, пришло въ порядокъ и усѣлось за столъ.

Разговоровъ не было; всѣ ѣли молча, по временамъ только слышались освѣдомленія объ умолотѣ ржи, о цѣнѣ на хлѣбъ и главное—о состояніи молотилокъ, которыя у всѣхъ были сломаны.

— Отчего-же это генераль такъ запоздалъ? спрашивали дамы у Валеріи.

— Не понимаю, отвѣчала она; — онъ всегда былъ акуратенъ.

Начались предположенія о запозданіи поѣзда, о задержкѣ на дорогѣ, сломаніи экипажа и т. д. Валерія зѣвала украдкой и разсѣянно отвѣчала.

— Замѣтьте, сказала Хабарову его сосѣдъ, докторъ изъ города:— всѣ мужчины сѣли по одну сторону, а всѣ дамы по другую. И не глядятъ другъ на друга, точно *казятся*. Отчего-бы это такъ?

— Говорить не о чемъ, отвѣчалъ Хабаровъ; — меня самого теперь хоть убей, не знаю, съ чего начать разговоръ съ женщиной.

— Неужели? А еще вы славились даромъ слова.

— Разучился, коротко сказалъ Хабаровъ.

— Какже это такъ вдругъ разучиться? удивлялся докторъ.

— Не вдругъ, а постепенно мы разучились. Сначала хотѣли говорить только все о дѣльномъ, о нужномъ, а не то такъ молчать. Это, пожалуй, очень-бы хорошо, если-бъ было что дѣльное и нужное; но... такъ-какъ этого нѣтъ, то и хотѣли-бы потомъ поговорить о чемъ-нибудь простомъ, да ужъ разучились.

— Да, скучновато стало и въ городахъ, и въ деревняхъ. Влюбляться перестали—вотъ чудо! Кажется, ужъ чего больше — законъ природы... А теперь выходитъ какъ-будто и не законъ.

— Да, теперь это спорный вопросъ: что законъ природы и что нѣтъ.

Они замолчали, замѣтивъ, что на нихъ устремлено вниманіе молчаливыхъ собесѣдниковъ, которымъ почему-то не нравился ихъ разговоръ.

— Мудрено что-то разсуждаютъ, переговаривались нѣкоторые.

— Хотятъ показать свою начитанность.

Въ одномъ только уголкѣ стола шла мирная, непрерывная, блаженная бесѣда.

— Чѣмъ вы больше любите заниматься? спрашивалъ Коровинъ Юлію.

— Я все люблю, отвѣчала она.

— Вы читаете книжки?

— Да.

— А вы любите читать „Живописное Обзорѣніе“?

— Да, читала когда-то, отвѣчала Юлія нервнѣе; ей не нравился оборотъ, который начинала принимать ихъ бесѣда.

— Я выписываю „Живописное Обзорѣніе“. Интересно тамъ про страуса очень написано, какъ на немъ люди вмѣсто лошадей ѣздятъ. Какъ подумаешь: вотъ вѣдь птица, а можно верхомъ на ней ѣхать!

— Да, сказала Юлія.

— Еще тамъ про одно животное есть: двуутробка называется. Такъ у нея мѣшокъ есть, въ который она дѣтей своихъ кладетъ. Вы про нее читали?

— Не помню.

Юлія была въ отчаяніи. Она никогда не читала „Живописнаго Обзорѣнія“ и терпѣть не могла зоологіи.

„Да что она странно какъ-то отвѣчаетъ! подумалъ Семень Семеновичъ и подозрительно взглянулъ на нее, — конфузится, что-ли, или объясненія хочетъ?.. Да ужъ не наболталъ-ли ей кто на меня?“

Помолчавъ немного, онъ сказалъ, откашлявшись:

— А вы-бы, Юлія Абрамовна, когда съ мамашей вздумали навѣстить меня. Домикъ у меня, я вамъ скажу, какъ игрушечка; ужъ я ручаюсь, что вамъ понравится!

— Обо мнѣ не беспокойтесь, мнѣ все нравится! отвѣчала повесѣвшая Юлія.

— Да ко мнѣ хоть государыня пріѣзжай, такъ и та довольна

будеть!.. Я вѣдь вамъ про это-то и говорю! вы не думайте, что въ какую-нибудь труппу попадете!

— О, я вполне увѣрена!

— То-то вы увѣрены, да не очень! Ужь я вижу, Юлія Абрамовна, что на меня наговоры были—вы не отпирайтесь!

— Я никого не слушаю.

Въ эту минуту начали вставать изъ-за стола. Валерія такъ соскучилась, что встала не дождавшись, пока гости разберутъ фрукты.

III.

Громовъ все не ѣхалъ, хотя уже наступила темная, душная ночь. Теперь только наступилъ настоящій пиръ. Павильонъ сіялъ огнями, надъ лѣсомъ взвились ракеты и бураки, на деревьяхъ горѣли фонари; музыка гремѣла и толпа народа со всей окрестности давила и тѣснила другъ друга, чтобъ посмотрѣть на танцующихъ.

— Можетъ быть, онъ вовсе не прійдетъ, шептала Валерія Бѣляеву, танцую съ нимъ,—неужели тебѣ это не приходитъ въ голову? скажи!

Она упорно говорила ему ты, хотя эта форма рѣчи видимо смущала и стѣсняла еѳо. Но при всемъ томъ чувство польщеннаго самолюбія поднималось ему въ голову, какъ тонкій паръ; несмотря на любовь къ Анятѣ, ему пріятны были оваціи, которыми его окружала страсть Валеріи, пріятно было глядѣть на ея красоту и знать, что она ловитъ какъ милостыню каждый его взглядъ.

Въ отвѣтъ на ея слова онъ пожалъ ей руку.

— Подари мнѣ этотъ вечеръ, продолжала она, — не подходи ни къ кому, кромѣ меня... ты понимаешь, про кого я говорю?

— Если-бъ я двадцать разъ подошелъ, сказалъ Бѣляевъ, — развѣ это значило-бы что-нибудь? Какъ вы можете придавать цѣну такимъ вещамъ!

— Я и не придаю. Пойдите, пожалуй, поговорите съ нею: она влюблена въ Хабарова.

Бѣляевъ внутренно вздрогнулъ. Кадриль кончилась. Почти тотчасъ-же пары за парами понеслись въ плавномъ вальсѣ. Внѣ круга танцующихъ стояла довольно большая толпа нетанцовавшихъ, ко-

торые смотрѣли на нихъ не то съ завистью, не то съ пренебреженіемъ, и обмѣнивались критическими замѣчаніями.

— Вамъ весело? спрашивалъ одинъ.

— Удивительно! былъ ироническій отвѣтъ.

— Отчего вы не танцуете?

— Не учился; не находилъ удовольствія вывертывать ноги.

— Прежде тоже искусствомъ считалось, тогда-какъ всякій дикій отъ природы умѣетъ плясать.

Хабаровъ, стоявшій въ этой группѣ, отошелъ назадъ, за колону. Онъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски; во весь этотъ день онъ не обмѣнялся съ Анютой ни взглядомъ, ни словомъ, и пачиналъ терять голову.

Между тѣмъ Анюта такъ устала отъ танцевъ, что пробралась незамѣтно въ уголокъ между драпировками и цвѣтами и прислонилась къ колонѣ, чтобъ перевести духъ. У Хабарова захватило дыханіе: онъ не могъ равнодушно слышать шелестъ ея платья; онъ съ страстнымъ наслажденіемъ слѣдилъ за всѣми ея движеніями, прислушивался къ ея голосу. И въ то-же время все въ ней мучило и раздражало его: взглядъ, улыбка, молчаніе, и если-бъ въ эту минуту она заговорила съ нимъ, онъ не нашель-бы другихъ словъ въ отвѣтъ, кромѣ насмѣшки, злобы и оскорбленій. Но его тянуло къ ней. Онъ сдѣлалъ шагъ...

— Вамъ душно? пройдетесь по лѣсу, произнесъ чей-то тихій голосъ возлѣ Анюты, и Хабаровъ видѣлъ, какъ она съ ласковой улыбкой повернула лицо и отвѣчала что-то. Онъ остался, какъ пригвожденный къ своему мѣсту, и передъ нимъ, не замѣчая его, Анюта и Бѣляевъ медленно сошли со ступеней и углубились въ широкую алею парка, освѣщенную фонарями.

Хабаровъ смотрѣлъ на нихъ, не сводя глазъ, и сердце его билось. Онъ видѣлъ только ихъ лица и движеніе губъ, когда они проходили назадъ по алеѣ подъ фонарями; словъ, конечно, не было слышно, но въ возбужденномъ мозгу его слагались представленія, картины, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться... Если они заходили дальше въ глубь деревьевъ и формы ихъ виднѣлись неясно, ему чудилось, что ихъ руки встрѣчаются, головы наклоняются одна къ другой; даже въ ухахъ его раздавались слова, созданныя его воображеніемъ. „Все кончено, это ясно, думалъ онъ;— между ними все рѣшено... Она любитъ его... Онъ блѣденъ отъ счастья! Да

какже это такъ быстро? впрочемъ, что-же я!.. Вѣдь это давно, давно длится. Пора и кончиться чѣмъ-нибудь.“

Истерзанный этой пыткой, обезсиленный, уничтоженный, Хабаровъ сошелъ внизъ и отыскалъ себѣ темное, незамѣтное мѣсто на скамейкѣ подъ деревомъ. Тамъ онъ сжалъ голову обѣими руками и началъ мучительно думать. Ему оставалось только скорѣе уѣхать; но неужели разстаться съ Анютой безъ примиренія, въ холодныхъ, враждебныхъ отношеніяхъ? неужели не унести отъ нея ни теплаго слова, ни добраго воспоминанія? И ему припомнились ихъ безконечные разговоры, сцены у камина въ ненастные вечера, жаркіе лѣтніе дни, проведенные съ нею въ глуши зеленого лѣса, собраніе травъ на склонѣ оврага. И такъ ярка, такъ сладка была эта поздняя любовь его, что передъ нею меркли всѣ прежнія, давнишнія воспоминанія. Но все это исчезло, прошло и больше не воротится. Какъ огненнымъ кругомъ сдавило ему виски при этой мысли. Нѣтъ, нельзя, нельзя такъ! Лишь-бы только разъ еще услышать отъ нея ласковое слово, увидѣть прежнее выраженіе на ея миломъ лицѣ, прежній довѣрчивый взглядъ и улыбку, лишь-бы горячо пожать ея руку, припасть къ этимъ рукамъ и долго цѣловать ихъ на прощаніе... въ качествѣ уѣзжающаго друга или простого знакомаго, все равно! И тогда ужь пусть будетъ, что будетъ!

Хабаровъ жадно слѣдилъ за Анютой глазами. Онъ видѣлъ, какъ къ нимъ подошла Валерія, шелестя длиннымъ шлейфомъ своего платья, какъ она обводила ихъ огненнымъ, ревнивымъ взглядомъ, и, наконецъ, увела Бѣляева. Анюта осталась одна и на лицѣ ея легло облако грусти. Хотя она пересиливала себя во время разговора съ Бѣляевымъ, но его пытливые намеки, вопросы о размолвкѣ съ Хабаровымъ горько ложились ей на душу. Она готова была рассказать Бѣляеву все въ ту минуту, когда подошла Валерія.

Анюта только-что хотѣла идти опять въ залу, какъ изъ темноты ее окликнулъ чей-то голосъ. Она въ мигъ узнала его и пошла на призывъ.

— Это вы? сказала она, подходя къ Хабарову, и глаза ея блеснули въ темнотѣ.

И вотъ опять они стояли другъ возлѣ друга, подъ тѣмъ-же самымъ небомъ и тѣми-же звѣздами, которыя, бывало, глядѣли на ихъ задушевные бесѣды. Но теперь было не то. Анюта была смущена и не находила словъ для разговора.

— Зачѣмъ вы меня звали? спросила она наконецъ.

— Я васъ ищу давно... я вамъ хотѣлъ сказать...

Онъ остановился.

— Что-же?

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что... по моему замѣчанію... сегодняшній вечеръ... съ вами случилось нѣчто...

Онъ взглянулъ ей въ лицо пытливымъ взглядомъ.

— Можетъ быть, и случилось, отвѣчала она, — что-же вамъ до этого?

— Вы мнѣ не скажете? спросилъ Хабаровъ почти умоляющимъ тономъ; — прежде вы-бы мнѣ сказали...

— То было прежде, возразила она съ глубокой, затаенной горечью, — а теперъ я не понимаю, о чемъ вы спрашиваете.

— Вы очень суровы ко мнѣ, Анна Федоровна, сказалъ Хабаровъ мрачно: — ваше отчужденіе давить меня. Я скоро уѣду отсюда... неужели возможно, чтобъ мы такъ разстались? Вспомните, что я былъ вашимъ другомъ...

— Другомъ! сказала Анюта, съ трудомъ переводя дыханіе; — вамъ, кажется, ничего не стоятъ переходы отъ дружбы къ презрѣнію и отъ презрѣнія къ нѣжности... Но я не такова: я не умѣю смотрѣть такъ легко на все...

Хабаровъ поднялъ на нее глаза, полные невыразимой горечи.

— Я думалъ, что счастье дѣлаетъ людей добрѣе, сказалъ онъ наконецъ, — а васъ оно сдѣлало жесточе!

— Какое счастье? вы, должно быть, опять шутите?.. Для шутокъ вы выбрали дурное время...

Вдругъ все засуетилось кругомъ: мимо нихъ, кутаясь въ шаль, пронеслась Фелисата Петровна съ крикомъ: „Генераль, генераль пріѣхалъ!“ „Ѣдетъ, Ѣдетъ!“ слышалось со всѣхъ сторонъ; Аркадій тоже спѣшилъ протѣсниться впередъ, оглядываясь на Любу, которая съ презрительной гримасой скрылась въ толпѣ. Въ самомъ дѣлѣ, колокольчикъ такъ и заливался, приближаясь съ каждой минутой. Слышно было, что тяжелая карета скачетъ во весь опоръ. Валерія, вся блѣдная, съ какой-то нервной улыбкой, вышла на ступени павильона; гости послѣдовали за ней; прислуга, въ почтительныхъ позахъ, толпилась съ фонарями и свѣчами, музыканты держали смычки наготовѣ.

Кучеръ круто осадилъ лошадей; дверцы кареты распахнулись

прежде, чѣмъ лакей успѣлъ отворить ихъ, и — изъ нихъ, вмѣсто тяжеловѣснаго генерала, выпорхнула миниатюрная, легкая женская фигура. Это была Лизавета Петровна, одна, блѣдная, взволнованная и дрожащая.

— Гдѣ-же генераль?.. Что съ нимъ случилось?.. Гдѣ Абрамъ Николаевичъ?.. Отчего вы однѣ?.. сыпались вопросы.

— Постойте, дайте мнѣ опомниться, я вамъ все расскажу, отвѣчала она и пошла къ павильону.

Всѣ устремились за нею; только Хабаровъ остался разспросить лакея и кучера.

— Господи, какая я! говорила Лизавета Петровна, подходя къ зеркалу и проворно приглаживая волосы карманнымъ гребнемъ.

— Да живѣ-ли онъ, генераль-то, голубчикѣ-то нашъ?.. Не приключилось-ли съ нимъ чего? слезливо и яростно прокричала Фелисата Петровна.

— Не знаю, не знаю, пренебрежительно отвѣчала Лиза; — я сама была въ такой передрагѣ, что ужъ тутъ каждому до себя.

Видя любопытство своихъ слушателей, она улыбнулась и ожидалась.

— Вы знаете-ли, что я сама себя не вѣрю, что я жива! сказала она.

— Да говорите-же, что такое! Разбойники, что-ли, на васъ напали?

— Ахъ! ужасъ!.. ужасъ, котораго я до конца жизни не забуду!.. сколько убитыхъ... сколько крови!.. все мертвые тѣла, все оторванныя руки, ноги, головы!..

Она вдругъ поблѣднѣла и опустила на стулъ; въ ея глазахъ мелькнуло выраженіе ужаса, какъ-будто она все еще видѣла передъ собой ту страшную картину.

— Что такое?.. что? спрашивали испуганные гости, толпясь вокругъ нея.

— Нашъ поѣздъ столкнулся съ почтовымъ, отвѣчала Лиза; — бѣдствіе было невообразимое... Точно бойня кругомъ! вездѣ кровь и кровь!.. Хрипъ, вой, крикъ, стоны умирающихъ!

Всѣ точно окаменѣли. Валерія стояла, блѣдная какъ смерть, опираясь на спинку стула; въ умѣ ея вихремъ пронеслась мысль, на которой она не смѣла остановиться.

— Господи помилуй! закричала Фелисата Петровна истерическимъ голосомъ; — про нашего генерала-то что-же она не говорить?

— Какъ-же это случилось? приставали другіе къ Лизѣ.

— Я сама ничего не знаю. Помню только, что одинъ господинъ въ нашемъ вагонѣ высунулся въ окно и все глядѣлъ, глядѣлъ... Вдругъ онъ повернулся къ намъ съ такимъ лицомъ, что у меня кровь застыла въ жилахъ... Представьте, ни кровинки во всемъ лицѣ, глаза вытаращены и всѣ черты дергаются отъ ужаса! Хочетъ что-то сказать и не можетъ... и вдругъ прокричалъ: „Почтовый поѣздъ идетъ на насъ!“ и какъ сумасшедшій бросился къ двери... Я въ первую минуту и не поняла хорошенько, что все это значитъ, какъ вдругъ раздался кругомъ меня плачь, визгъ, вой, всѣ начали метаться по вагону, кидаться куда понало... Господи, что это такое было!.. Тутъ я поняла, что на насъ сейчасъ налетитъ поѣздъ. Это была одна секунда, но я-бы ни за какія блага въ мірѣ не согласилась пережить ее опять!.. Помню, что моя сосѣдка хваталась за меня... лицо у нея было все исковеркано... Кто рыдалъ, кто бился въ конвульсіяхъ, кто лѣзъ въ окно... Ахъ, это точно ужасный сонъ!..

— Какъ-же вы спаслись?

— Случайность! отвѣчала Лиза;— я была въ обморокъ въ минуту катастрофы; но толчокъ былъ такъ силенъ, что я все-таки его почувствовала... открыла глаза и вижу возлѣ себя женщину съ проломленнымъ черепомъ: ей врѣзался въ голову обломокъ скамейки. Тутъ мнѣ опять сдѣлалось дурно и я уже ничего не помню до тѣхъ поръ, пока увидала себя уже въ вокзалѣ на станціи. Я лежала на полу, а вокругъ меня все раненные и безчужденные.

— А генераль ѣхалъ на этомъ поѣздѣ или нѣтъ? спросилъ Хабаровъ.

— Да; но онъ сидѣлъ въ другомъ вагонѣ. Я его видѣла, когда мы выѣзжали изъ Москвы.

— Валерочка, ангель мой! закричала Фелисата Петровна, бросаясь къ дочери;— не тревожься, Богъ милостивъ! Вотъ она-же спаслась; неужели его тамъ допустить до какого-нибудь несчастья!..

Валерія отстранила мать рукой и спросила у Лизаветы Петровны измѣнившимся голосомъ:

— А послѣ несчастья вы его не видали? не освѣдомлялись о немъ?

— Я освѣдомлялась; я даже сама очень усердно искала его между спасенными и ранеными. Его не было. Я просила посмотреть еще тамъ...

Она не договорила: „между убитыми“. Валерія вздрогнула. Гости переглянулись значительно; многіе стали перешептываться.

— Вашъ лакей и кучеръ также разыскивали Абрама Николаевича, продолжала Лиза; — потомъ порѣшили ѣхать, чтобы скорѣе дать вамъ знать обо всемъ. Я просила ихъ довести меня. Не помню, какъ и доѣхала!

— Вы не ушиблись? спросилъ Бѣляевъ.

— У меня ничего не повреждено, но я точно вся изломанная; мнѣ больно пошевелить рукой, ногой... въ ухахъ звонъ, голова кружится!

— Вамъ надо лечь и успокоиться, сказали онъ.

Между тѣмъ Валерія распорядилась съ лихорадочной энергіей, чтобы немедленно телеграфировать на станцію. Она отозвала Хабарова въ сторону и съ жаромъ разговаривала съ нимъ. Взглядъ ея нѣсколько разъ встрѣчался съ взглядомъ Бѣляева, и онъ каждый разъ блѣднѣлъ и отводилъ глаза. Возможность смерти Громова поражала его ужасомъ: ему никогда не приходило въ голову, что Валерія можетъ сдѣлаться свободной — и тогда ему не уйти отъ нея...

Скоро она подозвала его и сообщила, что намѣрена сдѣлать. Кромѣ телеграммы, надо было послать какого-нибудь толковаго человѣка на мѣсто происшествія, чтобы узнать все подробности. Бѣляевъ тотчасъ предложилъ себя: онъ самъ желалъ скорѣе узнать развязку всего этого, и притомъ ему хотѣлось избѣжать разговоръ съ Валеріей прежде, чѣмъ будетъ извѣстно то или другое. Если Громовъ живъ — эти разговоры бесполезны; если онъ умеръ — Бѣляеву надо было собраться съ мыслями и обдумать свои поступки.

Итакъ, было рѣшено, что на разсвѣтъ Бѣляевъ отправится на громовскихъ лошадяхъ на станцію. Сама Валерія, наскоро простив-

шись съ гостями, собралась немедленно ѣхать домой вмѣстѣ съ Хабаровымъ, чтобы тотчасъ послать телеграмму.

Она давно уже сидѣла въ коляскѣ и съ нетерпѣніемъ звала Хабарова, который почему-то замѣшкался... Ища свою шляпу, онъ нечаянно набрелъ на Бѣльева и Анюту, которые о чемъ-то разговаривали.

„На разсвѣтѣ, часа въ четыре... поговорить... ждите... непременно...“ донеслись до него отрывками слова Бѣльева. Онъ, какъ обожженный, кинулся прочь отъ нихъ. Какъ онъ ни былъ увѣренъ въ тайныхъ сношеніяхъ Анюты съ Бѣлевымъ, каждое новое доказательство было для него всегда новымъ, потрясающимъ ударомъ. Онъ разсѣянно отвѣчалъ Валеріи на ея замѣчанія; въ умѣ у него вертѣлась одна мысль: „свиданіе на разсвѣтѣ... она будетъ провожать его!“

Хабаровъ ошибался. Дѣло шло вовсе не о свиданіи.

Бѣлеву, все болѣе и болѣе встревоженный и испуганный перспективой, предстоявшей ему въ случаѣ вдовства Валеріи, рѣшился оградить себя какимъ-нибудь оплотомъ, который-бы могъ дать ему нравственную поддержку противъ отчаянія и упрековъ Валеріи. Онъ хотѣлъ объясниться съ Анютой, откровенно разсказать ей исторію своей женитьбы, открыть свою душу... свою любовь, и просить ея сочувствія. Кто знаетъ! Можетъ, и она не совсѣмъ равнодушна къ нему... Съ этою цѣлью онъ пошелъ искать Анюту, но объясненіе такого рода оказалось совершенно невозможнымъ посреди всеобщей суеты, въ минуту разбѣзда, когда и ему самому надо было спѣшить приготовляться ѣхать. Онъ только успѣлъ сказать Анютѣ, что ему нужно передать ей нѣчто важное, что онъ проситъ ее подождать его возвращенія и удѣлить ему минуту разговора. Вотъ эти-то слова, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о времени его отбѣзда, такъ глубоко уязвили душу Хабарова...

Всѣ разсѣзались, толкуя о происшедшемъ, составляя разныя предположенія и догадки. Юлія плакала навзрыдъ; дамы утѣшали ее и тихонько смѣялись надъ Фелисатой Петровной, которая, въ истерикѣ, осыпала генерала нѣжнѣйшими названіями и похвалами.

— Конецъ пикника, по-моему, лучше начала, говорилъ одинъ господинъ, надѣвая пальто:—по крайней мѣрѣ событіе!

— Ну, ужъ событіе, зѣвая отвѣчалъ другой:—рѣдкость какая смерть! всѣ тамъ будемъ.

— Однако, дождь идетъ. Это скверно! вотъ это событіе по-важнѣе. Возьмите меня въ вашъ тарантасъ.

— Мнѣ, батюшка, самому тѣсно.

Между тѣмъ Лизавета Петровна въ безпокойствѣ отыскивала себѣ компаньоновъ, чтобы довезти ее, но всѣ слѣшили мимо.

— Анна Федоровна, поймала она за рукавъ Анюту, — возьмите меня!

— Садитесь, мы поѣдемъ на громовскихъ лошадяхъ; тутъ много ихъ экипажей.

— Любовь Федоровна, приставайтъ Аркадій къ своей невѣстѣ, — за что вы сердитесь?

— Оставьте меня! вы нынче вели себя такъ пошло, такъ нелѣпо, что отравили для меня весь вечеръ!

— Чѣмъ это я для васъ его отравилъ?..

— Что это за разговоры, что не надо хвалить женщину, не надо восхищаться!.. Что-же каждый обо мнѣ подумаетъ, что я выхожу за такого, который не видитъ во мнѣ ничего хорошаго? Изъ-за васъ я и на невѣсту совсѣмъ была непохожа.

Послѣднія слова замерли во мракѣ ночи и въ топотѣ лошадей. Затѣмъ погасли огни въ павильонѣ, снялись фонарики съ деревьевъ, и на мѣстѣ, гдѣ за минуту двигалась и кричала толпа людей, воцарились мракъ и безмолвіе.

Долго еще не ложились въ домѣ Громовыхъ. Приказанія смѣнялись приказаніями; прислуга бѣгала, какъ угорѣлая; верховой поскакалъ въ городъ съ телеграммой. Валерія отъ волненія не могла ни лежать, ни сидѣть; она только ходила, ходила безъ устали по комнатамъ, и пила холодную воду.

Мать, въ ночномъ костюмѣ, осторожно вошла къ ней.

— Завѣщанія онъ не сдѣлалъ, ты не знаешь? прошептала она.

— Не знаю.

— То-то и бѣда! Теперь ты ужъ будь умнѣе: если только Богъ намъ приведетъ его увидать живого, первымъ дѣломъ надо это обдѣлать, чтобы онъ все тебѣ отказалъ.

— Обдѣлывайте какъ знаете; оставьте меня въ покоѣ, — я не нуждаюсь въ его деньгахъ!

— О, охъ, охъ, охъ! произнесла съ глубокимъ негодованіемъ и грустью Озерова, ретируясь за дверь.

Хабаровъ пришелъ къ себѣ въ комнату почти на разсвѣтѣ. Онъ

жилъ одинъ въ большомъ павильонѣ посреди сада. При видѣ красной полоски зари на востокѣ первая мысль его была о томъ, что теперь Бѣляевъ, можетъ быть, отправляется на свиданіе. Но гдѣ оно назначено? вѣроятно, въ саду или въ домѣ Аленинныхъ. Хабаровъ не могъ спать; онъ сѣлъ у окна и положилъ голову на руки.

Вдругъ раздался колокольчикъ, замолкъ на минуту и зазвенѣлъ опять, удаляясь по большой дорогѣ. „Это Бѣляевъ уѣхалъ или, можетъ быть, это лошади поѣхали за нимъ въ Ключи“, подумалъ Хабаровъ, вставая. Онъ надѣлъ шляпу и вышелъ вонъ.

На дворѣ бушевала сухая гроза; вѣтеръ съ грохотомъ ломалъ и гнулъ деревья; съ трескомъ падали вокругъ нихъ сухія вѣтки и ураганъ мчался дальше. Не обращая на это вниманія, Хабаровъ отворилъ калитку и вышелъ въ поле, гдѣ вилась большая дорога, та самая, по которой поѣхалъ Бѣляевъ. Въ умѣ его опять шевельнулась мысль о свиданіи, и при этомъ острая, мучительная боль защемила его сердце... Отъ его жизни какъ будто отрывалось, уходило что-то безконечно-близкое и необходимое ему... онъ чувствовалъ, что страсть съ новою силою охватываетъ его... Ему чудились тихіе голоса, прощальныя ласки, нѣжный шопотъ любви... Пламенные картины съ такой ясностью рисовались въ его воображеніи, что онъ почти готовъ былъ оттолкнуть ихъ рукою, до того онѣ были живы, ярки, осязаемы!

Онъ дошелъ до кустовъ, окаймлявшихъ дорогу, и вдругъ вниманіе его было привлечено чѣмъ-то бѣлымъ, лежащимъ на землѣ. Онъ почувствовалъ, что сердце его забилось сильнѣе; подошелъ ближе—и сталъ, какъ вкопанный. У самыхъ его ногъ ничкомъ въ травѣ лежала женщина безъ всякихъ признаковъ жизни. Вѣтеръ бѣшено рвалъ широкіе, бѣлые рукава ея платья, открывая по временамъ безсильно вытянутыя, нѣжныя руки. Хабаровъ вздрогнулъ: внезапная мысль мелькнула въ его умѣ; онъ порывисто наклонился, охватилъ руками безжизненную, гибкую фигуру и приподнял ея лицо. Это была Аня.

IV.

Теперь возвратимся за нѣсколько часовъ назадъ, къ той минутѣ, когда Лизавета Петровна, въ обществѣ Аняты и Любы, поѣхала съ пикника домой въ экипажѣ Громовыхъ.

Всю дорогу она говорила о томъ, что ужасно боится теперь оставаться одна во флигелѣ, который она занимала у Громовыхъ. Она умоляла обѣихъ сестеръ остаться ночевать съ нею, увѣряя, что на нее напалъ какой-то непонятный страхъ; въ самомъ дѣлѣ, глаза ея были расширены и нервная дрожь пробѣгала по тѣлу. Анюта первая дала свое согласіе; ей интересно было разспросить еще о подробностяхъ катастрофы, да и жаль было покинуть въ одиночествѣ Лизу. Люба молча и пассивно слѣдовала за сестрою.

Флигель, соединявшійся галереей съ домою Громовыхъ, состоялъ изъ трехъ комнатъ и былъ совершенно пустъ, такъ-какъ Лизавету Петровну въ этотъ день не ожидали.

— Вотъ вамъ два дивана, сказала Лиза; — подушками я съ вами подѣлюсь, а покрыться вы можете большими платками.

Анюта и Люба занялись приготовленіемъ себѣ постелей, а Лизавета Петровна ушла за перегородку, гдѣ она обыкновенно спала.

Люба, все молча, сбросила съ себя платье, сорвала цвѣты съ головы и сѣла въ кресло, очевидно не въ духѣ.

— Что съ тобой? спросила Анюта.

— Очень пріятно спать тутъ, безъ одѣяла, проговорила она, и прибавила: — А ты совсѣмъ погубила мое розовое платье. Посмотри, какой грязный подолъ волочится за тобою.

Анюта пожала плечами. Мысли ея были такъ далеко отъ всего этого; мучительная тоска сжимала ей сердце. Она жалѣла, что такъ сурово оттолкнула отъ себя Хабарова, когда онъ обратился къ ней съ словами примиренія. Воспоминаніе объ этомъ не давало ей покоя; въ ней поднималось страстное, тоскливое желаніе вернуть его и встрѣтить ласковыми словами. „И неужели онъ ѣдетъ?.. и неужели это было наше послѣднее свиданіе?..“ Она стиснула лобъ похолодѣвшими руками.

— Вы еще не легли? спросила у нея Лизавета Петровна изъ-за перегородки.

— Нѣтъ еще.

Анюта открыла окно и высунулась изъ него всею грудью.

— Какая душная ночь, сказала она: — будетъ гроза... я уже чувствую ея приближеніе.

— Ахъ, я не могу спать, тревожно проговорила Лиза, ворочаясь на постели; — нѣтъ-ли у васъ морфію?..

— Ты долго будешь жечь свѣчу? обратилась къ Анютѣ Люба, приподнявъ голову изъ-за кресель, которыми она загородилась.

— А что?

— Я не могу спать при огнѣ, ты знаешь.

Анюта погасила свѣчу и легла. Все стало тихо.

— Анна Федоровна! послышался черезъ полчаса или болѣе голосъ Лизаветы Петровны.

— Что вамъ? отвѣчала та въ просонкахъ.

— У васъ есть съ собой деньги?

— Какія деньги?

— Такъ вообще я спрашиваю. Мало-ли что можетъ случиться.

Анюта не успѣла еще подумать, о чемъ-бы это говорила Лиза, какъ дремота охватила ее.

Ей привидѣлся страшный сонъ.

Ей снилось, что она идетъ по дикой, обнаженной пустынѣ; кругомъ палящій зной; лучи солнца ослѣпительно отражаются на желтомъ сыпучемъ пескѣ и нестерпимо рѣжутъ ей глаза. Анютѣ думается, что она уже когда-то была въ этомъ мѣстѣ и что тутъ что-то случилось; но что именно—не можетъ припомнить. Съ мучительнымъ усиліемъ напрягаетъ она свою волю—напрасно: воспоминаніе ускользаетъ отъ нея, какъ загадка! Ей страшно хочется пить; но вблизи нѣтъ ни ручья, ни рѣчки, ни озера. Она оглянулась кругомъ—и ужасъ охватилъ ее: кругомъ, на-сколько хваталъ глазъ, лежала одна бѣлая, необозримая пустыня; кое-гдѣ мелькали высохшіе и уже побѣлѣвшіе скелеты разныхъ животныхъ. „Я совсѣмъ, совсѣмъ заблудилась, думаетъ она съ трепетомъ: — теперь мнѣ ужъ не вернуться домой, я здѣсь умру и кости мои побѣлѣютъ, какъ эти!“ И вдругъ ей почудилось, что близко, почти подъ ея ногами, послышался звукъ—какъ-будто человѣческой голось. Она стала прислушиваться: странные звуки все продолжались. Тогда она схватила въ руки огромный лошадиный черепъ и, подавляя отвращеніе, начала послѣшно разрывать имъ песокъ. Вдругъ почва подалась подъ ея ногами, глыбы песку рухнули внизъ и образовался глубокой провалъ. Въ этомъ провалѣ неожиданно открылся глазамъ Анюты цѣлый цвѣтушій оазисъ. Справа и слѣва разстилались роскошныя долины съ высокими деревьями и ярко пестрѣвшими цвѣтами. Зеленъ и свѣжесть потянули на нее слизу, и она радостно купала въ ихъ влажныхъ ароматахъ свое горящее

лицо. Въ самой серединѣ оазиса, подъ развѣсистой тѣнью какихъ-то незнакомыхъ ей деревьевъ, виднѣлся зіяющій колодезь и изъ глубины его, казалось, вылетали слышанные ею странные звуки. Сама не зная какъ, Анята очутилась внизу, въ долину, возлѣ самага колодца. Сердце ея стучало и замирало, точно ее ждала тамъ разгадка. Она заглянула въ глубину—и отшатнулась вся блѣдная и холодная, съ дыбомъ поднявшимися волосами. Въ темной глубинѣ колодца, хватаясь и цѣпляясь безпомощными ручонками за стѣны, бился ребенокъ... На поверхность воды безпрестанно выплывала его головка съ мокрыми, прилипшими волосами и широко раскрытыми, испуганными глазками. Анята въ мигъ узнала ребенка: это былъ тотъ самый, котораго она бинула въ оврагъ. То-же жалкое, безпомощное выраженіе лица, та-же нѣмая, скорбная жалоба во всѣхъ чертахъ; но теперь глаза его были открыты и смотрѣли на нее вопросительно и съ укоромъ. Какой-то неясный лепетъ, не то жалоба, не то мольба—долетали до нея изъ полуоткрытыхъ, маленькихъ губокъ. Она вся задрожала и невыразимо мучительное и сладкое чувство охватило ее съ головы до ногъ. „Милый ты мой, милый, говорила она, задыхаясь,—ты не умерь, ты живь еще! Дай я спасу тебя!“ И торопливо она сломила съ дерева длинную вѣтку, опустила ее въ колодезь и начала манить ребенка, чтобъ онъ за нее ухватился; малютка уцѣпился за вѣтку и Анята, едва дыша, осторожно стала тянуть его вверхъ. Вотъ ужъ онъ близко, вотъ она слышитъ возлѣ себя его дыханіе, радость душить ее... Но вдругъ ребенокъ оставляетъ вѣтку, радостно протягиваетъ къ ней руки—и стремглавъ летитъ внизъ. У Аняты въ глазахъ помутилось; она снова опускаетъ вѣтку, снова вытягиваетъ ребенка — и опять съ жалобнымъ крикомъ онъ падаетъ внизъ. Анята изнемогаетъ, крупныя капли пота текутъ по лицу ея... Вдругъ ей приходитъ новая мысль: она поспѣшно набираетъ букетъ самыхъ красивыхъ, яркихъ цвѣтовъ, распускаетъ свою длинную косу, привязываетъ къ ней букетъ и перекидываетъ ее въ колодезь, улыбаясь малюткѣ и стараясь привлечь его вниманіе на цвѣты... Тихо тянетъ она ребенка вверхъ, и вотъ съ дѣтскимъ, серебристымъ смѣхомъ хватается онъ за шелковистую косу. Но что это?... Это ужъ больше не слабенькая, нѣжная ручка ребенка... это большая, сильная, бѣлая рука съ крѣпкими пальцами, съ длинными ногтями. Она вцѣпилась въ ея косу, держать, тянетъ ее къ себѣ... У Аня-

ты захватило дыханіе, мурашки пробѣжали за спиною... Она отчаянно рвется, но рука не выпускаетъ, и вмѣсто личика ребенка передъ ней, словно крутясь, ныряя и прыгая, все облитое пѣной, бѣснуется лицо... Чье лицо? она не знала; но оно было ужасно... на немъ выражались и злоба, и мщеніе, и торжество. „Защити, спаси!“ вскрикиваетъ Аня, но ее тянуть внизъ; на минуту передъ ней, словно въ зеркалѣ, отразился на днѣ колодца опрокинутый небесный сводъ съ тихо бѣгущими по немъ облаками и— все исчезло въ трескъ, шумъ и грохотъ. Она проснулась, вся дрожа, облитая холоднымъ потомъ; но и на яву ей продолжалъ слышаться въ комнатѣ шумъ.

— Вы не спите? раздался голосъ въ ногахъ ея постели.

— Кто это? съ испугомъ вскричала Аня, вглядываясь въ темноту.— Ахъ, это вы, Лизавета Петровна, прибавила она, успокоиваясь,—а я думала, что это кто-нибудь чужой... Но отчего вы здѣсь?.. Что случилось?.. Не больны-ли вы?..

Отвѣта не было, только Аня почувствовала, что кто-то наклонился надъ ней и горячее, прерывистое дыханіе обдало точно пламенемъ ея лобъ и щеки.

— Господи, что это такое? Кто это?.. вскричала Аня, и въ испугъ не понимая, что происходитъ вокругъ нея, приподнялась на постели и изо всей силы рванула темную, плотную занавѣску, закрывавшую окно. Занавѣска оторвалась и со всѣми своими украшениями тяжело рухнула на полъ. Первые слабые лучи разсвѣта влились въ комнату и освѣтили изумительную картину: стулья, столы, ящики были опрокинуты и вытащены на середину, на нихъ валялись одѣяла, одежда, картонки, коробки. Лизавета Петровна стояла у самаго изголовья Ани и бессознательно водила пальцами по ея одѣялу. Стоило только взглянуть ей въ лицо, въ ея воспаленно-сверкавшіе глаза и на яркій румянецъ щекъ, чтобъ безошибочно заключить, что она въ горячкѣ, въ полномъ бреду и безпамятствѣ.

Аня обомлѣла; она была до того не приготовлена къ этой неожиданной сценѣ, что въ первую минуту совсѣмъ растерялась. Что дѣлать?.. Къ кому обратиться?.. Кого позвать на помощь?.. мелькнуло у нея въ умѣ. Она быстро вскочила съ постели, накинула на себя блузу и обратилась къ Любѣ, которая, съжившись и дрожа отъ страха, смотрѣла испуганными глазами на все происходившее.

— Я давно ужъ не сплю... заговорила она тихо; — она все

время переносила и кидала все на полъ... я боялась тебя разбудить.

Лизавета Петровна съ какимъ-то страннымъ, таинственнымъ видомъ ходила по комнатъ и что-то бормотала.

Анюта не могла слышать словъ, но неудержимый трепеть ужаса пробѣгалъ по всѣмъ ея членамъ, когда до нея долетали неясные, странные звуки, въ которыхъ слышался и смѣхъ, и плачь, и гнѣвъ, и угрозы. Лицо больной постоянно мѣнялось: оно то горѣло какъ въ огнѣ, то покрывалось смертной блѣдностью; она то забивалась въ уголь и жалась къ стѣнѣ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, то какъ дикій звѣрь бѣгала по комнатѣ, хватая и разбивая все объ полъ.

Анюта тщетно пыталась подойти и успокоить ее: она сама была слишкомъ взволнована и испугана, колѣни ея дрожали и подгибались, въ глазахъ стоялъ туманъ.

— Люба, проговорила она чуть слышно, замирающимъ голосомъ, — не уходи отсюда... не оставляй меня одну съ ней!

— Чу! говорила между тѣмъ больная, безсознательно прижавшись пылающей щекой къ щекѣ Анюты: — чу! слышишь! звонокъ!.. Бѣгутъ! зовутъ! ищутъ меня!

Она выпрямилась, будто прислушиваясь; въ широко раскрытыхъ глазахъ ея мелькнулъ огонь безумія.

Она дико вскрикнула, схватила столъ, опрокинула его на полъ и бросилась впередъ.

Анюта хотѣла пробѣжать мимо нея къ двери, но больная перехватила ее на дорогѣ, схватила въ охапку и съ невѣроятною силою потащила за ширмы.

— Люба! сюда! ко мнѣ! помоги! помоги! кричала Анюта, вырываясь.

Но Люба, скорчившись отъ страха, стремительно вскочила съ постели и, прячась за кресло, чтобъ Лизавета Петровна не увидала ее, поспѣшно накидывала на себя платье, платокъ и натягивала ботинки. Въ ту минуту, какъ раздался крикъ Анюты, она, не помня себя отъ страха, вылетѣла на босую ногу изъ флигеля, крѣпко хлопнувъ за собою сѣнную дверь.

Анюта осталась одна съ Лизаветой Петровной; ужасъ сковалъ ея члены, она чувствовала себя вполне въ ея власти. Она не трогалась съ мѣста и не шевелилась, только не спускала съ лица боль-

ной большихъ, неподвижныхъ глазъ, какъ-будто хотѣла заморозить ее своимъ взглядомъ. Руки Лизаветы Петровны медленно распались сами собою, она остановилась неподвижно и глядѣла впередъ, не моргая. Галлюцинаціи и бредъ все болѣе и болѣе охватывали ее. Безсвязныя слова срывались съ ея губъ, она вся дрожала въ какомъ-то страстномъ напряженіи. Вдругъ она подошла къ дивану, за который-было скрылась Аня, и какъ перо выдвинула его на средину. Обѣ женщины очутились лицомъ къ лицу и съ минуту глядѣли пристально другъ другу въ глаза.

— Ты боишься? раздался возгласъ Анюты зловѣщій шопотъ, и ей показалось, будто въ воспаленномъ взглядѣ больной мелькнула молнія торжества.

Аня попятилась, озираясь кругомъ, будто ища защиты. Мысли ея мѣшались, зубы стучали. Наконецъ, немощнымъ усиленіемъ воли ей удалось овладѣть собою и выраженіе рѣшимости появилось на ея лицѣ. Не переставая слѣдить за Лизаветой Петровной, она подошла къ окну и тихо сняла задвижку, потомъ повернулась назадъ и безъ малѣйшаго колебанія отбросила отъ себя больную, лицомъ въ подушки. Пользуясь минутой свободы, она распахнула окно, выпрыгнула изъ него, упала на землю, вскочила и бросилась бѣжать куда попало.

Окно флигеля выходило въ поле, на большую дорогу. Аня безсознательно бѣжала впередъ до тѣхъ поръ, пока вѣтки не стали хлестать ее по лицу... Тутъ сердце ея замерло: ей показалось, что за ней кто-то гонится... кто-то хватается ее за лицо и за шею. Ужасъ оледенилъ ее, дыханіе пресѣлось и она безъ чувствъ упала у самой дороги. Здѣсь-то нашелъ ее Хабаровъ.

V.

Аня была въ такомъ глубокомъ обморокѣ, что не очнулась и тогда, когда Хабаровъ, взявъ ее на руки, понесъ къ себѣ въ павильонъ. Тамъ онъ нѣжно и бережно положилъ ее на диванъ, обрुживъ подушками; но всѣ усилія привести ее въ чувство остались тщетны; она не шевелилась. Съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ онъ выпустилъ, наконецъ, ея холодную руку, безжизненно лежавшую въ его рукахъ.

„Ее убили его прощальныя ласки! подумалъ онъ съ ревнивой горечью, и, отвернувшись отъ Анюты, опустился въ кресло и закрылъ лицо руками. Онъ чувствовалъ себя во власти злого недуга, который потрясалъ и ломалъ все его существо. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ такъ, въ борьбѣ съ самимъ собою; вдругъ ему слышался вздохъ. Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Анюта приподнялась на подушкахъ и вопросительно осматривалась кругомъ. Когда ея взглядъ упалъ на Хабарова, глаза ея вдругъ приняли особенное выраженіе и по блѣдному лицу разлились розовыя тѣни. Она сдѣлалась хороша, какъ никогда прежде не видать ее Хабарова; волненіе и ужасъ проведенной ночи набросили печать поэзіи на ея черты, темныя круги подъ глазами увеличивали ихъ блескъ, а длинныя рѣсницы какъ-будто еще дрожали подъ вліяніемъ страшнаго воспоминанія.

— Какъ я могла очутиться здѣсь... съ вами? тихо заговорила Анюта, откидывая волосы отъ лица.

Хабаровъ молчалъ и глядѣлъ на нее какимъ-то страннымъ взглядомъ, какъ-будто хотѣлъ прочесть на ея лицѣ всѣ тайны любви, которая повергла ее въ такое состояніе. Вся кровь его отхлынула къ сердцу, когда онъ, наконецъ, заговорилъ:

— Можетъ быть, вамъ неприятно мое присутствіе; но я не уйду отсюда прежде, чѣмъ вы не выслушаете того, что я имѣю сказать вамъ.

Противъ воли, въ звукѣ его голоса слышались рѣзкость и горечь; и губы его крѣпко сжались, какъ-будто боясь проронить какіе-нибудь безумныя упреки. Сердце Анюты томительно сжалось.

— Что еще? проговорила она слабымъ голосомъ и содрогаясь всѣмъ тѣломъ;—чего вамъ отъ меня нужно?..

— Мнѣ нужно, сказалъ Хабаровъ съ силой, — чтобы вы избавили меня отъ этой пытки... Я не въ силахъ долше переносить ее!...

Голосъ его оборвался и съ минуту онъ, казалось, не могъ говорить. Потомъ онъ придвинулся къ ней ближе и глаза его заблистали мрачнымъ огнемъ рѣшимости. Онъ началъ отчетливо и ясно:

— Я въ васъ влюбленъ. Я полюбилъ васъ почти съ первыхъ дней знакомства. Это былъ угаръ, страсть, очарованіе—называйте какъ хотите... что-то полное, безграничное, живое, какъ жизнь, чего, я увѣренъ, не испытаю болѣе никогда...

Голосъ его вдругъ зазвучалъ мягкими, нѣжными нотами.

— Что это было? продолжалъ онъ тихо, какъ-бы говоря самъ съ собою:—ко мнѣ вернулась вся моя юность, со всей полнотою ощущеній, съ сладкимъ замираніемъ сердца, съ тревожнымъ ожиданіемъ счастья... Я жилъ точно въ какомъ-то сіяющемъ праздникѣ, я сознавалъ въ своей любви столько могущества, что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ она осталась безъ отвѣта... Я *хотѣлъ* всеѣмъ существомъ моимъ вызвать въ васъ отвѣтную страсть, а когда я чего хочу, то хочу крѣпко... Буду откровененъ до конца. Я рѣшилъ заранѣе въ умѣ, что будетъ такъ, какъ я хочу, и безъ оглядки, очертя голову, бросился въ этотъ омутъ...

Хабаровъ замолчалъ; что-то невыразимо горькое разлилось по его лицу. Онъ продолжалъ медленно, какъ будто ему трудно было выговаривать эти слова:

— Случай открылъ мнѣ, что вы знали Бѣльева прежде, что онъ былъ отцомъ вашего ребенка, того самаго, который...

Онъ не докончилъ и махнулъ рукою.

— Почему вы скрыли это отъ меня—я не знаю, продолжалъ Хабаровъ;—я сталъ слѣдить за вами; ваша интимность не могла укрыться отъ меня... я понялъ, что вы его любите, что ваши отношенія никогда не прекращались... и... мнѣ оставалось только созерцать *ваше блаженство*...

Онъ стиснулъ пальцы такъ, что они хрустнули.

— Подкапываться подъ ваше счастье и любовь я не хотѣлъ. Я думалъ пересилить себя и остаться вашимъ другомъ... но *это* не унималось во мнѣ, и теперь мнѣ нѣтъ другого выхода, другого спасенія, кромѣ одного...

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ, весь блѣдный, съ дрожащими губами, заговорилъ:

— Вырвите разомъ эту любовь изъ моего сердца, дайте мнѣ осязать дѣйствительность... я хочу слышать отъ васъ самихъ подробности вашей любви къ нему, хочу, чтобъ вы обрушили на мою голову все, что есть самаго горькаго для влюбленнаго человѣка, хочу, чтобъ вы раздавили и затоптали въ ногахъ мою шальную, неугомонную страсть... хочу слышать отъ васъ, *какъ* вы его любите и *какъ* онъ васъ любитъ! Не нужно мнѣ ни пощады, ни состраданія—бейте, бейте меня!.. Я знаю все. Знаю, что вы ходили къ нему на свиданіе... Рассказывайте-же, говорите!

Онъ задыхался отъ страсти; въ голосъ его звучали потрясающія ноты, которыя насквозь проникали душу Анюты.

Неожиданность застала ее врасплохъ. Не въ силахъ вымолвить слова, она сидѣла неподвижно. Она была такъ ошеломлена этимъ безумнымъ признаніемъ, такъ не приготовлена къ подобной развязкѣ, что сердце ея забилося съ невѣроятной быстротой и сознание на минуту покинуло ее. Но это продолжалось только мгновеніе. Она вскочила съ удвоенною энергіею, съ глазами, блестящими какъ звѣзды.

— Никогда, никогда я не любила Бѣляева, вскричала она голосомъ, звучащимъ какъ струна;—никогда я не ходила къ нему на свиданіе, никогда не была матерью... Слышите-ли, никогда! Это былъ чужой ребенокъ, чужой... Я васъ обманула тогда!

Во всемъ существѣ Анюты, несмотря на тревогу и волненіе, слышалось вѣяніе счастья... Глаза ея горѣли увѣреннымъ, лучезарнымъ блескомъ, грудь дышала легко и свободно.

При первыхъ звукахъ ея голоса Хабаровъ остановился какъ вкопанный, словно молнія ударила ему въ лицо. Полъ заходилъ подъ его ногами; всѣ предметы двоились и плавали въ его глазахъ... Его точно затоплялъ океанъ новыхъ надеждъ, новаго счастья, новой будущности...

Онъ бросился впередъ и, не сознавая, что дѣлаетъ, обвилъ Анюту жаркими объятіями.

— Повтори... повтори еще разъ, что ты его не любишь!.. скажи, что ты моя... нераздѣльно моя!

— Я всегда была твоя... только ты не зналъ этого! отвѣчалъ ему голосъ, почти неузнаваемый отъ избытка блаженства.

Въ отдаленной части громовскаго дома, гдѣ помѣщалась прислуга, а именно въ комнатѣ главной горничной Валеріи кипѣла дѣятельность. Лакеи и служанки входили и выходили безпрестанно, и всѣ почему-то говорили шопотомъ. Агафья Ивановна, — такъ звали главную горничную, — сидѣла передъ большимъ столомъ, заваленнымъ кусками черныхъ матерій, и задумчиво разсматривала ихъ, собирая въ складки и отдавая отъ себя рукой, чтобъ лучше видѣть эффектъ. Послышался шумъ.

— Портниху привезли, возвѣстить слуга, высовывая голову въ дверь.

— Привезли? такъ зови сюда, сказала Агафья, вставая.—А! Прасковья Семеновна, милости просимъ, мы васъ заждались!..

Швея, молодая, высокая женщина съ рѣшительными манерами, вошла, снимая круглую черную шляпу и сбрасывая съ ногъ ка-лоши.

— Что я вамъ такъ понадобилась? заговорила она съ усмѣш-кой:—вашъ Степанъ чуть не въ охапку меня схватилъ, чтобъ везти сюда, но я ему говорю: нѣтъ, любезный, пусть подождутъ; когда все кончу, тогда поѣду!

— Да развѣ вы не слыхали, какое у насъ несчастье? спросила Агафья.

— Слышала. Вашего генерала, говорятъ, рельсами раздавило. Такъ что-жь: меньше лишнихъ людей на свѣтѣ.

— Ахъ, Прасковья Семеновна, какъ это у васъ языкъ пово-рачивается, съ ужасомъ прервала Агафья:—мы всѣ точно шальные ходимъ, другой день не можемъ опомниться какъ эту телеграмму оттуда получили!

— Ну что-же, такъ его мертваго и подняли? спросила Пра-сковья Семеновна, развертывая матеріи рукой знатока и вынимая изъ кармана выкройку.

— Дохнуть не успѣлъ, шепнула Агафья:—грудь раздробило и голову. Такъ безъ причастья и скончался! И сумку его съ бума-гами тутъ-же возлѣ него подняли!

Тутъ курносая Дуняша, горничная Юліи, не вытерпѣла, чтобъ не вмѣшаться въ разговоръ, и заговорила, спѣша и захлебываясь:

— А вотъ мнѣ барышня говорила, что барыня еще къ доктору письмо писали, чтобъ онъ тѣло самъ привезъ и гробъ-бы сте-клянный заказалъ...

— Ну, вы съ вашей барышней все только перевираете, стро-го замѣтила Агафья;—чего не понимаешь, о томъ и не толкуй.

— Про какого это доктора? спросила швея.

— Это здѣшній ключевскій докторъ, Павелъ Ильичъ, съ важ-нымъ видомъ отвѣчала Агафья;—его нашъ генералъ всегда мило-ство принималъ и во всемъ, можно сказать, ему довѣрялся. Ну; барыня его и послала, по усердію его, чтобъ онъ все разузналъ на мѣстѣ.

Она вздохнула и покачала головой.

— Да! усмѣхнулась швея, подмигивая, — кого-же и послать, какъ не его... Вотъ, я думаю, съ какой охотой — самъ вызвался. Однако, что-же это я такъ сижу... Надо пойти къ Валеріи Павловнѣ — во-первыхъ, поздравить со вдовствомъ, а во-вторыхъ, спросить, какимъ фасономъ шить ей траурное платье...

Но лишь только она поднялась съ мѣста, какъ вбѣжала Юлія и кинулась къ ней.

— Душечка Прасковья Семеновна, вы прежде всего мнѣ шейте платье! Мнѣ ужъ стыдно людямъ показаться: третій день какъ отецъ умеръ, а у меня траурнаго платья нѣтъ. Черное шелковое мое, вы знаете, на немъ вѣдь отдѣлка цвѣтная, нельзя-же ее спороть. А вы мнѣ вотъ суконное шейте, со шлейфомъ и съ панье, и съ креповой отдѣлкой...

— Хорошо, хорошо, отвѣчала швея, — погодите, вотъ я схожу къ Валеріи Павловнѣ, а потомъ ужъ и съ вами займусь.

— Какъ-же вы меня съ ней равняете? вскричала Юлія, покраснѣвъ отъ гнѣва; — смѣшно, право: у меня отецъ-то вѣдь одинъ — въ другой разъ ужъ онъ умирать не станетъ! А у нея мужей-то, можетъ, много будетъ...

— Не горюйте, къ похоронамъ все будетъ готово. Когда у васъ похороны?

— Да ужъ вотъ какъ привезутъ тѣло: прежде вѣдь нельзя. Вчера съ вечера послали лошадей три тройки туда на станцію; завтра должны его привезти. Мундиръ туда ему послали новый, всѣ ордена, — кажется, цѣлыхъ восемь орденовъ, — все бѣлье чистое! Такъ вы сами посудите: когда ужъ покойникъ — и тотъ въ полномъ парадѣ будетъ, а я — дочь, и у меня траурнаго платья нѣтъ!

— Будетъ, все будетъ, размѣялась швея; — вы меня пропустите-же, Юлія Абрамовна, пожалуйста!

— Ахъ, вы къ мамашѣ теперь не ходите... Что это я, правда!.. какая она мнѣ теперь мамаша — просто Валерія. Ну, такъ вы къ ней лучше не ходите. Они теперь тамъ съ Дмитріемъ Ефимовичемъ толкуютъ все про наслѣдство да про имѣніе шушукуются, запираются отъ меня, сговариваются!.. Да мнѣ что: я не боюсь! ей седьмая часть, а я всему имѣнію наслѣдница; я сейчасъ всѣхъ своихъ дядей выпишу, чтобъ они меня ввели во владѣніе. Я только до поры до времени молчу, а то покажу, что я хозяйка. Они еще

выдумали безъ моего спросу оставить Лизавету Петровну здѣсь у насъ во флигелѣ, когда у нея горячка и она всёхъ заразить можетъ; это безпорядокъ, больше ничего!

— Ахъ вы безстыдница, не вытерпѣла тутъ Агафья Ивановна:—куда-же ея—на дворъ, что-ли, выкинуть, когда она безъ памяти лежитъ? Мѣста, что-ли, у васъ мало?

— Не то, что мѣста мало; а почему Аленины ея къ себѣ не берутъ? Анна Федоровна за ней ходитъ и даже съ ней ночуетъ, ну, такъ она и бери ея къ себѣ!

— Такъ вамъ завидно, что-ли, что она за ней ходитъ? а вы-бы сами пошли походили.

— Прошу мнѣ такихъ глупостей не говорить... Что это, правда, всё волю взяли!..

Юлія вышла недовольная; портнихи давно уже не было.

Валерія дѣйствительно сидѣла съ Хабаровымъ и на столѣ передъ ними лежали планы, документы и Сводъ Законовъ.

Валерія очень похудѣла въ эти дни, но вмѣстѣ съ тѣмъ на ея лицѣ и на всемъ существѣ легла печать какъ-будто новой жизни, еще робкой, пугливой, недовѣрчивой, но уже приготовляющейся распустить крылья... Хотя разговоръ шелъ о самыхъ практическихъ, дѣловыхъ предметахъ, взглядъ ея невольно принималъ по временамъ мечтательное выраженіе и, смягченный, устремлялся вдаль, какъ-будто вдали ей рисовались плѣнительныя картины.

— Такъ сколько-же, вы говорите, мнѣ достанется изъ седьмой части? спросила она, выходя изъ разсѣянности.

— Около тысячи десятинъ, отвѣчалъ Хабаровъ;—самое лучшее вамъ взять-бы бугровскую землю, тамъ есть и домъ, и усадьба... на случай, если-бъ вы переѣхали отсюда. Впрочемъ, этого, конечно, не предвидится, прибавилъ онъ поспѣшно.

Валерія подняла на него глаза, улыбнулась, осмотрѣлась вокругъ и сдѣлала жестъ невыразимаго презрѣнія.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ домомъ... за который... въ которомъ я...

Она не договорила и закрыла лицо руками. Хабаровъ опять занялся планами.

— Какъ вы думаете, отчего не ѣдетъ Бѣляевъ? спросила Валерія послѣ довольно долгаго молчанія.

— Я думаю, что онъ остался распорядиться насчетъ гроба и вообще насчетъ поѣзда.

— О, нѣтъ, нѣтъ: это совсѣмъ не въ его характерѣ! Все это препоручено Терентію и управителю; Бѣляевъ ни за что не станетъ вмѣшиваться въ это, онъ не за тѣмъ поѣхалъ.

Хабаровъ молчалъ. Онъ зналъ, что въ сущности Валерію чрезвычайно смущало то обстоятельство, что Бѣляевъ не написалъ ей ни строчки со времени своего отъѣзда и вообще не подавалъ о себѣ извѣстій, какъ-будто въ воду канулъ.

— Я думаю провести траурный годъ за границей, задумчиво сказала Валерія,—во Франціи или въ Италіи... Можетъ быть, тамъ также я буду одинока...

Слеза задрожала на ея рѣсницѣ. Хабарову стало жаль ее; онъ взялъ и поцѣловалъ ея руки.

— Не мучьте себя напрасно, сказалъ онъ;—развѣ вы не знаете, что послѣ бури, солнце свѣтитъ еще ярче!

Онъ улыбался, говоря это, и Валерію опять поразило—уже не въ первый разъ—особенное выраженіе его лица, какъ-будто отблескъ какого-то сіянія, которое не сходило съ него больше, говорилъ-ли онъ или молчалъ, отдыхалъ или дѣйствовалъ.

— Для васъ, кажется, это солнце уже проглянуло, замѣтила она съ грустной усмѣшкой.

Хабаровъ слегка покраснѣлъ и всталъ.

— Я вижу, что вы не въ расположеніи говорить о дѣлахъ, сказалъ онъ,—вамъ ничего не втолкуешь теперь. Да и вообще лучше отложить это до окончанія похоронъ.

— Куда вы теперь?

— Я пойду навѣстить Лизавету Петровну.

— Я заходила къ ней сегодня утромъ; она меня узнала. Анюта Аленина все время съ нею.

Хабаровъ вышелъ; вмѣсто него вошла портниха съ кускомъ черной матеріи, съ выкройками и ножницами.

Лизавета Петровна лежала съ полузакрытыми глазами, молодая и хорошенькая, въ той самой комнатѣ, гдѣ еще недавно Анюта подвергалась съ нею смертельной опасности. Теперь она была безпомощна, безсильна и слаба какъ ребенокъ, и Анюта, получившая

къ ней, можетъ быть, вслѣдствіе вынесенныхъ страданій, какую-то отрадную привязанность, ухаживала за нею, какъ за ребенкомъ. Фаза ужаснаго бреда миновалась у Лизы, она перестала волноваться и говорить и лежала въ безмятежномъ покоѣ, по большей части съ улыбкой на губахъ. Довольно часто она приходила въ себя, узнавала всѣхъ и при этомъ постоянно пыталась встать, увѣряя, что выздоровѣла, но скоро наступавшее забытье уничтожало эти попытки.

Анюта стояла у окна, размѣшивая стаканъ миндальнаго молока для больной, когда легкій шорохъ заставилъ ее оглянуться.

У двери стоялъ Хабаровъ. Глаза ихъ встрѣтились и что-то невыразимо свѣжее, счастливое, довѣрчивое прошло по ихъ лицамъ.

Анюта въ мигъ очутилась возлѣ него, — обѣ ея руки въ его рукахъ.

— Ты опять не спала эту ночь? спросилъ онъ шопотомъ.

— Мало спала, отвѣчала она радостно; — ты знаешь, что я изгнана изъ моего дома... Люба боится, что я ее заражу горячкой, и написала мнѣ записку, чтобъ я не приходила.

Хабаровъ улыбнулся: развѣ могла къ Анютѣ теперь привиться какая-нибудь болѣзнь? развѣ роскошное счастье, переполнявшее ея душу, не разгоняло всѣ нездоровые миазмы, какъ свѣтъ разгоняетъ тѣни?

Вошла горничная, которая, по приказанію Валеріи, вмѣстѣ съ Анютой ходила за Лизаветой Петровной и ночью смѣняла ее. Хабаровъ вышелъ.

VI.

Въ тотъ-же вечеръ у Валеріи собралось нѣсколько человѣкъ гостей. Это все были ея ближайшіе сосѣди, обрадовавшіеся случаю развлечься и навѣстить „неутѣшную вдову“, какъ они, смѣясь, называли ее; всѣ были увѣрены, что она въ восторгѣ отъ смерти генерала, и слѣшили посмотрѣть, какъ она будетъ разыгрывать свою роль „неутѣшной“.

— Ужъ какъ она слѣшила съ траурнымъ платьемъ, смѣясь говорила одна дама, усаживаясь съ своей пріятельницей въ та-рантасъ, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Завьялово, —

портниху у меня просто изъ-подъ рукъ вырвали, такъ до сихъ поръ мое платье и валяется недошитымъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣчала пріятельница, натягивая черныя лайковыя перчатки и лукаво посмѣиваясь:—вѣрно ждешь Бѣляева, ну и хочешь ему показаться въ поэтическомъ видѣ „вдовствующей chatelaine“. Притомъ-же трауръ къ ней долженъ идти: всѣ эти креповныя отдѣлки, плѣрезы, длинный шлейфъ... все это очень эффектно и очень пикантно...

По дорогѣ онѣ встрѣтились съ другими сосѣдями, ѣхавшими туда-же, и привѣтливо раскланялись. Преобладающее во всѣхъ чувство было любопытство и пріятное щекотаніе нервъ въ ожиданіи не совсѣмъ обыденнаго зрѣлища.

Подъѣзжая къ дому, они замѣтили, что поторопившаяся прислуга уже распорядилась заранѣе, въ ожиданіи прибытія генеральскаго тѣла, усыпать дорогу къ крыльцу ельникомъ.

Портниха Прасковья Семеновна, заваленная цѣлою грудой черныхъ матерій, облаками крѣпа, кружевъ и лентъ, изъ которыхъ у нея подъ руками созидались изящныя наколки, ragdessus и разныя другія принадлежности траурнаго туалета, возсѣдала въ маленькой угловой комнатѣ, неподалеку отъ гостиной, куда она частенько заглядывала, оставляя работу и прислушиваясь къ долетавшему до нея говору гостей и жалобнымъ причитаніямъ Фелисаты Петровны.

— Агафья Ивановна, подите-ка сюда, обратилась она къ экономкѣ, которая въ сосѣдней комнатѣ гремѣла влючами, доставая изъ шкапа чайную посуду,—вы ужь ихъ никакъ чаемъ поить хотите, а еще девяти не било! Вѣрно, вамъ Валерія Павловна приказала ихъ пораньше спроводить?

— Нѣтъ, это я сама отъ себя, недовольно махнула рукой экономка;—лѣшій ихъ знаетъ, зачѣмъ они притащились сюда, прости Господи! Только барыню пуще тревожатъ да сплетни по городу объ ней распускаютъ.

— Послушайте, Агафья Ивановна, и съ чего это ваша барыня такъ убивается? съ любопытствомъ спросила швея, понижая голосъ:—я здѣсь сижу, смотрю, она хоть-бы слово съ гостями вымолвила... уйдетъ отъ нихъ на терасу, ужь она тамъ ходитъ, ходитъ, сама какъ стѣна бѣлая...

Экономка покачала головою.

— Вѣдь онъ, царство ему небесное, завѣщанія-то ей не сдѣлалъ, сказала она шопотомъ, и вдругъ, погрозивъ пальцемъ, стала прислушиваться къ внезапно возвысившемуся голосу Фелисаты Петровны.

— Ужь какъ жили-то, какъ жили! говорила Озерова, спѣша воспользоваться отсутствіемъ Валеріи и излиться въ преувеличенныхъ похвалахъ ея счастью;— вотъ ужъ можно сказать, что душа въ душу; не долго только поцарствовалъ, мой голубчикъ!

Тутъ она взглянула на дверь, въ которую вышла Валерія, и прибавила, лукаво усмѣхаясь:

— А говорить объ этомъ не позволяетъ, ужъ такъ строга на этотъ счетъ, что бѣда! Чуть что-нибудь скажешь про ихъ любовь да совѣтъ, она сейчасъ брови нахмуритъ и изъ комнаты вонъ!

— Истинное-то чувство что значитъ! насмѣшливо вѣшался одинъ изъ гостей, подмигивая другимъ и нарочно стараясь прервать разговоръ, который забавлялъ его.

Въ эту минуту дверь съ терасы хлопнула и въ коридорѣ послышалось шуршаніе шелкового платья. Валерія прошла мимо экономки и швей, совершенно не видя и не замѣчая ихъ. Глаза ея какъ-то странно блуждали, шаги были медленны и неувѣренны. Она находилась въ мучительномъ настроеніи: ожиданіе похороннаго, мрачнаго зрѣлища, со всѣми его печальными атрибутами, нагоняло на нее нестерпимую тоску. Ей казалось, что одно присутствіе Бѣляева, одинъ взглядъ на его лицо придали-бы ей мужества и бодрости, но онъ оставлялъ ее одну, и ей казалось, что около нея сгущается какой-то мракъ, который давитъ ее. Ей хотѣлось закричать, зарыдать, молить кого-то, чтобъ все это поскорѣе кончилось... Фелисата Петровна съ своими сантиментальными возгласами и покачиваньями головы выводила ее изъ терпѣнія, она не знала, куда отъ нея дѣваться.

При ея входѣ въ гостиную всѣ разговоры затихли и гости встрепенулись, какъ обыкновенно бываетъ при появленіи знаменитой актрисы, отъ которой ждутъ необыкновенныхъ драматическихъ эффектовъ.

Но Валеріи было не до гостей. Она была такъ поглощена своими мучительными мыслями, что, ничего не замѣчая, машинально подвигалась впередъ, пока не остановилась передъ маленькимъ,

круглымъ столикомъ, у котораго сидѣла Люба въ черномъ, шелковомъ платьѣ, авантажная и серьезная, разсѣянно перелистывая альбомъ.

— Зачѣмъ вы въ траурѣ? сказала Валерія, садясь возлѣ нея и проводя рукою по ея платью, — вѣдь вы невѣста и должны быть счастливы... не правда-ли?..

И, не дожидаясь отвѣта, она съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ начала перебирать книги, лежащія на столѣ.

— Знаете, что, заговорила она шопотомъ и вся отдаваясь на-кипѣвшему въ душѣ ея чувству:— со мной должно случиться что-нибудь ужасное... меня гнететъ предчувствіе... Испытали-ли вы когда-нибудь, что каждый пережитый мигъ кажется вѣчностью...

Она не успѣла еще окончить этихъ словъ, какъ въ гостиную вошла Анюта, очень блѣдная и встревоженная.

— Валерія Павловна, сказала она, — пойдите на минуту во флигель, если вамъ можно.

— Что, развѣ Лизаветѣ Петровнѣ хуже?.. спросила Валерія бесознательно, обрадовавшись случаю, перемежнявшему теченіе ея мыслей.

Она поспѣшно пошла вслѣдъ за Анютой; но та остановила ее въ коридорѣ и сказала:

— Ей не хуже; она совсѣмъ въ памяти, но говорить такія странныя вещи...

— Что-же?

— Вотъ вы услышите, сказала Анюта, пожимая плечами;— она настояла, чтобъ я пошла за вами... Я сначала не хотѣла, но вижу ясно, что она не въ бреду и требуетъ васъ.

— Меня? вотъ странно, замѣтила Валерія, ускоряя шаги;— она вамъ не сказала, о чемъ хочетъ говорить со мною?

— Сказала... Но это такъ странно, невѣроятно. Посмотримъ, какъ она это повторитъ при васъ.

Онѣ поспѣшно прошли деревянную галерею, отдѣлявшую флигель отъ дома.

Лизавета Петровна сидѣла на постели, обложенная подушками, и пила чай.

— Насилу вы пришли, сказала она капризнымъ тономъ, ставя чашку на столъ, — эта Анна Федоровна такая неспосная!.. Я ей толкую, кажется, понятнымъ языкомъ... она не вѣритъ!

— Ну, скажите мнѣ, что вамъ нужно, что васъ тревожить? спросила Валерія, внимательно наклоняясь къ больной.

— Мнѣ нужно сейчасъ послать телеграму къ Павлу Ильичу Бѣляеву о томъ, что я больна горячкой.

Замѣтивъ удивленіе въ глазахъ Валеріи, она продолжала нетерпѣливо:

— Надо вамъ сказать, что я вовсе не дѣвушка, какъ вы меня считаете. Я не хотѣла никому говорить, что я замужняя... у меня были свои причины... И Павелъ Ильичъ тоже никому не говорилъ, что я его жена...

Валерія рѣзко повернулась къ Анютѣ.

— Она въ бреду! сказала она громко.

— Не думаю, отвѣчала та, — она мнѣ это самое говорила очень правдоподобно.

Лизавета Петровна капризно сморщила брови и заговорила съ раздражительностью больной:

— Какъ это скучно! И отчего это всѣхъ такъ удивляетъ? и какое вамъ до этого дѣло?... Ну, однимъ словомъ, пошлите къ Бѣляеву телеграму, чтобъ онъ немедленно пріѣзжалъ ко мнѣ, больше мнѣ ничего не нужно.

— Хорошо, мы пошлемъ, сказала Анюта, — но если вы правда его жена, то какъ-же намъ не удивляться, что вы оба это скрывали?

— Кто-же это обязанъ открывать всему свѣту свои семейныя дѣла и до кого это можетъ касаться, что мы мужъ и жена? Намъ показалось такъ удобнѣе, — ему слыть холостымъ, а мнѣ — незамужней. Впрочемъ, я этому не придавала никакой важности, мнѣ даже это надоѣло... А теперь, когда я больна, когда у меня горячка и я лежу совѣмъ одинокая въ чужомъ домѣ... я желаю... Ну, однимъ словомъ, я хочу, хочу, чтобъ мой мужъ былъ при мнѣ, сидѣлъ со мной! вскричала Лиза съ порывомъ болѣзненного упрямства и, истощенная своей длинной рѣчью, упала на подушки, тяжело переводя духъ.

Валерія не сводила съ нея неподвижнаго взгляда, и въ его выраженіи лежало столько сомнѣнія, вопросовъ и затаеннаго ужаса, что Лизавета Петровна вдругъ почувствовала нѣчто въ родѣ самолюбиваго торжества, что ея открытіе произвело такой оглушающій эффектъ. Она слабо, но лукаво улыбнулась и сказала:

— Да вотъ вамъ, если не вѣрите, откройте мой чемоданъ, поищите... Тутъ лежитъ мой паспортъ, съ моей настоящей фамиліей... Кстати, тутъ есть, кажется, и письма его, вы навѣрно знаете его руку, прибавила Лиза, мелькомъ взглянувъ на Валерію.

Валерія, не говоря ни слова, судорожной рукой откинула крышку чемодана. Между темными платьями тамъ блѣлѣ кончикъ свернутой бумаги; она выхватила ее, развернула и прочла чинъ и фамилію жены Бѣляева... Какъ-будто этого удостовѣренія было еще не довольно, она, не помня, что дѣлаетъ, начала перерывать чемодавъ, отыскивая письма, о которыхъ говорила Лиза, и точно, на самомъ днѣ ей попался измятый листокъ, гдѣ было написано знакомою ей рукою:

„Милая Лиза, я пріискалъ квартиру на Стремянной; твоя мать можетъ жить съ нами...“

Валерія закрыла чемоданъ, отошла и, какъ автоматъ, сѣла на стулъ. Ея оцѣпененіе было такъ велико, что если-бъ не ужасающая блѣдность лица, она казалась-бы спокойною.

Анюта глядѣла на нее съ жалостью и смущеніемъ и не рѣшалась заговорить съ нею, хотя слышала на дворѣ какіе-то неясные звуки, топотъ лошадиныхъ копытъ и говоръ прислуги.

— Подождемъ послать телеграму, сказала она, наклонясь къ Лизѣ,—можетъ быть, Павелъ Ильичъ самъ сейчасъ пріѣдетъ!

Лиза кивнула головою и закрыла глаза; съ ней уже опять начинался жаръ.

Затѣмъ Анюта тихо взяла Валерію за руку.

— Пойдемте въ домъ, сказала она,—кажется, кто-то пріѣхалъ. Можетъ быть, это Бѣляевъ.

Валерія машинально повиновалась. Пока онѣ шли по галереѣ, до нихъ долетали восклицанія:

— Телеграма?.. Откуда?.. Кто привезъ?..

— Должно быть, со станціи, отвѣчалъ кто-то;— вотъ теперь-то мы все разузнаемъ!

Валерія слышала, но не обращала вниманія: теперь для нея было все равно. Она не могла еще придти въ себя отъ поразившей ее новости.

— Валерочка! раздался унылый голосъ Фелисаты Петровны,—

приготовься, другъ мой!.. Къ тебѣ телеграма... вѣрно подробности о смерти нашего незабвеннаго друга!

Она всхлипнула. Изъ залы и прихожей долеталъ шумный говоръ присутствующихъ.

— Доложили-ли баринѣ-то? слышался озабоченный голосъ экономки.

Валерія вдругъ встрепенулась и быстро пошла за матерью черезъ рядъ комнатъ въ залу, гдѣ всѣ были собраны. На дворѣ раздавался топотъ лошадей и глухой говоръ.

— Гдѣ телеграма?.. отрывисто сказала Валерія. — „Должно быть отъ Бѣляева“, подумала она, и губы ея сжались въ горькую усмѣшку при мысли о только-что перенесенномъ страданіи. — „О, онъ поплатится за это!“ прибавила она мысленно, и въ головѣ ея зароились планы мщенія.

Она сорвала конвертъ и жадно пробѣжала телеграму глазами. Но что это?.. Не сновидѣніе-ли, не кошмаръ-ли?.. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу, она опустила руку съ развернутой телеграмой и глаза ея устремились впередъ съ такимъ выраженіемъ ужаса, какъ-будто передъ нею вставало что-то страшное и чудовищное, что заслоняло отъ нея и свѣтъ, и жизнь, и воздухъ, и свободу.

— Валерочка! что съ тобою?.. крикнула Фелисата Петровна, кидаясь къ дочери и хватая ее за руку; но не успѣла она окончить этихъ словъ, какъ Валерія пошатнулась и безъ чувствъ упала на полъ.

Гости столпились кругомъ: всѣ хотѣли знать, въ чемъ дѣло. Фелисата Петровна вынула телеграму изъ стиснутыхъ пальцевъ дочери и прочла ее про себя:

— Господи! Батюшки! закричала она въ страшномъ смятеніи, кидаясь туда и сюда. — Агафья! Федоръ! Степанъ! Вѣдь живъ онъ, живъ, генераль-то нашъ живъ, батюшка-то нашъ! Охъ, бѣгите вы скорѣе, убирайте всѣ эти приготовленія къ похоронамъ, того и гляди, самъ пожалуетъ!

Она суетливо отдавала приказанія прислугѣ, кидалась къ Валеріи, обращалась къ гостямъ.

— Валерочка, другъ мой, опомнись, что-же это ты такъ!.. вѣдь живъ онъ, твой благовѣрный-то, живъ! Ахъ, это съ ней отъ радости сдѣлалось! поясняла она гостямъ, которые съ тру-

домъ удерживали на губахъ насмѣшливую улыбку; — счастье-то, счастье какъ ее сразило!

Валерію подняли, отнесли на диванъ, обложили подушками и стали давать ей нюхать разные спирты и соли, стараясь привести ее въ чувство.

Ошеломленная прислуга высыпала вонъ изъ залы, спѣша уничтожить мрачныя приготовленія къ приему генеральскаго тѣла; всѣ чувствовали себя какъ-будто провинившимися передъ нимъ, всѣ знали, какъ онъ боится смерти. Траурныя матеріи, крѣпъ и сукно мгновенно исчезли въ комодахъ Агафьи Ивановны, а возы съ ельникомъ, нарочно привезенные наканунѣ изъ лѣса, чтобы усыпать всю дорогу отъ дома до кладбища, торопливо задвинуты въ сарай.

VI.

Грозная тишина царствовала въ громовскомъ домѣ. Генераль встрѣтилъ на станціи своихъ людей и экипажи, пріѣхавшіе за его тѣломъ, и до того взбѣсился, что занемогъ отъ злости: у него разлилась желчь и къ тому еще прибавилась зубная боль. Прислуга ходила на цыпочкахъ, и если кто-нибудь пытался заговорить, то другіе тотчасъ махали на него рукой, чтобы замолчать.

Докторъ изъ города лечилъ Громова, а Бѣляевъ все не пріѣзжалъ. Одинъ только Громовъ могъ знать, гдѣ онъ и почему не возвращается, потому что, какъ самъ проговорился, видѣлъ Бѣлева и разговаривалъ съ нимъ на станціи; но видя любопытство домашнихъ и постороннихъ, онъ нарочно изъ мщенія называлъ ихъ, оставляя въ полной неизвѣстности объ участи вѣдуческаго доктора.

Никакія оправданія не могли урезонить Громова въ несправедливости его гнѣва на домашнихъ. Онъ страшно боялся смерти, и одно предположеніе, что онъ могъ умереть такъ просто и скоро, казалось ему невообразимымъ оскорбленіемъ.

— Я этого ввѣтъ не забуду, говорилъ онъ Хабарову съ глазу на глазъ, колотя себя въ грудь;—я скорѣе-бы правую руку себѣ отрубилъ, чѣмъ такъ тебя обидѣть, какъ ты меня, своего однокашника, обидѣлъ! Да я-бы зубы всѣ тому человѣку выколо-

тилъ, который-бы мнѣ сказалъ, что видѣлъ тебя мертвого, да еще какой смертью—подъ рельсами раздавленнаго, безъ покаянія, безъ причастія!

— Въ этомъ нѣтъ ничего такого для тебя безчестнаго! возразилъ Хабаровъ: — умеръ-же тотъ генераль, котораго приняли за тебя, и многіе изъ твоихъ знакомыхъ убиты.

— А мнѣ чортъ съ ними! По мнѣ кто хочешь умирай, только меня-то, меня-то не затрогивай!

Все недоразумѣніе вышло отъ простой ошибки, какія зачастую случаются во время несчастныхъ случаевъ на желѣзной дорогѣ. Когда отъ Валеріи пришла телеграма и стали розыскивать тѣло генерала Громова между убитыми, то прямо указали на одного дюжого, высокаго господина въ генеральской формѣ съ раздавленными членами и изуродованнымъ лицомъ. Ошибкѣ способствовало еще то, что при убитомъ найдена была оборванная сумка со всѣми бумагами и документами Громова. Такъ-какъ въ этихъ случаяхъ воображеніе играетъ главную роль, то многіе, знавшіе Громова въ лицо, подтвердили чуть не клятвенно, что это его тѣло, послѣ чего начальникъ станціи, не колеблясь, отправилъ телеграму съ этимъ извѣстіемъ въ Завьялово.

А между тѣмъ спасеніе генерала случилось очень просто: вагоны перваго класса не были заперты и когда пассажиры поняли грозившую имъ опасность, то въ первую минуту почти лишились сознанія отъ страха. Громовъ, ближе всѣхъ сидѣвшій къ выходу, опомнился первый. Онъ бросился къ двери, но за нимъ уже стояла цѣлая толпа обезумѣвшихъ пассажировъ, надавливавшихъ на него всею массою. Громовъ почувствовалъ, что зацѣпился за что-то своею сумкою, и пока онъ обрывалъ съ нея ремни, мимо него просунулась чья-то дрожащая, скорченная, точно въ судорогахъ, рука и послѣдно отперла дверь. Въ то-же мгновеніе Громовъ вылетѣлъ вонъ, и послѣднее, что мелькнуло передъ его глазами, было завертѣвшееся въ колесахъ вагона тѣло.

Паденіе не прошло ему даромъ; онъ лишился сознанія. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежитъ на тепломъ еще трупѣ молодого офицера, который смѣшилъ ихъ всю дорогу; теперь онъ лежалъ съ раздробленнымъ черепомъ и кровь еще сочилась изъ раны. Неподалеку виднѣлся раздавленный на рельсахъ человекъ въ генеральской формѣ. Громовъ съ ужасомъ от-

вернулся: онъ узналъ своего сослуживца, который такъ торопился выйдти, что почти вытоленулъ его.

Громову не хотѣлось встрѣчаться болѣе съ такими ужасными картинами. Онъ ни за что на свѣтѣ не пошелъ-бы теперь на станцію, съ которой до него доносились крики раненыхъ и стоны умирающихъ. Онъ поспѣшно оглядѣлся кругомъ съ намѣреніемъ бѣжать какъ можно дальше отъ этого мѣста. Узенькая тропинка вела внизъ подъ гору, и онъ рѣшился спуститься по ней, рассчитывая, что скоро набредетъ на какое-нибудь жильѣ, тамъ-какъ вдали видѣлись огороды. По дорогѣ ему встрѣтился мужикъ, который охотно довезъ его на своей телегѣ до сосѣдней деревушки. Тутъ Громовъ почувствовалъ себя въ безопасности, повеселѣлъ и приободрился, спросилъ себѣ чаю, выпилъ два стакана водки и завалился спать. Этотъ богатырскій сонъ продолжался вплоть до слѣдующаго вечера, когда его разбудилъ Бѣляевъ. Бѣляевъ, пріѣхавши на станцію и не находя его ни между живыми, ни между убитыми, сталъ наводить справки и вскорѣ попалъ на его слѣды. Сдѣлавши генералу тщательный медицинскій осмотръ и убѣдившись, что никакихъ поврежденій не было, онъ совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе дать телеграму въ Завьялово. Генералъ сталъ звать его съ собою, но Бѣляевъ только задумчиво крутилъ усы и отрицательно качалъ головою; впрочемъ, онъ согласился проводить генерала до станціи. Тутъ Громовъ, къ своему удивленію и бѣшенству, нашелъ свои экипажи и людей, заказывавшихъ для него гробъ. Остальное понятно.

— Чортъ его угораздилъ сыграть такую штуку, говорилъ Аркадій матери: — скоро моя свадьба; надо-бы съ нимъ переговорить какъ съ опекуномъ, а къ нему приступить нельзя.

— И не приставайся, Аркадій, шептала Фелисата Петровна, грозя пальцемъ:—у него вѣдь желчь разлилась!.. Господи, какъ лукавый-то насъ попуталъ! И все изъ-за этой Лизаветы Петровны проклятой—побирушка, потаскушка скверная! пріѣхала и наврала, а мы всѣ уши развѣсили!

— Не ругайте ее; она, говорятъ, умираетъ, прервалъ Аркадій. — Да гдѣ Валерія? Отчего она, здоровая, валяется по постели? Вчера Люба къ ней приходила и она не приняла ее. Это что еще за фокусы?

— Охъ, и ума не приложу, что съ Валеріей дѣлается, ска-

зала Фелисата Петровна, уныло качая головой.— Съ тѣхъ поръ, какъ генераль пріѣхалъ, она какъ сама не своя сдѣлалась. Вчера подхожу къ ея спальнѣ: Валерочка, отвори, говорю. Она молчитъ. Я дверь толкнула и вошла. Смотрю, Валерія стоитъ надъ комодомъ и что-то тамъ ищетъ.— Вы зачѣмъ, маменька?.. и комодъ сейчасъ захлопнула. А лицо такое страшное!.. Охъ, боюсь я за нее, боюсь, Аркаша!

Аркадій презрительно сжалъ губы, пожалъ плечами и отправился къ сестрѣ.

Валерія, точно, лежала на постели, упираясь грудью въ подушки, уткнувши подбородокъ въ скрещенныя и вѣрно стиснутыя руки. Глаза ея лихорадочно сверкали, но ни малѣйшаго признака болѣзни или слабости нельзя было замѣтить въ этомъ гибкомъ тѣлѣ, полномъ силы и жизни; вся ея поза напоминала дикаго звѣря, загнаннаго въ тенета и задумывающаго отчаянный прыжокъ, чтобъ разомъ разорвать ихъ или погибнуть. То-же неровное дыханіе, тотъ-же блескъ въ глазахъ, то-же нервное трепетаніе мускуловъ... Аркадій внимательно поглядѣлъ на нее; она повернулась, взяла носовой платокъ съ великолѣпно вышитымъ гербомъ, но весь истерзанный, изорванный и начала зубами отрывать отъ него маленькіе клочки, не обращая вниманія на брата.

— Что, плохо дѣло? спросилъ онъ.

Валерія молчала.

— Ты вчера отчего не пустила къ себѣ Любу?

— Не приставай ко мнѣ, пожалуйста.

— Чортъ знаетъ, что съ вами всѣми дѣлается. И намъ тоже съ Любой—въ чужомъ пиру похмѣлье! Мы въ воскресенье обвѣнчаемся, да и все тутъ, и безъ посаженнаго отца обойдемся.

— Вѣнчайся хоть сейчасъ; оставь меня въ покоѣ.

— А Лизавета Петровна умретъ,—мнѣ докторъ сказалъ, замѣтилъ Аркадій, вставая.

Валерія встрепелась.

— Какъ... неужели?.. Она телеграфировала или нѣтъ?

— Кому? ты ужь сама начинаешь бредить!

Валерія встала, надѣла туфли, накинула на растрепанные волосы черную кружевную косынку и послѣшно пошла во флигель, гдѣ нашла Хабарова и Анюту, тихо разговаривавшихъ въ первой комнатѣ.

— Анна Федоровна, вы телеграфировали Бѣляеву, по желанію больной? спросила Валерія.

— Нѣтъ. Я сейчасъ говорила объ этомъ съ Дмитріемъ Ефимовичемъ; вѣдь мы не знаемъ, гдѣ Бѣляевъ и куда адресоваться къ нему. Я хочу идти къ вашему мужу и добиться отъ него всего, что онъ знаетъ про Бѣляева.

— Да, да, пойдите... пожалуйста пойдите сейчасъ. Онъ въ своемъ кабинетѣ. Я побуду здѣсь за васъ покажѣсть.

Анюта вышла.

— Что она? спросила Валерія у Хабарова, кивнувъ головой на спальню больной.

— Плоха; совсѣмъ потеряла сознаніе, отвѣчалъ онъ.

Валерія на цыпочкахъ прошла за перегородку. Лиза лежала на спинѣ какъ пластъ и не шевелилась; ея полузакрытые глаза плавали въ какомъ-то туманѣ; на губахъ застыла мечтательная улыбка; всѣ черты стали тоньше, нѣжнѣе, изящнѣе. Въ нихъ было не только отсутствіе всякаго страданія, но что-то безмятежно-счастливое.

— О, счастливая, счастливая! мрачно прошептала Валерія, опять возвращаясь къ Хабарову: — она точно чувствуетъ свое счастье и свою свободу... Безъ цѣпей! безъ страстей! безъ ужасовъ существованія!

Она заломила руки надъ головою и изъ груди ея вырвался невольный стонъ.

— Полноте, сказалъ встревоженный Хабаровъ, взявъ ее за руки; — имѣйте хоть каплю разсудка; что это дѣлается съ вами?..

— Что со мною?.. вскричала Валерія, повертывая къ нему блѣдное лицо съ помутившимися глазами: — со мною то, что съ заключеннымъ, котораго выпустили изъ тюрьмы и дали взглянуть на Божій свѣтъ, на людей и на солнце... а потомъ опять заперли въ душную, темную каморку... вотъ что со мною!

Она отвернулась къ стѣнѣ, заслонилась рукою отъ свѣта и осталась безъ движенія.

Между тѣмъ Анюта успѣшно исполняла свою миссію.

Громовъ, изнывавшій отъ злобы и скуки въ своемъ кабинетѣ, дуясь на всѣхъ и на все, былъ пріятно удивленъ вторженіемъ въ его добровольное затворничество молодой и пригожей дѣвушки. Онъ поцѣловалъ у Анюты руку и началъ подчивать ее конфек-

тами, выслушалъ съ улыбкой ея шутивую жалобу на то, что онъ скрываетъ мѣстопробываніе Бѣляева, и былъ чрезвычайно заинтересованъ, когда она ему рассказала неожиданное открытіе объ отношеніяхъ къ Бѣляеву Лизаветы Петровны. Возволнованный этимъ и чувствуя потребность дѣятельности послѣ нѣсколькихъ дней принужденнаго бездѣйствія, Громовъ пошелъ самъ во флигель, потребовалъ видѣть собственными глазами паспортъ Лизы, и на силу Хабаровъ могъ выпроводить его оттуда. Тогда онъ разсказалъ въ первый разъ, что, пріѣхавъ на станцію, Бѣляевъ объявилъ ему, что собирается въ Петербургъ на короткое время, и просилъ не говорить никому, что онъ уѣхалъ безъ отпуска. Адреса его Громовъ не зналъ, но говорилъ, что ничего не значитъ найти его черезъ такую-то врачебную управу. Тотчасъ была написана и отослана телеграмма въ Петербургъ, во врачебную управу.

Жизнь угасала въ Лизѣ медленно, но вѣрно. За ней ходили усердно, нѣжно, какъ за сестрой. Валерія сама стала просиживать ночи у ея постели, и по временамъ, сжимая голову руками, говорила мысленно: „Что, если она умретъ?..“ Жизнь Лизы вдругъ стала для нея сокровищемъ, драгоценнымъ препятствіемъ, стоящимъ между Бѣляевымъ и Анютой. Когда Валерія считала себя вдовой, открытіе, что Бѣляевъ связанъ навсегда съ другой женщиной, чуть не свело ее съ ума; теперь-же, когда на нее саму налегли прежнія цѣпи, она не могла подумать безъ отчаянія, что Бѣляевъ будетъ свободенъ и можетъ жениться на Анютѣ. Она замѣчала, что отношенія Хабарова и Анюты сдѣлались тѣснѣе и интимнѣе; но даже если-бъ она подробно узнала все, что произошло между ними, то и это не успокоило-бы ея ослѣпленную ревностью душу и не показалось-бы ей достаточной гарантіей. Скорѣе всего она склонна была подозрѣвать, что Анюта просто изъ кокетства и изъ желанія еще болѣе завлечь Бѣляева, оказываетъ Хабарову такую благосклонность и что неизвѣстно еще, куда повѣетъ вѣтеръ.

Между тѣмъ Бѣляевъ потому такъ долго не возвращался, что положительно не зналъ, что ему дѣлать. Обмануть Валерію ложной надеждой, что онъ будетъ жить съ нею—было-бы не въ его характерѣ и принципѣ; лишить ее совершенно этой надежды—требовало твердости и жестокости, на которыя онъ не имѣлъ силы. Цѣлые дни онъ ломалъ надъ этимъ голову—и терялся.

Неожиданное появленіе Громова, живого и невредимаго, сразило его по отношенію къ Валеріи, такъ-какъ онъ понималъ, что она должна была чувствовать; но въ то-же время у него точно гора съ плечъ скатилась. Не желая присутствовать при щекотливой сценѣ возвращенія Громова домой, онъ задумалъ проѣхать на нѣсколько времени въ Петербургъ. Его какъ-то тянуло туда; любопытно было взглянуть, все-ли по-прежнему, не повѣялъ-ли откуда-нибудь освѣжающій воздухъ.

Тамъ его и застала телеграма, въ которой прямо было сказано: „ваша жена умираетъ“. Жена! такъ она все сказала?.. Въ смятеніи, браня самъ себя за ненужный обманъ и любопытствуя знать, какъ онъ былъ принятъ, Бѣляевъ немедленно отправился въ Завьялово.

Первое, что поразило его при входѣ во флигель, куда онъ прямо отправился, были какія-то женщины, входившія и выходявшія оттуда и толковавшія что-то о свѣчахъ, о псалтырѣ. Не спрашивая ихъ ни о чемъ, Бѣляевъ отворилъ дверь — и ему представилась картина смерти.

Лизавета Петровна, вся въ бѣлой кисеѣ и кружевахъ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, лежала мертвая на столѣ, со сложенными на груди руками. Торжественный покой смерти уже положилъ свою печать на ея тонкія, точно выточенныя изъ мрамора черты.

— Умерла?.. Неужели умерла?.. вскричалъ Бѣляевъ громко, не замѣчая ни Валеріи, ни Анюты, которыя, наклонившись надъ тѣломъ, что-то дѣлали съ ногами умершей, распуская въ рукахъ длинныя розовыя ленты. Голова у него закружилась и онъ склонился къ стѣнѣ, чтобъ не упасть.

VIII.

Громовъ былъ такъ пораженъ смертью Лизаветы Петровны, что самъ весь расклеился. У него разболѣлась голова, зубы; онъ капризничалъ, безпрестанно звалъ Валерію и бранилъ ее за то, что она не такъ подавала ему лекарство.

Прежде онъ, бывало, доводилъ ее до слезъ такими придираками, но теперь лицо ея было мрачно и сурово; иногда въ отвѣтъ

на его крикъ она кидала на него взглядъ такого презрѣнія и ненависти, что Громова бросало въ жаръ отъ злости.

— Что за чортъ въ нее вселился! обращался онъ къ Бѣляеву, за которымъ посылалъ безпрестанно: — я ее вовсе не узнаю; это вотъ на волѣ пожила и совсѣмъ испортилась. Надо изъ нея эту дурь выбить!

Бѣляевъ нетерпѣливо пожималъ плечами и заводилъ рѣчь о зубной боли. Валерія молчала, какъ-будто не слыша словъ мужа. И точно она, можетъ быть, и не слыхала ихъ: она была помещена другою мыслию.

Это было на другой день послѣ похоронъ Лизаветы Петровны; утромъ Юлія передала ей толки прислуги о томъ, что Бѣляевъ будто-бы собирается жениться на Анютѣ, и какъ ни нелѣпы казались эти сплетни, но онѣ были лишней каплей, прибавленной въ горькую чашу. Съ самаго приѣзда Бѣляева Валеріи не удавалось говорить съ нимъ: онъ держалъ себя холодно и не думалъ объяснять ей, почему скрывалъ свою женитьбу.

Прочисавъ Громову нѣсколько лекарствъ, Бѣляевъ простился и вышелъ. Едва затихъ шумъ его шаговъ, какъ Валерія также встала и пошла въ двери.

— Куда? закричалъ Громовъ: — не сидится тебѣ съ мужемъ!

— Не сидится, отвѣчала она, не поворачивая головы.

— Это еще что за штуки! заревѣлъ онъ, побагровѣвъ и выкатывая глаза; — не смѣй уходить... Поди сюда!

— Не хочу, сказала Валерія и посмотрѣла на него сверху внизъ такимъ взглядомъ, что онъ замеръ отъ изумленія и бѣшенства. Затѣмъ Валерія вышла, хлопнувъ дверью такъ, что окна задрожали. Генераль такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ, съ выкатившимися глазами; только багровый цвѣтъ его лица мало-по-малу перешелъ въ блѣдность и на лицѣ появилось растерянное выраженіе. Онъ не всталъ съ мѣста и никого не позвалъ, а только, для утишенія волненія, припаялся усердно курить изъ турецкаго чубука, никогда его не покидаваго. Причина этой внезапной кротости была та, что Громовъ испугался своей жоны, испугался ея лица, взгляда, словъ и хлопанія дверью. Онъ былъ трусъ по натурѣ, хотя самъ и не подозревалъ этого.

Между тѣмъ Валерія догнала уходящаго Бѣляева и повелительнымъ жестомъ пригласила его въ свой кабинетъ.

— Ты женишься? спросила она, останавливаясь передъ нимъ и смотря на него въ упоръ.

Бѣляевъ пожалъ плечами.

— Съ какой стати! проговорилъ онъ.

— Я вотъ что хотѣла тебѣ сказать... Послушай...

Валерія сѣла и провела дрожащею рукою по лбу. Голова у нея горѣла и ноги подгибались.

— Ты ее любишь, я знаю, продолжала она; — вы оба свободны, почему вамъ не жениться... Но выслушай меня. Тебя, можетъ быть, прельщаетъ контрастъ между нею и мною... Я безнравственная, истасканная женщина, я не имѣю для тебя даже прелести новизны... А она... ты ее считаешь перломъ чистоты и благородства... Такъ? Ты думаешь, что ты ея первая любовь и что ни одного ея помысла нѣтъ отъ тебя скрытаго?.. Ха, ха, ха! вдругъ разразилась Валерія нервнымъ смѣхомъ и, схвативъ Бѣляева за руку, продолжала съ лихорадочною поспѣшностью: — А этого она тебѣ не повѣряла, что у нея въ шестнадцать лѣтъ былъ уже ребенокъ и... она его убила... Да, убила и бросила куда-то подъ мостъ!.. Какъ ты на это смотришь?

Она впиалась въ лицо Бѣляева взглядомъ торжества; щеки ея горѣли, ноздри раздувались, она вся трепетала отъ ожиданія вспышки со стороны Бѣляева, отъ предвкушенія отпора, который готовилась дать ему; но вмѣсто того, чтобъ быть пораженнымъ, Бѣляевъ смотрѣлъ на нее такъ задумчиво и съ такимъ глубокимъ состраданіемъ, что она вздрогнула отъ изумленія и недобраго предчувствія.

Онъ тихо взялъ Валерію за обѣ руки и, наклонившись къ ней, сказалъ явственно:

— Этотъ ребенокъ, про котораго вы говорите, былъ *вашъ* ребенокъ, тотъ самый, который родился у васъ мертвымъ, когда вы ѣздили къ Троицъ-Сергію, тотъ самый, котораго я вынесъ отъ васъ ночью...

Валерія тяжело дышала, съ какимъ-то ужасомъ глядя на Бѣляева. Онъ продолжалъ:

— Простите мнѣ, что я скрылъ отъ васъ эти подробности. Въ ту ночь Хабаровъ преслѣдовалъ меня, а вы взяли съ меня слово скрывать отъ него рожденіе ребенка... Я исполнялъ вашу волю, я прятался, я боялся, что онъ увидитъ и узнаетъ. Въ

монастырской гостинницѣ, въ нижнемъ этажѣ, было открыто одно только окно: я влѣзъ въ него. Тамъ въ комнатѣ была молоденькая дѣвушка... я отдалъ ей узелъ. Она, разумѣется, не знала, что беретъ, и потомъ ей оставалось освободиться отъ него, какъ знаетъ... Вотъ отчего вышла вся эта исторія.

Воцарилось глубокое молчаніе. Бѣляевъ смотрѣлъ на Валерію съ безпокойствомъ.

— Оставьте меня, прошептала она едва слышно.

Онъ хотѣлъ пожать ей руку; она слабо отвела ее и повторила: „Оставьте меня“.

Онъ вышелъ.

Солнце только-что сѣло, когда Бѣляевъ послѣпными шагами отправился къ Ленинымъ. Лицо его было оживленіе обыкновеннаго и какая-то непривычная рѣшимость свѣтилась въ его взглядѣ.

Анюта сидѣла одна на балконѣ и отбирала вишни въ корзинку. Люба и Аркадій ушли гулять куда-то далеко.

— Вы однѣ, сказалъ Бѣляевъ, садясь возлѣ нея;—я такъ и надѣялся застать васъ одну. Помните—тогда, уѣзжая, я сказалъ вамъ, что буду просить у васъ нѣсколькихъ минутъ разговора наединѣ.

— Помню, сказала Анюта, слегка смутившись и догадываясь о томъ, что будетъ дальше, потому что голосъ Бѣяева былъ разнѣженъ и дрожалъ отъ волненія.

— Анна Федоровна, я люблю васъ, заговорилъ онъ;—я знаю, что это для васъ не новость; такія вещи даже не нужно говорить—онѣ показываютъ себя сами... Но я пришелъ спросить у васъ, отвѣчаете-ли вы на мое чувство...

Анюта измѣнилась въ лицѣ.

— Пойдите... пойдите! прервала она его быстро, останавливая его рукою.—Не говорите мнѣ этого. Теперь ужь поздно. Я люблю Хабарова, я его невѣста, и мы обвѣчаемся черезъ двѣ недѣли.

Бѣляевъ не сдѣлалъ никакого движенія и какъ-будто даже не удивился: только взглядъ его вдругъ потухъ и мало-помалу одушевленіе и жизнь, за минуту освѣщавшія лицо его, исчезли, оставивъ по себѣ сѣроватую блѣдность и какое-то туман-

ное, неопредѣленное выраженіе. Это выраженіе испугало Анюту болѣе, чѣмъ порывистое отчаяніе. Она взяла обѣ руки Бѣляева и сказала:

— Мнѣ жаль, что я не говорила вамъ объ этомъ прежде. Но когда-же было: вы всего три дня какъ воротились... тутъ эти похороны васъ отвлекли.

— Стало-быть, это случилось недавно? спросилъ Бѣляевъ беззвучнымъ, страннымъ голосомъ.

— Въ утро вашего отъѣзда отсюда. Неужели вы не догадывались, что я люблю Хабарова?..

Бѣляевъ съ минуту помолчалъ, потомъ отвѣчалъ тихо:

— Мнѣ нѣсколько разъ приходило это въ голову... особенно въ тотъ вечеръ у родника, когда вы такъ заступались за Хабарова; но потомъ между вами вышла размолвка... вы стали совсѣмъ какъ чужіе... и я думалъ, что все кончено. Я слышалъ отъ него самого, что онъ уѣзжаетъ... Наконецъ, вы сами... въ это послѣднее время обращались со мной такъ ласково... такъ, можно сказать даже, нѣжно, что всякій, на моемъ мѣстѣ, ошибся-бы, прибавилъ онъ съ невольною горечью.

— Если я обращалась съ вами ласково, возразила Анюта, — то это потому, что ваше общество и ваша дружба были для меня утѣшеніемъ и поддержкой въ это время.

— Утѣшеніемъ въ вашей размолвкѣ съ Хабаровымъ? прервалъ Бѣляевъ измѣнившимся голосомъ. — Это жестоко и безсердечно, Анна Федоровна!.. неужели вы не видѣли, что я васъ полюбилъ съ нашей первой встрѣчи здѣсь, у Громовыхъ? Зачѣмъ-же вы допустили развиться этой любви?

— Вы меня упрекаете, Павелъ Ильичъ, сказала Анюта въ сильномъ волненіи; — но я скажу вамъ одно: прекратимъ этотъ разговоръ, иначе изъ обвиняемой мнѣ придется сдѣлаться обвинительницей... а я не желала-бы этого.

— О, нѣтъ, говорите!.. говорите, что-бы ни было. Помогите мнѣ распутаться въ хаосѣ моихъ мыслей и понятій. Имѣете вы что-нибудь противъ меня?

— Я имѣю противъ васъ то, что вы дали мнѣ камень, когда я просила хлѣба! отвѣчала Анюта, и глаза ея зажглись и щеки покрылись яркимъ румянцемъ. — Хотите-ли, я скажу вамъ правду?.. Да, если вы ее не знаете, то я хочу ее высказать. Я полюбила

васъ еще съ той первой встрѣчи, когда вы явились ко мнѣ ночью такимъ гонимымъ, беззащитнымъ, и когда вы отдали всю вашу судьбу въ мои руки... Я тогда впервые испытала наслажденіе вполнѣ забыть себя и отдать свою жизнь за другого — потому-что вѣдь я готова была взять на себя все, въ Сибирь идти, чтобъ только васъ не выдать!.. Этотъ эпизодъ былъ все, что я испытала самаго горькаго и сладкаго въ жизни, и я потомъ не могла вспоминать безъ трепета счастья все, что я страдала за васъ. Когда мы во второй разъ встрѣтились, я думала, что для меня настала заря новой жизни, заря любви!..

Она остановилась на минуту. Бѣляевъ, блѣдный какъ полотно, прошепталъ, сжимая лобъ руками:

— Доканчивайте!.. сводите меня съума... Что-же это такое вы говорите?..

— Но я истомилась напрасно, продолжала Анюта дрожащимъ голосомъ,—истомилась жаждою слышать горячее признаніе, слова любви, трепеть страсти!.. Вы говорите, что любили меня, — но что-же мнѣ дала ваша любовь, кромѣ сомнѣнія? въ чемъ проявилась она?..

— Я думалъ, возразилъ Бѣляевъ, задыхаясь, — что все это придетъ само собою... что мужчина долженъ ждать, пока чувство выскажется безъ всякихъ словъ...

— Да, вы методически и вполнѣ рачіонально ждали всего отъ времени и не понимали, что это терпѣливое, апатическое жданіе падало на мою любовь, какъ капли воды на пламя!.. Именно въ это самое время явился Хабаровъ—и все, чего я жаждала, чего просила, о чемъ мечтала... все осуществилось въ немъ!.. Вся сила накопившагося во мнѣ чувства, вся потребность любви, которой вы не давали пищи, обратилась на него и нашла полное удовлетвореніе!

Настало долгое молчаніе. Бѣляевъ сидѣлъ неподвижно, стиснувъ голову обѣими руками; цѣлый вихрь мыслей носился въ его умѣ, невыносимое страданіе давило его мозгъ.

— Да, сказалъ онъ наконецъ,—мы не могли съ вами слиться, какъ огонь и вода.

Онъ смотрѣлъ такимъ угрюмымъ и блѣднымъ, что Анютѣ стало жаль его, жаль всего, что она ему сказала

— Вы еще найдете себя женщину по сердцу, сказала она;— жизнь передь вами долга.

— Неужели еще долга? усмѣхнулся Бѣляевъ. — А мнѣ кажется, что я ужь безконечно долго живу!

Онъ началъ ходить по балкону большими шагами, потомъ опять сѣлъ и задумчиво устремилъ безцѣльный взглядъ въ звѣздное небо, нависшее надъ ними.

— Что вы такъ задумались? ласково спросила Анюта.

— Я думаю о томъ, чѣмъ-бы я могъ такъ утомиться, всю жизнь ничего не дѣлая. Впрочемъ, нѣтъ ничего, что-бы такъ утомляло, какъ бездѣйствіе.

— Почему-же бездѣйствіе? возразила Анюта; — у васъ есть призваніе, вы всегда ревностно занимались вашимъ дѣломъ.

— Дѣло это—толченіе воды. Знаете-ли, когда я подумаю о томъ, что дальше ждетъ меня въ жизни, то я чувствую такую-же скуку, какъ тотъ, кому предстоитъ перечитывать давно извѣстную книгу.

— Ну, нѣтъ; въ жизни всегда можетъ случиться что-нибудь совершенно новое.

— Нѣтъ; вѣдь жизнь сама по себѣ ничто; она только тѣнь, отраженіе нашего внутренняго міра, нашихъ чувствъ и ощущеній. Но эти чувства и ощущенія атрофированы во мнѣ давно. Когда я пріѣхалъ сюда въ деревню, мнѣ въ первое время показалось,— знаете, какъ бываетъ съ безнадежными чахоточными,—что я воскресаю, что я могу, пожалуй, и любить, и жить, и наслаждаться. Но вы мнѣ доказали сейчасъ, что это была только вспышка: лампа не можетъ горѣть безъ масла.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что мы всѣ не имѣемъ почвы, за которую могла-бы уцѣпиться жизнь, чтобы пустить крѣпкіе корни. Мы выросли на отрицаніи, а однимъ отрицаніемъ жить нельзя. Положимъ, что въ отрицаніи есть громадная сила, когда человекъ знаетъ вдоль и поперекъ то, что онъ отрицаетъ, когда онъ самъ жилъ посреди тѣхъ началъ, которыя отвергаетъ. Тогда онъ ставитъ себѣ задачей достигнуть противоположныхъ началъ. Но когда отрицаніе не созидаетъ никакихъ новыхъ идеаловъ, когда дѣлается отрицаніемъ ради одного отрицанія и поконится только на старыхъ традиціяхъ,

не созидая ничего новаго, — тогда понятно, что жизнь теряет всякій смыслъ.

— Но развѣ обязательно каждому идти за толпою? спросила Анята.

— А развѣ можно избѣжать вліянія той нравственной атмосферы, которая насъ окружаетъ? Однимъ легче свыбнуться съ нею, другимъ тяжелѣе — вотъ и вся разница.

Бѣляевъ всталъ, взялъ шляпу и лѣниво вертѣлъ ее въ рукахъ.

— Мы расстаемся друзьями? сказала Анята, протягивая руку.

— О, да, отвѣчалъ онъ, пожимая ее: — не думайте, чтобы вы сдѣлали мнѣ какой-нибудь существенный вредъ. Любовь къ вамъ не могла-бы наполнить пустоты моей жизни: она была-бы только пальятивнымъ средствомъ. Прощайте, я думаю скоро уѣхать отсюда совсѣмъ.

— Куда? зачѣмъ?

— Въ Петербургъ, я полагаю, куда-же больше! А зачѣмъ?.. зачѣмъ, что это нынѣшняя болѣзнь — мѣнять мѣста: нигдѣ не сидится!

Онъ сповойно улыбнулся и вышелъ.

Была уже совсѣмъ ночь, темная, звѣздная ночь, и все въ природѣ торжественно тихо. Бѣляевъ шелъ, не останавливаясь и не замѣчая разстоянія. Только когда онъ очутился въ Ключахъ, передъ воротами своего дома, онъ какъ-будто очнулся. Въ его комнатѣ горѣла лампа; онъ вошелъ, не обращая на это вниманія, и машинально постоялъ нѣсколько секундъ передъ столомъ; потомъ стремительно повернулся, кинулся на постель головою въ подушку и — неожиданно для него самого — изъ наболѣвшей груди его вырвались рыданія... Страшно слышать рыданія взрослого мужчины!

Вдругъ онъ почувствовалъ горячіе поцѣлуи на своемъ лицѣ, чьи-то нѣжныя руки обвили его шею, приподняли голову и прислонили ее къ чьей-то груди... Возлѣ него сидѣла Валерія, счастливая, торжествующая, и, сжимая его въ объятіяхъ, шептала:

— Милый мой! я одна тебѣ осталась... Поди ко мнѣ, я тебя утѣшу во всемъ!..

Не спрашивая, что случилось и почему она очутилась здѣсь, Бѣляевъ съ какимъ-то упоеніемъ отчаянія схватилъ ее руками и крѣпко прижалъ къ себѣ.

IX.

Поступокъ Валеріи былъ послѣдней ставкой, которую она рѣшилась выиграть во что-бы то ни стало.

Оглушенная тѣмъ, что сообщилъ ей Бѣляевъ насчетъ ребенка, лишившись послѣдняго орудія противъ Анюты, она въ своемъ смятеніи позвала Хабарова и рассказала ему все, спрашивая, вѣрить-ли этому. Онъ подтвердилъ все сказанное Бѣляевымъ и, въ свою очередь, объявилъ Валеріи, въ какихъ отношеніяхъ онъ стоитъ къ Анютѣ и что скоро будетъ ихъ свадьба. Но даже и это не могло вполне успокоить Валерію; терзаясь ревностью, она тайно вечеромъ ушла пѣшкомъ къ Аленинымъ, чтобы объясниться съ самой Анютой. Когда она пришла туда, въ залѣ и гостиной никого не было, а на балконѣ разговаривали Бѣляевъ съ Анютой. Валеріи не трудно было услышать весь ихъ разговоръ отъ слова до слова, не показываясь имъ. Въ головѣ ея тотчасъ созрѣлъ смѣлый планъ. Она сообразила женскимъ инстинктомъ, что Бѣляевъ, отвергнутый любимой женщиной, обманувшись во всѣхъ своихъ надеждахъ, будетъ чувствовать себя въ безпомощномъ положеніи пловца, отбившагося отъ берега и хватающагося за соломинку... Именно въ эту минуту нравственнаго безсилія и душевнаго горя, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ опомниться, надо было овладѣть имъ, и, разъ поддавшись, онъ уже не будетъ имѣть силы и даже, пожалуй, желанія освободиться. Поглощенная одной этой мыслью, Валеріа вышла изъ дома Алениныхъ нѣсколькими минутами прежде Бѣляева и, не разбирая ни темноты, ни дороги, не чувствуя усталости, только по временамъ оглядываясь, идетъ-ли онъ за нею, пришла въ Ключи прежде него, незамѣченная имъ, и спряталась въ его комнатѣ. Тутъ она была свидѣтельница его безутѣшныхъ рыданій и поняла, что онъ теперь въ ея рукахъ. Расчетъ оказался вѣренъ: Бѣляевъ жадно схватился за предлагаемое утѣшеніе и нарочно старался забыться, отуманить себя...

Можно себѣ представить, что происходило въ это время въ

домъ Громова! Съ семи часовъ вечера Валерія пропала и не возвратилась къ ночи. Генераль чуть не рехнулся; толпа верховыхъ и пѣшихъ была разослана искать ее повсюду; даже былъ отправленъ посланный въ городъ съ объявленіемъ полиціи о пропажѣ жены.

Прислуга догадывалась, въ чемъ дѣло; нѣкоторые успѣли тайкомъ сбѣгать въ Ключи и убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній; но всѣ единодушно рѣшили не открывать этого Громову, надѣясь заслужить этимъ у жены его, которая была всегда щедра на подарки. Находя какое-то наслажденіе его дурачить, всѣ взапуски увѣряли, что ключевского доктора даже дома нѣтъ и что барыню вѣрно утащилъ волкъ, когда она пошла въ лѣсъ. Суматоха продолжалась всю ночь; Фелисата Петровна отъ страха спряталась въ кухню, потому-что Громовъ бѣжалъ за нею, спрашивая, какъ она смѣла отдать за него свою дочь. Аркадій былъ также прогнанъ искать сестру. Хабаровъ наотрѣзъ отказался принять участіе во всей этой исторіи и заперся отъ Громова на ключъ въ своемъ павильонѣ.

Къ утру у Громова не стало ни голоса, ни силъ. Онъ повалился на диванъ въ кабинетѣ и началъ стонать на весь домъ.

Но ему не суждено было успокоиться. Часовъ въ одиннадцать къ дверямъ кабинета приблизились шаги, рѣшительная рука толкнула дверь — и бѣглая жена, предметъ столькихъ поисковъ, предстала сама своей особой предъ нимъ. Лицо Валеріи было оживлено какимъ-то внутреннимъ ликованіемъ; при видѣ растеряннаго и стонавшаго мужа она не могла удержать насмѣшливой улыбки и подошла къ нему безъ малѣйшаго страха.

— Я ночевала у Бѣляева, сказала она ему прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ изумленія и неожиданности.

Ошеломленный Громовъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, какъ на сумасшедшую. Она пожала плечами и смотрѣла на него съ какою-то жалостью.

— Я ночевала у Бѣляева, повторила она отчетливо: — я его любовница и жить больше съ тобой не хочу. Прощай, я уѣзжаю отъ тебя.

— Что-о!?... проревѣлъ генераль внѣ себя и схватился за чубукъ.

Валерія ловкимъ движеніемъ выхватила у него этотъ чубукъ

и кинула на полъ. Глаза ея горѣли такъ, что Громовъ попятился.

— Я отъ тебя ничего не скрываю, продолжала она, — и не хочу скрывать. Я уѣзжаю и больше не ворочусь никогда. Не нужно мнѣ твоего богатства, не нужно твоихъ домовъ и каретъ. Я довольно настрадаюсь изъ-за нихъ. Прощай!

Съ этими словами Валерія вышла, оставивъ мужа въ состояніи близкомъ къ идиотизму. Но еще минута—и бѣшенство чуть не задушило его; онъ въ изступленіи рванулся съ мѣста, но упалъ опять навзничъ на диванъ. Ему сдѣлалось дурно.

Валерія, между тѣмъ, не теряла времени. Она проворно укладывала въ чемоданъ свои вещи и набивала карманы футлярами различныхъ драгоценностей, которыя дарилъ ей мужъ или она сама для себя покупала во все время ихъ супружества. Прислуга, которую она щедро одарила своими наличными деньгами, была вся на ея сторонѣ, хлопотала и кидалась всюду по ея приказанію.

Когда Громовъ, очнувшись, началъ кричать, чтобъ его жену заперли и не выпускали изъ дома, то ему отвѣтили, что ея ужъ и слѣдъ простылъ, хотя это была неправда. Валерія преспокойно укладывалась въ комнатъ своей горничной и слышала оттуда бѣшенныя завыванія мужа. Кучеръ предложилъ-было ей запретъ тихонько лошадь, чтобъ довести ее до станціи, но она отказалась и дошла пѣшкомъ до ближайшаго села, гдѣ были ямскія лошади.

Она отправлялась прямо въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ присоединиться къ ней Бѣляевъ, окончивъ всѣ свои дѣла въ Ключахъ и оставивъ службу.

Х.

Было пасмурное, сѣрое петербургское утро; дождь моросилъ слегка, но не переставая.

Въ одномъ изъ номеровъ ***ой гостинницы сидѣлъ Бѣляевъ у окна, повидимому, погруженный въ чтеніе газеты. У стола, на которомъ еще стоялъ неприбранный чайный приборъ, Валерія, очень оживленная и озабоченная, считала вполголоса банковые билеты и серіи, лежавшіе кучей передъ нею.

— Смотри, Поль, обратилась она къ Бѣляеву:—я выручила уже восемь тысячъ за брилліантовое кольцо, за четыре перстня и за изумрудный уборъ; и у меня еще много осталось: кораловый уборъ, брилліантовая серьга съ брошкой, трое часовъ и разная тамъ еще мелочь. Хорошо вѣдь это, а?.. Да что это ты уткнулся въ свою газету? что ты читаешь?

Она встала, чтобъ подойти къ нему, но вдругъ лицо ея искажилось горькимъ упрекомъ.

— Понимаю, сказала она,—вижу, что это такое! Это вчерашняя газета и въ ней это достопримѣчательное извѣстіе, что „такой-то Хабаровъ уѣзжаетъ съ молодой женой за-границу“... Что-же, ты его твердишь наизусть?.. или, можетъ быть, надѣешься, что это не тотъ Хабаровъ и что твоя Анюта еще не замужемъ?

Ея тонъ былъ рѣзокъ и звучалъ горькой ироніей.

— Совсѣмъ я объ этомъ и не думаю, возразилъ Бѣляевъ, отодвигая газету:—въ этомъ извѣстіи ничего нѣтъ для меня особеннаго.

— Такъ отчего-же ты такъ пристально читалъ?

— Чѣмъ-же пристально?.. просто читалъ.

— Нѣтъ, я очень видѣла, какое это произвело на тебя впечатлѣніе... Ты со вчерашняго дня самъ не свой. Я тутъ хлопочу, какъ-бы устроить нашу жизнь, радуюсь удачѣ... А ты, вмѣсто того, чтобъ принимать участіе, ты и забылъ обо мнѣ!..

Голосъ ея дрожалъ отъ огорченія, щеки поблѣднѣли, на глазахъ наворачивались слезы. Бѣляевъ началъ цѣловать ей руки и шептать ласковыя слова, которыя она любила слышать, до тѣхъ поръ, пока снова не вызвалъ улыбку на ея губы. За то его собственное лицо подернулось болѣе замѣтнымъ оттѣнкомъ блѣдности...

— Въ самомъ дѣлѣ, Поль, сказала Валерія, обнимая его за шею и подставляя свою руку къ его губамъ,—ты долженъ быть деликатнѣе со мною. Ты не повѣришь, какъ это меня разстраиваетъ, когда у тебя пасмурный видъ; у тебя дѣлается между бровями такая ужасная черточка, которую я не могу видѣть!.. Мнѣ все кажется тогда, что ты несчастливъ со мною, что моя жертва была напрасна... Что-же ты молчишь, Поль? прибавила она нетерпѣливо, тщетно дождавъ отвѣта.

— Что-же мнѣ говорить; ты сама знаешь, что я... очень счастливъ. Такъ у тебя еще много осталось драгоценностей отъ про-

дажи? продолжалъ онъ, перемежая разговоръ и съ заинтересованнымъ видомъ раскрывая коробки;—гдѣ-же коралловый уборъ? ахъ, вотъ онъ.

— Что ты, Поль, это браслетъ!

— Чудесный браслетъ; онъ къ тебѣ очень идетъ. Что-же тутъ еще?.. это какой камень?

— Рубинъ.

— Прелесть, какъ хорошъ. Такъ сколько-же денегъ ты выручила?

— Восемь тысячъ.

— Пересчитала-ли ты какъ слѣдуетъ? сказалъ Бѣляевъ, усиливаясь придать себѣ озабоченный видъ, и началъ считать билеты и серіи.—Ну, на что-же ты думаешь ихъ употребить? спросилъ онъ, желая вовлечь ее въ интересный для нея разговоръ; но, къ его смущенію и недоумѣнію, Валерія вся вспыхнула отъ досады и нервнымъ движеніемъ откатила свое кресло отъ стола.

— Какъ мужчины могутъ ухитряться дѣлать такъ, чтобъ оскорблять женщину на каждомъ шагу! заговорила она прерывающимся голосомъ;—это въ нихъ какая-то органическая жестокость... и въ тебѣ болѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь! Ты въ этомъ не сознаешься, но я увѣрена, что ты меня дразнишь нарочно и что тебѣ пріятно меня мучить!

— Валерія!.. скажи ради Бога, чтѣ... что я сдѣлалъ?

— Къ чему этотъ вопросъ, на что я думаю употребить мои деньги? Развѣ онѣ мои? развѣ я стану ими распоряжаться одна? Все, что я дѣлала, я дѣлала для тебя. Я-бы желала нераздѣльно слить наши существованія въ одно, а ты постоянно напоминаешь мнѣ о какомъ-то разъединеніи! Сколько я съ тобой ссорилась за это, сколько я просила, чтобъ ты всегда говорилъ: *мы... наши...* И ты даже этого не хочешь для меня сдѣлать!

— Оставь меня при моемъ характерѣ, Валерія; я передѣлать его не могу, сказалъ Бѣляевъ мрачно.

— Боже мой!.. опять эта роковая черточка между бровями... о, какая пытка!

Валерія закрыла лицо руками; по ея вздохамъ видно было, что она удерживается отъ рыданій. Бѣляевъ нервно всталъ, отошелъ къ окну и прислонился лбомъ къ холодному стеклу. Въ

груди его также накипапи рыданія; но, не вырываясь ни однимъ звукомъ наружу, падали пудовою тяжестью на сердце.

Такъ прошло съ четверть часа.

— Поль! позвала Валерія съ нѣжностью.

Онъ не двигался. Она вздохнула, медленно подошла къ нему и повернула къ себѣ его голову.

— Ты меня заставляешь первую подходить мириться, прощептала она;—это не великодушно.

Она тихо отвела его отъ окна и посадила на диванъ рядомъ съ собой. Онъ повиновался, какъ автоматъ.

— У, какія холодныя руки! сказала Валерія, улыбаясь. — У меня такія бываютъ только въ нервномъ припадкѣ. Здоровьели ты?

— Кажется, ничего.

— Нѣтъ, ужъ я поѣду одна нанимать квартиру; а то ты простудишься.

— Какую квартиру?

— Ты ужъ забылъ, что мы переѣзжаемъ? Квартира недурна; я нарочно выбрала небольшую на первое время. Вотъ сколько комнатъ: пріемная, столовая, спальня, комнатка для мамашы и кухня.

— Твоя мамаша будетъ жить съ нами?.. Гмъ... А для меня будетъ комната?

Валерія помолчала.

— Вѣдь я сказала: спальня, возразила она съ упрекомъ, — то-есть *наша* комната. Извини... мнѣ не приходило въ голову, что тебѣ нужно отдѣльную отъ меня комнату.

— Конечно, отвѣчалъ Бѣляевъ и какъ-то странно улыбнулся;—а впрочемъ, если-бъ ко мнѣ пришли больные?

— Ахъ, Поль, вѣдь мы уже это рѣшили, заговорила Валерія въ волненіи: — оставь ты это докторство! это вовсе не твое призваніе и выгоды никакой не даетъ. Я тебѣ говорила мое желаніе: со временемъ, когда все устроится, мы возьмемъ на аренду землю.

Бѣляевъ бодрѣнно засмѣялся.

— Я буду превосходнымъ арендаторомъ, сказалъ онъ.—Ну, а до тѣхъ поръ я буду жить у тебя на хлѣбахъ, на эти во-семь тысячъ?

— Поль! вскричала Валерія, блѣднѣя.—Что это значитъ? ты опять хочешь мѣнять?

— О, нѣтъ, гдѣ-же мѣнять!.. тутъ ужъ ничего не пережѣнишь. Напротивъ, мнѣ самому любопытно, какъ это все слагается... Понемногу, потихоньку, а все одно къ одному.

— Къ чему одному?

— Къ арендѣ, вѣроятно.

Валерія нахмурила брови и безпокойно смотрѣла на Бѣляева.

— Послушай, сказала она съ капризной гримаской избалованнаго ребенка,—мнѣ не нравится, когда ты такой.

— Мнѣ самому не нравится, что я такой. Знаешь, что мнѣ представляется: что вотъ это все, что кругомъ насъ — земля, природа, города, села—все это декорація; а мы, люди, выпущены на сцену, какъ маріонетки, играть на потѣху какого-то невидимаго зрителя; это-то за кулисами дергаетъ пружины и мы вертимся, не зная сами, какая будетъ развязка...

— За молчи, замолчи! вскричала Валерія, схвативъ себя за голову.—Я не могу слышать этихъ философствованій: они сводятъ меня съ ума.

Бѣляевъ замолчалъ. Послѣ вспышки ненатуральной веселости онъ сдѣлался еще мрачнѣе.

— Ну, вотъ, я такъ и знала, что это не къ добру... и опять черточка! заговорила Валерія.—Господи, да что съ тобой! Вотъ думаешь отдохнуть, начать новую жизнь, а ты тоску наводишь! Если ты не любишь меня, то лучше скажи прямо... Право, я того не терпѣла съ мужемъ, что терплю съ тобою!

Она плакала. Бѣляевъ будто очнулся и началъ покорно просить прощенія.

Скоро она собралась ѣхать нанимать квартиру. Бѣляевъ остался одинъ.

„Я не люблю ее, сказалъ онъ самъ себѣ, — никогда не буду любить и вѣчно, вѣчно долженъ буду жить съ нелюбимой женщиной. Впрочемъ, что-жь... все равно!“

Онъ легъ на постель съ тѣмъ, чтобъ заснуть, потому-что не спалъ двѣ ночи; но ему не спалось: все казалось неловко; онъ десять разъ пережѣнял положеніе и, наконецъ, всталъ.

Безпорядочныя мысли—не мысли, а какіе-то отрывки мыслей—лѣзли ему въ голову. Квартира, аренда, мужъ Валеріи, семейныя

сценны—все это мѣшалось въ его умѣ. Когда онъ попробовалъ ясно вникнуть въ свое положеніе, его одолѣло что-то въ родѣ тошноты. Да и къ чему было вникать? Онъ зналъ, что ему не вырваться изъ этихъ условій, что какъ-бы ни было пусто, безцвѣтно и позорно предстоявшее ему существованіе, онъ все-таки приметъ его. Чтобъ бросить женщину, которая все отдала ему и положила въ немъ всѣ свои интересы, нужна была сила протеста, а у него ея не было.

„Сила-бы нашлась, разсуждалъ онъ, — если-бъ я имѣлъ что-нибудь опредѣленное впереди, если-бъ что-нибудь манило меня въ даль, въ другую жизнь... А то, пожалуй, такъ еще лучше!“

Эта мысль заставила его горько засмѣяться.

Часа черезъ два возвратилась Валерія съ матерью, которую захватила отъ какихъ-то знакомыхъ, и — чего-чего не полилось изъ устъ Фелисаты Петровны! Сплетни всѣхъ сортовъ, рассказы про Алениныхъ, про свадьбу Аркадія съ Любой, на которую ее не пригласили; про квартирную хозяйку и ея мужа, про дворника и водовоза, съ которыми она уже успѣла побраниться. Громова она теперь ругала на чемъ свѣтъ стоитъ и подсмѣивалась надъ его конфузомъ, что жена отъ него ушла. Валерія также смѣялась и поддакивала матери. Бѣляевъ замѣтилъ съ удовольствіемъ, что съ Валеріи слетѣла та поэзія, которую накладывала на нее подневольная жизнь съ тупоумнымъ деспотомъ мужемъ, среди богатства и роскоши, опротивѣвшихъ ей. Тогда, бывало, въ ней ни одной черты сходства съ матерью нельзя было подмѣтить и онѣ были въ вѣчной распрѣ; теперь-же ихъ нельзя было отличить одну отъ другой: онѣ совсѣмъ одинаково смотрѣли на вещи и были въ такой дружбѣ, въ какой могутъ быть только сходныя натуры. Ихъ связывалъ взаимный интересъ: мать была нужна Валеріи, какъ домашній сторожъ, экономка, разсмысленная и закупица; Фелисату Петровну, въ свою очередь, прельщала жизнь безъ труда и заботъ, на дочернія тысячи, изъ которыхъ она также надѣялась поживиться порядочной долей.

Бѣляевъ слушалъ съ любопытствомъ—не то, что онѣ говорили, но то, что сквозило для него въ ихъ рѣчахъ изъ ихъ внутренняго міра...

Главнымъ предметомъ разговора былъ Громовъ, который подальше искъ на жену, что она его обокрала. Валерія и мать ея весело

сговаривались спрятать куда-то и деньги, и камни, взять адвоката, найти свидѣтелей,—однимъ словомъ, оставить Громова въ дуракахъ.

Втеченіи дня онѣ нѣсколько разъ уѣзжали и опять пріѣзжали, все отправляя вещи на новую квартиру. Къ нимъ присоединилась какая-то бойкая родственница Фелисаты Петровны, которая съ любопытствомъ разглядывала Бѣляева и все старалась съ нимъ заговорить, хотя онѣ почти не отвѣчалъ.

У него начала кружиться голова отъ ихъ болтовни и суеты, и когда въ сумерки онѣ опять исчезли, онѣ почувствовалъ смутное облегченіе и заперся на крючекъ въ послѣдней комнатѣ. Но это минутное облегченіе быстро смѣнилось другимъ ощущеніемъ—сознаніемъ полного одиночества. Кругомъ стояла тишина, только на улицѣ слышался однообразный стукъ экипажей; въ полусвѣтѣ сумерекъ видно было, какъ тихій дождь не переставая струился по оконнымъ стекламъ, точно будто лились чьи-то неутѣшныя, неумоляемыя слезы...

И опять въ мозгу Бѣляева поднялся рой мыслей, уместованій, воспоминаній.

„Что такое жизнь? спрашивалъ онѣ себя съ тоскою; — чего всѣ отъ нея просятъ, чего всѣ ждуть? Все стремится куда-то, къ какой-то неизвѣстной цѣли. Первый законъ природы—самосохраненіе и размноженіе. Но для чего сохраняться? зачѣмъ размножаться? вотъ вопросъ“.

И самъ онѣ чувствовалъ, что тоже куда-то стремится, чего-то жадно и томительно желаетъ, — но напрасно онѣ напрягалъ всѣ силы своего ума, чтобъ разгадать, какое это желаніе: оно не облекалось ни въ какую форму, и онѣ, утомленный этимъ исканіемъ, какъ борьбой съ привидѣніемъ, чувствовалъ только невыносимую тяжесть и пустоту въ головѣ. Его давила какая-то свинцовая неподвижность; это былъ духъ унынія, то-есть недостатокъ энергіи, дѣйствующей силы,—иначе сказать, атрофія душевныхъ силъ.

Передъ нимъ встали воспоминанія прожитой жизни,—даже не воспоминанія, но какія-то сѣрыя тѣни безъ формы. Онѣ не могъ отыскать въ нихъ ни опредѣленной цѣли, ни живого интереса, ни борьбы, ни побѣды, ни добра, ни зла; эти призраки прошлаго будто шептали ему: что ты сдѣлалъ изъ жизни... не лишній-ли

ты? И ему казалось, что сердце его перестаетъ биться и члены цѣпѣются. Вдругъ—тепло, ярко и празднично,—представилась ему картина сельской природы лѣтомъ: шумная жизнь полей во время уборки; попотъ и прохлада зеленыхъ лѣсовъ; игривыя волны рѣвки, пѣнящіяся подъ мельничнымъ колесомъ; довольное мычаніе, ржаніе, бляеніе и лай животныхъ, удовлетворенныхъ во всѣхъ своихъ потребностяхъ. Острая боль пронизала все его существо: все это было такъ прекрасно, такъ счастливо, такъ торжественно-спокойно, такъ гармонично и цѣлесообразно,—и посреди этого одинъ только онъ томился, какъ непрощенный пришлецъ изъ чуждаго міра, не находя себѣ ни мѣста, ни дѣла, ни покоя...

Бѣляевъ отвернулся отъ этой картины. Онъ всталъ и совершенно машинально, не думая о томъ, что дѣлаетъ, зажегъ свѣчу. Зажигая ее, онъ нечаянно взглянулъ въ зеркало и ему показалось, что у него сдѣлалось лицо старика. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, угрюмое выраженіе чертъ, складки на лбу, впалые глаза дѣлали такую иллюзію при тускломъ освѣщеніи; но Бѣляевъ совершенно серьезно принялъ эту фантазмагорію за дѣйствительность.

„Я первый, надъ которымъ совершается этотъ феноменъ, думалъ онъ, смотря въ зеркало;—но, вѣроятно, онъ скоро будетъ общимъ явленіемъ. Я прожилъ лѣтъ сорокъ въ одинъ этотъ день: у меня семидесятилѣтнее лицо... Что-же это я такъ зажилъ на бѣломъ свѣтѣ?.. Какъ странно: въ старину складывали легенды о томъ, что тысяча лѣтъ показалась за одинъ мигъ наслажденія; никому еще не приходило въ голову, что одинъ день можетъ превратить молодого человѣка въ старика!“

Бѣляевъ глубоко, глубоко задумался; онъ очнулся только тогда, когда хлопнула дверь и въ сосѣдней комнатѣ заходили и заговорили. Раздалось двиганіе чемодановъ, ящиковъ, голоса прислуги и, наконецъ, Валерія закричала, стучась въ дверь:

— Павелъ Ильичъ, собирайся. Мы сейчасъ ѣдемъ на новую квартиру; давай всѣ свои вещи.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Бѣляевъ, вставая.

Онъ торопливо и безшумно сбросилъ съ себя сюртукъ и вынулъ изъ футляра револьверъ.

— Отчего ты залерса? продолжала Валерія;—иди сюда.

— Сейчасъ, повторилъ Бѣляевъ, и такъ-же тихо приложилъ

одну руку къ сердцу, а другою сталъ нацѣлывать изъ револьвера.

— Какъ бьется! сказалъ онъ съ задумчивой улыбкой, прислушиваясь къ біенію своего сердца; — интересно знать, сколько разъ въ минуту?..

Онъ придвинулъ къ себѣ маленькіе часы и сталъ считать.

— Двадцать, сорокъ, пятьдесятъ, восемьдесятъ, сто!..

Съ послѣднимъ словомъ выстрѣлъ раздался и Бѣляевъ упалъ мертвымъ.

И. Лѣтновъ.

СВЯТОГОРЬ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

На борзомъ конѣ богатырь Святогорь
Гуляетъ по чистому полю.
Гнететь его силы могучій напоръ
И нудить его молодецкій задоръ,
Да нечѣмъ потѣшиться въ волю.

Силенъ и могучъ богатырь удалой,
Сильнѣе его не бывало:
Сподобилъ Господь его силой такой,
Что справиться съ нею, не то что другой,
Подчасъ самого не хватало.

И думаетъ витязь: эхъ, если-бъ теперь
Попала мнѣ рать басурмана
Иль вышелъ какой-нибудь чудище-звѣрь,
Такъ правое слово—хощь вѣрь, хощь не вѣрь—
А имъ не уйти-бъ безъ пзьяна.

Что соколъ съ налета, разнесъ-бы я ихъ,
На зубъ-то голодный, отъ скуки.
Да яѣтъ, супостатовъ-бы мнѣ не такихъ!
Что звѣрь, басурманы?.. Не стойтъ о нихъ
Марать богатырскія руки!

Вотъ если-бы тягу такую добыть
Сдалось молодцу Святогору,
Чтобъ было-бы землю за что ухватить,
Да всю-то какъ есть-бы стряхнуть, своротить, —
Вотъ это-бы было намъ впору.

Вдругъ, словно кто душу провѣдалъ его,
Онъ слышитъ отвѣтъ за собою,
Нежданнй, незванный, Богъ вѣсть отъ кого:
„Могучъ ты, князь, силой, а пуще того
„Могучъ ты, никакъ, похвальбою.

„Смотри, молодецъ, чтобъ порою на томъ
 „Да намъ не пришлось осямниться!“
 Глядитъ богатырь съ удивленьемъ кругомъ,
 Кто смѣлъ говорить такъ негоже о немъ
 И въ силѣ его усомниться?

Глядитъ онъ и видитъ: за нимъ въ двухъ шагахъ,
 Сторонкой идетъ по полянѣ
 Какой-то прохожій съ дубинкой въ рукахъ
 Да съ лыковой торбой на дюжихъ плечахъ,
 Въ постолахъ и смуромъ кафтанѣ.

Сдержалъ богатырь удалого коня,
 Прохожаго смѣрилъ очами
 И молвилъ: „Ты, что-ль, урекаешь меня?..
 „Эй! парень, ожнешься—не трогай огня,
 „Не суйся съ пустыми рѣчами.“

„—А ты, богатырь, за правдивый покоръ
 Не сѣтуй, отвѣтилъ прохожій, —
 „А если со мною повольт на споръ,
 „Такъ я-бы сказалъ: Не вичись, Святогоры!
 „Великъ въ тебѣ силы даръ Божій,

„Земля-жь переможетъ и, милость твою,
 „Она посильнѣй тебя будетъ.
 „А хочешь попробовать сплу свою,
 „Такъ вотъ подыми-ка котомку мою—
 И та тебя, витязь, изнудить.“

„—Шутникъ ты, я вижу: нашель, чѣмъ пытатъ!
 Смѣясь богатырь отвѣчаетъ,—
 „А что, какъ я торбу-то за горы въ падъ
 „Заброшу, что три года будешь пскать?..
 И, спѣшась, къ сумѣ приступаетъ.

Схватилъ ее витязь одною рукой—
 Грузна! Ухватился другою—
 Ни съ мѣста! Дивится онъ тажи такой
 И крѣпко уперся могучей пятой,
 Но сладить не можетъ съ сумою.

И всей-то онъ силой на торбу налегъ.
 Береть его даже досада;
 Но какъ ни трудился, а сдвинуть не могъ,

Лишь самъ, обезсилѣвъ, свалился онъ съ ногъ,
Измучась надъ ней до упада.

И ждетъ Святогоръ, что съ такого стыда
Прохожій начнетъ издѣваться.
А тотъ благодушно ему: „—Не бѣда!
„Съ кѣмъ грѣхъ, богатырь, не живетъ иногда?
„И ты не пзволь сокрушаться“.

Поднялся съ земли Святогоръ удалой,
Понурия чело и вздыхая,
И молвилъ: „—Не вѣдаю, кто ты такой,
„Но чую, что ты человѣкъ не простой
„И торба твоя не простая.

„Скажи-же мнѣ все, ничего не тая,
„И какъ тебя звать, человѣче?“
—„Зовуся Микულъ Селяниновичъ я,
„Коль вѣдать изволить то милость твоя,
„Вотъ тутъ изъ села недалече.

„Кормилицѣ нашей—землѣ я служу,
„Ее берегу, обряжаю,
„Съ молитвой за плугомъ весною хожу,
„А по лѣту съ пѣснею жну, не тужу,
„А въ зиму голодныхъ питаю.

„За тѣмъ и котомка моя непуста
„И съ ногъ непривычнаго косить.
„Въ ней земская, видишь, лежитъ тягота;
„Подъ ней надломилась твоя могота,
„А мать-то земля ее сносить“...

М. Р.

ЗАКОНЪ И ЖЕНА.

Р О М А Н Ъ

ВИЛЬКИ КОЛИНЗА.

XXX.

Обвиненіе м-съ Бьюли.

Я вскочила и пристально посмотрѣла на Мизеримуса Декстера. Я была слишкомъ взволнована, чтобъ промолвить слово.

Я никогда не ожидала услышать отъ него такое опредѣленное обвиненіе. Самое большее, на что я могла рассчитывать, развѣ только на подозрѣніе, подобное моему. Но онъ теперь ясно и ни мало не колеблясь сказалъ: „Нѣтъ ни тѣни-сомнѣнія, м-съ Бьюли ее отравила“.

— Сядьте, сказалъ онъ спокойно, — вамъ нечего бояться. Въ этой комнатѣ никто насъ не услышитъ.

Я сѣла и, немного оправившись, спросила:

— Говорили вы кому-нибудь объ этомъ?

— Нѣтъ, никто другой ея не подозрѣвалъ.

— Даже адвокаты?

— Даже адвокаты. Нѣтъ никакой улики противъ м-съ Бьюли, а только мое нравственное убѣжденіе.

— Если-бъ вы постарались, то, вѣроятно, нашли-бы и улики...

— Взгляните на меня, сказалъ онъ, засмѣявшись: — какъ искать улику человѣку, привязанному къ креслу? Кромѣ того,

меня удерживали и другія преграды. Я вообще очень осторожный человекъ, хотя, быть можетъ, вы этого и не замѣтили. Но моя страшная ненависть къ м-съ Бьюли не могла укрыться отъ нея, и она по моимъ глазамъ, вѣроятно, догадалась, что я жажду предать ее палачу. Съ самаго начала м-съ Бьюли-Борджиа была на сторожѣ противъ меня. Я рѣшительно отказываюсь объяснить вамъ, на-сколько она хитра; развѣ постараюсь сдѣлать это сравненіемъ. Я представляю положительную степень хитрости, чортъ—сравнительную, а м-съ Бьюли—превосходную. Нѣтъ, нѣтъ, если суждено кому-нибудь вывести ее на чистую воду, такъ это не мужчинѣ, а женщинѣ,—женщинѣ, которую она не подозреваетъ, женщинѣ, которая съ терпѣніемъ тигрицы...

— Однимъ словомъ, скажите, что это можетъ удасться только такой женщинѣ, какъ я, перебила я его;—я готова на это.

Глаза его засверкали, зубы блеснули изъ-подъ усовъ и онъ дико забарабанилъ руками по креслу.

— Вы твердо рѣшились? спросилъ онъ.

— Поставьте меня на свое мѣсто, отвѣчала я,—вселите въ меня ваше нравственное убѣжденіе—и вы увидите.

— Хорошо, но прежде скажите мнѣ, какимъ образомъ вы, совершенно постороннее лицо, могли возымѣть подозрѣніе противъ нея?

Я объяснила, на-сколько могла, тѣ элементы подозрѣнія, которые я почерпнула изъ судебного слѣдствія, и особенно напирала на фактъ (подтвержденный присяжнымъ показаніемъ сидѣлки), что м-съ Бьюли была неизвѣстно гдѣ въ то самое время, когда Христина Ормсонъ оставила м-съ Юстасъ Мокаданъ одну въ комнатѣ.

— Вы попали прямо въ цѣль! воскликнулъ Мизеримусъ Декстеръ;—какая вы удивительная женщина! Что дѣлала она въ то утро, когда м-съ Юстасъ Мокаданъ умерла отъ отравы? Гдѣ была она наканунѣ ночью? Я могу сказать, гдѣ ея не было: ея не было въ ея комнатѣ.

— Она не была въ своей комнатѣ? повторила, я;— вы въ этомъ увѣрены?

— Я увѣренъ во всемъ, что говорю относительно м-съ Бьюли. Помните это и выслушайте меня. Это цѣлая драма, а я мастеръ на драматическое изложеніе. Вы сами сейчасъ оцѣните

мои способности. Дѣйствіе происходитъ 20-го октября въ Гленнчѣ, въ такъ-называемомъ Коридорѣ Гостей. Съ одной стороны рядъ оконъ, выходящихъ въ садъ, съ другой—четыре спальни съ уборными при нихъ. Первую спальню (считая отъ лѣстницы) занимаетъ м-съ Бьюли, вторая пуста, въ третьей обитаетъ Мизеримусъ Декстеръ, четвертая также порожняя. Вотъ сцена этой драмы. Время дѣйствія—одинадцать часовъ вечера. Декстеръ сидитъ въ своей комнатѣ и читаетъ; Юстасъ Мокаланъ входитъ къ нему. Юстасъ говоритъ: „Милый другъ, не шумите пожалуйста сегодня ночью и не стучите своимъ вресломъ по лѣстницѣ“. Декстеръ спрашиваетъ: „Ради чего?“ Юстасъ отвѣчаетъ: „М-съ Бьюли обѣдала у знакомыхъ въ Единбургѣ и возвратилась очень усталая; она уже удалилась въ свою комнату“. Декстеръ спрашиваетъ сатирически: „На что она походить, когда она устала? Такъ-же-ли прелестна, какъ всегда?“ Юстасъ отвѣчаетъ: „Я не знаю, я ея не видалъ; она прошла наверхъ, не говоря ни съ кѣмъ“. Третій вопросъ Декстера, на этотъ разъ очень логичный: „Если она ни съ кѣмъ не говорила, то почему вы знаете, что она устала?“ Юстасъ подаетъ Декстеру лоскутокъ бумаги и говоритъ: „Не ворчите дурака; я нашель эту записку на столѣ въ гостиной. Помните мою просьбу—не шумите, и покойной ночи“. Юстасъ уходитъ. Декстеръ беретъ записку и читаетъ слѣдующія строки, написанныя карандашемъ: „Только-что возвратилась; извините, что иду спать не простившись. Я очень устала. (Подпись) Елена“. Декстеръ по природѣ очень подозрителенъ. Декстеръ подозрѣваетъ м-съ Бьюли. Нечего разсуждать о побудительныхъ къ тому причинахъ: на это теперь нѣтъ времени. Онъ думаетъ: „Женщина очень уставшая не станетъ писать записки. Ей гораздо было легче подойти къ двери гостиной, мимо которой она шла, и сказать на словахъ то, что она хотѣла. Тутъ что-то не ладно. Я проведу ночь въ креслѣ“. Хорошо, но прежде, чѣмъ устроиться на ночь, Декстеръ открываетъ дверь и тихо отправляется въ креслѣ по коридору: Онъ осторожно запираетъ двери пустыхъ комнатъ, кладетъ ключи въ карманъ и возвращается къ себѣ. „Теперь, думаетъ Декстеръ,—если въ этой части дома заскрипитъ дверь, то я буду увѣренъ, что это дверь м-съ Бьюли“. Вслѣдъ за этимъ онъ затворяетъ дверь, оставивъ маленькое отверстіе, гаситъ огонь

и ждетъ, какъ кошка мышку. Онъ наблюдаетъ въ щель двери за коридоромъ, гдѣ горитъ всю ночь лампа. Бьетъ двѣнадцать часовъ. Дверь внизу запираютъ. Бьетъ полчаса перваго — весь домъ спитъ. Часъ, два — прежняя тишина. Половина третьяго — Декстеръ слышитъ въ коридорѣ какой-то шумъ. Ручка двери, единственной двери, которая можетъ быть отворена во всемъ коридорѣ, отъ комнаты м-съ Бьюли тихонько скрипитъ. Декстеръ опускается на руки, потомъ растягивается на полу и, припавъ глазами къ щели, смотритъ и слушаетъ. Дверь м-съ Бьюли закрывается и мимо Декстера мелькаетъ какая-то фигура. Онъ просовываетъ далѣе свою голову, и такъ-какъ она лежитъ на полу, то не обращаетъ на себя вниманія. Что-же онъ видитъ? М-съ Бьюли. Вотъ она идетъ въ длинномъ, коричневомъ бурнусѣ, въ которомъ она обыкновенно выѣзжаетъ. Черезъ минуту она исчезаетъ за дверью четвертой спальни, повернувъ въ коридоръ, называемый южнымъ. Какія комнаты въ южномъ коридорѣ? Три: первая — маленькій кабинетъ, упоминаемый въ показаніи сидѣлки, вторая — спальня м-съ Юстасъ Мокаланъ, а третья — спальня ея мужа. Что нужно м-съ Бьюли, такъ уставшей отъ поѣздки, въ этой части дома въ два съ половиною часа ночи? Декстеръ рѣшается прослѣдить ея дѣйствія, несмотря на весь рискъ быть застигнутымъ врасплохъ. Знаете вы, какъ онъ передвигается съ мѣста на мѣсто безъ своего кресла? Видали вы, какъ бѣдный уродъ прыгаетъ на рукахъ? Хотите, онъ покажетъ вамъ свое искусство?

Я поспѣшила отказать отъ предлагаемаго зрѣлища.

— Я видѣла вчера вечеромъ, какъ вы прыгаете, сказала я; — пожалуйста продолжайте вашъ разговоръ.

— Нравится вамъ мой драматическій стиль? спросилъ онъ; — интересуетъ-ли васъ мой разговоръ?

— Очень интересуетъ, м-ръ Декстеръ; я горю желаніемъ услышать его конецъ.

Онъ улыбнулся отъ удовольствія, что слышитъ одобреніе своему таланту.

— Я такъ-же хорошъ и въ автобіографіи, какъ въ драмѣ, произнесъ онъ; — попробоватъ намъ, въ видѣ развлеченія, автобіографическаго стиля?

— Все, что хотите, только продолжайте! воскликнула я, терпя терпѣніе.

— Часть вторая: автобіографія, началъ онъ, махая рукой: — я отправился, прыгая на рукахъ, по Коридору Гостей и остановился на углу южнаго коридора, у двери маленькаго кабинета. Дверь была открыта и въ комнатѣ никого. Я приблизился къ двери, выходившей изъ кабинета въ спальню м-съ Юстасъ Мокаланъ. Дверь была заперта. Я взглянулъ въ замочную скважину. Вѣроятно, что-то висѣло на замкѣ съ другой стороны, потому-что я не видѣлъ ничего, кромѣ темноты. Я прислушался — ничего не было слышно. Я перешелъ къ другой двери, выходившей изъ коридора въ спальню м-съ Юстасъ Мокаланъ, — все было темно и безмолвно. Я направился къ спальнѣ ея мужа. Я имѣлъ самое дурное мнѣніе о м-съ Бьюли и нисколько не удивился-бы, поймавъ ее въ комнатѣ Юстаса. Я припалъ глазомъ къ замочной скважинѣ. Ключъ былъ вынуть или, по счастью для меня, повернуть такъ, что я ясно видѣлъ всю комнату. Юстасъ лежалъ одинъ въ постели и преспокойно спалъ. Я углубился въ размышленіе. Въ концѣ коридора находилась задняя лѣстница. Я спустился по ступенямъ въ нижній этажъ и убѣдился, при свѣтѣ лампы, что всѣ двери были заперты и ключи снаружи замковъ. Такихъ дверей было двѣ: одна вела во дворъ, другая — въ людскую. Я возвратился въ свою комнату и сталъ обдумывать все видѣнное. Гдѣ была м-съ Бьюли? Конечно, въ домѣ, но гдѣ? Однѣ комнаты я самъ заперъ, другія я лично осмотрѣлъ, — слѣдовательно, она могла быть только въ спальнѣ м-съ Мокаланъ, въ которую я не могъ проникнуть. Прибавьте къ этому, что ключъ отъ двери, выходившей изъ маленькаго кабинета въ спальню, былъ потерянъ, по словамъ сидѣлки на судѣ, и не забывайте, что главной цѣлью въ жизни м-съ Бьюли, какъ она сама объяснила въ письмѣ, прочитанномъ во время процесса, было сдѣлаться счастливою женою Юстаса Мокалана. Сообразите все это — и вы поймете, о чемъ я думалъ, сидя въ креслѣ и дожидаясь событій. Около четырехъ часовъ, несмотря на всѣ мои усилія, я заснулъ, но не надолго. Я проснулся и съ тревожнымъ опасеніемъ взглянулъ на часы. Было четыре часа и двадцать пять минутъ. Неужели она вернулась въ свою спальню, пока я спалъ? Я отправился прежнимъ порядкомъ къ ея двери и прислушался.

Все было тихо. Я отворилъ дверь. Въ комнатѣ никого не было. Я возвратился къ себѣ и сталъ по-прежнему ждать. Большого труда стоило мнѣ, чтобъ снова не заснуть. Я открылъ окно, но ничего не помогало и усталость опять взяла верхъ. Сонъ сковалъ мои вѣки, и когда я вторично проснулся, то уже было восемь часовъ. Какъ вы уже, вѣрно, замѣтили, у меня очень тонкій слухъ. Подъ моимъ открытымъ окномъ раздавались женскіе голоса. Я высунулъ голову. М-съ Бьюли и ея горничная о чемъ-то совѣщались. Онѣ обѣ бросали вокругъ себя преступныя взгляды, опасаясь, чтобы кто-нибудь ихъ не подслушалъ или не подсмотрѣлъ. „Берегитесь сударыня, говорила горничная:—этотъ отвратительный уродъ хитеръ, какъ лисица, только-бы онъ не открылъ вашей тайны“. М-съ Бьюли: — „Вы идите впередъ и смотрите, чтобы никого не было, а я послѣдую за вами и буду смотрѣть назадъ“. Послѣ этого онѣ исчезли за угломъ дома. Черезъ пять минутъ дверь въ комнату м-съ Бьюли тихонько отворилась и затворилась. Три часа спустя сидѣлка встрѣтила въ коридорѣ м-съ Бьюли, которая невинно шла къ дверямъ спальни м-съ Юстасъ Мокаланъ съ цѣлью узнать о ея здоровьѣ. Что вы думаете обо всемъ этомъ? Что вы думаете о разговорѣ м-съ Бьюли съ ея горничной внѣ дома, изъ опасенія, чтобъ я какъ-нибудь не подслушалъ ихъ? Что вы думаете обо всѣхъ открытыхъ мною обстоятельствахъ въ то самое утро, когда м-съ Юстасъ Мокаланъ занемогла и умерла отъ отравы? Понимаете вы теперь, кто виновенъ въ ея смерти? Оказалъ-ли вамъ какую-нибудь помощь сумасшедшій Мизеримусъ Декстеръ?

Я была слишкомъ взволнована, чтобы отвѣчать. Наконецъ, былъ ясенъ путь къ торжественному признанію невинности моего мужа.

— Гдѣ она? воскликнула я;—гдѣ служанка, пользовавшаяся ея довѣріемъ?

— Я не могу вамъ сказать, я не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Отъ кого мнѣ можно узнать?

Онъ задумался.

— Есть человѣкъ, который долженъ знать, гдѣ она, или, по крайней мѣрѣ, можетъ ее отыскать.

— Кто онъ? какъ его зовутъ?

— Это другъ Юстаса, маіоръ Фицъ-Дэвидъ.

— Я его знаю. Я буду у него обѣдать на будущей недѣлѣ и вы также приглашены.

Мизеримусъ Декстеръ презрительно улыбнулся.

— Маіоръ Фицъ-Дэвидъ можетъ нравиться женщинамъ, сказалъ онъ:—онѣ обходятся съ нимъ, какъ со старой болонкой; но я не обѣдаю съ болонкой. Я отказался отъ его приглашенія. Вы поѣзжайте. Онѣ и нѣкоторыя изъ знакомыхъ ему дамъ могутъ быть вамъ полезны. Назвалъ онъ вамъ остальныхъ гостей?

— У него будетъ французенка, имя которой я забыла, и леди Кларинда...

— Хорошо, это другъ м-съ Бьюли. Леди Кларинда, конечно, знаетъ, гдѣ она. Получивъ необходимыя свѣденія, пріѣзжайте прямо ко мнѣ. Узнайте, служить-ли у нея прежняя горничная, такъ-какъ съ нею легче имѣть дѣло, чѣмъ съ госпожею. Заставьте служанку проговориться—и м-съ Бьюли въ нашихъ рукахъ. Мы ее уничтожимъ, вослѣдствіемъ онъ, убивая съ быстротою молніи полуживую муху, сидѣвшую на ручкѣ кресла,—какъ я уничтожилъ эту муху. Подождите, относительно горничной важный вопросъ—деньги. Есть-ли у васъ деньги?

— Вдоволь.

Онъ радостно захопалъ въ ладоши.

— Такъ она наша! воскликнулъ онъ:—вѣдь это дѣло фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Подождите, еще вопросъ. Вамъ надо переименовать имя. Если вы сойдетесь съ м-съ Бьюли какъ жена Юстаса, то она съ первой-же минуты сдѣлается вашимъ злѣйшимъ врагомъ. Берегитесь этого.

Тутъ давно уже кипѣвшее въ моемъ сердцѣ чувство ревности вылилось наружу. Я спросила Декстера, любилъ-ли когда-нибудь мой мужъ м-съ Бьюли?

— Скажите мнѣ правду, воскликнула я:—дѣйствительно-ли Юстасъ...

Онъ иронически разсмѣялся, понявъ мой вопросъ прежде, чѣмъ я его высказала.

— Да, отвѣчалъ онъ:—Юстасъ, дѣйствительно, любилъ ее и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она имѣла полное основаніе думать до суда, что послѣ смерти его жены онъ женится на ней. Но судъ сдѣлалъ Юстаса совершенно другимъ человекомъ. М-съ Бьюли была свидѣтельницей его публичнаго позора,

и этого было достаточно, чтобъ уничтожить въ немъ всякую мысль о бракѣ съ нею. Онъ навѣки разлучился съ нею, на томъ-же основаніи, на которомъ онъ разстался съ вами. Жить съ женщиной, которая знала, что онъ судился за убійство, было для его слабаго характера слишкомъ сильнымъ испытаніемъ. Вы хотѣли узнать истину, — вотъ она. Вы должны остерегаться м-съ Бьюли, но вамъ нечего ее ревновать. Устройте дѣло съ майоромъ такимъ образомъ, чтобы онъ познакомилъ васъ съ леди Клариндой подъ другимъ именемъ.

— Я могу назваться м-съ Вудвиль; подъ этимъ именемъ Юстасъ на мнѣ женился.

— Прекрасно! воскликнулъ онъ: — какъ-бы я желалъ-быть при томъ, когда леди Кларинда познакомитъ васъ съ м-съ Бьюли! Какое положеніе! Съ одной стороны женщина, скрывающая въ глубинахъ своего сердца роковую тайну, съ другой — женщина, знающая эту тайну и рѣшившаяся честными или безчестными средствами обнаружить ее всему свѣту. Какая борьба! Какая прекрасная завязка для романа! Меня бросаетъ въ лихорадку при одной мысли объ этомъ. Я съума схожу отъ надежды, что увижу наконецъ, м-съ Борджіа-Бьюли уличенной въ ея преступленіи. Не пугайтесь! воскликнулъ онъ съ прежнимъ, дикимъ блескомъ въ глазахъ: — мой мозгъ начинаетъ кипѣть. Я долженъ прибѣгнуть къ физическому движенію. Я долженъ выпустить пары, а то сію минуту лопну.

Прежній припадокъ безумія овладѣлъ имъ. Я побѣжала къ дверямъ, чтобъ въ случаѣ необходимости было легче скрыться, и только тогда, обернувшись, взглянула на него.

Онъ съ быстротою вихря понесся въ своемъ креслѣ на другой конецъ комнаты; но, повидимому, это движеніе въ настоящую минуту было недостаточно для него. Въ одно мгновеніе онъ прыгнулъ на полъ и сталъ скакать на рукахъ по комнатѣ, какъ чудовищная лягушка. По дорогѣ онъ ронялъ стулья и, очутившись на противоположномъ концѣ комнаты, пристально взглянулъ на лежавшіе стулья и съ какимъ-то торжествующимъ крикомъ началъ быстро перепрыгивать черезъ нихъ, причемъ съ необыкновеннымъ искусствомъ падалъ на руки и, для равновѣсія, отбрасывалъ туловище то впередъ, то назадъ. Это зрѣлище было вѣстѣ и удивительно, и отвратительно.

— Вотъ чехарда Декстера! весело воскликнулъ онъ, очутившись на послѣднемъ стулѣ;—не правда-ли, м-съ Валерія, я для урода очень легко подвиженъ? Выпьемте еще бутылку бургонскаго на погибель м-съ Бьюли.

Я воспользовалась первымъ предложеньемъ, чтобъ вырваться отъ него на свободу.

— Вы забываете, сказала я,—что мнѣ надо скорѣе ѣхать къ маіору. Если я его не предупрежу во время, то онъ скажетъ леди Клариндѣ мое настоящее имя.

Движеніе и смѣхъ были ему вполне сочувственны въ эту минуту. Онъ изо всей силы свистнулъ въ свой свистокъ и съ бѣшеной радостью сталъ вертѣться на рукахъ.

— Ариель приведетъ вамъ сейчасъ къбъ, воскликнулъ онъ;—скачите къ маіору. Разставляйте ей сѣти, не теряя ни минуты. О, какой счастливый день! О, какое утѣшеніе отдѣлаться отъ страшной тайны и подѣлиться ею съ вами! Я внѣ себя отъ блаженства... я точно духъ земли въ поэмѣ Шелли.

И онъ сталъ повторять великолѣпныя строфы изъ „Освобожденнаго Прометея“.

— Я чувствую радость, торжество, счастье, безуміе, безграничное, всепоглощающее, неудержимое, рвущееся внаружу блаженство. Вотъ что я чувствую, Валерія, вотъ что я чувствую!

Въ это время я поспѣшно вышла изъ комнаты и, остановившись въ дверяхъ, бросила на него послѣдній взглядъ. Онъ стоялъ какъ-бы на колѣняхъ на одномъ изъ опрокинутыхъ стульевъ и возносилъ руки къ какому-то фантастичному небу, плоду его разстроеннаго воображенія. Проходя по круглой комнатѣ, я услышала снова его восторженные крики и прыганье лягушкой чрезъ стулья.

Внизу меня ждала Ариель.

Я подошла къ ней и стала надѣвать перчатки. Она меня остановила и, взявъ мою правую руку, поднесла ее къ своему лицу. Что она хотѣла—поцѣловать ее или укусить? Ни то, ни другое. Она понюхала ее, какъ собака, и глухо засмѣялась.

— Вы не пахнете его духами, сказала она:—вы не дотрогивались до его бороды. Теперь я вамъ вѣрю. Вы желаете къбъ?

— Нѣтъ, благодарствуйте, я сама найду.

Очевидно, что она хотѣла быть со мною очень любезна, въ награду за то, что я не дотрогивалась до бороды Декстера.

— Подождите! воскликнула она своимъ грубымъ, мужскимъ голосомъ.

— Что вамъ?

— Я очень рада, что не сбросила васъ въ каналъ, вотъ что.

И она дружески ударила меня по плечу, такъ сильно, что я едва удержалась на ногахъ. Потомъ, принявъ свой всегдашній, апатичный видъ, она проводила меня до калитки; выйдя на улицу, я еще слышала, какъ она продолжала смѣяться. Наконецъ-то мнѣ улыбнулось счастье! Въ одинъ и тотъ-же день я удостоилась заслужить довѣріе Аріеля и ея господина.

ГЛАВА XXXI.

Защита м-съ Бьюли.

До обѣда Фицъ-Дэвида оставалось еще нѣсколько дней и я провела ихъ очень мирно и счастливо.

Свиданіе съ Декстеромъ встревожило меня гораздо болѣе, чѣмъ я подозрѣвала. Только спустя нѣсколько часовъ по возвращеніи домой я начала вполнѣ сознавать, какъ сильно подѣйствовало на мои нервы все, что я видѣла и слышала. Я вздрагивала при малѣйшемъ порохѣ, мнѣ снились страшные сны, я то плакала безъ всякой причины, то сердилась безъ всякаго повода. Мнѣ необходимо былъ покой, и добрый Бенджаминъ доставилъ его мнѣ. Несмотря на все его любопытство и безпокойство, онъ изъ чувства сожалѣнія не предлагалъ мнѣ никакихъ вопросовъ. Мы безмолвно согласились отложить разговоръ о моемъ посѣщеніи Декстера (которое онъ, конечно, осуждалъ) до тѣхъ поръ, пока мои физическія и нравственныя силы нѣсколько окрѣпнутъ. Я никого не видала въ эти дни. М-съ Мокаланъ и маіоръ Фицъ-Дэвидъ пріѣзжали—первая, чтобъ узнать о всемъ происшедшемъ между мною и Декстеромъ, а второй—чтобъ рассказать новыя сплетни о лицахъ, которыхъ я должна была встрѣтить на его обѣдѣ. Бенджаминъ извинился за меня передъ ними и я была избавлена отъ приема гостей. Каждый день я выѣзжала съ нимъ въ открытомъ экипажѣ и по нѣсколькимъ часамъ каталась по зеленымъ лужайкамъ

и аляемъ, еще удѣлѣвшимъ близъ сѣвернаго предмѣстья Лондона. Дома мы спокойно сидѣли вдвоемъ и вспоминали о прошедшемъ или играли въ домино. Такимъ образомъ, когда наступилъ день знаменитаго обѣда, я была совершенно готова съ новыми силами продолжать борьбу, жаждая увидѣть леди Кларинду и уличить м-съ Бьюли.

По дорогѣ къ Фицъ-Дэвиду Бенджаминъ съ грустной улыбкой взглянулъ на мое покраснѣвшее, взволнованное лицо.

— Ахъ, милая! сказалъ онъ, — я вижу, вы совѣтъ поправились. Вамъ уже надоѣла наша тихая жизнь.

Все, что происходило на этомъ обѣдѣ, сохранилось очень смутно въ моей памяти. Я полагаю, что мы всѣ были очень веселы и фамиллярны другъ съ другомъ, словно старые друзья; я помню г-жу Мерлифлоръ въ безупречно-великолѣпномъ туалетѣ; юную примадонну, еще болѣе нарядную, чѣмъ въ тотъ день, какъ я познакомилась съ нею, и, кажется, съ еще болѣе громкимъ, рѣзкимъ голосомъ; самого маіора, который постоянно цѣловалъ руки у дамъ, объяснялся въ любви при каждомъ словѣ, радушно угощалъ насъ рѣдкими кушаньями и винами и вообще великолѣпно разыгрывалъ роль пожилого Донъ-Жуана; наконецъ, милаго, стараго Бенджамина, испуганнаго всѣмъ, что происходило вокругъ него, краснѣвшаго отъ каждаго слова дамъ и желавшаго въ глубинѣ своего сердца поскорѣе возвратиться домой. Вотъ все, что сохранилось въ моей памяти о лицахъ, участвовавшихъ на знаменитомъ обѣдѣ, за исключеніемъ одной леди Кларинды, которая до сихъ поръ какъ-будто стоитъ передо мною, а мой памятный разговоръ съ нею я помню отъ слова до слова.

Я пишу эти строки и вижу ея прелестный туалетъ, слышу ея голосъ.

Она была одѣта съ той изысканной простотой, которая въ концѣ концовъ не достигаетъ своей цѣли, а только внушаетъ мысль о рѣдкомъ искусствѣ, благодаря которому достигается эта простота. На ней было кисейное, бѣлое платье, на бѣломъ, шелковомъ чаклѣ, безъ малѣйшихъ украшеній. Ея роскошные, каштановые волосы, въ явное противорѣчіе модѣ, были просто откинута назадъ и скручены на маковкѣ простымъ узломъ. На шеѣ была узенькая бѣлая лента съ небольшимъ бриліантовымъ фермуаромъ. Она, безъ сомнѣнія, была хороша собою, но отличалась той рѣзкой, углова-

той красотой. которая такъ часто встрѣчается въ англійскихъ аристократахъ; носъ и подбородокъ слишкомъ рѣзко выдавались, большіе сѣрые глаза, умные, полные достоинства, не были нѣжны и подвижны. Ея манеры дышали великосвѣтскимъ приличіемъ, любовью и той необходимой самоувѣренностью, которая какъ-бы служить естественнымъ результатомъ высшаго положенія въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ Англии. Смотри на нее, вы непременно сказали-бы: „вотъ образецъ аристократки, въ которой нѣтъ и тѣни гордости“; но если-бы вы позволили себѣ малѣйшую вольность въ отношеніи ея, то она заставила-бы васъ сожалѣть объ этомъ до конца вашей жизни.

Мы очень скоро съ ней сошлись. Маіоръ, по предварительному соглашенію съ Бенджаминомъ, назвалъ меня: м-съ Вудвиль; уже за долго до окончанія обѣда мы общались другъ другу быть знакомыми. Такимъ образомъ, оставалось только найти случай, чтобъ навести леди Кларинду на разговоръ о м-съ Бьюли.

Позднѣ вечеромъ этотъ случай представился.

Спасаясь отъ страшнаго бравурнаго пѣнія примадонны, я удалилась въ сосѣднюю гостиную. Какъ я надѣялась и рассчитывала, леди Кларинда вскорѣ присоединилась ко мнѣ. Она сѣла рядомъ и мы разговорились однѣ, далеко отъ остальныхъ гостей. Слово за слово и, къ величайшей моей радости, мы совершенно естественно коснулись Декстера, о которомъ я какъ-бы случайно упомянула за обѣдомъ. Мнѣ ничего не стоило тогда очень просто перевести разговоръ на м-съ Бьюли. „Наконецъ-то, подумала я, — обѣдъ маіора принесетъ мнѣ награду за всѣ труды“.

И какая это была награда! Сердце мое трепещетъ теперь при воспоминаніи о томъ, какъ оно трепетало въ тотъ памятный вечеръ.

— Такъ Декстеръ говорилъ вамъ о м-съ Бьюли? воскликнула леди Кларинда. — Вы не можете себѣ представить, какъ это меня удивляетъ.

— Отчего? смѣю спросить.

— Онъ ее ненавидитъ. Послѣдній разъ, какъ я его видѣла, онъ не позволилъ мнѣ даже упомянуть ея имени. Это одинъ изъ его пунктиковъ, хотя если подобный человѣкъ можетъ кому-нибудь сочувствовать, то именно Еленѣ Бьюли. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось видѣть болѣе самобытной женщины, чѣмъ она;

м-съ Бьюли иногда говоритъ и поступаетъ такъ легкомысленно, такъ странно, что заткнула-бы за поясъ самого Декстера. Хотѣла-бы я знать, понравилась-ли-бы она вамъ.

— Вы любезно приглашали меня посѣщать васъ, леди Кларинда, отвѣчала я, — и, быть можетъ, я увижу у васъ въ домѣ м-съ Бьюли.

Леди Кларинда засмѣялась, словно находя мои слова очень забавными.

— Я надѣюсь, что вы не отложите вашего посѣщенія до тѣхъ поръ, какъ будете въ состояніи встрѣтить м-съ Елену у меня, отвѣчала леди Кларинда. — Она теперь воображаетъ, что у нея подагра, и отправилась на какія-то удивительныя воды въ Венгрію или Богемію; куда-же она поѣдетъ или что сдѣлаетъ потомъ — никто не можетъ сказать. Но что съ вами, милая м-съ Вудвиль? Вы ужасно блѣдны. Быть можетъ, вамъ слишкомъ жарко здѣсь, у огня?

Я чувствовала, что дѣйствительно поблѣднѣла. Извѣстіе объ отсутствіи м-съ Бьюли было такимъ для меня ударомъ, какого я никакъ не ожидала. Я была совершенно уничтожена.

— Не перейти-ли намъ въ другую комнату? спросила леди Кларинда.

Послушаться леди Кларинду — значило прервать нашъ разговоръ, а я рѣшилась его продолжать. Горничная м-съ Бьюли могла или у нея болѣе не жить, или остаться въ Англии. Мнѣ слѣдовало во что-бы то ни стало узнать, гдѣ находилась эта горничная, а потому, отодвинувшись немного отъ камина и взявъ со стола вѣеръ, я сказала:

— Благодарю васъ за вниманіе, леди Кларинда, я дѣйствительно сидѣла близко къ огню, но теперь мнѣ совершенно хорошо. Ваши слова о м-съ Бьюли меня очень удивили. Я воображала на основаніи того, что слышала отъ м-ра Декстера...

— Вы не должны вѣрить словамъ Декстера, перебила меня леди Кларинда: — онъ очень любитъ мистификаціи и, вѣроятно, нарочно васъ обманулъ. Если слухи о немъ справедливы, то онъ долѣнъ знать лучше другихъ странныя капризы Елены Бьюли. Онъ едва не накрылъ ее въ одномъ изъ ея самыхъ странныхъ приключеній въ Шотландіи; эта исторія напоминаетъ содержаніе прелестной оперы Обера, — забываю, право, какъ ее зовутъ! У меня

такая плохая память, что я скоро забуду свое имя. Я говорю о той оперѣ, въ которой двѣ монахини отправляются изъ монастыря на балъ. Вотъ странно, послушайте! Эта пошлая дѣвчонка поетъ арію именно изъ этой оперы. Маіоръ! подите сюда; изъ какой оперы эта арія?

Маіоръ былъ очень удивленъ такимъ невниманіемъ къ пѣнію и, быстро вбѣжавъ въ комнату, шопотомъ произнесъ:

— Тихе, тихе! леди Кларинда. Это „Черное домино“.

— Конечно, продолжала леди Кларинда, когда маіоръ удался.—Какъ глупо, что я забыла, и не странно-ли, что вы также, м-съ Вудвиль, не могли припомнить этого названія? Да, да, „Черное домино“.

Я очень хорошо знала, о какой оперѣ она говорила, но не могла произнести ни слова отъ волненія. Миѣ почему-то казалось, что приключеніе, о которомъ упоминала леди Кларинда, имѣло нѣчто общее съ таинственнымъ поведеніемъ м-съ Бьюли въ роковое утро 21 октября. Если я не ошибалась въ этомъ, то не далека была отъ открытія великой тайны, на разгадку которой я посвятила всю свою жизнь. Закрывшись вѣромъ, я сказала какъ могла спокойнѣе:

— Пожалуйста продолжайте; меня очень интересуеть это происшествіе.

Леди Кларинду польстило мое вниманіе къ ея разсказу и она начала въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Я надѣюсь, что мой разсказъ окажется достойнымъ вашего любопытства. Если-бъ вы только знали Елену, то какъ-бы увидѣли ее передъ собою,—такъ эта исторія походить на нее. Я узнала ее отъ горничной, которую она оставила у меня, взявъ съ собою въ Венгрію какую-то иностранку. Эта горничная просто сокровище и я-бы очень желала ее удержать у себя. У нея только одинъ недостатокъ; пресѣверное имя—Феба. Ну, вотъ въ чемъ дѣло. Феба и ея госпожа гостили однажды въ какомъ-то имѣньи близъ Эдинбурга, по названію Гленинчъ, если я не ошибаюсь. Оно принадлежало м-ру Мокалану, который впоследствии, какъ вы, конечно, помните, судился за убійство своей жены. Ужасное дѣло! но не безпокойтесь, моя исторія не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, она касается только Елены Бьюли. Однажды, во время пребыванія въ Гленинчѣ, ее пригласили обѣдать въ Эдинбургъ.

Въ тотъ-же вечеръ въ этомъ городѣ былъ назначенъ маскарадъ—явленіе совершенно необычайное въ Шотландіи. Подобная забава считалась не совсѣмъ приличной и на этомъ маскарадѣ должны были присутствовать дамы очень сомнительной нравственности и мужчины, непринадлежавшіе къ свѣтскому обществу. Друзья Елены, у которыхъ она обѣдала, несмотря на всѣ возраженія, рѣшились ѣхать въ маскарадъ, полагаясь, что маски не выдадутъ ихъ инкогнито. Еленѣ также очень хотѣлось ѣхать съ ними, но м-ръ Мокаланъ принадлежалъ къ тѣмъ строго-нравственнымъ людямъ, которые возставали противъ подобнаго маскарада; по его словамъ, никакая порядочная женщина не могла показаться на немъ, не обезчестивъ своего имени. Такимъ образомъ, Еленѣ невозможно было исполнить своего желанія, если объ ея поѣздкѣ непрежѣнно узнаетъ м-ръ Мокаланъ. Но она изобрѣла такую хитрую штуку, чтобъ удалить отъ себя всѣ подозрѣнія, что, право, ничего подобнаго не встрѣтишь даже во французскихъ пьесахъ. Она отправилась къ обѣду въ Эдинбургъ въ каретѣ, а Фебу послала туда заранѣе. Когда наступилъ часъ возвращенія въ Гленничъ, что, вы думаете, сдѣлала Елена? Она послала вмѣсто себя горничную въ каретѣ, въ своемъ бурнусѣ, шляпкѣ и вуали, приказавъ ей, по прибытіи домой, пройти прямо въ ея комнату, оставивъ въ залѣ записку, въ которой Елена, конечно, собственноручно, извинялась передъ хозяиномъ, что ушла къ себѣ не простясь съ нимъ; она сослалась на сильную усталость. Госпожа и горничная были одинаковаго роста, а потому слуги не открыли этого обмана и Феба благополучно достигла комнаты м-съ Бьюли, гдѣ ей приказано было оставаться, пока всѣ въ домѣ не заснутъ. Дожидаясь удобной минуты для удаленія въ свою комнату, она заснула и проснулась только въ два часа ночи или еще позже. Она быстро вскочила, отворила дверь и на цыпочкахъ пошла по коридору, но не успѣла достигнуть его конца, какъ услышала за собою какіе-то странные звуки. Она поспѣшила скрыться на лѣстницѣ и съ верхняго этажа стала смотрѣть въ коридоръ. Что-жъ она увидѣла? Декстеръ прыгалъ на рукахъ (видѣли-ли вы когда-нибудь это уморительно-отвратительное зрѣлище?) по коридору, засматривая въ замочныя скважины всѣхъ дверей, очевидно, отыскивая, куда дѣвалось лицо, вышедшее изъ своей комнаты въ два часа ночи. Онъ, безъ сомнѣнія, принялъ Фебу за ея госпожу, такъ-какъ она забы

ла снять бурнусъ. На другой день, рано утромъ, Елена возвратилась изъ Единбурга въ наемномъ экипажѣ и чужомъ пальто. Она, не доѣзжая до воротъ, остановилась на дорогѣ и вошла въ домъ черезъ садъ, никѣмъ незамѣченная, даже Декстеромъ. Не правда-ли, какъ все это смѣло и умно придумано? И какъ эта исторія походить на „Черное домино“! Вы, вѣроятно, удивляетесь, также какъ и я, что Декстеръ не произвелъ скандала? Онъ-бы непременно это сдѣлалъ, но даже онъ закусилъ языкъ, по словамъ Фебы, отъ рокового событія, случившагося въ этотъ день въ домѣ... Но что это съ вами, м-съ Вудвиль, вамъ рѣшительно здѣсь слишкомъ жарко. Я открою окно?

— Нѣтъ, не беспокойтесь, едва слышно промолвила я, — я выйду подышать чистымъ воздухомъ.

Никѣмъ незамѣченная, я вышла на балконъ и сѣла на ступеньку, чтобъ собраться съ мыслями вдали отъ шума и говора. Однако, черезъ минуту кто-то меня потрепалъ по плечу; поднявъ голову, я увидѣла добраго Бенджамина, съ ужасомъ смотрѣвшаго на меня. Леди Кларинда сказала ему, что мнѣ дурно, и помогла незамѣтно удалиться изъ гостиной, гдѣ маіоръ продолжалъ слушать музыку.

— Что случилось, дитя мое? спросилъ онъ шепотомъ.

— Поѣдемте домой и я вамъ расскажу, отвѣчала я.

ГЛАВА XXXII.

ОБРАЗЕЦЪ МОЕГО БЛАГОРАЗУМІЯ.

Читатели должны слѣдовать за мною въ моихъ быстрыхъ передвиженіяхъ, и мѣсто дѣйствія этого разсказа переносится на время въ Единбургъ.

Прошло два дня послѣ обѣда у Фицъ-Дэвида. Я немного оправилась отъ страшнаго удара, уничтожившаго разомъ всѣ мои планы и надежды. Я видѣла теперь ясно, что была тройной виновата: во-первыхъ, я неосновательно и легкомысленно подозрѣвала невинную женщину; во-вторыхъ, передала свои подозрѣнія, не провѣривъ ихъ справедливости, другому лицу; въ-третьихъ, признала намеки и предположенія Декстера за исполнѣ доказанную истину. Мнѣ такъ было стыдно за себя въ прошедшемъ и я съ

такимъ отчаяніемъ смотрѣла на будущее, потерявъ всякое довѣріе къ себѣ, что спокойно приняла благоразумный совѣтъ добраго Бенджамина.

— Милая Валерія, сказалъ онъ послѣ того, какъ мы основательно обсудили съ нимъ мое положеніе: — по всему, что вы мнѣ рассказываете о Декстерѣ, онъ мнѣ очень не нравится. Дайте мнѣ слово, что вы болѣе не поѣдете къ нему иначе, какъ посоветовавшись съ человѣкомъ, который могъ-бы лучше меня руководить васъ въ этомъ дѣлѣ.

— Я даю слово, но подѣ условіемъ: если я не найду такого совѣтника, поможете мнѣ вы?

Бенджаминъ отвѣчалъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ мнѣ всегда служить.

На слѣдующее утро, причесываясь и обдумывая все случившееся, я неожиданно вспомнила, что при первомъ чтеніи процесса мужа я рѣшилась, въ случаѣ неудачи въ отношеніи Декстера, обратиться за помощію къ одному изъ стряпчихъ Юстаса, именно къ м-ру Плеймору. Этотъ джентльменъ, какъ припомнятъ читатели, заслужилъ мое довѣріе дружескимъ отстаиваніемъ мужа во время полицейскаго обыска въ его домѣ. Справившись съ показаніемъ на судѣ свидѣтеля Скулькрафта, я нашла, что м-ръ Плейморъ былъ приглашенъ къ защитѣ Юстаса Мизеримусомъ Декстеромъ. Такимъ образомъ, онъ не только былъ надежный другъ, но и знакомый Декстера, а слѣдовательно никто лучше его не могъ пролить свѣта на окружавшій меня мракъ. Бенджаминъ, съ которымъ я посоветовалась въ этомъ случаѣ, нашелъ мой выборъ совѣтника чрезвычайно благоразумнымъ и тотчасъ принялся за осуществленіе моего новаго плана. Онъ черезъ своего стряпчаго досталъ адресъ лондонскаго агента м-ра Плеймора и отъ него получилъ для меня рекомендательное письмо къ самому м-ру Плеймору, отъ котораго я, конечно, не могла скрывать, что была второй женой Юстаса Мокалана.

Въ тотъ-же вечеръ мы отправились съ послѣднимъ поѣздомъ въ Единбургъ, такъ-какъ Бенджаминъ не хотѣлъ, чтобъ я ѣхала одна.

По его совѣту я предварительно написала Декстеру, что должна совершенно неожиданно уѣхать изъ Лондона на нѣсколько дней и потому передамъ ему результатъ моего свиданія съ леди Кла-

риндой только по возвращеніи. На эту записку я получила слѣдующій характеристическій отвѣтъ черезъ Аріеля:

„М-съ Валерія, я человѣкъ очень сообразительный и могу прочесть все, что осталось недописаннымъ въ вашемъ письмѣ. Леди Кларинда поколебала ваше довѣріе ко мнѣ. Хорошо; но я обязуюсь поколебать ваше довѣріе къ леди Клариндѣ, а до того времени я ни мало не оскорбленъ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ я жду чести и счастья видѣть васъ у себя. Увѣдомьте по телеграфу, желаете-ли вы опять трюфелей или чего-нибудь попроще и полегче, напримѣръ, прекрасное французское блюдо: свинья вѣки съ тамариндами. Остаюсь вашъ вѣчный союзникъ, поклонникъ, поэтъ и поваръ — Декстеръ“.]

Прибывъ въ Единбургъ, мы съ Бенджаминомъ поспорили о томъ, какъ слѣдовало мнѣ отпавиться къ м-ру Шлеймору: одной или съ нимъ. Я хотѣла идти одна.

— Я немного знаю свѣтъ, сказала я, — но замѣтила, что изъ десяти случаевъ въ девяти мужчина сдѣлаетъ такія уступки женщинамъ, о которыхъ онъ даже и не подумаетъ въ присутствіи мужчины. Я не знаю почему, но это фактъ. Если мнѣ не повезетъ съ м-ромъ Шлейморомъ, я отложу объясненіе и попрошу васъ сопровождать меня на слѣдующій разъ. Не думайте, что это упрямство, и позвольте мнѣ одной попытать счастья.

Бенджаминъ, при его обычной добротѣ, конечно, уступилъ. [Я послала мое рекомендательное письмо въ контору м-ра Шлеймора, такъ-какъ его частное жилище находилось за городомъ, близъ Гленнинча. Вскорѣ посланный принесъ отвѣтъ, въ которомъ стряпчій очень любезно назначалъ мнѣ свиданіе въ тотъ-же день вечеромъ. Въ положенный часъ я позвонила у двери его конторы.

ГЛАВА XXXIII.

ОБРАЗЕЦЪ МОЕГО БЕЗУМІЯ.

Непонятное подчиненіе шотландцевъ клерикальной тираніи установленной церкви породило ошибочный взглядъ большинства англичанъ на ихъ національный характеръ.

Общественное мнѣніе, разсматривая господство въ Шотландіи

„суботнаго дня“. находитъ, что этотъ обычай ни въ одной христіанской странѣ не достигаетъ такой дикой строгости, что цѣлая нація дозволяетъ духовенству лишать ее въ продолженіи одного дня въ недѣлѣ права путешествовать, телеграфировать, ѣсть горячій обѣдъ, читать газеты, разрѣшая только зѣвать въ церкви и напиваться пьянымъ дома. Видя все это, общественное мнѣніе выводитъ не безъ основанія, что народъ, подчиняющійся такимъ общественнымъ порядкамъ, долженъ быть самымъ строгимъ, черствымъ и свучнымъ народомъ на землѣ. Такими кажутся шотландцы издали, но всякій, кто знаетъ ихъ лично, конечно, согласится со мною, что нѣтъ народа болѣе веселаго, общительнаго, гостепріимнаго и либеральнаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ нація, соблюдающая такъ строго „суботній день“. Въ продолженіи шести дней въ недѣлѣ большинство шотландцевъ отличается спокойнымъ юморомъ, благоразуміемъ и веселостью; но на седьмой день они серьезно слушаютъ, какъ ихъ пасторы увѣряютъ съ кафедры, что прогулка въ воскресенье — святотатство.

Я не имѣю возможности объяснить этой аномаліи въ характерѣ шотландскаго народа и только указываю на нее, какъ на необходимое предисловіе передъ появленіемъ въ моемъ разсказѣ рѣдко встрѣчающагося въ литературѣ типа добродушнаго, веселаго шотландца.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я нашла, что м-ръ Плейморъ былъ замѣчательнъ только отрицательно. Онъ былъ ни старъ и ни молодъ, ни красивъ и ни уродъ; вообще онъ не походилъ на типичнаго стряпчаго и говорилъ совершенно правильно по-англійски, съ самымъ легкимъ шотландскимъ акцентомъ.

— Я старый другъ м-ра Юстаса Мокалана, сказалъ онъ, радушно пожимая мнѣ руки,—и очень счастливъ познакомиться съ его женой. Гдѣ вы желаете сѣсть? Около окна? Вы достаточно молоды, чтобъ не бояться свѣта. Вы въ первый разъ въ Эдинбургѣ? Я буду очень радъ сдѣлать ваше пребываніе въ нашемъ городѣ какъ можно пріятнѣе. М-съ Плейморъ сочтетъ за честь съ вами познакомиться. Мы остались въ Эдинбургѣ на короткое время. Въ городѣ итальянская опера, и у насъ есть на сегодня ложа. Будьте такъ любезны, отобѣдайте у насъ безъ всякой церемоніи и потомъ отправимся въ театръ.

— Вы очень добры, отвѣчала я,—но въ настоящую минуту я

встревожена и не расположена ѣхать въ театр. Въ моемъ письмѣ я, кажется, упомянула, что желаю спросить у васъ совѣта по очень важному дѣлу.

— Неужели? произнесъ онъ; — по правдѣ сказать, я не прочелъ до конца вашего письма, а увидѣвъ ваше имя и просьбу принять васъ въ конторѣ, я немедленно вамъ отвѣтилъ. Извините меня пожалуйста. Вы желаете спросить у меня совѣта по судебному дѣлу? Надѣюсь, что у васъ нѣтъ никакихъ тяжбъ?

— Собственно тяжбы у меня нѣтъ, но я нахожусь въ очень грустномъ положеніи и пріѣхала просить вашего совѣта. Вы удивитесь, узнавъ, въ чемъ дѣло, и я боюсь, что отниму у васъ много времени.

— Я и мое время къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ; — объясните, чѣмъ я могу вамъ служить, и не торопитесь. У меня теперь нѣтъ особо спѣшныхъ занятій.

Его доброта и любезность совершенно меня успокоили и я подробно, откровенно рассказала ему свою странную исторію.

Онъ открыто обнаруживалъ впечатлѣніе, производимое на него моимъ рассказомъ. Моя разлука съ мужемъ видимо встревожила его, а рѣшимость оспорить приговоръ шотландскихъ присяжныхъ и несправедливое подозрѣніе противъ м-съ Бьюли сначала позабавили его, а потомъ изумили. Но самое сильное на него вліяніе произвели мое свиданіе съ Мизеримусомъ Декстеромъ и разговоръ съ леди Клариндой. Онъ впервые измѣнился въ лицѣ и, вскочивъ, промолвилъ какъ-бы про себя:

— Господи! неужели мой взглядъ, наконецъ, окажется справедливымъ?

Я ни мало не желала дозволить ему скрыть отъ меня какія-бы то ни было мысли по этому предмету и громко сказала:

— Я, кажется, васъ очень поразила?

— Прошу тысячу разъ извиненія! воселикнулъ онъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. — Вы не только меня поразили, но открыли мнѣ глаза на это дѣло. Я вижу теперь возможность объяснить таинственное гленинчское дѣло. Но въ какомъ странномъ положеніи мы оба находимся, прибавилъ онъ съ своимъ обычнымъ добродушіемъ. — Скажите пожалуйста, м-съ Мокаланъ, вы нуждаетесь въ моемъ совѣтѣ или я въ вашемъ?

— Какая новая идея блеснула у васъ въ головѣ? спросила я.

— Я еще не могу вамъ ее сообщить, отвѣчалъ онъ, — несмотря на то, что я всячески стараюсь говорить съ вами какъ другъ, а не какъ стряпчій; но привычка беретъ свое. Осторожность стряпчачаго не дозволяетъ мнѣ высказать своихъ мыслей до болѣе подробнаго изслѣдованія дѣла. Сдѣлайте одолженіе, повторите часть разсказанныхъ вами фактовъ и позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько вопросовъ. Считаете-ли вы возможнымъ удовлетворить въ этомъ отношеніи мои желанія?

— Конечно, м-ръ Плейморъ. Откуда прикажете начать?

— Съ вашей поѣздки къ Декстеру вмѣстѣ съ свекровью. Когда вы попросили его высказать вамъ взглядъ его на таинственную смерть первой жены Юстаса Мокалана, то онъ взглянулъ на васъ подозрительно, не правда-ли?

— Да, очень подозрительно.

— И его лицо просіяло, когда вы сказали, что основываете вашъ вопросъ только на томъ, что прочитали въ печатномъ отчетѣ его процесса?

— Да.

Онъ вынулъ листъ бумаги изъ ящика своей конторки, облокнулъ перо въ чернила и послѣ минутнаго раздумья просилъ меня сѣсть поближе къ нему.

— Теперь стряпчій исчезаетъ, сказалъ онъ, — и его мѣсто занимаетъ другъ. Между нами не будетъ никакихъ тайнъ. Я старый другъ вашего мужа и питаю къ вамъ лично большое сочувствіе. Я вижу необходимость васъ предупредить, пока еще время, и могу это сдѣлать только рѣшившись на большой рискъ, что едва-ли исполнилъ-бы кто-нибудь изъ моихъ собратій. Я вполнѣ вамъ довѣрюсь, какъ человѣкъ и стряпчій, хотя я шотландецъ. Слѣдите за мною, пока я напишу нѣсколько замѣтокъ, и вы узнаете, что я думаю по этому дѣлу.

Я повиновалась и наклонила голову къ его плечу.

Онъ началъ писать слѣдующее:

„Убийство въ Гленинчѣ. Вопросы: въ какомъ положеніи находится Мизеримусъ Декстеръ относительно убійства? Что онъ (повидимому) знаетъ по этому дѣлу?

„У него какіе-то особыя, тайныя взгляды. Онъ подозрѣваетъ, что высказалъ ихъ какъ-нибудь случайно или что ихъ открыли

непонятнымъ для него образомъ. Убѣдившись въ противоположномъ, онъ очень успокоивается“.

Тутъ перо м-ра Плеймора остановилось и онъ продолжалъ свои вопросы.

— Перейдемте къ вашему второму посѣщенію Декстера, уже наединѣ, произнесъ онъ. — Повторите эту часть вашего разсказа. Что онъ сдѣлалъ и какое выраженіе было на его лицѣ, когда вы объявили свое желаніе не подчиняться шотландскому приговору?

Я повторила то, что уже извѣстно читателямъ. М-ръ Плейморъ тогда быстро прибавилъ къ своимъ замѣткамъ слѣдующія строки:

„Онъ обнаруживаетъ всѣ симптомы паническаго страха; онъ воображаетъ, что ему грозитъ какая-то непонятная опасность; онъ то выходитъ изъ себя отъ бѣшенства, то смиренно раболѣпствуетъ. Онъ хочетъ во что-бы то ни стало узнать истинный смыслъ словъ его собесѣдницы, и, удовлетворившись въ этомъ отношеніи, онъ прежде блѣднѣетъ и сомнѣвается, на яву-ли онъ, а потомъ, безъ всякой видимой причины, обвиняетъ свою собесѣдницу въ подозрѣніи кого-нибудь. Вопросъ: когда въ домѣ пропадаетъ небольшая сумма денегъ и мы объявляемъ объ этомъ слугамъ, то что мы думаемъ о слугѣ, который первый восклицаетъ: „вы меня подозрѣваете?“

Онъ снова положилъ перо и спросилъ:

— Такъ?

Я начала догадываться о цѣли его замѣтокъ и, не отвѣчая на вопросъ, просила объяснить мнѣ безотлагательно его взглядъ. Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ и сказалъ:

— Нѣтъ еще. Но отвѣйте: такъ-ли я записалъ?

— Совершенно.

— Хорошо. Разскажите теперь все, что случилось послѣ этого. Не бойтесь повторенія и дайте мнѣ всевозможныя подробности.

Я разсказала все, что помнила, и м-ръ Плейморъ взялся въ третій разъ за перо. Вотъ какъ оканчивались его замѣтки:

„Его косвенно увѣряютъ, что не онъ, по крайней мѣрѣ, подозрѣваемое лицо. Онъ откидывается на спинку кресла, тяжело вздыхаетъ и проситъ оставить его наединѣ подъ предлогомъ, что этотъ разговоръ его очень встревожилъ. По возвращеніи въ комнату посѣтительница находить, что Декстеръ въ этотъ промежутокъ времени пилъ вино. Она возобновляетъ разговоръ, а не Декстеръ. Она

прямо говорить, что убѣждена въ убійствѣ м-съ Мокаланъ рукою отравителя. Декстеръ едва не падаетъ въ обморокъ. Подъ вліаніемъ какого рокового страха онъ находится? Конечно, это ужасъ преступника, опасющагося уличенія. Иначе нельзя объяснить его поведеніе. Потому онъ быстро переходитъ отъ одной крайности къ другой. Онъ внѣ себя отъ радости, когда оказывается, что его посѣтительница сосредоточиваетъ свои подозрѣнія на отсутствующемъ лицѣ. Тогда, и только тогда, онъ ищетъ спасенія въ увѣреніи, что съ самаго начала раздѣлялъ эти самыя подозрѣнія. Вотъ факты. Къ какому простому заключенію приводятъ они?“

Онъ кончилъ писать и, устремивъ на меня пронизательный взглядъ, ждалъ, пока я первая начну разговоръ.

— Я понимаю васъ, м-ръ Шлейморъ! воскликнула я.—Вы полагаете, что Декстеръ...

— Повторите, прервалъ онъ меня,—слова Декстера, которыми онъ подтвердилъ ваше мнѣніе о бѣдной м-съ Бьюли.

— Онъ сказалъ: „Нѣтъ и тѣни сомнѣнія, м-съ Бьюли ее отравила“.

— Я послѣдую такому хорошему примѣру и съ маленькимъ измѣненіемъ скажу: нѣтъ и тѣни сомнѣнія, Декстеръ ее отравилъ.

— Вы шутите, м-ръ Шлейморъ?

— Я никогда въ жизни не говорилъ такъ серьезно. Ваше смѣлое посѣщеніе Декстера и еще болѣе неосторожная, откровенная бесѣда съ нимъ привели къ удивительнымъ результатамъ. Свѣтъ, котораго не могъ бросить законъ на таинственное глиническое убійство, брошенъ женщиной, которая не хочетъ слушать здравомыслящихъ совѣтовъ и настаиваетъ на своемъ. Это совершенно невѣроятно, но однако справедливо.

— Невозможно! невозможно! воскликнула я.

— Что невозможно? спросилъ онъ холодно.

— Невозможно, чтобъ Декстеръ отравилъ первую жену моего мужа.

— Отчего невозможно?

— Какъ можете вы это спрашивать? отвѣчала я съ ожесточеніемъ, совершенно выходя изъ себя. — Я вамъ сказала, что онъ отзывается о ней съ такой любовью и уваженіемъ, которыми могла бы гордиться любая женщина. Онъ живетъ воспоминаніями о ней. Я обязана его дружескимъ приѣмомъ какому-то случайному сходству

съ нею. Я видѣла слезы на его глазахъ, слышала судорожную дрожь въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о ней. Онъ, можетъ быть, самый коварный человѣкъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но онъ вѣрнѣе ея памяти и въ этомъ меня не обманулъ. Женщина безошибочно узнаетъ, когда мужчина говоритъ о своей любви. Онъ столько-же ея убійца, сколько я. Мнѣ совѣстно спорить, м-ръ Плейморъ, но я рѣшительно не могу съ вами согласиться и меня даже сердитъ ваше предположеніе.

Онъ, казалось, былъ скорѣе обрадованъ, чѣмъ оскорбленъ моими рѣзкими словами.

— Вамъ нечего сердиться на меня, милая м-съ Мокаланъ. Я въ одномъ отношеніи совершенно съ вами согласенъ, только иду немного далѣе.

— Я васъ не понимаю.

— Сейчасъ поймете. Вы говорите, что Декстеръ питаетъ къ покойной м-съ Мокаланъ любовь и уваженіе. Я смѣю утверждать, что онъ просто былъ страстно влюбленъ въ нее. Я это знаю отъ нея самой; она удостоивала меня своимъ довѣріемъ и дружбою въ послѣдніе годы ея жизни. Мизеримусъ Декстеръ не только былъ влюбленъ въ нее до ея замужества, но, несмотря на его уродство, предлагалъ ей свою руку. Она благоразумно скрывала это отъ м-ра Мокалана и, я полагаю, вамъ также лучше всего послѣдовать ея примѣру.

— И послѣ этого вы утверждаете, что онъ ее отравилъ?

— Да. Я не вижу другого объясненія всего, что случилось во время вашего посѣщенія Декстера. Онъ едва не упалъ въ обморокъ отъ страха. Чего-же онъ боялся?

Я старалась найти на это подобающій отвѣтъ и начала, не зная сама, чѣмъ кончу:

— М-ръ Декстеръ старый и преданный другъ моего мужа. Узнавъ о моей рѣшимости протестовать противъ шотландскаго приговора, онъ, быть можетъ, опасался...

— Онъ, быть можетъ, опасался дурныхъ послѣдствій для вашего мужа отъ пересмотра дѣла, перебилъ меня м-ръ Плейморъ, доканчивая фразу. — Вы немного перехитрили, м-съ Мокаланъ, и ваши слова не согласуются съ вашей твердой вѣрой въ невинность мужа. Освободитесь отъ одного заблужденія, которое можетъ привести васъ къ роковому результату, если вы будете упорно слѣдовать „дѣло“, № 3.

вать по однажды избранному пути. Повѣрьте мнѣ, Мизеримусъ Декстеръ пересталъ быть другомъ вашего мужа въ тотъ день, когда послѣдній женился на несчастной отравленной женщинѣ. Я согласенъ, что Декстеръ отлично поддерживалъ свою личину, какъ въ публикѣ, такъ и въ частной жизни. Его показаніе на судѣ въ пользу своего друга отличалось тѣмъ глубокимъ чувствомъ, котораго слѣдовало отъ него ожидать. И, однако, я твердо убѣжденъ, что у м-ра Мокалана нѣтъ злѣе врага на свѣтѣ, какъ Мизеримусъ Декстеръ.

Отъ этихъ словъ на меня повѣяло холодомъ. Я чувствовала, что теперь, по крайней мѣрѣ, онъ былъ правъ. Юстасъ женился на женщинѣ, которая отказала въ своей рукѣ Декстеру. Могъ-ли Декстеръ когда-нибудь это простить? Я по совѣсти должна была отвѣтить — нѣтъ.

— Помните все, что я вамъ сказалъ, продолжалъ м-ръ Плейморъ, — и перейдемте теперь къ вашему положенію въ этомъ дѣлѣ, къ вашимъ надеждамъ. Согласитесь на минуту съ моимъ взглядомъ и посмотримъ, какіе шансы у васъ на открытіе истины. Одно дѣло быть нравственно убѣжденнымъ, какъ я, въ виновности Мизеримуса Декстера, и другое — найти ясныя улики, которыя могли-бы послужить доказательствомъ на судѣ. Въ этомъ и заключается величайшая трудность этого дѣла. Если я не ошибаюсь, весь вопросъ теперь сводится къ тому, чтобы доказать виновность Декстера и тѣмъ освободить вашего мужа отъ всякаго подозрѣнія. Но какъ это сдѣлать? У насъ нѣтъ ни малѣйшей улики противъ него. Вы можете обвинить Декстера только на основаніи его собственнаго признанія. Вы меня слушаете?

Я слушала, но очень неохотно. Если онъ былъ правъ, то, конечно, я находилась въ безысходномъ положеніи. Но я никакъ не могла признать, что онъ правъ, несмотря на всю его опытность и знанія. Я высказала это съ большимъ смиреніемъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, добродушно улыбаясь, — вы должны сознаться, что Декстеръ не вполне откровененъ съ вами. Онъ все еще скрываетъ что-то отъ васъ.

— Да, я это признаю.

— Хорошо. Мы въ этомъ оба согласны; только я полагаю, что онъ скрываетъ отъ васъ признаніе своей виновности, а вы думаете, что онъ не даетъ вамъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ

уличить въ преступленіи другое лицо. Остановимтесь на этомъ и посмотримъ, какииъ образомъ можете вы выпытать у него то, что онъ скрываетъ.

— Я могу его убѣдить.

— Конечно, а если убѣжденіе не удастся, то можете-ли вы обманомъ или угрозой заставить его проговориться?

— Ваши собственныя замѣтки, м-ръ Плейморъ, могутъ васъ убѣдить въ томъ, что я уже разъ навела на него ужасъ, хотя я только женщина и ни мало этого не желала.

— Славный отвѣтъ. Вы полагаете, что однажды одержавъ успѣхъ, вы его одержите всегда. Хорошо, но вамъ не мѣшаетъ поближе познакомиться съ характеромъ и темпераментомъ Декстера. Какъ вы полагаете, не обратитесь-ли намъ къ помощи безспорнаго авторитета въ этомъ дѣлѣ?

Онъ говорилъ такимъ тономъ, словно упоминаемый имъ авторитетъ находился подлѣ насъ. Я невольно обвела взоромъ всю комнату.

— Не бойтесь, сказалъ онъ,—оракуль безмолвный; вотъ онъ.

Съ этими словами онъ открылъ ящикъ своей конторки и вынулъ какую-то бумагу изъ цѣлой связки документовъ.

— Подготавливая защиту вашего мужа, продолжалъ онъ,—мы затруднялись включить въ число свидѣтелей Мизеримуса Декстера. Конечно, въ то время никто не подозрѣвалъ его, но мы боялись его эксцентричности и даже нѣкоторые изъ насъ полагали, что онъ могъ отъ волненія на судѣ совершенно сойти съ ума. Не зная, на что рѣшиться, мы обратились къ помощи знаменитаго доктора, познакомили его подъ какимъ-то предлогомъ съ Декстеромъ, и онъ выдалъ слѣдующее медицинское свидѣтельство.

Шлейморъ развернулъ бумагу и, сдѣлавъ на ней карандашемъ отмѣтки, подалъ мнѣ.

— Прочтите эти строчки; для васъ будетъ и ихъ достаточно.

Я прочла слѣдующее:

„Резюмируя всѣ мои замѣчанія, я прихожу къ тому убѣжденію, что въ немъ скрываются всѣ признаки тайнаго сумасшествія, но явныхъ, активныхъ симптомовъ еще нѣтъ. Поэтому я полагаю, что вы можете представить его на судъ безъ всякаго опасенія. Онъ способенъ сказать и сдѣлать много странностей, но его умъ находится еще подъ контролемъ его воли, и, изъ чувства самоуваженія,

онъ явится разумнымъ свидѣтелемъ. Что-же касается будущаго, то я въ состояніи только высказать мои предположенія. Что онъ сойдетъ съ ума, если будетъ живъ, я ни мало не сомнѣваюсь, но вопросъ въ томъ, когда придетъ сумасшествіе? Это вполне зависитъ отъ состоянія его здоровья. Его нервная система очень впечатлительна и есть симптомы, что онъ своимъ образомъ жизни сильно ее распаталъ. Если онъ броситъ дурныя привычки, о которыхъ я выше упоминалъ, и будетъ каждый день выходить на воздухъ по нѣскольку часовъ, то онъ можетъ сохранить разутокъ еще надолго. Если-же онъ будетъ упорно продолжать свою теперешнюю жизнь, или, другими словами, будетъ губить свою нервную систему, то сумасшествіе не заставитъ себя ждать. Безъ всякаго предупрежденія, въ одно мгновеніе, въ то самое время, быть можетъ, когда онъ совершенно разумно разговариваетъ, онъ впадетъ въ сумасшествіе или идиотство. Въ томъ и другомъ случаяхъ не можетъ быть никакой надежды на выздоровленіе. Однажды нарушится равновѣсіе умственныхъ силъ—и онъ погибъ на всю жизнь“.

Когда я окончила чтеніе, м-ръ Шлейморъ спряталъ бумагу въ конторку и произнесъ:

— Вы теперь прочитали мнѣніе одного изъ величайшихъ научныхъ авторитетовъ. Можетъ-ли Декстеръ, по вашему мнѣнію, принять мѣры къ успокоенію своей нервной системы? Какія преграды и опасности видите вы на пути къ достиженію вашей цѣли?

Я ничего не отвѣчала.

— Предположимъ, что вы возвратитесь къ Декстеру, продолжалъ онъ,—и что докторъ преувеличиваетъ опасность его положенія. Что вы будете дѣлать? Въ послѣднее ваше посѣщеніе вы поразили его неожиданностью и, подъ вліяніемъ разстроенныхъ нервовъ, онъ обнаружилъ передъ вами свой страхъ. Можете-ли вы снова взять его врасплохъ? Нѣтъ. Онъ васъ ожидаетъ и будетъ на сторожѣ. Вамъ придется имѣть дѣло съ его хитростью. Можете-ли вы помѣряться съ нимъ въ этомъ отношеніи? Если-бъ не разговоръ съ леди Клариндой, то ему удалось-бы обмануть васъ и сосредоточить все ваше вниманіе на м-съ Бьюли.

На это нечего было отвѣчать, но я старалась отвѣтить.

— Онъ сказалъ мнѣ правду, насколько ее зналъ. То, что онъ видѣлъ въ коридорѣ, дѣйствительно случилось.

— Онъ сказалъ вамъ правду изъ хитрости, зная, что это уснѣ-

лить ваше подозрѣніе. Я надѣюсь, вы не думаете, что онъ его раздѣлялъ?

— Отчего-же нѣтъ? Онъ такъ-же мало зналъ, какъ и я до разговора съ леди Клариндой, о томъ, что дѣлала м-съ Бьюли въ эту ночь. Можетъ быть, онъ такъ-же удивится, какъ я, когда я передамъ ему рассказъ леди Кларинды.

Этотъ отвѣтъ произвелъ на м-ра Плеймора совершенно неожиданное впечатлѣніе. Къ моему величайшему изумленію, онъ вдругъ прекратилъ всѣ дальнѣйшія пренія.

— Что-бы я ни сказала, вы никогда не убѣдитесь въ справедливости моего взгляда, сказалъ онъ.

— У меня нѣтъ ни вашего ума, ни вашей опытности, отвѣчала я, — но, къ сожалѣнію, я не могу раздѣлять вашего мнѣнія.

— Вы твердо рѣшились еще разъ увидѣться съ Декстеромъ?

— Да, я дала ему слово.

— Вы оказали мнѣ честь, обратившись ко мнѣ за совѣтомъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго размышленія; — и я совѣтую вамъ отъ глубины сердца не исполнять этого обѣщанія. Я иду даже далѣе: я умоляю васъ, не выдайтесь болѣе съ м-ромъ Декстеромъ.

И онъ говорилъ то-же, что моя свекровь, Бенджаминъ и майоръ Фицъ-Дэвидъ! Всѣ были противъ меня. И все-же я устояла. Теперь, вспоминая о прошедшемъ, меня даже удивляетъ это упорство, и мнѣ какъ-то стыдно признаться, что я ничего не отвѣчала м-ру Плеймору. Онъ молча ждалъ, не сводя съ меня глазъ. Его взглядъ выводилъ меня изъ терпѣнія и я встала съ кресла.

Онъ понялъ, что нашъ разговоръ конченъ, и также всталъ.

— Хорошо, сказалъ онъ съ какимъ-то грустнымъ добродушіемъ; — неблагоприятно съ моей стороны было ожидать, чтобъ такая молодая женщина, какъ вы, раздѣлила мнѣніе старагостряпчаго. Позвольте мнѣ только напомнить вамъ, что нашъ разговоръ долженъ остаться между нами, по крайней мѣрѣ на время. Ну, теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Могу я вамъ чѣмъ-нибудь служить? Вы однѣ въ Эдинбургѣ?

— Нѣтъ. Я пріѣхала съ старымъ другомъ моего отца, который знаетъ меня съ дѣтства.

— Вы остаетесь до завтра?

— Да, вѣроятно.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, обдумайте все, что я вамъ свазаль, и заѣзжайте сюда еще завтра утромъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, м-ръ Плейморъ, хотя-бы только для того, чтобъ еще разъ поблагодарить васъ за вашу доброту.

На этомъ мы разстались. Провожая меня до дверей, добродушный старикъ грустно вздохнулъ, и этотъ вздохъ подѣйствовалъ на меня сильнѣе всѣхъ его аргументовъ. Мнѣ совѣстно было, что я такъ упрямо сопротивлялась его разумнымъ совѣтамъ, но все-же я устояла и, простясь съ нимъ, вышла на улицу.

ГЛАВА XXXIV.

Г л е н н и ч ъ .

— Ага! сказалъ Бенджаминъ радостно, — стряпчій полагаетъ, также какъ я, что вамъ было-бы очень неблагоприятно и неосторожно возвратиться къ м-ру Декстеру. Стряпчій, безъ сомнѣнія, умный, опытный человѣкъ, и вы его слушаетесь, хотя меня не хотѣли слушаться, не правда-ли?

(Я, конечно, сдержала слово и не передала Бенджамину страшнаго подозрѣнія, которое м-ръ Плейморъ питаль къ Мизеримусу Декстеру.)

— Простите меня, старый другъ, отвѣчала я, — но я не могу слушаться ничьихъ совѣтовъ. По дорогѣ сюда я честно рѣшилась руководствоваться мнѣніемъ м-ра Плеймора и, право, я-бы иначе не подумала предпринимать такого далекаго путешествія, но какъ я ни старалась быть благоразумной, послушной женщиной, я рѣшительно не могу. Сердитесь, какъ хотите, а я возвращусь къ Декстеру.

Даже Бенджаминъ потерялъ, наконецъ, всякое терпѣніе.

— Поведился евушинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить, произнесъ онъ; — вы всегда и въ дѣтствѣ были самымъ упрямымъ ребенкомъ. Но къ чему-же, скажите пожалуйста, мы пріѣхали сюда изъ Лондона?

— Мы здѣсь увидимъ нѣчто очень интересное, по крайней мѣрѣ для меня, — такое, чего въ Лондонѣ нельзя было видѣть. Помѣстье

моего мужа находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Единбурга; завтра мы поѣдемъ въ Гленинчъ.

— Вы говорите о томъ домѣ, гдѣ была отравлена бѣдная женщина? воскликнулъ Бенджаминъ съ ужасомъ.

— Да, я хочу видѣть комнату, въ которой она умерла, и осмотрѣть весь домъ.

— Какъ я ни стараюсь понять новое поколѣнiе, грустно произнесъ Бенджаминъ, складывая руки на груди, — но рѣшительно не могу. Новое поколѣнiе меня приводитъ въ тупикъ.

Я тотчасъ написала м-ру Плеймору о предполагаемомъ посѣщенiи Гленинча. Домъ, въ которомъ разыгралась трагедiя, омрачившая всю жизнь моего мужа, казался мнѣ самымъ интереснымъ жилищемъ на всемъ свѣтѣ, и, по правдѣ сказать, надежда увидѣть Гленинчъ убѣдила меня главнымъ образомъ предпринять путешествiе въ Единбургъ. Я послала письмо къ м-ру Плеймору съ разсылнымъ и вскорѣ получила очень любезный отвѣтъ. Онъ увѣдомлялъ, что если я согласна подождать до вечера, то онъ самъ, въ своемъ экипажѣ, повезетъ насъ въ Гленинчъ.

Упрямство Бенджамина въ нѣкоторыхъ вещахъ не уступало моему. Какъ представитель стараго поколѣнiя, онъ рѣшился не имѣть ничего общаго съ Гленинчемъ. Но онъ не сказалъ ни слова до той минуты, какъ къ нашей гостинницѣ подъѣхалъ экипажъ м-ра Плеймора. Тогда онъ вспомнилъ, что у него въ Единбургѣ былъ старый прiятель, по имени Саундерсъ.

— Извините, Валерiя, но я не могу ѣхать съ вами, сказалъ онъ: — мой прiятель очень обидится, если я не буду обѣдать у него сегодня.

Для обыкновеннаго туриста Гленинчъ не представлялъ ничего замѣчательнаго, и весь интересъ его для меня заключался въ той драмѣ, которая произошла въ стѣнахъ этого дома.

Окрестная мѣстность была довольно живописна и хорошо обработана. Паркъ казался для англiйскаго глаза дикимъ и дурно содержанымъ. Домъ былъ построенъ лѣтъ семьдесятъ или восемьдесятъ тому назадъ; снаружи лишенный всякихъ украшенiй, онъ походилъ на фабрику или даже тюрьму. Внутри мертвая тишина и одиночество заброшеннаго жилища производили тяжелое впечатлѣнiе. Домъ былъ необитаемъ со времени процесса и его караулили старикъ съ женою. Онъ молча, но съ видимымъ неудовольствiемъ покачалъ головою,

когда м-ръ Плейморъ приказалъ ему отворить двери и ставни въ покинутомъ домѣ. Въ библиотекѣ и картинной галереѣ топились каминны для предохраненія драгоценныхъ предметовъ отъ сырости. Войдя въ верхній этажъ, я осмотрѣла всѣ комнаты, столь хорошо мнѣ знакомыя по процессу, особенно маленькій кабинетъ съ запертой дверью, ключъ отъ которой до сихъ поръ не былъ найденъ, и спальню, гдѣ страдала и умерла бѣдная хозяйка Гленича. Кровать стояла на прежнемъ мѣстѣ и подлѣ нея находилась кушетка, на которой спала сидѣлка; немного далѣе виднѣлась индѣйская шифоньерка, въ ящикѣ которой нашлась измятая бумажка съ крупинками мышьява. Я повернула нѣсколько разъ на оси складной столикъ, на которомъ бѣдная женщина обѣдала и писала свои стихотворенія. Воздухъ въ этой комнатѣ былъ тяжелый, удушливый, словно насыщенный горемъ и отчаянiемъ. Я съ радостью вышла оттуда и, заглянувъ по дорогѣ въ комнату Юстаса, направилась въ Коридоръ Гостей. Вотъ спальня, у двери которой Мизеримусъ Декстеръ стоялъ и ждалъ! Вотъ дубовый полъ, по которому онъ прыгалъ на рукахъ, слѣдуя за горничной, одѣтой въ бурнусъ ея госпожи! Всюду, куда я ни смотрѣла, передо мною возставали призраки умершихъ и отсутствующихъ. Всюду какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: здѣсь сохраняется тайна страшнаго преступленія!

Наконецъ, я не могла болѣе выносить этого гнетущаго впечатлѣнiя и почувствовала необходимость подышать чистымъ воздухомъ. М-ръ Плейморъ это замѣтилъ.

— Довольно осматривать домъ, сказалъ онъ, — пойдемте въ садъ.

При сѣроватомъ свѣтѣ наступавшихъ сумерекъ мы походили по саду и какъ-то случайно очутились въ огородъ, гдѣ только одна гряда обрабатывалась сторожемъ и его женою, а вся остальная земля заросла травкою. Въ концѣ огорода простирался небольшой пустырь, окруженный изгородью и съ трехъ сторонъ деревьями. Тутъ обратила на себя мое вниманiе большая мусорная куча, какъ по своей величинѣ, такъ и по положенiю. Я нагнулась и стала смотрѣть на валявшiеся черепки глиняной посуды и обломки стараго желѣза. Тутъ виднѣлась старая, приплюснутая шляпа, тамъ изорванные сапоги, а повсюду груды разорванныхъ бумажекъ и засаленныхъ тряпокъ.

— На что вы смотрите? спросилъ м-ръ Плейморъ.

— На мусорную кучу, отвѣчала я.

— Въ приличной Англїи, конечно, увезли-бы все это далеко съ глазъ, продолжалъ добродушный старикъ, — но здѣсь, въ Шотландїи, мы не обращаемъ на это вниманїя, если только запахъ не доходить до дома. Къ тому-же мусоръ, старательно отобранный, служитъ удобренїемъ для сада. Но это мѣсто слишкомъ отдаленное и потому никто не трогалъ кучи. Все въ Гленичѣ, м-съ Мокаланъ, въ томъ числѣ и мусорная куча, ждетъ новой хозяйки, которая водворить порядокъ. Можетъ быть, вы вскорѣ будете здѣсь царицей.

— Я никогда болѣе не увижу этого мѣста, отвѣчала я.

— Никогда — слишкомъ долго, замѣтилъ страпчїй; — время часто дѣлаетъ намъ неожиданные сюрпризы.

Послѣ этого мы молча пошли къ воротамъ парка, гдѣ насъ ждалъ экипажъ.

На возвратномъ пути м-ръ Плейморъ разговаривалъ о различныхъ постороннихъ предметахъ, такъ-какъ онъ видѣлъ, что я была взволнована и нуждалась въ спокойствїи. Только при вѣздѣ въ городъ онъ упомянулъ о моемъ возвращенїи въ Лондонъ.

— Вы рѣшили, когда ѣдете? спросилъ онъ.

— Завтра съ утреннимъ поѣздомъ.

— Вы по-прежнему не находите основанїй къ переимѣнїю вашего мнѣнїя? Служить-ли вашъ поспѣшный отъѣздъ доказательствомъ этого?

— Я боюсь, что да, м-ръ Плейморъ. Когда я постарѣю, то буду болѣе благоразумной женщиной, а теперь дѣйствую очертя голову, ужъ вы меня извините.

Онъ добродушно улыбнулся и пожалъ мнѣ руку, но потомъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ очень серьезно:

— Я теперь говорю съ вами въ послѣдній разъ передъ вашимъ отъѣздомъ. Могу я быть откровеннымъ?

— Конечно, м-ръ Плейморъ. Все, что-бы вы [ни сказали, я приму съ благодарностью.

— Мнѣ нечего много говорить, м-съ Мокаланъ, и я начну съ предостереженїя. Вы вчера говорили, что въ послѣдній разъ ѣздили однѣ къ Мизеримусу Декстеру. Не дѣлайте этого болѣе. Берите кого-нибудь съ собою.

— Вы полагаете, что въ домъ Декстера мнѣ грозитъ опасность?

— Да, но не въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Я полагаю, что какой-нибудь старый другъ былъ-бы полезенъ для удержанія Декстера въ предѣлахъ приличія, такъ-какъ нѣтъ человѣка болѣе дерзкаго, чѣмъ онъ. Потомъ, если-бъ онъ сказалъ что-нибудь замѣчательное, то этотъ старый другъ былъ-бы неоцѣнимымъ свидѣтелемъ. Извините, что я говорю о мелочахъ, но вѣдь я страпчій, и потому совѣтую вамъ, отправляясь къ Декстеру, брать съ собою человѣка, который могъ-бы записывать что нужно. Кромѣ того, будьте осторожны, говоря о м-съ Бьюли.

— Что вы хотите сказать?

— Многолѣтній опытъ научилъ меня отгадывать маленькія слабости человѣческой природы. Вы словнычъ, и совершенно естественно, ревновать м-съ Бьюли, а потому не владѣете вполне своимъ рѣдкимъ умомъ, когда дѣло касается ея. Декстеръ этимъ пользуется. Но, быть можетъ, я говорю слишкомъ смѣло?

— Нисколько. Хотя мнѣ очень унижительно сознаваться въ ревности къ м-съ Бьюли, но вы, кажется, правы.

— Я очень радъ, что хотя въ чемъ-нибудь мы съ вами сошлись, отвѣчалъ онъ сухо;—я все-же надѣюсь, что заставлю васъ присоединиться къ моему мнѣнію и въ болѣе важныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что я рассчитываю въ этомъ отношеніи на помощь самого Декстера.

Мое любопытство было сильно возбуждено. Какъ могъ помочь ему Мизеримусъ Декстеръ убѣдить меня въ своей виновности?

— Вы намѣреваетесь передать Декстеру рассказъ леди Кларинды о м-съ Бьюли, продолжалъ онъ,—и полагаете, что онъ будетъ такъ-же пораженъ этимъ рассказомъ, какъ вы. Позвольте мнѣ быть пророкомъ. Онъ не только не выкажетъ никакого изумленія, но смѣло заявить, что васъ обманули хитрые толки, пущенные въ ходъ м-съ Бьюли для прикрытія ея виновности. Если онъ такимъ образомъ будетъ стараться возбудить вновь ваше подозрѣніе противъ невинной женщины, поколеблетесь-ли вы въ довѣрїи къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ?

— Я послѣ этого вовсе не буду довѣрять себѣ, м-ръ Плейморъ.

— Хорошо. Я буду во всякомъ случаѣ ждать отъ васъ письма, и увѣренъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ мы будемъ съ вами во всемъ согласны. Сохраните въ тайнѣ все, что я вамъ го-

ворилъ вчера о Декстерѣ, и даже не упоминайте при немъ моего имени. Ну, прощайте, да благословить васъ Господь.

Съ этими словами мы разстались у крыльца гостиницы.

ГЛАВА XXXV.

Предсказаніе м-ра Плеймора.

Мы приѣхали въ Лондонъ между восемью и девятью часами вечера. Строго методичный во всемъ, Бенджаминъ телеграфировалъ изъ Эдинбурга своей экономкѣ, чтобъ она приготовила ужинъ къ десяти часамъ и прислала за нами на станцію кэбъ.

Приближаясь къ виллѣ Бенджамина, мы встрѣтили кабриолетъ, тихо проѣзжавшій мимо, и очевидно ожидавшійся кого-то. Мнѣ показалось, что лошадь въ кабриолетѣ была мнѣ знакома, но въ немъ сидѣлъ совершенно неизвѣстный мнѣ мужчина съ трубкой въ зубахъ.

Почтенная экономка Бенджамина отворила намъ калитку и воскликнула съ страннымъ жаромъ:

— Слава-богу, я думала, что вы никогда не приѣдете.

— Что-нибудь случилось дурное? спросилъ Бенджаминъ своимъ обычнымъ, спокойнымъ тономъ.

— Я потеряла голову, сэръ, отъ страха, отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ;— нѣсколько часовъ тому назадъ явился какой-то неизвѣстный человѣкъ и спросилъ... — (Она на минуту умоляла, дико посмотрѣла по сторонамъ и потомъ продолжала, обращаясь ко мнѣ:)— когда васъ ждутъ, сударыня. Я передала ему содержаніе телеграммы, и онъ ушелъ, говоря: „подождите, я сейчасъ вернусь“. Дѣйствительно, черезъ минуту онъ снова пришелъ и принесъ на рукахъ *что-то*. При видѣ этого кровь застыла въ моихъ жилахъ; конечно, мнѣ не надо было пускать его въ домъ, но я не была въ состояніи двинуться съ мѣста или произнести слово. Молча, не прося позволенія, онъ прошелъ съ своей ношей въ вашу бібліотеку, м-ръ Бенджаминъ, и тамъ это чудовище остается до сихъ поръ. Я говорила объ этомъ полиціи, но она не хочетъ вмѣшиваться, и я, право, не знаю, что вы будете дѣлать. Не ходите одна, сударыня! вы съума сойдете отъ испуга.

Несмотря на это, я поспѣшно вбѣжала въ домъ. Кабриолетъ съ лошадыю легко объяснили мнѣ таинственный разговоръ экономки. Пройдя черезъ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ, я заглянула въ полуотворенную дверь библіотеки.

Да, я не ошиблась. Въ любимомъ креслѣ Бенджамина спалъ Мизеримусъ Декстеръ въ своей розовой курткѣ. Его уродство не было скрыто, какъ всегда, покрываломъ, и потому неудивительно, что бѣдная экономка такъ перепугалась.

— Валерія, сказала Бенджаминъ, указывая на своего неожиданнаго гостя, — что это такое? Индѣйскій идолъ или человѣкъ?

Я уже сказала, что Мизеримусъ Декстеръ отличался очень чувствительнымъ слухомъ, словно собачьимъ. Теперь онъ доказалъ, что и сонъ у него былъ чуткій, собачій. Хотя Бенджаминъ говорилъ очень тихо, но онъ тотчасъ проснулся, и, протирая глаза, съ наивной, дѣтской улыбкой сказалъ:

— Здравствуйте, м-съ Валерія, я славно высрался. Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ, что снова вижу васъ. А это кто?

Не зная, что дѣлать въ этомъ странномъ положеніи, я представила моего гостя хозяину дома.

— Извините, сэръ, что я не встаю, сказалъ Мизеримусъ Декстеръ, — но у меня нѣтъ ногъ. Вы, кажется, недовольны, что я такъ безцеремонно воспользовался вашимъ кресломъ? Если вы мною недовольны, то толкните меня, я соскочу на полъ на руки и ни мало не обижусь. Я охотно перенесу всякую брань и даже тукманку, только не прогоняйте меня. Прелестная женщина, стоящая рядомъ съ вами, подчасъ бываетъ очень жестока. Она бросила меня въ ту минуту, когда я болѣе всего нуждался въ ея присутствіи. Я бѣдное, уродливое существо съ теплымъ чувствомъ и ненасытнымъ любопытствомъ. Вы ощущали когда-нибудь ненасытное любопытство? Это просто проклятіе. Я терпѣлъ до тѣхъ поръ, что, наконецъ, голова у меня была вся въ огнѣ, и тогда я приказалъ садовнику привезти меня сюда. Мнѣ здѣсь очень хорошо. Атмосфера вашей библіотеки дѣйствуетъ на меня успокоительно, а одного взгляда на м-съ Валерію было достаточно, чтобы утѣшить наболѣвшее сердце. Она имѣетъ мнѣ что-то сказать и я умираю отъ желанія услышать ея разговоръ. Если она не очень устала и вы позволите ей поговорить со мною, то я обещаю немедленно послѣ нашего

разговора убраться отсюда. Добрый м-ръ Бенджаминъ, вы на взглядъ очень челоѣколюбивы, я несчастный и прошу убѣжища. Пожмите мнѣ руку, какъ истинный христiанинъ, и примите меня.

Онъ протянулъ руку. Его нѣжные, голубые глаза выражали теплую мольбу. Совершенно пораженный этой странной рѣчью, Бенджаминъ пожалъ протянутую ему руку какъ-то бессознательно, точно во снѣ.

— Какъ ваше здоровье, сэръ? промолвилъ онъ, самъ не понимая, что говорить, и взглянулъ на меня вопросительно.

— Оставьте насъ, шепнула я:—я понимаю, что ему нужно.

Бенджаминъ взглянулъ на Декстера, учтиво поклонился, все еще не вполнѣ сознавая, во снѣ-ли онъ или на яву.

Оставшись наединѣ, мы впервые взглянули другъ на друга.

Чувствовала-ли я къ Мизеримусу Декстеру состраданіе, которое женщина всегда питаетъ къ челоѣку, нуждающемуся въ ея поддержкѣ, или мое сердце было переполнено сожалѣніемъ къ нему, благодаря ужасному подозрѣнію м-ра Шлеймора, право я не знаю; только онъ мнѣ никогда не казался такъ жалокъ, какъ въ эту минуту, и я не сдѣлала ему ни малѣйшаго упрека за его непрошенное посѣщеніе незнакомаго дома.

Онъ первый заговорилъ.

— Леди Кларинда уничтожила ваше довѣріе ко мнѣ, произнесъ онъ дико.

— Леди Кларинда ничего подобнаго не сдѣлала, отвѣчала я;— она не старалась даже измѣнить моего мнѣнія. Я должна была уѣхать на время изъ Лондона, какъ вамъ написала.

Онъ вздохнулъ и закрылъ глаза съ видимымъ удовольствіемъ, словно я избавила его отъ тяжелаго гнета безповойства.

— Будьте милостивы ко мнѣ, сказалъ онъ,—и расскажите все. Я былъ очень несчастенъ во время вашего отсутствія. Вы не очень устали отъ путешествія? продолжалъ онъ, открывая глаза и пристально смотря на меня;—я жажду узнать подробности обо всемъ происшедшемъ за обѣдомъ у маіора. Конечно, съ моей стороны жестоко не дать вамъ отдохнуть съ дороги, но я предложу вамъ только одинъ вопросъ, а остальные оставлю до завтрашняго дня. Что сказала вамъ леди Кларинда о м-сѣ Бьюли? Узнали-ли вы все, что желали?

— Все, и еще болѣе.

— Что, что, что? воскликнулъ Декстеръ съ дикимъ нетерпѣніемъ.

Пророческія слова м-ра Шлеймора живо сохранились въ моей памяти. Онъ положительно увѣрялъ, что Декстеръ станетъ по-прежнему меня обманывать и не выразитъ ни малѣйшаго удивленія, услыхавъ разсказъ леди Кларинды. Я рѣшилась подвергнуть испытанію пророчество странчаго и безъ всякаго предисловія или подготовленія воскликнула:

— Женщина, которую вы видѣли въ коридорѣ, была не м-съ Бьюли, а горничная, только въ ея бурнусѣ и шляпкѣ. М-съ Бьюли сама не была дома, а танцевала въ маскарадѣ въ Эдинбургѣ. Вотъ что разсказала горничная м-съ Бьюли леди Клариндѣ, а леди Кларинда передала мнѣ.

Я произнесла эти слова такъ быстро, какъ только могла. Предсказаніе Шлеймора оказалось совершенно несправедливымъ. Декстеръ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и глаза его широко раскрылись отъ изумленія.

— Повторите! воскликнулъ онъ:—я не могу сразу понять. Вы меня ужасно поразили.

Я была очень довольна результатомъ своего опыта и торжествовала побѣду. Въ первый разъ я имѣла основаніе быть довольной собою. Въ спорѣ съ Шлейморомъ я отстаивала христіанскій, человѣколюбивый взглядъ, и теперь получила награду. Я сидѣла въ одной комнатѣ съ Декстеромъ и была вполнѣ убѣждена, что не дышала однимъ воздухомъ съ убійцею. Для подобнаго результата стоило съѣздить въ Эдинбургъ.

Я повторила свои слова и прибавила еще всѣ подробности, придававшія разсказу леди Кларинды вѣроятность. Онъ слушалъ едва переводя дыханіе, повторяя нѣкоторыя изъ моихъ словъ, чтобъ лучше ихъ запомнить.

— Что сказать? Что дѣлать? произнесъ онъ съ отчаяніемъ;— а нельзя не вѣрить этому разсказу. Какъ онъ ни страненъ, а съ начала до конца звучитъ правдою.

(Что-бы сказалъ м-ръ Шлейморъ, если-бъ онъ слышалъ эти слова? Я была увѣрена, что ему стало-бы очень совѣстно.)

— Нечего говорить, отвѣчала я,—кромѣ того, что м-съ Бьюли невинна и что мы съ вами жестоко ее оскорбляли. Вы со мною согласны?

— Совершенно согласенъ, отвѣчалъ онъ, ни мало не колеблясь: — м-съ Бьюли невиновна. Адвокаты вели защиту, какъ оказывается, всего лучше и вѣрнѣе.

Онъ спокойно сложилъ руки на груди и на лицѣ его было ясно написано, что онъ готовъ оставить это дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось.

Я не раздѣляла его мнѣнія. Къ моему величайшему изумленію, я была теперь не благодарна Декстеру.

Онъ пошелъ далѣе моихъ ожиданій. Онъ не только опровергнулъ предсказаніе Плеймора, но призналъ защиту моего мужа на судѣ правильной. Я могла признать невиновность м-съ Бьюли, но на этомъ я останавливалась. Признать защиту мужа правильной — значило проститься со всякой надеждой на доказательство его невинности.

— Говорите за себя, сказала я; — мое мнѣніе о защитѣ не измѣнилось.

Онъ вздрогнулъ и насупилъ брови, словно разочаровался во мнѣ или былъ мною недоволенъ.

— Это значитъ, что вы рѣшились продолжать свое дѣло?

— Да.

Онъ совершенно на меня разсердился и сбросилъ съ себя обычную личину приличія.

— Нелѣпо, невозможно! воскликнулъ онъ съ презрѣніемъ; — вы сами только-что сказали, что подозрѣвая м-съ Бьюли, мы оскорбляли ни въ чемъ невиновную женщину. Кого еще мы можемъ подозрѣвать? Рѣшительно некого. Намъ остается только признать совершившійся фактъ и отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія гленинчскаго убійства. Было-бы ребячествомъ спорить противъ очевидности. Вы должны отказаться отъ своего намѣренія.

— Вы можете сердиться на меня сколько угодно, м-ръ Декстеръ, но ни вашъ гнѣвъ, ни ваши аргументы не заставятъ меня отказаться отъ этого дѣла.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, сдѣлавъ надъ собою большое усиліе и говоря теперь своимъ всегдашнимъ, спокойнымъ, приличнымъ тономъ; — простите меня, если я на минуту сосредоточусь въ своихъ мысляхъ. Я хочу попытать нѣчто еще мною неиспробованное.

— Что вы хотите сказать, м-ръ Декстеръ?

— Я на нѣсколько минутъ перенесусь въ шкуру м-съ Бьюли

и буду мыслить ея умомъ. Дайте мнѣ свободную минутку. Благодарю васъ.

Что это значило? Какая новая перемяна произошла въ немъ? Былъ-ли когда на свѣтѣ такой странный, непостижимый человѣкъ? Кто повѣрилъ-бы, что онъ, въ настоящую минуту погруженный въ тяжелую думу, такъ недавно еще спалъ какъ ребенокъ и удивилъ Бенджамина своей дѣтской болтовней? Справедливо говорятъ, что человѣческая натура многосторонняя. Но различныя стороны характера Декстера такъ быстро смѣнялись одна другой, что я уже потеряла счетъ этимъ перемянамъ.

Онъ поднялъ, наконецъ, голову и пристально взглянулъ на меня.

— Я вышелъ теперь изъ шкуры м-съ Бьюли и вотъ къ какому пришелъ результату. Мы оба слишкомъ легкомысленно и поспѣшно вывели заключеніе.

Онъ умолялъ, я ничего не отвѣчала. Неужели въ моемъ умѣ явилась тѣнь сомнѣнія въ Декстерѣ? Я ждала и слушала.

— Я вполне убѣжденъ въ справедливости разсказа леди Кларинды, продолжалъ онъ, — но обдумавъ его, я вижу, что онъ можетъ быть истолкованъ двояко: виѣшнимъ образомъ и внутреннимъ. Въ вашихъ интересахъ я заглядываю въ глубь и говорю, что м-съ Бьюли могла быть достаточно хитрой, чтобъ заранѣе отвлечь отъ себя подозрѣніе и устроить alibi.

Я должна сознаться къ моему стыду, что не поняла послѣдняго слова. Онъ замѣтилъ это и сталъ говорить проще и яснѣе.

— Была-ли горничная только пассивной соучастницей преступленія своей госпожи или, проходя по коридору мимо меня, шла съ цѣлью дать первый приемъ ядѣ? сказалъ онъ; — провела-ли м-съ Бьюли ночь въ Единбургѣ для того, чтобъ въ случаѣ подозрѣнія это обстоятельство могло служить къ ея оправданію? Все это вопросы.

Теперь тѣнь сомнѣнія, гнѣздившаяся въ моемъ умѣ, приняла опредѣленную форму. Быть можетъ, я слишкомъ поспѣшно освободила Декстера отъ всякихъ подозрѣній. Неужели онъ старался возбудить снова мое подозрѣніе къ м-съ Бьюли, какъ предсказывалъ Плейморъ? Я сочла необходимымъ отвѣчать и случайно употребила выраженіе, которое я слышала отъ м-ра Плеймора:

— Вы, кажется, перехитрили, м-ръ Декстеръ.

Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки защитить свой новый взглядъ.

— Да, перехитрилъ, сказалъ онъ;—впрочемъ, я вѣдь только упоминалъ объ этомъ, какъ о предположеніи, но, быть можетъ, развилъ его далѣе, чѣмъ слѣдовало. Бросьте мой взглядъ, какъ совершенно нелѣпый, но на чемъ-же вы остановитесь? Если м-съ Бьюли не отравила несчастную ни сама, ни чрезъ посредство горничной, то кто-же это сдѣлалъ? М-съ Бьюли невиновна, Юстасъ также невиновенъ. Кого-же теперь вы можете подозрѣвать? Я, что-ли, отравилъ ее? воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ и сверкая глазами; — вы подозрѣваете меня или кто-либо другой подозрѣваетъ? Я ее обожалъ и со времени ея смерти сталъ совершенно инымъ человѣкомъ. Я вамъ открою тайну, но не говорите объ этомъ мужу, а то мы можемъ разсориться. Я женился-бы на ней, до ея знакомства съ Юстасомъ, если-бъ она согласилась. Когда доктора сказали мнѣ объ ея смерти отъ отравы... спросите у доктора Джерома, какъ я страдалъ; онъ вамъ расскажетъ. Въ эту страшную ночь я не сомкнулъ глазъ, и, наконецъ, дождавшись, когда всѣ въ домѣ улеглись, я пробрался въ ея комнату и простился на вѣки съ холодными останками ангела, котораго я такъ горячо любилъ. Я плакалъ надъ нею, цѣловалъ ее въ первый и въ послѣдній разъ. Я отрѣзалъ у нея локонъ волосъ и съ тѣхъ поръ съ нимъ не расстаюсь. Боже мой! Я вижу передъ собою эту страшную комнату! Это мертвое лицо! Посмотрите! Посмотрите!

Онъ сорвалъ съ шнура висѣвшій на его шеѣ медальонъ и, бросивъ его ко мнѣ, залился слезами.

Мужчина на моемъ мѣстѣ, быть можетъ, зналъ-бы, какъ поступить, но я была женщина и поддалась чувству состраданія.

Я встала, перешла чрезъ комнату и, отдавъ ему медальонъ, положила руку на его плечо.

— Я не въ состояніи васъ подозрѣвать, м-ръ Декстеръ, сказала я пѣжно:—подобная мысль никогда не входила мнѣ въ голову. Я сожалѣю васъ отъ глубины души.

Онъ схватилъ мою руку и покрылъ ее поцѣлуями. Его губы жгли меня, какъ огонь. Онъ неожиданно приподнялся на креслѣ обвилъ рукою мою талію. Въ испугѣ и негодованіи, я старалась освободиться отъ него и стала звать на помощь.

Дверь отворилась и Бенджаминъ показался на порогѣ. Декстеръ меня тотчасъ выпустилъ.

Я бросилась къ Бенджамину и не позволила ему войти въ комнату. Я никогда въ жизни не видала его сердитымъ, а теперь онъ былъ блѣденъ отъ злости.

— Вы не можете поднять руки на калѣку! воскликнула я, удерживая его силою;—прикажите слугѣ отвести его отсюда.

Я вывела Бенджамина въ другую комнату и заперла дверь въ бібліотеку. Экономка сидѣла въ столовой и я послала ее за слугою, сидѣвшимъ въ кабриолетѣ.

Онъ явился. Бенджаминъ молча отперъ дверь и я не могла удержаться, чтобъ не заглянуть въ кабинетъ.

Мизеримусъ Декстеръ сидѣлъ въ креслѣ, откинувшись на спинку. Слуга поднялъ его съ удивительной нѣжностью и я слышала, какъ Декстеръ промолвилъ:

— Закройте мнѣ лицо.

Слуга разстегнулъ свою грубую, матроскую куртку и, спрятавъ подъ нее голову Декстера, вышелъ молча изъ комнаты, прижимая къ груди несчастнаго калѣку, словно мать своего ребенка.

ГЛАВА XXXVI.

А р и е л ь.

Во всю ночь я не сомкнула глазъ.

Оскорбленіе, нанесенное мнѣ Декстеромъ, было неприятно само по себѣ, но послѣдствія его могли быть для меня еще хуже. Достигненіе единственной цѣли моей жизни зависѣло все еще отъ личныхъ моихъ отношеній къ Мизеримусу Декстеру, а теперь на моемъ пути явилась непреодолимая преграда. Даже въ интересахъ мужа могла-ли я имѣть что-либо общаго съ человекомъ, который такъ дерзко меня оскорбилъ? Хотя я не была строгой пуританкой, но мысль о бесѣдѣ съ Декстеромъ, послѣ происшедшаго между нами, была мнѣ отвратительна.

Я встала поздно и принялась за письмо къ м-ру Плеймору, но никакъ не могла собраться съ силами и написать хоть одно слово.

Около полудня (Бенджамина не было дома) экономка объявила, что меня спрашиваетъ снова какое-то странное созданіе.

— На этотъ разъ это женщина, сударыня, или что-то въ этомъ родѣ, сказала она конфиденціально:—это большая, толстая, глухая женщина въ мужской шляпѣ и съ мужской тростью въ рукахъ. Она говоритъ, что принесла вамъ письмо, но отдастъ его только въ собственныя руки. Мнѣ кажется, лучше ее не пускать.

Я тотчасъ поняла, кто желалъ меня видѣть, и удивила экономку приказаніемъ ввести странное существо.

Ариель вошла въ комнату, какъ всегда, молча. Но я замѣтила въ ней поразительную переи́мьну. Ея апатичныя, безсознательныя глаза были красны и точно налиты кровью. На щекахъ ея видѣлись какъ-бы слѣды слезъ. Она подошла ко мнѣ далеко не прежней, рѣшительной, грубой поступью. Неужели Ариель могла совѣститься или бояться меня?

— Вы принесли мнѣ что-то? спросила я;—присядьте.

Она подала мнѣ письмо, не говоря ни слова и не садясь. Я распечатала конвертъ и прочла слѣдующее:

„Пожалѣйте меня, если въ васъ сохранилась тѣнь состраданія къ несчастному, который горько заплатилъ за минутное безуміе. Если-бъ вы меня видѣли, то согласились-бы, что я вынесъ достаточно сильное наказаніе. Бога ради не покидайте меня! Я сошелъ съ ума въ ту минуту, когда дозволилъ чувству, которое вы возбудили въ моемъ сердцѣ, взять верхъ надо всѣмъ. Болѣе никогда этого не случится и моя тайна умретъ вмѣстѣ со мною. Могу-ли я надѣяться, что вы мнѣ повѣрите? Нѣтъ, я не прошу васъ вѣрить мнѣ и полагаться на мое хорошее поведеніе. Если вы когда-нибудь согласитесь увидѣть меня снова, то пусть это будетъ въ присутствіи третьяго лица, избраннаго вами въ качествѣ покровителя. Я буду терпѣливо ждать, пока успокоится вашъ гнѣвъ, и прошу теперь одного—надежды. Скажите Ариель: „я его прощаю и когда-нибудь позволю видѣться со мною“. Она запомнитъ эти слова изъ любви ко мнѣ. Но если вы отпустите ее безъ всякаго отвѣта, то я завтра буду въ сумасшедшемъ дождѣ. Спросите ее, если мнѣ не вѣрите. Мизеримусъ Декстеръ“.

Прочтя это странное письмо, я взглянула на Ариель.

Она стояла передо мною, опустивъ глаза.

— Возьмите палку, сказала она послѣ продолжительнаго молчанія, подавая мнѣ тяжелую дубину, бывшую въ ея рукахъ.

— Зачѣмъ? спросила я.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она боролась съ своими тупыми мозгами, желая выразить то, что чувствовала.

— Вы сердитесь на моего господина, сказала она, наконецъ; — выместите вашу злобу на мнѣ. Вотъ палка. Бейте меня.

— Побить васъ! воскликнула я.

— Спина у меня широкая, продолжало несчастное созданіе; — я не буду кричать. Я все перенесу. Чортъ возьми, берите-же палку. Не сердите его. Бейте меня.

Она грубо сунула мнѣ въ руки палку и повернулась спиною, ожидая удара. Страшно и жалко было на нее смотрѣть. Слезы выступили у меня на глазахъ. Я старалась терпѣливо и нѣжно образумить ее, но все было тщетно. Въ головѣ ея была только одна мысль: принять на себя наказаніе, слѣдовавшее ей господину.

— Не сердите его; бейте меня, упорно повторяла она.

— Что вы подразумѣваете подъ словами: „не сердите его“? спросила я.

Она старалась мнѣ объяснить, но не могла найти соотвѣтственныхъ словъ и прибѣгла къ мимикѣ, подобно дикарю. Подойдя къ камину, она присѣла на корточки и устремила на огонь страшный, бессознательный взглядъ. Потомъ она схватилась руками за голову и, не спуская глазъ съ огня, стала медленно перекачиваться со стороны на сторону.

— Вотъ какъ онъ сидитъ!.. воскликнула она, неожиданно найдя даръ слова: — часами, цѣлыми часами. Никого не замѣчаетъ. Только зоветъ васъ.

Представленная ею картина напомнила мнѣ свидѣтельство доктора о здоровьѣ Декстера и предостереженіе насчетъ грозившей ему опасности въ будущемъ. Если-бъ слова и жесты Аріеля могли на меня не подѣйствовать, то смутное опасеніе роковыхъ послѣдствій отъ подобнаго положенія Декстера не дозволило-бы мнѣ колебаться.

— Не дѣлайте этого! воскликнула я; — пожалуйста встаньте. Я на него болѣе не сержусь. Я его прощаю.

Она приподнялась на четвереньки, словно собака, и повторила свою обычную просьбу, когда она хотѣла что-нибудь запечатлѣть въ своей памяти:

— Скажите еще разъ.

Я исполнила ея желаніе. Но этого было для нея недостаточно.

— Скажите такъ, какъ написано въ письмѣ господина, произнесла она.

Я взглянула на письмо и повторила слово въ слово: „Я прощаю его и когда-нибудь позволю видѣться со мною“.

Она быстро вскочила на ноги и впервые на ея тупомъ лицѣ блеснулъ лучъ свѣта и жизни.

— Вотъ такъ! воскликнула она.— Теперь я вытвержу наизусть эти слова.

Я научила ее, какъ ребенка, этой фразѣ слово за словомъ.

— Ну, теперь, сказала я, убѣдившись въ томъ, что она хорошо затвердила урокъ,—отдохните и поѣшьте чего-нибудь.

Все равно было говорить стѣнѣ. Не обращая никакого вниманія на мои слова, она схватила палку и выбѣжала изъ комнаты, громко крича:

— Я знаю наизусть! Это охладить голову господина.

Я вышла за нею и только увидѣла, какъ она отворила настежь калитку и пустилась по улицѣ такимъ крупнымъ шагомъ, что не было возможности ее догнать.

Я возвратилась въ свою комнату, обдумывая вопросъ, который тщетно старались разрѣшить головы гораздо умнѣе моей. Могъ-ли человѣкъ совершенно дурной и преступный возбудить такую преданную любовь, какую Декстеръ внушилъ этой странной женщинѣ и грубому садовнику, такъ нѣжно обходившемуся съ нимъ? Кто могъ на это отвѣтить? Величайшій злодѣй на свѣтѣ часто имѣетъ друга, его любитъ женщина или собака.

Я сѣла къ столу и снова принялась за письмо къ м-ру Шлеймору.

Вспоминая все, что я слышала отъ Мизеримуса Декстера, я съ особымъ интересомъ останавливалась на неожиданной вспышкѣ чувства, заставившей его выдать мнѣ тайну своей любви къ первой женѣ Юстаса. Я какъ-бы видѣла роковую сцену, происшедшую въ комнатѣ умершей: несчастное, уродливое созданіе, рыдавшее надъ хладнымъ трупомъ во мракѣ ночи. Эта мрачная картина какъ-то странно овладѣла моимъ воображеніемъ и тщетны были всѣ усилія обратить мои мысли на другой предметъ. Обстановка этой сцены, дѣйствительно, была мнѣ близко знакома, и потому неудивительно, что она такъ крѣпко засѣла въ мою голову. Я сама была въ этой комнатѣ, видѣла вровать умершей, ходила по коридору, по кото-

рому Декстеръ пробирался, чтобъ сказать послѣднее прости любимой женщинѣ.

При мысли о коридорѣ я вдругъ остановилась. Какія воспоминанія возбуждалъ онъ во мнѣ, кромѣ разсказа Декстера? Были это личныя воспоминанія о моемъ посѣщеніи Гленинча? Нѣтъ. Вспоминала-ли я что-нибудь прочтенное? Я машинально взяла отчетъ о процесѣ моего мужа. Онъ случайно открылся на показаніи сидѣлки. Я прочла его до самаго конца и только слѣдующія фразы обратили на себя мое вниманіе:

„Прежде чѣмъ лечь спать, я пошла наверхъ, чтобъ приготовить тѣло покойной для положенія въ гробъ. Комната, въ которой она лежала, была заперта и ключи отъ обѣихъ дверей, въ коридоръ и въ комнату м-ра Мокалана, были взяты м-ромъ Гелемъ. Двое слугъ караулили у коридорныхъ дверей. Они могли мнѣ сказать только, что ихъ смѣнять въ 4 часа утра“.

Вотъ что припомнилось мнѣ при мыслѣ о коридорѣ. Вотъ что я должна была имѣть въ виду, когда Мизеримусъ Декстеръ разсказывалъ мнѣ о своемъ прощаньи съ жертвой.

Какъ попалъ онъ въ спальню, когда двери были заперты и ключи унесены м-ромъ Гелемъ? Только отъ третьей двери, въ маленькій кабинетъ, не было ключа у м-ра Геля. Ключъ этотъ былъ потерянъ. Неужели его похитилъ Декстеръ? Онъ могъ пройти по коридору, когда сторожа спали или въ ту минуту, когда ихъ смѣняли. Но какъ онъ могъ попасть въ спальню безъ ключа? Рѣшительно ключъ былъ у него и онъ похитилъ его за нѣсколько недѣль до смерти несчастной женщины, такъ-какъ сидѣлка удосто-вѣряла, что когда она прибыла въ домъ 7-го числа, ключа въ двери уже не было.

Къ какому заключенію должны были привести эти факты и соображенія? Даль-ли мнѣ Декстеръ ключъ къ узнанію роковой тайны въ минуту бессознательнаго волненія?

Я въ третій разъ возвратилась къ письму. Единственный человекъ, который могъ найти отвѣтъ на всѣ эти вопросы, былъ м-ръ Плейморъ. Я написала ему подробный отчетъ о всемъ случившемся, прося извинить меня за непріятіе его любезнаго совѣта и обѣщая ничего не дѣлать впредь безъ его согласія.

День былъ прекрасный для того времени года, и, желая подышать чистымъ воздухомъ, я сама отнесла письмо на почту.

Возвратясь домой, я узнала, что меня дожидался новый посѣтитель, на этотъ разъ очень учтивый и прямо заявившій свое имя. Это была моя свекровь, м-съ Мокаланъ.

ГЛАВА XXXVII.

У постели вольного.

Прежде, чѣмъ она открыла ротъ, я поняла, что она принесла дурныя вѣсти.

— Что съ Юстасомъ? воскликнула я.

Она отвѣчала мнѣ безмолвнымъ взглядомъ.

— Скажите всю правду, продолжала я; — но не томите неизвестностью.

М-съ Мокаланъ подала мнѣ телеграму.

— Я вполне надѣюсь на ваше мужество, сказала она; — съ вами, дитя мое, нечего хитрить. Прочтите.

Въ телеграмѣ, посланной военнымъ докторомъ походнаго госпиталя изъ какого-то селенія сѣверной Испаніи, было сказано слѣдующее:

„М-ръ Юстасъ тяжело раненъ въ стычкѣ. Пока нѣтъ опасности. Всѣ мѣры приняты. Дожидайте другой телеграммы“.

Я отвернулась и какъ могла лучше перенесла страшный ударъ, разразившійся надъ моей головою. Я думала, что его любила, но никогда этого такъ не сознавала, какъ теперь.

Свекровь молча обняла меня и прижала къ груди. Она знала, что въ такую минуту говорить нельзя.

Мало-по-малу я собралась съ силами и, указавъ на послѣднія слова телеграммы, спросила:

— Будете вы ждать?

— Ни одного дня, отвѣчала она; — я сейчасъ ѣду въ министерство иностранныхъ дѣлъ за паспортомъ. У меня есть тамъ протекція и мнѣ не откажутъ въ помощи и рекомендательныхъ письмахъ. Я отправляюсь сегодня ночью съ почтовымъ поѣздомъ въ Балъ.

— Вы отправляетесь? повторила я. — Неужели вы думаете, что я отпущу васъ однѣхъ? Достаňte мнѣ паспортъ и въ 7 часовъ вечера я буду у васъ.

Она старалась меня отговорить, указывая на опасности путешествія. Но я ее остановила на первыхъ словахъ.

— Развѣ вы не знаете, матушка, какъ я упряма? Вы только теряете дорогое время. Васъ могутъ задержать въ министерствѣ.

Она уступила съ необычайной для ея характера нѣжностью.

— Узнаеть-ли когда мой бѣдный Юстасъ, кабая у него жена! Вотъ все, что она сказала. Потомъ она меня поцѣловала и поспѣшно удалилась.

Мои воспоминанія о путешествіи очень смутны и неопредѣленны.

Болѣе интересныя событія, случившіяся послѣ моего возвращенія въ Англію, заслоняютъ въ моей памяти приключенія въ Испаніи, которыя, отодвинувшись на задній планъ, кажутся давно прошедшими. Я смутно помню, что много проволочекъ и опасностей задерживали насъ на пути, подвергая тяжелому испытанію наше терпѣніе и мужество; что благодаря рекомендательнымъ письмамъ, мы нашли вѣрныхъ друзей въ секретарѣ англійскаго посольства и въ министерскомъ курьерѣ, которые оказали намъ помощь и покровительство въ очень критическую минуту; что наши возницы отличались грязными плащами и чистымъ бѣльемъ, чрезвычайно учтивымъ обращеніемъ съ женщинами и варварской жестокостью къ лошадямъ. Наконецъ, я вижу предъ собою яснѣе всего несчастную комнату въ бѣдной, сельской гостинницѣ, въ которой мы нашли несчастнаго Юстаса въ безсознательномъ положеніи, между жизнью и смертью.

Ничего не было романтичнаго или интереснаго въ томъ событіи, которое подвергло опасности жизнь моего мужа.

Онъ слишкомъ близко подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ происходила небольшая стычка, съ намѣреніемъ спасти бѣднаго раненаго юношу, лежавшаго на полѣ сраженія. Ружейная пуля ранила его, и товарищи по походному лазарету отнесли его на перевязочный пунктъ, рискуя своей жизнью. Онъ былъ общимъ любимцемъ; храбрый, добрый, терпѣливый, онъ нуждался только въ опытности, чтобы быть украшеніемъ чловѣколюбиваго братства, въ ряды котораго онъ ноступилъ.

Разказавъ мнѣ все это, докторъ деликатно прибавилъ нѣсколько словъ предостереженія.

Лихорадка, обычное слѣдствіе раны, сопровождалась, какъ все-

гда, бредомъ. Голова Юстаса, на-сколько можно было понять изъ его полусвязныхъ словъ, была полна мыслями о женѣ, и потому докторъ объявилъ, что неожиданное свиданіе со мною можетъ привести къ самымъ грустнымъ результатамъ. Пока онъ находился въ безсознательномъ положеніи, я могла ухаживать за нимъ, не рискуя быть узанной. Но когда онъ станетъ выздоравливать, то мнѣ надо будетъ уступить мое мѣсто у его постели другому лицу и не показываться ему на глаза до разрѣшенія доктора.

Мы съ свекровью чередовались въ комнатѣ больного, проводя тамъ дни и ночи.

Во время бреда, который являлся періодически съ безжалостною регулярностью, мое имя не сходило съ устъ бѣднаго раненаго. Въ головѣ его господствовала страшная мысль, которую я тщетно старалась побороть въ послѣднее наше свиданіе. Въ виду судебного приговора, постановленнаго по его дѣлу, невозможно было даже его женѣ вѣрить его невинности. Всѣ ужасы, которые разстроенное воображеніе рисовало передъ нимъ, были навѣяны этой упорной мыслию. Онъ воображалъ, что все еще живетъ со мною, и, несмотря на всѣ его усилія, я напоминала ему постоянно о тяжеломъ испытаніи, черезъ которое онъ прошелъ. Онъ говорилъ за себя и за меня. Онъ подавалъ мнѣ чашку чая и я говорила ему: „мы вчера ссорились съ тобою, Юстасъ; нѣтъ-ли тутъ яда?“ Онъ цѣловалъ меня въ знакъ примиренія, а я со смѣхомъ произносила: „теперь утро, мой милый, а къ девяти часамъ вечера, не правдали, я умру?“ Я лежала больная въ постели и, подозрительно смотря на подаваемое имъ лекарство, говорила: „ты любишь другую женщину; нѣтъ-ли въ лекарствѣ чего-нибудь посторонняго, непрописаннаго докторомъ?“ Вотъ какая страшная драма постоянно разыгрывалась въ его умѣ. Сотни и сотни разъ онъ повторялъ одно и то-же, и все въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ. Въ другое время онъ говорилъ о моемъ отчаянномъ планѣ доказать его невинность, то плача, то смѣясь, то сочиняя хитрыя уловки, чтобъ преградить мнѣ путь. Изобрѣтая свои стратагеми, онъ энергично настаивалъ, чтобъ люди, повидимому, помогавшіе ему, не боялись меня оскорбить или огорчить. „Ничего, говорилъ онъ,—не бѣда, если вы ее разсердите или заставите плакать. Это для ея добра, для ея спасенія отъ неподозрѣваемыхъ ею опасностей. Не сожа-

лѣйте ее, потому что, какъ она сама говоритъ, она дѣлаетъ все ради меня. Посмотрите, ее сейчасъ оскорбятъ, опозорятъ, обманутъ. Остановите ее, остановите ее!“ Хотя я должна была всегда помнить, что онъ былъ въ забытьѣ, но многіе часы, проведенные у постели мужа, казались мнѣ чрезвычайно грустными, горькими.

Недѣли проходили за недѣлями, а онъ все еще оставался между жизнью и смертью.

Я не вела въ то время дневника и не могу припомянуть, какого именно числа произошла въ немъ перемѣна къ лучшему. Въ моей памяти сохранилось только, что мы освободились отъ тяжелой неизвѣстности въ одно прекрасное, зимнее утро, около разсвѣта. Докторъ находился у постели больного, когда онъ очнулся. Замѣтивъ это, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я молчала и скрылась. Свекровь и я поняли очень хорошо, что это значило, и возблагодарили Бога за спасеніе дорогого намъ челоуѣка.

Въ тотъ-же вечеръ, сидя вдвоемъ, мы въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Англіи заговорили о будущемъ.

— Докторъ сказалъ мнѣ, начала ж-съ Мокаланъ, — что Юстасъ очень слабъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней не будетъ въ силахъ вынести какое-бы то ни было волненіе. Поэтому у насъ довольно времени на разрѣшеніе вопроса: сказать ему или нѣтъ, что онъ обязанъ своею жизнью столько-же моимъ попеченіямъ, сколько вашимъ? Неужели, Валерія, вы его оставите теперь, когда Господь милосердно возвратилъ его нашей любви?

— Если-бъ я слушалась только своего сердца, отвѣчала я, — то никогда съ нимъ болѣе не разсталась-бы.

М-съ Мокаланъ взглянула на меня съ изумленіемъ.

— Кого-же вамъ еще слушаться? спросила она.

— Если мы оба останемся живы, продолжала я, — то мнѣ надо подумать о счастьѣ нашей жизни въ будущемъ. Я могу многое снести, матушка, но если онъ меня снова покинетъ, то я не вынесу этого.

— Вы несправедливы къ нему, Валерія. Я твердо убѣждена, что онъ не въ состояніи снова васъ бросить.

— Развѣ вы забыли, ж-съ Мокаланъ, что онъ говорилъ обо мнѣ въ бреду?

— Но вѣдь онъ говорилъ это въ бреду. Развѣ больной чело-
вѣкъ можетъ отвѣчать за то, что онъ бредитъ?

— Дорогая матушка и лучший мой другъ, вы не повѣрите, какъ мнѣ трудно противостоять вашей защитѣ Юстаса. Я не говорю, что онъ отвѣтственъ за свой бредъ, но я считаю этотъ бредъ предостереженіемъ для нашей будущей, общей жизни. Самыя дикія слова, которыя теперь бормотали его запекшіяся губы, только вѣрное эхо того, что онъ мнѣ говорилъ полный здоровья и силъ. Что-же даетъ мнѣ надежду на измѣненіе его мыслей относительно меня? Ни разлука, ни страданія не измѣнили его. Въ горячечномъ бреду и въ полномъ разумѣ онъ одинаково сомнѣвается во мнѣ. Я не вижу другого пути возвратить его себѣ, какъ уничтоживъ въ корнѣ поводъ къ разлукѣ со мною. Тщетно убѣждать его въ томъ, что я вѣрю въ его невиновность. Я должна фактически доказать ему, что онъ невиновенъ въ взводимомъ на него преступленіи.

— Валерія, Валерія! Вы даромъ теряете время и слова. Вы попытались счастья и теперь знаете такъ-же хорошо, какъ я, что это дѣло невозможное.

Мнѣ нечего было на это отвѣчать и я замолчала.

— Предположимъ, что вы еще разъ посѣтите Декстера изъ состраданія къ оскорбившему васъ несчастному, сумасшедшему созданію, продолжала свекровь;—вы можете это сдѣлать только въ сопровожденіи меня или какого-либо другого вѣрнаго друга. Какой результатъ можетъ быть отъ этого посѣщенія? Вы можете только остаться у Декстера самое короткое время и успокоить его взволнованный умъ. Послѣ этого вы должны уѣхать. Предположимъ даже, что Декстеръ можетъ оказать вамъ помощь въ вашемъ дѣлѣ, но для этого вы должны обращаться съ нимъ по-прежнему, по-дружески, съ полнымъ довѣріемъ, а возможно-ли это послѣ случившагося въ домѣ Бенджамина? Отвѣчайте мнѣ честно.

Я рассказала м-съ Мокаланъ во время нашего путешествія послѣднее мое свиданіе съ Декстеромъ, и вотъ какъ она воспользовалась моей откровенностью. Конечно, я не могла на это сердиться, такъ-какъ цѣль оправдывала средства. Но, во всякомъ случаѣ, я должна была отвѣчать, если не хотѣла ее оскорбить. Я признала,

что никогда болѣе не могла обращаться съ Декстеромъ какъ съ истиннымъ другомъ, достойнымъ полного довѣрія.

— Хорошо, продолжала она:—этотъ путь теперь для васъ закрытъ. Что-же вы предпримете? Какая у васъ остается надежда?

Въ теперешнемъ моемъ положеніи я не могла дать удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Я чувствовала себя какъ-то странно, не ловко, и не промолвила ни слова. М-съ Мокаланъ тогда нанесла мнѣ послѣдній ударъ, dokonчившій ея побѣду.

— Мой бѣдный Юстасъ слабъ и легкомысленъ, сказала она, — но онъ не опозоритъ себя черной неблагодарностью. Дитя мое, вы заплатили ему добромъ за зло, вы доказали, какъ преданно его любите, рискуя ради него всѣми трудностями и опасностями. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте ему. Онъ не можетъ теперь противостоять вамъ. Взгляните на него съ прежнею любовью, останьтесь съ нимъ — и онъ вашъ на вѣки. Скажите: да, Валерія, прибавила она шепотомъ, нѣжно цѣлуя меня, — скажите: да, и будьте для него дорогою женою, а для меня дорогой дочерью.

Сердце мое говорило то-же самое. Энергія моя колебалась. Я не получила никакого отвѣта отъ м-ра Плеймора, который одинъ могъ поддержать меня, я долго и тщетно боролась со всѣми, я употребила всѣ усилія, перенесла многое, и моей наградой было только горе и разочарованіе. А теперь онъ лежалъ въ сосѣдней комнатѣ и мало-по-малу возвращался къ жизни. Какъ могла я противостоять? Все было кончено. Говоря — да (если Юстасъ подтвердилъ бы слова матери), я просталась на-вѣки съ единственной, дорогой и благородной надеждой моей жизни. Я вполнѣ это сознавала и все-же сказала — да.

Итакъ, прощай святое дѣло! Да здравствуетъ смиреніе — явное доказательство, что я признавала себя побѣжденной.

Мы съ свекровью спали въ единственной комнатѣ, которую могли намъ отвести въ гостинницѣ, — нѣчто въ родѣ ниши на чердакѣ. Ночь, слѣдовавшая за этимъ разговоромъ, была очень холодная и мы никакъ не могли согрѣться, несмотря на всѣ наши пледы. Наконецъ, свекровь заснула, но я не могла сомкнуть глазъ отъ безпокойства, какъ меня приметъ мужъ и какъ сложится наша будущая жизнь.

Нѣсколько часовъ прошло въ этихъ грустныхъ размышленіяхъ. Вдругъ я ощутила въ себѣ какое-то странное чувство, которое удивило и испугало меня. Я вскочила на постели, едва переводя дыханіе. Мое движеніе разбудило м-сь Мокаланъ.

— Что съ вами? спросила она;—вы нездоровы?

Я старалась, какъ могла, объяснить ей, что чувствовала. Съ первыхъ-же словъ она поняла, въ чемъ дѣло, и, нѣжно прижавъ меня къ груди, сказала:

— Бѣдное, невинное дитя, развѣ вы не понимаете? Неужели я должна вамъ объяснить?

И она шепотомъ произнесла нѣсколько словъ. Никогда не забуду я того водоворота пламенныхъ чувствъ, который возбудили во мнѣ ея слова. Радость, страхъ, изумленіе, гордость, смиреніе наполняли мою душу. Я чувствовала, что съ этой минуты стала новой женщиной. Если Богу было угодно продлить мнѣ жизнь еще на нѣсколько мѣсяцевъ, то я могла испытать величайшую и самую святую радость на землѣ—быть матерью.

Я не знаю, какъ прошла остальная ночь, и помню только, что на слѣдующее утро на разсвѣтѣ я вышла подышать свѣжимъ, зимнимъ воздухомъ на открытой полянѣ передъ гостинницей.

Я уже сказала, что чувствовала себя новой женщиной. Во мнѣ проснулись новыя силы. Теперь, думая о будущемъ, я должна была заботиться не объ одномъ только мужѣ. Его доброе имя принадлежало уже не ему, не мнѣ, а нашему ребенку, для котораго оно должно было сдѣлаться величайшимъ наслѣдіемъ. А за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ я отказалась отъ всякой надежды очистить его имя отъ позорнѣйшаго пятна, какъ-бы мало это пятно ни казалось въ глазахъ закона. Нашему ребенку могли впослѣдствіи сказать съ насмѣшкой: „Твой отецъ обвинялся въ величайшемъ изъ преступленій и не былъ совершенно оправданъ“. Могла-ли я мужественно перенести предстоявшія мнѣ муки съ подобнымъ предчувствіемъ? Нѣтъ. Я должна была еще разъ попробовать счастья возобновить борьбу и постараться вывести на чистую воду Мизеримуса Декстера.

Я возвратилась къ свекрови съ новой рѣшимостью и откровенно высказала ей пережѣну, происшедшую во мнѣ послѣ нашего разговора.

Она была не только разочарована, но огорчена моими словами.

— Единственное событіе, котораго не доставало, теперь случилось, сказала она:— къ нашему общему счастью, вскорѣ новые, святыя узы свяжутъ еще вѣрнѣе, чѣмъ прежде, вашу жизнь съ жизнью вашего мужа. Всѣ другія соображенія—пустяки. Если вы теперь покинете его, то поступите не только безсердечно, но глупо, и будете вѣчно, до гробовой доски, сожалѣть, что упустили единственный случай въ жизни женщины, когда она можетъ навсегда привязать къ себѣ мужа.

Тяжело мнѣ было бороться съ этими благоразумными совѣтами доброй женщины и мрачными сомнѣніями, терзавшими мою душу, но я старалась думать только объ одномъ: о чести отца, о наслѣдіи ребенка, и на этотъ разъ устояла. Много грустныхъ минутъ, много тайныхъ слезъ стоила мнѣ эта рѣшимость, но природное упрямство, какъ говорила м-съ Мокаланъ, поддерживало меня. Отъ времени до времени я поддерживала себя также минутными взглядами на мужа, во время его безмятежнаго сна. Я не могу объяснить этого послѣдняго, повидимому рѣзкаго противорѣчія, но не хочу скрыть ничего изъ прочувствованнаго мною въ эту тяжелую эпоху моей жизни.

Я согласилась только на одну уступку— подождать два дня прежде, чѣмъ возвратиться въ Англію. М-съ Мокаланъ надѣялась, что въ это время я измѣню свою рѣшимость.

Эта уступка оказалась очень полезной для меня. На второй день начальникъ походнаго лазарета послалъ въ сосѣдній городъ за письмами, и посланный, возвратясь, подалъ мнѣ конвертъ. Почеркъ адреса былъ мнѣ знакомый. Наконецъ-то я получила отвѣтъ м-ра Шлеймора.

Если мнѣ грозила опасность перемѣнить свое мнѣніе, то добрый стряпчій спасъ меня отъ этого. Слѣдующій отрывокъ изъ его письма вполне докажетъ, какою сильной поддержкой оно послужило мнѣ въ ту минуту, когда я болѣе всего нуждалась въ ней:

„Позвольте мнѣ теперь рассказать вамъ, что я сдѣлалъ для провѣрки того заключенія, къ которому приводитъ ваше письмо. Я отыскалъ одного изъ слугъ, которые караулили двери въ спальнѣ м-съ Мокаланъ въ ночь послѣ ея смерти. Онъ очень хорошо

помнить, что среди ночи Мизеримусъ Декстеръ явился неожиданно передъ ними, говоря: „Я полагаю, не запрещено входить въ кабинетъ; послѣ всего случившагося я не могу спать, а тамъ найду книгу и хоть немного развлекусь“. Слугамъ не было приказано воспрещать входъ въ кабинетъ, и они знали, что дверь въ спальню была заперта, а ключи отъ другихъ двухъ дверей унесъ съ собою м-ръ Гель; поэтому они дозволили Декстеру войти въ кабинетъ. Онъ затворилъ за собою дверь, выходящую въ коридоръ, и нѣсколько времени оставался не въ кабинетѣ, какъ полагали слуги, а въ спальнѣ, какъ мы знаемъ изъ его собственнаго признанія. Вы совершенно правы въ томъ, что онъ не могъ попасть туда иначе, какъ съ помощью ключа отъ двери между кабинетомъ и спальней. Сколько времени онъ тамъ оставался, я не могъ узнать, но это не важно. Слуга, однако, помнить, что, выйдя изъ кабинета, Декстеръ былъ блѣденъ какъ смерть и молча возвратился въ свою комнату. Вотъ факты. Выводъ изъ нихъ чрезвычайно важенъ и вполне подтверждаетъ все, что я говорилъ вамъ въ Эдинбургѣ. Вы, конечно, помните мои слова и потому нечего ихъ повторять. Теперь поговоримъ о васъ. Вы совершенно невинно возбудили въ Декстерѣ такое чувство, которое мнѣ нечего опредѣлять. Дѣйствительно, я самъ это замѣтилъ: въ васъ есть нѣчто, напоминающее покойную м-съ Мокаланъ, и это, очевидно, подѣйствовало на разстроенный умъ Декстера. Не останавливаясь болѣе на этомъ предметѣ, я скажу только, что онъ доказалъ, какъ велико ваше вліяніе на него; въ вашемъ присутствіи онъ такъ взволнованъ, что не въ состояніи обдумывать каждое слово. Поэтому не только возможно, но вѣроятно, что онъ еще болѣе выдастъ себя, чѣмъ до сихъ поръ, если вы дадите ему случай. Я долженъ говорить съ вами совершенно откровенно, зная, какіе интересы затронуты въ этомъ дѣлѣ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что вы сдѣлали большой шагъ впередъ къ достиженію своей цѣли со времени вашего отъѣзда изъ Эдинбурга. По моему мнѣнію, ваше письмо и мое открытіе представляютъ непреклонное доказательство, что Декстеръ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ покойной (совершенно невинныхъ съ ея стороны), не только въ день ея смерти, но и за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ. Я не могу скрыть отъ васъ своего убѣжденія, что если вы сужмете узнать отъ него, въ чемъ состояли эти тайныя сношенія,

то невинность вашего мужа будетъ доказана открытіемъ истины насчетъ таинственной смерти его первой жены. Я говорю вамъ это какъ честный человѣкъ, но также, какъ честный человѣкъ, я не могу по совѣсти посовѣтовать вамъ рисковать тѣмъ, чѣмъ вы рискнете, если еще разъ увидите Мизеримуса Декстера. Въ этомъ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ я не могу и не хочу брать на себя никакой отвѣтственности. Вы должны сами рѣшить, что вамъ слѣдуетъ дѣлать. Я прошу только одной милости—увѣдомьте меня о вашемъ рѣшеніи“.

Затрудненія, казавшіяся столь громадными м-ру Плеймору, не задержали меня ни на минуту, и прежде, чѣмъ я окончила письмо, я уже рѣшилась возвратиться немедленно въ Англию.

На другой день отходила во Францію почта и кондукторъ предложилъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собою. Не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ и, какъ всегда, дѣйствуя очертя голову, я воспользовалась его предложеніемъ.

ГЛАВА XXXVIII.

На возвратномъ пути.

Если-бы я путешествовала въ своемъ экипажѣ, то послѣдующія главы моего разсказа никогда не были-бы написаны, потому-что по прошествіи какого-нибудь часа я приказала-бы кучеру вернуться назадъ.

Кто можетъ быть всегда твердымъ и рѣшительнымъ?

Задавая этотъ вопросъ, я, конечно, имѣю въ виду женщинъ, а не мужчинъ. Я поступила рѣшительно, взявъ мѣсто въ почтовомъ экипажѣ, несмотря на предостереженія м-ра Плеймора и на совѣты свекрови. Но не успѣли мы отъѣхать и мили отъ селенія, какъ все мое мужество исчезло и я воскликнула въ глубинѣ своего сердца: „Низкая женщина! ты бросила своего мужа!“ Впродолженіи многихъ часовъ я отдала-бы все на свѣтѣ, чтобъ остановить экипажъ. Я ненавиждѣла кондуктора, добрыйшаго изъ людей. Я ненавиждѣла славныхъ испанскихъ лошадокъ, весело бѣжавшихъ въ рядной упряжи съ бубенчиками. Я ненавиждѣла свѣтлый день, придававшій столько красоты окружающей природѣ, и свѣжій, здоро-

вѣй воздухъ, которымъ я невольно съ наслажденіемъ дышала. Я не помню такого мрачнаго путешествія, какъ эта спокойная, безопасная поѣздка до границы. Одно только меня нѣсколько утѣшало—похищенная мною прядь волосъ Юстаса. Я уѣхала, когда онъ еще спалъ, и передъ самымъ отъѣздомъ вошла въ спальню, поцѣловала его и, заливаясь слезами, отрѣзала прядь его волосъ. Какъ я рѣшилась въ эту минуту разстаться съ нимъ—я до сихъ поръ не понимаю. Кажется, свекровь помогла мнѣ въ этомъ совершенно безсознательно. Она вошла въ комнату, гордо поднявъ голову, и холодно сказала: „Если вы серьезно рѣшились, Валерія, то поѣзжайте; экипажъ готовъ“. Всякая энергичная женщина на моемъ мѣстѣ сдѣлала-бы то-же, что я. Я доказала, что серьезно рѣшилась, и уѣхала.

А потомъ я сожалѣла объ этомъ. Бѣдное человѣческое созданіе!

Говорятъ, что время великій цѣлитель горя и страданій. По моему мнѣнію, времени слишкомъ льстятъ въ этомъ отношеніи. Пространство, вмѣстѣ съ перемѣной впечатлѣній, гораздо скорѣе и лучше достигаетъ той-же цѣли. Въ вагонѣ на дорогѣ въ Парижъ я начала благоразумнѣе смотрѣть на свое положеніе. Я теперь говорила себѣ, что ожиданія свекрови могли не исполниться насчетъ пріема, который сдѣлалъ-бы мнѣ мужъ, послѣ первой вспышки счастья. Если я рисковала многимъ, рѣшившись снова увидѣть Декстера, то не менѣе было опасно возвратиться безъ всякаго приглашенія къ мужу, который торжественно объявилъ, что наша брачная жизнь кончена и семейное счастье невозможно. Къ тому-же кто могъ поручиться, что будущее не оправдаетъ меня не только въ моихъ собственныхъ глазахъ, но и въ глазахъ Юстаса? Быть можетъ, я доживу до того дня, когда онъ скажетъ: „она вмѣшалась не въ свое дѣло, она была упряма, она бросила меня больного, но она все исправила и, въ концѣ концовъ, была права“.

Я остановилась на одинъ день въ Парижѣ и написала три письма. Въ первомъ я предупредила Бенджамина, что я приѣду на другой день вечеромъ; во второмъ объявила м-ру Шлеймору, что рѣшилась сдѣлать послѣдній шагъ для открытія роковой тайны. Третье письмо, очень коротенькое, было къ Юстасу. Я сознавалась, что ухаживала за нимъ, пока онъ былъ въ безчувственномъ состояніи, объясняла причину моего отъѣзда и умоляла не думать

обо мнѣ дурно, такъ-какъ время докажетъ, что я любила его теперь такъ-же пламенно, какъ и всегда. Я вложила это письмо въ другое, адресованное на имя м-съ Мокаланъ, которую просила отдать мое письмо сыну, когда онъ будетъ въ состояніи его прочесть. При этомъ я положительно запрещала ей открывать Юстасу тайну о новыхъ узакъ, соединявшихъ меня съ нимъ. Хотя онъ бросилъ меня, но я не хотѣла, чтобы кто-нибудь другой передалъ ему эту вѣсть. Отчего? Я позволю себѣ объ этомъ умолчать.

Написавъ эти три письма, я исполнила свою обязанность и была совершенно свободна поставить послѣднюю карту въ роковой игрѣ, въ которой теперь шансы были одинаковы, какъ за меня, такъ и противъ меня.

(Продолженіе будетъ.)

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ *).

(БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

VI.

Когда провинціалъ прїѣзжаетъ въ столицу, онъ всегда старается отыскать своихъ земляковъ, и, разъ они отысканы, онъ крѣпко держится за нихъ, какъ утопающій за соломенку, въ надеждѣ продержаться нѣкоторое время надъ бурными волнами столичной пучины. Г-жа Дюдеванъ не составляла въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила. Въ Парижѣ она прежде всего постаралась сойтись съ своими земляками ноганцами, и въ особенности съ тѣми изъ нихъ, которые, подобно ей, рассчитывали пожать нѣкоторые литературные лавры въ столицѣ „всемирной цивилизаціи“. Къ числу послѣднихъ принадлежали Феликсъ Піа и Жюль Зандо, которые тогда были еще юношами, преисполненными разныхъ мечтаній и великихъ надеждъ, — юношами, дѣлавшими свои первые шаги на литературномъ поприщѣ. Дюдеванъ очень скоро стала съ ними на самую короткую, товарищескую ногу, и втроемъ они составляли какъ-бы одну семью „дѣтей Апполона“ (*Histoire de ma vie*, t. IX, стр. 2), руководимую четвертымъ сыномъ того-же бога и тоже ноганцемъ, старикомъ Делатушемъ, редакторомъ „Фигаро“. Делатушъ въ первое время весьма усердно и добросовѣстно исполнялъ принятую имъ на себя роль литературнаго папеньки; но затѣмъ, подъ влияніемъ своего крайне неуживчиваго, подозрительнаго и мелочнаго характера **), перессорился со всѣми ими и даже отчасти и ихъ пере-

*) См. №№ 9 и 11 „Дѣла“ за 1874 годъ.

**) Этого капризнаго, честолюбиваго, но очень умнаго и нелишеннаго таланта старика, со всѣми его дурными и хорошими сторонами, конечно, утрированными и идеализированными, Жоржъ-Зандъ воспроизвелъ въ „Консуэлѣ“, въ лицѣ Порриоры, воспитателя Консуэлы, знаменитаго композитора и учителя музыки.

ссорилъ другъ съ другомъ. Однако, это случилось тогда уже, когда его литературные питомцы начали оперяться и могли стоять на собственныхъ ногахъ, хотя, какъ кажется, для г-жи Дюдеванъ было-бы весьма полезно остаться нѣсколько подольше подъ отеческою ферулою стараго „папеньки“. „Папенька“, узнавъ о ея нажѣреніи писать романы, хотя и не сказалъ ей, подобно г. Кератри (къ которому будущая романистка тоже было сунулась за совѣтомъ и поученіемъ): „дѣлайте дѣтей, не ваше дѣло дѣлать книги“,—однако, онъ весьма основательно ей замѣтилъ, что для того, чтобы сочинять романы, нужно знать жизнь и людей. „Романъ, говорилъ онъ, — это художественно воспроизведенная дѣйствительность, но вы (т. е. Дюдеванъ) совершенно незнакомы съ этою дѣйствительностью, вы живете больше мечтами. Потерпите, не волнуйтесь: время и опытность, эти печальные совѣтники, не замедлятъ явиться къ вамъ со своими услугами...“ Поучая свою юную питомицу благоразумному терпѣнію, Делатушъ старался въ то-же время развить въ ней то именно качество, котораго она никогда не имѣла и при отсутствіи котораго всѣ его поученія должны были оставаться гласомъ вошющаго въ пустынь: онъ старался развить въ ней критическую силу мысли. Самъ онъ, судя по словамъ Жоржъ-Занда, обладалъ этою силой въ весьма почтенныхъ размѣрахъ; правда, въ своихъ критическихъ оцѣнкахъ онъ не всегда отличался безпристрастіемъ, но за то почти всегда былъ неумолимо строгъ. Его холодный, вѣчно анализирующій умъ, чуждый всякихъ романтическихъ и мистическихъ увлеченій, охлаждалъ и сдерживалъ ея мечтательные порывы, пріучалъ ее къ болѣе или менѣе разумно-осмысленному взгляду на явленія окружавшей ее дѣйствительности. Къ несчастію, однако, г-жа Дюдеванъ извлекла очень мало пользы изъ совѣтовъ и поученій своего литературнаго ментора. „Я была, признается она сама,—на-столько глуна, что часто пропускала мимо ушей то, что говорилъ мнѣ Делатушъ“ (ib., стр. 21). Къ тому-же, чрезмѣрное пристрастіе ментора къ анализу всякой мелочи, которая только попадалась ему подъ руки, его блестящая, хотя нерѣдко софистическая критика,—критика, приводящая, въ концѣ-концовъ, къ отрицанію всего и всѣхъ, въ томъ числѣ и его самого,—повергали „юную мечтательницу“ въ скорбь и печаль и весьма неприятно оскорбляли ея самолюбіе; она начала разочаровываться въ своихъ силахъ, она начала было строже

относиться къ себѣ. Разумѣется, такое настроеніе не могло продолжаться долго: всякому человѣку свойственно избѣгать „непріятнаго“ и искать „пріятнаго“; а пріятнымъ для Дюдеванъ было все, что такъ или иначе поощряло ее пуститься въ погоню за „литературными лаврами“. Само собою понятно, что въ подобныхъ поощреніяхъ тоже недостатка не ощущалось. Однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ поощрителей былъ, какъ кажется, Жюль Зандо, чувствовавшій, подобно ей, невыразимый и неутолимый „романическій зудъ“ и только-что начавшій тогда свои первые дебюты на беллетристическомъ поприщѣ. Зандо былъ, конечно, очень радъ встрѣтить „душу“, способную вполне понять и сочувствовать его беллетристическимъ порываніямъ и точно также, какъ и онъ, искавшую поддержки и поощренія. И вотъ оба они начали другъ друга поощрять и поддерживать, другъ другу сочувствовать, другъ другу повѣрять свои планы, свои надежды и свои мечтанія. Результатомъ этого взаимнаго обмѣна поощреній и сочувствій было то, что они, наконецъ, рѣшились для пущей храбрости писать свои романы совмѣстно. Однако, этотъ новый литературный бракъ былъ для Ж.-Занда ничуть не счастливѣе ея нелитературнаго брака. Брачные узы для обоихъ скоро оказались невыносимо тягостными; каждый хотѣлъ писать по-своему и съ нетерпимостью неопита перемарывалъ и передѣлывалъ все, написанное не имъ. Понятно, что при подобныхъ взаимныхъ отношеніяхъ этотъ литературный бракъ не могъ быть ни продолжителенъ, ни плодovitъ: единственнымъ его продуктомъ было худосочное дѣтище „Rose et Blanche“, принятое, впрочемъ, публикою довольно благосклонно. Хотя дѣтище это было въ гораздо большей степени произведеніемъ отца, чѣмъ матери, хотя въ настоящее время мать безусловно отказывается отъ всякихъ правъ на него, однако, его, правда очень небольшіе, но все-таки успѣхи въ свѣтѣ, несказанно радовали ея материнское сердце, и она, поощренная удачнымъ началомъ, рѣшилась продолжать свои беллетристическія попытки, продолжать на свой рискъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства и содѣйствія. Тщательно скрывъ это рѣшеніе отъ своего строгаго ментора, она, осенью того-же 1831 года, удалилась снова въ Ноганъ и тамъ, не развлекаемая парижскимъ шумомъ, среди полнаго деревенскаго уединенія, начала писать свой первый напечатанный романъ — „Индіану“.

Прежде, однако, чѣмъ мы приступимъ къ анализу этого романа,

не лишнее будетъ припомнить, въ нѣсколькихъ словахъ, господствующее въ то время общественное настроеніе.

1830, а отчасти и 1831 года были самыми счастливыми годами въ лѣтописи французской буржуазіи. Она только-что одержала побѣду надъ своими политическими врагами. Буржуа съ гордостью возсѣлъ на древній тронъ феодальныхъ королей; средневѣковой рыцарь почтительно уступилъ мѣсто разбогатѣвшему лавочнику, ближайшему потомку тѣхъ самыхъ Жаковъ, надъ которыми еще отцы этого рыцаря имѣли право и жизни, и смерти. Но еще это не все, и это даже не главное: прибавъ къ своимъ рукамъ почти все движимое богатство Франціи и часть недвижимаго, немудрено было заполучить и власть. Но вотъ что было нѣсколько мудренѣе: захвативъ богатство, сохранить въ то-же время довольно сносныя отношенія къ тѣмъ именно классамъ общества, которые, повидному, всего менѣе могутъ быть довольны подобнымъ захватомъ. А между тѣмъ въ этотъ медовый мѣсяцъ своего торжества буржуазія, дѣйствительно, не только располагала властью и деньгами, но и довѣріемъ „черни непросвѣщенной“. „Чернь непросвѣщенна“ еще видѣла въ ней представителя своихъ интересовъ и возлагала на нее не малыя надежды. Въ свою очередь, и буржуазія (въ лицѣ своихъ наиболѣе юныхъ и наиболѣе интеллигентныхъ представителей) разсыпалась передъ „черню“ во всевозможныхъ любезностяхъ, выражала ей свое полнѣйшее сочувствіе и сулила ей нивѣсть какія блага. Благодаря такой солидарности взаимныхъ отношеній, миръ и спокойствіе царили въ душахъ счастливыхъ потомковъ Марсея и его сподвижниковъ. „Добрый Жакъ“ былъ такъ кротокъ и почтителенъ! Онъ готовъ былъ цѣловать ихъ руку, твердо вѣруя, что вотъ скоро-скоро она раскроется и изольетъ на его бѣдную голову щедрые дары своихъ благодѣяній. И сами они вѣрили, что именно такъ и должно случиться, что именно представители июльскаго переворота должны осчастливить наивнаго Жака, что исторія уготовила ихъ для осуществленія высшихъ и прекраснѣйшихъ идеаловъ человѣчества... Понятно, что эти идеалы ни мало ихъ тогда не смущали, они не вызывали въ ихъ умѣ никакихъ мучительныхъ страховъ и опасеній, никакихъ чудовищныхъ призраковъ; напротивъ, они наполняли ихъ сердца невыразимымъ чувствомъ самодовольства, они веселили ихъ душу поэтическими картинами всеобщаго счастья и довольства, они доставляли ихъ мысли

весьма серьезное и изящное развлеченіе. Благодаря такому благодушно-радостному настроенію, вопросы первостепенной общественной важности, — вопросы, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ поднявшіе во Франціи такую страшную бурю, — теперь какъ-будто отодвинулись на задній планъ, отошли въ безпечальную область поэтическихъ мечтаній и фантастическихъ утопій.

Вопросы меньшей общественной важности, такъ-называемые политическіе вопросы, тоже утратили на нѣкоторое время свою прежнюю жгучесть, свой прежній интересъ; въ области теоріи, въ области общественнаго міросозерцанія имъ стали отводить все болѣе и болѣе скромное мѣсто. Теорія въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, только перевела на свой языкъ то, чего требовала и что уже незамѣтно установила практика. Политическіе катехизисы перестали служить ширмами реальныхъ экономическихъ интересовъ, стали употребляться вмѣсто фиговыхъ листочковъ для прикрытія слишкомъ безобразной наготы личныхъ самолюбій и честолюбій. Борьба политическихъ партій превратилась въ мелочную интригу, — интригу, за которую ничего болѣе не скрывалось, кромѣ частнаго интереса своекорыстнаго эгоизма отдѣльныхъ личностей. До какой степени политическіе интересы отрѣшились отъ интересовъ социальныхъ и промышленныхъ, которыми теперь самовластно распоряжалась буржуазія, — это лучше всего можно видѣть изъ того, что политика короля-буржуа находила себѣ поддержку не только въ средѣ буржуазныхъ, но и въ средѣ чистокровныхъ дворянскихъ политикановъ.

Понятно, что политическіе вопросы, лишившись своего общественнаго значенія, ставшіе вопросами частными, личными, должны были утратить весь свой прежній, животрепещущій, жгучій интересъ для громаднаго большинства, неимѣющаго ни охоты, ни возможности принимать участіе въ „игрѣ въ министры“. Его насущные интересы въ этой игрѣ замѣшаны не были; выиграетъ тотъ или другой игрокъ — для него это было почти безразлично. Довольное тѣмъ, что ему не мѣшаютъ обогащаться и играть на биржѣ, вполне увѣренное въ своей безопасности, гордое сознаниемъ своей цивилизаторской миссіи, оно весьма благоразумно устранилось отъ политики, предоставивъ заниматься ею тѣмъ, кому это было выгодно.

Отодвинувъ, такимъ образомъ, на задній планъ вопросы обще-

ственного характера, оно тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стало возитися надъ вопросами, имѣющими чисто-частный характеръ, надъ вопросами о благоустройствѣ и комфортѣ ихъ приватной, домашней жизни, ихъ семейныхъ отношеній и т. п. Эти вопросы, вопросы частной нравственности, и заняли теперь первенствующее мѣсто въ общественномъ мнѣніи. Такъ это и всегда бываетъ, когда интересы общественные и чисто-политическіе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, перестаютъ волновать общество. Въ свой „медовый мѣсяцъ“ буржуазія была такъ счастлива, такъ довольна и своимъ общественнымъ, и своимъ политическимъ положеніями, что ей ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только заняться своимъ семейнымъ, домашнимъ благополучіемъ. Но независимо отъ этого, была еще и другая причина, заставлявшая ее именно теперь съ особеннымъ вниманіемъ предаться созерцанію этого частнаго благополучія и связанныхъ съ нимъ разнообразныхъ человѣческихъ чувствъ и отношеній.

Уже и въ это время семейная жизнь и частная нравственность, выведенныя изъ за своихъ закулисныхъ и темныхъ угловъ на сцену свѣта романами Бальзака, далеко не соответствовали своему идеалу. Строгіе семейные нравы древней буржуазной семьи, буржуазная честность, трудолюбіе и инныя добродѣтели, украшавшіе когда-то предковъ нынѣшняго буржуазнаго поколѣнія (т. е. поколѣнія 30-хъ годовъ), существовали больше въ однихъ лишь воспоминаніяхъ; въ дѣйствительности-же ихъ и слѣда не было. Процессъ вырожденія и разложенія буржуазной семьи и морали съ каждымъ новымъ годомъ, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ дѣлалъ все большіе и большіе успѣхи. Конечно, въ началѣ царствованія Луи-Филиппа онъ еще не достигъ той вульминаціонной точки, на которой его застало паденіе буржуазнаго короля и въ особенности приснопамятная эпоха второй имперіи. Однако, бальзаковская Франція уже давала собою предвкушать Францію Эмиля Золя.

Единственная разница между эпохою Бальзака и Эмиля Золя, между господствующимъ обществомъ 30-хъ и 50-хъ годовъ заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ 30-хъ годахъ оно еще не вполне утратило сознаніе противорѣчія между тѣмъ, что *есть* и что *должно быть*. Бальзаковское общество еще сохраняло нѣкоторыя воспоминанія о древней добродѣтели старой, до-революціонной Франціи, оно еще понимало, хотя, какъ мы уви-

димъ ниже, и весьма смутно, отвлеченныя требованія идеаловъ новой нравственности. И само собою понятно, что въ свой медовый мѣсяцъ, когда сердце буржуазіи было переполнено чувствомъ самодовольства, когда будущее представлялось ей въ самомъ розовомъ свѣтѣ, когда все вокругъ улыбалось и ликовало, потребность въ обновленіи, въ освѣженіи себя этими идеалами должна была ощущаться всего сильнѣе, всего неотразимѣе. Не то, чтобы она хотѣла примирить, приблизить жизнь къ идеалу, — нѣтъ, ей просто пріятно было сдѣлать смотръ своимъ возвышеннымъ принципамъ, своимъ нравственнымъ богатствамъ. Нужды нѣтъ, что этими богатствами она никогда не владѣла, да и въ будущемъ владѣть не могла, а все-таки, мечтая о нихъ, она возвышалась въ своихъ собственныхъ глазахъ, она подогрѣвала свою вѣру въ свои силы, она преисполнялась сладостнымъ оптимизмомъ. Извѣстно, что голодный никогда съ такою охотою не мечтаетъ о земныхъ благахъ, какъ въ тѣ именно минуты, когда на душѣ его весело, когда его нервная система возбуждена какими-нибудь пріятными стимулами. Въ эти минуты все ему представляется въ радужномъ свѣтѣ и онъ безъ особенныхъ усилій готовъ вообразить себя чуть-чуть не миліонеромъ; ему кажется, что эти миліоны у него въ карманѣ; онъ любитъ ими, онъ ихъ мысленно пересчитываетъ, онъ соображаетъ съ ними свои расходы, онъ строитъ на нихъ воздушные замки.

Такія именно минуты, по отношенію только не къ матеріальнымъ и нравственнымъ благамъ, переживало и общество въ началѣ 30-хъ годовъ. Это была пора нравственного идеализма; общество еще находило удовольствіе въ созерцаніи своихъ нравственныхъ идеаловъ, потому что оно еще не утратило вѣры въ ихъ реальность.

Настроеніе г-жи Дюдеванъ въ это время какъ нельзя болѣе гармонировало съ настроеніемъ окружавшей ее среды. Общественные вопросы занимали ее еще менѣе, чѣмъ эту среду; она еще не успѣла сойтись съ людьми, которые могли-бы просвѣтить ее на этотъ счетъ. Политика ее точно также нисколько не интересовала, и она, по ея собственнымъ словамъ, даже и толку въ ней никакого не понимала. Всѣ ея мысли, по-прежнему, вертѣлись около ея личной жизни, ея личныхъ отношеній. Семейныя непріятности сообщили имъ въ послѣднее время нѣсколько иное направленіе,

возбудили въ ея умѣ новые вопросы, — вопросы, хотя и выходящіе изъ узкаго круга ея „я“, но все-таки не выступающіе за предѣлы чисто-семейной, домашней сферы, — вопросы объ отношеніяхъ мужа и жены, о значеніи брачныхъ узъ, о положеніи женщины въ семьѣ и т. п.

Такимъ образомъ, по счастливой случайности, частныя условія ея жизни привели ея умъ къ созерцанію того самаго вопроса о семейномъ благополучіи и домашнемъ счастіи, который казался тогдашнему обществу несравненно важнѣе и интереснѣе всякихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Мало того, самое отношеніе ея къ нему вполне соответствовало отношенію къ нему общества, или, по крайней мѣрѣ, тому отношенію, въ которое оно желало къ нему стать. Оно, по причинамъ только-что указаннымъ, чувствовало въ то время потребность въ нѣкоторой идеализаціи своей домашней жизни. Ту-же потребность, и едва-ли еще не въ большей степени, ощущала и г-жа Дюдеванъ. Мы уже знаемъ изъ исторіи ея психическаго развитія, что она, въ ранней еще юности, любила упражняться въ идеализаціи каждаго своего чувствованія, а вступивъ въ бракъ, она съ особенною настойчивостью занялась идеализаціею супружескихъ отношеній вообще и любви въ частности. Эта идеализація, продуктъ ея резонерства, по сущности своей отличалась въ высшей степени абстрактнымъ, метафизическимъ характеромъ; въ ней не было ни капли реальности, да и не могло быть. Свой идеаль любви и разныхъ семейныхъ добродѣтелей она вывела не изъ наблюдений надъ тѣмъ, что есть, что дѣлается въ реальной жизни, а изъ наблюдений (если только фантастическія представленія о чемъ-то несуществующемъ можно назвать наблюденіемъ) надъ тѣмъ, чего въ ней нѣтъ и чего въ ней никогда не дѣлается. Слѣдовательно, онъ былъ построенъ по самому первобытному, архи-метафизическому способу: что должно быть, того нѣтъ, — ergo, все, чего нѣтъ, то должно быть. А такъ-какъ въ буржуазной семьѣ все, что было, отличалось крайнею прозаичностью, мелочностью, пошлостью и т. п., то понятно, что ея идеаль, какъ его понимала несчастная супруга не болѣе счастливаго г. Дюдевана, долженъ былъ отличаться качествами совершенно противоположными, онъ долженъ былъ блистать всѣми красотами поэзіи, поражать своею возвышенностью и глубиною своей идеи.

Такой-то именно идеализмъ и требовался тогдашними мѣщана-

ми. Окружавшая ихъ дѣйствительность была такъ прозаична и такъ низменна, что для освѣщенія ея фантазмагорическимъ свѣтомъ идеала послѣдній слѣдовало слѣпить изъ квинтъ-эссенціи всего, что только ни на есть поэтического и возвышеннаго.

Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, Жоржъ-Зандъ хватила въ своемъ усердіи черезъ край, и добродушные буржуа въ первое время даже и не поняли всѣхъ поэтическихъ тонкостей и возвышенныхъ прелестей ея идеально-мистическихъ образовъ. Въ своей милой наивности они заподозрили ее... въ проповѣдываніи разврата!

VII.

Первый романъ Жоржъ-Занда былъ и первымъ откровеніемъ ея мистическаго идеала любви. Въ послѣдующихъ своихъ романахъ она, какъ мы убѣдимся въ этомъ ниже, будетъ только повторять и развивать далѣе тѣ основныя нравственныя тенденціи, которыя въ общихъ чертахъ высказаны ею въ Индіанѣ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ остановиться подолѣе на анализѣ содержанія ея перваго романа, хотя по своимъ художественнымъ достоинствамъ онъ едва-ли этого заслуживаетъ. Впрочемъ, о художественномъ достоинствѣ какъ этого, такъ и послѣдующихъ романовъ мы будемъ говорить особо, теперь-же ограничимся лишь воспроизведеніемъ тѣхъ идей, тѣхъ принциповъ, которые съ неизмѣннымъ постоянствомъ пропагандируетъ авторъ во всѣхъ своихъ, какъ капитальныхъ, такъ и некапитальныхъ произведеніяхъ.

„Индіана“ романъ по преимуществу нравственно-тенденціозный, слѣдовательно, въ немъ должны заключаться весьма существенныя указанія и весьма важныя матеріалы для оцѣнки этихъ авторскихъ идей, этой его морали. Что-же это за указанія? каковы эти матеріалы?

На эти вопросы отвѣтъ можно найти только въ самомъ содержаніи романа. Напомнимъ его вкратцѣ нашимъ читателямъ.

Героиня романа—дѣвушка, воспитанная въ безусловномъ повиновеніи и въ строгой дисциплинѣ отцомъ-деспотомъ, незнавшая въ дѣтствѣ никакихъ нѣжныхъ привязанностей и т. п.,—воплощаетъ въ себѣ, какъ и подобаетъ героинѣ буржуазнаго романа, идеаль всяческихъ буржуазныхъ добродѣтелей: она добра, кротка,

цѣломудренна, терпѣлива, нѣжна, любвеобильна, старшимъ покорна, ну, и, разумѣется, хороша какъ ангелъ во плоти. Старшимъ благоугодно было выдать ее, почти еще дѣвочку, за нѣкоего отставного „орленка“ изъ „стай славной“ наполеоновскихъ орловъ. „Орленокъ“, какъ это и всегда бываетъ въ романахъ, сочиняемыхъ по напередъ прописанному рецепту, представляетъ рѣшительный контрастъ съ своей подневольной супругою. Онъ совсѣмъ не нѣженъ, не кротокъ и не терпѣливъ; у него угрюмый, бѣшеный характеръ; онъ подозрителенъ, ревнивъ, грубъ; онъ не получилъ никакого воспитанія, не обладаетъ ни малѣйшимъ тактомъ; смѣется надъ „женскими сантиментами“ и не признаетъ никакихъ „сердечныхъ тонкостей“ и „щепетильностей“. При всей своей, однако, неотесанности и грубости, онъ свято чтить и уважаетъ права своихъ ближнихъ, на-сколько они освящены закономъ; не таскаетъ платковъ изъ кармановъ сосѣдей, не насилуетъ сиротъ, не обираетъ вдовъ, и, вообще, не дѣлаетъ никакихъ криминальныхъ посягательствъ на чужую собственность. За то онъ и отъ другихъ требуетъ столь-же почтительнаго отношенія ко всему тому, что онъ называетъ своею собственностью (къ которой онъ причисляетъ жену, дѣтей etc.), и въ предѣлахъ этой своей собственности онъ считаетъ себя полновластнымъ хозяиномъ, отвѣтственнымъ лишь передъ собственною совѣстью. *Chacun chez soi*—таковъ девизъ его соціально-нравственнаго міросозерцанія. Ну, однимъ словомъ, это былъ типическій представитель наполеоновскаго солдата—холодный, жестокосердый, расчетливый, мелочно-пошлый эгоистъ. Къ довершенію контраста онъ любилъ свою жену, а она не любила мужа.

Почему она его не любила, почему „честный буржуа“ не могъ быть вполнѣ подходящимъ мужемъ для „добродѣтельной буржуазки“,—это тайна романиста, тайна, объяснить которую возможно лишь посредствомъ другой тайны: мистическаго сродства дупль. Изъ романа не видно, чтобы „добродѣтельная буржуазка“ стояла въ нравственномъ отношеніи хоть на волосъ выше честнаго. Ея внутренняя жизнь была такъ-же безсодержательна, ея умственные интересы такъ-же пошлы и мизерны, какъ и у послѣдняго. Да и эгоизма-то у нея было не меньше, чѣмъ у мужа, хотя она, по своей неразвитости, и не отдавала себѣ въ немъ отчета. Она не говорила, подобно своей почтенной половинѣ, что каждый долженъ жить для себя, что своя рубаха ближе къ тѣлу, и т. п.,

но она во всемъ поступала сообразно предписаніямъ мудрой морали этихъ афоризмовъ. Она жила только для себя и только собою; внѣ своего „я“, внѣ своихъ личныхъ радостей и печалей она ничего не признавала, ничего не понимала и ничѣмъ не интересовалась. Однимъ словомъ, она и онъ составляли парочку хоть куда. Но она его не любила! Разумѣется, она таила свою нелюбовь въ глубинѣ своей души. Какъ женщина добродѣтельная, она понимала приличія, и потому, не давая мужу понять своихъ настоящихъ къ нему чувствъ, она разыгрывала роль вѣрной и приличной жены, съ христіанскою покорностью сносила его ласки и, съ своей стороны, безупречно исполняла всѣ тѣ супружескія обязанности, которыя исполнять ей полагалось.

Эта брачная проза нисколько ей, однако, не мѣшала мечтать о вѣчной, всепоглощающей любви и ждать какого-нибудь спасителя (въ образѣ, конечно, прекраснаго юноши), который-бы согласился отдать ей свое сердце взявъ ея, который-бы оживилъ ея заснувшую душу и т. п. Конечно, въ качествѣ добродѣтельной дамы, съ кротостью и смиреніемъ несущей крестъ „долга“, она тщательно отгоняла отъ себя эти грѣховные помыслы и старалась завѣрить себя, что она „скоро умретъ“, что она „должна скоро умереть“.

Однако, она, какъ и слѣдовало думать, не умерла и спасителя дождалась. Онъ, этотъ спаситель, предсталъ передъ нею во образѣ нѣкоего прекраснаго человѣка съ восхитительно наружностью, съ внѣшнимъ, вылощеннымъ умомъ, съ изящными манерами, и т. п., — однимъ словомъ, во образѣ салоннаго шелопа и паркетнаго героя, сводившаго съ ума всѣхъ женщинъ легкаго поведенія. Прекрасный молодой человѣкъ былъ, разумѣется, отъявленнѣйшій негодяй, черствый и своекорыстный эгоистъ, безхарактерная и слабодушная тряпица, да и не простая тряпица, а тряпица насевозъ пропитанная дворянскимъ чванствомъ и дворянскимъ гоноромъ. Волочитство и прельщеніе женскихъ сердецъ было его специальнымъ занятіемъ и самымъ любимымъ времяпрепровожденіемъ; это, однако, нисколько не мѣшало ему „дѣлать карьеру“ въ министерскихъ переднихъ и, по мѣрѣ своихъ убогихъ силъ, вездѣ и всюду защищать и поддерживать „начальство“ и его мудрую политику.

Этому-то до мозга костей развращенному представителю „золотой молодежи“ и суждено было „возжечь свѣтильнигъ любви“ въ дѣв-

ственномъ сердцѣ прелестной Индіаны. Операція этого „возженія“ совершилась необыкновенно просто и быстро, не потребовавъ ни малѣйшихъ усилій со стороны возжигателя. Пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, — побѣдилъ окончательно и безвозвратно. Послѣ двухъ-трехъ любовныхъ колоквиумовъ добродѣтельная жена влюбилась въ шлопая по уши. Она и не думала даже бороться съ внезапно охватившимъ ее чувствомъ, она не видѣла въ немъ ничего дурного и преступнаго, хотя приличій, вѣрно, ради тщательно скрывала его отъ всѣхъ, кромѣ своего возлюбленнаго. Возлюбленный же успѣлъ между тѣмъ втереться въ довѣріе къ мужу и, амурничая съ его женою, клялся ей супругу въ вѣчной дружбѣ и преданности. Жена все это видѣла, одобряла и, съ своей стороны, слѣдовала той-же самой политикѣ. Мужъ, ничего не подозрѣвая, былъ счастливъ и доволенъ, любовникамъ никто не мѣшалъ, ничья репутація не была скомпрометирована, ничье спокойствіе не было нарушено, все шло какъ по маслу... Но... вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное и совсѣмъ даже необыкновенное: молодой человекъ, убѣдившись послѣ многократныхъ объясненій и признаній, что Индіана его любить и что самъ онъ влюбленъ въ нее, восчувствовалъ непреодолимое желаніе привести сію взаимную, счастливую любовь къ ея реальному исходу. Желаніе, повидимому, весьма естественное и законное. Но добродѣтельная жена и слышать объ этомъ не захотѣла. „Душою, утѣшала она его, — я вся твоя, развѣ этого тебѣ мало? Что-же касается до моего „тѣла“, то о немъ и думать не смѣй, ибо я мужнина жена“. Разумѣется, одной души оказалось слишкомъ мало; началась борьба за тѣло. Прекрасный молодой человекъ обратился теперь въ демона - искусителя. Мольбы и слезы, угрозы и даже — въ предѣлахъ приличія, разумѣется, — нѣкоторое насиліе, все было пущено въ ходъ... Но добродѣтель устояла противъ всѣхъ соблазновъ, и демонъ, волею-неволею, долженъ былъ помириться съ неблагоприятною ролью платоническаго обожателя. Долго состоялъ онъ въ этой роли, все надѣясь, что авось какъ-нибудь и подвернется удобный случай, и постоянно обманываясь въ своихъ надеждахъ. Наконецъ, ему надоѣло ждать, надоѣло его безцѣльное ухаживаніе, надоѣла Индіана, надоѣла его отвлеченная любовь и онъ сталъ подумывать о благородной ретирадѣ. А между тѣмъ „свѣтильникъ“, возженный въ дѣвственномъ сердцѣ Индіаны, все больше и больше разгорался, и чѣмъ холоднѣе становился къ

ней возлюбленный, тѣмъ сильнѣе она къ нему привязывалась. Параллельно съ возрастаніемъ этой любви возрастала и ея ненависть къ мужу, характеръ котораго съ каждымъ годомъ дѣлался все несконсиѣе и нестерпимѣе. Въ то время, какъ его почтенная половина занималась платоническими амурами, онъ успѣлъ разориться и для поправленія своихъ дѣлъ рѣшился отправиться на островъ Вурбонъ. Жена должна была ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Оставить своего возлюбленного, проститься на вѣкъ со своею любовью, обречь себя на жалкое прозябаніе, бокъ-о-бокъ съ ненавистнымъ существомъ, — такая жертва была, разумѣется, не по силамъ добродѣтельной героинѣ. И вотъ она задумала, надѣясь на помощь и поддержку своего милаго, вступить въ открытую борьбу съ своимъ жестокимъ властелиномъ и наотрѣзъ отказалась слѣдовать за нимъ въ его добровольное изгнаніе.

Мужъ, удивленный столь неожиданнымъ протестомъ, хотѣлъ было употребить мѣры строгости и подвергъ жену домашнему аресту. Она ночью убѣжала черезъ окно и отправилась прямешенько къ возлюбленному. Возлюбленный былъ гдѣ-то на балѣ, къ разсвѣту вернулся; увидя въ своей комнатѣ „даму своего сердца“ (уволенную, впрочемъ, въ отставку), салонный рыцарь смутился и разгнѣвался: „Сударыня, вы меня компрометируете devant nos gens! вы съумасшедшая!“ „Дама“, какъ женщина добродѣтельная, не обратила вниманія на столь нелестный для нея пріемъ; она категорически заявила, что она рѣшилась мужа навсегда оставить, съ возлюбленнымъ никогда больше не разлучаться, что онъ, возлюбленный, долженъ сокрыть ее отъ мужниныхъ поисковъ. Рыцарь окончательно вышелъ изъ себя. Онъ сталъ говорить ей дерзости. Но такъ-какъ дерзости должнаго эффекта на нее не производили, то онъ пустился на политику. „Жертвы ваши, сударыня, такъ велики, что я не могу ихъ принять, не дѣлаясь подлецомъ“. Дама настаивала. Тогда благородному кавалеру пришла на умъ счастливая идея: нельзя-ли воспользоваться великодушнымъ настроеніемъ „дамы“ и заполучить отъ нея то, въ чемъ она ему до сихъ поръ столь упорно отказывала. Изъ наглаго грубіяна онъ мгновенно превратился въ нѣжнаго, страстнаго, на все готоваго любовника, — и опять началась „борьба за тѣло“. Индіана смутилась было, „но, разсказываетъ авторъ, — добрый ангель распростеръ свои крылья надъ ея колеблющеюся и потрясенной душой; она воспрянула и оттол-

кнула отъ себя искушеніе холоднаго и эгоистическаго порока“ (Indiana, p. 203). Демонъ снова потерпѣлъ фіаско. Послѣ этого рыцарю ничего болѣе не оставалось, какъ указать своей дамѣ на дверь, что онъ и сдѣлалъ, со всею, разумѣется, галантною свѣтскаго человѣка.

„Дама“ съ отчаянія хотѣла утопиться, но не утопилась. Кузень спасъ ее и возвратилъ подъ кровъ мужнинаго дома. Само собою понятно, что „добродѣтельная жена“ тщательно скрыла отъ мужа свой ночной визитъ къ рыцарю, и затѣмъ, взявъ назадъ свой отказъ, отправилась съ супругомъ на островъ Бурбонъ.

Рыцарь, узнавъ, что „дама“ уѣхала и что теперь ей можно продолжать интригу совершенно безопасно, восчувствовалъ весьма естественное желаніе возстановить себя въ ея мнѣніи. Онъ написалъ ей нѣжное письмо, на которое ему отвѣчали полнымъ прощеніемъ. Вскорѣ послѣ этого въ его судьбѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Министры, переднія которыхъ онъ обивалъ, пали, карьера его разстроилась; онъ впалъ въ „немилость“, друзья и знакомые отвернулись отъ него. Покинутый и забытый всѣми, онъ вспомнилъ о любившей его женщинѣ и снова воспылалъ къ ней любовью. Началась нѣжная переписка. Одно изъ писемъ было прочтено мужемъ, и мужъ, находившійся до сихъ поръ въ невинномъ невѣденіи насчетъ женинныхъ амуровъ, впалъ въ такую ярость, что забывъ всякія приличія и деликатности, расправился съ женою по-солдатски: вицпился ей въ волосы, свалилъ ее на полъ и ударилъ каблукомъ по лбу. Конечно, онъ сейчасъ-же раскаялся, расплакался и чуть-чуть что самъ себя не побилъ; но это нисколько не помогло дѣлу. „Добродѣтельная жепщина“ не снесла обиды и, вѣруя въ любовь своего рыцаря, рѣшилась отправиться къ нему, рѣшилась бросить на произволь судьбы своего „жестокаго тирана“, — тирана, котораго старость и болѣзни сдѣлали безпомощнѣе всякаго ребенка и который теперь болѣе чѣмъ когда-либо нуждался если не въ вѣрной женѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ хорошей сидѣлкѣ. Задумано — сдѣлано. Собравъ на скоро свои пожитки, Индіана тайкомъ улизнула изъ дому, упросила капитана выходящаго въ море корабля принять ее подъ свою защиту, и послѣ нѣкоторыхъ не особенно интересныхъ приключеній благополучно возвратилась въ Европу... вы думаете, въ объятія своего милаго? О, нѣтъ! Съ „милымъ“ произошли за это время совершенно непредвидѣнные перемѣны:

онъ уже опять разлюбилъ свою „добродѣтельную даму“ и влюбился въ нѣкую, хотя и менѣе добродѣтельную, но за то болѣе практическую барышню. Барышня прибрала дурака къ рукамъ и женила его на себѣ. Молодые супруги наслаждались своимъ медовымъ мѣсяцемъ, какъ вдругъ, неожиданно-негаданно, въ ихъ мирномъ обиталищѣ появилась прелестная „дама“ съ острова Бурбона. Рыцарь смутился и перетрусилъ еще больше, чѣмъ во время ея перваго, ночного визита. Не зная, что дѣлать, и не желая сознаться въ своемъ „маленькомъ грѣшкѣ“, онъ хотѣлъ было куда-нибудь ее припрятать, но супруга его была женщина проникательная и находчивая; она накрыла его „съ поличнымъ“ и безъ дальнихъ околичностей выпроводила непрощенную гостью за порогъ.

Оскорбленная, нравственно разбитая, всеми брошенная женщина, лишенная всякихъ средствъ къ существованію, неумѣющая, да и нежелающая работать, никогда незнавшая въ жизни никакого иного интереса, кромѣ интереса любви, — любви теперь такъ жестоко обманутой и поруганной, — несчастная женщина впала въ какое-то тупое и безысходное отчаяніе. Она не боролась ни съ нуждою, ни съ голодомъ и холодомъ; она покорно предала судьбу свою въ руки этихъ страшныхъ палачей, и палачи тѣшились надъ нею, сколько душъ ихъ было угодно... Однажды ее нашли на улицѣ безчувственною и бездыханною; ее отправили въ больницу и... и тутъ, вы думаете, она умерла и романъ кончился? Fi, donc! Такъ банально могутъ кончатся только романы въ дѣйствительной жизни, а въ области чистой поэзіи, въ области высшаго искусства подобный конецъ немислимъ! Если-бы Индіанѣ вздумалось умереть въ больницѣ, среди горя, отчаянія и нищеты, то ея „святая“ и неугасимая любовь осталась-бы здѣсь, на землѣ, безъ всякой награды, и, пожалуй, иной читатель подумалъ-бы, что „по дѣломъ вору и мука“, а можетъ быть припомнилъ-бы другую пословицу: „какъ поведится кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову сломить“. Между тѣмъ авторъ хочетъ доказать своимъ романомъ нѣчто совершенно противоположное; онъ хочетъ доказать, что „судьба“ любви, по какимъ-бы „водамъ“ онъ ни ходилъ, на какія-бы препятствія онъ ни наткнулся, всегда останется цѣль и невредимъ, и рано или поздно мирно притечетъ къ спокойной пристани, гдѣ онъ съ восторгомъ будетъ встрѣченъ и гдѣ сдѣлаютъ изъ него достойное употребленіе. Очевидно, слѣдовательно, что Индіана, этотъ со-

„Дѣло“, № 3.

судь чистѣйшей любви, не могла разбиться и погибнуть отъ нужды и голода, не могла безславно умереть на грязной больничной койкѣ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ валялась, быть можетъ, какая-нибудь жалкая проститутка.

И она не умерла. У ея изголовья внезапно появляется тотъ добродѣтельный кузень, который разъ уже спасъ ее отъ смерти и который, подобно ангелю-хранителю, неусыпно слѣдилъ за „хожденіемъ“ сего сосуда любви (т. е. своей двоюродной сестрицы) по „водамъ“ моря житейскаго. Впрочемъ, сэръ Ральфъ (такъ звали кузена) самъ изображалъ „сосудъ“, и сосудъ, наполненный тѣмъ-же любовнымъ элексиромъ, только несравненно болѣе чистой и совершеннѣйшей выдѣлки. Съ юныхъ лѣтъ онъ пылалъ платонической любовью къ Индіанѣ, и никто, даже сама Индіана, не догадывался объ этомъ. Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, ни единымъ словомъ этотъ холодный, флегматическій, чопорно-скучный англичанинъ не обнаружилъ своихъ истинныхъ чувствъ къ кузинѣ. А между тѣмъ онъ много лѣтъ жилъ съ нею подъ одною кровлею, онъ проводилъ около нея почти все свое время, „свободное отъ дѣлъ“, онъ былъ самымъ близкимъ къ ней человекомъ, ея другомъ-совѣтникомъ, братомъ... И ни разу ему не приходила въ голову грѣховная мысль: нельзя-ли попытаться замѣнить эти братскія отношенія чѣмъ-нибудь болѣе интимнымъ? Пользуясь полнымъ довѣріемъ мужа Индіаны, онъ употреблялъ, напротивъ, всѣ усилія, чтобъ оказаться вполне достойнымъ этого довѣрія; даже мысленно онъ никогда не осмѣливался посягать на мужнины права; зная печальное положеніе своей сестрицы въ домѣ мужа, зная, что она его не любитъ, онъ тѣмъ не менѣе постоянно старался укрѣпить ее въ супружескихъ добродѣтеляхъ, примирить ее съ ея горькою долею, и своимъ холоднымъ резонерствомъ, своимъ нестерпимымъ благоразуміемъ убивалъ въ зародышѣ всякій съ ея стороны протестъ, всякую оппозицію. Мало того, когда онъ узналъ, что она влюбилась въ Раймунда (такъ звали героя ея романа), въ негодности, пошлости и развращенности котораго онъ не могъ сомнѣваться и, повидимому, нисколько и не сомнѣвался, онъ, дорожа спокойствіемъ своей возлюбленной, не только закрылъ глаза и дѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ, но даже отчасти содѣйствовалъ ихъ взаимному сближенію и помогалъ имъ обманывать мужа—своего друга. Скажите, что можетъ быть

глуп... т. е. возвышеннѣе и чище этой самоотверженной, ультра-платонической любви? Могла-ли такая любовь остаться безъ награды? Конечно, нѣтъ. Въ чемъ должна была заключаться эта награда—читатель, вѣроятно, и самъ догадается.

Индіана, выздоровѣвшая благодаря заботамъ кузена, ѣдетъ съ нимъ опять на островъ Бурбонъ (мужъ ея умеръ тотчасъ послѣ ея бѣгства); ѣдутъ они туда—какъ-бы вы думали, зачѣмъ? Единственно за тѣмъ, чтобы тамъ, среди поэтической обстановки (измышленной фантазіею самой романистки, которая, по ея собственному признанію, никогда и не видала остр. Бурбона), напоминающей имъ ихъ несчастное дѣтство (въ дѣтствѣ они жили именно на этомъ островѣ), — одновременно лишить себя жизни! И вотъ они уже сдѣлали все приготовленія къ самоубійству, они уже окончательно распрощались съ жизнію, они уже готовы ринуться съ высокой скалы въ море, какъ вдругъ на нихъ нисходитъ благодать „духа любви“ и ихъ умственные или, лучше сказать, „сердечныя“ очи проясняются: Ральфъ узнаетъ, что его любитъ Индіана, Индіана узнаетъ, что ее любитъ Ральфъ. Они падаютъ другу другу въ объятія и... „святая любовь“ получаетъ свою награду. Теперь они счастливы; мысль о самоубійствѣ мгновенно испаряется изъ ихъ головъ. Они удаляются въ глубь острова, строятъ себѣ шалаши и предаются райскому блаженству первобытныхъ людей.

А для того, чтобы это блаженство было прочно и ненарушимо, чтобы никакія „зміи“ не могли посягать на него, они трижды отреклись отъ общества и всехъ дѣлъ его, порвали всякія сношенія съ двуногими тварями и устроили свою жизнь такъ, какъ-будто они были единственными представителями человѣческой породы на землѣ—Адамомъ и Евою. „Общество, разсуждалъ современный Адамъ, — не можетъ ничего требовать отъ того, кто самъ ничего отъ него не требуетъ“ (р. 333). „Мнѣ не надо ни друзей, ни отечества,—у меня есть моя Индіана“ *).

*) Романъ Индіана появился въ печати въ 1832 г. и былъ встрѣченъ и публикою, и даже критикою весьма сочувственно, хотя нѣкоторые критики и ухитрились отыскать въ немъ нападки на семейную нравственность. Жоржъ-Зандъ сразу завоевалъ себѣ мѣсто въ ряду извѣстнѣйшихъ французскихъ белетристовъ; его имя стало предметомъ всевозможныхъ толковъ и коментарій. Одни догадывались, что это не бо-

Вникните теперь, читатель, въ сущность той „возвышенной“ морали и того идеала „чистѣйшей любви“, которые пропагандируются въ этомъ „первомъ“ самостоятельномъ произведеніи г-жи Дюдеванъ...

Мораль эта, повидимому, весьма мало чѣмъ отличается отъ общепринятой буржуазной морали. Она требуетъ, и требуетъ во имя тѣхъ-же самыхъ интересовъ, во имя которыхъ этого требуетъ и послѣдняя, — во имя интересовъ ненарушимости домашняго счастья и неприкосновенности „семейнаго права“, — чтобы замужняя женщина, каковы-бы ни были ея отношенія къ мужу, любить-ли она его или ненавидить, сохраняла свою супружескую вѣрность... даже и тогда, когда она влюбится въ другого. Этого „даже“ общепринятая мораль не допускаетъ; она весьма основательно полагаетъ, „что влюбиться въ другого“ — это уже и значить измѣнить мужу, это уже значить нарушить супружескую вѣрность. А потому эта мораль, не настаивая слишкомъ на непремѣнной любви жены къ мужу, позволяя ей даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе не любить его, требуетъ, однакожь, чтобы она и никого другого не

гдѣ, какъ псевдонимъ, но псевдонимъ, выбранный авторомъ предумышленно, съ злобною цѣлю публично выразить свое сочувствіе Карлу Занду. Другіе-же полагали, что Зандъ есть дѣйствительно фамилія автора и что онъ, по всей вѣроятности, состоитъ въ близкомъ родствѣ съ убійцею Коцебу. Германскіе студенты приглашали даже г-жу Дюдеванъ печатно заявить объ этомъ родствѣ, увѣряя ее, что если она это сдѣлаетъ, то сбытъ ея произведеній въ Германіи будетъ вполне обезпеченъ. Только очень немногіе посвященные знали исторію происхожденія новаго писателя, этого загадочнаго Жоржъ-Занда.

Исторія эта была въ сущности крайне проста и не заключала въ себѣ ничего загадочнаго.

Вступивъ въ литературный бракъ съ Жюлемъ Зандо, г-жа Дюдеванъ условилась, что всѣ произведенія, долженствующія произойти отъ этого союза, будутъ заложены фирмою „Жюля и Жоржа Зандо“. Свою фамилію она не могла выставить потому, что мать ея мужа воспретилла ей самымъ категорическимъ образомъ выставить на обложкахъ „ея книгъ“ знаменитую, хотя никому и неизвѣстную фамилію Дюдеванъ. Пришлось выбрать какое-нибудь вымышленное имя; она выбрала имя Жоржа. Такимъ образомъ и составила фирма Жюля и Жоржа Зандо. Делатущъ нашель удобнымъ сократить Зандо — въ Зандъ. Жюль и Жоржъ Зандъ дебютировали, какъ было уже сказано выше, романомъ *Rose et Blanche*. „Индіану“ г-жа Дюдеванъ, если вѣрить ея словамъ, хотѣла выпустить подъ тѣмъ-же псевдонимомъ, но Зандо, не желая уподобляться воронѣ, украшающейся павлиньими перьями, отказался, будто-бы, дать свое имя. Фирма распалась, — Зандо возстановилъ поправное Делатущемъ „о“ и остался по-прежнему Жюлемъ Зандо, а г-жа Дюдеванъ сохранила прежній псевдонимъ, за вычетомъ Жюля, т. е. Жоржъ-Зандъ.

любила. Можетъ быть, такое требованіе черезчуръ ригористично, но ему нельзя отказать въ извѣстной послѣдовательности и, если хотите, „практичности“, хотя на практикѣ оно почти никогда не соблюдается. Поэтому обыденная мораль, желая дать возможно большія гарантіи послѣдней, воспрещаетъ и первое, Жоржъ-же Зандъ, возводя любовь (половую) на степень высшей человѣческой добродѣтели, должна, разумѣется, считать безнравственнымъ воспрещеніе „любить“ кого-бы то ни было и кому-бы то ни было. Съ ея точки зрѣнія такое воспрещеніе равносильно воспрещенію быть добродѣтельнымъ. Поэтому, не находя ничего предосудительнаго въ томъ, что жена, нелюбящая мужа, влюбляется въ посторонняго человѣка, она въ то-же время протестуетъ противъ нарушенія супружеской вѣрности. „Душою“ жена можетъ принадлежать кому хочетъ, но „тѣломъ“ она должна принадлежать всегда мужу, а если ужь не мужу, то, по крайней мѣрѣ, никому. Такимъ образомъ она думаетъ примирить „свободу любви“ съ неприкосновенностью брачныхъ узъ.

Давно уже извѣстно, что компромисы между двумя діаметрально противоположными началами всегда оказываются крайне несостоятельными въ теоріи и совершенно неудобопримѣнимыми на практикѣ. Особенно это справедливо по отношенію къ компромисамъ въ области нравственныхъ понятій, нравственныхъ принциповъ. Въ этой сферѣ всякія quasi-примиренія противоположныхъ началъ, въ большинствѣ случаевъ, не только непрактичны и несостоятельны, но просто даже безнравственны. Въ самомъ дѣлѣ, вникните въ сущность той примирительной теоріи, которую Валентина предлагаетъ въ руководство и назиданіе почтенныхъ буржуа. Стѣсня свободу женщины въ сферѣ ея чисто-половыхъ, физическихъ отношеній къ мужчинѣ, и ничѣмъ не ограничивая эту свободу въ сферѣ ея нравственныхъ, платоническихъ отношеній, она тѣмъ самымъ проводитъ рѣзкую демаркаціонную черту между первою и второю. Нечего уже и говорить, что подобное раздѣленіе въ высшей степени метафизично, что въ основѣ его лежитъ нелѣпое дуалистическое воззрѣніе на человѣческую природу вообще и на чувство любви въ частности. Нечего и говорить, что на практикѣ оно не имѣетъ никакого смысла, что живые, реальные люди (а не мертвые призраки большой фантазій) никогда не любятъ и не могутъ любить одною только душою или однимъ только тѣломъ.

Все это очевидно само по себѣ. Правда, при данныхъ условіяхъ семейнаго и общественнаго быта нерѣдко случается, что между мужчинами и женщинами устанавливаются половыя отношенія при полнѣйшемъ отсутствіи любви. Обыденная нравственность хотя и примиряется съ этимъ фактомъ, однако, никогда его не одобряетъ; впрочемъ, нѣкоторые моралисты и примиряются съ нимъ, и одобряютъ его. Но какъ-бы кто къ нему ни относился, никому никогда въ голову не приходило основывать на немъ возможность примиренія свободы любви съ одной стороны и ненарушимости супружеской вѣрности съ другой. Какая можетъ быть свобода любви безъ свободы половыхъ отношеній, и во что обратится бракъ, опирающійся на супружескую вѣрность, ограниченную лишь сферою половыхъ отношеній? Свобода любви станетъ мифомъ, призрачнымъ абстрактомъ, а бракъ—проституціею.

Итакъ, вотъ къ чему приводитъ эта „возвышенная мораль“: кастрируя чувство любви, отнимая отъ него все его живое, реальное содержаніе, она, въ интересахъ сохраненія семейнаго благополучія, уничтожаетъ всякое достоинство и значеніе матери семейства.

Намъ скажутъ, пожалуй, что мы навязываемъ Жоржъ-Занду такія мысли, противъ которыхъ она всегда горячо протестовала. Дѣйствительно, когда критика вздумала обвинять ее въ нападкахъ на семейную жизнь, она самымъ категорическимъ образомъ заявила, что не только никогда не нападала на семейную жизнь, но, напротивъ, постоянно ее пропагандировала, понимая ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ ее понимало и христіанство, т.-е. какъ идею вѣчной, неизблемой любви. Если-же она и нападала на существующія формы брака, то лишь на-столько, на-сколько онѣ уклонялись отъ идеи христіанскаго брака. Бракъ, неопирающійся на идею вѣчной любви, неосвященный этою идеею, по ея мнѣнію, есть не болѣе, какъ развратъ. Да, все это она говорила, и говорила много разъ, но что изъ этого? Намъ важно знать не то, что она говоритъ, не то, какъ она комментируетъ свои произведенія, а то, что говорятъ сами эти произведенія, то, какъ комментируютъ мысли автора выведенныя въ нихъ дѣйствующія лица.

А посмотрите-же, что говоритъ и какъ поступаетъ Индіана. Не питая ни малѣйшей привязанности къ Дельмару, она, однако, становится его женою. Вы скажете, она сдѣлалась его женою не по доброй волѣ: ее заставили. Пусть такъ. Но если человѣка насиль-

но принуждаютъ сдѣлать нѣчто такое, что онъ въ душѣ считаетъ безнравственнымъ, то само собою разумѣется, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ постарается (или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ будетъ постараться) высвободиться изъ - подъ этого насилія и уничтожить послѣдствія своего безнравственного поступка; онъ не станетъ по доброй волѣ упорствовать въ разѣ допущенномъ отступленіи отъ своего нравственнаго идеала. Что-же дѣлаетъ Индіана? Считаетъ-ли она себя связанною брачными обѣтами? Разѣ отдавъ себя нелюбимому мужу, отказывается-ли она располагать собою и на будущее время? Повидимому, нѣтъ. При первомъ удобномъ случаѣ она влюбляется въ перваго встрѣчнаго негодяя, отдаетъ ему всю себя и останавливается только передъ послѣднимъ шагомъ, который остается на пути ея полнаго паденія. Но почему-же она останавливается? „Потому, объясняетъ она своему возлюбленному, — что я замужемъ“; иными словами, потому, что ея физическая сторона принадлежитъ ея мужу, — мужу, къ которому она не питаетъ никакой нравственной привязанности, котораго она ненавидитъ, презираетъ, котораго она обманываетъ. Слѣдовательно, она считаетъ недѣйствительность своихъ брачныхъ обязательствъ только на-столько, на-сколько они касаются ея нравственныхъ отношеній къ мужу, ея любви; во всѣхъ-же прочихъ статьяхъ она ихъ вполне признаетъ, она признаетъ, и признаетъ добровольно, безъ всякаго принужденія, права своего мужа надъ своимъ тѣломъ, она признаетъ, что между этими правами и любовью можетъ и не существовать никакой необходимой связи, что послѣдняя можетъ обойтись безъ первыхъ, а первыя—безъ послѣдней. И въ этой возможности она не видитъ ничего безнравственнаго, противоестественнаго. Напротивъ, она представляется ей какъ нѣчто идеально-прекрасное, глубоко-нравственное, какъ высшее проявленіе душевной чистоты, непорочности и самоотверженности.

Вотъ вамъ теорія супружескихъ отношеній, какъ ихъ понимаетъ Индіана. Развѣ эта теорія не говоритъ сама за себя? Развѣ она нуждается въ авторскихъ комментаріяхъ? На практикѣ подобная теорія, очевидно, можетъ привести только къ одному изъ двухъ: или къ узаконенію разврата, или... или къ необходимости добровольнаго самоубиенія. „Самоубиенія? ну, это ужъ слишкомъ... замѣтить, пожалуй, иной недостаточно проницательный читатель;—вы, очевид-

но, преувеличиваете“. Нисколько; и вы не замедлите сами въ этомъ убѣдиться изъ разбора второго произведенія Жоржъ-Занда — „Валентины“.

VIII.

„Валентина“ была написана Жоржъ-Зандомъ въ 1832 г., въ годъ выхода ея перваго романа. Авторъ, очевидно, находился еще подъ господствомъ тѣхъ-же самыхъ идей и впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ онъ писалъ Индіану; и ея второй романъ, ни по своей основной идеѣ, ни даже по самому развитію этой идеи, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ перваго. Это не болѣе, какъ варіація, и варіація весьма незначительная, на прежнюю тему. Поэтому намъ не зачѣмъ долго останавливаться на разборѣ его содержанія. Достаточно припомнить въ нѣсколькихъ словахъ наиболѣе существенную часть его фабулы.

Дочь графини де-Рембо, богатой и чопорной аристократки-Валентина, помолвлена за графа де-Ланзака. Къ графу, развратному, прокутившемуся, но весьма приличному и степенно, благоразумному джентльмену съ представительною наружностью и изящными манерами, она не питаетъ никакой страстной, романтической любви. Но онъ ей нравится и о замужествѣ съ нимъ она мечтаетъ не безъ удовольствія. Бракъ долженъ совершиться въ самомъ непродолжительномъ времени, дѣлаются необходимыя приготовленія къ свадьбѣ; все идетъ прекрасно и ни откуда, повидимому, не предвидится никакихъ препятствій къ благополучному соединенію юныхъ отпрысковъ двухъ старинныхъ, но уже немножко потертыхъ фамилій французской аристократіи. Какъ вдругъ случается нѣчто совершенно неожиданное и никѣмъ не предусмотрѣнное.

Прелестная аристократка возгорается непреодолимою любовью къ не менѣе прекрасному плебею, сыну одного изъ фермеровъ своей матери. Конечно, плебей этотъ только по происхожденію плебей; по наружности, по изяществу своихъ манеръ и выраженій онъ ничѣмъ, пожалуй, не уступитъ любому графу или виконту. Вообще, замѣтимъ здѣсь кстати, хотя намъ придется еще говорить объ этомъ и въ другомъ мѣстѣ, — вообще, когда Жоржъ-Зандъ нисходитъ до плебея, когда она милостиво предоставляетъ ему разыгрывать въ

своихъ романахъ роль *jeune premier*, она всегда предварительно вымываетъ его и обчищаетъ, сгребаетъ съ него всю его плебейскую грязь, одѣваетъ его въ джентльменскій костюмъ. Переряженный плебей съ изящными разговорами и съ медовыми рѣчами напоминаетъ настоящаго плебея ровно столько-же, сколько идеально-фантастическая любовь Жоржъ-Занда—любовь земную, реальную. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, допустить настоящаго плебея, въ его измаранной и изодранной блузѣ, съ его грубымъ жаргономъ, съ его неуклюжими манерами, въ поэтическую область „чистаго“ художества?..

Венедиктъ, котораго восхитительная графиня удостоила своей возвышенной любви, принадлежалъ къ числу этихъ переряженныхъ плебеевъ. Онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ наукъ въ какомъ-то высшемъ учебномъ заведеніи Парижа, снабженъ былъ всевозможными дипломами, обладалъ обширными знаніями и „благороднымъ образомъ мыслей“. Любовь вспыхнула въ сердцѣ графини внезапно и такъ-же внезапно она вспыхнула и въ сердцѣ молодого человѣка. Они объяснились—они были счастливы, но только на нѣсколько часовъ. Вслѣдъ за любовнымъ объясненіемъ графиня, вполне убѣдившаяся теперь, что она не питаетъ къ своему нареченному жениху ни малѣйшей привязанности, тѣмъ не менѣе взяла да и вышла за него замужъ. Выйти замужъ за человѣка, котораго не любишь, вляться ему въ вѣрности черезъ минуту послѣ любовнаго объясненія съ другимъ, отдаться ему, сносить его ласки, когда на губахъ горятъ еще поцѣлуй этого другого,—что можетъ быть безнравственнѣе этого, съ точки зрѣнія какой хотите морали? Какъ глубоко нужно пасть, чтобы добровольно рѣшиться на подобный образъ дѣйствій! Валентина, повидимому, понимала всю постыдность своего положенія, всю безнравственность принимаемыхъ ею обязательствъ, и она рѣшилась не исполнять ихъ; она рѣшилась обратить свой юридическій бракъ въ фиктивный. Подъ предлогомъ воображаемыхъ болѣзней она не пустила мужа въ свою спальню, она категорически отказалась сдѣлаться его реальною женою.

Мужъ, какъ истинный джентльменъ, не настаивалъ, и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Россію, гдѣ онъ получилъ мѣсто при посольствѣ. Холостая жена осталась одна; ей предоставлена была полная свобода и возможность распоряжаться собою, какъ ей хочется; ничто теперь не препятствовало ея соединенію съ возлюбленнымъ плебеємъ. Дѣйствительно, считая себя, въ нравственномъ от-

ношеніи, ничѣмъ несвязанною съ мужемъ, она съ спокойною совѣстью отдала свою любовь Бенедикту, а Бенедиктъ, съ совѣстью еще болѣе спокойною, принялъ эту любовь въ обмѣнъ на свою. Они пламенно и страстно любили другъ друга. Они почти не разлучались. Цѣлые дни они проводили въ взаимныхъ нѣжностяхъ и голубиномъ воркованіи. Глядя на нихъ со стороны, можно было бы подумать, что это самые счастливые любовники на землѣ.

Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ; по крайней мѣрѣ, Бенедиктъ не могъ быть особенно доволенъ своимъ „счастьемъ“. Валентина, подобно Индіанѣ, держалась того мнѣнія, что замужня женщина, любить-ли она своего мужа или нѣтъ, должна принадлежать или мужу, или никому не принадлежать. Не желая превращать свой бракъ въ открытый развратъ и превративъ его въ безсодержательную фикцію, она по необходимости должна была выбрать послѣднее — „ни тебѣ, ни ему!“ Всѣ старанія Бенедикта поколебать ея рѣшимость остались безъ всякихъ послѣдствій, ничто не могло сломить нравственныхъ твердынь фиветивной жены, — ничто, даже слѣдующее обстоятельство. Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія мужъ вернулся, вернулся всего на нѣсколько дней, съ единственною цѣлью поправить на счетъ женинаго имущества свои финансы, значительно поразстроенные петербургскими камеліями. Онъ привезъ съ собою и своего кредитора-ростовщика. Ростовщикъ во что-бы то ни стало хотѣлъ заполучить помѣстье Режбо — приданое графини; графиня-же, съ своей стороны, ни за что не хотѣла разставаться со своимъ замкомъ, гдѣ она провела счастливые дни дѣтства, гдѣ она впервые вкусила „сладость“ платонической любви. Но, на бѣду ея, мужу удалось открыть тайну этой любви: онъ засталъ возлюбленныхъ врасплохъ, въ тотъ моментъ, когда они въ прелестномъ уединеніи предавались своему невинному „воркованію“. Конечно, онъ былъ далекъ отъ мысли считать это воркованіе за невинное; въ простотѣ душевной онъ вообразилъ, что жена его завела себѣ любовника, не платоническаго, а реальнаго. Какъ человѣкъ практической, онъ постарался извлечь изъ своего открытія все то, что ему было нужно извлечь: онъ заставилъ жену отдать ростовщику ея имѣніе и великодушно разрѣшилъ ей сохранить своего любовника. Затѣмъ онъ распростился и уѣхалъ. Кажется, что послѣ этого пассажа, послѣ формальнаго отреченія мужа отъ всякихъ правъ на нее Валентина не имѣла

уже никакого резона упорствовать въ своемъ рѣшеніи: ни ему, ни тебѣ! Но нѣтъ, она все-таки упорствовала, упорствовала до того, что доведя своего возлюбленнаго до отчаянія и сама впала въ меланхолю. По всей вѣроятности, дѣло кончилось-бы такъ-же, какъ оно чуть не кончилось у Индіаны съ Ральфомъ, — одновременнымъ самоубійствомъ. Безпрерывная борьба съ естественными потребностями организма измучила и истощила ихъ обоихъ до послѣдней степени; чѣмъ съ большимъ упорствомъ они сопротивлялись страсти, тѣмъ съ большею силою она ихъ одолевала. Наконецъ, духъ оказался немогущею плотію. Въ двадцать лѣтъ трудно быть аскетомъ; и вотъ, въ одну изъ сладостныхъ минутъ „голубинаго воркованія“, Валентина отдалась своему возлюбленному. Но тутъ-то и начались для нихъ новыя муки, еще горше первыхъ. За грѣхопаденіемъ послѣдовали раскаяніе и сердечныя угрызения. „Они были, говоритъ Жоржъ-Зандъ, — слишкомъ добродѣтельны, чтобы забыть и успокоиться среди наслажденій, которыя они такъ долго отталкивали и порицали; ихъ существованіе сдѣлалось, по-истинѣ, ужасно. Валентина была неспособна входить въ сдѣлки съ своею совѣстью. Бенедиктъ-же любилъ ее такъ страстно, что не могъ чувствовать себя счастливымъ, вида, что Валентина не раздѣляетъ этого счастья. Жизнь ихъ стала вѣчною борьбою, постоянно возобновляющеюся бурей; то она казалась имъ безысходнымъ адомъ, то они беззавѣтно отдавались своимъ чувственнымъ увлеченіямъ“ (Valentine, p. 305).

Миръ и спокойствіе отлетѣли отъ ихъ когда-то невинныхъ душъ. Бывали минуты, когда Валентина смотрѣла на себя, какъ на безвозвратно-падшую, когда она себя ненавидѣла и презирала, когда Бенедиктъ, въ интересахъ успокоенія ея совѣсти, хотѣлъ было даже бѣжать отъ нея.

Бѣдные, несчастные мученики любви!.. „Святая, чистая“ любовь, вмѣсто ожидаемаго отъ нея счастья, принесла имъ только горе и страданіе, она стала роковымъ проклятіемъ ихъ жизни.

И Богъ знаетъ, какъ долго они-бы мучились и терзались, если-бы судьба, повидимому, надъ ними не сжалилась и не отправила бы графа Ланзака *ad patres*. При вѣсти о его смерти Бенедиктъ не могъ скрыть своей радости, но Валентина еще пуще предалась угрызениямъ совѣсти. „Молчите, говоритъ она своему искусителю, возсылавшему благодареніе небу за избавленіе ихъ отъ

фигтивнаго мужа,—молчите! Вы хотите вызвать на наши головы мщеніе неба! Не достаточно-ли мы оскорбляли этого человѣка при жизни? И можетъ быть Богъ послалъ ему смерть только для того, чтобы еще сильнѣе насъ наказать, чтобы сдѣлать насъ еще несчастнѣе!“ (ib., p. 324).

И дѣйствительно, она была права. Судьба, т. е. романиста, дала имъ на минуту свободно вздохнуть, помазала ихъ по губамъ перспективою будущаго, ничѣмъ и никѣмъ несмущаемаго счастья безграничной любви, и затѣмъ мгновенно обрушила на ихъ головы кары, вполнѣ достойныя ихъ преступленія. Въ тотъ-же день, когда пришло извѣстіе о смерти Ланзаа, Бенедиктъ былъ убитъ изъ-за угла однимъ крестьяниномъ, заподозрившимъ его, по недоразумѣнію, въ любовныхъ интрижкахъ съ своею женою. Черезъ восемь дней послѣ его смерти умерла и Валентина.

Такъ праведная Немезида наказываетъ за поруганіе „чистой любви“, за плотскую измѣну супругу... хотя-бы и фигтивному! Ральфу и Индіанѣ за воздержаніе дано было эдемское блаженство; Бенедикту и Валентинѣ за невоздержаніе—жизнь, преисполненная адскихъ страданій, и мучительная смерть. Каждому по дѣломъ его.

Ну что-же, читатель, развѣ мы были не правы, говоря, что теорія жоржъ-зандовской любви ровнымъ образомъ приводитъ къ необходимости самобичеванія? Если-бы Валентина и Бенедиктъ своевременно встали въ болѣе прямые и искреннія отношенія, они не осквернили-бы своей любви, они не испытывали-бы мучительныхъ угрызеній совѣсти, они были-бы счастливы, они-бы пріобщились къ блаженству Ральфа и Индіаны. Но они не воздержались—и вотъ источникъ всѣхъ ихъ бѣдствій. Не воздержались! легко сказать, когда кровь горитъ въ жилахъ, когда еще ни единая сѣдинка не украшаетъ головной шевелюры, когда въ ушахъ непрестанно раздаются слова любви, когда любовью поглощены всѣ мысли! Сама Жоржъ-Зандъ признается, что это не только трудно, но даже невозможно (Valentine, p. 304).

А если это невозможно, то что-же остается дѣлать? Самобичевать себя—больше ничего. Говорятъ, что отъ великаго до смѣшнаго—одинъ только шагъ, ну, а отъ идеально-возвышеннаго до плотски-низменнаго—и того, кажется, меньше.

Въ „Леліи“, написанной вслѣдъ за „Валентиною“, Жоржъ-Зандъ дѣлаетъ еще новый шагъ въ развитіи своего идеала. Въ этомъ фав-

тастическомъ произведеніи *), одномъ изъ лучшихъ произведеній Жоржъ-Занда, окончательно опредѣляется и уясняется истинный характеръ ея теоріи любви; то, что въ Индіанѣ и Валентинѣ было высказано только отчасти, въ видѣ намека, то въ Леліи выражается вполнѣ, съ ясностью и отчетливостью, неоставляющею мѣста никакимъ сомнѣніямъ и произвольнымъ догадкамъ. Сама Жоржъ-Зандъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ (*Secrétaire intime*) говоритъ, что Лелія представляетъ собою конечный фазисъ развитія той мысли, той идеи любви, которою проникнуты два ея первые романа.

Любовь Леліи еще чище, еще платоничнѣе, еще возвышеннѣе любви Индіаны и Валентины. Она для нея—религіозный культъ; Лелія преклоняется предъ предметомъ своей любви, какъ передъ божествомъ. Да, онъ для нея божество; она переноситъ на него всѣ божескія качества, онъ наполняетъ собою всѣ ея мысли, чувства, весь ея духовный міръ. „Не знаю, куда приложить силы моего духа, рассказываетъ она о своей первой любви; — я повергла ихъ къ ногамъ идола, созданнаго моимъ культомъ“ (*Lelia*, t. I, p. 183). „Идолъ“ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался очень скоро такимъ-же зауряднымъ смертнымъ, какъ и всѣ прочіе люди. Идолъ былъ свергнутъ съ своего пьедестала; мѣсто бога осталось вакант-

*) „Лелію“ нельзя назвать романомъ въ точномъ смыслѣ этого слова; въ ней нѣтъ даже и попытки на изображеніе живыхъ человѣческихъ характеровъ; дѣйствіе происходитъ внѣ времени и пространства. Это рядъ діалоговъ автора съ самимъ собою, это его душевная исповѣдь,—исповѣдь, написанная въ белетристической формѣ. Въ ней онъ отрываетъ міру всѣ свои сомнѣнія, душевныя волненія, свои идеи, свои чувства, всѣ тайные помыслы, всѣ сокровенныя уголки своей души. Для большей вразумительности онъ облачаетъ ихъ въ конкретную форму, онъ воплощаетъ каждую изъ обуревающихъ его идей, каждое изъ волнующихъ его чувствъ въ ту или другую человѣческую фигуру. Разумѣется, на эти фигуры нельзя смотрѣть какъ на живыхъ людей: это не болѣе, какъ отвѣченные знаки, выражающіе собою тѣ различныя умственные направленія XIX в., которыя находили себѣ отголосокъ въ душѣ автора. Въ предисловіи къ одному изъ послѣднихъ изданій „Леліи“ сама Жоржъ-Зандъ признаетъ это: „каждое дѣйствующее лицо изображаетъ собою, говоритъ она,—нѣкоторое проявленіе философскаго духа XIX в.; такъ Пулхерія есть воплощеніе эпикуреизма, унаслѣдовавшаго софизмы прошлаго столѣтія; Стеніо—энтузіазмъ и безсиліе вѣка, когда мысль, то увлекаемая воображеніемъ, воспаряетъ къ небесамъ, то опускается долу, подавленная грубою дѣйствительностью, чуждою поэзіи и величія; Магнусъ представляетъ собою отживающій остатокъ порочнаго и отупѣвшаго духовенства (католическаго) и т. п.“ (*Préface*, p. 4, edit. Michel Levy. Paris, 1862).

нымъ. Но потребность любви не умерла; сердце или, лучше сказать, раздраженная фантазія искала новаго бога, новаго идола. Гдѣ его найти, на кого перенести разъ уже обманутую любовь? „По сравненіи съ моимъ идеаломъ, всѣ люди представлялись мнѣ дикими, жалкими и ничтожными“. Ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ былъ удовлетворить ея ненасытной жажды любви, ни одинъ изъ нихъ не могъ понять этого чувства такъ, какъ она понимала. А между тѣмъ перестать любить—это значило для нея перестать существовать (ib., p. 185).

Въ мучительныхъ поискахъ за любовью она встрѣчаетъ, наконецъ, ангелоподобнаго поэта Стенію, воплощающаго въ себѣ, по словамъ автора, „энтузіазмъ и безсиліе нашего вѣка, — вѣка, когда человѣческій разумъ то воспаряетъ къ небесамъ, увлекаемый воображеніемъ, то опускается долу, подавленный грубою дѣйствительностью, чуждою поэзіи и величія“ (Préface, p. 4). Этоть-то Стенію и занимаетъ мѣсто вакантнаго идола. Но, увы, его недостатки и слабости такъ рѣзко бросаются въ глаза, что даже Лелія, при всемъ ея желаніи идеализировать своего возлюбленнаго, не можетъ ихъ не замѣтить. Она надѣется однако, что въ горнилѣ „чистой любви“ его душа не замедлитъ просвѣтиться, очиститься отъ сквернъ и соблазновъ міра сего. Но „сынъ вѣка“ скоро разочаровываетъ ее: „чистая любовь“ не удовлетворяетъ его. Подобно Раймунду въ Индіанѣ, онъ не можетъ постигнуть всѣхъ ея сладостныхъ прелестей. Онъ не понимаетъ, что въ этомъ постоянномъ и никогда какъ слѣдуетъ неудовлетворяемомъ чувственномъ раздраженіи заключается своего рода тонкое сладострастіе, своего рода наслажденіе... Лелія это понимаетъ, и потому она никогда не выходитъ изъ предѣловъ „чистой любви“. „Чистой любви“! чтобы оцѣнить всю ея чистоту, мы позволимъ себѣ напомнить читателю одну очень маленькую и очень характерную сценку любовнаго объясненія Леліи со Стенію.

„Надѣнешься-ли ты, что ты, наконецъ, меня полюбишь?“ сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ, [взволновавшимъ ея душу.

„Она обвила его своими руками и съ нечеловѣческой силою прижала къ своему сердцу. Стенію, хотѣвшій-было сначала сопротивляться, почувствовалъ себя во власти силы, оледенявшей его ужасомъ. Кровь его, подобно лавѣ, и кипѣла, и застывала въ жилахъ. Его бросало то въ холодъ, то въ жаръ; ему было и пріятно, и непріятно. Была-ли то радость или агонія?—онъ не зналъ. Это

было и то, и другое,—даже болѣе: это была любовь и стыдъ, и желаніе и страхъ, и экстазъ и агонія“.

„Наконецъ, смѣлость вернулась къ нему. Онъ вспомнилъ, сколько разъ въ своихъ безумныхъ мольбахъ онъ призывалъ этотъ часъ, часъ упоительныхъ волненій; ему стало досадно на себя за свою молодую слабость; онъ весь отдался страстному порыву, въ которомъ было что-то отчаянное; онъ сдавилъ Лелію въ своихъ объятіяхъ, онъ прижалъ свои губы къ ея холоднымъ, блѣднымъ губамъ...“ И вдругъ все измѣнилось; за минуту страстная, любящая женщина, она теперь внезапно превратилась въ олицетвореніе недоступной добродѣтели. Она оттолкнула его и сухимъ, жесткимъ голосомъ произнесла: „Оставьте меня, я васъ больше не люблю!“ (Lelia, t. I, p. 107, 108).

Внимайте, читатель, въ физиологическую (если можно такъ выразиться) сущность этой сцены, и вы поймете, что именно скрывается подъ этою чистою любовью. Тутъ уже нѣтъ той борьбы духа съ плотью, отъ которой такъ жестоко страдала недостаточно еще „очистившаяся“ Валентина. У Леліи духъ такъ приспособилъ плоть или плоть такъ настроила духъ, что между ихъ взаимными требованіями не существуетъ ни малѣйшаго противорѣчія. Счастливая гармонія! только едва-ли она свидѣтельствуетъ о здоровомъ состояніи человѣческаго организма и едва-ли она можетъ долго продолжаться безъ вредныхъ для него послѣдствій. Чувственность, постоянно питающаяся и раздражаемая мысленными представленіями, объятіями и любовными воздыханіями, и идеализмъ, постоянно черпающій матеріалы для своихъ построеній въ темной области половыхъ инстинктовъ,—таковы основные факторы „чистой любви“ Леліи, такова ея физиолого-психическая природа. Вы видите, что въ сущности это есть ничто иное, какъ весьма распространенное (особенно при монастырской системѣ воспитанія, господствующей во Франціи) извращеніе физиологическихъ потребностей человѣка,—извращеніе, подъ вліяніемъ котораго у женщинъ весьма часто развивается (какъ то доказали новѣйшія психіатрическія изслѣдованія) съ одной стороны—наклонность къ мистицизму, меланхолія, безотрадный взглядъ на жизнь и т. п., съ другой—отвращеніе и полнѣйшая неспособность къ правильной и здоровой любви.

Отвращеніе и неспособность Леліи къ послѣдней отчасти уже высказывается въ только-что цитированномъ отрывкѣ. Но въ своемъ

послѣдующемъ отношеніи къ Стеніо она обнаруживаетъ ихъ еще съ большею рельефностью. Такъ, между прочимъ, она, желавшая очистить возлюбленнаго „отъ сквернъ и соблазновъ“ міра сего, сама же толкаетъ его въ объятія своей сестры-куртизанки, по уши погруженной во всяческіе скверны и соблазны... зачѣмъ-бы, вы думали? За тѣмъ, чтобы куртизанка утолила его половую жажду, чтобы она дала должное удовлетвореніе его взбудораженной чувственности. Сама Лелія не хотѣла, да и не могла этого сдѣлать.

Что-же касается до склонности къ мистицизму, то можно сказать, что Лелія почти постоянно находилась въ какомъ-то мистическомъ экстазѣ, только по временамъ смѣнявшемся тупою, давящею меланхоліею. Мистическій экстазъ довелъ ее до монастыря (въ которомъ, впрочемъ, она скоро сдѣлалась настоятельницею), а меланхолія — до отчаянно-безотраднaго взгляда на весь міръ вообще и на людей въ частности. „Настоящее“ чelовѣчества представляется ей ужаснымъ, а „будущее“ грозитъ еще ужаснѣе. Цивилизація убиваетъ добродѣтели; въ обществѣ одинъ за другимъ вымираютъ всѣ живые элементы; оно быстрыми шагами приближается къ смерти и разрушенію. „Прежде оно хотъ пророковъ своихъ слушало; а теперь пророки проповѣдуютъ въ пустынѣ и ни одинъ голосъ не откликнется на ихъ призывъ; міръ впалъ въ индифферентизмъ; онъ глухъ, онъ ложится и затыкаетъ уши, чтобы умереть спокойно“, и т. п.

Переполненная фіаломъ „чистѣйшей любви“, ища постоянно предмета, достойнаго любви, она въ то-же время въ дѣйствительности никого и ничего не любитъ. „Я не могу, говоритъ она, — любить чelовѣчество, потому что оно испорчено, корыстно, подло. Я не могу вѣрить въ его прогрессъ“, и т. д.

Такимъ образомъ, въ Леліи, этомъ воплощеніи идеала чистѣйшей любви, мы находимъ всѣ тѣ существенные признаки, которые обыкновенно характеризуютъ упомянутое выше болѣзненное извращеніе половыхъ потребностей. Конечно, автору и на умъ не могло придти, что создавая свою идеальную героиню, окружая ее лучезарнымъ ореоломъ чистоты, святости, добродѣтели, онъ даетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ простое описаніе нѣкоторой болѣзни, — болѣзни, за которую строго преслѣдуютъ и наказываютъ маленькихъ дѣтей.

П. Гр—ли.

(Продолженіе будетъ.)

ПРОЕКТЪ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦІИ.

Тюремный вопросъ во Франціи находится въ такомъ-же переходномъ и выжидательномъ положеніи, какъ и у насъ. И во Франціи, и въ Россіи сознаніе необходимости реформы вызвало въ послѣдніе годы цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ и законодательныхъ проектовъ. Проекты слѣдовали за проектами, комисіи открывались одна за другою. Результатами этихъ долговременныхъ трудовъ являются теперь въ обоихъ государствахъ окончательные проекты, которые въ скоромъ времени будутъ обсуждаться въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Дѣло шло въ обѣихъ странахъ до такой степени одновременно, что желаніе провести параллель между тою и другою работою, а равно и между результатами, къ которымъ привели обѣ работы, является совершенно естественнымъ. Близко знакомый съ ходомъ законодательныхъ работъ по этому вопросу въ Россіи, я имѣлъ случай получить и во Франціи подробныя свѣденія о занятіяхъ и окончательныхъ предположеніяхъ учрежденной при національномъ собраніи комисіи для разработки тюремной реформы. Съ перваго-же взгляда становится яснымъ, что обѣ работы привели къ предположеніямъ почти одинаковаго свойства. И тамъ, и здѣсь лишеніе свободы раздѣляется на четыре главные вида: подслѣдственное, краткосрочное до году, среднесрочное до пяти лѣтъ и долгосрочное на болѣе продолжительные сроки. И тамъ, и здѣсь для подслѣдственныхъ и краткосрочныхъ предполагается одиночная система заключенія. Разница въ опредѣленіи наказаній высшихъ тоже не особенно значительная. Относительно среднесрочныхъ тюремъ въ настоящее время нельзя даже сказать, будетъ-ли существовать какая-нибудь разница между русскимъ и французскимъ

закономъ. У насъ эти мѣста заключенія предположено устраивать по системѣ общаго содержанія и обязательныхъ работъ. Французскій-же проектъ отклоняетъ разрѣшеніе этого вопроса. Во Франціи считаютъ его пока еще недостаточно созрѣвшимъ и не рѣшаются санкціонировать окончательную законодательную мѣру. Французы правы. Одиночное заключеніе на короткіе сроки въ последнее время признается еще безвреднымъ, но при болѣе продолжительномъ заключеніи едва-ли оно можетъ быть допущено. Бельгія ввела келейную систему при всѣхъ срокахъ; мѣстные криминалисты, въ особенности Стевенсъ, безусловно защищаютъ систему одиночнаго заключенія при всѣхъ срокахъ, доказывая, что внѣ кельи для арестанта нѣтъ спасенія и что иначе нельзя достигнуть цѣлей исправленія. Напротивъ того, въ Германіи мы видимъ стремленіе сократить сроки одиночнаго заключенія и ограничить ихъ, примѣрно, тремя годами. Не разрѣшая этого спорнаго вопроса, французское правительство колеблется перестраивать тюрьмы для заключаемыхъ на средніе сроки для приспособленія ихъ къ одиночному заключенію; назначены къ перестройкѣ только тѣ зданія тюремъ, которыя приходятъ къ разрушенію, но по какой системѣ они будутъ перестроены—еще окончательно не опредѣлено. Учрежденіе каторжныхъ работъ признано болѣе безотлагательнымъ. Но по русскому проекту каторжниковъ предполагается выдерживать въ тюрьмахъ, учреждаемыхъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ естественными богатствами, требующими разработки, — тогда-какъ по французскому закону этотъ разрядъ преступниковъ предполагается отправлять въ Новую Каледонію, для заселенія края. Во всѣхъ прочихъ частяхъ проекты сходятся между собою и оба отличаются значительнымъ тяготѣніемъ въ пользу келейной системы. Хотя строго-одиночное, подобное бельгійскому, содержаніе допускается только для подслѣдственныхъ и краткосрочныхъ арестантовъ, но стремленіе къ объединенію или, лучше сказать, къ индивидуализаціи арестанта очевидно составляетъ исходную точку отправленія обоихъ проектовъ. И при болѣе продолжительномъ заключеніи общность содержанія допускается только на работахъ, по примѣру англо-ирландской системы общаго содержанія. Внѣ работы, ночью и во время отдыха, арестантовъ все-таки предположено разъединять.

Понятно, что при такомъ стремленіи, зданія, нынѣ находя-

щіяся подъ тюрьмами, въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть пригодны. Придется возводить значительное число новыхъ. Отсюда громадность ожидаемыхъ расходовъ, отсюда одна изъ главныхъ причинъ медленности въ ходѣ работъ по разработкѣ новаго законодательства о тюремномъ заключеніи. Цифры, получаемыя при каждомъ приблизительномъ расчетѣ ожидаемыхъ затратъ, такъ велики, что пугаютъ собою всѣхъ интересующихся реформой и у нихъ, такъ-сказать, руки опускаются. Но такъ или иначе, а нужно найти практическій выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Денегъ необходимо много—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но не менѣе необходима и реформа.

I.

Французское законодательство занимается разработкою существующей системы наказаній за уголовныя преступленія уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Какъ и въ Россіи, первыя побудительныя причины, заставившія обратить вниманіе на тюремный вопросъ, были чисто-филантропическія. „Всѣ тюрьмы прежняго времени, писалъ Токвиль,—были выстроены съ цѣлью устрашенія. Тѣло заключеннаго въ нихъ подвергалось страданіямъ; пища была недоброкачественная и нездоровая; арестанты были плохо одѣты; вмѣсто постели арестанту бросалось нѣсколько пучковъ соломы; люди часто подвергались невзгодамъ и холода, и голода; предосторожностей противъ развитія болѣзней не принималось никакихъ; смертность была значительная...“

Благотворительность первая обратила вниманіе на грустное положеніе тюремъ; здѣсь она отыскивала несчастныхъ, которые нуждались въ ея помощи. Разъ допущенная въ тюрьмы, благотворительность должна была скоро убѣдиться, что мало облегчить физическія страданія, но необходимо позаботиться и о нравственной сторонѣ заключенныхъ. Независимо отъ физическихъ лишеній, которымъ подвергались арестанты, въ тюрьмахъ замѣчена была крайняя развращенность, являвшаяся послѣдствіемъ болѣе всего праздности. Арестантъ, переступавшій тюремный порогъ, не будучи еще окончательно испорченнымъ, выходилъ оттуда порочнымъ; тотъ-же, который отличался испорченною нравственностью до поступленія въ тюрьму, въ стѣнахъ ея становился опаснымъ

для общества. Заключенные передавали другъ другу свои приключенія, свои успѣхи на пути нравственнаго паденія, образовывались цѣлыя теоріи преступности, наравнѣ съ планами практическаго выполненія самыхъ хитро задуманныхъ замысловъ,—и выпущенные изъ тюремъ возвращались въ общество готовые на всякое новое преступленіе по впередъ задуманнымъ и рассчитаннымъ планамъ.

Все это побудило филантропію искать одновременно средствъ и къ улучшенію быта заключенныхъ, и къ изысканію средствъ противъ ихъ взаимной порчи. Наряду съ этимъ родилась мысль испытать средства къ возможному исправленію арестанта посредствомъ приученія его къ труду и умственнаго и нравственнаго развитія его.

Говардъ, самый извѣстный изъ филантроповъ, посвятившихъ себя тюремному дѣлу, первый сталъ доказывать, что „удиненіе“ заключеннаго можетъ служить къ улучшенію его нравственности. Другіе приписывали то-же значеніе обязательной для арестантовъ „работѣ“, сопряженной съ молчаніемъ. Въ Гентѣ уже въ 1772 году была воздвигнута тюрьма для содержанія арестантовъ по послѣдней изъ названныхъ системъ. Вслѣдъ за тѣмъ стала дѣлать примѣненіе того и другого принципа Америка—оттуда извѣстныя пенсильванская и оборнская системы.

Во Франціи съ изданіемъ устава уголовного судопроизводства (Code d'instruction criminelle) являются попытки распредѣленія арестантовъ по категоріямъ между различными тюрьмами и даже въ одной и той-же тюрьмѣ между различными частями зданія. Однако попытки эти, какъ и слѣдовало ожидать, принесли мало плодовъ.

Къ 1814 году относится первое распоряженіе объ открытіи въ Парижѣ, въ видѣ опыта, новой тюрьмы, способной служить къ исправленію порочныхъ наклонностей преступниковъ и могущей подготовить ихъ, посредствомъ приученія къ порядку, къ работѣ, а также посредствомъ духовнаго и нравственнаго обученія ихъ—къ полезной дѣятельности на свободѣ.

Въ 1819 году образовано королевское общество улучшенія тюремъ, а равно и наблюдательныя за тюрьмами комисіи въ департаментахъ. Это былъ, по времени, значительный для тюремнаго дѣла шагъ. Общество просуществовало втеченіи десяти

лѣтъ, однакожь, отсутствіе положительнаго плана въ дѣйствіяхъ помѣшало ему достигнуть какихъ-либо практическихъ результатовъ.

Съ учрежденіемъ іюльской монархіи палата депутатовъ уже въ октябрѣ 1830 года обратила вниманіе на чрезвычайное увеличеніе количества преступленій и въ особенности на массу рецидивовъ. Мѣры, принятія въ концѣ царствованія Карла X къ приведенію въ ясность уголовной статистики, дали возможность убѣдиться, что количество арестантовъ постоянно растетъ и что значительную часть ихъ можно считать за постоянныхъ обитателей мѣстъ заключенія, такъ-какъ, вслѣдъ за освобожденіемъ, они снова поступаютъ въ качествѣ рецидивистовъ.

Статистическія цифры произвели и на законодателей, и на публику сильное впечатлѣніе. Вслѣдъ за этимъ было приступлено съ особою ревностью къ изученію тюремнаго вопроса. Примѣръ возведенія тюремъ по новымъ, усовершенствованнымъ системамъ данъ былъ Соединенными Штатами. Туда было послано нѣсколько человѣкъ, интересовавшихся реформой, для изученія результатовъ, добытыхъ новыми порядками. Послѣ долговременнаго пребыванія въ Америкѣ двое изъ этихъ посланныхъ, Токвилъ и Бомонъ, издали обширное сочиненіе о пенитенціарныхъ системахъ, снабженное большимъ количествомъ матеріаловъ, собранныхъ на мѣстѣ. Положеніе тюремъ во Франціи также подверглось внимательному изученію, которое, совмѣстно съ разслѣдованіемъ всей литературы тюремнаго вопроса, дало Люкасу возможность издать сочиненіе, которое вскорѣ пріобрѣло извѣстность не въ одной Франціи.

Результатомъ всѣхъ этихъ работъ было представленіе въ 1840 году проекта закона, основаннаго въ главныхъ чертахъ на оборонской системѣ, т.-е. на предположеніи занимать арестантовъ работою втеченіи дня, при общемъ молчаніи, и содержать ихъ отдѣльно во время ночи. Неблагопріятный пріемъ, сдѣланный этому проекту въ палатѣ депутатовъ, побудилъ приступить къ переработкѣ проекта, и въ 1841 году было представлено новое предположеніе, основанное на безусловно-келейномъ заключеніи; исключеніе допускалось только относительно семидесятилѣтнихъ стариковъ и тѣхъ арестантовъ, которые провели въ заключеніи 12 лѣтъ; для этихъ двухъ категорій проектировались общія работы днемъ, съ разъединеніемъ лишь на ночь.

Этотъ послѣдній проектъ былъ принятъ палатою депутатовъ безъ значительныхъ измѣненій. Передъ выслушаніемъ его въ палатѣ пэровъ, въ 1843 году, онъ подвергся снова внимательному и всестороннему пересмотру. При палатѣ этой была образована особая комисія, къ участию въ которой были приглашены всѣ, кто могъ дать какія-либо спеціальныя или практическія указанія. Въ числѣ сотрудниковъ комисіи были представители почти всѣхъ отраслей государственной и общественной дѣятельности: государственные люди, филантропы, судьи, прокуроры, администраторы, медики, педагоги, архитекторы и пр. Судебныя установленія представили туда свои особныя мнѣнія.

Предположеніе о введеніи безусловнаго одиночнаго заключенія осталось въ своей силѣ. Келья признавалась единственнымъ средствомъ предупредить взаимную порчу заключенныхъ, сократить случаи повторенія преступленій и обезпечить общество отъ опасности, представляющей отъ стговоровъ между преступниками, содержащимися въ общихъ помѣщеніяхъ. Уединеніе, по основной мысли проекта, представляло собою существенное условіе, безъ котораго никакая мысль объ исправленіи преступника не можетъ быть допущена. Проектъ былъ на-столько послѣдователенъ, что окончательно отвергалъ ссылку и не допускалъ общаго содержанія даже по проведеніи въ тюрьмѣ значительнаго числа лѣтъ. Одни только семидесятилѣтніе старики могли, по собственному желанію, быть допущены до сообщенія между собою.

Всѣ эти изслѣдованія, заботы и труды, однакожь, не получили практическаго примѣненія. Событія 1848 года отвлекли общее вниманіе на другіе предметы и тюремная реформа была отложена. Вскорѣ новое правительство также заговорило о необходимости совершить, наконецъ, тюремную реформу. Къ тому же предшествовавшее правительство уже начало постройку тюремъ, приспособленныхъ къ одиночному заключенію, хотя новый тюремный законъ не былъ еще окончательно утвержденъ. Еще въ 1836 году, а потомъ въ другой разъ въ 1841 году издано было распоряженіе, чтобы на будущее время приступали къ новымъ тюремнымъ постройкамъ, а также исправленію старыхъ тюремъ не иначе, какъ подъ условіемъ устройства одиночныхъ камеръ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1849 году подтвердилъ распоряженія своихъ предшественниковъ и заявилъ, что

существующее правительство убѣждено, что для лицъ, задерживаемыхъ до произнесенія судебнаго приговора, а равно для людей, присуждаемыхъ къ заключенію на сроки менѣе года, одиночное заключеніе должно быть признано вполне соответствующимъ.

Согласно съ этимъ указаніемъ, въ августу 1852 года было уже выстроено 47 тюремъ, заключающихъ въ себѣ 4,850 келій; въ двадцати тюремныхъ зданіяхъ, кромѣ того, производились строительныя работы. Такимъ образомъ, хотя въ законодательномъ порядкѣ тюремная реформа не была утверждена, но одиночное заключеніе уже вводилось на практикѣ.

Послѣдовавшее за тѣмъ распоряженіе новаго министра задержало надолго тюремную реформу. Графъ Персиньи, вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1853 году сообщилъ префектамъ, что правительство не одобряетъ принятой въ 1836 и 1841 гг. мѣры относительно недопущенія другихъ тюремныхъ построекъ, кромѣ примѣненныхъ къ одиночному заключенію. Затрудненія, представлявшіяся въ прискааніи средствъ, нужныхъ для возведенія дорого стоящихъ зданій, вынуждаютъ правительство, по словамъ Персиньи, отказаться отъ келейной системы и довольствоваться распредѣленіемъ арестантовъ по категориямъ.

Распоряженіе графа Персиньи на первыхъ порахъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ генеральныхъ совѣтовъ. Въ департаментахъ Сены и Оазы, иначе говоря, въ Парижѣ и Версали, совѣты категорически протестовали противъ указаній министерскаго циркуляра и прямо высказали, что сдѣланные на мѣстахъ опыты вовсе не привели къ убѣжденію въ несоответственности одиночнаго заключенія, и что экономическіе расчеты едва-ли могутъ играть первостепенную роль въ такомъ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ изысканіи средствъ къ обезпеченію общественной безопасности. Благодаря этому протесту, работы, начатыя по возведенію одиночныхъ тюремъ Мазасъ и Санте, а равно и версальская тюрьма были приведены къ окончанію.

Во всѣхъ прочихъ одиночныхъ тюрьмахъ къ келейнымъ сооруженіямъ были пристроены общія мастерскія.

Таковы были послѣдствія взгляда на тюремную реформу новаго правительства, — послѣдствія, имѣвшія значительное вліяніе на

ходъ вопроса и въ другихъ странахъ, видѣвшихъ въ такой радикальной мѣрѣ, предпринятой правительствомъ второй имперіи, — сознательное и основанное на серьезныхъ соображеніяхъ отступленіе отъ господствовавшаго до того времени убѣжденія въ наибольшей соотвѣтственности одиночной системы.

Мѣра, принятая французскимъ министромъ, возбудила различные толки въ странѣ, которые вызвали его на нѣкоторыя, хотя довольно позднія объясненія. Появились брошюры полуофициальнаго содержанія, — одна отъ имени медика мазаасской тюрьмы, другая, написанная генеральнымъ инспекторомъ тюремъ. Въ обѣихъ брошюрахъ келейная система подвергалась значительнымъ нападеамъ. Другою запискою названнаго медика доказывалось, что одиночное заключеніе несвойственно національному французскому характеру и вообще противорѣчитъ основаніямъ общественной гигиены. Эта послѣдняя записка была передана на обсужденіе медицинской академіи, но она не согласилась съ мнѣніями, проводимыми авторомъ.

Защитники одиночнаго заключенія должны были умолкнуть. Правительство высказало свое воззрѣніе — голосъ его покрывалъ всѣ могущія представиться возраженія. Усталость и равнодушіе, обыкновенныя послѣдствія слишкомъ долгихъ споровъ, смѣнили недавнія жаркія пренія. Съ этого времени почти вовсе не замѣчается стараній къ устройству патронатствъ надъ выпущенными изъ тюремъ, ни филантропической заботливости о скорѣйшемъ разрѣшеніи участи подслѣдственныхъ, ни попытокъ къ улучшенію внутренняго быта тюремъ, ни даже правильнаго надзора за арестантами. Наблюдательныя комисіи, учрежденныя въ 1819 году, и прежде не особенно отличавшіяся рвеніемъ къ порученному имъ дѣлу, теперь окончательно перестали дѣйствовать.

Правительство Наполеона III не вполне, однакожь, отступилось отъ мысли объ улучшеніи тюремъ. Какъ и предшествовавшія правительства, оно сознавало необходимость подобныхъ улучшеній въ виду возрастающихъ размѣровъ рецидива, но занатое болѣе всего утвержденіемъ своего шаткаго положенія въ странѣ, оно не придавало тюремной реформѣ особенной важности.

Въ концу существованія второй имперіи правительство, однакожь, поняло настоятельность реформы. Особая записка по этому предмету министра внутреннихъ дѣлъ де-Форкада вызвала на-

значеніе комисіи, которой поручено было найти средства для устройства правильнаго наблюденія и покровительства выпущеннымъ изъ тюрьмы, преимущественно малолѣтнимъ. За этой иѣрой предполагалось ввести нѣсколько болѣе существенныхъ измѣненій въ существующей системѣ тюремнаго заключенія.

Послѣ паденія второй имперіи, въ 1870 году, и открытія законодательнаго собранія въ Версали, была составлена изъ членовъ этого собранія новая комисія, для окончательнаго изученія и переработки тюремной системы. Комисія эта состояла сначала подъ предсѣдательствомъ депутата де-Шейрамона; теперь же въ ней предсѣдательствуетъ Мететаль. Она воспользовалась всѣми матеріалами, собранными предыдущими комисіями, относящимися не только къ вопросу о покровительствѣ освобожденныхъ, но и къ прочимъ частямъ тюремной реформы. Новая комисія начала свою дѣятельность съ того, что составила рядъ вопросовъ обо всѣхъ сторонахъ тюремнаго быта и обратилась ко всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ тюремной части учрежденіямъ, для выясненія образовавшихся у нихъ взглядовъ на дѣло; вопросы эти были разосланы въ судебныя установленія, префектамъ, генеральнымъ совѣтамъ, наблюдательнымъ комисіямъ, а равно и непосредственному начальству болѣе значительныхъ тюремъ. Отвѣты всѣхъ этихъ учреждений и лицъ составили обширный матеріалъ, напечатанный въ пяти томахъ большого формата, и представляютъ одно изъ интереснѣйшихъ изслѣдованій по тюремному дѣлу, которое когда-либо было сдѣлано. Не довольствуясь доставленными свѣденіями, члены комисіи сочли нужнымъ лично ознакомиться съ предметомъ, осмотрѣть зданія и повѣрить ходъ тюремной жизни. Нѣкоторые изъ нихъ занялись инспекціею тюремъ во Франціи, другіе объѣздили карательныя установленія за границею, третьи—участвовали въ засѣданіяхъ лондонскаго конгресса 1872 года, въ которыхъ высказаны были послѣдніе результаты движенія тюремнаго вопроса.

Вооруженная этою массою свѣденій и наблюденій, комисія проектировала новый законъ, разборомъ котораго мы и займемся.

II.

Веденіе уголовной статистики возложено во Франціи на два

вѣдомства. Министерство юстиціи занимается съ 1825 года статистикою судебною. Тюремная-же статистика сводится въ таблицы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, печатающимъ съ 1852 года одно изъ интереснѣйшихъ тюремно-статистическихъ изданій, основанія котораго были доложены г. Фойницемиъ предъ комисією, образованною географическимъ обществомъ для разработки способовъ записи и сводки подобныхъ-же свѣденій въ Россіи. Приемы французской статистики признаны были комисією нѣсколько сложными, но тѣмъ не менѣе должны въ весьма многихъ частяхъ служить руководящимъ началомъ и у насъ, по своей чрезвычайной отчетливости. Оба французскія изданія ведутся въ высшей степени акуратно, такъ что едва-ли въ другихъ странахъ можно найти офиціальныи цифровой документъ, который представлялъ-бы такое множество полезныхъ при изученіи тюремнаго вопроса свѣденій.

Просматривая эти два изданія, изслѣдователь на каждомъ шагу встрѣчается съ однимъ, весьма неутѣшительнымъ для Франціи фактомъ, именно съ постепеннымъ, непрерывающимся увеличеніемъ преступности. Если обратить вниманіе на число обвиняемыхъ въ судебномъ порядкѣ лицъ, то наростаніе цифръ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ 1867 году было 186-тысячъ обвиняемыхъ, въ 1868 году—195 тысячъ; хотя въ 1869 году количество обвиняемыхъ передъ судомъ лицъ опредѣляется всего 175 тысячами, но такое уменьшеніе въ самомъ изданіи приписывается дарованной въ томъ году амнистіи, безъ которой количество подсудимыхъ превысило-бы число преступниковъ въ 1868 году. Если, съ другой стороны, принять въ соображенію количество уголовныхъ дѣлъ, обсуждавшихся судомъ, то и здѣсь увеличеніе цифръ обращаетъ на себя вниманіе: въ 1866 году прокурорская власть и частное обвиненіе начали 287 тысячъ преслѣдованій, въ 1867 году—312 тысячъ, въ 1868 году—335 тысячъ; нѣкоторое уменьшеніе за 1869 годъ, когда начато всего 330 тысячъ дѣлъ, должно приписать опять-таки той-же амнистіи.

Весьма трудно опредѣлить положительныя причины подобнаго увеличенія преступности. Болѣе настойчивыя преслѣдованія со стороны прокурорской власти и нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ судопроизводства приводятъ съ каждымъ годомъ къ легчайшему открытію преступленій и преступниковъ, а это, безъ сомнѣнія,

служить къ увеличенію итоговъ въ статистическихъ таблицахъ и по графѣ обвиняемыхъ, и по графѣ судебно-уголовныхъ дѣлъ. Нельзя, однакожь, считать усовершенствованіе способовъ преслѣдованія преступленій единственною причиною наростанія уголовно-статистическихъ цифръ. Здѣсь существуютъ и другія причины, имѣющія чисто-соціальныи характеръ. Этому увеличенію способствуетъ еще не мало третья причина, едва-ли не главнѣйшая, а именно безусловная порча нравственности всего того контингента, который хотя и попадаетъ въ тюрьму часто вслѣдствіе лишь несчастнаго стеченія обстоятельствъ, но среди тюремнаго общесгва окончательно закаляется въ порокъ.!

Несомнѣнность этого послѣдняго факта становится очевидною при изученіи вопроса о рецидивѣ, т. е. о повтореніи преступленій. За исключеніемъ изъ числа 175 тысячъ обвиняемыхъ, представшихъ предъ судебною властью въ 1869 году, десяти тысячъ, преслѣдовавшихся за проступки противъ дѣснаго устава, предыдущія дѣятельность которыхъ не была изслѣдована, — на остальныхъ 165 тысячъ преступниковъ было болѣе 64 тысячъ повторителей, — слѣдовательно, количество рецидивовъ доходило почти до 39%. Въ предыдущіе годы рецидивъ имѣлъ слѣдующее поспутательное движеніе:

Съ 1851 по 1855 г.	(въ среднихъ "цифрахъ)	около 35,000	человѣкъ
Съ 1856 по 1860 г.	" "	болѣе 42,000	"
Съ 1861 по 1865 г.	" "	около 49,000	"
Въ 1866 году	" "	до 54,000	"
Въ 1867 году	" "	свыше 59,000	"
Въ 1868 году	" "	свыше 65,000	"

Пропорція увеличенія дѣйствительно громадная! Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что значительное число лицъ, приговариваемыхъ къ высшимъ родамъ наказанія, по истеченіи срока заключенія, высылаются въ Гвіану, для поселенія тамъ навсегда. Отсюда очевидно, что тюрьма является представительницею не исправительнаго начала, а положительной порчи и развращенія всего арестантскаго контингента, увеличивающагося между тѣмъ съ каждымъ годомъ.

Переходимъ къ указанію тѣхъ мѣръ, которыя кажутся коміссіи, образованной версальскимъ собраніемъ, способными ослабить, а частью уничтожить зло, обнаруженное приведеннымъ по всей Франціи изслѣдованіемъ тюремнаго вопроса.

Французское законодательство, сверхъ ссылки въ Новую-Каледонію, установленной въ послѣднее время въ качествѣ высшаго наказанія, допускаетъ слѣдующіе виды тюремъ: 1) учрежденія для малолѣтнихъ преступниковъ; 2) тюрьмы департаментскія, какъ мѣста для содержанія лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, а равно и краткосрочныхъ арестантовъ, и 3) тюрьмы центральныя.

Учрежденія для малолѣтнихъ преступниковъ предназначены для тѣхъ изъ нихъ, которые приговариваются судебною властью къ тюремному заключенію на сроки болѣе шести мѣсяцевъ, а также для тѣхъ, которые, даже въ случаѣ оправданія, будутъ признаны судомъ подлежащими исправительно-тюремному перевоспитанію. Открытіе подобныхъ установленій предоставлено какъ правительству, такъ и частной инициативѣ. Извѣстная метрэйская земледѣльческая колонія, а равно парижская тюрьма Малый Рокетъ представляютъ собою самыя удачныя образцы этого рода заведеній. Изъ нихъ Метрѣ на-столько обратила на себя вниманіе общественнаго мнѣнія во всей Европѣ, что посѣщается весьма часто иностранцами, интересующимися тюремнымъ вопросомъ, послужила темою для изданія большого числа брошюръ (въ томъ числѣ и на русскомъ языкѣ) и признана примѣромъ, достойнымъ подражанія даже по названію своему, такъ-какъ въ Голандіи, близъ Риссальма, учреждена колонія, наименованная голандскою Метрѣ. Какъ это заведеніе, такъ и Малый Рокетъ обязаны своимъ существованіемъ частнымъ обществамъ. Изъ правительственныхъ колоній автору этой статьи привелось видѣть Дуэръ, на дорогѣ между Парижемъ и Руаномъ; сколько можно судить, ознакомившись съ порядкомъ содержанія малолѣтнихъ въ этомъ заведеніи, оно также достигаетъ той цѣли, для которой существуетъ.

Однако, не все малолѣтнее населеніе тюремъ помѣщается въ эти колоніи. Процентъ рецидива, вѣроятно, подвергся-бы значительному уменьшенію, если-бы всѣ мальчишки, дѣйствія которыхъ опорочены судомъ, могли поступать въ нихъ на воспитаніе. По несчастію, и во Франціи, подобно нашему отечеству, можно найти большое число малолѣтнихъ въ общихъ тюрьмахъ, и именно департаментскихъ. Это, во-первыхъ, всѣ поделѣдственные, которые часто даже не отдѣлены отъ взрослыхъ, а затѣмъ тѣ изъ

срочныхъ, которые должны выдержать въ тюрьмѣ сроки менѣе шести мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, во Франціи встрѣчается тоже невыгодное условіе, съ которымъ приходится бороться и у насъ въ Россіи, даже въ Петербургѣ, такъ-какъ, несмотря на учрежденіе вполне соответственной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ близъ Пороховыхъ Заводовъ, туда поступаютъ только долгосрочные, и то въ весьма ограниченномъ числѣ, а подслѣдственные и краткосрочные продолжаютъ содержаться въ разлѣвающей средѣ Литовскаго замка.

Помимо вопроса о недостаточности существующихъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ колоній для всего контингента малолѣтнихъ преступниковъ, лица, занимавшіяся отъ имени національнаго собранія изученіемъ тюремнаго быта во Франціи, подняли еще рядъ вопросовъ первостепенной важности, способъ разрѣшенія которыхъ долженъ также имѣть большое значеніе относительно уменьшенія массы рецидивистовъ. Не входя въ подробное перечисленіе этихъ вопросовъ, нельзя, однакожь, не обратить вниманія на желаніе комисіи послѣдовать примѣру Англіи въ отношеніи предоставленія нѣкоторымъ благотворительнымъ обществамъ отбирать малолѣтнихъ отъ родителей, непринимавшихъ никакихъ мѣръ къ предохраненію дѣтей своихъ отъ соблазновъ уличной жизни. По этой инициативѣ въ Парижѣ уже готово образоваться общество для воспитанія дѣтей, рожденных отъ родителей сомнительной нравственности, принадлежащихъ къ протестантскому вѣроисповѣданію; извѣстный тюремный дѣятель пасторъ Робенъ принялъ на себя заботу объ осуществленіи этой мысли.

Центральныя тюрьмы, соответствующія нашимъ арестантскимъ ротамъ, предназначены главнымъ образомъ для лицъ, приговариваемыхъ къ заключенію на сроки свыше года. Такихъ тюремъ въ государствѣ—24, въ нихъ заключено свыше 20 тысячъ человѣкъ. Это — учрежденія правительственныя, содержимыя на счетъ государственнаго бюджета.

И по этому разряду число зданій и помѣстительность ихъ оказываются далеко недостаточными. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ содержится иногда до 1,800 человѣкъ, представляющихъ собою такую массу, при которой точное выполненіе тюремныхъ правилъ невозможно и достиженіе исправительныхъ цѣлей почти

немыслимо. Главнѣйшій недостатокъ этихъ учрежденій, въ вопроса объ издѣшнемъ ихъ переполненіи,—это допущеніе общихъ спаленъ, въ которыхъ заключенные съ наступленіемъ ночи подвергаются всѣмъ дурнымъ послѣдствіямъ общаго содержанія. Крімъ того, въ тюрьмахъ этихъ допущено смѣшеніе арестантовъ, приговоренныхъ на самыя разнообразныя сроки, а при подобномъ смѣшеніи люди менѣе испорченные легко подвергаются растлѣвающему вліянію закоренѣлыхъ злодѣевъ. Однимъ словомъ, въ тѣхъ изъ этихъ заведеній, которыя автору случилось видѣть, — Гейлонъ, Медюнъ, Пуасси,—заклѣваютъ въ себѣ всѣ пагубныя стороны нашихъ остроговъ; сходство до такой степени полное, что даже вопросъ о работахъ поставленъ совершенно одинаково, какъ въ центральныхъ французскихъ тюрьмахъ, такъ и у насъ. Благодаря настойчивымъ заботамъ, работы въ большей части подобныхъ тюремъ организованы, но далеко не всѣ арестанты работаютъ.

Перечисливъ встрѣчающіеся недостатки, нельзя, однакожъ, не упомянуть о достоинствахъ этихъ заведеній. Первое изъ нихъ: заботы начальства о нравственномъ и умственномъ развитіи и перевоспитаніи преступниковъ; второе—вполнѣ обобщенная дисциплина, контролируемая центральной властью. Однообразность дисциплины происходитъ отъ того, что всѣ рѣшительно зданія, въ которыхъ помѣщены центральныя тюрьмы, принадлежатъ правительству, которое поэтому является въ нихъ полновластнымъ хозяиномъ. Одна и та-же администрація даетъ общее направленіе этимъ заведеніямъ, потому что издаваемая ею правила обязательны для всѣхъ этого рода тюремъ, въ какой-бы части Франціи онѣ ни находились. Поэтому самому часто дѣлаемый упрекъ, что одно и то-же наказаніе въ одномъ мѣстѣ влечетъ за собою болѣе строгое содержаніе, чѣмъ въ другомъ, къ этой части карательной лѣстницы относиться не можетъ.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ такъ-называемыя департаментскія тюрьмы, соотвѣтствующія нашимъ тюремнымъ замкамъ и городовымъ острогамъ. Эти тюрьмы содержатся на счетъ департаментскихъ бюджетовъ. Ихъ 380. Онѣ служатъ для заключенія какъ слѣдственныхъ и подсудимыхъ, такъ и приговариваемыхъ на сроки менѣе года. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ числѣ 67, устроены такъ, что арестанты ночью разъединены между

собою и помѣщаются въ отдѣльныхъ кельяхъ. Остальныя страдаютъ тѣми-же недостатками, какъ и центральныя тюрьмы. Сравнительно съ правительственными центральными тюрьмами, департаментскія еще менѣе соотвѣтствуютъ исправительнымъ цѣлямъ. Работы не только не развиты, но часто ихъ даже вовсе не заведено: въ 1869 году изъ 23 тысячъ заключенныхъ 10¹/₂ тысячъ оставались безъ занятій. Обученіе школьное и религіозное почти не существуетъ: по статистическимъ свѣденіямъ за 1869 г. двадцать пять изъ этихъ тюремъ никогда не посѣщались лицами духовнаго званія, а учителя были только въ шести. Недостаточность числа приставниковъ и надзирателей затрудняетъ надзоръ за содержащимися. Наконецъ, во многихъ изъ этихъ заведеній даже помѣщенія не приспособлены къ здоровому жилью; воздуху мало по количеству арестантовъ, распредѣленіе людей по категоріямъ никогда не соблюдается; отдѣленіе подсѣдственныхъ отъ осужденныхъ не вездѣ принято. Въ самыхъ даже обширныхъ изъ этихъ заведеній общее содержаніе сводитъ въ одной камерѣ человѣка, задержаннаго въ первый разъ за маловажный проступокъ, иногда по подозрѣнію, на судѣ потомъ не оправдывающагося, съ преступникомъ, прошедшимъ чрезъ всѣ испытанія и соблазны тюремной жизни, приговореннаго къ кратковременному аресту съ злѣемъ, закаленнымъ въ преступленіяхъ. Разница между центральными и департаментскими тюрьмами заключается болѣе всего въ томъ, что въ центральныхъ тюрьмахъ всѣ заключенные отличаются почти однимъ уровнемъ нравственности; въ департаментскихъ — смѣсь нравственностей доведена до крайнихъ предѣловъ.

Центральная администрація, обсуждающая вопросъ въ качествѣ заинтересованной стороны, приписываетъ несоотвѣтственность департаментскихъ тюремъ тому обстоятельству, что заведенія эти не вполне ей подчинены: она имѣетъ вліяніе только на вопросы содержанія арестантовъ и тюремной дисциплины, самыя-же строенія, въ которыхъ размѣщены тюрьмы, принадлежатъ департаментамъ, и, слѣдовательно, всякія въ нихъ улучшенія вполне зависятъ отъ степени заботливости и характера возрѣній, образующихся въ генеральныхъ совѣтахъ, а въ особенности отъ положенія средствъ, которыми департаменты могутъ располагать. Но именно въ этомъ вопросѣ сужденіе администраціи оказывается

одностороннимъ. Классификація преступниковъ встрѣчаетъ препятствіе не въ одной только несоотвѣтственности зданій, что составляетъ предметъ постоянныхъ упрековъ, съ которыми центральная администрація обращается къ департаментскимъ совѣтамъ, а главнѣйшимъ образомъ въ значительномъ числѣ категорій заключенныхъ, которые поступаютъ въ мѣстныя тюрьмы: разъединить, въ отдѣлѣ подслѣдственныхъ, несовершеннолѣтнихъ отъ людей, привлекаемыхъ къ суду въ первый разъ, а послѣднихъ отъ рецидивистовъ; затѣмъ, въ отдѣлѣ срочныхъ, приговариваемыхъ къ аресту отъ приговариваемыхъ къ тюремному заключенію, а ихъ отъ пересыльныхъ и военныхъ арестантовъ; наконецъ, въ отдѣлѣ женщинъ — дѣвочекъ отъ подслѣдственныхъ и отъ различныхъ разрядовъ приговоренныхъ на сроки, — все это потребовало-бы столько отдѣленій, что размѣры департаментскихъ тюремъ оказались-бы далеко недостаточными, а существующій надзоръ рѣшительно не могъ-бы справиться съ выполненіемъ своихъ обязанностей. Между тѣмъ соединеніе въ одной тюрьмѣ, и притомъ въ общихъ камерахъ, массы людей, изъ которыхъ нѣкоторые до крайности испорчены, но значительная часть могла-бы быть предохранена отъ дальнѣйшаго паденія, представляетъ собою такую сторону тюремной жизни, несоотвѣтственность которой никакъ не можетъ быть приписана дѣйствіямъ того или другого начальства, а лежитъ въ самой тюремной системѣ, допущенной законодательствомъ.

Не менѣе существенный недостатокъ въ устройствѣ департаментскихъ тюремъ заключается въ отсутствіи однообразія въ порядкѣ содержанія заключенныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ генеральные совѣты успѣли выстроить одиночныя тюрьмы до появленія циркуляра Персиньи, тамъ подслѣдственные арестанты содержатся въ совершенномъ одиночествѣ; въ прочихъ они сидятъ по общимъ камерамъ; въ Парижѣ, во всѣхъ существующихъ здѣсь тюрьмахъ, неподверженныхъ вовсе инспекціи со стороны центральной администраціи, всѣ категоріи арестантовъ, предварительныхъ и срочныхъ, переиѣшаны; а за нѣсколько верстъ отъ столицы, въ Версали, тѣ-же категоріи содержащихся подвержены всѣмъ условіямъ строгаго одиночества. Такимъ образомъ, по вопросу о системѣ содержанія заключенныхъ во Франціи существуетъ полнѣйшая разладаца. Обстоятельство это

особенно чувствительно по отношенію къ срочнымъ арестантамъ: приговоренные къ совершенно одинаковому наказанію, слѣдовательно, виновные въ равной степени, подвергаются лишеніямъ совершенно различнаго свойства, смотря по тому, гдѣ они совершили преступленіе.

За всѣмъ тѣмъ содержаніе арестантовъ даже въ департаментскихъ тюрьмахъ удовлетворительно. Всякій заключенный находитъ въ тюрьмѣ и постель, и обильную, здоровую пищу, и приличную одежду, и надлежащія заботы въ случаѣ болѣзни. Понятно, что улучшенія, послѣдовавшія по всѣмъ этимъ частямъ въ послѣднее время, сильно уменьшили устрашающее значеніе тюремнаго заключенія. Хотя человѣколюбіе должно считать себя въ этомъ случаѣ безусловнымъ побѣдителемъ, но общественные интересы отъ этого весьма мало выигрываютъ. Одѣтое, обутое, отопленное, накормленное тюремное населеніе часто даже не обязанное работать, по отсутствію занятій, пользуется въ мѣстахъ заключенія благосостояніемъ, часто значительно превышающимъ то довольство, которымъ оно довольствовалось-бы на свободѣ. Прямыхъ послѣдствіемъ этой стороны дѣла является совершенное равнодушіе большей части арестантовъ къ вопросу возвращенія въ мѣста заключенія, въ случаѣ повторенія преступленія. Въ частности весьма интересно прослѣдить относительное расположеніе цифръ тюремнаго населенія, хотя-бы по временамъ года. Зимой содержащихся всегда гораздо болѣе, — такое увеличеніе есть фактъ, который положительно удостовѣренъ, какъ во Франціи, такъ и у насъ. Подобное явленіе слѣдуетъ приписать добровольному желанію бѣднаго преступнаго контингента найти на холодное время обезпеченное пристанище. „Кому тюрьма, а мнѣ домъ“, говоритъ себѣ нуждающійся въ теплѣ съ наступленіемъ морозовъ; совершивъ незначительный проступокъ, онъ приговаривается на короткій срокъ къ тюремному заключенію; а тамъ, съ наступленіемъ весны, онъ опять свободенъ и идетъ на заработки.

Развращенность нравовъ составляетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ сторонъ тюремнаго заключенія. Тамъ, гдѣ существуютъ правильныя и постоянныя работы, развращенности несравненно меньше, но гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ господство порока становится безусловнымъ. Тутъ-то тюремный сторожилъ воздвигаетъ себѣ кафедру, съ которой проповѣдуетъ новичкамъ о своихъ подви-

гахъ; тутъ-то подбираются кружки подражателей и составляются заговоры на преступленія.

Масса содержащихся въ департаментскихъ тюрьмахъ, по основательно собраннѣмъ статистическимъ даннымъ, положительно представляетъ собою ту среду, изъ которой выходитъ большая часть капитальныхъ злодѣевъ, приговариваемыхъ въ послѣдствіи къ самымъ строгимъ наказаніямъ. Изъ 100 преступниковъ, слѣдующихъ въ центральныя тюрьмы, приходится всего 15, которые не побывали въ департаментскихъ; остальные—рецидивисты, прошедшіе всю науку тюремной жизни въ департаментскихъ тюрьмахъ. Такимъ образомъ, эти послѣднія установленія, при ихъ настоящемъ устройствѣ, должны быть признаны преддверіемъ болѣе значительныхъ наказаній, а это представляетъ собою прямое доказательство, что тюремное заключеніе, при настоящемъ устройствѣ тюремъ, въ особенности департаментскихъ, служить болѣе къ развращенію, чѣмъ къ исправленію тюремнаго контингента. Между тѣмъ большая часть заключенныхъ содержится въ департаментскихъ тюрьмахъ. По статистическимъ выводамъ за 1869 годъ, изъ 135,000 срочныхъ арестантовъ во Франціи 124,000 содержались въ департаментскихъ тюрьмахъ и, слѣдовательно, подвергались всѣмъ послѣдствіямъ описанныхъ выше порядковъ.

III.

Въ предыдущихъ главахъ мы старались дать читателю понятіе объ исторіи тюремнаго дѣла во Франціи и о положеніи тюремъ въ этомъ государствѣ въ настоящее время. Изъ изложеннаго выше легко убѣдиться, что всѣ виды тюремъ нуждаются здѣсь въ обновленіи системы и въ устройствѣ всего дѣла на новыхъ основаніяхъ. Однако, въ положеніи различныхъ мѣстъ заключенія существуетъ значительная разница, на которую нельзя не обратить вниманія. Одни изъ этихъ заведеній требуютъ только нѣкоторыхъ улучшеній, полезныхъ дополненій въ системѣ содержанія и въ особенности увеличенія числа такихъ заведеній; таковы существующія во Франціи земледѣльческія колоніи и ремесленные пріюты для несовершеннолѣтнихъ. Другія пуждаются уже не въ улучшеніяхъ, а въ пережвѣнъ системы, — сюда отно-

сятся центральныя правительственныя тюрьмы; однако, строгость дѣйствующихъ въ нихъ порядковъ и относительная удовлетворительность внѣшняго характера тюремной жизни допускаютъ еще возможность нѣкоторой отсрочки. Третій видъ тюрьмы, именно департаментскія мѣста заключенія, наиболѣе нуждается въ безотлагательной реформѣ.

Придя къ такому заключенію, комисія, образованная законодательнымъ собраніемъ для изученія тюремнаго вопроса, хотя и признавала весьма полезнымъ обобщить дѣло реформы, — распространить свои предположенія на всѣ виды мѣстъ заключенія, но, въ виду экономическихъ соображеній, рѣшилась предложить собранію выдѣлить вопросъ о переустройствѣ департаментскихъ мѣстъ заключенія и проектировать для нихъ специальный законъ. И при подобномъ сокращеніи размѣровъ преобразования оно все-таки должно будетъ распространиться на 380 заведеній, тогда-какъ непреобразованныхъ центральныхъ тюремъ останется всего 24.

Приступая къ начертанію новаго закона о департаментскихъ тюрьмахъ, комисіи предстояло остановиться на той или другой изъ признанныхъ современныхъ системъ заключенія. Ближайшее знакомство съ вопросомъ дало комисіи возможность всѣ существующія системы подвести подъ пять главнѣйшихъ категорій.

Первая система — обориска. По этой системѣ преступники содержатся ночью въ отдѣльныхъ кельяхъ, а днемъ въ общихъ залахъ; работы для всѣхъ обязательны, при условіи общаго молчанія. Система эта первоначально признавалась наиболѣе удовлетворительною, весьма человѣчною и на-столько-же достигающей цѣли исправленія, какъ и одиночное заключеніе. Однако, въ послѣднее время тюремные дѣятели начали отступаться отъ этой системы: молчаніе признано недостижимымъ и неудобнымъ, а необходимыя для поддержанія этого условія наказанія — несоответствующими общей цѣли исправленія. Эта система господствуетъ въ Италіи, въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи и заведена у насъ, въ двухъ исправительныхъ тюрьмахъ обѣихъ столицъ. Она всего легче создаетъ идиотовъ.

По пенсильванской системѣ, все время, на которое преступникъ присужденъ къ наказанію, проводится имъ въ кельѣ. Оди-

ночество арестанта, по повѣйшимъ усовершенствованіямъ, ограничивается прекращеніемъ всякихъ сношеній его съ товарищами по заключенію, но онъ пользуется посѣщеніями тюремнаго персонала, родныхъ, священника и, наконецъ, членовъ благотворительныхъ обществъ. День свой преступникъ не долженъ проводить въ праздности; на него возлагаются разныя работы, онъ подвергается школьному и ремесленному обученію. Онъ пользуется ежедневными прогулками на чистомъ воздухѣ, необходимыми для его здоровья. Эта система введена во всей строгости въ двухъ бельгійскихъ тюрьмахъ, находящихся въ Левенѣ и предназначенныхъ одна для долгосрочныхъ, а другая для другихъ категорій.

По ирландской системѣ, осуществленной Крафтономъ, исключительно келейное содержаніе примѣняется только для заключенныхъ на краткіе сроки. Для присуждаемыхъ къ болѣе продолжительнымъ срокамъ система эта вводитъ послѣдовательное примѣненіе различныхъ пенитенціарныхъ мѣръ: сначала арестанта содержать въ кельѣ, потомъ переводить его на работы въ обширныя общія мастерскія, съ отдѣленіемъ ночью отъ товарищей по заключенію, наконецъ, когда онъ докажетъ, что на него можно до известной степени положиться, его отпускаютъ изъ тюрьмы на работу, съ обязательствомъ къ ночи непремѣнно возвращаться домой. Одиночное заключеніе не примѣняется долѣ девятимѣсячнаго срока и служитъ не столько для поднятія нравственнаго уровня арестанта, сколько для обузданія излишней рѣзкости въ характерахъ и для ознакомленія съ личностями. Работа въ кельяхъ производится въ большей части случаевъ на такъ-называемомъ механическомъ колесѣ, которое арестантъ обязанъ повернуть известное число разъ въ сутки; работа эта, по видимому, чрезвычайно утомительна. Когда авторъ былъ въ милбанкской тюрьмѣ, въ Лондонѣ, гдѣ она отбывается, онъ замѣтилъ, что, несмотря на холодное время, большая часть заключенныхъ работала надъ колесами раздѣвшись до-нага. По истеченіи срока испытанія арестантъ переводится въ одну изъ тюремъ, устроенныхъ при портовыхъ сооруженіяхъ; тутъ онъ работаетъ на верфяхъ вмѣстѣ съ другими, а свободное отъ работъ время и ночь проводитъ въ своей каятѣ. Чтобы убѣдиться въ исправленіи арестанта, установлена оцѣнка поведения его

за каждый день. Въ силу этой оцѣнки онъ долженъ получить известное количество одобрительныхъ знаковъ, дающее ему въ концѣ концовъ право на условное освобожденіе. Получивъ установленное одобреніе, заключенный переводится въ переходное заведеніе, въ которомъ онъ можетъ найти и работу за опредѣленную плату, пока не найдетъ себѣ таковой на свободѣ, и поддержку на первыхъ, самыхъ трудныхъ шагахъ свободной жизни. Система эта, примѣняемая съ незначительными отступленіями и въ Англіи, превозносится ея учредителями. Нѣкоторые швейцарскіе кантоны ввели у себя эту систему. Въ литературѣ Гольцендорфъ много писалъ о ней, желая доказать предпочтительность англійскихъ тюремныхъ порядковъ передъ системами тюремнаго заключенія, принятыми въ другихъ странахъ.

Четвертая изъ обследованныхъ французскою комисіею системъ названа ею гановерскою. По этой системѣ долговременность одиночнаго заключенія арестанта до известной степени зависитъ отъ тюремной администраціи. Только начало срока обязательно проводится въ кельѣ. Затѣмъ, по истеченіи нѣкотораго времени, начальство, ознакомившись съ заключеннымъ, имѣетъ право перевести его на общія работы. Однакожь, болѣе трехъ лѣтъ начальство не вправѣ держать арестанта въ кельѣ безъ его на то согласія. Этотъ порядокъ, кажется, скоро будетъ введенъ въ Германіи. Въ практическомъ примѣненіи своемъ онъ представляетъ ту существенную отъ ирландской системы разницу, что въ послѣдней одиночныя тюрьмы должны быть совершенно отдѣльными заведеніями, въ которыхъ преступники отсиживали-бы свои одиночныя сроки (напр., Мильбанъ и Пентонвиль въ Лондонѣ) и по окончаніи ихъ переводились-бы въ другія тюрьмы (Портсмутъ, Портлендъ, Чатамъ),—тогда-какъ гановерская требуетъ устройства одиночныхъ помѣщеній въ каждой тюрьмѣ, для того, чтобы одно и то-же начальство могло руководить и направлять дѣятельностью арестанта во все время его содержанія, сначала въ кельѣ, а потомъ на общихъ работахъ. Примѣняясь къ этой системѣ, проектированъ планъ новой исправительной тюрьмы въ Петербургѣ: по плану этому, сверхъ келій для ночного разъединенія арестантовъ, предположено устройство и одиночныхъ келій на известный процентъ общаго тюремнаго комплекта. Арестанты при поступленіи должны помѣщаться въ эти кельи, а переводъ

ихъ на общія работы будетъ зависѣть отъ ихъ собственнаго поведенія, подлежащаго оцѣнѣ начальства.

Сверхъ этихъ четырехъ системъ французская комисія упоминаетъ еще о пятой, существующей въ Швеціи, Даніи и Австріи. По этой системѣ одиночное заключеніе установлено только для короткихъ сроковъ, общее—только для болѣе продолжительныхъ, не допуская никакихъ переходныхъ ступеней. Защитникомъ этого порядка въ Россіи является графъ Соллогубъ, совершенно отвергающій цѣлесообразность предварительнаго помѣщенія людей, приговариваемыхъ на болѣе продолжительные сроки, въ одиночныя камеры и предполагающій прямо направлять этотъ контингентъ къ общимъ работамъ.

Если-бы версальская комисія задалась начертаніемъ новой лѣстницы наказаній, то она была-бы вынуждена заняться внимательнымъ изученіемъ всего, что до настоящаго времени выработано тюремною практикою. Но какъ она ограничила трудъ своей однѣми департаментскими тюрьмами, предназначенными для подсѣдственныхъ и для краткосрочныхъ арестантовъ, то ей и не приходилось разбирать подробностей всѣхъ новыхъ системъ, а предстоялъ выборъ только между двумя способами содержанія — общимъ или одиночнымъ.

Основаніе оборнской системы заключается главнымъ образомъ въ безусловномъ молчаніи во время работъ. Признавая, что для цѣлей исправленія необходима индивидуализація каждаго арестанта, — иначе говоря, устраненіе всякихъ дурныхъ и безнравственныхъ вліяній на личность заключеннаго, оборнская система предполагаетъ достигнуть этой цѣли посредствомъ воспрещенія разговоровъ между содержащимися, тогда-какъ всѣ прочія системы не обходятся безъ келейнаго разъединенія. Однакожь, еще со времени опубликованія Товвилемъ его впечатлѣній, вынесенныхъ изъ изученія американскихъ тюремъ, система молчанія рѣшительно осуждена. Въ Америкѣ молчаніе достигается только постоянною угрозою тѣлеснымъ наказаніемъ, а это никакъ уже не можетъ служить къ улучшенію нравственности заключенныхъ. Наказывать побоями дѣйствіе, само по себѣ немнѣющее преступнаго значенія, а напротивъ вполне естественное, болѣе чѣмъ несправедливо. Послѣдствіемъ его является только излишнее возбужденіе со стороны закоренѣлыхъ преступниковъ и потеря энергіи со

стороны менѣе порочныхъ. Гигіеническіе результаты системы молчанія представляются также далеко неутѣшительными: смертность въ тѣхъ тюрьмахъ, въ которыхъ эта система строго примѣняется, доходитъ до 8%, случаи умственнаго разстройства представляютъ собою 1,3% между мужчинами и до 3,6% между женщинами.

Принявъ къ соображенію какъ эти, такъ и нѣкоторыя другія данныя, комисія версальскаго законодательнаго собранія отвергла общее заключеніе арестантовъ и остановилась на предложеніи о введеніи во всѣхъ департаментскихъ тюрьмахъ келейной системы.

Съ принятіемъ этого въ принципѣ комисіи предстояло опредѣлить въ нѣкоторыхъ главныхъ чертахъ самыя условія содержанія преступниковъ въ кельяхъ. Въ Англіи, напримѣръ, келейная система не препятствуетъ тюремному начальству собирать арестантовъ во время прогулки, при богослуженіи и при нѣкоторыхъ передвиженіяхъ, вызываемыхъ тюремною жизнью. Сближеніе и разговоры между людьми устраняются разными предупредительными мѣрами. Но Бельгія, Голандія, Швеція и вообще государства, безусловно поклоняющіяся одиночному заключенію, признали болѣе полезнымъ отстранить всякое соприкосновеніе преступниковъ между собою; послѣдовательность системы въ иныхъ мѣстахъ доведена до того, что арестанты никогда даже не могутъ видѣть другъ друга. Въ Левенѣ или Моабитѣ, напримѣръ, арестанты по общимъ коридорамъ ходятъ не иначе, какъ въ маскахъ; при входѣ посторонняго посѣтителя въ келью, они обязаны тотчасъ надѣвать маску и не имѣютъ права снять ее въ присутствіи этого посѣтителя безъ разрѣшенія сопровождающаго его надзирателя. Французская комисія примкнула именно къ этому направленію. Она признала, что допускать свиданія и, слѣдовательно, знакомства между арестантами, — значило-бы рисковать потерю всѣхъ нравственныхъ послѣдствій, которыя достигаются одиночною системою. Малѣйшее отступленіе отъ безусловной послѣдовательности и строгости въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію версальской комисіи, можетъ повлечь за собою злоупотребленіе секретными сношеніями, а затѣмъ и возможность преступныхъ сговоровъ при совмѣстномъ освобожденіи изъ тюрьмы.

Если сношенія арестантовъ между собою вполне отвергнуты, какъ вредныя, то сношенія ихъ съ другими, довѣренными лицами, признаются комисією, напротивъ того, весьма полезными.

Главнѣйшею обязанностью всего тюремнаго персонала поставлено безпрерывное посѣщеніе заключенныхъ: священники, учителя, медики, надзиратели большую часть службы своей должны проводить въ объясненіяхъ съ арестантами. Сверхъ того, открытымъ въ кельи доступомъ должны пользоваться мастера, руководящіе арестантскими работами, члены наблюдательныхъ комисій, а равно покровительственныхъ надъ выпущенниками обществъ. Посѣщеніе заключенныхъ родными, нравственность которыхъ не будетъ представлять основаній къ сомнѣвію, признается также весьма полезнымъ.

Главною морализующею силою комисія считаетъ постоянную работу въ кельяхъ. Какъ-бы ни были установлены подробности этой стороны тюремнаго быта, т. е. будетъ-ли предоставлено самому арестанту просить себѣ занятій, или-же таковыя будутъ назначаться начальствомъ въ качествѣ развлеченія для состоящаго подъ слѣдствіемъ и въ качествѣ обязанности для приговореннаго на срокъ,—во всякомъ случаѣ, по мнѣнію комисіи, трудъ окажется для заключеннаго средствомъ сначала къ успокоенію возбужденныхъ при задержаніи страстей, а потомъ и къ непосредственному исправленію. Если исправленіе это, по испорченности нѣкоторыхъ натуръ, не коснется ихъ нравственной стороны, то во всякомъ случаѣ грубость нравовъ и отсутствіе всякаго развитія могутъ подвергнуться нѣкоторому смягченію. Обучение ремеслу и грамотѣ должно сдѣлать изъ арестанта человѣка болѣе развитаго и болѣе подготовленнаго къ борьбѣ съ жизнью, чѣмъ онъ былъ до поступленія въ тюрьму.

При такихъ условіяхъ келейное содержаніе признается комисіею достигающимъ въ теоріи тѣхъ трехъ условій, которыя должны составлять необходимую принадлежность всякаго правильно организованнаго наказанія, а именно: дѣйствительной кары преступника, устрашенія его на случай склонности къ совершенію впослѣдствіи новаго преступленія и прекращенія зловреднаго вліянія арестантовъ другъ на друга.

Принявъ одиночную систему за исходную точку реформы, комисія сочла нужнымъ разобрать, какія категоріи арестантовъ должны подвергаться такому заключенію. Относительно послѣдственныхъ и подсудимыхъ послѣ преній признано, что содержаніе ихъ въ кельяхъ, независимо отъ удовлетворенія потребностямъ

обвинительнаго и судебного процесса, окажется тѣмъ болѣе соотвѣтственнымъ, что они должны содержаться на мѣстѣ совершенія преступленія, т. е. въ департаментскихъ тюрьмахъ, для которыхъ именно и проектируется одиночная система. Противъ подобнаго разрѣшенія вопроса были высказаны, однакожь, довольно вѣскія замѣчанія. Нѣкоторые члены комисіи указывали, что именно во время предварительнаго содержанія проявляются съ наибольшою яркостью всѣ неудобства вѣлейной системы. Задержанный и безъ того пораженъ самымъ фактомъ своего ареста; первыя впечатлѣнія легко ведутъ къ отчаянію, а ходъ слѣдствія и приготовленіе къ защитѣ увлекаютъ его на пути чрезвычайнаго возбужденія. При этихъ условіяхъ безусловное одиночество можетъ привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Несмотря на основательность этихъ возраженій, комисія осталась при своемъ мнѣніи. Она не приняла во вниманіе и того обстоятельства, что слѣдователь нерѣдко заключаетъ въ тюрьму невиннаго человѣка. Комисія продолжала твердить, что при общемъ содержаніи, даже и невинный, входя въ соприкосновеніе съ преступниками, легко можетъ подвергнуться вліянію развращенной среды. „Справедливоли, говорилъ одинъ изъ членовъ, — чтобы честный человѣкъ, брошенный на нѣсколько дней въ тюрьму вслѣдствіе полицейскаго недоразумѣнія, былъ поставленъ въ возможность встрѣтиться впоследствии съ преступникомъ, который можетъ назвать его товарищемъ по заключенію?..“ „Поэтому-то, говоритъ комисія, — введеніе одиночнаго содержанія предъварительныхъ арестантовъ оказывается необходимымъ въ видахъ не только челоуѣолюбія, но и общественной пользы. Личная безопасность оказалась-бы недостаточно обезпеченною, если-бы неправильно обвиняемое лицо должно было, вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ потребностей и безъ того непріятнаго судебного процесса, подвергаться еще подобной опасности“. Доводъ этотъ, по большинству голосовъ, признанъ тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что, по статистическимъ цифрамъ за 1869 годъ, число привлеченныхъ къ суду, но неподлежавшихъ наказанію лицъ показано превышающимъ 10 тысячъ человѣкъ.

По дѣйствующему во Франціи закону, срочные арестанты, какъ и у насъ, должны быть отдѣлены отъ подслѣдственныхъ. Но въ обоихъ государствахъ условіе это на практикѣ не выполняется. Къ тому-же оно неудобно, такъ-какъ самихъ подслѣдственныхъ

слѣдовало-бы разбивать на нѣсколько категорій. Отдѣленія предварительныхъ арестантовъ заключаютъ въ себѣ, особенно въ большихъ городахъ, массу преступниковъ, уже вытерпѣвшихъ преддущее наказаніе, а рядомъ съ ними людей, хотя еще и не наказанныхъ, но тѣмъ не менѣе очевидно виновныхъ. Сверхъ того, тутъ-же сосредоточена толпа бездомныхъ бродягъ, нищихъ, людей безъ опредѣленныхъ занятій, а въ женскихъ камерахъ — публичныхъ женщинъ, т. е. такой народъ, который представляетъ собою болѣзненное отложеніе городскихъ населеній. Во Франціи на это обстоятельство давно было обращено вниманіе и сознана необходимость выдѣленія въ особыя камеры нѣкоторыхъ изъ числа арестантовъ предварительнаго содержанія, которымъ по воспитанію ихъ, по нравственному уровню, наконецъ по общественному положенію общая жизнь съ прочимъ тюремнымъ населеніемъ должна показаться невыносимою. Такому выдѣленію присвоено названіе „la pistote“. Примѣненіе этой привилегіи можно встрѣтить во всякой тюрьмѣ. Главнѣйшее неудобство при этомъ заключается въ томъ, что привилегія дается преимущественно тому, кто имѣетъ болѣе средствъ и связей, а не тому, кто дѣйствительно заслуживаетъ снисхожденія. Введеніе келейнаго содержанія признается комисією ничѣмъ инымъ, какъ обобщеніемъ этого, вынужденнаго практикою, порядка.

Затѣмъ на обсужденіе комисіи поступилъ вопросъ, какіе арестанты, кромя подслѣдственныхъ, подлежатъ содержанію въ департаментскихъ тюрьмахъ? Срочное заключеніе, по французскому закону, примѣняется въ двухъ формахъ: какъ смирительный домъ (maison de correction) и какъ безусловное заключеніе (réclusion). Подраздѣленіе это до извѣстной степени сходно съ существующимъ въ Россіи, гдѣ тюрьмы, смирительныя и рабочіе дома, служатъ для краткосрочнаго, а арестантскія роты и исправительныя отдѣленія для среднесрочнаго заключенія. Въ проектѣ новой лѣстницы наказаній, внесенномъ министерствомъ юстиціи въ государственный совѣтъ, раздѣленіе срочнаго заключенія по продолжительности сроковъ проектировано съ полною послѣдовательностью: для краткосрочныхъ предполагается учредить смирительныя, а для среднесрочныхъ — исправительныя дома. Но затѣмъ по вопросу о переполненіи этихъ двухъ видовъ тюремъ обнаруживается у насъ фактъ, совершенно противоположный существую-

щему во Франціи. У насъ переполнены въ особенности арестантскія роты, гдѣ излишекъ населенія доходитъ до 37 процентовъ, и поэтому люди, приговоренные къ арестантскимъ ротамъ, отбываютъ часто свои сроки въ городскихъ острогахъ. Во Франціи, наоборотъ, часть приговоренныхъ къ смирительному дому, помещающаяся въ мѣстныхъ острогахъ, а именно подвергающаяся тюремному содержанію на сроки болѣе года, распределяется между центральными правительственными тюрьмами.

Подобное распределеніе приговоренныхъ естественно вызвало въ версальской комисіи вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли одиночное содержаніе, устанавливаемое для департаментскихъ тюремъ, распространить и на тѣхъ изъ преступниковъ, отбывающихъ сроки въ центральныхъ тюрьмахъ, которые присуждены къ смирительному заключенію? Отвѣтъ получился отрицательный. Такое распространеніе признано непрактичнымъ, потому что оно отдаляло вѣроятность скорѣйшаго осуществленія всѣхъ новыхъ предположеній;—тѣмъ болѣе, что помещеніе арестантовъ, подлежащихъ смирительному заключенію, въ центральныя тюрьмы есть фактъ, вынужденный необходимостью, но не легальный. Заключаемые по необходимости въ центральныя тюрьмы, арестанты лишаются утѣшеній, помощи, поддержки, которыми они могли-бы пользоваться вблизи своего мѣстожителства отъ своихъ родныхъ и земляковъ. Разъ, что будетъ приступлено къ реформѣ департаментскихъ тюремъ, необходимо, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ комисіи, поставить эти заведенія въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной потребностью и обратить весь тотъ контингентъ приговоренныхъ къ смирительному заключенію, который распределенъ по правительственнымъ тюрьмамъ. Законъ будетъ неполонъ и не достигнетъ цѣли, если онъ не коснется низшей ступени лѣстницы наказаній. Раздѣленіе способовъ выполненія наказанія на два вида, смотря по тому, гдѣ отбывается наказаніе, въ существѣ своемъ должно быть признано неправильнымъ и могущимъ привести къ ниспроверженію послѣдовательности всей лѣстницы, такъ-какъ наказанія на срокъ менѣе года отличались-бы большею строгостью, а болѣе важныя преступленія наказывались-бы относительно легче.

На это мнѣніе со стороны большинства комисіи послѣдовалъ отвѣтъ, что хотя указываемый недостатокъ нынѣшняго порядка дѣйствительно весьма важенъ, но устраняя его, надобно имѣть

въ виду, чтобы устраненіе не задержало осуществленія реформы. Средствомъ къ такому исходу представляется разрѣшеніе приговореннымъ къ смирительному дому на срокъ болѣе года просить о помѣщеніи ихъ въ кельи, и, въ такомъ случаѣ, или оставлять ихъ при департаментскихъ тюрьмахъ, или-же сосредоточить въ особыхъ учрежденіяхъ, предназначенныхъ только для этой категоріи преступниковъ. Такимъ образомъ, вопросъ о центральныхъ тюрьмахъ остался совсѣмъ въ сторонѣ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть практическій пріемъ людей, работающихъ надъ реформой тюремъ во Франціи.

Такимъ образомъ, было рѣшено, что заключенію въ кельяхъ департаментскихъ тюремъ должны подлежать подслѣдственные и тѣ изъ срочныхъ арестантовъ, которые приговорены не болѣе, какъ на одинъ годъ и одинъ день. Этотъ срокъ признанъ наиболѣе соотвѣтственнымъ для отдѣленія краткосрочнаго наказанія отъ среднесрочнаго въ виду согласованія его съ дѣйствующею доселѣ лѣстницею наказаній.

Чтобы дать полное понятіе о существѣ проектированнаго во Франціи закона о тюрьмахъ, необходимо перейти къ вопросу о сокращеніи сроковъ заключенія въ тюрьмѣ. Этотъ вопросъ для русскаго читателя тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ подалъ поводъ къ разногласію при разработкѣ у насъ проекта тюремнаго преобразованія. Нѣкоторые лица у насъ признавали необходимымъ, при замѣнѣ простаго заключенія, опредѣляемаго судомъ, одиночнымъ, сокращать срокъ на одну половину, другіе — на одну треть, третьи — на одну четверть. Окончательнаго соглашенія не послѣдовало, но при расчетѣ количества необходимыхъ помѣщеній высказано предположеніе, что число краткосрочныхъ можетъ сократиться сравнительно съ теперъ существующимъ на половину.

Комисія французскаго законодательнаго собранія обратила вниманіе на то, что совмѣстное существованіе двухъ родовъ выполненія одного и того-же наказанія, изъ которыхъ одинъ отличается болѣею строгостью, чѣмъ другой, — несомнѣнно приводитъ къ необходимости установить на прочныхъ основаніяхъ взаимное отношеніе между ними. Разумѣется, можно-бы было предоставить судебной власти принимать въ соображеніе предстоящій подсудимому способъ отбыванія срока наказанія, по условіямъ той тюрьмы, въ которую онъ будетъ отосланъ, и, въ слу-

чаѣ келейнаго ея устройства, сокращать этотъ срокъ. Но, съ одной стороны, суду не всегда можетъ быть извѣстно, въ какую именно тюрьму будетъ направленъ подсудимый, такъ-какъ распредѣленіе арестантовъ зависитъ отъ соображеній чисто-административныхъ, а съ другой—различіе во взглядахъ судей на относительное значеніе келейнаго заключенія могло-бы повести къ совершенному отсутствію единства въ способахъ примѣненія наказаній. Въ значительномъ числѣ государствъ, допустившихъ введеніе одиночной системы, какъ, наприимѣръ, въ Бельгій и Голландіи, предпочли установить общее правило, по которому соотвѣтствіе между келейнымъ и общимъ заключеніемъ установлено разъ на всегда въ законѣ. При этомъ порядкѣ лѣстница наказаній могла остаться безъ измѣненій; судъ примѣняетъ ее на прежнемъ основаніи; замѣна судебного срока болѣе короткимъ дѣлается тюремною администраціею, по простому арифметическому расчету. Въ Бельгій замѣна эта не только пропорціональна сроку, но пропорціональность эта измѣняется и сокращеніе увеличивается сообразно значительности наказанія; такъ годичный приговоръ, въ случаѣ выполнения его въ одиночной тюрьмѣ, сокращается менѣе, чѣмъ на четверть; пятилѣтній приблизительно на треть; двадцатилѣтній болѣе, чѣмъ на половину. Видимо, законодатель стремился къ тому, чтобы не допускать одиночнаго содержанія, превышающаго 10 лѣтъ. Французской комисіи не представлялось надобности обращаться къ подобному прогрессивному сокращенію сроковъ, такъ-какъ предлагаемая ею реформа касается не всей карательной системы, а только краткосрочныхъ наказаній. Она предпочла голандскую практику, по которой судебный срокъ сокращается во всѣхъ случаяхъ по одинаковому расчету.

Комисія рѣшительно отвергла предположеніе о сокращеніи сроковъ на половину. По ея убѣжденію, сокращеніе на четверть устанавливаетъ достаточное равновѣсіе при замѣнѣ общаго заключенія одиночнымъ. Даже и подобное сокращеніе она признала не безусловно примѣнимымъ. Самыя кратковременныя наказанія, не свыше трехъ мѣсяцевъ, признаны неподлежащими вовсе сокращенію, потому что одиночное заключеніе, по убѣжденію комисіи, не можетъ достигать никакой обуздательной цѣли при слишкомъ краткихъ срокахъ. Въ силу этихъ-же соображеній, предположено

для лицъ, поступающихъ въ келейную тюрьму по собственному желанію, изъ числа приговоренныхъ на болѣе продолжительное время, производить расчетъ сокращенія за ту только часть срока, которая будетъ превышать шесть мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, высшій предѣлъ одиночнаго заключенія опредѣленъ комисією девятью мѣсяцами. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія французскаго и русскаго проектовъ почти сошлись, потому что и у насъ всѣ предположенія о размѣрахъ краткосрочнаго одиночнаго заключенія ограничивали его восемью мѣсяцами.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ способахъ, которые имѣются въ виду для приведенія проекта въ исполненіе.

Французское законодательство издавна допустило юридическую фикцію, которой у насъ не существуетъ, что департаментъ представляетъ собою юридическое лицо, имѣющее право на собственность и на всякія юридическія дѣйствія. Въ силу этой фикціи мѣстныя, не центральныя тюрьмы съ 1811 года считаются принадлежащими департаментамъ. Содержаніе арестантовъ возложено на государственный бюджетъ, но правительство, имѣющее право вводить въ этихъ тюрьмахъ тотъ порядокъ, который оно сочтетъ полезнымъ, не можетъ безъ согласія мѣстныхъ учреждений производить въ зданіяхъ передѣловъ или приспособленій, — болѣе того, оно не имѣетъ возможности обязать департаментъ къ какому-бы то ни было издержкамъ, хотя-бы въ нихъ чувствовалась крайняя необходимость. Зданія могутъ рушиться, становиться опасными для ихъ обитателей, приходитъ въ такое положеніе, при которомъ побѣги представляются возможными, правительство не обладаетъ средствами, чтобы устранить эти неудобства, если генеральный департаментскій совѣтъ проникнется излишне экономическимъ направленіемъ.

Комисія сознаетъ ненормальность этого положенія и ищетъ средствъ изъ него выпутаться. Она не признаетъ возможнымъ обратить зданія въ собственность государства, но заявляетъ мнѣніе, что издержки на приведеніе реформы въ исполненіе должны относиться въ равной мѣрѣ и къ государству, и къ департаментамъ. Обязанность правительства нести часть этихъ издержекъ не подлежитъ спору, потому что тюрьмы имѣютъ общее государственное значеніе. Если обязанность департаментовъ нести часть

расхода не представляется на-столько-же безспорною, то во всякомъ случаѣ мѣстныя учрежденія на-столько-же заинтересованы въ реформѣ, какъ и правительство. Въ виду этихъ соображеній комисія предложила генеральнымъ совѣтамъ высказаться, въ какомъ размѣрѣ департаменты желаютъ участвовать въ расходахъ на реформу и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставила имъ право войти въ переговоры съ правительствомъ объ уступкѣ тюремныхъ зданій на условіяхъ, которыя должны быть опредѣлены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Размѣръ участія правительства и генеральныхъ совѣтовъ въ перестройкахъ и возведеніи новыхъ зданій долженъ быть утвержденъ государственнымъ совѣтомъ; проекты, планы и сметы будутъ составляться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по выслушаніи заключеній генеральныхъ совѣтовъ. Къ работамъ предположено приступить постепенно, по мѣрѣ открытія необходимыхъ для того средствъ.

Опредѣлить положительно размѣры предстоящихъ расходовъ комисія признала невозможнымъ; однакожъ, внимательное изученіе статистическихъ цифръ тюремнаго населенія и соображеніе ихъ съ цѣнностью произведенныхъ уже построекъ даетъ возможность сдѣлать приблизительный расчетъ.

Среднее число содержащихся въ департаментскихъ тюрьмахъ—отъ 20 до 21 тысячи человекъ (съ 1865 по 1869 гг., по пятилѣтней сложности). Слѣдовательно, новыя тюрьмы необходимо устроить на это число заключенныхъ. Но такъ-какъ въ тюремной жизни есть моменты, когда нормальные размѣры тюремнаго населенія внезапно измѣняются и оно несоразмѣрно увеличивается, то сочтено полезнымъ надбавить приведенную цифру еще на треть. Въ пополненіе образующейся такимъ образомъ потребности въ 28 тысячахъ келій теперь существуетъ уже 7,500; слѣдовательно, дѣйствительная надобность опредѣляется 21 тысячею келій. Эта цифра еще сокращается, по двумъ основаніямъ: 1) вслѣдствіе сокращенія сроковъ содержанія большей части арестантовъ на одну четверть противъ приговоровъ, и 2) вслѣдствіе ожиданія, что одиночное заключеніе произведетъ извѣстное впечатлѣніе на тѣ классы, въ которыхъ преступленія проявляются чаще, и устранить изъ тюремъ нѣкоторую часть рецидивистовъ. Такимъ образомъ, 18 тысячъ новыхъ келій признаны крайнимъ

предѣломъ, до котораго можетъ дойти примѣненіе проектируемаго преобразованія.

Стоимость возведенія тюремъ опредѣляется въ Бельгіи въ 4,000, въ Голандіи въ 4,200 франковъ на келью. По соображенію стоимости тѣхъ тюремъ, которыя были построены по одиночной системѣ во Франціи, цѣнность кельи доходила въ двадцатыхъ годахъ до 2,700 франковъ, въ 30-хъ и 40-хъ превосходила 2,400 франковъ, а въ 50-хъ — 3,200 франковъ. Относительная, сравнительно съ бельгійскими и голандскими тюрьмами, дешевизна должна быть приписана тому обстоятельству, что французскія тюрьмы въ большей части случаевъ строились на такихъ участкахъ, за которые не надо было вносить особой платы. Съ прибавкою стоимости мебели для новыхъ зданій, окончательная цифра предполагаемой цѣнности каждой вновь устраиваемой кельи опредѣлена въ 3,500 франковъ, что на 18 тысячъ келій составитъ 63 миліона франковъ.

Комисія заключаетъ свой расчетъ разсужденіемъ, что расходваніе столь значительной суммы несомнѣнно должно быть разложено на значительное число лѣтъ. Главнѣйшимъ условіемъ успѣха реформы признается установленіе положительной системы преобразованія, для того, чтобы ежегодныя передѣлки и приспособленія производились въ духъ этой системы. Разъ, что этотъ вопросъ будетъ окончательно разрѣшенъ, постепенное примѣненіе новыхъ порядковъ будетъ дѣломъ времени. „Бельгія, говоритъ комисія, — втеченіи 20 лѣтъ работаетъ надъ реформой, которая и до сихъ поръ еще окончательно не выполнена, что нисколько не мѣшаетъ ей твердыми шагами продолжать движеніе по избранному пути“.

В. Ю.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО *).

(Переводъ съ итальянскаго.)

ГЛАВА I.

СВѢТЛѢЙШАЯ РЕСПУБЛИКА ВЕНЕЦІАНСКАЯ, ПРОВИНЦІЯ ФРИУЛЬ,
ЗАМОКЪ ФРАТА И ЕГО КУХНЯ ВЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ
XVIII ВѢКА.

Восемдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, феодализмъ процвѣталъ въ Европѣ, повидимому, такъ-же безусловно и непоколебимо, какъ въ XIV или XV вѣкѣ. Правда, онъ подвергался рѣзкимъ нападкамъ въ книгахъ философовъ и въ салонахъ либеральныхъ аристократовъ и буржуа, но въ коренныхъ центрахъ европейскаго міра, въ Англіи, во Франціи, въ юж-

*) Романъ этотъ принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній итальянской литературы и написанъ въ формѣ автобіографіи. Авторъ этого романа Ньево родился въ Падую, въ 1832 году; учился въ Веронѣ, Мантуѣ и въ пизанскомъ университетѣ. 17 лѣтъ онъ принималъ участіе въ борьбѣ за освобожденіе Італіи и послѣ неудачнаго окончанія этой войны возвратился въ Падую ованчивать университетскій курсъ. Первое литературное произведеніе его напечатано въ газетѣ „Фриульскій Алхимикъ“ въ 1852 году. Въ 1855—57 годы онъ написалъ и напечаталъ драму „Галилей“ и повѣсти: „Графъ-пастухъ“ и „Ангель доброты“. Въ 1857 и 1858 годахъ, живя въ Фриуль, въ замкѣ Коллоредо, онъ написалъ „Исповѣдь старика“—романъ, доставившій ему литературную славу во всей Італіи. Въ 1859 году онъ снова принималъ участіе въ войнѣ за независимость противъ австрійцевъ, а въ 1860 году отправился съ Гарibaldi, въ составъ его знаменитой „тысячи“, въ Сицилію. Ньево погибъ въ 1861 году во время крушенія парохода „Геркулесъ“.

ной и средней Германіи, въ Испаніи, въ Италіи все оставалось неизмѣннымъ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Всѣ учрежденія, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, отъ святѣйшаго престола папы до послѣдняго цеха, были освящены такою почтенной древностью, что не могли не представлять всѣ гарантіи самой непоколебимой прочности.

Не измѣнилось, повидимому, ничего и въ старинныхъ учрежденіяхъ „свѣтлѣйшей“ республики венеціанской, которая въ скоромъ времени, черезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ, должна была праздновать тысячелѣтній юбилей избранія своего перваго дожа, — избранія, совершившагося, какъ каждому извѣстно, въ годъ благодати 797-й. И хотя Луиджи Аламани, поэтъ XVI вѣка, имѣлъ дерзость пророчить въ своихъ сатирахъ, что республика не доживетъ до этого юбилея:

Le non congì pensier, l'un secol solo
Non conterà sopra il millesim'anno
Tua libertà, che va fuggendo a volo—

но можно-ли вѣрить поэту, когда, проживъ почти тысячу лѣтъ, республикѣ остается всего какихъ-нибудь 15 лѣтъ до своего юбилея?

И какой славы полны эти тысяча лѣтъ! Царицей морей прозвали народы „свѣтлѣйшую“, и если вѣнскій цезарь считалъ свою власть происходящей отъ божественнаго Юлія и вѣчнаго Рима, то „свѣтлѣйшая“ съ полнымъ правомъ могла называть себя преемницей Тира и Карфагена. Ея оружіе сокрушило имперію Константина. Ея флоты остановили грозу турокъ и въ ея исторіи блистали имена Леванта и Кандіи, Дандоло и Морозини. Какъ нѣкогда герой македонскій военными подвигами связалъ силой Азію съ Европой, такъ послѣ долгаго разрыва граждане Венеціи, мирные герои торговли, снова завязали порвавшуюся связь между этими двумя мірами. Возникши, какъ чудо, среди моря, Венеція сдѣлалась звеномъ между ними и черезъ нее полились въ Европу сокровища Азіи, и европейскому уму открылся доступъ въ завѣтныя тайны азіатской цивилизаціи.

Въ числѣ владѣній „владычествующей“ республики была провинція Фріуль. Правда, въ прошломъ вѣкѣ „владычествующая“, была уже довольно пообщипана и часть древней фріульской Мархин, Градиска, Герцъ и Триестъ до рѣки Изонцо, принадлежали

уже Австріи. Венеціанская часть естественнымъ образомъ раздѣлялась на двѣ области—горную, ближайшую къ австрійской границѣ, и низменную, при рѣкѣ Тальяменто; политическія условія этихъ двухъ областей были не одинаковы. Крѣпкое горное положеніе и сосѣдство съ сильной Австріей давало одной изъ нихъ нѣкоторую независимость, тогда какъ другая находилась въ безпрекословномъ повиновеніи у правительства „свѣтлѣйшей“. Но эта разниа существовала только для 60 или 70 феодальныхъ семействъ, которыя принадлежала страна; масса-же населенія не знала другихъ властей, кромѣ этихъ феодаловъ, за исключеніемъ свободныхъ городскихъ и немногихъ сельскихъ общинъ. Выборные этихъ общинъ составляли за одно съ феодалами парламентъ страны, право котораго состояло въ утвержденіи распоряженій, заранѣе принятыхъ „превосходительнымъ совѣтомъ десяти“ по соглашенію съ намѣстникомъ провинціи.

Вообще говоря, для всѣхъ владѣвшихъ обширными наследственными правами, для всѣхъ необремененныхъ большими обязанностями и желавшихъ сохраненія такого порядка, венеціанское владычество было, пожалуй, даже желаннымъ. Венеція сохраняла во Фріулѣ всѣ порядки, существовавшіе въ странѣ въ то время, когда она еще пользовалась независимостью, хотя, правда, теперь ея парламенты и статуты были только призракомъ свободной общественности; быть можетъ, нѣкогда, въ нихъ былъ зародышъ жизнеспособности, но подъ крыльями венеціанскаго льва онъ превратился въ глубокой индифферентизмъ къ общественнымъ интересамъ и въ полное подчиненіе власти венеціанской республики. Турецкіе набѣги съ конца XIV вѣка поддерживали въ странѣ хроническій страхъ передъ этими врагами, и для многихъ подчиненіе Венеціи, этой грозѣ оттомановъ, казалось счастіемъ. Но хитрая и скуная республика, желая удерживать за собой свое пріобрѣтеніе и не довѣряя вѣрноподданничеству населенія, не хотѣла вмѣстѣ съ тѣмъ тратиться на содержаніе военной силы, нужной для удержанія края въ повиновеніи. Она искала и нашла даровыхъ пособниковъ въ феодальныхъ владѣльцахъ страны. Отсюда ея терпимость въ отношеніи древнихъ феодальныхъ порядковъ, которые подъ ея властью увѣковѣчились, какъ все увѣковѣчивалось въ ней. Фріульское дворянство продолжало жить баронами въ своихъ замкахъ три вѣка спустя послѣ того, какъ собраты ихъ въ другихъ странахъ стали

жить въ городахъ и уступили нѣкоторыя изъ своихъ правъ. Древнія доблести управляющаго класса, какъ въ Венеціи, такъ и здѣсь, поблекли и измельчали. Мужество превратилось въ жестокость, достоинство въ чванство, гостепріимство въ наглое укрывательство и покровительство грубѣйшихъ насилій. Венеціанскіе правители дремали, а когда просыпались и карали, то ихъ правосудіе совершалось тайкомъ, какъ преступленіе, являясь исключеніемъ, а не правиломъ. За однимъ республика зорко слѣдила въ Фріулѣ—за политическими симпатіями феодаловъ. Дворянство раздѣлялось на партіи: венеціанскую, преобладавшую въ низменной странѣ, и цезарскую—въ горной, и отъ времени до времени месть крылатаго льва постигала того или другого изъ невѣрныхъ феодаловъ. Но эта расправа, иногда ужасная въ своей таинственности, часто терпѣла неудачи и встрѣчала отпоръ, выказывавшіе въ жалкомъ свѣтѣ безсиліе этого правосудія.

Требуя отъ бароновъ только вѣрности, республика затѣмъ предоставляла имъ почти полный произволь въ зависѣвшихъ отъ нихъ общинахъ. Каждый изъ бароновъ держалъ на жалованьи наемныхъ солдатъ, кроатовъ и албанцевъ, отчаянныхъ буиновъ, которые никогда не бывали на войнѣ, но были мастера грабить, и изъ корыхъ рѣдкій не имѣлъ на душѣ нѣсколькихъ убійствъ. Вполнѣ завися отъ феодала, который могъ во всякое время повѣсить любого, такъ-какъ всѣ они давно заслужили висѣлицу, эти бандиты служили ему вѣрой и правдой и наводили ужасъ на мирныхъ гражданъ. Каково было положеніе населенія при такихъ порядкахъ, таково-же было и положеніе страны. Она была почти въ томъ-же непривлекательномъ состояніи, въ какомъ она находилась 1,000 лѣтъ тому назадъ. Это былъ край почти совершенно дикій. Дорогъ не существовало, т. е. онѣ находились въ такомъ видѣ, что, напр., я помню, какъ на разстояніи четырехъ миль отъ Коллоредо до Колальто къ четвергѣмъ здоровыхъ лошадей приходилось мѣстахъ въ десяти припрягать еще по двѣ пары воловъ, чтобы тащить колымагу по сухимъ русламъ ручьевъ, представлявшихъ во многихъ мѣстахъ единственные пути сообщенія.

Однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ феодальныхъ владѣльцевъ низменности былъ графъ Фрата, замокъ котораго величественно возвышался въ округѣ Портогруаро. Это было огромное зданіе со многими башнями и башенками, съ подземнымъ мостомъ, развали-

вавшимися отъ ветхости, и съ живописными готическими окнами. Глубокіе рвы окружали его стѣны; въ нихъ въ сухое время года паслись овцы, а въ мокрое—квакали лягушки. Крыша этого величественнаго зданія поражала множествомъ высившихся на ней трубъ, дававшихъ ей видъ шахматной доски въ серединѣ партіи, и если у древнихъ рыцарей было хотя по одному ратнику на каждую трубу, то нѣтъ сомнѣнія, что замокъ имѣлъ въ то время самый многочисленный гарнизонъ, когда-либо охранявшій феодальное гнѣздо. Но въ настоящее время, т. е. въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, весь замокъ представлялъ картину ветхости и запустѣнія. Большая часть этихъ трубъ были разрушены и среди всѣхъ ихъ только одна, уподобляясь волкану передъ изверженіемъ, почти непрерывно испускала густые клубы чернаго дыма.

Теперь мы дошли до главной достопримѣчательности замка. Мнѣ не случалось видѣть ни Клосса Родосскаго, ни египетскихъ пирамидъ, и потому величайшимъ памятникомъ архитектуры я признаю кухню замка Фрата и ея очагъ. Миланскій соборъ и храмъ св. Петра въ Римѣ достопримѣчательны, конечно, но далеко не имѣютъ того характера величія и прочности, какъ архитектурное чудо въ замкѣ Фрата. Нѣчто похожее я нахожу только въ гробницѣ Адриана, но и та утратила много величія, превратившись въ замокъ Св. Антела. Фратская кухня представляла обширнѣйшую хранину, потолокъ которой возносился къ небесамъ куполомъ, гдѣ обиталъ вѣчный мракъ; на громадныхъ стѣнахъ, прорѣзанныхъ немногими огромными окнами, были всѣ переходы тѣни и свѣта; изъ мрачныхъ угловъ, какъ глаза страшилищъ, сверкали ярко вычищенные дна кастрюль и котловъ; чудовищные поставцы, колоссальнѣйшіе шкафы, безконечные столы тянулись вдоль стѣнъ. На шеафахъ, на скамьяхъ и стульяхъ гнѣздились несмѣтныя полчища разношерстнѣйшихъ кошекъ, придавая кухнѣ таинственный видъ лабораторіи вѣдьмъ. Но все это было ничто въ сравненіи съ очагомъ. Онъ возвышался, какъ гигантская пещера, какъ преддверье ада, полный таинственныхъ сумерекъ, гдѣ блистали краснымъ свѣтомъ огромныя головы. Тамъ вѣчно возносились въ невѣдомую мглу павѣса густые клубы сѣраго дыма; тамъ вѣчно слышалось глухое хлопотаніе бобовъ въ чудовищныхъ котлахъ; тамъ возсѣдалъ на древнихъ законченныхъ сѣдалищахъ синедріонъ фигуръ важныхъ, насупленныхъ и дремяющихъ. Но едва раздавался звонъ

вечерней молитвы и переставалъ гудѣть послѣдній ударъ ангелуса, какъ сцена измѣнялась, лица оживлялись, и часы свѣта наступали для этихъ обитателей мрака. Старая кухарка зажигала четыре лампы—двѣ подѣ навѣсомъ очага и двѣ по сторонамъ лоретской Мадонны. Вооруженная непомѣтными щипцами, кухарка переворачивала затѣмъ головни, покрывшіяся пепломъ, и бросала на нихъ связку хвороста и можжевельника. Мигомъ вспыхивало огромное пламя, вершина котораго исчезала въ неизмѣримой глубинѣ навѣса, и при этомъ яркомъ свѣтѣ вырисовывались разнообразныя фізіономіи населенія кухни.

Графъ Фрата былъ человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ; онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ такъ прямо и неподвижно, что казался закопаннымъ въ желѣзные латы, подобно своимъ предкамъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи парикъ съ кошелькомъ, длинный сѣрый скюртукъ съ красными отворотами и обшлагами и табакерка, постоянно вращавшаяся въ пальцахъ, разрушали эту иллюзію. Правда, между колѣнъ его торчала шпага или, по крайней мѣрѣ, ножны ея съ рукояткой, потому что въ существованіи клинка графъ никогда не пытался убѣдиться, ветхость-же рукоятки и ноженъ невольно вызывала сомнѣніе въ бытіи этого орудія разрушенія. Графъ былъ всегда тщательно выбритъ, держалъ постоянно подѣ мышкой синій носовой платокъ и хотя рѣдко выходилъ пѣшкомъ, верхомъ-же никогда не ѣздилъ, носилъ съ утра до ночи огромные ботфорты со шпорами. Эти ботфорты были нѣмымъ свидѣтельствомъ симпатіи графскаго рода къ прусской партіи, и хотя войны въ Германіи давно прошли, но графскія шпоры не переставали грозить цезарской партіи. Когда графъ говорилъ, даже мухи переставали жужжать; когда онъ замолкалъ, всѣ словами или тѣлодвиженіями выражали согласіе; когда онъ улыбался, всѣ смѣялись; когда онъ чихалъ, хотя-бы отъ табаку, восемь или девять голосовъ восклицали: На здоровье! На счастье! Будьте здоровы! Богъ да хранить вашу милость! Когда онъ вставалъ, всѣ вставали; когда уходилъ, всѣ, даже кошки, глубоко вздыхали, какъ-будто у нихъ сняли камень съ груди. Но всѣхъ громче вздыхалъ канцеліере (правитель канцеларіи), если графъ не приказывалъ ему знакомъ слѣдовать за собой и оставлялъ его грѣться передъ очагомъ. Впрочемъ, это случалось рѣдко. Обыкновенно онъ былъ тѣнью графа. Они оба въ одно мгновеніе вставали, садились, вѣстѣ ходили, и графъ черезъ каждые три

шага оборачивался посмотреть, слѣдуетъ-ли за нимъ его тѣнь. Канцеліере покорился своей участи и проводилъ большую половину своего дня въ томъ, что поднималъ платокъ своего господина, желалъ ему здравствовать при каждомъ чихѣ, подтверждалъ всѣ его замѣчанія и почтительнѣйше докладывалъ ему о дѣлахъ. Когда, напримѣръ, вассалъ, обвиняемый въ присвоеніи первыхъ плодовъ графскихъ огородовъ, отвѣчалъ на отеческія распеканія канцеліере тѣмъ, что совалъ ему въ руку полдуката, какъ противоядіе противъ плети, правитель канцеляріи докладывалъ синьеру, что таковой-то, уstraшенный строгимъ правосудіемъ его сіятельства, повергаетъ себя на его милость и, раскаяваясь въ своемъ преступленіи, готовъ воздать всякую пеню, какую его милости будетъ благоугодно назначить. Тогда графъ выпускалъ вздохъ, забирая въ себя столько воздуха, что его хватило-бы на поддержаніе въ живыхъ Голиафа втеченіи цѣлой недѣли, и отвѣтствовалъ, что милосердіе Божіе должно сопровождать правосудіе судовъ и что онъ готовъ простить кающемуся. Канцеліере имѣлъ видъ на-столько-же уничиженный, на-сколько патронъ его былъ величественъ, и занималъ на свѣтѣ такъ-же мало мѣста, какъ тотъ много. Полагаю, что за вычетомъ вѣса саноговъ, парика, одежды и шапки канцеліере, тѣло его не потянуло-бы больше 20 фунтовъ, считая въ томъ числѣ вѣрныхъ четыре фунта на феноменальный зубъ, тщетно скрываемый подъ огромнымъ накрахмаленнымъ жабо. Что касается до отправленія имъ правосудія, то вообще онъ не былъ строгъ къ подсудимымъ, особенно если они имѣли съ собой вышеупомянутое противоядіе, и я помню только два случая плеточной экзекуціи на фратскомъ дворѣ. Притомъ старикъ Маркетто, по прозванію Костоломъ, которому поручалась должность экзекутора, былъ очень добрый старикъ и при всемъ кажущемся усердіи маневрировалъ своей плетью такъ, что въ худшемъ случаѣ спина заживала на седьмой день. Самъ-же графъ скрывался, какъ древній фатумъ, въ верхнихъ облакахъ Олимпа и не пользовался ни любовью, ни ненавистью своихъ вассаловъ. Передъ нимъ снимали шапки и стремглавъ сворачивали возы въ канаву, когда графскій кучеръ съ выскоты колымаги за полмили кричалъ: дорогу графу!

У графа былъ братъ, совсѣмъ на него непохожій. Онъ былъ почетнымъ каноникомъ портогруарскаго соборнаго капитула и былъ самымъ круглымъ, гладкимъ и сладкимъ изъ всѣхъ существующихъ

на свѣтѣ канониковъ; это былъ мирный человѣкъ, мудро дѣлившій свою жизнь между столомъ и молитвенникомъ, не выказывая предпочтенія ни одному, ни другому. Монсиньеръ Орландо, какъ свидѣтельствуеть его имя, не былъ съ дѣтства предназначенъ на служеніе католической церкви. Генеалогическое древо графовъ Фрата гордилось въ каждомъ поколѣніи военной славой, и Орландо былъ предназначенъ продолжать эту традицію. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Будущій генералъ выказалъ такое отвращеніе къ оружію, что еще ребенкомъ даже мясо упорно рѣзалъ ложкой. Такимъ образомъ, послѣ тщетныхъ усилій пристрастить его къ военному дѣлу и отвадить отъ пѣнія въ носѣ церковныхъ гимновъ, огорченному родителю пришлось согласиться, чтобы графъ Орландо сдѣлался монсиньеромъ Орландо.

Впрочемъ, замокъ не терпѣлъ недостатка и въ представителѣ военной доблести. Ее изображалъ капитанъ Сандрака, во что-бы то ни стало желавшій быть кроатомъ, хотя всѣ знали, что онъ родомъ изъ Понте ди-Пиаве. Это былъ самый долговязый человѣкъ въ округѣ и богиня красоты и граціи, конечно, не присутствовала при его рожденіи. Тѣмъ не менѣе онъ тратилъ ежедневно добрый часъ времени на приданіе своей фізіономіи еще большаго безобразія, чѣмъ сколько ему отпустила природа; онъ изучалъ передъ зеркаломъ взгляды, коверкавшіе его лицо нечеловѣческимъ образомъ, и придумывалъ неслыханныя формы для своихъ усовъ. Послѣ четвертаго стакана онъ пускался въ рассказы, изъ которыхъ явствовало, что отъ осады Трои до осады Бѣлграда не было ни одного военного дѣйствія, въ которомъ онъ не принималъ-бы дѣятельнаго участія. Когда винные пары разсѣвались, подвиги эти принимали болѣе приличные размѣры. Онъ довольствовался упоминовеніемъ о двѣнадцати ранахъ, полученныхъ имъ въ кандійской войнѣ, предлагая всякій разъ снять панталоны для убѣжденія слушателей. Богу одному извѣстно, какимъ образомъ удалось ему получить ихъ, такъ-какъ ему было не больше 50 лѣтъ, а послѣдняя война Венеціи съ турками происходила 60 лѣтъ тому назадъ. Вообще, добрый капитанъ сбивался въ числахъ, твердо помня только первое число каждаго мѣсяца, когда управляющій выдавалъ ему двадцать дукатовъ жалованья, какъ командиру наемныхъ солдатъ. Этотъ день былъ для него праздникомъ. На зарѣ онъ высылалъ двухъ барабанщиковъ, которые барабанили до полудня по всѣмъ закоулкамъ округа. Послѣ обѣда войско со-

биралось на дворѣ замка и капитанъ выходилъ къ нему, приведя свою физиономію въ возможно безобразнѣйшій видъ, — до того безобразный, что она наводила ужасъ на его собственныхъ солдатъ. Въ рукѣ онъ держалъ эспадономъ такой непомерной длины, что могъ регулировать имъ шаги цѣлой шеренги. И такъ-какъ онъ имѣлъ привычку изо всей силы колотить имъ по брюхамъ перваго ряда, то, при появленіи его, этотъ рядъ отскакивалъ вспять на второй, второй напиралъ на третій, и происходило смятеніе, какъ-бы при появленіи турокъ. Капитанъ самодовольно улыбался и успокаивалъ команду, подымая свою шпагу остриемъ вверхъ. Затѣмъ команда принималась маршировать по направленію къ площади передъ приходской церковью. Капитанъ маршировалъ впереди такими гигантскими шагами, что, прибывъ на площадь, оказывался одинъ среди нея; онъ съ яростью оборачивался и, махая эспадономъ, устремлялся на проклятыхъ чурбановъ, какъ онъ выражался. Но никто не выжидалъ атаки; солдаты обращались въ бѣгство, иные изъ нихъ забѣгали даже въ чуланы и хлѣва. Барабанщики прикрывались своими инструментами, и этимъ кончался ежемѣсячный смотръ фратскаго ополченія. Капитанъ подавалъ длинный рапортъ, канцеліере приобщалъ его къ актамъ, и до новаго перваго числа о смотрахъ не было больше помина.

Изъ другихъ завсегдателей фратской кухни надо упомянуть, во-первыхъ, объ Андреино, первомъ лицѣ общины Тельо, имѣвшей счастье состоять подъ феодальной юрисдикціей графа. Это былъ своего рода дипломатъ и политикъ. Онъ заявлялъ всячески величайшую преданность владѣльцу замка съ цѣлью считаться въ общинѣ его довѣреннымъ лицомъ и играть въ ней первую роль. Цѣли этой онъ вполне достигалъ; несмотря, однакожь, на эту хитрость, Андреини былъ добрѣйшій малый, который не обидѣлъ-бы мухи. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ прислугой замка и не считалъ ниже своего достоинства помогать ей ощипывать птицъ. Но въ присутствіи графа онъ весь былъ поглощенъ созерцаніемъ его высокой особы, первый смѣялся его шуткамъ, первый поддакивалъ ему и считалъ святотатствомъ обращать вниманіе на что-нибудь иное.

Затѣмъ слѣдовалъ Мартино, бывший камердинеръ отца его сіятельства, всегда пребывавшій въ кухнѣ, какъ старая охотничья собака, попавшая въ разрядъ инвалидовъ. Единственнымъ, но за

то постояннымъ занятіемъ его было треніе сыра. При воспоминаніи о Мартино мнѣ такъ и слышится монотонный звукъ этого тренія, совершаемаго съ необыкновенной методичностью и съ машинальной апатіей; сырныя горы росли и исчезали въ суповыхъ мискахъ, которыхъ потреблялось неисчислимое количество. Но воспоминаніе о старикѣ возбуждаетъ во мнѣ настроеніе не шуточное. Онъ былъ моимъ первымъ другомъ и память о немъ для меня священна. Онъ отыскивалъ меня и водворялъ въ кухню, когда за какую-нибудь шалость я временно изгонялся изъ этого эдема; онъ оправдывалъ меня передъ монсиньеромъ, когда я, вмѣсто того, чтобы идти прислуживать ему при обѣднѣ, убѣгалъ въ садъ и лазилъ по деревьямъ, разыскивая гнѣзда; онъ удостовѣрялъ въ моемъ нездоровьи, когда приходскій священникъ гонялся за мной, чтобы засадить за урокъ, а если меня подъ предлогомъ болѣзни укладывали въ постель, онъ былъ способенъ выпивать за меня касторовое масло и ялапшу. Словомъ, мы были съ Мартино друзья закадычные, и когда, вбѣжавъ въ кухню, я не находилъ въ ней моего стараго друга, я немедленно предпринималъ отступленіе, если только присутствіе графа не удерживало меня. При видѣ его я застывалъ на мѣстѣ въ какомъ-то оцѣпененіи, изъ котораго меня трудно было вывести даже щелчкомъ, и только по уходѣ его ко мнѣ возвращалась свобода помысловъ и движеній. Я никогда не могъ объяснить себѣ причину такого дѣйствія на меня этой длинной и сухой фигуры; можетъ быть, его красные отвороты вліяли на меня какъ на индюка.

Другимъ другомъ моимъ былъ конюшій Маркетто, тотъ самый, на обязанности котораго лежало и караніе провинившихся вассаловъ. Ему я обязанъ своими первыми сильными ощущеніями, потому что онъ, не взирая на протесты Мартино, бралъ меня съ собой верхомъ во время своихъ поѣздокъ по дѣламъ юрисдикціи; эти поѣздки были иногда не безъ риска, потому что подданные, съ виду униженные, были очень способны расправиться гдѣ-нибудь въ оврагѣ съ вѣстникомъ новыхъ взысканій и поборовъ. Въ моихъ сношеніяхъ съ Маркетто я съ юныхъ лѣтъ выказалъ страсть къ оружію, которая мнѣ на первыхъ-же порахъ стоила одного сустава пальца, изуродованнаго пистолетомъ.

Далеко не такія чувства питалъ я къ священнику прихода Тельо, бывшему моимъ учителемъ Закона Божія и каллиграфіи,

впрочемъ, добродушному и славному сельскому патеру, ненавидѣвшему тогдашнихъ модныхъ аббатиковъ. Съ виду онъ былъ великъ и неуклюжъ, а лицо имѣлъ до того изрытое оспой, что щеки его имѣ всегда напоминали за уроками жирный и глазастый сыръ стракино. Онъ ходилъ тихо, говорилъ еще тише, никогда не забывая раздѣлить всякую рѣчь на три части, и эта привычка такъ укоренилась въ немъ, что, казалось, онъ и ѣсть, и капляеть, и вздыхаетъ въ три пункта. Всѣ движенія его были такъ солидны, обдуманнны и соразмѣрены, что если ему случилось въ его спокойной и чистой жизни сдѣлать какое-нибудь согрѣшеніе, я сомнѣваюсь, чтобы оно было отпущено ему въ уваженіе невѣденія. Что касается его нравственныхъ качествъ, то его можно было считать образцомъ независимости и твердости, и хотя онъ отпускаясь передъ графомъ нижайшіе поклоны, но не потерпѣлъ-бы его вмѣшательства въ свои дѣла.

Противоположность съ нимъ составлялъ фратскій капеланъ. Это было униженнѣйшее существо, которое, если-бы графу вздумалось приказать, готово было-бы отслужить обѣдню на кухонномъ столѣ, не по недостатку религіозности, а потому, что въ присутствіи графа онъ совсѣмъ терялся и не вѣдалъ, что творить. По своему положенію въ замкѣ онъ былъ вѣчнымъ мученикомъ и при жизни находился въ чистилищѣ, потому что присутствіе высокихъ особъ было для него источникомъ нестерпимаго мученія. Познанія его находились въ состояніи минимума и онъ обладалъ только однимъ талантомъ, но за то замѣчательнымъ: способностью исчезать невидимымъ образомъ, испаряться незамѣтно на глазахъ цѣлаго общества. За то, когда ему случалось выбраться за подъемный мостъ замка, онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ. Онъ не могъ даже воздержаться отъ проявленій своего удовольствія и принимался прыгать, бѣгать, потирать руки и колѣна, болталъ, нюхалъ табакъ, размахивалъ руками, смѣялся и заговаривалъ со всякимъ встрѣчнымъ существомъ, будь то дѣвушка, старуха, ребенокъ или собака. Я долженъ сознаться, что я первый открылъ странныя выраженія восторговъ капелана, и послѣ этого открытія, всякій разъ, какъ онъ выходилъ изъ замка, нѣсколько любопытныхъ фізіономій выставлялись въ окна слѣдить за нимъ. Синьеръ Амброджо Траверсини, управляющій замка, избравшій капелана предметомъ своихъ шутокъ, увѣрялъ, что однажды въ припадкѣ восторга онъ

попалъ въ прудъ; это была неправда, но правда, что однажды на радостяхъ онъ забрался на колокольню звонить съ мальчишками. Впрочемъ, это случилось по особенной причинѣ. Въ замкѣ находился въ гостяхъ прелатъ изъ Порто, по имени каноникъ ди-Сант-Андреа, великій богословъ, далеко не снисходительный къ невѣжеству духовенства. Онъ усѣлся съ приходскимъ священникомъ и монсиньеромъ Орландо передъ каминомъ разсуждать о догматахъ. Капеланъ, пришедшій освѣдомиться о состояніи желудка графа, какъ того требовалъ послѣобѣденный этикетъ, услыхавъ въ срединѣ кухни голосъ богослова, улетучился и опомился только за мостомъ.

Обратимся теперь къ женскому населенію Фраты. Сама графиня являлась въ кухню только два раза въ день: утромъ выдавать муку, масло, мясо и прочіе припасы, и послѣ обѣда—раздавать прислугѣ часть остатковъ отъ господскаго стола, а другую часть, переложивъ на меньшія блюда, оставлять на ужинъ. Она была урожденная Наваджеро изъ Венеціи, дама длинная, суровая и немногорѣчивая, нюхавшая табакъ только одной ноздрей, въ разъ; всякое движеніе графини сопровождалось бряцаніемъ связки ключей. Она всегда носила на головѣ бѣлый чепчикъ съ розовыми бантами по бокамъ, какъ молодая женщина; я полагаю, что это не было желаніемъ молодиться, а просто привычкой. На черномъ шелковомъ платкѣ, покрывавшемъ ея плечи и грудь, блестѣлъ бриллиантовый крестъ, котораго, по словамъ кухарки, хватило-бы на приданное всѣмъ дѣвицамъ округа. Рядомъ съ нимъ висѣлъ въ золотой оправѣ портретъ красиваго молодого мужчины въ парикѣ съ ailles de pigeon; этотъ портретъ не могъ быть портретомъ графа въ молодости; громадный носъ его сіятельства никогда не могъ соответствовать этому вздернутому носу, едва возвышавшемуся среди розовыхъ щекъ. Впослѣдствіи я узналъ, что графиня неохотно выходила замужъ за континентальнаго владѣльца; привыкнувъ къ изяществу и роскоши венеціанской жизни, она считала, что передаетъ себя въ руки варваровъ, отправляясь въ этотъ дикій край. Чтобы сколько-нибудь облегчить свою горькую участь, она старалась какъ можно чаще бывать съ мужемъ въ Венеціи, и тамъ вознаграждала себя за провинціальную скуку веселыми похождениями и любовными интригами. Оригиналъ ея портрета былъ избраннымъ героемъ ихъ; онъ, говорятъ, скончался отъ простуды,

захваченной во время вечерней прогулки въ гондолѣ съ графиней. Это обстоятельство побудило ее возвратиться домой, къ великому удовольствію графа; впрочемъ, въ то время ей было уже подь сорокъ лѣтъ и настала пора ей утомониться. Она проводила много часовъ въ день въ своей молельнѣ, а остальное время въ салонѣ съ дочерьми и свекровью, занимаясь вязаніемъ чулокъ и слушая чтеніе житія сегодняшняго святого.

Старуха, мать графа, древняя дама Бадозера, была еще жива въ то время, но до описываемаго времени я видѣлъ ее раза четыре или пять не больше, потому что она не покидала своего кресла на колесахъ въ салонѣ, куда я не смѣлъ проникать. Это была худенькая, маленькая старушка лѣтъ подь девяносто, съ добрымъ лицомъ и тихимъ, спокойнымъ голосомъ. Однажды, когда я подслушивалъ у дверей салона, горничная вдругъ отворила дверь; старушка замѣтила меня и подозвала къ себѣ.

— Карлино, сказала она, — не хорошо, другъ мой, подслушивать у дверей; если хочешь слушать, что мы говоримъ, приходи и сяди съ нами.

Я расплакался и, цѣлуя ея руку, рѣшилъ про себя воспользоваться этимъ позволеніемъ, какъ вдругъ вошла графиня-супруга и, увидавъ меня въ салонѣ, вопреки строгому ея запрещенію, наградила меня тычкомъ и приказала немедленно убираться. Я съ плачемъ сталъ спускаться съ лѣстницы, чтобы искать въ кухнѣ утѣшеній отъ Мартино, и по дорогѣ слышалъ еще нѣжный голосъ старой графини, заступавшейся за меня.

Моя дружба съ Мартино также не нравилась нашей госпожѣ и управляющему, который былъ ея правой рукой; по его мнѣнію, моимъ педагогомъ слѣдовало быть нѣкоему Фульдженціо, полу-причетнику, полу-писарю, пользовавшемуся въ замкѣ репутаціей шпиона. Я терпѣть его не могъ и продѣлывалъ съ нимъ штуки, которыя не могли внушить ему любви ко мнѣ. Такъ, напримѣръ, однажды, въ великій четвергъ, за ранней обѣдой, будучи съ нимъ виѣстѣ на хорахъ капеллы, я прилѣпилъ къ хвосту его парика зажженный восковой огарокъ; огарокъ догорѣлъ, загорѣлся хвостъ, потомъ парикъ; Фульдженціо забѣсновался, мальчишки окружили его съ криками: воды! воды! и произошла такая суматоха, что обѣдня была прервана на полчаса. Никто не могъ понять, какимъ образомъ парикъ загорѣлся; я, разумѣется, и виду не подавъ, что

имѣю на этотъ счетъ опредѣленные свѣденія, но подозрѣніе, хотя ни на чемъ не основанное, все-таки обратилось на меня, и я былъ приговоренъ на цѣлый день къ посту на хлѣбъ и на водѣ.

Изъ двухъ дочерей графини, младшая дѣвочка, нѣсколькими годами моложе меня, спала въ одной комнатѣ со мной и съ няней, по имени Фаустина. Пизана, — такъ звали дѣвочку, — была ребенокъ рѣзвый, живой и своенравный, съ великолѣпными карими глазами и длинными кудрями. Въ три года отъ роду она уже обнаруживала настоящее женское кокетство. Мнѣ было строго воспрещено сближаться съ нею. Мнѣ приказывали сближаться съ дѣтьми Фульдженціо, которыхъ я ненавидѣлъ, во-первыхъ, за ихъ отца, а во-вторыхъ, за то, что они доносили всякій разъ управляющему, если видѣли, что я съ Пизаной гуляю вмѣстѣ или цѣлуюсь. Пизана, впрочемъ, мало обращала вниманія на запрещенія, и то, и другое, что ей было нужно, спрашивала гораздо чаще у меня, чѣмъ у своей няньки Фаустины или ключницы Розы. Я съ гордостью исполнялъ ея порученія и, приходя къ Martino, говорилъ:

— Дай мнѣ то и то для Пизаны.

Разумѣется, я называлъ ее такимъ образомъ только ему, говоря-же съ прочими, не смѣлъ звать ее иначе, какъ контесина. Но дружескія отношенія съ Пизаной были для меня въ то-же время источникомъ горькихъ мученій. Когда въ замокъ пріѣзжали сосѣдніе синьеры съ нарядными дѣтьми, Пизана мгновенно покидала меня и обращалась къ нимъ. Сердце мое надрывалось, когда она разгуливала или играла съ ними, проходя мимо меня съ такимъ видомъ, какъ-будто меня не существуетъ. Я бѣжалъ къ зеркалу Фаустины, чтобы придать себѣ порядочный видъ, но увы! неумолимое зеркало показывало мнѣ кожу смуглую и закопченную, какъ селедка, худыя, угловатыя плечи, носъ, усѣянный парапинами и веснушками, жесткіе, включенные волосы. Тщетно тиранилъ я себя, стараясь расчесать ихъ, высовывая даже языкъ отъ усилій и напряженія, — непокорные волосы по-прежнему торчали безобразными клоками. Однажды я вздумалъ умягчить ихъ, какъ дѣлала при мнѣ Фаустина, но, по несчастью, ошибся стклянкой и вмѣсто масла налилъ себѣ на голову амміаку, что придадо мнѣ надолго самый неприятный запахъ. Всѣ мои усилія только давали поводъ Пизанѣ и ея товарищамъ къ насмѣшкамъ надо мной, а для меня составляли источникъ еще пущаго отчаянія. Но какъ только посѣтителѣ уѣз-

жали, Пизана возвращалась ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, пускалась со мной въ игры, и если Роза или управляющій являлись прекращать ихъ, какъ недозволенные графиней, она выходила изъ себя, кричала, топала ногами и говорила, что никого кромѣ меня не любить. Ее уводили, но крики ея раздавались еще долго, а я, утѣшенный и счастливый, убѣгалъ въ кухню къ трущему сыръ Мартино.

Другая дочь графини, Клара, когда я едва началъ отдавать себѣ отчетъ въ окружающемъ, была уже бѣловурой, блѣдной, нѣжной дѣвушкой, напоминавшей героиню какой-нибудь баллады или Офелію Шекспира. Постоянный уходъ за старой бабушкой наложилъ на нее какъ-бы отблескъ этой кроткой и тихой старости. Графиня Клара была хороша, какъ ангель, и, казалось, жила среди людей, не касаясь земли, не участвуя въ земныхъ тревогахъ и не понимая людской злобы и нечестія. Она могла даже показаться постороннимъ холодной и ея спокойствіе можно было принять за аристократическую гордость. Но она была воплощенной добротой и скромностью, и всѣ, съ кѣмъ она имѣла дѣло, знали это. Для своей бабушки она была нѣжнѣйшей дочерью, угадывала и предупреждала всѣ ея желанія. Прислуга считала ее святой душой. Никогда не сказала она никому неприятнаго слова, не сдѣлала ни одного замѣчанія. Когда она спускалась въ кухню за теплой водой или кофе для старушки, мнѣ казалось, что кухня озаряется какимъ-то сіяніемъ. Я былъ счастливъ, когда она обращалась ко мнѣ за какой-нибудь мелкой услугой; я былъ въ восторгѣ, когда мнѣ случалось подать ей стаканъ воды, зная, что услышу ея ласковый голосъ, который скажетъ мнѣ: благодарю, Карлино! Долго потомъ я думалъ о томъ, какъ хороши эти слова: благодарю, Карлино!

ГЛАВА II.

Карлино и прочіе обитатели Фраты.

Однакожь, я замѣчаю, что до сихъ поръ не сказалъ читателю, кто такой былъ многократно упомянутый Карлино, т. е. я. Родился я венеціанцемъ, 18 октября 1775 года, въ день евангелиста Луки, а умру по милости Божіей итальянцемъ, когда угодно бу-

деть Провидѣнію; въ настоящемъ 1858 году минеть жизни моей 83 года.

Моя мать была родная сестра графини Фрата, и, стало быть, я приходился двоюроднымъ братомъ контесинамъ Кларфъ и Пизапфъ. Мать моя вступила въ скандальный бракъ съ синьеромъ Тедеро Альтовити, т. е. сбѣжала съ нимъ изъ родительскаго дома на галерфъ, отправлявшейся на Востокъ, и обвѣнчалась въ Корфу. Однакомъ, повидимому, страсть къ путешествіямъ скоро прошла у нея, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она вернулась, безъ мужа, обоженная солнцемъ Смирны и въ довершеніе беременная. Разрѣшившись мною отъ бремени, она безъ всякихъ объясненій препроводила меня въ Фрату, и такимъ образомъ на восьмомъ днѣ моей жизни я сдѣлался гостемъ моей тетки.

Между тѣмъ, моя мать, по просьбѣ родныхъ, была выслана изъ Венеціи и поселилась съ какимъ-то швейцарскимъ капитаномъ въ Пармѣ, откуда вернулась потомъ въ Венецію просить милостыни у своей тетки, но, не добившись ничего, умерла въ госпиталѣ. Все это мнѣ рассказывалъ Мартино; слушая эти рассказы, я плакалъ. Что касается моего отца, то о немъ ходили разные слухи; говорили, что онъ умеръ въ Смирнѣ послѣ отъѣзда жены, по инымъ источникамъ—съ горя, что она покинула его, по другимъ — съ отчаянія отъ неоплатныхъ долговъ, а по нѣкоторымъ—отъ неумѣреннаго употребленія кипрскаго вина. Впрочемъ, все это были только смутные слухи; къ нимъ прибавляли иногда еще, что передъ смертью онъ перешелъ въ турецкую вѣру. Какъ-бы то ни было, во Фратѣ сильно сомнѣвались, чтобы я былъ крещенъ, и рѣшились окрестить меня; при этомъ выборъ мнѣ имени былъ предоставленъ приходскому священнику, который и нарекъ меня Карломъ въ честь святого, память котораго праздновалась въ этотъ день.

Когда я явился во Фрату, графиня только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ покинула свою блестящую жизнь въ Венеціи и поселилась въ замкѣ. Настроеніе ея было поэтому далеко не веселое, а тутъ вдругъ пришлось еще взять на попеченіе ребенка, и притомъ ребенка сестры, осраившей всю фамилію. Поэтому съ перваго взгляда графиня почувствовала ко мнѣ ненависть, послѣдствіемъ которой я не замедлилъ ощутить. Прежде всего она сочла излишнимъ нанимать и содержать кормилицу для змѣеныша, насильно

брошеннаго въ ея домъ. Я былъ предоставленъ на волю и сдѣлался молочнымъ братомъ всѣхъ дѣтей, телятъ и козлятъ, родившихся около этого времени въ области, подвѣдомственной фратской бароніи. Всѣ старики и старухи околodka, которымъ нечего было дѣлать, были моими няньками. Такимъ образомъ, втеченіи первыхъ лѣтъ мое существованіе было непрерывнымъ чудомъ, пока, наконецъ, я не попалъ подъ особое покровительство Мартино. Другимъ покровителемъ и воспитателемъ моимъ былъ привратникъ замка, онъ-же регистраторъ башенныхъ часовъ замка и оружейный мастеръ всего околodka, по имени Мастро Джермано. Отставной сборъ, онъ, вѣроятно, совершилъ на своемъ вѣку нѣсколько смертоубійствъ; теперь онъ съ утра до вечера бормоталъ и распѣвалъ молитвы, подбирая по дорогамъ навозъ для удобренія маленькаго клочка земли, который имѣлъ въ арендѣ отъ графа. Надо было видѣть, съ какимъ по истинѣ патріархальнымъ благодушіемъ онъ распивалъ стаканъ вина въ сосѣдней харчевнѣ. Нельзя было ни на минуту усомниться, что этотъ почтенный старецъ обладаетъ самою спокойною совѣстью во всемъ округѣ. Воспоминаніе о немъ всегда возбуждаетъ во мнѣ мысль, что всякій человѣкъ устраиваетъ свою совѣсть на свой ладъ: одному кажется преступленіемъ то, что для другого совершенные пустяки. Мастро Джермано совершалъ свои подвиги, когда служилъ въ молодости по найму сборомъ у владѣтеля Венквередо, и разсуждалъ, что если что совершилъ не совсѣмъ христіанское, то за все это придется раздѣливаться его хозяину, себя же лично чувствовалъ невиннымъ какъ младенецъ. Отъ Венквередо онъ перешелъ въ качествѣ командира сборовъ къ фратскому владѣтелю, гдѣ усвоилъ себѣ привычку бормотать молитвы и перебирать четви, что въ его глазахъ окончательно примирило его съ небомъ; когда-же ему стукнуло 70 лѣтъ, онъ смѣнилъ эту должность на должность привратника и регистратора часовъ и съ этихъ поръ твердо считалъ себя стоящимъ на пути къ вѣчному блаженству. Джермано часто ссорился съ Мартино, и тогда я становился для нихъ яблокомъ раздора. Каждый предъявлялъ на меня свои права и доказывалъ ихъ первенство передъ правами другого. Но на мнѣ-же они и мирились и дружно занимались моимъ воспитаніемъ. Чтобы выучить меня ходить, они располагались на мосту и заставляли меня перебѣгать отъ одного къ другому. Иногда

да графиня, выходя на послѣ-обѣдennую прогулку, заставляла ихъ въ этомъ педагогическомъ упражненіи; случалось при этомъ, что я, разбѣжавшись, подвертывался ей подъ ноги. Тогда она награждала меня шепчкомъ и ворчала: „старые дураки“. Какъ-бы то ни было, благодаря старымъ дуракамъ, я научился такъ хорошо владѣть ногами, что могъ убѣгать моментально, едва завижу издали бѣлый чепецъ тетушки. Впрочемъ, это я теперь, пол-вѣка спустя послѣ ея кончины, рѣшаюсь называть ее тетушкой; тогда же, едва я научился раскрывать ротъ, мнѣ стали внушать, чтобы я называлъ ее синьерой контесой, и впослѣдствіи я никогда не рѣшался назвать ее иначе.

Въ отношеніи своихъ дочерей графиня держалась того правила, что до десятилѣтняго возраста дочери обязанность матери состоитъ въ уплатѣ двухъ дукатовъ въ мѣсяць нянѣкѣ; съ десяти до двадцати лѣтъ дочь ввѣряется монастырю, а съ двадцати—Провидѣнію.

Состарѣвшись и вынужденная отказаться отъ удовольствій и страстей молодости, она вся сосредоточилась на самой себѣ, думала только о своемъ здравіи, душевномъ и тѣлесномъ, и внѣ перебранія четокъ и наблюденія за исправностью своего пищеваренія не находила себѣ достойнаго занятія. Вязаніемъ чулокъ она занималась только по привычкѣ, а хозяйствомъ только для того, чтобы досаждать всему дому, такъ-какъ терпѣть не могла веселыхъ и довольныхъ фізіономій. За подобную фізіономію она ненавидѣла монсиньера Орландо. При видѣ его блаженной улыбки, его сложенныхъ на брюшкѣ полныхъ ручекъ, его невозмутимаго спокойствія, она выходила изъ себя, не понимая, какъ можно такъ спокойно старѣться. Она не принимала въ расчетъ, что монсиньеръ всѣ свои заботы сосредоточилъ на угожденіи своему желудку—страсть, съ лѣтами только возрастающая, тогда какъ она... Но миръ праху ея!

Между тѣмъ я росъ и горизонтъ мой расширялся. Кухня, дворъ, сѣнникъ, мостъ и площадь уже не удовлетворяли меня. Я стремился въ неизвѣстныя страны, лежавшія за этими предѣлами, и каждый шагъ за нихъ доставлялъ мнѣ наслажденіе въ родѣ того, которое испыталъ Колумбъ, открывая Америку. Утромъ я поднимался на разсвѣтѣ и, пользуясь тѣмъ, что Фаустина была занята

утренними хлопотами, убѣгалъ съ Пизаной въ садъ. Это были счастливѣйшіе часы моей жизни, когда я чувствовалъ себя вполне свободнымъ и безопаснымъ. Но приближалось время обѣдни. Вся семья, хозяева, слуги, гости, служащіе собирались въ капеллѣ и размѣщались по чинамъ на скамьяхъ. Графъ одинъ занималъ на хорахъ почетное мѣсто, какъ разъ напротивъ алтаря, и съ величайшимъ достоинствомъ принималъ поклоны монсиньера при входахъ и выходахъ. При торжественныхъ благословіяхъ и оремусахъ священнодѣйствующій никогда не забывалъ благословить и поименовать съ глубокимъ поклономъ пресосходительнаго и могущественнаго государя владѣтеля и правителя, который при этомъ всегда опускалъ очи, какъ-бы желая измѣрить разстояніе, отдѣляющее его отъ простыхъ смертныхъ. Управляющій, канцеліере, капитанъ, привратникъ, даже горничная и кухарка поглощали въ себя каждый свою долю этого взгляда и въ свою очередь обращали взоры на лицъ, занимавшихъ низшія мѣста; при этомъ капитанъ неистово крутилъ усы и гремѣлъ шпагой. По окончаніи службы все оставалось по мѣстамъ, пока графъ не вставалъ, испускалъ глубокой вздохъ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, всталъ въ карманъ молитвенникъ, платокъ и табакерку и величественно направлялся къ святой водѣ. Здѣсь онъ опять крестился и выходилъ, слегка преклонивъ голову передъ алтаремъ. За нимъ слѣдовали графиня, ея дочери, родные и гости, которые кланялись пониже; потомъ служащіе, преклонявшіе одно колено, и, наконецъ, простой народъ, совершавшій земной поклонъ.

Обыкновенно за полчаса до этой обѣдни меня начинали разыскивать по приказанію монсиньера, который желалъ отличить меня передъ дѣтьми Фульденціо, поручая мнѣ прислуживать ему при богослуженіи. Но я, вислолько не цѣня этого отличія, принималъ мѣры, чтобы не быть найденнымъ, и входилъ въ церковь только тогда, когда бѣлая рубашка была уже надѣта на Нони или на Меникето, которые въ своихъ деревянныхъ башмакахъ находились въ постоянной опасности разбить носы на ступеняхъ алтаря. Но моя стратегія была открыта и меня начали арестовывать въ кухнѣ за долго до обѣдни. Тогда я отговаривался незнаніемъ Confiteor, и, дѣйствительно, въ удостовѣреніе незнанія начиналъ бормотать несладкицу, такъ-что выведенный изъ терпѣнія монсиньеръ доканчивалъ Confiteor за меня. Но это повело только къ тому,

что послѣ обѣдни меня запирали въ крошечную комнату подъ крышей, съ молитвенникомъ, стаканомъ воды и кускомъ хлѣба. Я мочилъ молитвенникъ въ водѣ и кормилъ хлѣбомъ голубей, пока Грегорию, камердинеръ монсеньера, не приходилъ освободить меня, послѣ чего я бѣжалъ къ Мартино, съ увѣренностью найти у него мой обѣдъ. Но иногда въ моемъ заключеніи до меня доходили веселые голоса Пизаны и игравшихъ съ нею дѣтей, потому что она нисколько не огорчалась моими заключеніями. Тогда я приходилъ въ ярость на Пизану, разрывалъ *Confiteor* на клочки и бросалъ эти клочки вмѣстѣ съ камешками и кусками известки, которые отцарапывалъ отъ стѣнъ, во дворъ, въ негодную дѣвчонку и ея товарищей. Иногда-же, окончательно выйдя изъ себя, я съ неистовствомъ колотилъ головой, ногами и руками въ дверь и поднималъ отчаянный вой; тогда дверь отворялась, входилъ управляющій и награждалъ мои усилія нѣсколькими ударами плетки; доза эта, сверхъ того, удваивалась вечеромъ, когда обнаруживалось, что я изорвалъ молитвенникъ.

Въ обыкновенные дни послѣ обѣдни я предпринималъ рядъ другихъ стратегическихъ маневровъ, чтобы отвертѣться отъ посланца приходскаго священника, приходившаго за мной вести меня къ нему на урокъ. Маневры эти никогда, впрочемъ, полнымъ успѣхомъ не оканчивались, а служили только къ оттяжкѣ времени. Въ домѣ патера, въ учебной комнатѣ, гдѣ, послѣ опытовъ первыхъ дней, все было тщательно припрятано и заперто, я занимался разсматриваніемъ висѣвшихъ на стѣнѣ видовъ Удине или малеваніемъ на стѣнѣ-же лица съ огромными бровями и головнымъ уборомъ, которые ясно говорили, что намѣреніе художника было изобразить фізіономію патера въ карикатурѣ. Но слышавъ за дверью тихіе шаги подкарауливающей экономки патера, я бросался къ столу и начиналъ выводить невозможные А и Е или во все горло орать: би а — ба, би о — бо. Въ половинѣ одинадцатаго входилъ патерь и отпускалъ мнѣ нѣсколько затрещинъ за художественныя упражненія на стѣнахъ, еще нѣсколько за безобразные А и Е, и приказывалъ читать склады, что было поводомъ къ новымъ затрещинамъ. Именно, заглядѣвшись въ сторону, я перескакивалъ черезъ нѣсколько строчекъ и переходилъ прямо на V. Ви а — ва, ви е — ве, ви о — во... Но тутъ чтеніе прерывалось затрещинами. Не умѣю

объяснить причину моего пристрастія къ этой буквѣ, кромѣ развѣ того, что она близка къ концу.

Во Фрату я возвращался обыкновенно въ ту минуту, когда сажались за столъ, такъ-какъ я увлекался по дорогѣ преслѣдованіемъ саламандръ.

Столовая отдѣлялась отъ кухни длиннымъ и темнымъ коридоромъ. Это была большая квадратная комната, добрую половину которой занималъ столъ величиной съ два билиярда, покрытый зеленой скатертью. Съ одной стороны былъ каминъ; на противоположной стѣнѣ два окна, выходившія на дворъ; между ними орѣховый буфетъ; въ четырехъ углахъ по століку, приготовленному для вечерней игры въ карты. Кресла были фунтовъ въ 50 вѣсомъ каждое, всѣ одинакія, широкія, съ прямыми спинками, крытыя черной кожей и набитыя, повидимому, гвоздями. Столъ обыкновенно накрывался на 12 приборовъ: по четыре съ каждой стороны, три на нижнемъ концѣ для управляющаго, приходскаго священника и капелана, и одинъ на верхнемъ — графскій. По правую руку отъ него, съ боку, сажались графиня и Клара; по лѣвую — монсиньеръ и канцеліере; остальные мѣста занимали капитанъ съ женой и гости. Если гостей не было, мѣста ихъ оставались незаняты, а если ихъ было больше, то капитанъ и его жена примазывались въ промежутки между приборами управляющаго и капелана. Послѣдній, впрочемъ, какъ можно чаще избѣгалъ чести обѣдать за господскимъ столомъ. Агостино, графскій кравчій, приносилъ блюда и ставилъ подлѣ графа, который одинъ возсѣдалъ на подобіи трона, такомъ высокомъ, что колѣни его приходились почти въ уровень со столомъ; когда Агостино разрѣзывалъ кушанье, графъ бралъ лучшей кусокъ и подвигалъ блюдо къ графинѣ лѣвой рукой, а правой уже клалъ себѣ кусокъ въ ротъ. Кучеръ и Грегоріо также прислуживали, но послѣдній былъ почти все время занятъ наливаніемъ вина монсиньеру и поколачиваніемъ его въ спину, когда онъ давился слишкомъ большимъ кускомъ. Пизана не обѣдала за столомъ; эта честь доставалась двѣмъ только по выходѣ изъ монастыря. Она обѣдала за перегородкой, въ кухнѣ, съ горничными. Я же удовлетворялъ свой аппетитъ тоже въ кухнѣ, но вмѣстѣ съ конюхами, собаками и Мартино. Конюшіи и причетникъ, люди семейные, обѣда-

ли у себя, равно какъ и Мастро Джермано, который самъ себя стращалъ какія-то страшныя кушанья, возможность перевариванія которыхъ человѣческимъ желудкомъ остается для меня неразгаданной. По-временамъ онъ ловилъ одну изъ многочисленныхъ кошечекъ, паселявшихъ кухню, и давилъ ее въ видѣ соуса или жаркого. Поэтому и всегда отказывался отъ его приглашеній на обѣдъ. Онъ увѣрялъ, впрочемъ, что кошачье мясо очень вкусно и сверхъ того полезно отъ множества болѣзней.

Послѣ обѣда я убѣгалъ на площадку передъ замкомъ, куда вскорѣ являлась и Пизана, и я сзывалъ другихъ мальчишекъ. Вы спросите меня, зачѣмъ я самъ призывалъ своихъ соперниковъ? Но дѣло въ томъ, что я очень хорошо зналъ, что иначе Пизана сама отправится за ними, и, во избѣжаніе этого униженія, предпочиталъ позвать ихъ самъ. Здѣсь мы были вполне свободны и никто не нарушалъ нашихъ игръ. Когда старая бабушка иногда призывала Пизану въ салонъ, она вела себя тамъ до такой степени капризно и шумно, что графиня-мать, безпокоясь за свое пищевареніе, вскорѣ высылала ее. Мы овладѣвали площадкой, дворомъ и всѣми закоулками. Только бдительный Грегорио охранялъ отъ нашихъ набѣговъ терасу, на которую выходили окна графа и монсиньера. Предполагалось, что въ это время графъ занимается дѣлами по канцеляріи, хотя этому противорѣчили наглухо закрытые ставни его комнаты. Что-же касается монсиньера, онъ откровенно сознавался, что спитъ. Въ седьмомъ часу, если позволяла погода, графиня выходила гулять; но такъ-какъ она ходила всегда неизмѣнно въ одномъ и томъ-же направленіи, то намъ легко было увертываться отъ встрѣчи съ нею. Полчаса спустя графъ съ монсиньеромъ и своей тѣнью, канцеліере, шли ей на встрѣчу. Повстрѣчавшись, графъ предлагалъ руку графинѣ, монсиньеръ поднималъ руку въ знакъ привѣтствія, а канцеліере снималъ шляпу и раскланивался чуть не до земли. Такимъ образомъ, выстроившись попарно, возвращались они въ замокъ, гдѣ между тѣмъ Агостино зажигалъ въ столовой большую серебряную лампу съ украшеніемъ изъ фигуръ фамиліаго герба: кабанъ среди двухъ деревьевъ подъ графскою короной. Кабанъ былъ гораздо больше обоихъ деревьевъ, а корона больше всего, и вообще по всему было видно, что въ издѣліи этого художественнаго произведенія Бенве-

нито Челлини не участвовалъ. Тѣмъ временемъ кухарка варила кофе, въ ожиданіи котораго общество продолжало разговоръ, начатый на прогулкѣ.

Но такъ дѣло происходило только въ лѣтніе мѣсяцы. Въ другое время графъ и монсиньеръ: выходя изъ своихъ комнатъ, направлялись прямо въ кухню, гдѣ собиралась вся семья до вечерней игры въ карты. Кофе распивался передъ очагомъ и затѣмъ уже мужчины переходили играть въ столовую, гдѣ ихъ ожидала графиня. Иногда она приглашала пить съ собой кофе въ столовой жену капитана, чѣмъ синьера Вероника чрезвычайно гордилась, свысока обращалась въ эти вечера съ своимъ мужемъ, а онъ неистовѣ обыкновеннаго выворачивалъ глаза и усы. Между тѣмъ Фаустина уводила Пизану спать, а я слушалъ рассказы Мартино или Маркетто, пока не сваливался съ ногъ; тогда Мартино бралъ меня и относилъ къ комнату Фаустины.

Игра въ столовой продолжалась, впрочемъ, недолго; въ половинѣ девятаго всѣ вставали и читали молитву. Въ девять часовъ садились ужинать, а въ десять графъ давалъ сигналъ разставанія, приказывая Агостино зажечь свѣчу. Всѣ выходили на лѣстницу, въ дверь, противоположную кухонной двери. Здѣсь графъ останавливался и пророчествовалъ о завтрашней погодѣ. Онъ щупалъ стѣну лѣстницы и, находя ее сырой, возглашалъ: Завтра будетъ дурная погода! Дурная погода! повторялъ канцеліере. Дурная погода! вторилъ хоръ. Если-же стѣна оказывалась суха, графъ восклицалъ: А завтра будетъ хорошій день! Хорошій день! повторяло эхо. Чудесный день! подхватывалъ хоръ. Во все время этихъ метеорологическихъ занятій всѣ стояли на лѣстницѣ, къ неудовольствію графини, опасавшейся схватить ревматизмъ. Поднявшись наверхъ въ залу, приступали къ важному обряду *доброй ночи* и, наконецъ, расходились по своимъ комнатамъ. Графъ съ супругой занимали комнату, съ незапамятныхъ временъ служившую спальней главамъ благороднаго рода Фрата. Въ этой обширной и высокой комнатѣ стѣны, потолокъ, занавѣси и вся утварь были покрыты кабанами, деревьями и коронами, такъ что куда-бы ни взглянуть, вездѣ торчало то свиное ухо, то листъ дерева, то шишка короны. На своемъ супружескомъ одрѣ графъ и графиня были окружены со всѣхъ сторонъ фантазмагоріей фамильныхъ эмблемъ, и это слав-

ное зрѣлище, напечатлѣваясь въ ихъ воображеніи прежде, чѣмъ мракъ скрывалъ его отъ нихъ, должно было производить на нихъ сильное впечатлѣніе и развивать въ нихъ, а также въ ихъ потомствѣ, аристократическія привычки и убѣжденія, и графиня, конечно, должна была рождать дѣтей глубоко проникнутыхъ идеей величія своего рода. И если позднѣйшіе факты не оправдали этой гипотезы, то я думаю, что это скорѣе вина графа, а не графини.

Контесина Клара занимала комнатку рядомъ съ спальней своей бабушки; комнатка эта была похожа на монашескую келью, и единственный кабанъ надъ каминомъ скрывался подъ грудкой книгъ. Книги эти были скудный остатокъ библіотеки, погнившей на чердакѣ и погибшей по небрежности владѣтелей отъ соединенныхъ усилій сырости, мышей и истопниковъ. Контесина въ свое трехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ искала въ чтеніи убѣжища отъ скуки и, возвратясь домой, первымъ дѣломъ позаботилась о спасеніи остатковъ библіотеки. Нѣсколько томовъ переводныхъ французскихъ мемуаровъ, нѣсколько сочиненій старинныхъ итальянскихъ историковъ, рассказывающихъ событія просто, безъ всякихъ вычуръ, Тассо, Аріосто, патеръ Фидо Гварини, почти полное собраніе недавно изданныхъ комедій Гольдони — вотъ все, что ей удалось собрать. Вечеромъ она подходила къ постели бабушки, тщательно прикрывая рукой свѣтъ лампы, и, убѣдившись, что старушка спокойно поживаетъ, уходила въ свою келью и брала одну изъ этихъ книгъ. И когда всѣ обитатели замка спали крѣпчайшимъ сномъ, сквозь жалюзи ея окна долго еще блестялъ свѣтъ ея лампы.

Простодушные окрестные крестьяне называли ее святой и съ умиленіемъ вспоминали день ея перваго причащенія, когда, принявъ таинство, она упала въ обморокъ отъ трепета, благоговѣнія и восторга. Она была дѣйствительно не только набожна, но полна пламенной вѣры, да и простой вѣры было мало ея душѣ — она нуждалась въ любви. Она была одарена какимъ-то предвидѣніемъ, всегда угадывала чужое горе и каждому горящему являлась естественной совѣтницей и утѣшительницей. Бѣдняки славили ея благотворительность, но дѣлать добро было у нея потребностью; она помогала ближнимъ по влеченію своей натуры, безсознательно, подобно тому, какъ дышала или спала. Ея доброта была какая-

то органическая; она любила все существующее. Ей было тяжело видѣть мышь въ мышеловеѣ и птицу въ клѣткѣ.

Когда мнѣ шель десятый годъ, Пизанѣ седьмой, а Ринальдо—единственный сынъ графа—уже нѣсколько лѣтъ изучалъ риторику у преподобныхъ отцовъ въ Венеціи, контесинѣ Кларѣ шель девятнадцатый годъ и она была въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости. Въ это время посѣщенія Фраты молодежью Портогруаро и его окрестностей участились. Уже не по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ только, а ежедневно, несмотря на снѣга и морозы зимы, на вѣтеръ и дождь осени, пѣшкомъ или верхомъ являлся какой-нибудь неустрашимый посѣтитель, вооруженный ружьемъ за плечами и фонаремъ на палкѣ. Самымъ частымъ изъ нихъ былъ Лючилио Вѣанелло, жившій по сосѣдству, въ Фоссальтѣ. Но и баронъ Партистаньо мало отставалъ отъ него, хотя его замокъ Лугуньяна находился въ добрыхъ семи миляхъ отъ Фраты. Это разстояніе давало ему предлогъ являться довольно рано, и онъ приравнивался прѣзжать какъ-разъ въ то время, когда Клара выходила съ матерью гулять. Тогда любезность требовала, чтобы онъ сопровождалъ дамъ, и Кларѣ неловко было отказаться отъ предлагаемой руки, хотя рѣзкія и грубоватыя манеры молодого человека были ей не очень по вкусу. По окончаніи игры графиня всякій разъ предлагала барону ночевать, жалуясь на плохое состояніе и отдаленность пути и на темноту ночи, но онъ отказывался и, бросивъ на Клару пламенный взоръ, шель распорядиться сдѣланіемъ своей лошади. Впрочемъ, на пути онъ не подвергался опасности. Всѣ окрестные жители были проникнуты уваженіемъ не только къ мушкету и пистолетамъ барона, но и къ его кулакамъ, одинъ ударъ которыхъ могъ и безъ мушкета спровадить на тотъ свѣтъ всякаго, кто покусился-бы на его особу.

Вѣанелло приходилъ пѣшкомъ всякій вечеръ, вооруженный только фонаремъ на длинномъ шестѣ, хотя, я думаю, если-бы поискать у него въ карманахъ, то тамъ нашлась-бы пара добрыхъ пистолетовъ. Впрочемъ, какъ сынъ фоссальтскаго врача, онъ пользовался долей отцовской неприкосновенности. Тогда врачи были на одномъ счету съ колдунами и связываться съ ними считалось опаснымъ; да и до сихъ поръ во многихъ нашихъ деревняхъ, прежде, чѣмъ послать за медикомъ, читаютъ молитвы Мадоннѣ, чтобы посѣще-

ніе обошлось благополучно. Притомъ наружность доктора Сперац-діо *) (хорошее, впрочемъ, имя для медика) далеко не разрушала возможности предположенія насчетъ его колдовства. Онъ носилъ огромный черный парикъ изъ шерсти или конского волоса, закрывавшій ему лобъ, затылокъ и шею, а сверхъ парика огромную черную трехугольную шляпу. Когда издали онъ появлялся верхомъ на тощей лошади пепельнаго цвѣта, какъ осель, его можно было принять скорѣе за могильщика, чѣмъ за врача. А когда, у постели больного, онъ надѣвалъ на носъ громадные очки, чтобы рассмотреть языкъ, всякій принялъ-бы его за нотаріуса, собирающагося писать завѣщаніе. Утромъ онъ говорилъ на половину по-фріульски, на половину по-латыни, но послѣ обѣда латынь брала три четверти, а вечеромъ, послѣ бутылки, которую полагалось распить послѣ Ave Maria, выходилъ чистый Цицеронъ. Такъ и съ леченіемъ. Утромъ прописывались *lenitiva*, а вечеромъ *drastica*; послѣобѣденныя пѣивки по ночамъ превращались въ кровопусканіе. Ни у одного врача не видывалъ я такихъ длинныхъ и страшныхъ ланцетовъ. Они походили скорѣе на ископаемыя копыя дунновъ и остроготовъ, чѣмъ на хирургическіе инструменты. Тѣмъ не менѣе во всю его долговременную практику ему случилось только однажды искалѣчить руку одного паралитика, и единственное неудобство состояло въ затрудненіи остановить кровь вслѣдствіе величины наносимыхъ ранъ. Но докторъ не смущался, имѣя на эти случаи какую-то латинскую поговорку, смыслъ которой былъ тотъ, что отъ кровопусканія никто не умираетъ. Поговорку эту сочинилъ, навѣрное не Сенека. Докторъ глубоко уважалъ науку Гипократа и Галена, что съ его стороны было долгомъ признательности, такъ какъ, благодаря ей, онъ сдѣлался собственникомъ хорошаго дома и имѣнница около Фоссальты. Учился онъ въ Падуѣ, но особенно уважалъ салернскую школу и монпельерскій университетъ. Въ рецептахъ онъ придерживался почти исключительно мѣстной флоры, къ большой злобѣ аптекаря; но докторъ, какъ человекъ добросовѣстный, зная, что аптекарь и заморскія снадобья приготовляетъ изъ мѣстныхъ продуктовъ, предпочиталъ прописывать послѣдніе

*) Надежда на Бога.

подъ ихъ настоящимъ скромнымъ именемъ. Въ социальномъ отношеніи онъ слѣдовалъ египетскимъ понятіямъ, находя, что всѣ профессіи должны быть наслѣдственны, и потому непремѣнно хотѣлъ, чтобы сынъ его, Лючилио, наслѣдовалъ его ланцеты. Сынъ хотя не соглашался на это, однакожь пробылъ пять лѣтъ въ древнѣйшемъ и мудрѣйшемъ падуанскомъ университетѣ, гдѣ пользовался репутаціей самаго безпутнаго студента, являвшагося на лекціи лишь на переключку, и то рѣдко. По прошествіи пяти лѣтъ, несмотря на всѣ усилія отца, онъ все откладывалъ докторскій экзаменъ. Отецъ неоднократно снабжалъ его деньгами и снаряжалъ въ путь съ этою цѣлью. Но черезъ нѣсколько времени Лючилио возвращался безъ денегъ и безъ докторскихъ лавровъ. Такимъ образомъ въ два года онъ сдѣлалъ семь путешествій, продолжавшіяся каждое мѣсяць или два. Отецъ, догадываясь о причинахъ этихъ неудачъ, подозрѣвалъ сына въ кутежахъ и волокитствѣ, какъ вдругъ узналъ однажды черезъ одного венеціанскаго сенатора, нобиля Фруміера, родственника графа Фрата, что сынъ его даже не ѣздитъ въ Падуу, а проводитъ время въ Венеціи, гдѣ своимъ поведеніемъ уже обратилъ на себя вниманіе синьеровъ-инквизиторовъ. Испуганный докторъ Сперандіо сжегъ письмо, развѣялъ пепель его по вѣтру и пересталъ напоминать сыну о докторскомъ экзаменѣ. Но не желая въ то-же время, чтобы онъ отставалъ отъ медицинской карьеры, сталъ поручать ему надзоръ за своими больными. Когда Лючилио возвращался домой, обойдя будто-бы больныхъ, отецъ оставался пораженъ его отчетомъ о состояніи ихъ здоровья.

— Какъ! Чистый и влажный языкъ у Матео, у котораго со вчерашняго дня гнойная горячка! *Putridum autem septimo aut quatuordecimo tantumque die in sudorem aut fluxum ventris per purgationes resolvitur.* Чистый и влажный! Да утрожь еще былъ сухъ какъ кожа и покрытъ слоемъ слизи въ два пальца толщины!.. Ай, ай! Лихорадочный пульсъ у Гаэтаны! При мнѣ сегодня билъ 52 раза въ минуту, и я прописалъ *vinum tantummodo repatum et infusione canella oblungatum!* Что-же это такое? Увидимъ завтра! *Nemo humanae naturae parsqua nervis proestet in foenomali mutatione ac subitaneitate.*

На другое утро языкъ Матео оказывался изъ ружъ вонъ плохъ, а пульсъ Гаэтаны въ упадкѣ, не взирая на вино и корипу.

Впрочемъ, бывали случаи, когда Лючилио былъ очень радъ своему званію лиценціата медицины падуанскаго университета, — напримеръ, когда Роза просила его взойти наверхъ къ старой графинѣ, страдавшей невралгіями и желавшей получить отъ него какое-нибудь успокоивающее средство. Лючилио, повидимому, питалъ къ этой столѣтней старушкѣ благоговѣніе, соединенное съ любовью, и не было тѣхъ заботъ и уходовъ, которые онъ считалъ-бы достаточными, когда дѣло шло о сохраненіи столь драгоценной жизни. Старушка была очень благодарна ему за внимательность и мало-помалу начала приглашать его къ себѣ и не для медицинской помощи, слушала его рассказы и съ удовольствіемъ проводила съ нимъ время. Съ своей стороны Лючилио не только не скучалъ съ нею, но, повидимому, находилъ величайшее удовольствіе въ этихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, это было неудивительно. Она вполне сохранила свѣжесть умъ и памяти и представляла какъ-бы живые мемуары за цѣлый вѣкъ. Въ молодости она знала еще Венецію въ полной славѣ, въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за эпохой Морозини Пелопонезскаго; въ то время она была посланницей при дворѣ стараго короля Лудовика XIV, и съ удовольствіемъ и съ нѣсколько старческой болтливостью вспоминала сцены и исторіи Версаля. Европейскую политику своего времени она знала любой дипломатъ, и хотя поотстала, но тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ слушала отъ Лючилио новости о битвахъ за Америку, о подвигахъ Вашингтона и Лафайета, о реформахъ и новыхъ идеяхъ во Франціи, о бѣдномъ королѣ, перебрасываемомъ какъ мячикъ отъ одной партіи къ другой, объ интригахъ и скандалахъ прекрасной королевы, о затѣяхъ императора. Говорили иногда также и о мѣстныхъ дѣлахъ, о ссорахъ сосѣдей, о предстоящихъ бракахъ, о тяжбахъ, смѣшныхъ приключеніяхъ и т. п. Но старушка, говоря объ этомъ, улыбалась такъ кротко и добродушно, что видно было, что она уже не считала себя принадлежащей къ міру и судила о людяхъ съ тою снисходительною надменностью, которую внушаетъ близость смерти.

Глядя на нихъ, можно было принять ихъ за старую мать съ любящимъ сыномъ. И, конечно, съ ея стороны была искренняя симпатія. Что касается до него, то въ немъ говорило и живое сочувствіе, и холодный расчетъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Лючилио съ

перваго почти взгляда влюбился въ Клару. Но скромный и недовѣрчивый къ себѣ, онъ и не пытался плѣнить ее взорами и ухаживаніемъ, подобно барону Партистаню. Онъ рѣшился положить себѣ путь въ сердце Клары черезъ сердце ея бабушки. Внимательность и любовь, которыя онъ выказывалъ къ старушкѣ, прямо расположили къ нему контесину. Эта симпатія естественно развивалась и увеличивалась постоянными похвалами, которыми старушка осыпала его передъ Кларой въ его отсутствіи. При этомъ старой графинѣ и въ голову, конечно, не приходила мысль о возможности возникновенія въ сердцѣ внучки какого-нибудь болѣе теплаго чувства къ сыну доктора Сперандіо, кромѣ простой благодарности и благосклонности. Не говоря уже о разницѣ ихъ положенія, исключавшей, повидимому, всякую возможность сближенія и честолюбивыхъ надеждъ съ его стороны, въ его особѣ не было на видъ ничего опаснаго. Онъ былъ не дурень, но наружности довольно незамѣтной, фигура его была не лишена изящества, но онъ держалъ себя чрезвычайно просто, не носилъ ни парика, ни пудры, одѣвался только опрятно и совершенно по-сельски. За это Пизана, относившаяся къ нему довольно презрительно, прозвала его

Впрочемъ, я открылъ впоследствии, что настоящая причина ревности и нерасположенія къ нему состояла въ томъ, что онъ обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Но объ этомъ послѣ.

Какъ-бы то ни было, Лючилио заботливымъ и влюбленнымъ взоромъ, но съ величайшимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ слѣдилъ мѣсяць за мѣсяцемъ, день за днемъ, часъ за часомъ, за успѣхами своей тактики въ сердцѣ Клары, а успѣхи были несомнѣнные. Въ немъ было то удивительное качество, что несмотря на сильную страсть, онъ могъ оставаться спокойнымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ и слѣдить за симптомами развивающейся любви къ нему въ дѣвушкѣ, которую любилъ больше жизни, какъ слѣдилъ-бы за ходомъ болѣзни посторонняго человѣка. Такимъ образомъ, онъ замѣтилъ, какъ постепенно измѣнилась улыбка, которую встрѣчала его дѣвушка, когда онъ входилъ къ старушкѣ, какъ изъ привѣтливой и благодарной она превратилась въ нѣжную и радостную. Наконецъ, наступилъ день, въ который онъ прочелъ въ ея глазахъ любовь. Но и тутъ онъ не потерялъ голову и остерегся

опрометчивостью подвергнуть опасности свое счастье. Клара была набожна — неосторожно было бы запугать ее послѣднимъ объясненіемъ; она была воспитана въ аристократическихъ предрасудкахъ насчетъ неравенства брака — надо было исподволь разрушить ихъ въ ея умѣ. И ликуя въ душѣ своей, наслаждаясь своимъ счастьемъ, сгорая страстью, Лючилио холодно и разсчитанно продолжалъ свою кунктаторскую тактику.

Натурально, что графъ, графиня и прочіе обитатели замка были слишкомъ заняты своими персонами, чтобы замѣчать подобныя пустяки. Только старый Мартино и маленькая Пизана были догадливы. Когда, въ отсутствіи Лючилио, Клара была вынуждена идти на прогулку подъ руку съ Партистаньо и казалась задумчивѣе обыкновеннаго, старикъ спрашивалъ меня: „Быль нынче докторъ Лючилио?“ А Пизана говорила иногда въ раздумьи: „Странная сестра! Я на ея мѣстѣ пожелала-бы скорѣе выйдти замужъ за красиваго молодого человека въ шитомъ кафтанѣ, у котораго была-бы верховая лошадь съ чепракомъ съ галунами, а синьера Дрозда посадила-бы въ кѣтку и подарила-бы бабушкѣ на именины“.

(Продолженіе будетъ.)

СУХАЯ ЛИПА.

У замка, на горной вершинѣ,
Старинная липа стоитъ,—
Густыми, большими вѣтвями,
Качаясь подъ вѣтромъ, шумить.

Подъ липою камень широкий
Давно пріютился, и мхомъ
Поросъ какъ сѣдой пеленою,
И вѣтеръ ему ни почемъ.

На камнѣ уснула дѣвица,—
Тяжелый, томительный сонъ...
Ей графъ молодой полюбился,
И губить красавицу опъ.

Въ далѣкую землю уѣхаль—
Позвала сражаться война—
Желѣзную руку ей подаль,
И плакала горько она.

Промчались многіе годы—
О графѣ не слышно вѣстей,
И часто сидѣла бѣдняжка,
Рыдая, подъ липой своей.

Вотъ рыцарь - красавецъ пріѣхаль,
Пріѣхаль на черномъ конѣ
И дѣвушкѣ молвилъ: „Хочу я,
Чтобъ стала женою ты мнѣ“.

Она отвѣчаетъ: „Женою
Твоею не сдѣлаюсь я,—
Ужъ развѣ тогда, какъ засохнетъ
Зеленая липа моя.

А это еще вѣдь такая
Здоровая липа,—и вотъ
Другую, засохшую, рыцарь
Себѣ у людей достаетъ.

Зеленую липу онъ вырылъ
При лунномъ мерцаньи, тайкомъ,
Сухую ввопаль осторожно
И мху понасыпаль еругомъ.

Поутру проснулась дѣвица,—
Бьетъ солнце въ окошко; тѣней
Отъ липы на стеклахъ не видно...
Въ глазахъ потемнѣло у ней.

Она побѣжала—и плачетъ,
Подъ деревомъ сидя,—и вотъ
Опять появляется рыцарь,
И съизнова въ жены зоветъ.

Она отвѣчаетъ, рыдая:
„Любви отъ меня ты не жди!“
Разгнѣвался рыцарь,—у бѣдной
Кинжалъ очугился въ груди.

Въ то утро и графъ воротился,—
И съ горькою мукой любви
Смотрѣлъ, какъ подъ липой сухою
Бѣдняжка лежала въ крови.

Могилу глубокую вырылъ
Для милой невѣсты своей,
И липу зеленую снова
Нашель и поставилъ надъ ней.

И камень широкій приставилъ,—
Онъ тамъ и понынѣ стоитъ;
Дѣвица въ блаженномъ покоѣ
Подъ липой зеленой лежитъ.

Петръ Вейцбергъ.

ГОРЯЧЕ КАШТАНЫ.

(ИЗЪ А. МЮССЕ.)

Л И Ц А:

Аббатъ Аннибалъ Девицеріо.

Рафаэль Гаручи.

Пальфоріо, трактирщикъ.

Комарго, танцовщица.

Летиція, ея служанка.

Сидалина.

Роза.

Матросы, музыканты, носильщики, слуги и проч.

СЦЕНА I.

БЕРЕГЪ МОРЯ. — ВУРЯ.

Матросъ.

Хозяинъ! Помогите! Тонуть! Тонуть!

Пальфоріо.

Кто тонетъ? Гдѣ?

Матросъ.

Вонъ тамъ: разбилась лодка.

Пальфоріо.

Разбилась лодка? Праведное небо!

То лодка благороднаго синьера

Рафаэля Гаручи!

[Голосъ за сценою.

Помогите!

Матросъ.

Ихъ трое борются съ волнами.

Пальфоріо.

Трое?

Бѣгите! Намъ за четверыхъ заплатятъ,
Коль мы спасемъ хоть одного: нѣтъ въ мірѣ
Души доброй синьера Рафаэля.
(Принести Рафаэля. Въ рукахъ у него разбитая гитара.)

Рафаэль.

Спасли-ли женщинъ тамъ?

Матросъ.

Спасли, синьеръ.

Рафаэль.

Ахъ, это два прекрасныя созданья...
Спасите ихъ: я щедро награжу васъ...
(Падаегъ въ обморокъ.)

Второй матросъ.

Его рука заоченьла, онъ
Дрожитъ отъ холода. Внесемъ его туда.
(Уходить въ домъ.)

Третій матросъ.

Ты знаешь, Жакъ, кто тамъ живетъ?

Жакъ.

Комарго.

Третій матросъ.

Танцовщица?

Жакъ.

Ну, да. Она недавно
Играла во „Дворцѣ любви“.

Пальфоріо (входитъ).

Скажите,

Прошу васъ, господа, синьеръ Рафаэль —
Спасенъ-ли онъ?

Третій матросъ.

Его спасли, хозяинъ.

Пальфоріо.

И отнесли въ гостинницу мою?

Третій матросъ.

Нѣтъ, вонъ туда.

Слуга (выходитъ изъ дома).

Синьеръ Гаручи всѣхъ
Благодарить и вотъ за трудъ на водеу.

Матросы.

Да здравствуетъ Гаручи!

Пальфоріо.

Да спасетъ

Его Господь! Скажите мнѣ: очнулся

Отъ обморока онъ?

Слуга.

Благодарю васъ

Любезнѣйшій: синьеру стало лучше.

Ну, уходите-жь; госпожа моя

Объ этомъ проситъ васъ: синьеру

Теперь спокойствіе необходимо.

СЦЕНА II.

У КОМАРГО.

Рафаэль лежитъ на кушеткѣ; Комарго сидитъ.

Комарго.

Признайтесь, Рафаэль, вы меня

Не любите ужъ больше?

Рафаэль.

Отчего вамъ

Такъ кажется? Я не любезенъ съ вами?

Помилуйте: я весь промокъ, я болѣнъ,—

Пойдутъ-ли тутъ любезности на умъ?

А помните, когда мы были въ Римѣ

Прошедшею весною...

Комарго.

Нѣтъ, Рафаэль,

Признайтесь, вы не любите меня?

Рафаэль.

Ну, будь по-вашему... Не думаете-ль вы,

Что я забуду ваши ласки?

Комарго.

Это

Порокъ Италіи обычный: солнце

Здѣсь грѣетъ слишкомъ жарко и любовь

Склоняетъ къ безпрестаннымъ перемѣнамъ...

Скажите мнѣ: съ вѣмъ вы катались въ яхтѣ?

Рафазль.

Съ кѣмъ я катался въ яхтѣ?

Комарго.

Да.

Рафазль.

Съ Лаурой,

Мнѣ кажется.

Комарго.

Неправда.

Рафазль.

Ну, такъ съ Розой
Иль Сидализой, можетъ быть. Вамъ это
Не нравится?

Комарго.

Мнѣ все равно. Не правда-ль,
Когда мы любимъ только въ половину —
Вѣдь это чувство дружбою зовется?

Рафазль.

Не знаю... Что за мысли вамъ приходятъ?
Мы философствуемъ?

Комарго.

Я не сержусь, васъ видя...
Ахъ, кстати, я у васъ просить хотѣла:
Позвольте мнѣ...

Рафазль.

Позволить вамъ, Комарго?..¹

Комарго.

Позвольте замужъ выдти мнѣ.

Рафазль.

Вамъ замужъ?

Комарго.

Да.

Рафазль.

Превосходно! Всѣмъ святымъ клянусь,
Я очень радъ. Такъ замужъ вы хотите?

Комарго.

Вамъ это непріятно?

Рафазль.

Нѣтъ. А можно

Узнать супруга будущего имя?
Я думаю, что Фосколи?

Комарго.

Онъ самый.

Рафазль.

Ахъ, чортъ возьми! Да я въ восторгѣ просто:
Мнѣ этотъ мальчикъ нравится и васъ
Онъ любить искренно.

Комарго.

И вы меня
Прощаете, что я васъ такъ покину?

Рафазль.

Отъ всей души! Послушайте, Комарго,
Мнѣ ваша дружба дорога, но будемъ
Мы откровенно говорить: два года
Любви и счастья—это слишкомъ долго!
Кто можетъ съ сердцемъ совладѣть своимъ?
Какъ звукъ случайный все въ немъ исчезаетъ
И остается скука лишь одна...
Вы знаете меня: что я такое?
Я вѣтрено мечтою увлекаюсь
И вслѣдъ за ней бѣгу я торопливо,
Но лишь успѣлъ ее догнать—глядишь,
Мечта иная снова манить душу.
Да, это такъ. Разстанемся-жь друзьями
И безъ ревнивыхъ ссоръ. Идите замужъ.
А если намъ когда-нибудь придетъ
Фантазія влюбиться, мы, Комарго,
Возьмемъ и влюбимся опять другъ въ друга.
Не правда-ль, это хорошо?

Комарго.

О, да.

Рафазль.

Клянусь святымъ Іосифомъ, -я въ церковь
Самъ поведу васъ.

(Цѣлуетъ ее.)

Этотъ гоцѣлуй

Пусть будетъ свадебнымъ моимъ подаркомъ;
А эту вещь къ нему я прибавляю
Въ воспоминанье обо мнѣ

Комарго.

Вашъ вѣрь?

Рафазль.

Не правда-ли, вѣдь онъ недурень?
Широкъ какъ четверть мѣсяца и блещеть
Узоромъ золотистымъ, какъ павлинь;
Какъ крылья бабочки онъ разноцвѣтенъ,
Измѣнчивъ будто женщина, звенить
Гремушками серебряными, точно
Какъ арлекинъ... Храните-же его:
Быть можетъ, вамъ когда-нибудь напомнить
Онъ обо мнѣ: въ немъ вѣрный мой портретъ.

Комарго.

Да, твой портретъ—ты правду говоришь!
О, стыдъ и горе! Глупый человѣкъ,
Какъ могъ ты въ сѣть, разставленную мною,
Запутаться? Скажи мнѣ: за кого
Меня считаешь ты? За что позорить,
Что сдѣлала тебѣ я? Посмотри,
Твой лобъ еще не высохъ отъ моихъ
Вчерашнихъ поцѣлуевъ, а сегодня...
Сегодня ты одной заботой полонъ—
Отдѣлаться полегче отъ меня!
Нѣтъ, если-бы на край свѣта ты
Укрылся отъ меня и я, босая,
Должна была идти туда, клянуса,
Пошла-бы я и тамъ тебя сыскала!
О, бойся ты моей любви, Гаручи,
Моя любовь какъ море глубока!
Ты вырылъ мнѣ могилу, но туда
Тебя столкну я прежде! Кто способенъ
Ласкаться, тотъ умѣетъ и кусать;
Кто можетъ цѣловать—душить тотъ можетъ!
Въ борьбѣ за жизнь порою человѣкъ
Сильнѣй быка, взбѣшеннаго средь цирка...
Я покажу тебѣ, легко-ль разстаться
Съ той женщиной, которая два года
Жила съ тобой, пожертвовавши всѣмъ —
Стыдомъ, спокоевствіемъ, которую теперь,
Когда у ней одно осталось въ свѣтѣ—
Твоя любовь, ты хочешь нагло бросить,
Какъ стоптанный, изношенный башмакъ!

Рафазль.

Какіе чудные глаза! Когда вы
Воспламеняетесь подобнымъ гнѣвомъ,
Вы, милая Комарго, несравненны...

Комарго.

Оставьте-ли вы меня, мой Боже!
Иль вы хотите, чтобъ себѣ о стѣну
Я голову разбила?

Рафазль (привлекая ее).

Успокойтесь,

Стѣна жества—вотъ это кресло мягче.
Ну, перестаньте-же, мой ангель, плакать.
Ужели мой отвѣтъ на вашу просьбу
Такъ оскорбилъ васъ? Я хотѣлъ доставить
Вамъ удовольствіе, но въ самомъ дѣлѣ
Я никогда не думалъ такъ.

Комарго.

О, если

Вы говорили правду!..

Рафазль.

И повѣрить,

Комарго, вы могли моимъ словамъ?
Вы рассказали сказку мнѣ, а я
Вамъ баснею отвѣтилъ. Успокойтесь:
Я въ васъ влюбленъ, какъ въ первый день признанья,
Моя красавица, моя игрушка,
Мое единственное благо въ жизни!

Комарго.

Прости ему, о, Боже, если онъ
Лжетъ предо мной!..

Рафазль.

Жестокая! Возможно-ль

Для васъ сомнѣніе въ моей любви,
Когда вы такъ прекрасны?

(Подводитъ ее къ зеркалу.)

О, скажи мнѣ,

Кто сдѣлалъ эти кудри, эти очи
Такими черными, межъ тѣмъ какъ тѣло
Молочной бѣлизной сіяетъ нѣжно?
Держу пари, когда освободится
Изъ шелковой темницы этотъ станъ,
То позавидуетъ ему сама Киприда.

Комарго.

Довольно... Посмотрите, нѣтъ-ли
Кого въ той комнатѣ.

Рафаэль (уходитъ, про себя).

Какая скука!

Комарго (смотря ему вслѣдъ).

Нѣтъ, онъ мнѣ лжетъ, обманываетъ онъ,
Смѣется надо мной: я это вижу
Въ его походкѣ, въ голосѣ, во взглядѣ,
Во всемъ, что мнѣ онъ говорить... О, я
Сойду съ ума!..

Рафаэль (возвращаясь).

Повсюду тишина —

Снаружи и внутри... А садъ у васъ
Отличный, право...

Комарго.

Слушайте, Рафаэль,
Я жду отъ васъ, чтобъ вы мнѣ доказали
Свою любовь на дѣлѣ.

Рафаэль.

Я готовъ.

Комарго.

Сегодня вечеромъ я уѣзжаю въ Вѣну:
Конечно, вы поѣдете за мною?

Рафаэль.

Сегодня вечеромъ?.. Не для того-ль сейчасъ
Хотѣли вы увѣриться, одни-ли
Мы въ этой комнатѣ?

Комарго (громко).

Летиція! Лафлеръ!

Летиція (входить).

Синьера?

Комарго.

Прикажите приготовить
Мнѣ въ вечеру сегодня лошадей.

(Летиція уходитъ.)

Рафаэль.

Клянусь моею душою, вы больны
Разстройствомъ мозга.

Комарго.

Ѣдете за мной вы?

Рафаэль.

Конечно, нѣтъ.

Комарго.

Прощайте-же, Гаручи:

Я васъ покину и одна уѣду.

Въ любовницахъ желаю счастья вамъ!

Рафаэль.

Въ любовницахъ? Клянусь, я не имѣлъ ихъ.

Комарго (въ себя).

Такъ кто-же я была?..

Рафаэль.

Прекрасный другъ мой,

Вы снова начинаете сердиться?

Комарго.

А та, съ которой ты катался въ лодкѣ?

Что съ нею дѣлалъ ты? Не запирайся!

Кто эта женщина?.. Я знаю все!

Развратная дѣвчонка, потаскушка,

Которой я въ лицо могла-бы плюнуть!..

Рафаэль.

О, Брадаманта храбрая! потише.

Сейчасъ вы были нѣжны.

Комарго.

Я была

Безумной женщиной, теперь очнулась...

Рафаэль.

Э, Боже мой! Да васъ понять нельзя,

Васъ сердить все: сидѣлъ я вмѣстѣ съ вами —

Вы мнѣ идти велѣли, посмотрѣть

Одни-ль мы въ комнатѣ; я [ухожу,

Я исполняю ваше порученье

И возвращаюсь—вамъ угодно ѣхать

Сейчасъ-же въ Вѣну... Всѣмъ святымъ клянусь,

Кто разберетъ, что дѣлать тутъ?

Комарго.

Рафаэль!

Не я-ль тебѣ когда-то говорила:

„Иди сюда!..“

(Указываетъ на Джиданъ.)

И ты ложишься тамъ

И звалъ меня къ себѣ съ мольбою страстной,

Но я не шла и ты молил нѣжнѣе...
 Въ тѣ дни владѣль ты силой роковой,
 Которая могла меня заставить
 Упасть къ тебѣ на сердце... И тогда
 Всѣ были правы: не роптала я,
 Но плакать ты въ восторгѣ сладострастномъ
 И звалъ меня своей безчеловѣчной...
 Была-ли я — скажи теперь, Рафаэль, —
 Въ тѣ дни твоей любовницей — была-ли?

Рафаэль.

Безчеловѣчная, жестокая моя!
 Моя царица, божество, любовь,
 Приди ко мнѣ: я страстно жду тебя!
Комарго (бросаясь въ его объятія).
 Рафаэль, ты меня не любишь больше!

СЦЕНА III.

ПЕРЕДЪ ДОМОМЪ КОМАРГО.

Аббатъ Ашпаль Деаидеріо (выходитъ изъ носилокъ), музыканты,
 носильщики.

Аббатъ.

Такъ здѣсь живетъ Комарго?

Носильщикъ.

Да, синьерь,

Вонъ этотъ домъ напротивъ колокольни.
 Изволите примѣтить два окна,
 Что въ занавѣскахъ — тамъ синьеры спальня.

Аббатъ.

Благодарю, любезный. Вотъ тебѣ!
 Чортъ поberi! мнѣ кажется я выбралъ
 Удобный вечеръ и сегодня мнѣ
 Удастся получить за страсть награду.
 Луна сейчасъ покажется — отлично!
 Мы съ разу кончимъ дѣло. Чортъ возьми,
 Я не изъ тѣхъ, кто ждать готовъ у двери,
 Чтобъ простудиться и охрипнуть. — Ну,
 Бездѣльники, скажите, что-то намъ
 Сыграете вы?.. Piano... amoroso!..
 Слухъ у синьеры тонкій... Mi-bémol

Какой-нибудь такой теперь-бы нуженъ
 Для выраженья пыла моего...
 Однакоже я спрячусь подъ балкономъ...
 Ты говоришь, что эти окна въ спальню—
 Не правда-ль?

Носильщикъ.

Да, синьерь.

Аббатъ.

Играйте тише,

Нѣжнѣ... тише, умоляю васъ...
 Ну, не жестоки-ли мои мученья?
 Я разорился, просто разорился
 На ужины возлюбленнымъ моимъ,
 На серенады эти...

Музыканты.

Andantino,

Синьерь.

(Музыка.)

Аббатъ.

Ахъ, эти аріи всѣ глупы.
 Запойте лучше: „Дивная Филида“,
 „Моя Климена“—что-нибудь...

Музыканты.

Allegro,

Синьерь.

(Музыка.)

Аббатъ.

Однако ничего не видно
 Въ ея окнѣ... гмъ...

(Музыка продолжается.)

Ровно ничего!..

Вотъ варварка! И заправѣска даже
 Не шелохнется!.. Стой, подай-ка мнѣ гитару.

(Беретъ гитару.)

Фу, чортъ возьми!

(Беретъ другую гитару.)

Ну, самъ я запою:

Мнѣ кажется, что негодян эти
 Всѣ поклялись безсовѣстно фальшивить.

(Поетъ.)

Исполненъ мукъ, я здѣсь колѣна...
 Гмъ... мі... мі... ла... мі... хорошо.

Исполненъ мукъ, я здѣсь колѣна
 Склоняю съ страстною мольбой:
 Явись, явись, моя Климена,
 И раздѣли любовь со мной!
 Какъ, чортъ возьми, никто не повазлся?!
 Что-жь, иль она меня заставить хочетъ
 Здѣсь сторожить всю ночь? Гмъ... мы посмотримъ.

(Поеть.)

Исполненъ мукъ, я здѣсь колѣна...

Рафаэль (выходитъ изъ дому и останавливается у двери).

Ахъ, господинъ аббатъ, такъ это вы?
 Ну, кажется, попали вы не къстати.

Аббатъ.

Быть можетъ потому, что выгналъ васъ?

Рафаэль.

Напротивъ: я вамъ оставляю мѣсто,
 И мѣсто теплое—могу завѣрить.

Аббатъ.

Синьеръ, синьеръ, прошу васъ перестать;
 Чтобъ осквернить уста, не нужно рѣчи,
 Довольно слова одного.

Рафаэль.

Серьезно?

А для того, чтобъ осквернить уста
 Что нужно—ваше пѣніе, конечно?

Аббатъ.

Я уши тѣ, которыми голосъ мой
 Не нравится, могу сейчасъ обрѣзаты!

Рафаэль.

Синьеръ, потише! Надобно сначала
 Поужинать: вамъ нужно знать, что ночью
 Я не дерусь и не ложуся спать я
 Безъ ужина.

Аббатъ.

Мнѣ, кажется синьеръ,
 Для ужина въ компаніи людей
 Порядочныхъ, едва-ли вы годитесь.

(Трогаетъ его.)

Гдѣ это вы такъ выкупались скверно?
 Какъ васъ зовутъ?

Рафаэль.

Меня зовутъ: синьеръ
Пустой-Кошель, иначе: разбиватель
Пустыхъ горшковъ или головъ аббатовъ.
Не поняли? Я говорю, синьеръ,
Что по отцу меня зовутъ Гаручи.

Аббать.

Надѣюсь я, на завтра вашъ отецъ
Лишится сына своего. Вашъ адресъ?

Рафаэль.

Отель Дофина. Въ Маломъ Паркѣ, дверь
Направо.

Аббать.

Хорошо. Оружье ваше?

Рафаэль.

Мнѣ все равно: желѣзо иль свинець,
Клинонь, иль пуля.

Аббать.

Чась условный?

Рафаэль.

Въ полдень.

(Аббать кланяется, отходитъ и садится въ портшезъ.)

А, этотъ маленький аббать горячъ!
Чортъ побери, онъ, право, добрый малый.
Недурно будетъ пригласить его
Поужинать.—Синьеръ, синьеръ! прошу васъ
Не торопитесь такъ...

Аббать.

Что вамъ угодно?

Рафаэль.

Носильщики у васъ бѣгутъ, какъ-будто
Бьютъ ихъ лихорадка. Погодите,
Остановитесь: я хочу задать вамъ,
Изъ алгебры проблему.—Разрѣшите,
Разумно-ли я думаю, что столь
Относится къ постели такъ, какъ груша
Относится къ вину? И, сверхъ того,
Два незнакомыхъ человѣка, дратья
Другъ съ другомъ выходящіе, имѣютъ,
Сказать по правдѣ, очень глупый видъ.
Все это взявъ въ разсчетъ, не лучше-ль намъ

Отужинать вдвоемъ, чтобъ покороче
Для завтрашняго дня знать другъ друга?
Какъ полагаешь ты, аббать?

Аббать.

Маркизь,

Ты совершенно правъ и я согласенъ.

(Выходить изъ носилокъ.)

Рафаэль.

Вотъ музыканты есть уже у насъ,
А ужинъ—ужинъ мы сейчасъ достанемъ.
Пальфоріо! Хозяинъ!

(Стучитъ въ дверь гостиницы.)

Эту дверь

Пробить труднѣй, чѣмъ у дѣвицы сердце.
Пальфоріо! Каналья! Старый чортъ!
Ахъ, палачи! они всѣ спятъ навѣрно!

(Бросаетъ камень въ окно.)

Пальфоріо (изъ окна).

Синьерь, что вашей милости угодно?

Рафаэль.

Вели намъ сдѣлать ужинъ. Да живѣе!
Не то мы стекла всѣ переколотимъ.
Ворочайся-жь, мѣшокъ! А чортъ возьми!
Когда-бъ я былъ такой-же толстой бочкой,
Какъ ты, я приказаль-бы непременно
Себя повѣсить надъ трактирной дверью
На мѣсто вывѣски: по крайней мѣрѣ
Тогда-бъ всѣ знали, гдѣ тебя найти.

Пальфоріо.

Сіятельный синьерь, прошу прощенья.

Рафаэль.

Ну, шевелись! Вынь всѣ твои костюли,
Да лучшаго вина намъ принеси,
Да покрасивѣ пришли служанку,
И все, что есть, давай сюда на столъ:
Цыплятъ, гусятъ, быковъ, собакъ и кошекъ,
Жену и слугъ! Иди-жь скорѣй, аббать,
Мы въ честь веселья, въ честь дуэли нашей
Сегодня покутимъ за четверыхъ!

СЦЕНА IV.

УВОРНАЯ КОМАРГО. — ЕЕ ОВУВАЮТЬ.

Комарго.

Прийти онъ долженъ... Не забудьте мнѣ
Сказать, когда мой выходъ; а теперь
Ступайте.

(Служанка уходитъ.)

Боже мой, какъ это вѣрно,
Что женщина всегда влагаетъ часть
Своей души въ ту душу, для кото рой
Она любовью жертвуетъ. Иначе
Откуда-бы могли явиться въ ней
И жажда роковая нераздѣльно
Существовать съ любимымъ человѣкомъ,
И тайный страхъ—страхъ потерять его?
Не такъ мужчины созданы: ихъ чувство—
Волна отлива, что бѣжитъ назадъ
Отъ береговъ, къ которымъ привлекалась.
Во всякой связи это такъ бываетъ:
Въ то время, какъ одна любовь живѣй
Становится и крупнѣе годъ за годомъ,
Другая, охлаждаясь, замираетъ.
Ахъ, женщина въ любви какъ лошадь въ битвѣ
На дротикъ наскочившая: тѣмъ дальше
Жѣлѣзо въ грудь ей входитъ, тѣмъ сильнѣе
Она впередъ стремится, чтобъ погибнуть.
Мужчина-же—онъ сходенъ съ жалкимъ трусомъ:
Едва коснется сталь къ его груди,
Ему мерещится, что рана въ самомъ сердцѣ,
И онъ бѣжитъ въ смятеніи и страхъ...

— О, какъ-бы я желала, чтобы въ немъ
Мои глаза зажгли такой-же пламень,
Какимъ томлюся я: тогда, клянусь,
Была-бы я безжалостна, какъ нищій,
Невыпросившій корки въ цѣлый день,
Безжалостенъ порой къ своей собацѣ.
Ужель я подурнѣла такъ? Ужели
Отъ трехъ ночей бессонницы тревожной
Померзли щеки и глаза мои?

Мой Боже развѣ я не та Комарго,
 Какой была всегда? Кто назоветъ
 Румянецъ мой поблѣвшимъ? Нѣтъ, какъ прежде,
 Я хороша! Твоя любовь, Гаручи,
 Состарилась, а не лицо мое.
 Когда-бы шутъ уродливый задумалъ
 Представить Феба, походилъ-бы онъ
 На божество вѣрнѣй, чѣмъ свѣтлый образъ
 Любви, хранимой въ сердцѣ, какъ святыня,
 На маску лживую любви угасшей.
 О, въ это утро предо мной, Рафаэль,
 Открылъ ты сердце, скрыть его желая:
 Интрига модная тебѣ нужна:
 Съ ней можно время проводить спокойно,
 Она баюкаетъ намъ сладко душу,
 Какъ волны тихія; какъ тѣнь отъ дыма,
 Она скользитъ по сердцу безъ слѣда;
 Я не такой любви хочу: о, пусть
 Бушуютъ волны бурей, пусть тѣнь
 Въ пугающій преобразится призракъ;
 Тогда погибнетъ тотъ, кто любитъ лживо,
 Спасется тотъ, чья истинна любовь!
 Ахъ, если есть печали у него,
 Онъ все-таки ложится спать спокойно:
 Мужчины мысль способна находить
 Забвенье въ удовольствіи случайномъ;
 А женщина?—для женщины въ любви
 и жизнь, и смерть; она переживаетъ
 Годами то, съ чѣмъ онъ кончаетъ въ день!

Летиція (входитъ).

Вамъ выходить, синьера, въ третьей сценѣ.

Комарго.

Царицу, Монантель играетъ нынче?

Летиція.

Синьера Монантель.

Комарго.

Въ отель Дофина,
 Велите отнести записку эту.

СЦЕНА V.

БОГАТО УВРАННАЯ СТОЛОВАЯ.

Рафаэль и Аббать, за столомъ; музыканты.

Рафаэль.

Да, да, аббать, въ одинъ прекрасный вечеръ
Увидѣль я Комарго и плѣнилъ:
Случилось это въ тысячу семьсотъ
Шестидесятомъ лѣтѣ отъ рожденья
Спасителя.

Аббать.

О, какъ все это грустно!..

Рафаэль.

Вамъ грустно?—Отчего, аббать, вамъ грустно?
Въ Италиі, по-моему, скорѣе
Безумствовать удобнѣй, чѣмъ грустить.
Про меланхолію толкуютъ: это бездна,
Въ которой люди топятся подь часъ.
(Пьетъ.)

Что до меня—я самъ ее топлю.

Аббать.

Скажите мнѣ, когда вы завладѣли
Прекрасною Комарго, вы ее
Любили очень сильно?

Рафаэль.

Да, любилъ!

Сказать по правдѣ, я распорядился
Довольно ловко: серебро дублоновъ
Сердца стальные даже разбиваетъ.
Въ началѣ пламень страсти у меня
Горѣлъ ужасно! я къ Комарго бѣгалъ
И вечеромъ, и утромъ, какъ безумный.
Она была въ то время хороша,—
Такъ хороша, что ровно черезъ мѣсяцъ
Я пересталъ у ней бывать. Комарго
И небеса, и землю всполошила,
А я—я скрыться поспѣшилъ. Однако
Меня нашли: упреки, плачь, угрозы—
Ну, все какъ слѣдуетъ. Я перенесъ все храбро

И прежнія сношенья разорвалъ.
 Мы разлучились и потомъ другъ друга,
 Какъ водится, забыли.. Но однажды
 Надъ Римомъ ночь волшебная взошла:
 Какъ серебро лилось луны сіянье,
 Въ прозрачномъ воздухѣ чуть вѣялъ вѣтеръ;
 Я тихой рощей проходилъ и вдругъ
 Знакомую я увидалъ тропинку—
 И вспомнилъ о минувшемъ и пошелъ
 Туда, чтобъ снова, какъ во дни былые,
 Комарго поцѣлуемъ разбудить.

Аббатъ.

И вы сошлись съ ней опять?

Рафаэль (разбиваетъ стаканъ).

Сошелся.

Къ несчастью, это такъ-же справедливо,
 Какъ то, что я сейчасъ разбилъ стаканъ!
 Любовь моя прошла, конечно, скоро.
 Что будешь дѣлать? Я всю жизнь служилъ
 Фантази, измѣнчивому богу.
 Она владѣетъ мной и безпрестанно
 Въ ея рукахъ, полишинель безумный,
 Я дергаюсь и такъ, и сякъ; она
 Мой кошелекъ по прихоти своей
 Развязываетъ въ волю и она-же
 Ведетъ за поводъ моего коня,
 Куда захочетъ... Всюду я хожу
 Бродягой празднымъ, разѣваю ротъ
 На счастье и счастье между тѣмъ
 Прочь отъ себя гоню я, имъ скучая...
 Въ прошедшій годъ собаками и бредилъ,
 Потомъ отъ женщинъ я сходилъ съ ума,
 Теперь-же, право, надоѣли мнѣ
 Всѣ женщины и всѣ собаки въ мірѣ!
 Встрѣчалъ я много маленькихъ царицъ:
 Онѣ владѣли мной, меня ласкали,
 Трепали, цѣловали... Ну, теперь
 Довольно этимъ заниматься: слишкомъ
 Я избалованъ... Что-же до Комарго—
 Я вамъ ее отдамъ охотно, если
 Вы этого желаете... Клянусь,

Пусть лучше петля обовьетъ мнѣ шею,
Чѣмъ руки женщины, мнѣ надоѣвшей.

Аббать.

Все это очень грустно...

Рафаэль.

Эхъ, аббать,

Опять вамъ грустно.

(Музыкантамъ.)

Ну-ка, музыканты,

Развеселите насъ!

(Музыка.)

Какъ хороши

Двѣ эти аріи. Поэзію люблю я.
Но музыка, по-моему, чудеснѣй.
Языкъ безъ горла ничего не значить.
Возьмите Данта: Серафимъ его
Не говоритъ словами, а поетъ онъ.
Я музыкѣ обязанъ тѣмъ, что вѣрю
Душою въ Бога...

Ну, живѣй! смѣлѣй!

Такъ! такъ!—crescendo!

Чортъ возьми, однако:

Аббать-то вѣдь заснулъ. Сказать по правдѣ,
Онъ къ меланхоліи чертовски склоненъ.
О, сладкій сонъ! Балзамъ души цѣлебный!
Пусть онъ тебя вкушаетъ дольше, дольше.
Спать послѣ ужина, напившись пьянымъ,—
Нѣтъ выше наслажденья въ этомъ мірѣ!

Пальфоріо (входятъ).

Письмо, синьерь.

Рафаэль (прочитавъ письмо).

Пусть небеса надъ нею

Обрушатся! Скажите, что, конечно,
Я не пойду... Простойте: то-есть я...
А, чортъ возьми! Ну, да... иль нѣтъ... а впрочемъ,
Скажите, что приду я.

Пальфоріо (уходитъ).

Эй, аббать!..

Кланусь моей душою, онъ храпитъ,
Какъ сумасшедшій.

Аббать.

Милая синьера,
Прошу прощенья... Развѣ я уснулъ?

Рафаэль.

Послушайте: хотите у Комарго
Вы быть сегодня, другъ?

Аббать (вставъ).

Какъ, въ этотъ вечеръ?

Рафаэль.

Да, въ этотъ вечеръ. Видите, она
Сегодня ждетъ меня до полуночи.
Теперь одиннадцать. Другъ съ другомъ платьемъ
Мы помѣняемся...

(Аббать начинаетъ разстегиваться.)

Давайте мнѣ вашъ плащъ!

(Аббать отдаетъ ему.)

Вы подойдите къ маленькой калиткѣ
И кашляните два раза. Тихонько
И съ разстановкой кашляйте.

Аббать.

Кха! кха!

Рафаэль.

Отлично. Ростомъ мы почти равны.
Ну, помѣняйтесь-же платьемъ.

(Мѣняются.)

Такъ!

Чортъ побори! костюмъ ханжи даетъ мнѣ
Забавный видъ. Я сталъ аббать Гаручи,
Вы Анибаль-маркизь. Чудесно, право!..
Когда войдете вы, Комарго будетъ
Сидѣть за клавесиномъ: тутъ—смотрите—
Не потеряйтесь и гасите свѣчку.
Альковъ—запомните—отъ входа вправо.
Красавица не скажетъ вамъ ни слова
И вы не говорите ничего.

Аббать.

Прекрасно. Я иду... Маркизь, отнынѣ
На жизнь и смерть тебѣ душой я преданъ.
Когда тебѣ любовница моя
Поправится—какой-бы ни былъ день,
Какой-бы часъ то ни былъ, мнѣ два слова

Сважи—и пусть умру я, если
Она твоей не будетъ въ тотъ-же вечеръ!

(Уходитъ.)

Рафаэль (кричитъ ему изъ окна).

Аббатъ, послушайте, чтобъ совершенно
Васъ за меня почли, когда войдете,
Вы поцѣлуйте горничную!..

Эй,

Бездѣльнигъ старый! Прикажи скорѣе,
Чтобъ Сидализу привели ко мнѣ!

СЦЕНА VI.

У КОМАРГО.

Комарго (входитъ).

Разуй меня... Я просто задыхаюсь....
Письмо мое вы отослали?

Летиція.

Да,

Синьера.

Комарго.

Что-же отвѣчалъ онъ?

Летиція.

Что онъ придетъ.

Комарго.

Онъ былъ одинъ?

Летиція.

Съ аббатомъ.

Комарго.

Съ аббатомъ? Какъ зовутъ его?

Летиція.

Не знаю.

Боротенькій, раздутый человѣкъ.

Комарго.

Летиція!

Летиція.

Синьера?

Комарго.

Подойдите

Ко мнѣ поближе.—Съ нѣкоторыхъ поръ,

Не правда-ли, я очень поблѣднѣла,
Я измѣнилась? право и страшна,
Я не причесана. Вы слишкомъ туго
Стянули мнѣ корсетъ: я задыхаюсь.

Летиція.

Мнѣ кажется, синьера, цвѣтъ лица
У васъ особенно хороше сегодня.

Комарго.

Вы думаете?.. Поднимите стору
И сядьте около меня...

Скажи мнѣ,

Летиція, во глубинѣ души
Ты думаешь, порою, что любовь—
Несчастіе для женщины?

Летиція.

Несчастіе,

Когда богаты!

Аббатъ (снаружи).

Кха!

Комарго.

Ты слышишь, кто-то

Тамъ кашляетъ? Шаги?.. Однако
Походка не его...

Летиція.

Но этотъ голосъ

Его навѣрное. Я отворю сейчасъ.
Синьеру дверь.

Комарго.

На плечи мнѣ налейте

Духовъ изъ этого флакона.

(Комарго остается нѣкоторое время одна. Молчаніе. Летиція входитъ, въ сопровожденіи аббата въ одеждѣ Гаручи, и потомъ удаляется. Аббатъ зацѣпляетъ краемъ плаща свѣчу и гаситъ ее.)

Аббатъ (бросаясь на шею Комарго).

Ахъ!

(Комарго садится; потомъ встаетъ и уходитъ въ альковъ. Аббатъ идетъ за нимъ въ темнотѣ. Она оборачивается и протягиваетъ руку; онъ схватываетъ ее.)

Комарго.

Широкая рука! Не онъ! На помощь!

(Оба остаются на мгновение неподвижны.)

Аббатъ.

Синьера, думая...

Комарго.

О, помогите!

Кто этотъ человѣкъ!?

ГОРЯЧЕ КАШТАНЫ.

Аббать (закрывая ей платвомъ ротъ).

Чортъ побори!

Моя красавица, ни слова больше!
Я буду васъ держать, какъ вы ни рвитесь.
Кричите, если вамъ угодно это,
Я все-таки не брошу васъ, покуда
Не склонитесь вы на мои желанья.

Еомарго (задыхаясь).

Ахъ!..

Аббать.

Слушай: если ты желаешь,
Чтобъ провели мы время въ потасовкѣ,
То будь по-твоему! Но я тебѣ клянусь,
Что въ этомъ дѣлѣ ровно ничего
Не выиграешь ты, хоть—увѣрю—
И ничего не потеряешь... Небомъ,
Синьера, умоляю: успокойтесь,
Вы раните себя... Мнѣ будетъ жалко,
Смертельно жалко...

Еомарго (срываетъ съ кушака пряжку и бьетъ
его по лицу).

Негодяй! Убійца!

О, помогите!

Аббать.

Будьте-же, синьера,
Благоразумнѣе и не кричите такъ.
Иль вы желаете, чтобъ ваши слуги
Пришли сюда и разболтали все?
Иль вы полицію призвать хотите?
Мы здѣсь одни... Теперь ночное время...
Вы ошибаетесь жестоко, если
Воображаете, что люди ходятъ ночью,
Оружья не имѣя. Разсудите,
Какая-же вамъ выгода, когда я
Распотрошу лакея или двухъ?..
Подумаетъ-ли кто, что отъ того
Я въ вашей спальнѣ менѣ былъ счастливъ?
Напротивъ, стану говорить скорѣе,
Что человѣкъ, столь страшный въ преступленьяхъ,
Ихъ всѣхъ свершилъ...

Еомарго.

Но кто-же ты, когда
Такъ говоришь мнѣ?..

Аббать.

Кто? Не знаю!

Сейчасъ я былъ Гаручи...

Комарго (подводитъ его къ окну, освѣщенному луною).

Подойди

Сюда къ окну. Клянись твоею жизнью,
Что значить эта странная загадка?

Аббать.

Простите мнѣ, синьера! Отъ любви къ вамъ
Схожу съ ума я... Я пришель—куда?
Не знаю самъ!.. О, умоляю васъ,
Не дѣлайте смертельной мнѣ обиды,
Не думайте, чтобъ на обманъ подобный
Рѣшился я, когда-бъ себя я помнилъ.
Нѣтъ, небо я въ свидѣтели беру:
Чтобъ сдѣлаться достойнымъ васъ, никто
Такъ много не заботился...

Комарго.

Я вѣрю,

Что въ самомъ дѣлѣ мозгъ твой не въ порядкѣ...
Но объясни мнѣ, наконецъ, гдѣ взять
Ты этотъ медальонъ?

Аббать.

Взялъ у Гаручи.

Комарго.

Какъ у Гаручи?! Ты убилъ его?

Аббать.

Убилъ его? Нѣтъ, я его оставилъ
Веселымъ и съ бутылкою въ рукахъ.

Комарго.

Ты нагло лжешь!

Аббать.

Синьера, разсудите:

Вѣдь только онъ придумать могъ обманъ,
Вѣдь только онъ могъ дать мнѣ этотъ случай,
Чтобъ видѣть васъ, моя богиня. Кто-же,
Кто указалъ мнѣ для свиданья мѣсто?
Кто часъ условный объявилъ и платьемъ
Со мною помѣнялся?

Комарго.

О, Рафаэль!

Въ тотъ день, когда всѣ волоса Комарго
По одному спадуть къ ея ногамъ,
Когда поблекнуть щеки у нея,
Какъ щеки трупа, и глаза отъ слезъ
Повыпадутъ изъ вѣкъ—въ тотъ день ты скажешь:
Довольно истязаній! И, быть можетъ,
Ты остановишься тогда!

Аббатъ.

Синьера...

Комарго.

И что за человекъ, кого подставилъ
Онъ за себя? Какую гнусной грязью
Бросаетъ мнѣ въ лицо онъ? Подойди,
Въ твоихъ глазахъ я прочитатъ желаю,
Что привело тебя ко мнѣ: безумье
Иль подлость? Или то и это вмѣстѣ?

Аббатъ.

Синьера...

Комарго.

Я тебя видала гдѣ-то?

Аббатъ.

У графа Фосколи.

Комарго.

Ты правъ. Быть можетъ,

Могу я сердце облегчить свое—
Не отъ стыда за гнусный твой поступокъ—
Отъ жалости за то, что ты сыгралъ
Роль дурака. Посмотримъ, говори.
Ты много выпилъ? Къ наглости твоей
Ты приведенъ безстыдствомъ или пьянствомъ?
Пойди! я вѣрю, не опасенъ ты.
Онъ разыгралъ все это: для него
Ты былъ рабомъ слѣпымъ, покорнымъ—только.
Ну, слушай-же—быть можетъ, это будетъ
Тебѣ полезно: возвратись къ нему
И если за столомъ его застанешь,
Про свой успѣхъ ему поразскажи:
Пусть одождаетъ онъ своихъ друзей
Хористками изъ оперы...

Аббатъ.

Синьера
Вы ошибаетесь: Гаручи для себя
Хористокъ сберегаетъ. Удивитесь,
Конечно, вы, что съ Сидализой онъ
Остался ужинать.

Комарго.

Что? Съ Сидализой?

Аббатъ.

Да. Я увѣренъ, что отсюда слышны
Веселыя ихъ пѣсни, если только
Хоть маленькій есть вѣтеръ.

(Оба подходятъ къ окну и прислушиваются. Отдаленная музыка и пѣніе.)

Комарго.

Это правда!

О, небо и земля!

Аббатъ.

Вотъ такъ, Комарго.

Вы, перль красавиць, позабыта имъ
Для женщины продажной!.. О, синьера,
Повѣрьте мнѣ, надъ вашей красотой
Смѣется онъ. Подумайте: въ тотъ часъ,
Когда вы ждете сладкаго свиданья,
Васъ оскорбляютъ тамъ... Но здѣсь за то
Васъ любятъ страстно... Неужели вы
Не склонитесь душою...

Комарго.

Сидализа!

Аббатъ.

Синьера, умоляю, позабудьте
Неблагодарнаго; предъ вами человекъ,
Который любитъ безгранично...

Комарго.

Встань!

Ты силенъ?

Аббатъ.

Да.

Комарго.

Подай твою мнѣ пшагу.

Аббатъ.

Синьера, вы обрѣжетесь! Прошу васъ...

Комарго.

Какъ, ты ужь струсилъ? Ты уже блѣднѣешь?

Аббатъ.

Чортъ побери! Иль вы хотите крови?

Комарго.

Да, крови, крови я хочу, аббатъ!
 Я жажду крови болѣе, чѣмъ воронъ,
 Летающій надъ трупомъ!.. Ты сказалъ мнѣ—
 Онъ съ нею тамъ? Бѣги туда, аббатъ,
 Зарѣжь его и за ноги тащи
 Сюда, ко мнѣ... Но прежде вырви сердце,
 Не то ожить онъ можетъ. Разруби
 Его въ куски и положи ихъ въ скатерть
 И принеси ихъ мнѣ: даю я клятву—
 Пусть молнія небесъ меня сразитъ,
 Когда за рану каждую его
 Не заплачу тебѣ я поцѣлуемъ!
 Дрожишь ты, римлянинъ? Ты въ заблужденіи,
 Коль думаешь, что приведенъ сюда
 Ты добрымъ ангеломъ. Пугаетъ кровь тебя?
 Но кардинальскій плащъ стяжать ты можешь
 Лишь только шпагою. Иль ты воображалъ,
 Что двѣ любви могу имѣть я разомъ?
 Нѣтъ, сердце у меня не такъ обширно:
 Когда въ немъ новая любовь вселится,
 То прежнюю она загрызть должна!

Аббатъ.

Но это вѣдь убійство будетъ, да,
 Синьера, настоящее убійство...
 А правосудіе?

Комарго.

Послушай, на колѣняхъ

Тебя я умоляю!

Аббатъ.

Но, синьера,

Я завтра съ нимъ деруся на дуэли...
 Нѣтъ, это невозможно! Подождите
 До завтрашняго дня.

Комарго.

А если онъ

Убьетъ тебя? Ты говоришь мнѣ: завтра!
 А если я умру, сойду съ ума?

А если солнце не взойдетъ на утро
 На этомъ небосклонѣ?.. Иногда
 Случались подобныя явленья...
 До завтра подождать! Могу-ли я
 Высчитывать минуты и часы,
 Какъ жидъ проценты должниковъ, и ждать,
 Когда настанетъ день ловить добычу?
 Быть можетъ, завтра я уже не стану
 Просить тебя, чтобъ ярый гнѣвъ мой ты
 Своею шпагой въ грудь его направилъ!
 Нѣтъ, нѣтъ; сегодня, говорю тебѣ я,
 А завтра въ божіихъ рубахъ.

Аббать.

Синьера,

Подумайте...

Еомарго (бросаясь ему на шею).

Мой Анибаль! тебя
 Люблю я! Поцѣлуй меня!

Аббать.

О, демонъ!

Еомарго.

Моя любовь и счастье! Помоги мнѣ:
 Я умоляю!.. Ты мнѣ не откажешь?
 Возьми-же шпагу... Ночь темна... Увидѣть
 Тебя не могутъ...

Аббать.

Онъ умретъ—и ты
 Моею будешь?

Еомарго.

Въ эту ночь.

Аббать.

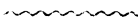
Черезъ часъ!

Ахъ, я дрожу.... я не могу идти
 Я чувствую... я вижу...

Еомарго.

Анибаль!

Я жду тебя, чтобъ наградить любовью.

СЦЕНА VII.

ВЪ ТРАКТИРЪ.

Рафаэль сидитъ съ Розой и Сидаливой.

Рафаэль (поетъ).

Тривеленъ иль Скорамушъ,
Чтобъ прогнать тоску-кручину,
Наливай на половину
Свой стаканъ...

Не знаю, право, въ этой пирамидѣ
Бутылокъ вышитыхъ или на днѣ стакана
Скрываешься ты, демонъ опьяненья,
Но я тебя отчаялся найти.

Сидалива.

Я пью твое здоровье, милый принцъ.

Рафаэль.

А я—твое! Давайте пить мертвецки.
Да здравствуетъ любовь! И къ чорту нѣжность
Моей любовницы!... Пусть по большой дорогѣ
Проходить жизнь веселой пилигримкой!
Мѣняющей пріютъ свой постоянно.

Сидалива.

Пой, принцъ, я буду танцовать.

Рафаэль.

Отлично!

Ахъ, что за дивная нога!

(Ложится у ногъ Розы и играетъ прелюдію.)

Я—Гамлетъ

У ногъ Офеліи. Но, королева,
Мое безумье слаще и мой взоръ
Боговъ веселья свѣтлыхъ вызываетъ
Предъ вашими очами, что блестять
Подъ сѣнью темною рѣсницъ роскошныхъ.

(Поетъ.)

Старый Юпитеръ, внемли!
Здѣсь, среди Книдской пещеры,
Сладкую смерть мнѣ пошли
Въ страстныхъ объятыхъ Венеры.
Даль мнѣ безсмертіе роетъ;
О, если-бъ съ жизнью разстаться

Ты мнѣ, Юпитерь, помогъ:
 Жарче-бъ въ послѣдній часокъ
 Съ Лидой я сталъ цѣловаться.
 Какъ я люблю прелестныхъ персей трепеть
 Въ разгарѣ танца страстнаго...

(Къ Розѣ.)

А вы,

Испани прекраснѣйшая роза!
 Пусть ваши взгляды льются, какъ вино...
 Ну, кажется, что смыслъ мой—слава-богу—
 Немного помрачается...

Сидализа.

Принцъ, что-же

Меня одну оставилъ танцовать ты?

Рафаэль.

Моя царица, ты сказала вздоръ!..

(Встаетъ.)

Я нахожу, что этотъ столъ мѣшаетъ.

(Откидываетъ столъ ногою.)

Пальфоріо (входитъ).

Синьерь, прошу васъ извинить меня,
 Осмѣлюся сказать вамъ: ваша свѣтлость
 Шумите такъ, что къ дому моему
 Вы привлекли вниманье проходящихъ.
 Пожалуйста, умѣрьте ваши крики...

Рафаэль.

Чортъ побери! Ахъ, толстопузый олухъ!
 Я буду здѣсь кричать какъ мнѣ угодно:
 О-о! а-а! го-го!

Пальфоріо.

Позвольте, мнѣ, синьерь,

Напомнить, что теперъ ночное время...

Рафаэль.

Молчать, сѣдая крыса! Иль не видишь,
 Съ кѣмъ говоришь? Передъ тобой аббатъ...
 Кто скажетъ слово—будетъ отлученъ
 И проклятъ!.. Убирайся, хромоногій!

(Танцуетъ и поетъ.)

Ты куда, аббатъ, спѣшишь?

Тамъ ты шею сокрушишь...

Пальфоріо.

Синьерь, коль вы такъ будете кричать,

Я призову полицію; прощенья
Прошу у вашей чести...

Рафаэль.

Берегись,
Чтобъ я тебя не выливyrнулъ ногою.

Пальфоріо.

Я васъ прошу уйти...

Рафаэль.

Ахъ, чортъ возьми!
Я у тебя. Я здѣсь, чтобъ веселиться,
И я не выйду, другъ.

Пальфоріо.

Синьеръ, простите,
Но здѣсь моя гостинница... Я васъ
Прошу отсюда выдти! Караулъ!

Рафаэль.

А коли такъ, такъ вотъ тебѣ въ башку!
(Бросаетъ ему въ голову бутылку.)

Пальфоріо.

Ахъ!

(Падаеть).

Сидализа.

Вы его убили!

Рафаэль.

Нѣтъ.

Сидализа.

Убили.

Рафаэль.

Нѣтъ.

Роза.

Да, убили.

Рафаэль.

Быть не можетъ!
(Наклоняется къ нему.)

Эхъ ты, Пальфоріо, эхъ старая свинья!
Теперь ты знаешь лучше насъ, куда
Уходятъ толстые плуты по смерти...
Я, право, удивленъ, что сатана
Или Плутонъ впустили сразу когти
Въ затылокъ твой плѣшивый...
Ночь добрая тебѣ! Теперь на вѣки

Ты погасилъ свѣтильникъ свой... Прощай!
 Однакоже, красавица моя,
 Уйти намъ надо, а не то сержанты
 Счетъ подадутъ за битую посуду...
 Идемъ-же! Ёдемъ! Я воображалъ,
 Что онъ гораздо крѣпче и что души
 Изъ стариковъ выходятъ такъ-же туго,
 Какъ шпага старая изъ ноженъ...

Сидализа.

Типе!

Идутъ!

Голосъ.

Сюда!

Рафазль.

Мнѣ кажется, каналы,
 Его лакеи, кличутъ полицейскихъ?
 Не будемъ, ангелъ мой, ихъ дожидаться.
 Вотъ этой дверью потайною мы
 По задней улицѣ тихонько проберемся
 Въ мой отель.

Голосъ.

Сюда!

Сидализа.

Мой Богъ! они идутъ!

Рафазль.

И я иду. Прощай-же, Сидализа.

Сидализа.

Прощайте, принцъ.

Сержантъ (входить).

А вотъ они! Ихъ двое!

Сидализа.

Спасайтесь, принцъ!

Сержантъ.

Остановить его!

Рафазль.

Накрапываетъ дождь, но все равно...

Спасайтесь, кто можетъ!

(Выпрыгиваетъ въ окно.)

Солдатъ.

Убѣжалъ онъ!

Сейчасъ, сержантъ, махнулъ вотъ эдакъ разомъ
 Черезъ хозяина, да и въ окно.

Сержантъ.

За нимъ!

Что вижу я? Лежитъ хозяинъ мертвый!
Бѣгите за убійцею! Ловите!

СЦЕНА VIII.

УЛИЦА НА ВЕРЕГУ МОРЯ.

Рафаэль сходитъ со стѣны, обвитый виноградомъ; Аббатъ въ глубинѣ сцены.

Рафаэль.

Чортъ побери суды!.. А, это вы?
Послушайте, отдайте-ка мнѣ плащъ!
Куда-же вы, товарищъ, такъ бѣжите?
Ну, какъ идутъ любовныя дѣла?

Аббатъ (про себя).

Вотъ онъ!

Рафаэль.

Меня, мой милый, догоняютъ...
Я послѣ вамъ все расскажу... Отдайте
Скорѣй мнѣ плащъ.

Аббатъ.

Откуда эти крики?
Тамъ васъ зовутъ? Скажите, что случилось?

Рафаэль.

Бездѣлица: я тамъ убилъ кого-то.

Аббатъ.

Убили? Вы?!

Рафаэль.

Я послѣ объясню вамъ...
Мой плащъ, пожалуйста...

Аббатъ.

Ну, извините,
Я не желаю, чтобъ меня сержанты
Схватили вмѣсто васъ.

Рафаэль.

Пріятель добрый!

(Нѣсколько человекъ проходятъ по сценѣ.)

Послушайте, отдайте мнѣ мой плащъ...
Ну, ладно... Я пойду сказать два слова
Вонъ этимъ дуракамъ.

Аббатъ.

Нѣтъ, никогда

Убить его я не посмѣю, нѣтъ...

(Садится на камень.)

Сержантъ (Рафаэлю).

Кто ты таковъ? Я здѣсь ищу синьера
Рафаэля.

Рафаэль.

Коль онъ не прицѣпился,
Какъ птица, у какой-нибудь трубы,
Коль онъ съвозъ землю не пропасть иль въ воду
Не бросился, то вы его найдете.
Вы знаете его?

Сержантъ.

Да, я имѣю

Его примѣты: желтые чулки,
Зеленое перо.

Рафаэль.

А, въ самомъ дѣлѣ?

Ну, чортъ возьми, немного вамъ хлопотъ
Достанется, чтобъ изловить добычу.
А сколько вамъ дадутъ за это?

Сержантъ.

Гмъ....

Рафаэль.

Вы полагаете, начальникъ вамъ заплатитъ
Порядочныя деньги за поимку?
Насчетъ эка не скупъ у васъ начальникъ?

Сержантъ.

Начальство не скупое, грѣхъ роптать;
Начальство платитъ хорошо, извѣстно,
Коли кто служить хорошо... Примѣромъ
Теперь сказать: вѣдь брюхо хочетъ ѣсть,
А не спина... Стоимъ мы на законѣ...
А по закону такъ: кого повѣсятъ—
Камзолъ его ужъ это въ нашу пользу.

Рафаэль.

А если онъ вдругъ вздумаетъ васъ шпагой?

Сержантъ.

Что-жь, пистолеты есть у насъ.

Рафаэль.

Ага!

А кромѣ пистолетовъ, что еще?

Сержантъ.

А палка вотъ.

Рафаэль.

Ага! А кромѣ палки?

Сержантъ.

Кинжалъ тосканскій.

Рафаэль.

Хорошо. А кромѣ

Тосканскаго кинжала?

Сержантъ.

Эта шпага.

Рафаэль.

А кромѣ шпаги что?

Сержантъ.

А кромѣ шпаги

Нѣтъ больше ничего.

Рафаэль (бьетъ его).

Такъ вотъ тебѣ

За пистолеты!

Сержантъ.

Ай!

Рафаэль.

А вотъ за палку!

А это вотъ за твой кинжалъ тосканскій!

Сержантъ.

Я умираю! Ой!

Рафаэль.

Синьеръ Гаручи

Теперь, конечно, дома у себя,

Иди-жь туда!

(Гонитъ его.)

Мнѣ кажется, что это

Изъ Донъ-Жуана.

(Возвращается.)

Ну, аббатъ, что скажешь

Объ этомъ олухѣ?.. Теперь, однако, надо

Укрыться мнѣ. Я возвращуся въ Римъ.

(Аббатъ подходитъ къ нему и вонзаетъ ему шпагу въ горло.)

Вы обезумѣли, аббатъ!.. Аббатъ!

(Падаеть.)

17*

Я умираю... О, проклятье!.. Такъ-то
Ты отплатилъ мнѣ...

(Хочетъ приподняться.)

О, аббать, докончи,

Молю тебя... Дай умереть мнѣ... Боже,
Земля уходитъ подо мною, небо
Передъ глазами вертится... Собака,
Аббать! Уйди, я заклинаю Богомъ...
Уйди!.. Что предо мною ты стоишь,
Какъ привидѣніе, съ открытыми очами?..

Аббать.

Я жду, чтобы ты умеръ.

Рафаэль.

О, проклятье!..

И ты меня оставишь, чтобы я
Здѣсь околѣлъ, какъ нищій, какъ язычникъ...
Добей меня... Воды мнѣ!—ради неба,
Воды мнѣ!.. Матери моей скажи,
Что вещи всѣ мои прошу отдать
Я моему шуту Пиппо.

(Умираетъ.)

Аббать.

Ступай!

Безумецъ! Смерть твоя мнѣ будетъ жизнью!
Твоя могила—брачною постелью,
Гдѣ обойму мою невѣсту я
Подъ завѣсой холодной этой ночи!..
Теперь насталь тотъ часъ, когда сова
Вокругъ блудящихъ огоньковъ кружится,
Когда чудовищный осетръ всплываетъ
На голубыя воды и въ молчаньи
Глядитъ, какъ въ зеркалѣ хрустальномъ волнѣ
Купаются лучи свѣтилъ небесныхъ;
Когда сѣдая, сгорбленная вѣдьма,
Ворча слова ужасныхъ заклинаній,
Нагую дѣвушку на шабашъ моетъ;
Когда треликая Геката мчится
Надъ тростникомъ морскимъ, его ломая
Покровомъ бѣлымъ... Слышите, пронесся
Бой полночи, считая каждый шагъ,
Которымъ время къ вѣчности подходитъ?..
Ступай-же трупъ туда, въ морскія волны,

И да исчезнетъ память о тебѣ,
 Какъ жизнь твоя средь этой бездны черной!
 (Бросаетъ групу въ море.)

Вы, облака! Пролейтеся дождемъ
 И смойте кровь, чтобъ завтра на дорогѣ
 Не поскользнулась путника нога.

СЦЕНА IX.

У КОМАРГО.

Комарго сидитъ въ молчаніи у клавирина; тихій стукъ.

Комарго.

Войдите.

(Входитъ аббатъ. Онъ подаетъ ей свою шляпу. Комарго нѣсколько времени осматриваетъ ее, потомъ встаетъ.)

Мучился онъ долго?

Аббатъ.

Нѣтъ,

Вѣдь это дѣло лишь одной минуты.

Комарго.

Что онъ сказалъ?

Аббатъ.

Онъ говорилъ, что небо

Вертится.

Комарго.

Больше ничего?

Аббатъ.

Потомъ

Сказалъ, что отдаетъ свои онъ вещи
 Шуту Пиппó.

Комарго.

И больше ничего?

Аббатъ.

Да.

Комарго.

Онъ носилъ на пальцѣ бриліантъ:
 Подите принесите мнѣ его,
 Пожалуйста.

Аббатъ.

Я не могу.

Комарго.

То мѣсто,

Гдѣ вы его оставили, далеко?

Аббать.

Нѣтъ, не далеко, но, синьера, я...
Я не могу.

Комарго.

Аббать, что обѣщала

Я все сдержу.

Аббать.

О, нѣтъ, не въ эту ночь...

Комарго.

Но отчего-же?

Аббать.

Мнѣ...

Комарго.

Несчастный! вижу,

Ты не убилъ его!

Аббать.

Клянусь, синьера!

Пусть небо поразитъ меня, когда
Онъ не убить!

Комарго.

Такъ отчего-же перстень

Ты принести теперь не хочешь мнѣ?

Аббать.

Но я вѣдь въ море бросилъ трупъ его!

Комарго.

Въ такую ночь! И въ море?

Аббать.

Да, синьера.

Комарго.

Ну, если такъ, для васъ большое это
Несчастье: клянусь моей душой,
Хочу имѣть я перстень непременно.

Аббать.

Когда-бы вы сказали мнѣ объ этомъ,
То я...

Комарго.

Но какъ-же я тебѣ повѣрю?
Какою честию клясться будешь ты?

Которая рука твоя въ крови?
Гдѣ доказательства? Ты долженъ былъ отрѣзать
У трупа руку и принесть ко мнѣ.

Аббать.

Синьера, ночь темна была и море
Такъ было близко... трупъ я въ море бросилъ.

Еомарго.

Я въ этомъ не увѣрена.

Аббать.

Синьера,
Смотрите, шпага у меня въ крови;
Она тепла еще...

Еомарго.

Что-жь, кровь не рѣдкость,
Огонь не рѣдкость тоже.

Аббать.

Но, синьера,
Трупъ недалеко, можно отыскать...

Еомарго.

Нѣтъ, ночь темна и море широко.

Аббать.

Ахъ, я блѣднѣю... помогите мнѣ.

Еомарго.

О, милый мой аббать, сегодня я
Блѣднѣй была, чѣмъ вы, когда играла
Роль Тизбы въ Оперѣ.

Аббать.

Синьера, ради неба...

Еомарго.

Быть можетъ, если хорошенько вы
Поищете, то трупъ его найдете.
Мое окно выходитъ къ морю.

(Уходить.)

Аббать.

Боже,
Она ушла!.. А я?.. Убилъ я друга...
Достоинъ адской кары я и буду
Судимъ и сосланъ, какъ убійца. Вотъ
Мораль комедіи печальной этой!

В. Ториниъ.

РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ XVI—XIX ВѢКА.

III.

ВѢДЬМА И ЕРЕТИКЪ.

Что „знаніе—сила“, что „главный факторъ прогресса — знаніе“,—съ этимъ, конечно, едва-ли кто станетъ спорить. Благодаря авторитету Бокля, эти истины стали прививаться и къ нашему сознанію, дѣлаясь болѣе и болѣе популярными. Но Бокль страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что односторонне смотритъ на значеніе знанія въ дѣлѣ развитія человѣчества. Развитіе мысли, накопленіе знаній, безъ сомнѣнія, служатъ [главнымъ двигателемъ прогресса, но для полноты послѣдняго необходимо и соответственное имъ развитіе социальныхъ чувствъ гуманности, общественныхъ симпатій и т. п. Развивающаяся мысль, накапливаемые знанія постепенно видоизмѣняютъ чувство, воспитываютъ его, и человѣчество дѣлаетъ особенно быстрые успѣхи въ своемъ развитіи только въ тѣ эпохи, когда мысль и чувство стоятъ на одинаковой степеніи силы и возбужденія, когда пытливыя, смѣлыя стремленія ума и отвага знанія находятъ сильную поддержку въ порывахъ восторженнаго чувства. Такъ было, напр., во время возрожденія, въ эпоху политическаго движенія конца XVІІІ в. и т. д. Безъ пламенной вѣры, безъ восторженнаго увлеченія своими идеалами невозможны тѣ великія движенія впередъ, которыми ознаменованы замѣчательныя эпохи европейской исторіи. Какъ-бы сильно ни развилась мысль, какъ-бы успѣшно ни накопились знанія, но пока подъ вліяніемъ ихъ чувство не воспитается въ новомъ направле-

ніи и не проникнется новыми стремленіями, до тѣхъ поръ мысль и знанія могутъ производить улучшенія только въ отдѣльныхъ частностяхъ, положимъ, напр., въ промышленности, но отнюдь не въ цѣломъ составѣ народной жизни.

Далѣе, успѣхи развитія зависятъ не только отъ накопленія, но и отъ распредѣленія знаній. Если при самомъ высокомъ уровнѣ умственнаго развитія извѣстнаго класса большинство населенія остается на степени примитивнаго невѣжества, то успѣхи цивилизаціи могутъ считаться не осуществленіемъ извѣстныхъ идеаловъ, а лишь задатками лучшаго будущаго. Чѣмъ шире распространены знанія, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе наступаетъ торжество ихъ, тѣмъ быстрѣе воспитываются чувства, двигающія людей къ лучшему, и тѣмъ успѣшнѣе идетъ общее развитіе народа, и наоборотъ. Дѣдо прогресса тормозится особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мышленіе и знаніе получаютъ характеръ кастовой монополии, какъ было, напр., въ Египтѣ, Индіи и т. д. Наука, литература, искусство, изолированныя отъ общаго хода народной жизни, чахнутъ, превращаются во что-нибудь пустое и уродливое и могутъ возродиться лишь въ томъ случаѣ, если получаютъ притокъ новыхъ силъ изъ живого источника народной жизни.

Эта истина всего лучше подтверждается исторіей европейской мысли XVI—XVIII вв. Въ то время, какъ Коперникъ, Галилей, Эразмъ и другіе представители знанія формировали основы новаго міросозерцанія и въ образованныхъ классахъ начали уже господствовать новыя представленія и новый строй мысли, чувство еще не перевоспиталось и, какъ увидимъ ниже, даже передовые люди, въ родѣ Томаса Мора, въ этомъ послѣднемъ отношеніи стояли на одномъ уровнѣ съ такими представителями старины, какъ Томасъ Аквинатъ. При этомъ новыя представленія были распространены въ самомъ ограниченномъ кругѣ; масса-же европейцевъ стояла по своему міросозерцанію на одномъ уровнѣ съ дикарями, на что мы уже указали въ предыдущей статьѣ. Даже въ высшихъ классахъ общества первобытные понятія и обычаи долго еще держались, несмотря на научныя открытія и на перемѣну многихъ основъ міросозерцанія. Наука болѣе и болѣе выясняла, что жизнь природы и человѣчества идетъ по неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, а масса по-прежнему приписывала всѣ явленія природы таинственному вліянію духовъ, планетъ и т. д. Спе-

ціалистовъ по демонологіи было гораздо больше, чѣмъ специалистовъ по какой-нибудь другой отрасли знанія, а нечистые духи представлялись въ такомъ множествѣ, что ими наполнялись и воздухъ, и вода, и лѣса, и горы, и поля, и жилища помѣщенія. Авторъ „Ложной монархіи демоновъ“, напр., вычислилъ, что подъ верховнымъ владычествомъ сатаны находится 72 князя и 7,405,926 чертей. Объ этомъ темномъ царствѣ писались ученые, философскія сочиненія и его изслѣдовали до такихъ мельчайшихъ подробностей, до какихъ въ то время рѣшительно не доходили еще наблюдатели дѣйствительной природы. Особенною популярностью пользовалось тогда сочиненіе грека Михаила Пселла „О дѣйствіяхъ демоновъ“. Пселлъ доказываетъ, что міръ полонъ демонами, и хотя признается, что онъ никогда не видывалъ ихъ самъ, но за то онъ зналъ многихъ лицъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними. Пользуясь разказами этихъ духовидцевъ, Пселлъ составилъ философское изслѣдованіе о демонахъ, которыхъ, подобно своимъ современникамъ, онъ считалъ существами матеріальными, описалъ подробно ихъ видъ, образъ жизни, характеръ и т. д. Въ то время, какъ наука, открывая законы природы, разрушала чувство боязни разныхъ таинственныхъ случайностей, а литература и искусство воспитывали любовь къ природѣ и склонность къ эстетическимъ наслажденіямъ, въ массахъ, жившихъ при старыхъ понятіяхъ и старыхъ чувствованіяхъ, по-прежнему царилъ чувство суевѣрнаго ужаса и склонность къ мрачному. Адъ, напр., былъ главнымъ предметомъ, занимавшимъ собою умъ и фантазію тогдашняго общества. Ужасъ, царившій надъ умами, усиливался до чрезвычайной степени при появленіи кометъ, при голодовкахъ, землетрясеніяхъ, эпидеміяхъ, частое повтореніе которыхъ держало людей въ состояніи постоянной тревоги, усиливало ихъ суевѣрность и воспитывало въ нихъ чувство страха. Съ особенною силою дѣйствовала въ этомъ направленіи черная смерть XIV вѣка, которая, по самому умѣренному исчисленію, свела въ могилу 25,000,000 человекъ, т.-е. $\frac{1}{4}$ всего народонаселенія тогдашней Европы. Однимъ изъ первыхъ результатовъ ея было сильное накопленіе богатствъ въ рукахъ католическаго духовенства, получавшаго по завѣщаніямъ громаднаго имущества. Секта бичующихся, о которой не было слышно въ продолженіи цѣлаго столѣтія, появилась снова, и вопли этихъ

многочисленныхъ фанатиковъ снова огласили Европу. Въ Германіи и Фландріи началась извѣстная плясовая манія, одержимые которой собирались многочисленными толпами, начинали неистовые танцы съ раздирающими душу воплями и съ страшными криками о томъ, что настало, дескать, царство сатаны. Въ Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи язву приписывали отравѣ евреевъ и избивали ихъ въ припадкѣ ярости. Большею же частью ее объясняли или небеснымъ наказаніемъ за грѣхи, или дѣломъ дьявола, и пускались по этому поводу въ самыя чудовищныя догадки. Думали, напр., что эпидемія послана въ наказаніе за ношеніе вошедшихъ тогда въ моду сапоговъ съ остроконечными носками. Войны, грабежи, всевозможныя разоренія еще болѣе усиливали этотъ терроръ и отнимали отъ людей всякую увѣренность въ безопасности ихъ жизни и благосостоянія. Господство ужаса выразилось вполне и въ искуствѣ. Въ XIV в. появляются первыя картины, изображавшія танцы мертвыхъ,—картины, пріобрѣтшія потомъ всеобщую популярность. Въ томъ-же столѣтіи во множествѣ появляются на церковныхъ стѣнахъ барельефы, изображавшіе людей, преклоняющихъ колѣна предъ сатаной и клянущихся въ вѣрности ему. Преслѣдованія еретиковъ и вѣдьмъ, постепенно усиливавшіяся съ XII в. и дошедшія до высшей степени въ XV и XVI столѣтіяхъ, довершали этотъ терроръ, извращавшій окончательно человѣческую мысль и вгонявшій ее въ такіе потемки, освѣтить которые долго не могли даже гени Бэконовъ, Галилеевъ и Ньютоновъ. Независимо отъ суевѣрныхъ страховъ, человѣка давилъ еще терроръ уголовныхъ законовъ, дышавшихъ смертью и вполне гармонизировавшихъ съ общимъ мрачнымъ умонастроеніемъ. Пытка, употреблявшаяся въ Греціи только въ случаѣ государственной измѣны, а въ Римѣ только при слѣдствіяхъ надъ рабами, въ средніе вѣка достигла небывалаго дотолѣ развитія. „Что касается пытокъ, говорить одинъ извѣстный историкъ,—то насъ особенно поражаетъ въ нихъ не ихъ ужасное варварство, дальше котораго идти уже невозможно, но ихъ чрезвычайное разнообразіе и, такъ-сказать, артистическое искусство. Онѣ представляютъ собою такое состояніе мысли, въ которомъ люди долго и прилежно изслѣдовали всевозможныя формы страданія, сравнивали и комбинировали разные виды пытки, пока не достигали въ этомъ иску-

ствѣ полного совершенства, тратили на это дѣло всѣ силы своихъ способностей и увлекались имъ со всѣмъ жаромъ страсти“. Исслѣдованія о пыткахъ были чрезвычайно многочисленны и пользовались большою популярностью, какъ, напр., „Трактатъ о пыткахъ“ (1529 г.) Марсилія, который ставилъ въ огромную заслугу себѣ изобрѣтеніе пытки, состоявшей въ лишеніи подсыдаемаго сна и употреблявшейся преимущественно въ Папской Области. Мученія пытки, сопровождавшія слѣдствіе, оканчивались судебными мученіями показаній, надъ „усовершенствованіемъ“ которыхъ трудилось столько-же умовъ, сколько посвящало себя изобрѣтенію и усовершенствованію какихъ-нибудь астрономическихъ инструментовъ или искусству облегчать человѣческія страданія—медицинѣ. Сдираніе кожи съ живого, обрубаніе пальцевъ, рукъ, ногъ, ушей, носа, выкалываніе глазъ, вырваніе языка, прибаваніе къ столбу, зарываніе въ землю, заливаніе горла растопленнымъ металомъ—были въ общемъ ходу. Смертная казнь имѣла до тринадцати видовъ,—повѣшеніе, обезглавленіе, утопленіе, каменованіе, колесованіе, четвертованіе, посаженіе на колъ, погребеніе живымъ, сожженіе на кострѣ, выматываніе кишекъ изъ разрѣзаннаго живота. О количествѣ казненныхъ можно судить по слѣдующему примѣру двухъ швейцарскихъ кантоновъ, католическаго Люцерна и протестантскаго Цюриха:

	XVI вѣкъ.					XVII вѣкъ.	
	Обезглавлено.	Сожжено.	Повѣшено.	Утоплено.	Колесовано.	Всего.	Всего.
Въ Люцернѣ	80	40	37	13	11	181	362
„ Цюрихѣ	379	61	73	6	5	524	336

Въ городкѣ Бремгартенѣ въ одномъ только 1639 г. казнено 236 человѣкъ! И это страшное искусство возводилось даже на степень науки, имѣвшей такихъ представителей, какъ Бенедиктъ Карпцовъ (1595—1658), дрезденскій судья, ординарный профессоръ лейпцигскаго университета и авторъ уголовного учебника, въ которомъ проводились самые безчеловѣчныя принципы и который до половины XVIII в. пользовался въ Германіи чрезвычайнымъ авторитетомъ. Утверждаютъ, что втеченіи своей жизни этотъ ученый мужъ подписалъ 20,000 смертныхъ приговоровъ.

При этомъ онъ былъ очень набоженъ, 53 раза прочиталъ всю библію и ежемѣсячно причащался.

Мрачное умонастроеніе европейскихъ массъ съ особенною силою выразилось въ преслѣдованіяхъ вѣдьмъ и еретиковъ,—въ преслѣдованіяхъ, которыя болѣе всѣхъ другихъ суевѣрій извращали человѣческую мысль и постепенное паденіе которыхъ было однимъ изъ величайшихъ результатовъ развитія духа рационализма и чувствъ терпимости.

Вѣдьмы мы видимъ у всѣхъ народовъ; это женщины, которыя, вступая въ сношенія съ демонами, пользуются ихъ силой для своихъ корыстныхъ цѣлей и такимъ образомъ вредятъ другимъ людямъ. Вѣдьмы были у евреевъ, и грозный голосъ законодателя требовалъ истребленія ихъ. Идея плотскаго сожителства демоновъ съ людьми, входящая въ понятіе вѣдовства, также принадлежитъ къ первобытному міросозерцанію, изъ котораго она перешла и въ представленія новыхъ народовъ. При распространеніи христіанства въ греко-римскомъ мірѣ вновь обращенные обыкновенно не отрицали существованія боговъ классической древности, которые въ ихъ представленіи превращались въ нечистыхъ духовъ, а поклоненіе имъ считалось служеніемъ демонамъ. Къ этому-же культу относили и тѣ предсказанія, которыми занимались римскіе *магики* или *математики*, которыхъ повелѣвалъ казнить Феодосій, „сдирая желѣзными крючьями мясо съ костей ихъ“. По декрету Константина, всякій вѣдунъ, вошедшій въ домъ гражданина съ цѣлю волхвованія, подлежалъ сожженію, а его имущество отдавалось доносчику. Впрочемъ, декретъ прибавлялъ, что таинственныя средства, употребляемыя для излеченія болѣзней и для охраненія жатвы отъ града, мороза и бурь, не воспрещаются. Съ гораздо большею суровостью, чѣмъ Константинъ, вооружился противъ вѣдовства его сынъ, Констанцій, жаловавшійся въ одномъ изъ своихъ декретовъ на множество волшебниковъ, которые при содѣйствіи демоновъ производятъ бури, отнимаютъ жизнь у людей и т. д. Волшебниковъ, судившихся въ Римѣ, бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, а въ провинціяхъ распинали на крестѣ; въ случаѣ-же упорнаго ихъ заpiresательства сдирали мясо съ ихъ костей. Эти преслѣдованія, прекратившіяся было въ царствованіе Юліана и Ювіана, возобновились при Валентиніанѣ. Валенцій, неумолимо преслѣдо-

вавшій всѣхъ, недержавшихся аріанской ереси, довелъ гоненіе на вѣдовство до небывалыхъ еще размѣровъ. Одну старуху, на-примѣръ, казнили за то, что она лечила себя отъ лихорадки заговоромъ. Одинъ юноша, думавшій вылечиться отъ поноса посредствомъ того, что онъ прикасался то къ мраморной колонѣ, то къ своему тѣлу, поплатился за это пыткой и смертной казнью. Въ этихъ процессахъ и въ сочиненіяхъ о вѣдовствѣ того времени мы находимъ уже тѣ представленія, которыя получили такую популярность въ позднѣйшей Европѣ. Въ сочиненіяхъ одного изъ тогдашнихъ авторовъ, напр., рассказывается, что демоны часто соблазняютъ женщинъ, вступаютъ въ связь съ ними, собираются вмѣстѣ съ ними по ночамъ на шабаша и вмѣстѣ съ богиней Гіаной или Иродіадой (!) и съ другими языческими богинями путешествуютъ по воздуху. Вмѣстѣ съ католицизмомъ эти представленія перешли въ сѣверную Европу и начали развиваться здѣсь далѣе, подѣ влияніемъ борьбы католичества съ народными языческими вѣрованіями. Какъ въ Италіи и въ Греціи, такъ и въ сѣверной Европѣ католики превращали туземныхъ боговъ въ демоновъ, а обряды языческаго богослуженія, религіозные обычаи, суевѣрія, ворожбу и знахарство, крѣпко державшіеся, несмотря на распространеніе христіанства, считали принадлежностями темнаго культа. Женщина упорнѣе и дольше сохраняетъ старыя вѣрованія и обычаи, и вслѣдствіе этого она сдѣлалась главною представительницею европейскаго вѣдовства. Жрицы Фреи, отправлявшія свое богослуженіе по ночамъ на горахъ, превратились въ служительницъ сатаны, а ихъ ночныя собранія—въ шабаша вѣдьмъ. Знахарство и колдовство, которыми занимались многія женщины, также, въ свою очередь, содѣйствовали развитію представленій о вѣдовствѣ, равно какъ и соединенная съ знахарствомъ медицинская практика. „Вѣдьма была единственнымъ медикомъ народа въ продолженіи тысячи лѣтъ, говоритъ Мишле. — Императоры, короли, папы, болѣе богатые изъ бароновъ имѣли докторовъ салернскихъ, мавровъ, евреевъ, но масса всѣхъ состояній прибѣгала за помощью только къ знахаркѣ (*saga*), или *знающей женщиной*, *sage-femme*. Ее называли вѣдьмою. Но изъ уваженія, смѣшаннаго съ боязнью, ее обыкновенно величали *феей*, *belle dame*, *bella donna*“. Въ средніе вѣка вѣра въ вѣдьмъ была еще довольно сильна, но съ VIII до XI столѣтія цер-

ковъ и свѣтская власть не только мало обращали на вѣдьмъ вниманія, но даже вооружались противъ тѣхъ, которые преслѣдовали ихъ!.. Въ 785 г. чернь сожигала вѣдуновъ и вѣдьмъ и фла ихъ изжаренное мясо; виновные были казнены. Нѣкоторые представители католическаго духовенства даже ратовали противъ самой вѣры въ вѣдовство и чудесничество, какъ, на примѣръ, епископъ люттихскій Ратеріусъ и въ половинѣ IX вѣка архіепископъ ліонскій Агобардъ, проповѣдывавшій противъ вѣрованія въ существованіе „земли Магоніи“, населенной волшебниками, летающими на облакахъ. Но масса католическихъ патеровъ и монаховъ вполне раздѣляла народныя суевѣрія и даже пополняла ихъ своими данными и выводами. И по мѣрѣ того, какъ мысль интеллигентныхъ классовъ Европы освобождалась отъ средневѣкового авторитета, накоплялись знанія, дѣлались научныя открытія, мрачная вѣра въ вѣдовство усиливалась, превращалась въ систему, возбуждала преслѣдованія вѣдьмъ и наполняла ужасомъ Европу. Прогрессъ мысли меньшинства совершенно парализовался патологическимъ умонастроеніемъ массы. Папы Григорій IX въ 1233 г., Іоаннъ XXII въ 1317 и 1327 гг., Иннокентій VIII въ 1484 г. своими буллами вполне санкціонировали народныя вѣрованія въ вѣдовство, закрѣпили ихъ своимъ непогрѣшимымъ авторитетомъ и превратили преслѣдованіе его въ обязанность каждаго истиннаго католика. О вѣдовствѣ проповѣдывали съ церковныхъ и университетскихъ кафедръ, о немъ говорилось въ судахъ, о немъ ходили самыя тревожныя слухи въ народной массѣ, а ученые теологи и юристы составляли о немъ трактаты, полныя эрудиціи и глубокомысленныхъ соображеній. Въ ряду этихъ трактатовъ первое мѣсто занимаетъ книга германскаго инквизитора Шпренгера, „Молотъ вѣдьмъ“ (1489 г.), сдѣлавшаяся и догматическимъ изложеніемъ вѣрованія, и руководствомъ для судей. Впрочемъ, не одинъ католицизмъ подтверждалъ и пропагандировалъ вѣру въ вѣдовство и возбуждалъ фанатическій терроръ массы; то-же самое дѣлали и протестантскія секты. Лютеръ заявлялъ: „я не имѣлъ-бы никакого сожалѣнія къ вѣдьмамъ и если-бы былъ въ состояніи, то сожегъ-бы ихъ всѣхъ“. Тѣхъ-же мнѣній держался и Кальвинъ. Въ Англіи первые протестанты были такими-же ревностными послѣдователями ученія упомянутыхъ папскихъ буллъ, какъ и католики. Джемсъ I хотя

и ненавидѣлъ пуританъ, но относительно этого пункта вполне сходился съ своими подданными всѣхъ вѣроисповѣданій. Онъ постоянно занимался вопросомъ о вѣдьмахъ, написалъ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ и любилъ хвастать, что дьяволъ считаетъ его самымъ опаснымъ своимъ врагомъ. Вскорѣ послѣ его воцаренія былъ изданъ законъ, осуждавшій на смерть вѣдму даже въ томъ случаѣ, если она никому не причинила вреда. Этотъ законъ былъ изданъ въ то время, какъ Кокъ былъ генераль-атторнеемъ, а Бэконъ—членомъ парламента. Преслѣдованія усилились вмѣстѣ съ вѣрою въ вѣдьмъ, которую поддерживали даже лучшіе представители литературы и науки. Томасъ Броунъ заявлялъ, что невѣрующихъ въ вѣдовство слѣдуетъ считать не только еретиками, но даже атеистами. Шекспиръ, подобно другимъ современнымъ ему драматургамъ, то-и-дѣло выводитъ на сцену вѣдьмъ. Такъ популярны были подобныя сцены для того времени. Даже самъ Бэконъ вѣрилъ въ вѣдьмъ!.. Съ усиленіемъ пуританства преслѣдованія вѣдьмъ достигли высшей степени, особенно въ Шотландіи. Въ 1603 г. собравшійся въ Абердинѣ синодъ обязалъ каждаго проповѣдника выбрать двухъ благонадежныхъ прихожанъ и съ помощью ихъ наблюдать и разслѣдовать все, что только можетъ подать подозрѣніе въ вѣдовствѣ. Въ церквяхъ были поставлены ящики для приѣма доносовъ. Пасторы постоянно проповѣдывали о вѣдовствѣ, убѣждали прихожанъ слѣдить другъ за другомъ, преслѣдовали подозрѣваемыхъ, руководили пытками, были настоящими инквизиторами въ католическомъ духѣ. Вмѣстѣ съ пуританствомъ вѣра въ вѣдовство и вѣдовскіе процессы была перенесена въ Америку, и преслѣдованія вѣдьмъ въ Массачузетсѣ были однимъ изъ самыхъ мрачныхъ явленій исторіи Новой Англіи. Что-же касается Шотландіи, то уже въ 1773 году „наставники соединенныхъ пресвитеріанъ“ составили резолюцію, заявлявшую объ ихъ полной вѣрѣ въ вѣдовство.

„Вѣдьмы, говоритъ Шпренгеръ,—такіе люди, которые отвергаютъ Бога, отрекаются отъ него и его благодати, вступаютъ въ союзъ съ дьяволомъ, отдаются ему душой и тѣломъ, блудятъ съ демонами, посѣщаютъ собранія и шабашы сатаны, получаютъ отъ него ядовитый порошокъ, и, въ качествѣ его подданныхъ и союзниковъ, принимаютъ отъ него повелѣнія мучить и губить людей

и животныхъ; посредствомъ его чудотворной силы они также производятъ бури, повреждаютъ пашни, луга, деревья, садовые плоды и производятъ безпорядокъ въ силахъ природы“, лишаютъ чадородія женщинъ, наводятъ импотенцію на мужчинъ, умерщвляютъ дѣтей, высасываютъ изъ нихъ кровь и т. д. Нѣкоторые вѣдьмы ѣдятъ даже собственныхъ дѣтей. Въ 1484 г. сожгли 41 вѣдму за то, что онѣ будто-бы ѣли новорожденныхъ малютокъ. Превращаясь въ волковъ и другихъ животныхъ, вѣдьмы нападаютъ и на взрослыхъ. Шпренгеръ рассказываетъ, какъ на одного дровосѣка напали въ лѣсу три черныя кошки; защищаясь онъ ранилъ ихъ; вслѣдъ за тѣмъ его заключили въ тюрьму по просьбѣ трехъ дамъ, обвинявшихъ его въ нанесеніи имъ побоевъ, но освободили тотчасъ, какъ онъ рассказалъ исторію о кошкахъ. Вѣра въ превращеніе людей въ животныхъ вполне подтверждалась признаніями ликантроповъ и трудно было оспаривать ее, когда многіе совершенно искренно рассказывали, что они превращаются по временамъ въ кошекъ, волковъ и т. д. Вообще, разныя формы сумасшествія и галлюцинацій играли важную роль въ развитіи представлений о вѣдовствѣ, и признанія подсудимыхъ, часто вынужденныя пыткою, но часто и вполне искреннія, служили главнымъ матеріаломъ для слѣдователей и изслѣдователей этого явленія.

„Часто итальянки, говоритъ Мишле, — превращались въ кошекъ и, по ихъ словамъ, высасывали кровь изъ дѣтей; ихъ сожигали. Въ лѣсистыхъ областяхъ Лотарингіи и Юры женщины дѣлались волчицами и пожирали прохожихъ; ихъ сожигали. Дѣвушки увѣряли, что онѣ отдавались дьяволу; ихъ свидѣтельствовали и находили невинными, но все-таки сожигали“. Плотскимъ союзомъ съ сатаной вѣдьма отличается отъ обыкновенной волшебницы. Идея этого союза, унаслѣдованная отъ первобытной культуры, имѣла полный авторитетъ у писателей первыхъ вѣковъ нашей эры, отъ которыхъ она перешла и въ новѣйшую Европу. Демоны появляются или въ видѣ женщинъ, для соблазна мужчинъ, и называются въ такомъ случаѣ *succubi*, или-же въ видѣ мужчинъ, *incubi*. Первые вообще рѣдки, но извѣстный юристъ Боденъ рассказываетъ о двухъ патерахъ, изъ которыхъ одинъ сорокъ лѣтъ былъ въ связи съ подобною женщиною, а другой имѣлъ такую-же подругу въ продолженіи полулѣта. Оба они были сожжены живыми. *Incubi* были гораздо многочисленнѣе, и цѣлыя сотни женщинъ сами при-

знавались въ связи съ демонами, которые являлись имъ въ образѣ охотниковъ, дровосѣковъ и т. д. Шпренгеръ рассказываетъ, что дьяволъ однажды преобразился въ епископа Сильвана и началъ посѣщать одну госпожу. Даже когда его поймали и начали бить, то и тутъ онъ не признался въ подлогѣ личности и продолжалъ утверждать, что онъ Сильванъ. Въ поддержаніи этого вѣрованія играли, конечно, роль и мистификаціи, и болѣзненное извращеніе полового инстинкта, соединенное съ галлюцинаціями. Плодомъ этихъ союзовъ бывають разныя гадины,—жабы, змѣи, черви; рождаются и дѣти, которыхъ Лютеръ совѣтовалъ убивать безъ всякаго сожалѣнія. По словамъ „Молота вѣдьмъ“, весь островъ Кипръ населенъ жителями, родившимися отъ людей и демоновъ! Половая связь съ нечистой силой составляетъ лишь одинъ изъ актовъ вѣдовскаго культа. Кандидатка въ вѣдьмы вступаетъ въ словесный или письменный договоръ съ сатаной, и въ ночь ближайшаго шабаша на метлѣ или козлѣ летитъ въ собраніе чертей и вѣдьмъ. Здѣсь возсѣдаетъ на тронѣ сатана, которому поклоняются всѣ присутствующіе, лобзая лѣвыя и заднія части его тѣла, каясь въ упущеніяхъ по своей должности дѣлать всевозможное зло и получая отъ него разрѣшеніе грѣховъ...

Вѣдовскіе процессы наполняли Европу ужасомъ въ продолженіи столѣтій. Суевѣріе и фанатизмъ соперничали въ этомъ случаѣ съ самыми гнусными расчетами и, по выраженію одного писателя, вѣдовская инквизиція была „вновь изобрѣтеннымъ химическимъ средствомъ превращать въ золото человѣческую кровь“, такъ-какъ имущество казненныхъ подлежало конфискаціи. Развился цѣлый промыселъ охоты на вѣдьмъ, и болѣе всѣхъ отличался на этомъ поприщѣ въ Англіи и Шотландіи Гопкинсъ, получившій титулъ „генераль-открывателя вѣдьмъ“. Одинъ [шотландецъ признался, что онъ своими ложными обвиненіями въ вѣдовствѣ погубилъ болѣе 200 женщинъ, получая отъ судей по 20 шиллинговъ за каждую голову. Ни полъ, ни возрастъ, ни званіе, ничто не гарантировало отъ обвиненія въ вѣдовствѣ; ребенокъ и старикъ, нищая крестьянка и герцогиня, священникъ и мірянинъ,—всѣ легко могли попасть на костеръ по самому нелѣпому обвиненію. Въ 1521 г. въ Гамбургѣ былъ сожженъ докторъ Фейтесъ за то, что при его искусной помощи благополучно кончились у одной женщины чрезвычайно трудные роды. Въ Севильѣ была сожжена

дѣвушка за то, что будто-бы она несла яйца. Патеръ Урбанъ Грандиде былъ обвиненъ въ томъ, что околдовывалъ и отдавалъ чорту урсудинскихъ монахинь въ Лаудунѣ, и былъ сожженъ. Одна женщина призналась, что украла съ кладбища для своихъ магическихъ операций трупъ недавно похороненнаго ребенка; по настоянію ея мужа, раскопали могилу ребенка и трупъ нашли цѣлымъ, но судья рѣшилъ, что это обманъ чувствъ, произведенный дьяволомъ ради защиты подсудимой, и ее сожгли. Джемсъ I, возвращаясь изъ Даніи, выдержалъ въ морѣ сильную бурю, которую приписали волшебникамъ и вѣдьямъ, и начали одинъ изъ самыхъ ужасныхъ вѣдовскихъ процессовъ. „Серьезное и смѣшное, говоритъ Шерръ,—возвышенное и комическое, достоинства и преступления, добродѣтели и пороки, красота и безобразіе, богатство и бѣдность, благочестіе и индифферентизмъ, здоровье и болѣзнь, умъ и глупость, хорошая и дурная репутація, слова и тѣлодвиженія,—все, рѣшительно все, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло возбудить подозрѣніе въ вѣдовствѣ. А обвиненіе въ 99 случаяхъ изъ 100 было приговоромъ“. Обвиняемыхъ вообще старались осудить во что-бы то ни стало, и количество жертвъ было ужасное. Въ Фульдѣ судья Фоссъ въ 19 лѣтъ сжегъ 700 вѣдьмъ и волшебниковъ; судья Ремигіусъ въ Лотарингіи въ 16 лѣтъ казнилъ 800 вѣдьмъ и въ заключеніе былъ казненъ самъ въ качествѣ волшебника. Въ Трирѣ сожжено 6,000 вѣдьмъ, въ Бамбергѣ въ 1625—30 гг.—600, въ Страсбургѣ съ 1615 по 1635 г.—5,000, въ протестантской Женевѣ только въ три мѣсяца было сожжено 500 вѣдьмъ, въ Каркассонѣ, во Франціи, съ 1320 по 1350 гг. осуждено 400, и т. д. Вообще считаютъ, что въ Германіи казнено за вѣдовство 100,000, а въ Англіи 30,000 чел. Иногда подозрѣніе въ вѣдовствѣ падало огуломъ на все народонаселеніе страны. „Франція—это вѣдьма“, говорилъ одинъ благочестивый мужъ при Карлѣ IX. Въ началѣ XVII в. начался вѣдовскій процессъ въ землѣ басковъ, гдѣ страхъ, внушаемый демонами, терроризировалъ умы до того, что люди всѣхъ званій занимались волшебствомъ, тысячи несчастныхъ считались бѣсноватыми, лаiali по-собачьи и т. д.; женщины доносили одна на другую, дѣти доносили на родителей; инквизиторамъ предстоило осудить и сожечь цѣлый народъ, но, по рѣшенію папы, только наиболѣе виновные и упорные были приговорены къ костру...

Даже въ сочиненіяхъ первыхъ вѣдовскихъ инквизиторовъ мы находимъ жалобы на извѣстный скептицизмъ, которымъ были заражены нѣкоторые умы относительно вѣдовства. Этотъ скептицизмъ развивался медленно, таился подъ спудомъ, онъ не былъ связанъ ни съ однимъ великимъ именемъ, не произвелъ ни одного великаго сочиненія, но тѣмъ не менѣе инквизиторы чувствовали уже опасность. „Люди, говоритъ Жерсонъ, — которые смѣются надъ тѣмъ, что говорится о демонахъ, должны быть третируемы съ презрѣніемъ и исправляемы со строгостью. Это заблужденіе появилось между нѣкоторыми учеными людьми, частью по недостатку вѣры, частью по слабости и несовершенству разума“. Шпренгеръ въ длинной главѣ даетъ наставленія теологамъ, какъ относиться къ тому скептицизму нѣкоторыхъ мірянъ, „которые, не зная истиннаго метода разсужденія, бродятъ въ потемкахъ, хватаясь то за одно, то за другое“. Собраніе докторовъ кельнскаго университета въ 1487 г. выразило свое негодованіе по поводу скептицизма, обнаруженнаго съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ожидать его. Дѣло въ томъ, что въ самый разгаръ вѣдовской паники въ кельнской епархіи нѣкоторые священники, пытаясь успокоить народъ, начали выражать сомнѣніе въ самомъ существованіи вѣдьмъ. Дѣтъ черезъ тридцать послѣ этого теологъ Спина жаловался, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ частыя казни вѣдьмъ возбуждаютъ сильный духъ оппозиціи. Въ сѣверной Италіи доходило даже до открытыхъ бунтовъ, въ которыхъ выражалось полное невѣріе въ вѣдовство. „Самые неразумные, нечестивые и невѣрующіе люди, говоритъ Спина, — не вѣрятъ тому, чему они обязаны вѣрить, и, что еще болѣе достойно сожалѣнія, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы противодѣйствовать тѣмъ, которые истребляютъ враговъ Христа“. Первымъ систематическимъ выраженіемъ этого скептицизма была книга о демонахъ Джона Вира, вышедшая въ 1563 г. Въ качествѣ медика, Виръ былъ убѣжденъ, что многія жертвы вѣдовскихъ процессовъ ничто иное, какъ сумасшедшіе, а какъ человѣкъ добрый, гуманный, онъ былъ глубоко затронутъ страданіями этихъ несчастныхъ. Но скептицизмъ Вира былъ самый умѣренный и не касался ни одной изъ тѣхъ основъ, на которыхъ держалось народное вѣрованіе въ вѣдовство. Виръ думалъ, что міръ населенъ легіонами демоновъ, которые то-и-дѣло производятъ какія-и-

будь чудеса, и цѣлью его было примирить это вѣрованіе съ тѣмъ положеніемъ, что вѣкоторыя явленія, считаемыя сверхъестественными, зависятъ отъ болѣзни. Виръ вѣрилъ и въ вѣдьмъ, и въ то, что онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ дьявола, но, по его мнѣнію, вѣдьмы не вступаютъ въ договоръ съ сатаной, не летаютъ по воздуху, не производятъ бурь, не блудятъ съ демонами; въ нихъ только поселяется дьяволъ и убѣждаетъ ихъ, что онѣ дѣлаютъ все это. Дьяволъ входитъ въ нихъ безъ всякаго участія, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, и этой опасности подвержены особенно личности болѣзненные и слабоумныя. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги Вира, которой предпослано краснорѣчивое предисловіе, убѣждавшее государей Европы остановить пролітіе невинной крови вѣдьмъ. Книга эта, служащая какъ-бы переходомъ отъ средневѣкового суевѣрія ко временамъ просвѣщенной гуманности, имѣла большой успѣхъ, но возбудила и полемику, представителемъ которой выступилъ знаменитый французскій публицистъ Боденъ съ своей „Демоніаціей волшебниковъ“. Указывая на народное вѣрованіе всѣхъ странъ, вѣковъ и религій, приводя мнѣнія многочисленныхъ языческихъ и христіанскихъ писателей, Боденъ доказываетъ, что законодательства всѣхъ народовъ признаютъ существованіе вѣдовства, и приводит цѣлыя сотни случаевъ, обнаруженныхъ вѣдовскими судами Франціи и другихъ странъ. Изложивъ всѣ свои свѣденія о вѣдовствѣ, Боденъ переходитъ къ книгѣ Вира и не находитъ выраженій, достаточно сильныхъ для ея порицанія. „Виръ возсталъ противъ самого Бога“; его книга — „сплетеніе ужасныхъ богохульствъ“; мысль о пощадѣ вѣдьмъ преступна и передъ небожъ, и передъ человѣчествомъ, и т. д. Такъ около конца XVI в. одинъ изъ наиболѣе передовыхъ людей одной изъ наиболѣе просвѣщенныхъ націй старался поддержать вѣрованіе, причинявшее столько зла народамъ и стоявшее въ рѣшительномъ разрѣзѣ съ движеніемъ освобождавшейся мысли. Но черезъ семь лѣтъ послѣ сочиненія Бодена вышла книга Монтаня, и вѣра въ вѣдовство получила въ ней новый сильный ударъ въ томъ скептицизмѣ, который пропандировалъ Монтанъ. Признанія вѣдьмъ онъ называлъ нелѣпостями, или порожденными больнымъ воображеніемъ, или вынужденными пыткой; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно объяснить ихъ подобными причинами, все-таки нѣтъ основанія вѣрить имъ.

„Есть свидѣтельства и доказательства, основанныя на опытѣ и фактахъ. Я и не претендую на разборъ ихъ. Я часто разрубаю ихъ, какъ Александръ гордіевъ узелъ. Но все-таки жечь людей на основаніи ихъ—значить слишкомъ высоко цѣнить достоинство нашихъ мнѣній“. Нѣкоторыхъ вопросовъ относительно вѣдовства мы рѣшить не можемъ пока, но мы должны согласиться, что гораздо вѣроятнѣе то, что наши чувства обманываютъ насъ, чѣмъ то, что какая-нибудь старуха улетаетъ черезъ трубу верхомъ на метлѣ, и что менѣе нелѣпо допустить, что извѣстное свидѣтельство лживо, чѣмъ то, что вѣдьмы дѣйствительно дѣлаютъ все, приписываемое имъ. Скептицизмъ Монтаня имѣлъ большой успѣхъ въ интеллигентныхъ слояхъ общества, и черезъ тринадцать лѣтъ послѣ него явился его продолжатель Шарронъ съ своею книгою „О мудрости“, въ которой онъ развивалъ и систематизировалъ многія идеи Монтаня. Скептицизмъ развивался, но это былъ болѣе *духъ* сомнѣнія, чѣмъ рациональное невѣріе въ дѣйствительность вѣдовства. Нѣкоторые ученые и писатели, вполне сознававшіе неосновательность этого вѣрованія, въ то-же время были не въ силахъ опровергнуть приводимыхъ въ пользу его аргументовъ. Ла-Брюйеръ, напр., говоритъ, что основанія волшебства, конечно, ложны, пусты, призрачны, но что въ пользу его все-таки говорятъ нѣкоторые факты, передаваемые достовѣрными свидѣтелями; что можно и принимать, и отвергать ихъ, но гораздо основательнѣе держаться середины между легковѣріемъ толпы, вѣрящей всему, и свободными мыслителями, отрицающими все. Даже Бэйль разсуждалъ въ томъ-же духѣ. Мальбраншъ говоритъ, что въ его время нѣкоторые суды уже перестали сожигать вѣдьмъ и число послѣднихъ уменьшилось, изъ чего онъ заключаетъ, что многіе изъ явленій вѣдовства порождаются просто заразительною силою болѣзненной фантазіи. Кромѣ того, Мальбраншъ анализируетъ психическій процесъ, выражающійся въ ликантропіи, но все-таки прибавляетъ, что есть настоящіе волшебники и вѣдьмы, которыхъ слѣдуетъ предавать смертной казни. Въ то время, какъ въ интеллигентныхъ слояхъ развивался этотъ скептицизмъ, власть по-прежнему преслѣдовала вѣдьмъ, и въ промежуткахъ между выходомъ сочиненій Монтаня и Шаррона, судья Боге сожегъ 600 человекъ, преимущественно за ликантропію. Но около половины XVII в. невѣріе въ вѣдовство усилилось уже въ значительной-

степени, число казней уменьшилось, а въ 1672 г. Кольберъ за- претилъ судамъ принимать доносы на вѣдовство. По поводу та- кого нечестія руанскій парламентъ обратился съ адресомъ къ ко- ролю, доказывая, что новое направленіе мысли и судебной прак- тики противно религіи. Но это былъ уже одинъ изъ послѣднихъ голосовъ въ защиту суевѣрія, и въ послѣднее двадцатилѣтіе XVII в. во Франціи было сожжено за волшебство только семь человѣкъ, да въ 1718 г.—1. Послѣ этого было два или три вѣдовскихъ процесса, но подсудимые были оправданы. Насмѣшка Вольтера окончателно убила это жалкое суевѣріе, и только въ началѣ настоящаго вѣка аббатъ Фіаръ выпустилъ книжку, въ которой онъ доказывалъ, что философы и революціонеры про- шлаго вѣка были вѣдуны и дѣйствовали подъ непосредственнымъ вліяніемъ дьявола!.. Но этого идиота уже никто не слушалъ.

Въ Англіи вѣра въ вѣдовство значительно усилилась во вре- мя смуть реформаціи, быстро развивалась подъ вліяніемъ под- держивавшихъ ее вѣдовскихъ процессовъ и достигла крайней сте- пени во время владычества пуританъ. Но когда съ реставраціей началась реакція пуританской суровости, когда пуританство было подвергаемо всестороннему осмѣянію, боязнь дьявольскаго на- вожденія и вѣра въ вѣдовство быстро начали падать подъ на- поромъ новаго направленія умовъ. Въ то-же время въ англій- скомъ обществѣ развивались страсть къ естествознанію и наклон- ность объяснять всѣ явленія законами природы. Сомнѣніе въ вѣ- довствѣ было естественнымъ результатомъ этихъ перемѣнъ, но ему долго еще приходилось бороться съ вѣрою въ вѣдовство. Въ 1664 г. въ Суффолькѣ были повѣшены двѣ вѣдмы, и судья Галь заявлялъ при этомъ, что дѣйствительность вѣдовства не подлежитъ сомнѣнію, „ибо, во-первыхъ, подтверждается писаніемъ, а во-вторыхъ, мудростью всѣхъ народовъ“. Великій медикъ и писатель того времени, Томасъ Броунъ, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, заявилъ подъ присягою, что „по его твердому убѣж- денію, лица, о которыхъ идетъ рѣчь, околдованы“. Черезъ сем- надцать лѣтъ послѣ этого защитникомъ падающаго вѣрованія выступилъ Джозефъ Глэнвилъ, замѣчательный писатель, скептикъ, послѣдователь индуктивной философіи. Его „Торжествующій сад- дукеизмъ“ свидѣтельствуетъ о поразительныхъ успѣхахъ скепти- цизма въ Англіи. Невѣріе въ вѣдовство сдѣлалось моднымъ въ

высшихъ классахъ, открыто издѣвавшихся надъ всѣмъ, что разсказывалось суевѣрами. Возставая противъ этого скептицизма, Глэнвилъ доказываетъ возможность чудеснаго вообще и вѣдовства въ частности. Книга имѣла огромный успѣхъ. Знаменитый философъ Генри Моръ написалъ похвалу Глэнвилу и заявилъ, что невѣрующіе въ вѣдовство „глупцы, набитые невѣжествомъ, надменностью и тупоумнымъ невѣріемъ“. Въ такомъ-же смыслѣ высказались ученый епископъ кентерберійскій Казобонъ, знаменитый Бойль и Кюдвортъ; послѣдній заподозрѣлъ скептиковъ даже въ атеизмѣ. Противъ этихъ знаменитостей скептицизмъ не могъ выставить ни одного громкаго имени. Только медикъ Вебстеръ да безталанный ученый Вагстафъ написали три опыта, въ которыхъ вѣдовство и вообще волшебство объясняется съ рационалистической точки зрѣнія. Но несмотря на это, духъ скептицизма такъ быстро развивался въ англійскомъ обществѣ, что въ 1718 г., по свидѣтельству Гучинсона, уже никто не вѣрилъ въ вѣдьмъ, за исключеніемъ невѣжественной черни и небольшого числа духовныхъ, а въ 1736 г. были отменены и законы противъ вѣдовства.

Ту-же самую судьбу, какъ во Франціи и въ Англии, имѣла вѣра въ вѣдовство и во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Будучи остаткомъ варварскаго міросозерцанія, она повсюду усиливалась подъ вліяніемъ общественныхъ и физическихъ бѣдствій и судейскаго террора. Но достигнувъ полной силы, она встрѣтила опаснаго соперника въ человѣческой мысли, которая, освобождаясь отъ оковъ авторитета, привыкала къ идеѣ, что всѣ явленія совершаются въ силу извѣстныхъ естественныхъ законовъ. Противъ этого пагубнаго суевѣрія боролись и его побѣдили не великіе ученые и мыслители, а тотъ духъ рационализма, который, выражаясь съ особенною силою въ великихъ представителяхъ мысли, жилъ и развивался въ массѣ общества. Но этотъ духъ до сихъ поръ еще чуждъ массѣ народа и въ ней вѣра въ вѣдовство жива до сихъ поръ и по временамъ выражается въ ужасныхъ проявленіяхъ, напоминающихъ собою костры стараго времени. Въ 1863 г. въ графствѣ Эссексъ чернь забила до смерти одну старуху, заподозрѣнную въ вѣдовствѣ. Въ концѣ 1874 г., у насъ на Кавказѣ жители одного аула тоже чуть было не задушили до смерти какую-то вѣдьму. Въ апрѣлѣ 1874 г.,

въ Мехикѣ, въ штатѣ Синалоа, сожженъ вѣдунъ, околдовавшій многихъ людей!.. Пока возможны такіе факты, до тѣхъ поръ цивилизованное человѣчество не имѣетъ права гордиться своимъ прогрессомъ.

Вѣдьмы преслѣдовались не только потому, что онѣ причиняли будто-бы существенный, матеріальный вредъ людямъ, но главнымъ образомъ потому, что онѣ считались союзницами врага рода человѣческаго, дьявола. Подавленная всевозможными страхами, человѣческая мысль трепетала больше всего предъ своей идеей сатаны, и все, что связывалось съ темнымъ духомъ, возбуждало страхъ и фанатическую ненависть. Кромѣ вѣдьмъ и волшебниковъ, къ области сатаны относились прежде всего евреи и цыгане; послѣднихъ считали потомками египетскихъ мучителей народа божьяго и ненавидѣли почти одинаково съ потомками людей, распявшихъ Христа. Нелѣпыя сказки о злодѣяніяхъ евреевъ, грабежи и ожесточенныя гоненія ихъ были результатомъ того-же умонастроенія, которое создало вѣдовскіе процессы и преслѣдованія еретиковъ. Многіе отцы первыхъ вѣковъ, особенно во времена гоненій, поднимаемыхъ язычниками или еретиками, заявляли себя горячими сторонниками терпимости, какъ, напр., Тертуліанъ, Иларій и др. Даже тѣ писатели, которые въ первые вѣка христіанства считали необходимыми законы противъ ересей, почти никогда не требовали наказанія еретиковъ смертною казнью. Въ этомъ отношеніи еретики были гораздо суровѣе. Однажды, напр., въ царствованіе арианскаго императора Валенція, 80 католическихъ духовныхъ были посажены на корабль и сожжены вмѣстѣ съ нимъ. Такими-же яркими фанатиками были донатисты, и Несторій вполне выразилъ свой образъ мыслей, сказавъ императору: „дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я дамъ тебѣ небо!“ Эта нетерпимость еретиковъ неизбѣжно должна была развиваться и въ католицизмѣ. Каждый еретики былъ врагомъ папы и католическаго духовенства, представителемъ враждебнаго имъ принципа, и естественно возбуждалъ въ нихъ ненависть; но при всемъ этомъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній винить въ религіозныхъ преслѣдо-

ваніяхъ одно католическое духовенство. Оно подогрѣвало фанатизмъ массы, оно придавало преслѣдованіямъ государственный характеръ и чрезвычайные размѣры, оно пользовалось ими для своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, но духъ нетерпимости и преслѣдованія созданъ не имъ, онъ коренился въ самой народной массѣ, въ ея міросозерцаніи, въ настроеніи ея чувствованій. Еретикъ—врагъ неба и людей, сынъ сатаны, чудовище, предназначенное въ жертву вѣчному огню,—возбуждалъ такой-же ужасъ, какъ и вѣдьма. Католикъ обязанъ истреблять ересь и истреблять еретиковъ, если они упорствуютъ въ своихъ нечестивыхъ заблужденіяхъ. Таковы были убѣжденія массы, и католическое духовенство очень рано начало слѣдовать имъ и развивать ихъ. Первое преслѣдованіе еретиковъ духовенствомъ было въ 385 г., когда нѣсколько присцилианистовъ было казнено смертью. Св. Амвросій энергично протестовалъ противъ этого насилія, хотя и былъ пламеннымъ противникомъ іудейскаго и языческаго культа; а св. Мартинъ вооружился противъ этой казни, какъ противъ преступленія, и отказался отъ общенія съ епископами, по настоянію которыхъ еретики были казнены. Это негодованіе объясняется между прочимъ тѣмъ воззрѣніемъ, что христіанинъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ проливать человѣческой крови, даже въ качествѣ судьи, солдата и т. д. Когда христіанство сдѣлалось государственною религіей, это воззрѣніе по необходимости должно было измѣниться относительно мірянъ и ограничиться однимъ духовенствомъ. Въ началѣ это правило было чистой филантропіей, имѣвшей цѣлью спасеніе жизни даже преступниковъ, но въ католицизмѣ оно скоро превратилось въ лицемѣрную формальность. Передавая еретика, вѣдьму, свободаго мыслителя для наказанія въ руки свѣтской власти, духовные судьи обыкновенно просили ее о снисхожденіи, хотя сами присуждали еретиковъ къ смертной казни, поручая свѣтской власти только выиолненіе ея, и хотя Бонифацій VIII отлучалъ отъ церкви всѣхъ судей, измѣняющихъ церковный приговоръ или откладывающихъ исполненіе его дольше, чѣмъ на *шесть* дней. Когда вошло въ обычай сожженіе еретиковъ, то духовные суды, передавая людей свѣтской власти, обыкновенно просили ее наказывать ихъ „безъ пролитія крови“, т. е. жечь на кострѣ. Гуманное правило выродилось такимъ образомъ въ безчеловѣчно-фарисейскую формальность, коль скоро

нетерпимость сдѣлалась основой міровоззрѣнія. Католицизмъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою роль въ исторіи развитія Европы, объединивъ нравственною связью ея разнородныя племена, побуждая физическую силу моральнымъ принципомъ, содѣйствуя прекращенію рабства и переходу его въ болѣе мягкую форму крѣпостной зависимости. „Но, говоритъ извѣстный историкъ европейской мысли, — это зданіе, во многихъ отношеніяхъ удивительное и полезное, очевидно было непрочно. Оно могло существовать только при подавленіи всякаго критическаго духа, при угнетеніи умственныхъ способностей. Съ католицизмомъ соединялись такія понятія о вселенной, такія идеи о прошломъ и такіе виды на будущее, которые были вполне ложны и неизбѣжно должны были быть разбиты развивающимися знаніями. Какъ только началось возрожденіе наукъ, какъ только были почувствованы первыя біенія умственной жизни, тотчасъ началось разложеніе. Съ этого момента католицизмъ, видя, что невозможно оставаться неподвижнымъ, ухватился за принципъ регресса. Съ этого момента онъ началъ пользоваться всѣми средствами, какія только давали ему его положеніе и его успѣхи, чтобы остановить развитіе разума, помѣшать распространенію знаній и залить кровью свѣтильникъ свободы“. XII-й вѣкъ былъ началомъ освобожденія мысли, и тотъ-же XII в., съ другой стороны, былъ началомъ ожесточенныхъ гоненій мысли, поднятыхъ непогрѣшимымъ папствомъ. Преслѣдуя, казня, сожигая отдѣльныхъ еретиковъ южной Франціи, папы видѣли, что подобными мѣрами нельзя ничего подѣлать противъ ереси, и въ 1209 г. Иннокентій III поднялъ бароновъ сѣверной Франціи въ крестовый походъ для поголовнаго истребленія южныхъ еретиковъ. Какіе принципы руководили духовенствомъ и крестоносцами, можно видѣть изъ папской инструкціи, предписывавшей „разомъ захватывать всѣхъ еретиковъ и конфисковать ихъ имущества. Даже у дѣтей еретика должно отнимать все; даже домъ, въ которомъ былъ принятъ еретикъ, долженъ быть разрушенъ. Никто не долженъ поддаваться ложному состраданію и избавлять еретика отъ преслѣдованія, даже самая нѣжная дружба и ближайшее родство не могутъ служить въ этомъ отношеніи извиненіемъ. Не только клятва, данная еретикъ, не имѣетъ никакой силы, ибо относительно еретика вовсе не слѣдуетъ держаться правилъ вѣрности, но даже слѣдуетъ еретиковъ всевозможными

способами вводить въ заблужденіе и обманывать“. Какія чувства, копошились въ душонкахъ свирѣпыхъ католическихъ гонителей, можно видѣть изъ извѣстнаго эпизода объ осадѣ Безье, въ которомъ засѣло 70,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. 22 іюля 1209 г. городъ былъ взятъ штурмомъ. Крестоносцы спросили у папскихъ легатовъ, какъ поступать съ жителями, между которыми было много правовѣрныхъ католиковъ. „Бейте всѣхъ на-смерть, Богъ узнаетъ своихъ“, отвѣчали легаты, и жители были поголовно перебиты при торжественныхъ звукахъ гимна Te, Deum, laudeamus... Провансъ былъ ограбленъ, выжженъ и очищенъ отъ еретиковъ. Но послѣдніе появлялись всюду, и католицизмъ энергически продолжалъ вести дѣло. Въ 1209 г. авиньонскій соборъ обязалъ всѣхъ епископовъ настаивать передъ свѣтскою властью на истребленіи еретиковъ. Папа Иннокентій угрожалъ всѣмъ государямъ, которые бы вздумали отказываться отъ уничтоженія еретиковъ, церковнымъ проклятіемъ и низложеніемъ. Въ 1215 г. латеранскій соборъ, считающійся въ католицизмѣ вселенскимъ, обязалъ всѣхъ государей „приносить публичную присягу въ томъ, что они будутъ ревностно и со всей силою своей власти искоренять въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ тѣхъ, кого церковь клеймитъ названіемъ еретика“. Въ то-же время Иннокентій III рѣшилъ, что „всѣ еретическія сочиненія должны быть уничтожаемы, всѣ еретическія мысли подавляемы, для чего и устанавливается особое учрежденіе, называемое инквизиціей“. Этотъ ужасный судъ, залившій свой историческій путь слезами и кровью, былъ отданъ въ руки доминиканцевъ и францисканцевъ, монополизировавшихъ преслѣдованіе ереси. Епископъ епархіи игралъ нѣкоторую роль въ иѣстномъ инквизиціонномъ трибуналѣ, но подчинялся главному инквизитору. Свѣтская власть имѣла своихъ представителей въ лицѣ асесора и нѣкоторыхъ второстепенныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ инквизиторомъ и обязанныхъ главнымъ образомъ исполнять постановленія священнаго трибунала. Инквизиторы начали неистовствовать прежде всего въ южной Франціи. Ихъ агенты шныряли по городамъ, по деревнямъ, по домамъ. Кто не каждое воскресенье ходилъ къ мессѣ или имѣлъ что-нибудь особенное въ своей вѣшности, тотъ уже подвергался подозрѣнію и преслѣдованію. Достаточно было одного вздоха, одного подозрѣнія, что такой-то не радъ учрежденію инквизиціи, чтобы

попасть въ тюрьму и подвергнуться пыткѣ, а по правиламъ инквизиціи пытать слѣдовало до тѣхъ поръ, пока подсудимый не признается! Что-же касается невинныхъ, подвергавшихся пыткѣ, то отцы-инквизиторы разсуждали объ этомъ такъ: „вѣдь пыткамъ и смерти подвергаются только тѣла, души-же невинныхъ, приготовленныя мученіями къ вѣчному блаженству, идутъ прямо въ рай“!.. Какъ широко понимали свою задачу первые инквизиторы, можно видѣть уже изъ одного того, что въ 1236 г. Робертъ втеченіи двухъ мѣсяцевъ закопалъ живыми въ землю 500 человекъ. Фарисейски-благочестивое учрежденіе быстро распространилось по Европѣ; свѣтскія правительства приняли его подъ свою защиту; сожженіе еретиковъ было и „дѣломъ вѣры“ (auto da fe), и выгодною финансовою операціей, и народнымъ развлеченіемъ, особенно въ Испаніи. Жестокость доходила до того, что обыкновеннымъ сожженіемъ не довольствовались, а старались сжигать медленнымъ огнемъ, чтобы продлить мученія жертвъ. „Это были физическія страданія, говорить уже цитированный нами историкъ, — которымъ подвергались тѣ, которые дерзали пользоваться своимъ разумомъ для отысканія истины; но какой языкъ можетъ описать и какое воображеніе можетъ представить душевныя страданія, неизбѣжныя при этомъ? Въ тѣ времена семейства распадалась на враждобныя части. Свѣтъ новаго убѣжденія часто просвѣщаль одного какого-нибудь члена семьи, не касаясь прочихъ. Жертвы, погибавшія за ересь, не были, подобно вѣдмамъ, одинокими престарѣлыми женщинами, но большею частію людьми въ цвѣтѣ силъ и часто юношами, полными молодого энтузіазма, а тѣ, которые любили ихъ, были убѣждены, что ихъ предсмертныя страданія на землѣ только прелюдія вѣчнымъ мученіямъ ихъ за гробомъ. Это было въ особенности съ слабыми женщинами, которыя чрезвычайно чувствительны къ страданіямъ другихъ и умы которыхъ съ особенною заботливостью уловляло въ свои сѣти католическое духовенство. Страшно подумать, какія страданія причиняла эта доктрина матери, женѣ, сестрѣ, дочери еретика! Она видѣла, какъ тѣло того, который ей дороже жизни, выгибается, трепещетъ, корчится отъ мученій; какъ медленный огонь ползетъ отъ одного члена къ другому, охватываетъ все тѣло, и когда, наконецъ, умолкаютъ послѣдніе вопли агоніи и остается только трупъ, ей говорятъ, что все это только слабый образъ тѣхъ

вѣчныхъ мукъ, которыя ожидаютъ покойнаго! Все пускалось въ ходъ, чтобы укоренить въ умахъ эту доктрину. Ее проповѣдывали съ каждой кафедры, ее изображали въ картинахъ надъ каждымъ алтаремъ. Испанскаго еретика вели на костеръ въ одеждѣ, покрытой изображеніями дьяволовъ и страшныхъ мукъ, чтобы направлять умы зрителей къ тому послѣднему концу, который ожидать его“. Даже дѣти еретиковъ лишались правъ собственности и обращались въ нищихъ, если только не доносили на своихъ родителей. Гоненія усиливались по мѣрѣ того, какъ усиливались церковные расколы, выразившіеся вполне въ реформаціи. Въ Испаніи инквизиція сожгла 31,000 человекъ и приговорила къ другимъ наказаніямъ 290,000. „16 февраля 1568 г. приговоромъ священной инквизиціи *всѣ жители Нидерландовъ, какъ еретики, были приговорены къ смертной казни, за исключеніемъ лишь немногихъ лицъ, перечисленныхъ поименно. Изданная черезъ десять дней прокламація короля утверждала этотъ декретъ инквизиціи и повелѣвала немедленно привести его въ исполненіе. Три миліона людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, были приговорены къ смерти однимъ почеркомъ пера!*“ (Motley). При Карлѣ V въ Нидерландахъ казнено за ересь 50,000, при его сынѣ 25,000 человекъ. Во Франціи въ одну только варфоломеевскую ночь было убито до 100,000 протестантовъ. Чтобы оцѣнить размѣры зла, порожденнаго духомъ преслѣдованія, говорить историкъ раціонализма, „мы должны вспомнить эти ужасныя побоища, можетъ быть, самыя ужасныя изъ всѣхъ, какія только видѣлъ міръ,—истребленіе альбигойцевъ, совершенное по повелѣнію папы, или убійства варфоломеевской ночи, за которыя папа приносилъ торжественное благодареніе Небу. Мы должны вспомнить о тѣхъ религіозныхъ войнахъ, которыя велись изъ столѣтія въ столѣтіе съ почти неослабѣвавшею яростью, которыя остановили развитіе и парализировали умъ не одной благородной націи, залили кровью прекраснѣйшія страны Европы и поселили въ ней столько вражды, что для искорененія ея было недостаточно и двухъ столѣтій. Нельзя забывать и тѣхъ ожесточающихъ вліяній, какія дѣйствовали на умы зрителей, которые при каждой королевской свадьбѣ въ Испаніи угощались зрѣлищемъ сожженія еретиковъ [или собирались на большую площадь Тулузы смотрѣть, какъ корчилились въ пламени костровъ четыреста вѣдьмъ.

Когда мы соберемъ вѣсть всѣ эти различныя формы страданія, когда мы вспомнимъ, что жертвами этихъ преслѣдованій были обыкновенно люди не только ни въ чемъ неповинные, но, какъ они доказывали одною уже своею смертыю, одаренные самыми возвышенными и героическими доблестями, и когда, далѣе, мы обратимъ вниманіе на то, что все это было только частью обширнаго заговора, имѣвшаго цѣлью остановить развитіе человѣческаго ума и подавить духъ безпристрастнаго, свободнаго изслѣдованія, при которомъ только и возможны прогрессъ и познаніе истины, — когда мы взвѣсимъ все это, то едва-ли сочтемъ преувеличеннымъ мнѣніе, что римская церковь причинила людямъ больше незаслуженныхъ страданій, чѣмъ какая-нибудь другая религія въ мірѣ. Но католицизмъ боролся за свое существованіе, и боролся не безъ успѣха. Существуетъ либеральное мнѣніе, что религіозныя гоненія не только не въ состояніи искоренить или ослабить религіозную секту, но даже придаютъ ей новыя силы. Это мнѣніе можетъ быть допускаемо только съ большими ограниченіями. Подобно тому, какъ гоненіе совершенно искоренило христіанство въ Японіи, инквизиція вполнѣ истребила протестантство въ Испаніи и Италіи, окончателно обезсилила его во Франціи, а въ Германіи произвела то, что изъ 42,000,000 нѣмцевъ въ протестантство перешло только 19,000,000.

Либеральные протестанты любятъ распространяться о католической нетерпимости и религіозныхъ гоненіяхъ, воздвигавшихся Римомъ. Но духъ нетерпимости и преслѣдованія одинаково присущъ какъ протестантству, такъ и католицизму, съ тѣмъ только различіемъ, что вслѣдствіе малочисленности духовенства въ протестантскихъ странахъ и ограниченности его политическаго вліянія, религіозныя гоненія были въ нихъ слабѣе, чѣмъ въ земляхъ католическихъ. Въ Германіи, въ самый разгаръ протестантскаго движенія, лютеранскіе государи строжайше запретили въ своихъ владѣніяхъ католическое богослуженіе. То-же самое было въ Англии еще при Эдуардѣ VI. При воцареніи Елисаветы было запрещено всякое богослуженіе, кромѣ англиканскаго; виновный въ нарушеніи этого закона въ третій разъ подвергался пожизненному тюремному заключенію. Пресвитеріане въ продолженіи нѣсколькихъ царствованій заключались въ тюрьмы, клеймились раскаленнымъ желѣзомъ, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ; многіе

католики были повѣшены, анабаптистовъ и арианъ сожигали живыми. Вся католическая Ирландія была подвергнута ужасному, постоянному гоненію, и когда въ 1626 г. правительство обнаружило нѣкоторое расположеніе облегчить этотъ гнетъ, то этому воспротивились все протестантскіе епископы Ирландіи. „Религія палистовъ, говорили они, — суевѣрна, ихъ вѣра и ученіе ложны и еретичны, ихъ церковь — отступническая. Поэтому относиться въ нимъ съ терпимостью или позволять имъ свободное отправленіе богослуженія или исповѣданіе ихъ вѣры — большой грѣхъ“. Въ Шотландіи во все время Стюартовъ англійское правительство вмѣстѣ съ англиканскимъ духовенствомъ неутомимо преслѣдовало всехъ, отвергавшихъ епископство. Если открывали религиозное собраніе въ какомъ-нибудь домѣ, то проповѣдникъ подлежалъ смертной казни; если собраніе происходило на открытомъ воздухѣ, той-же участи подвергались и слушатели, и проповѣдникъ. За пресвитеріанами охотились, какъ за дикими звѣрами; имъ обрубали уши и руки, кости ногъ раздробляли посредствомъ испанскихъ сапоговъ, ихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, обнаженныхъ женщинъ водили по улицамъ и сѣкли; множество было ссылаемо въ Барбадосъ и подвергалось невообразимымъ мученіямъ отъ конвоировавшихъ солдатъ. Когда реформація вполнѣ восторжествовала въ Шотландіи, то однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея былъ законъ, запрещавшій слушаніе мессы подѣ угрозой конфискаціи имущества въ первый разъ, ссылки во второй и смертной казни въ третій. „Одна месса, восклицалъ Ноксъ, — страшнѣе, чѣмъ 10,000 вооруженныхъ непріятелей, высадившихся въ страну!“ Во Франціи, когда нѣкоторые города очутились во власти протестантовъ, то послѣдніе тотчасъ-же начали ожесточенно преслѣдовать и католиковъ, и всехъ, отступавшихъ отъ протестантизма. Въ Швеціи все несогласные хотя-бы съ однимъ пунктомъ аугсбургскаго исповѣданія изгонялись изъ страны. Въ протестантской Швейцаріи множество анабаптистовъ было утоплено, свободномыслящій Жангли обезглавленъ, Серветъ и др. сожжены. Въ Америкѣ протестантскіе колонисты преслѣдовали не только католиковъ, но даже мирныхъ квакеровъ. Наиболѣе терпимости было въ Голандіи, въ которой вліяніе духовенства было чрезвычайно слабо; но и здѣсь амстердамскій синодъ 1690 г. постановилъ, что ученіе, по которому „свѣтская власть не имѣетъ права иско-

релять ересь и идолопоклонство, ложно, соблазнительно и пагубно“. Когда Декартъ, такъ краснорѣчиво доказывавшій бытіе божіе, прибылъ въ Голандію, то протестантское духовенство встрѣтило его совершенно враждебно и начало обвинять передъ правительствомъ въ атеизмъ! Это напоминаетъ нѣкоторыхъ протестантовъ Швеціи, хлопотавшихъ о запрещеніи линнеевской системы ботаники, которая, будучи основана на различіи половъ растений, будто-бы рассчитываетъ на воспламененіе фантазіи юношества грѣховными помыслами. Вообще, всѣ отцы протестантства стояли за нетерпимость и доказывали законность преслѣдованія, — и Лютеръ, и Кальвинъ, и Беза, и Жюрье. Ноксъ требовалъ смерти всѣхъ „еретиковъ, идолопоклонниковъ и ложныхъ пророковъ“. Только Цвингли и Социнъ были поборниками терпимости, но за этими двумя исключеніями, представители реформации всѣхъ странъ были заражены тѣмъ-же духомъ преслѣдованія, какъ и кровожадные инквизиторы Испаніи и Рима. Когда Кальвинъ сожегъ Сервета за его мнѣнія о Троицѣ, то этому поступку рукоплескали всѣ протестанты, Меланхтонъ, Булингеръ и Фарель выразили самое горячее сочувствіе, а Беза написалъ въ защиту казни ученый трактатъ. И во всей Европѣ нашелся только одинъ человѣкъ, осмѣлившійся поднять голосъ противъ этого злодѣянія; то былъ французъ Шатильонъ, писавшій подъ именемъ Беліуса. Онъ былъ профессоромъ въ Женевѣ, но, вооруживъ противъ себя протестантовъ смѣлостью своихъ возрѣній и своею критикою кальвинистской доктрины о предопредѣленіи, былъ изгнанъ изъ города. Получивъ кафедру въ Базелѣ, онъ началъ проповѣдывать противъ убійства Сервета и первый провозгласилъ принципъ вѣротерпимости, такъ-какъ заблужденіе нельзя считать преступленіемъ. Преслѣдовать людей за то или другое рѣшеніе метафизическаго вопроса и нелѣпно, и безчеловѣчно, и противно духу христіанства. Эти благородныя мысли возбудили яростное негодованіе учителей протестантства, особенно Кальвина, который хлопоталъ объ изгнаніи Шатильона изъ Базеля, доказывалъ, что онъ орудіе сатаны, осыпалъ его всевозможными клеветами, называлъ „богохульникомъ, клеветникомъ, воромъ, псомъ смердящимъ“ и т. д. Много горя вынесъ этотъ апостолъ терпимости, пока болѣзнь и голодная бѣдность не свели его въ могилу. Идеи Шатильона были развиваемы еще двумя или тремя писателями, но

это были исключенія, и духъ нетерпимости, духъ Лютера и Кальвина, всевластно господствовалъ надъ умами первыхъ протестантовъ. Даже свободные мыслители были сторонниками преслѣдованія. Невѣрующій императоръ Фридрихъ II издалъ первый свѣтскій законъ объ искорененіи ересей! Знаменитый англійскій гуманистъ Томасъ Моръ доказывалъ необходимость преслѣдованія и, несмотря на природное добродушіе, ожесточенно гналъ „еретиковъ“ и требовалъ ихъ сожженія! Рѣдкіе примѣры терпимости того времени не имѣли ничего общаго съ протестантствомъ. Лопиталь и основатель Мэриленда, лордъ Балтиморъ, два первые законодателя, пытавшіеся провести въ жизнь принципы терпимости, были католики. Мэрилендъ сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ гонимыхъ сектантовъ, но когда пуритане низвергли католическое управленіе, то обратили всѣ ужасы своихъ уголовныхъ законовъ противъ тѣхъ, которые такъ благородно и великодушно пріютили ихъ. Вообще въ XVI в. въ протестанствѣ не было и слѣдовъ терпимости, и „въ концѣ этого столѣтія, говоритъ Галламъ, — простое предположеніе, что людей за то или другое ихъ вѣрованіе не должно сжигать живыми или вообще предавать смерти, было равнозначительно ереси“. Даже въ концѣ XVII вѣка Боссюетъ вполне основательно замѣчалъ, что на доктринахъ о судебномъ преслѣдованіи религіозныхъ заблужденій вполне сходятся объ церкви, протестантская и католическая, и что только двѣ секты отрицаютъ ее — соцініане и анабаптисты.

Но при всемъ томъ протестантство имѣло косвенное вліяніе на развитіе терпимости. Оно породило такое множество сектъ, что необходимость вѣротерпимости возникла сама собой. Протестантское духовенство, семейное и имѣющее общіе интересы съ мірянами, гораздо доступнѣе теплымъ чувствамъ и менѣе подвержено возможности духовнаго ожесточенія, чѣмъ холостые, эгоистическіе, проникнутые исключительнымъ, корпоративнымъ духомъ католическіе патеры. Наконецъ, протестантство было однимъ изъ проявленій общаго освобожденія и секуляризаціи мысли. Великіе мыслители XVI и XVII вѣковъ были главными возбудителями духа терпимости, распространяя его не полемикою, касавшеюся непосредственно этого вопроса, а тѣмъ новымъ направленіемъ, какое они дали человѣческой мысли, умѣривъ ея порывы къ постиженію абсолютнаго, разработавъ научные методы изслѣдо-

ванія и разрушивъ столько предрасудковъ, которые до тѣхъ поръ подавляли самостоятельную дѣятельность разума. Мы остановимся здѣсь на развитіи думатерпимости во Франціи и Англии.

Духъ терпимости во Франціи находился въ самой тѣсной связи съ тѣмъ великимъ скептическимъ движеніемъ, которое началось съ конца XVI вѣка. Три главные вожака этого движенія представляли собою три различные типа ума и дѣйствовали въ трехъ различныхъ сферахъ общества, — свѣтскій человекъ Монтань, философъ Декартъ и ученый Бэйль. Разсматривая безпристрастно различныя мнѣнія людей и подвергая всѣ предметы суду обыкновеннаго, иногда даже очень поверхностнаго здраваго смысла, Монтань пришелъ къ заключенію, что уму человѣческому недоступна абсолютная истина и мудрому человѣку остается только одно — относиться совершенно индифферентно къ спорамъ сектъ. Отсюда догически вытекала идея о невинности заблужденія, — идея, которую Монтань первый проповѣдывалъ во Франціи. О философіи Декарта мы будемъ говорить дальше, здѣсь-же только замѣтимъ, что его скептицизмъ имѣлъ такое-же вліяніе, какъ и скептицизмъ Монтаня, хотя Декартъ и не касался прямо вопросовъ практическихъ. Бэйль обладалъ громадными знаніями и мощнымъ критическимъ умомъ. Никто лучше его не умѣлъ ставиться на точку зрѣнія разбираемой системы и развивать ее такъ, какъ могъ сдѣлать только лучшей защитникъ ея. Но при этомъ Бэйль былъ почти вовсе лишенъ творческаго таланта и равнодушно относился къ результатамъ спора. Онъ защищалъ съ энтузіазмомъ только одну свободу ума, во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ онъ ничего не отрицалъ, ничего не утверждалъ, а только дѣлалъ сводъ разнымъ противоположнымъ доктринамъ, анализировалъ ихъ и развивалъ, пока онѣ не уничтожали одна другую. Показывая ничтожество и пустоту различныхъ доктринъ, Бэйль относился ко всѣмъ имъ съ одинаковою сардоническою улыбкою, и его „Словарь“ болѣе, чѣмъ какая-бы то ни было книга, содѣйствовалъ развитію во Франціи того духа, который рождаетъ чувство и идею терпимости. Бромъ „Словаря“ Бэйль издалъ еще памфлетъ („*Contrains-les d'entrer*“), въ которомъ онъ выступилъ уже прямымъ проповѣдникомъ религіозной свободы. „Преслѣдованіе, говоритъ онъ, — иѣшаетъ той сравнительной оцѣнѣ разнородныхъ мнѣній, которая существенно необходима

для открытія истины. Мы можемъ, конечно, думать, что наши ближніе увлекаются пагубнымъ заблужденіемъ, но вѣдь и они думаютъ о насъ точно такъ-же. Мы можемъ быть твердо убѣждены въ справедливости понятій, которымъ насъ научили, но мы должны знать также, что каждое новое изслѣдованіе разбиваетъ какой-нибудь старый предразсудокъ и что чѣмъ болѣе расширяется кругозоръ нашего ума, тѣмъ становится настоятельнѣе пересмотръ нашихъ принциповъ и нашихъ доказательствъ. И если мы взвѣсимъ слабость нашихъ способностей, вліяніе на наши понятія среды, въ которой мы живемъ, и въ особенности безконечность и непостижимость главнаго предмета нашихъ размышленій, то невозможно не усомниться въ основательности нашихъ стараній классифицировать мнѣнія объ этомъ предметѣ на абсолютно-истинныя и абсолютно-ложныя.“

Умственное движеніе, представителями котораго были Монтань, Декартъ и Бэйль, вскорѣ отразилось и на французской политикѣ. Нантскій эдиктъ Генриха IV утвердилъ свободу религіи и санкціонировалъ принципъ терпимости, а кардиналь Ришелье, ведя войны, въ которыхъ его союзниками были большею частью протестанты, а врагами католики, секуляризировалъ внѣшнюю политику. Католическая реакція Людовика XIV, съ ея ужасными драконадами, съ гоненіемъ протестантовъ, много причинила страданій народу, но уже была не въ силахъ остановить дальнѣйшее развитіе терпимости. Реакція эта окончила баснословную нравственную распушенность временъ регентства, которыя англійскій историкъ сравниваетъ съ царствованіемъ Карла II въ Англіи. „Въ обоихъ случаяхъ реакція противъ вынужденной строгости нравовъ произвела самую необузданную распушенность; въ обоихъ случаяхъ она сопровождалась паденіемъ понятій, на которыхъ въ тѣ времена всюду была основана мораль; въ обоихъ случаяхъ дворъ стоялъ во главѣ движенія и въ обоихъ случаяхъ это движеніе кончилось переворотомъ, который въ религіозной сферѣ утвердилъ терпимость, а въ политической произвелъ органическую переиѣну. Что пороки часто былъ эмансипаторомъ разума—это одинъ изъ самыхъ печальныхъ, но въ то-же время самыхъ безспорныхъ фактовъ въ исторіи. Это спеціальное зло, порождаемое нетерпимостью“. Послѣ регентства настала эпоха полнаго разложенія старыхъ доктринъ, и среди этого нрав-

ственного хаоса великое умственное движение XVIII вѣка окончательно водворило въ странѣ духъ терпимости.

Въ протестантской Англіи дѣло шло нѣсколько иначе, чѣмъ во Франціи; здѣсь духу терпимости содѣйствовали не одни только скептики, какъ Монтань, но и многіе представители протестантства, воодушевленные благородною любовью къ истинѣ. Гукеръ, краснорѣчиво разсуждавшій о неизмѣнныхъ принципахъ вѣчнаго права; Берлей, защищавшій свободу мышленія; Чилингвортъ, проведшій ясную границу между несомнѣннымъ и вѣроятнымъ и доказывавшій, что каждое вѣрованіе должно быть строго пропорціонально рациональности его основаній, — подобные люди, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они противились религіозной свободѣ, много содѣйствовали развитію духа терпимости. Общее движеніе въ пользу терпимости началось въ эпоху „великаго мятежа“, когда во главѣ политическихъ дѣлъ стоялъ Кромвель, а во главѣ интеллигенціи Мильтонъ, когда страну потрясалъ энтузіазмъ свободы. Католиковъ, правда, преслѣдовали, англиканцевъ угнетали, пресвитеріане, за немногими исключеніями, требовали гоненія всѣхъ вѣровавшихъ не по-ихнему, но индипенденты и во главѣ ихъ Кромвель стремились къ самой широкой религіозной свободѣ и покровительствовали даже евреямъ, дозволивъ имъ открытое исповѣданіе ихъ вѣры. Во главѣ адвокатовъ терпимости стояли три замѣчательнѣйшихъ писателя. Извѣстный политикъ Гаррингтонъ очень хорошо понималъ, что политическая свобода невозможна безъ религіозной и что послѣдняя заключается не въ одной терпимости, а также въ безусловной отмѣнѣ всякой религіозной неправоиспособности. „Гдѣ гражданская свобода полна, говоритъ онъ, — тамъ въ ней заключается и свобода совѣсти“. „Ареопагитики“ Мильтона до сихъ поръ остаются самымъ талантливымъ произведеніемъ, написаннымъ въ защиту терпимости. Для защиты истины преслѣдованіе не нужно. „Истина близка къ Всемогууществу. Для своего торжества она не нуждается ни въ политикѣ, ни въ законахъ, ни въ привилегіяхъ“. Мильтонъ не распространяетъ своей терпимости на католиковъ, не вслѣдствіе политическихъ интригъ ихъ духовенства, а потому, что „католицизмъ есть идолопоклонство, ветхій-же завѣтъ запрещаетъ терпѣть идолопоклонство“... Тэйлоръ въ этомъ отношеніи былъ послѣдовательнѣе Мильтона и вооружался противъ преслѣдованія католи-

зовъ съ такимъ-же энтузіазмомъ, съ какимъ онъ проповѣдывалъ терпимость вообще. Въ періодъ реставраціи развитіе толерантнаго духа продолжалось. Скептицизмъ, господствовавшій въ высшихъ классахъ, заставлялъ ихъ равнодушно смотрѣть на доктринальныя различія сектъ, а общее философское умонастроеніе развивало терпимость даже въ такихъ сферахъ, которыя раньше были совершенно враждебны ей, напр. въ сектѣ квакеровъ. Въ самой англиканской церкви возникла школа, которая, слѣдуя за Чиллингвортомъ, проповѣдывала доктрину терпимости на основаніи различія между основными и второстепенными истинами. Скептицизмъ былъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ этой школы, самый видный представитель которой, Глэнвилъ, въ своемъ трактатѣ „On the vanity of dogmatising“ высказываетъ почти общій скептицизмъ и поэтому стоитъ почти за безусловную терпимость. Онъ составилъ списокъ основныхъ пунктовъ вѣры, принимая которые, каждая секта имѣетъ право на терпимость и свободу, но списокъ былъ составленъ такъ, что изъ него не могла быть исключена почти ни одна секта. Что-же касается неосновныхъ различій и уклоненій, то за нихъ, по Глэнвилю, никто не долженъ быть преслѣдуемъ или стѣсняемъ. Практическіе результаты этихъ воззрѣній не замедлили обнаружиться, и въ 1677 году власть присуждать еретиковъ къ смерти была отнята у церкви. Но въ то время, когда даже духовенство различныхъ сектъ поддавалось духу терпимости, антихристіанскій писатель Гоббсъ былъ самымъ яркимъ защитникомъ преслѣдованія. По его мнѣнію, свѣтская власть, и только она одна, имѣетъ безусловное право рѣшать, какой религіи долженъ держаться народъ, и каждое отступленіе отъ нея должно преслѣдовать, какъ государственную измѣну. Противъ духа терпимости, обнаруживаемаго лучшими представителями церкви, вооружилась и масса англиканскаго духовенства, и такіе центры образованности, какъ Оксфордъ. При такихъ условіяхъ многіе проповѣдники терпимости терпѣли неудачи и даже падали нравственно. Тэйлоръ кончилъ тѣмъ, что вооружился противъ терпимости, которую сначала пропагандировалъ съ такимъ энтузіазмомъ. Глэнвилъ потерялъ авторитетность, и нѣсколько поправилъ свою репутацію только тогда, когда принялся за защиту вѣдовства. Еретиковъ болѣе уже не сожигали, но и при Карлѣ II, и при Джемсѣ ихъ подвер-

гали болѣе легкимъ видамъ гоненія. Наконецъ, Джемсъ, возмущенный уголовными законами, отъ которыхъ такъ страдали послѣдователи его религіи, католики, провозгласилъ полную терпимость, хотя былъ раньше самъ гонителемъ и навсегда остался въ душѣ фанатикомъ. Большая часть духовенства, вопреки защищаемой имъ доктринѣ безусловнаго повиновенія даже несправедливымъ требованіямъ власти, отказалась объявлять декларацію. Но подоспѣла революція, и Актъ Терпимости утвердилъ навсегда полную свободу совѣсти, въ то-же время, какъ прѣсса была освобождена отъ цензуры.

Такимъ образомъ, въ двухъ передовыхъ странахъ Европы духъ преслѣдованія къ началу XVIII вѣка потерпѣлъ уже рѣшительное пораженіе отъ духа терпимости и общія условія умственной жизни значительно измѣнились. На вѣдовство начали смотрѣть не какъ на проявленіе нечистой силы, а какъ на болѣзненное возбужденіе напуганнаго воображенія; костры фанатизма потухли и преграды, ставившіяся такъ долго свободному движенію мысли, были сняты. Страшный призракъ постояннаго преслѣдованія человѣка злымъ духомъ сталъ исчезать въ лучахъ свѣта, пробивавшагося сквозь густую и сплошную массу суевѣрій и предразсудковъ. До XVII вѣка каждое самостоятельное движеніе философской мысли считалось преступнымъ, а пассивность, сонливость ума — благочестивымъ подвигомъ. Преступно было сомнѣваться въ мнѣніяхъ, привитыхъ къ человѣку въ томъ возрастѣ, когда невозможна никакая оцѣнка ихъ, и считалось добродѣтельно слѣдовать этимъ мнѣніямъ, не разсуждая объ основаніяхъ ихъ. Преступно было заниматься тѣми возраженіями, какія могли быть сдѣланы сторонникамъ этихъ мнѣній, и добродѣтельно игнорировать эти возраженія и отвергать ихъ, какъ нечѣловѣчность или внушеніе сатаны. Преступно было изучать съ равнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ сочиненія обѣихъ сторонъ; преступно было соглашаться съ очевидною истиною, которую-бы изъ сторонъ ни высказывалась она; преступно было оставаться въ нерѣшительномъ сомнѣніи при столкновеніи двухъ враждебныхъ взглядовъ; преступно было даже признавать моральное или умственное превосходство противника. Однимъ словомъ, не было ни одного проявленія любви къ теоретической истинѣ, ни одного условія, необходимаго для постиженія истины, которыя-бы не

считались оскорбленіемъ высочайшей истины!.. Представители умственнаго застоя употребляли всѣ средства для укорененія въ умахъ легковѣрія, они стѣсняли всякое независимое проявленіе мысли и жестоко преслѣдовали всѣхъ, державшихъ думать иначе, чѣмъ они. Они успѣли надолго остановить развитіе европейской мысли и приучили массы думать, что духъ критики, безпристрастія и изслѣдованія — величайшій порокъ. Изъ этого ужаснаго состоянія Европа вышла мало-по-малу посредствомъ того умственнаго движенія, которое выразилось въ великомъ спорѣ номиналистовъ и реалистовъ, въ возрожденіи древнихъ литературъ, въ распространеніи точныхъ знаній, научныхъ открытіяхъ, реформаціи и въ ученіи тѣхъ великихъ мыслителей, которые выясняли условія и пути ея постиженію истины и, имѣя передъ глазами костры Бруно и Ванни, все-таки смѣло вызывали на борьбу традиціи прошлаго. Духъ истины постепенно усиливался, духъ рутины слабѣлъ и вмѣстѣ съ нимъ слабѣлъ духъ преслѣдованія. Сначала сожигали еретика; потомъ убивали его уголовными законами; далѣе начали только ограничивать его въ нѣкоторыхъ правахъ; наконецъ, стали терпѣть. Условія развитія мысли какъ въ массахъ, такъ и для передовыхъ дѣятелей ея значительно измѣнились, и, несмотря на такихъ мощныхъ враговъ, какъ возрожденный католицизмъ съ доктриною и практикою іезуитовъ, чувство и мысль значительно секуляризировались даже въ такихъ центрахъ средневѣковаго застоя, какъ Испанія или Ирландія.

С. Ставринь.

(Продолженіе будетъ.)

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ЦЮРИХЪ.

ГЛАВА III.

Высшее образование и учебныя заведенія для
крупной буржуазіи.

I.

Политехникумъ.

Каждый путешественникъ, подъѣзжая по желѣзной дорогѣ къ Цюриху, непременно обратитъ свое вниманіе на величественное зданіе, гордо возвышающееся надъ цѣлымъ городомъ. Это — Политехникумъ, гордость и честь всего Швейцарскаго Союза, слава Цюриха, который недаромъ зовется Афинами Гельвеціи. Своими многочисленными школами, своими учеными и литературными обществами, своимъ университетомъ и политехническимъ институтомъ, съ ихъ 1,100-ми студентами и 200 профессорами, Цюрихъ по всей справедливости заслуживаетъ этого названія.

Политехникумъ принадлежитъ цѣлому Швейцарскому Союзу и составляетъ его единственное учебное заведеніе. При всемъ томъ кантонъ Цюрихъ тратитъ на политехникумъ ежегодно 20,000 франковъ.

Политехникумъ и университетъ помѣщаются въ одномъ и томъ же зданіи. Это представляетъ большое удобство какъ для профессоровъ, читающихъ въ обоихъ заведеніяхъ, такъ и для студентовъ, а въ особенности потому, что совмѣстное помѣщеніе обоихъ

высшихъ заведеній даетъ возможность имѣть для нихъ общую бібліотеку, общіе кабинеты—химическій, физическій, минералогическій и пр., а это въ свою очередь значительно сокращаетъ расходы на учебныя пособія.

Политехникумъ открытъ въ 1855 году, имѣя всего 68 студентовъ, изъ которыхъ 3 были иностранцами. Въ 1873 году въ немъ слушали курсъ 676 студентовъ, изъ которыхъ 400 были иностранцами. Такимъ образомъ, число слушателей увеличилось въ 10 разъ, а примѣнительно къ однимъ иностранцамъ болѣе чѣмъ въ 100 разъ. Такое увеличеніе числа учащихся само по себѣ показываетъ замѣчательное состояніе учебной части въ этомъ высшемъ швейцарскомъ заведеніи. Возрастаніе-же числа иностранцевъ говоритъ о международномъ характерѣ заведенія и ему-то именно политехникумъ обязанъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Швейцарскій Союзъ на одни свои средства никогда не могъ-бы содержать такъ блистательно въ научномъ отношеніи политехнической институтъ, если-бъ къ нему не явились на помощь иностранцы, вносящіе значительную сумму денегъ за свое обученіе. Въ числѣ иностранцевъ - студентовъ бываютъ люди богатые, вносящіе кромѣ обычной платы за ученіе добровольныя пожертвованія на улучшеніе учебныхъ пособій. Но и помимо этого правительство, какъ Союзъ, такъ и кантона Цюриха, а также богатые цюрихскіе граждане никогда не задумываются надъ расходами, если они требуются для улучшенія учебной части въ политехникумѣ. Въ отношеніи учебныхъ пособій политехникумъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду высшихъ учебныхъ заведеній всего міра. Здѣсь собрано все, что только можно собрать для облегченія студенту проходить курсъ наукъ.

По послѣднему списку студентовъ политехникума иностранные студенты распредѣлялись въ немъ такъ: изъ Австро-Венгрии—160, изъ Россіи—78, изъ германской имперіи—39, изъ Италіи—35, изъ Скандинавіи—31, изъ Франціи вмѣстѣ съ Эльзасомъ и Лотарингіей—19, изъ Румыніи—10, изъ Великобританіи—8, изъ сѣверной Америки—8, изъ Голандіи—6, изъ Турціи и Сербіи—5.

Въ учебный годъ 1871—1872 къ экзамену въ политехникумъ явилось 444 чловѣка, выдержали вступительный экзаменъ 64 процента, а остальные 36 не были приняты. Въ слѣдующемъ

учебномъ году изъ 357 экзаменующихся выдержало экзамень 67 процентовъ. Большинство изъ невыдерживающихъ экзамень поступали для подготовленія въ форъ-курсъ и въ химическое отдѣленіе промышленной школы.

Въ послѣднемъ учебномъ году въ политехникумѣ было 90 професоровъ, изъ нихъ половина—ординарные профессора, 20 процентовъ — экстра-ординарные и 30 процентовъ—привать-доценты.

Политехникумъ заключаетъ въ себѣ 8 отдѣленій, различающихся между собою, какъ по специальности, такъ и по продолжительности курса обученія.

I. Приготовительная школа или *форъ-курсъ*. О ней мы говорили въ предыдущей главѣ; здѣсь прибавимъ только, что обученіе въ ней продолжается два семестра; обязательныхъ часовъ преподаванія въ недѣлю—30, въ продолженіи учебнаго курса—1,240. Въ послѣднемъ учебномъ году въ форъ-курсѣ было 84 студента.

II. Курсъ *архитектуры*. Въ немъ всего 25 студентовъ. Обученіе продолжается шесть семестровъ. Часовъ обученія въ недѣлю: обязательнымъ предметамъ отъ 25 до 31, дополнительнымъ — отъ 10 до 14. Такимъ образомъ, студенты этого отдѣленія расходуютъ на свое обученіе въ первомъ году 1,600 часовъ, во второмъ — 1,400, въ третьемъ — 1,540, а всего 4,540 часовъ.

III. Курсъ *инженеровъ*. На этомъ курсѣ студентовъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ. Въ послѣднемъ учебномъ году ихъ было 287. Обученіе продолжается семь семестровъ. Число часовъ въ недѣлю для обязательныхъ предметовъ отъ 26 до 27, для дополнительныхъ—отъ 5 до 6. На обученіе идетъ въ первомъ году—1,260 часовъ, во второмъ—1,540, въ третьемъ—1,500 и въ послѣднемъ семестрѣ 450, а всего 4,750.

IV. Курсъ *технической механики*. Въ немъ обучалось 138 студентовъ. Обученіе продолжается шесть семестровъ. Распредѣленіе лекцій для обязательныхъ и дополнительныхъ предметовъ приблизительно такое-же, какъ и въ курсѣ инженеровъ. Въ первый годъ

студентъ занять—1,220 часовъ, во второй—1,560, въ третій—1,180, а во всѣ шесть семестровъ 3,960 часовъ.

V. Курсъ *технической химии*. Его посѣщали 88 студентовъ, занимающихся только четыре семестра. За то число уроковъ въ недѣлю на этомъ курсѣ самое большое во всемъ политехникумѣ. Въ первомъ году обученія полагается 42 часа въ недѣлю, т. е. по 7 часовъ въ день. Такимъ образомъ, въ первый годъ обученія студентъ занять 1,760 часовъ, во второй годъ 1,430, а всего 3,190 часовъ.

VI. Этотъ курсъ раздѣляется на два отдѣленія: а) *лѣсоводства*; въ немъ всего 21 студентъ; обученіе продолжается четыре семестра; въ первый годъ студенты обучаются 1,600 часовъ, во второй—1,330, а всего 2,930; б) *земледѣлія*, самый слабый изъ всѣхъ курсовъ. Въ немъ всего 14 студентовъ. Здѣсь студенты остаются одинъ годъ и обучаются всего 1,380 часовъ.

VII. Курсъ для приготовленія учителей или, правильнѣе, *нормальная школа*. Студентовъ 26.

Нормальная школа раздѣляется на два отдѣленія: а) *математическое*, гдѣ обученіе идетъ восемь семестровъ, и б) *естественное*, гдѣ обучаются втеченіи четырехъ семестровъ; впрочемъ, существуетъ предположеніе увеличить въ этомъ отдѣленіи число семестровъ до шести.

Въ политехническомъ институтѣ особенно успѣшно идетъ преподаваніе математическихъ наукъ. Въ отношеніи преподаванія математики цюрихскій политехникумъ безспорно занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ. Въ этомъ отношеніи онъ оставляетъ далеко позади себя самые прославленные нѣмецкіе университеты. Какъ союзное правительство, такъ въ особенности правительство кантона Цюриха охотно соглашаются на самые значительные расходы, чтобы только поддерживать преподаваніе математики на той высотѣ, которой оно достигло путемъ значительныхъ издержекъ и жертвъ.

Далеко не на такой высотѣ стоитъ преподаваніе естественныхъ наукъ, и люди компетентные говорятъ, что въ этомъ отношеніи остается желать еще очень многого. Учебныя пособія еще недостаточно полны. Правда, ботаническія и минералогическія коллекціи довольно богаты, лабораторія физическая и химическая достаточна, хотя и небогата, но въ кабинетахъ анатомическомъ и физиологическомъ не достаетъ еще очень многого.

VIII. Курсъ *философіи и политической экономіи*. Его сѣщаютъ студенты всѣхъ прочихъ курсовъ по желанію; не имѣютъ права входа въ его аудиторію только студенты форъ-курса, такъ-какъ они считаются еще неподготовленными для слушанія наукъ, входящихъ въ этотъ курсъ. Здѣсь преподаются: всеобщая исторія, исторія искусствъ, исторія новѣйшихъ литературъ, политическая экономія, статистика, права: швейцарское, комерческое и административное и много другихъ наукъ. Такъ-какъ каждый молодой профессоръ или доцентъ можетъ читать здѣсь публичныя лекціи по тому вопросу, съ которымъ ему желательно познакомить своихъ слушателей, то всякая новая отрасль науки, всякая новая теорія находятъ въ Цюрихѣ своего лектора, который съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ старается провести ее въ сознаніе своихъ слушателей. Иные изъ такихъ лекторовъ оканчиваютъ свой курсъ на первой-же лекціи, иные-же приобрѣтаютъ здѣсь громадную популярность и становятся потомъ извѣстными профессорами, ученые заслуги которыхъ признаются всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Открывая курсъ общихъ наукъ при политехникумѣ, ученый совѣтъ кантона Цюриха имѣлъ въ виду знакомить специалистовъ съ новыми открытіями въ общихъ наукахъ, — проще сказать, желалъ, чтобъ каждый специалистъ былъ прежде всего гражданиномъ и образованнымъ человѣкомъ. Если конкуренція и раздѣленіе труда, ставшія закономъ, управляющимъ отношеніями между людьми, требуютъ, чтобы каждый молодой человѣкъ избиралъ какую-нибудь специальность, то нужно, по крайней мѣрѣ, способствовать тому, чтобъ онъ не замыкался въ своей специальности и не становился черезъ то полнымъ невѣждой въ предметахъ общаго образованія. Мало быть образцовымъ аптекаремъ или превосходнымъ механикомъ, слѣдуетъ прежде сдѣлаться просвѣщеннымъ гражданиномъ и развитымъ человѣкомъ.

Въ каждомъ курсѣ по обязательнымъ предметамъ существуютъ репетиціи, обязательныя для каждаго студента. Репетиціи эти заключаются въ слѣдующемъ: студентъ обязанъ къ опредѣленному сроку представить письменную работу, профессоръ въ свою очередь долженъ рассмотреть эту работу и сдѣлать свои замѣчанія. Въ

общихъ конференціяхъ, которыя собираются довольно часто, профессора вмѣстѣ обсуждаютъ работы студентовъ и вносятъ свое мнѣніе объ нихъ въ такъ-называемую „Большую книгу“ политехникума, въ которой для каждаго студента отведена своя страница. По этимъ мнѣніямъ профессоровъ о студенческихъ работахъ выводится заключеніе о способностяхъ и знаніяхъ студентовъ. Эти мнѣнія гораздо важнѣе экзамена; если разъ по нимъ составилось убѣжденіе въ малыхъ способностяхъ и знаніяхъ студента, то хотя-бы онъ выдержалъ блистательно экзаменъ, это убѣжденіе измѣнится весьма немного. Профессорское сужденіе исходитъ изъ того принципа, что студенческія письменныя работы составляютъ результатъ занятій студента въ продолженіи цѣлаго года, тогда какъ экзаменъ есть лотерея, въ которой играетъ большую роль случай, и что часто студентъ, ничего недѣлавшій втеченіи цѣлаго года, при пособіи хорошей памяти можетъ въ два-три дня вызубрить весь курсъ.

Среднимъ числомъ десятая часть студентовъ, по опредѣленію конференціи, остается на второй годъ въ курсѣ.

Дипломы окончившимъ курсъ студентамъ выдаются съ большимъ разборомъ и строгостью. Четвертая часть обучающихся въ политехникумѣ и не дерзаетъ предъявлять своихъ требованій для полученія дипломовъ. Изъ остальныхъ 75 процентовъ, заявляющихъ о своемъ желаніи получить дипломъ, получаютъ его нѣсколько болѣе половины, т. е. 40 процентовъ всего числа студентовъ, окончившихъ курсъ въ политехникумѣ.

Кстати приведемъ расчетъ, сколько часовъ для своего обученія долженъ затратить окончившій курсъ въ политехникумѣ, — лучше сказать, какія умственныя усилія онъ долженъ употребить для того, чтобъ сдѣлаться счастливымъ обладателемъ диплома, выдаваемого институтомъ. Для вывода средней цифры допустимъ, что каждый студентъ политехникума поступилъ въ него, пройдя предварительно курсъ промышленной школы. Говоря объ этой школѣ, мы видѣли, что окончившій въ ней курсъ ученикъ употребилъ на свое обученіе 14,500 часовъ; къ этой цифрѣ мы должны прибавить число часовъ въ различныхъ отдѣленіяхъ политехникума, причемъ примемъ, что студентъ благополучно прошелъ всѣ классы, не оставаясь ни разу на второй годъ въ курсѣ. Такимъ образомъ, выходятъ, что студентъ, окончившій курсъ въ земледѣльческомъ отдѣленіи, употребилъ на свое обученіе 15,880 часовъ, въ отдѣленіи

лѣсоводства—17,430, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ—17,500, химикъ—17,690, механикъ—18,460, инженеръ—19,250 и математикъ—19,300.

Безполезно говорить, что приведенными цифрами не измѣряется точнымъ образомъ масса умственной работы, выпадающая на долю студента. Ему приходится работать не только сидя на школьной скамьѣ предъ профессоромъ, преподающимъ съ кафедры, — онъ занятъ умственной работой и внѣ классныхъ часовъ, и эту-то весьма значительную работу невозможно вычислить никакими цифрами. Изъ 24 часовъ, въ сутки по крайней мѣрѣ 10 необходимо употребить на сонъ, отдыхъ и ѣду; въ остальные 14 часовъ студентъ или занятъ официально въ аудиторіи, или-же у себя дома. Эти остающіеся отъ официальныхъ занятій часы студентъ проводитъ, смотря по своему характеру и способностямъ, частью въ научныхъ занятіяхъ, частью въ развлеченияхъ. Сколько онъ употребитъ на то или другое, зависитъ прямо отъ его индивидуальныхъ качествъ силы характера, способностей и физическаго здоровья. Вообще признано, что человекъ безъ вреда здоровью не можетъ употреблять болѣе 10 часовъ въ день на умственные занятія. Большинство студентовъ политехникума слѣдуютъ этому правилу; тѣ-же, кто употребляетъ на работу больше этой нормы, или люди малоспособные, или-же слишкомъ честолюбивые, желающіе во что-бы то ни стало получить преимущество передъ своими товарищами; такая излишняя ретивость и тѣмъ и другимъ обходится очень дорого — они приобрѣтаютъ знанія въ ущербъ физическому здоровью.

По предметамъ обязательнымъ въ политехникумѣ рядомъ съ теоретическимъ обученіемъ идутъ практическія упражненія, состоящія въ рисованіи, составленіи плановъ и проч. Число и продолжительность этихъ упражненій въ разныхъ курсахъ различны. Въ земледѣльческомъ отдѣленіи, на примѣръ, ихъ вовсе не существуетъ, потому-что политехникумъ находится въ городѣ, а не въ деревнѣ, слѣдовательно и практическія упражненія по земледѣлію невозможны. Практическихъ упражненій также нѣтъ и въ нормальной школѣ. Въ другихъ отдѣленіяхъ число часовъ, посвящаемыхъ практическимъ занятіямъ, колеблется между четырьмя въ форъ-курсѣ и шестнадцатью во второмъ году архитектурнаго отдѣленія. Среднее число часовъ, посвящаемыхъ практическимъ занятіямъ, можно опредѣлить въ двѣнадцать, т. е. два часа въ день. Однакожъ нѣкоторые

профессора находятъ и это число недостаточнымъ и далеко переходятъ за среднюю норму. Официальный отчетъ политехникума совершенно правильно находитъ, что излишнее рвеніе въ практическихъ занятіяхъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что чрезмѣрно отягощаетъ студента, которому приходится излишніе часы занятій отнимать отъ времени, необходимаго для сна, отдыха и развлеченій.

Такимъ образомъ, работа студента выражается четырьмя различными способами: 1) работа у себя дома, которая совершенно избѣгаетъ контроля. Трудно прослѣдить, достаточно-ли времени употребляетъ студентъ на отдыхъ, развлеченія, сонъ и пищу. Между тѣмъ эти свѣденія были-бы крайне необходимы для болѣе правильнаго распредѣленія часовъ занятій въ самомъ политехническомъ институтѣ. 2) Посѣщеніе аудиторій для слушанія необязательныхъ предметовъ. Также неизвѣстно, сколько времени отнимаетъ этотъ трудъ у каждаго студента. 3) Слушаніе курса обязательныхъ предметовъ; число часовъ опредѣленное. 4) Практическія упражненія, также обязательныя для каждаго студента; работа опредѣленная.

Отъ соотвѣтственнаго распредѣленія занятій необязательными и обязательными предметами, а также практическихъ упражненій зависитъ какъ умственное, такъ и физическое развитіе учащагося. Лишній часъ въ день, посвященный научнымъ занятіямъ, можетъ весьма невыгодно отозваться на здоровьи студента, а при такомъ условіи, конечно, и умственные занятія не могутъ идти успѣшно. Далѣе, какъ ни важно для спеціалиста изученіе своей специальности, но не слѣдуетъ для нея приносить въ жертву предметы обязательныя, предметы общаго образованія, развивающіе въ немъ челоуѣка и гражданина.

Въ цюрихскомъ политехникумѣ распредѣленіе занятій не вполне соотвѣтствуетъ силамъ студентовъ. Здѣсь слишкомъ много профессоровъ и каждому изъ нихъ приходится давать занятій столько, чтобы онъ не даромъ получалъ свое содержаніе. Профессора, желая честно относиться къ своей обязанности, небольшое число часовъ теоретическаго обученія, приходящееся на ихъ долю, стараются дополнить продолжительными практическими упражненіями. Такая ихъ ретивость отзывается неблагопріятно на молодыхъ людяхъ, которымъ приходится работать умственно сверхъ силъ. Студентъ, буквально занятый съ утра до ночи, не имѣетъ возможности слѣдить за литературой, не можетъ заниматься искусствами, не

можетъ позволять себѣ необходимыхъ развлеченій, не можетъ бывать въ обществѣ. А безъ всего этого онъ не можетъ обойтись, если желаетъ сдѣлаться полнымъ человѣкомъ, а не попасть въ рядъ узкихъ специалистовъ. Разнообразіе въ умственныхъ упражненіяхъ такъ-же необходимо мозговой и нервной дѣятельности человѣческаго организма, какъ разнообразіе пищи полезно для желудка. Необходимо, чтобы молодой человѣкъ переваривалъ науку; все, что онъ не переваритъ, будетъ для него бесполезно и даже вредно. Потребности современной жизни съ каждымъ годомъ усиливаютъ требованіе на специалистовъ; число специалистовъ возрастаетъ, но увеличивается-ли черезъ это число вполне развитыхъ людей? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Специализація скорѣе понижаетъ уровень высшаго развитія. Многіе мѣряютъ степень развитія страны количествомъ тоннъ каменнаго угля, сжигаемаго на ея фабрикахъ и заводахъ. Но такъ-ли это? Не грозитъ-ли такой взглядъ опасностью для нашей расы? Пониженіе уровня высшаго развитія, ида далѣе, можетъ дойти до той степени, которая граничитъ съ невѣжествомъ.

Средній взносъ студента политехникума за слушаніе обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ равняется 100 франкамъ.

Взносъ студентовъ приноситъ политехникуму 80,000 франковъ, что составляетъ 20 процентовъ общаго расхода института, опредѣляемаго въ 400,000 франковъ. Недостающіе 320,000 франковъ отпускаетъ правительство: 300,000 франковъ союзное, а 20,000 франковъ—цюрихскаго кантона. Среднимъ числомъ обученіе каждаго студента стоитъ политехникуму 600 франковъ.

Сумму, которую обязанъ вносить студентъ за свое обученіе, нельзя назвать слишкомъ крупной, однакожь, въ Швейцаріи съ каждымъ годомъ раздается все больше и больше голосовъ, требующихъ не только уменьшенія взноса, но даже полнаго освобожденія студентовъ политехникума отъ уплаты опредѣленной суммы за свое обученіе. Стипендій для недостаточныхъ студентовъ въ политехникумѣ почти не существуетъ; институтъ на пособія студентамъ тратитъ въ годъ всего 2,500 фр. Существуютъ частныя стипендіи, но онѣ не подлежатъ контролю политехникума.

Ординарные профессора принимаются въ политехникумъ только на десять лѣтъ. Этотъ срокъ принятъ въ тѣхъ соображеніяхъ, что втеченіи десяти лѣтъ наука подвигается впередъ. Если профессоръ не сумѣетъ стоять на высотѣ уровня науки, его увольняютъ, если же онъ прогрессируетъ, онъ можетъ остаться еще на пять лѣтъ, и т. д.

Ученыхъ знаменитостей политехникумъ обыкновенно приглашаетъ занять кафедру безсрочно, — какъ онъ выражается, по смерти. Это дѣлается съ цѣлью отбывать свѣтиль науки у Германіи, которая въ свою очередь, посредствомъ разныхъ льготъ, старается сохранить ихъ у себя.

Экстра-ординарные профессора и доценты приглашаются на неопредѣленное время.

Одни профессора получаютъ опредѣленное жалованье, другіе сообразно числу студентовъ, слушающихъ у нихъ курсъ. Но если случится, что у какого-нибудь профессора окажется слишкомъ мало слушателей, политехникумъ выдаетъ ему добавочное содержаніе.

Профессоры политехникума пользуются полной свободой преподаванія; институтъ не стѣсняетъ ихъ никакими программами, никакими политическими соображеніями.

II.

Гимназія.

Мертвые языки, обязательнымъ изученіемъ которыхъ гимназія отличается отъ промышленной школы, преподаются въ томъ-же самомъ зданіи, гдѣ помѣщается промышленная школа. Ученики обоихъ заведеній, т. е. гимназіи и промышленной школы, проходятъ курсъ вмѣстѣ, параллельно, но мало сносятся между собой, уже и потому, что по окончаніи курса имъ приходится поступать въ различныя высшія учебныя заведенія — политехникумъ и университетъ, хотя также помѣщающіеся въ одномъ зданіи.

Плата за обученіе въ гимназіи довольно умѣренная — 50 франковъ въ годъ. Въ послѣднемъ учебномъ году въ гимназіи было 225 учениковъ, внесшихъ за свое обученіе болѣе 11,000 франковъ. Общая цифра расхода на гимназію 55,000 франковъ. Недостающую сумму, т. е. по 200 франковъ на ученика, вносятъ

кантонъ. Такимъ образомъ, расходъ на гимназію для кантона равняется расходу на первоначальное образованіе въ 12 деревенскихъ общинахъ. Курсъ въ гимназіи продолжается тринадцать семестровъ.

Гимназія раздѣляется на 2 отдѣленія: низшее и высшее. Въ низшемъ отдѣленіи четыре класса. Въ первомъ, элементарномъ, обученіе идетъ 32 часа въ недѣлю; во второмъ—35; въ третьемъ и четвертомъ по 38. Высшее отдѣленіе заключаетъ въ себѣ три класса. Обученіе въ нихъ продолжается пять семестровъ или 4,000 часовъ. Прибавляя эту цифру къ 5,720 часамъ обученія въ низшемъ отдѣленіи гимназіи, получимъ 9,720 часовъ, которые должны употребить гимназисты для подготовленія своего къ университету. Прибавляя-же сюда 8,000 час. обученія въ первоначальной школѣ, выйдетъ, что ученикъ, окончившій курсъ гимназіи, употребилъ для своего обученія около 18,000 часовъ.

Для учениковъ гимназіи, заявившихъ о своемъ желаніи впоследствии поступить на теологическій факультетъ, преподается еврейскій языкъ.

III.

Университетъ.

Независимо отъ политехникума, принадлежащаго всему Швейцарскому Союзу, въ Швейцаріи находится пять высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. одно заведеніе на 500,000 человекъ общаго населенія: университеты въ Базелѣ, Бернѣ и Цюрихѣ; академіи въ Женевѣ и Лозаннѣ. Последняя заключаетъ въ себѣ только одинъ медицинскій факультетъ. Кромѣ того существуетъ еще академія въ Невшателѣ, но, по неполнотѣ своего курса, она едва-ли можетъ быть причислена къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Впродолженіи 40 лѣтъ существованія цюрихскаго университета въ немъ окончили курсъ 14,209 студентовъ, изъ которыхъ 36 процентовъ приходится на долю уроженцевъ цюрихскаго кантона, 42 процента на уроженцевъ прочихъ швейцарскихъ кантоновъ и 22 процента на иностранцевъ.

Въ учебный годъ 1873—1874, въ лѣтній семестръ было 462 студента, а въ зимній — только 348. Эта разница приходилась исключительно на долю иностранцевъ, такъ-какъ 90 цюрихцевъ и 125 швейцарцевъ прочихъ кантоновъ слушали курсъ какъ въ лѣтній, такъ и въ зимній семестръ. Иностранцевъ-же во время лѣтняго семестра было 247, а во время зимняго—всего 133.

Въ послѣднее десятилѣтiе число студентовъ изъ швейцарскихъ уроженцевъ почти не измѣнялось. Цифра-же иностранцевъ постоянно колебалась, какъ въ общемъ числѣ, такъ, и еще болѣе, по національности. Число студентовъ изъ итальянцевъ, французовъ, австро-венгерцевъ и англо-американцевъ колебалось довольно незначительно, оставаясь изъ году въ годъ почти одинаковымъ; но между нѣмцами и славянами колебанiе всегда было весьма замѣтное, точно между ними шла борьба за преобладанiе въ университетѣ своей численностью. Долгое время нѣмцы значительно превышали славянъ, но съ той поры, какъ въ университетѣ стали поступать русскiя дамы, первенство рѣшительно перешло на сторону славянъ; но они снова уступили нѣмцамъ, когда русскiя дамы (ихъ было уже 112), по обстоятельствамъ, которыя извѣстны нашимъ читателямъ, массою оставили цюрихскiй университетъ. Впрочемъ, послѣ французской войны и число нѣмцевъ стало нѣсколько уменьшаться. Нѣмецкая газета „Illustrierte Zeitung“ это явленiе объясняетъ тѣмъ, что нѣмцы, послѣ побѣдоносной войны, почувствовавъ свою мощь, стали предпочитать все свое родное—иностранному. Можетъ быть, это и такъ, можетъ быть, существуютъ какiя-нибудь другiя причины, но только нѣмцевъ осталось теперь въ университетѣ всего 20, а въ политехникумѣ—35.

Профессоровъ въ университетѣ 72, изъ нихъ 35—ординарныхъ, 11 экстра-ординарныхъ и 26 доцентовъ. Замѣчательно, что очень немногiе изъ этихъ профессоровъ читаютъ въ политехникумѣ, такъ что каждое заведенiе имѣетъ почти всѣхъ своихъ собственныхъ профессоровъ, хотя преподается нѣсколько общихъ предметовъ и въ томъ, и въ другомъ заведенiи. Интересно также, что хотя коллекціями, кабинетами и прочими учебными пособиями, общими для обоихъ заведенiй, пользуются учащiеся обоихъ заведенiй, ни между студентами, ни между профессорами политехникума и университета не существуетъ никакой общей связи. Каждое заведенiе идетъ сво-

имъ путемъ, какъ-бы не зная и не желая знать дѣлъ своего со-
сѣда. Въ этомъ, можетъ быть, и лежитъ причина согласія и хо-
рошихъ отношеній между обоими заведеніями; притомъ слѣдуетъ
замѣтить еще, что профессора политехникума получаютъ отъ го-
сударства значительно большее содержаніе, чѣмъ профессора универ-
ситета.

Студенты университета платятъ отдѣльно за каждый предметъ
своего курса, по 5 франковъ за каждый семестръ и предметъ, въ
то время, какъ въ политехникумѣ студентъ, за внесенные имъ
100 франковъ, имѣетъ право посѣщать всѣ лекціи, какъ обяза-
тельныя въ своемъ отдѣленіи, такъ и необязательныя восьмого от-
дѣленія, но безъ особой платы онъ не имѣетъ права посѣщать
лекціи университета. Въ политехникумѣ большая часть профессо-
ровъ получаютъ свое содержаніе независимо отъ числа студентовъ,
посѣщающихъ ихъ лекціи. Въ университетѣ плата профессору раз-
считывается по числу студентовъ, слушающихъ его предметъ. Для
знаменитостей, которыя почти всѣ читаютъ на медицинскомъ фа-
культетѣ, такой порядокъ очень выгоденъ, такъ-какъ онъ даетъ
имъ отъ 2,000 до 3,000 франковъ прибавки въ среднему про-
фессорскому жалованью, платимому правительствомъ.

400 студентовъ, т. е. среднее число слушающихъ курсъ въ
университетѣ, стоятъ правительству 200,000 франковъ, слѣдова-
тельно правительство расходуетъ по 500 франковъ на студента.
Эта цифра очень умѣренна, по сравненію съ 1,500 франковъ, ко-
торые тратитъ на cadaго студента въ страбургскомъ универси-
тетѣ германское императорское правительство, и баснословно мала,
если сравнить ее съ цифрой расхода, употребляемаго на cadaго
студента въ фешенебельныхъ колегіяхъ кембриджскаго и оксфорд-
скаго университетовъ.

Цюрихскій университетъ раздѣляется на четыре факультета: бо-
гословскій, медицинскій, юридическій, философскій.

I. Въ богословскомъ факультетѣ находится теперь 12 процен-
товъ всего числа студентовъ; если-же взять сорокалѣтній періодъ
существованія университета, то общее число студентовъ въ немъ
было 20 процентовъ. Однакожь, по этой пропорціи будетъ непра-

вильно судить объ уменьшеніи числа студентовъ въ этотъ факультетъ; напротивъ, число студентовъ здѣсь увеличилось противъ прежняго, но въ меньшей пропорціи, чѣмъ на прочихъ факультетахъ. Въ богословскомъ факультетѣ студенты почти исключительно мѣстные уроженцы. Ихъ влечетъ въ этотъ факультетъ обезпеченное положеніе по окончаніи курса, такъ-какъ они убѣждены, что по выходѣ изъ университета тотчасъ-же получаютъ вакантное мѣсто.

Цюрихскій богословскій факультетъ считаетъ себя ревностнымъ приверженцемъ идей реформатора Цвингли. Онъ постоянно стремится къ тому, чтобъ отыскать благоразумную средину, найти удобный путь для сближенія между лютеранами и кальвинистами. Онъ считаетъ себя провозвѣстникомъ идей либерализма въ религіи, т. е. того либерализма, которымъ въ Англии отличался епископъ Колензо, во Франціи—Кокериль, Коляни и Никола, а въ Германіи—послѣдователи Шлейермахера. Какъ-бы то ни было, но богословскій факультетъ цюрихскаго университета одинъ изъ лучшихъ по сравненію даже съ извѣстными теологическими факультетами въ Германіи.

II. Юридическій факультетъ имѣетъ самое меньшее число слушателей: только 9 процентовъ всего числа студентовъ университета. Нѣсколько времени тому назадъ, когда кафедра римскаго права была занята Келлеромъ, а кафедра германскаго права—Блюнчли, иностранцы охотно поступали на этотъ факультетъ; но когда Германія, которая можетъ дороже платить, чѣмъ Цюрихъ, переманила къ себѣ этихъ знаменитыхъ ученыхъ, иностранцы перестали появляться въ аудиторіяхъ цюрихскаго университета. Въ Германіи эти знаменитые ученые значительно преобразились, въ смыслъ политическомъ,—Келлеръ, бывшій въ Цюрихѣ главою либеральной партіи, въ Германіи подалъ руку юнкерамъ; Блюнчли, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ швейцарскаго зондербунда, перешелъ въ лагерь національныхъ либераловъ и сталъ пособникомъ плановъ канцлера германской имперіи.

Юридическій факультетъ сильно нуждается теперь въ хорошихъ профессорахъ; нѣкоторыя кафедры въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ остаются вакантными; это слѣдуетъ приписать болѣе всего тому, что юристы охотно оставляютъ профессорскія кафедры для полученія мѣстъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, гдѣ имъ платятъ дороже, чѣмъ можетъ платить университетъ. Юридическая

професія вообще принадлежитъ къ числу самыхъ неблагодарныхъ въ Цюрихѣ. Цюрихскіе адвокаты не могутъ заработать и десятой доли того, что они зарабатываютъ, напримѣръ, во Франціи. Правительственныхъ мѣстъ, на которыя требуются хорошіе юристы, также очень мало; поэтому-то на юридическомъ факультетѣ такое небольшое число студентовъ, въ особенности по сравненію съ числомъ студентовъ этихъ факультетовъ въ прочихъ европейскихъ университетахъ.

III. Философскій факультетъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: *чисто-философскаго*, гдѣ преподаются: метафизика, исторія, филологія, литература, археологія, древнее и новое искусство; и отдѣленія *естественныхъ наукъ* съ курсами высшей математики, астрономіи, физики, химіи, ботаники, геологіи и проч.

Философскій факультетъ посѣщается преимущественно тѣми студентами, которые готовятъ себя къ профессорскому званію, а также студентами прочихъ факультетовъ, желающими кромѣ своей специальности ознакомиться съ научными предметами общаго образованія. Большинство, впрочемъ, принадлежитъ къ студентамъ медицинскаго факультета, которые почти обязательно слушаютъ нѣкоторыя лекціи естественнаго отдѣленія.

На философскомъ факультетѣ записано 26 процентовъ всего числа студентовъ цюрихскаго университета. Этотъ факультетъ послѣ богословскаго пользуется самымъ большимъ числомъ стипендій.

Въ прежнее время, когда богословскій факультетъ отличался рационализмомъ въ своемъ преподаваніи, философы составляли одно тѣло и одну душу съ теологами. Но съ 1845 года, когда богословскій факультетъ сталъ высказываться противъ рационализма и все болѣе и болѣе уходитъ въ свою специальность, философы соединились съ юристами и стали относиться враждебно къ теологамъ. Съ тѣхъ поръ симпатіи нѣсколько разъ измѣнялись и философы то снова сходились съ теологами, то опять разбѣдились. Разумѣется, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ сами философы раздѣлялись и часть ихъ постоянно оставалась связанною съ теологами; что-же касается юристовъ, то огромное большинство ихъ всегда было противъ теологовъ. Интересно было-бы прослѣдить всѣ эти колебанія и выразить ихъ въ точныхъ цифрахъ, но, къ сожалѣнію, для этого не имѣется болѣе или менѣе подходящаго матеріала. То-же самое явленіе замѣчалось и въ германскихъ университетахъ. устрой-

ство и внутренняя жизнь которыхъ весьма сходны съ цюрихскимъ университетомъ.

IV. Медицинскій факультетъ болѣе другихъ привлекаетъ къ себѣ слушателей, изъ которыхъ большая половина иностранцы. Въ послѣднемъ учебномъ году онъ заключалъ въ себѣ 53 процента всего числа студентовъ университета. При такомъ огромномъ числѣ студентовъ, онъ стоитъ, однакожь, сравнительно съ другими факультетами очень дешево цюрихскому правительству. Онъ поглощаетъ только 11,5 процента суммы, отпускаемой на содержаніе университета правительствомъ. Необходимыя-же средства онъ получаетъ отъ своихъ слушателей.

Заплативъ деньги за право посѣщать лекціи, поступающій въ университетъ получаетъ званіе студента и право слушать тѣ именно лекціи, на которыя онъ записался. Въ Цюрихѣ, какъ и во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, существуетъ полная свобода относительно посѣщенія лекцій. Студентъ воленъ посѣщать лекціи или не посѣщать ихъ, профессоръ и университетское начальство не считаютъ себя въ правѣ принуждать его къ слушанію курсовъ, которые онъ самъ избралъ, слѣдовательно счелъ необходимыми для своего образованія. Знанія студента обнаружатся на экзаменѣ, но приобрѣлъ-ли онъ ихъ, занимаясь въ аудиторіи или сидя у себя дома, это не составляетъ существенной важности. И нельзя сказать, чтобъ при этой системѣ свободы общій уровень знаній студентовъ въ германскихъ университетахъ былъ ниже, чѣмъ въ тѣхъ университетахъ, гдѣ требуется обязательное посѣщеніе лекцій.

Въ богословскомъ и юридическомъ факультетахъ студентъ посѣщаетъ лекціи до окончанія курса втеченіи шести семестровъ, въ философскомъ — семи, а въ медицинскомъ девяти и даже десяти. Медицинскіе студенты работаютъ несравненно болѣе студентовъ другихъ факультетовъ и въ этомъ отношеніи нисколько не уступаютъ химикамъ и инженерамъ политехникума, которые пользуются преимущественной славой людей сильно занятыхъ и трудящихся. Средняя плата, вносимая студентами медицинскаго факультета, доходитъ до 300 франковъ въ годъ, а это показываетъ, что медицинскіе студенты посѣщаютъ лекціи втеченіи 30 часовъ въ недѣлю. Кромѣ того они вносятъ 75 франковъ за занятія въ анато-

мическомъ театрѣ, на которыя они употребляютъ время, свободное отъ теоретическихъ лекцій. Вообще, для полученія докторскаго диплома въ медицинскомъ факультетѣ студенту приходится расходовать весьма значительную сумму. Одинъ докторскій экзаменъ обходится не менѣе 600 франковъ. Такимъ образомъ, медицинскій студентъ цюрихскаго университета платитъ собственно университету за свое воспитаніе и за докторскій дипломъ 2,500 франковъ. Содержаніе студента обходится его родителямъ или, если онъ имѣетъ собственные средства, которыя отчасти зарабатываетъ, то тратитъ самъ, конечно, не менѣе 1,500 франковъ въ годъ; прибавьте къ этому сумму, въ которую обошлось воспитаніе студента до поступления его въ университетъ, и выйдетъ, что для полученія степени доктора медицины приходится израсходовать отъ 30 до 35 тысячъ франковъ, — сумма, конечно, не маловажная и доступная для людей средняго состоянія и ужь никакъ не для бѣдняковъ. При этомъ слѣдуетъ еще прибавить, что на медицинскомъ факультетѣ цюрихскаго университета имѣется очень мало стипендій.

Когда подумаешь, какъ дорого обходятся эти кусочки пергамента, скрѣпленные восковою печатью, перестанешь удивляться, что люди, желающіе экономизировать или расходы, или время, прибѣгаютъ къ такъ-называемымъ дипломамъ почетнымъ, *in absentia*. Получить такой дипломъ до сихъ поръ еще не трудно въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи, гдѣ этотъ средневѣковой обычай все еще не вывелся изъ употребленія. Можно получить почетный дипломъ и въ Цюрихѣ. Факультеты богословскій и философскій выдаютъ его рѣдко; медицинскій — щедро. Юридическій факультетъ цюрихскаго университета представляетъ отличный примѣръ для своихъ собратій, такъ-какъ онъ давно уже отмѣнилъ у себя выдачу дипломовъ *in absentia*. Профессора этого факультета отказались отъ полученія прибавки къ своему содержанію, обусловленной выдачей этихъ дипломовъ. Они пошли далѣе; они установили для студентовъ своего факультета даровые экзамены. Они, наконецъ, добились того, что юридическая практика объявлена свободной въ Швейцаріи, подобно тому, какъ это существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Швейцаріи адвокатомъ можетъ сдѣ-

латься всякій, кто пожелаетъ, кончить-ли онъ курсъ юридическихъ наукъ, или-же никогда не бывалъ въ университетѣ. Законодатели исходятъ изъ того убѣжденія, что сама публика съумѣетъ опредѣлить, кто именно достоинъ ея довѣрія; знающему человѣку не трудно на практикѣ доказать, что онъ способенъ вести дѣла; шарлатанъ-же непремѣнно выдастъ себя въ самомъ скоромъ времени. Замѣчательно, что адвокатская корпорація, до изданія закона о свободѣ юридической практики пользовавшаяся правомъ исключительности, подала голосъ за законъ о свободѣ и рѣшительно настаивала о скорѣйшемъ его осуществленіи. „Мы удостоились довѣрія публики, говорили почтенные представители адвокатской корпораціи, — и надѣмся, что не лишимся его отъ того, что будетъ объявлена свобода юридической практики. Нечего опасаться вреда, какой могутъ нанести публикѣ невѣжды, которые возмутся за юридическую практику потому, что они неспособны ни къ какой другой дѣятельности, а здѣсь будутъ разчитывать на легкой заработокъ. Раскусить такихъ господъ будетъ не трудно и они умрутъ съ голода, если не поспѣшатъ обратиться къ какой-нибудь другой дѣятельности“. Профессоры юридическихъ факультетовъ Швейцаріи вошли было съ предложеніемъ объ изданіи постановленія, чтобы желающіе заниматься адвокатской практикой обращались къ нимъ для выдержанія „легкаго“ экзамена, какой будетъ производиться бесплатно, но ихъ предложеніе не было принято. Публика нашла, что такая „легкая“ гарантія не можетъ считаться вполнѣ достаточной, между тѣмъ обязательный экзаменъ все-таки составляетъ нѣкоторое стѣсненіе, а въ принципѣ свободы адвокатской практики стоитъ именно отсутствіе всевозможныхъ стѣсненій.

Зашель было вопросъ объ уничтоженіи дипломовъ въ факультетахъ богословскомъ и медицинскомъ, но это предложеніе встрѣтило многочисленныхъ противниковъ. Противъ дипломовъ, выдаваемыхъ богословскимъ факультетомъ, особенно сильно возставала партія, желающая отдѣленія церкви отъ государства, до сихъ поръ, впрочемъ, еще довольно ограниченная по своей численности. Она доказывала, что въ Швейцаріи скорѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, слѣдуетъ добиться отмены дипломовъ, выдаваемыхъ богословскимъ факультетомъ, и признать, что община сама должна выбирать себѣ пастора изъ такой среды, изъ какой она найдетъ для себя удобнымъ.

Выдача дипломовъ богословамъ, медикамъ, ветеринарамъ, аптекарямъ и землебрамъ зависитъ отъ союзной комисіи, которая перѣзжаетъ изъ одного университета въ другой и присутствуетъ при экзаменахъ вмѣстѣ съ профессорами. Члены этой комисіи стараются выказывать строгость, будто-бы для того, чтобы поддерживать на высокомъ уровнѣ либеральныя профессіи.

Обученіе въ университетѣ и политехникумѣ идетъ по двумъ различнымъ и совершенно противоположнымъ системамъ. Цюрихъ, поэтому, представляетъ особенное удобство для совмѣстнаго изученія ихъ. Не выходя изъ зданія, ихъ можно изучать обѣ въ одно время.

„Представь опредѣленный взносъ и дѣлай что хочешь, говорить университетъ молодымъ людямъ. — Если хочешь, ходи аккуратно на лекціи, не хочешь — можешь заниматься дома или даже вовсе не занимайся. Однимъ словомъ, тебѣ предоставляется полная свобода, ты долженъ взять на себя весь брискъ и всѣ опасности положенія, отъ насъ-же не жди никакой помощи, никакихъ указаній.“

Противники этой системы, — а ихъ очень много, — находятъ ее ужь черезчуръ упрощенной; они говорятъ, что она выражаетъ собою скорѣе безпорядокъ, чѣмъ свободу. И профессоры, и студенты злоупотребляютъ своимъ положеніемъ, привыкаютъ negliжировать своими обязанностями. Нѣкоторые изъ профессоровъ читаютъ только то, что имъ нравится, останавливаются на вопросахъ, лично ихъ интересующихъ, и иногда вовсе не читаютъ тѣхъ частей своего предмета, которыя особенно необходимы и полезны ихъ слушателямъ. Часы чтеній иногда бываютъ распредѣлены безъ всякаго соображенія съ распредѣленіемъ времени у студентовъ; случается, что въ одинъ и тотъ-же часъ читаютъ два профессора, на лекціяхъ которыхъ необходимо быть студентамъ извѣстнаго курса; не имѣя возможности слушать разомъ обоихъ профессоровъ, студентъ поневолѣ пропускаетъ необходимую ему лекцію. Что касается студентовъ, то имъ также можно сдѣлать не мало упрековъ. Многіе изъ нихъ вмѣсто посѣщенія лекцій слоняются по городу, охотнѣе посѣщаютъ фехтовальное зало, чѣмъ анатомическій театръ; не же-

лая вкушать плоды знаний, они наливаются пивомъ, играютъ въ карты и пр. Когда молодые люди попадаютъ въ непростительной шалости и подвергаются исключенію изъ университета, ихъ родители горько сѣтуютъ на то, что ихъ сыновей не поощряли къ труду, не давали мудрыхъ совѣтовъ и предоставляли полную свободу поступать дурно.

Политехникумъ, какъ-бы желая избѣжать подобныхъ упрековъ, принялъ совершенно противоположную систему, основанную на обязательномъ трудѣ. Здѣсь обязательно посѣщеніе курса факультетскихъ предметовъ, обязательны репетиціи, обязательны практическія упражненія. Каждый студентъ обязанъ представить письменный отвѣтъ на заданную тему, а профессоръ обязанъ прочитать его и высказать о немъ подробно свое мнѣніе и свои замѣчанія изложить письменно. Профессоръ поправляетъ трудъ студента; они находятся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ.

Защитники университетской свободы, въ свою очередь, строго осуждаютъ обязательную систему, принятую въ политехникумѣ.

У васъ нѣтъ студентовъ, говорятъ они, — а только ученики. Ваши профессора скорѣе школьные учителя, чѣмъ ученые. Ваши „репетиціи“ тотъ-же „pensum“; у васъ молодые люди лишены всякой инициативы и потому работаютъ безъ всякаго энтузіазма; они работаютъ не для самихъ себя, а для экзаменаторовъ. Они приучаются къ обману, желая выказать свои знанія съ хорошей стороны. Въ своихъ письменныхъ отвѣтахъ они копируютъ одинъ другого; лѣнивый и незнающій всегда найдетъ снисходительнаго друга или услужливаго товарища, который поможетъ ему составить письменный отвѣтъ. Гдѣ-же здѣсь личная инициатива и возможно ли по вашимъ письменнымъ отвѣтамъ составить вѣрное понятіе о знаніяхъ и способностяхъ студента? Ваши репетиціи, ваши частые экзамены не представляютъ никакой вѣрной гарантіи. Ученикъ знаетъ, когда придетъ къ нему очередь, и можетъ всегда приготовиться, если не выполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, на-столько, чтобы не молчать на задаваемые профессоромъ вопросы; наконецъ, бывали примѣры, что вмѣсто вызваннаго студента отвѣчалъ его товарищъ, и профессоръ не замѣчалъ подлога.

Не имѣя возможности отрицать, что студенты политехникума выходятъ изъ него на-столько подготовленными къ своей специаль-

ности, что могутъ исполнять свои новыя обязанности, по крайней мѣрѣ, такъ хорошо, какъ требуетъ рутина ихъ занятія, — противники системы обязательности возражаютъ: „Это правда, ваши воспитанники выучиваются своей спеціальности, но они выходятъ узкими специалистами, полнѣйшими посредственностями. Они не проявляютъ ни самобытнаго таланта, ни блестящихъ способностей, въ нихъ не замѣчается индивидуальности. Вы воспитываете инженеровъ, механиковъ, архитекторовъ, которые тщательно и добросовѣстно приведутъ въ исполненіе чужой планъ, чужую идею, но сами неспособны выказать ни творчества, ни вкуса. Они исполнители, но не изобрѣтатели. Ваша система пригодна только для студентовъ съ ординарными способностями, для людей среднего ума; ученикъ съ высшими способностями, съ блестящимъ умомъ для васъ не находка, а скорѣе помѣха. Живой умъ слабѣетъ и опускается, если задерживаютъ его свободный полетъ. Дѣлая постоянныя уступки окружающей посредственности, онъ мало-по-малу и самъ заражается общей рутинной. Ваша система вполне достигаетъ своей цѣли: образованія интеллигентнаго слоя посредственнаго уровня, годнаго для занятія должностей по технической части. Вашихъ учениковъ можно сравнить съ извожичьими лошадьми, ровно и спокойно, но медленно везущими тяжело-нагруженный омнибусъ. Изо дня въ день они тянутъ ровную тяжесть и будутъ тянуть до тѣхъ поръ, пока годны для этой службы. Ваша система не развиваетъ всѣхъ способностей молодыхъ людей, что должно быть цѣлью всякаго рациональнаго воспитанія. И посмотрите, кто имѣетъ преимущество въ вопросахъ, отдаваемыхъ на обсужденіе швейцарскихъ гражданъ: бывшіе-ли студенты политехникума или студенты университета? Университетскіе всегда берутъ верхъ; отъ нихъ идетъ инициатива, а студенты политехникума всегда идутъ во второмъ ряду, они плетутся за вожаками; теоретики, т. е. университетскіе, оказываютъ большее вліяніе и имѣютъ большее значеніе, чѣмъ практики, т. е. воспитанники политехникума. Не ясно-ли изъ этихъ фактовъ, что при свободной системѣ, принятой въ университетѣ, студентъ получаетъ лучшее и болѣе полное образованіе, чѣмъ его товарищъ въ политехникумѣ? Онъ пополняетъ собою высшій интеллигентный слой страны, а студентъ политехникума вступаетъ въ ряды посредственности“.

Мы вкратцѣ сгруппировали всѣ главные доказательства, выставляемыя противниками каждой системы. Странное дѣло! въ вопросѣ обученія, новѣйшая практика, представляемая политехникумомъ и большей частью специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Европы, имѣетъ въ своемъ основаніи принципъ извѣстнаго стѣсненія; между тѣмъ средневѣковая практика, выражающаяся системой, принятой въ цюрихскомъ университетѣ, основана на принципѣ полной свободы.

По нашему мнѣнію, нѣтъ основанія отдавать рѣшительное преимущество ни той, ни другой системѣ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и недостатки,-- лучше сказать, каждая удовлетворяетъ различнымъ потребностямъ. Возможно-ли строго порицать политехникумъ за то, что онъ воспитываетъ превосходныхъ дѣятелей второго ранга, когда огромное большинство молодыхъ людей вовсе не помышляютъ о томъ, чтобы попасть въ разрядъ изобрѣтателей и представителей высшаго интеллекта, когда всѣ ихъ стремленія направлены къ достиженію такого положенія, гдѣ-бы они своимъ трудомъ, хотя и подчиненнымъ, могли обезпечить свое существованіе? Университетъ, правда, задается цѣлю воспитывать не только специалистовъ, но, главное, людей съ высшимъ развитіемъ. Однакожъ, большинство его питомцевъ точно также не выходитъ изъ уровня посредственности. Можетъ-ли университетъ указать на многихъ изъ своихъ воспитанниковъ, которые стали въ ряды представителей высшаго интеллекта? Ихъ слишкомъ мало, и, наоборотъ, слишкомъ много такихъ, которые изъ университета не выносятъ ровно ничего и слоняются по свѣту людьми бесполезными, праздно проводя свою жизнь или появляясь въ ряду отчаянныхъ реакціонеровъ. Въ швейцарскомъ обществѣ сложилось мнѣніе, что окончившій курсъ въ политехникумѣ непремѣнно человекъ полезный и способный; университетскіе-же далеко не пользуются [такой репутаціей и имъ гораздо труднѣе найти мѣсто, чѣмъ ученикамъ политехникума. Такое мнѣніе, однакожъ, нисколько не мѣшаетъ швейцарскому обществу признавать, что университетскій дипломъ во всякомъ случаѣ указываетъ на болѣе высшее развитіе, чѣмъ дипломъ политехникума. Конечно, на такіе взгляды имѣетъ большое вліяніе и то обстоятельство, что дипломъ инженера, архитектора или химика сразу даетъ его владѣльцу такое матеріальное обезпеченіе, какого не можетъ дать дипломъ медика, филолога и даже философа. Толпа всегда преклоняется передъ успѣхомъ.

Цивилизація, съ одной стороны значительно усложняя отношенія между людьми, съ другой — также значительно упрощаетъ ихъ. Новѣйшее общество, вопреки и во имя постоянно возрастающаго преобладанія демократическаго принципа, желаетъ, чтобы личности, которыхъ оно призываетъ для занятія извѣстныхъ должностей, имѣли-бы при себѣ доказательства, что онѣ способны выполнить принимаемыя на себя обязанности; чтобы на товаръ, который обществу предстоитъ приобрести, были положены соотвѣтственные этикеты. Конкуренція велика, а легко-ли сдѣлать безошибочный выборъ между многочисленными конкурентами. Это затрудненіе легко разрѣшается этикетомъ, который имѣетъ на себѣ каждый изъ конкурентовъ. Эти этикеты представляются дипломами и медалями, выдаваемыми учебными заведениями. Но чтобы сдѣлать выборъ между различными дипломами, пришлось ихъ класифицировать и одному диплому отдавать преимущество передъ другимъ. Путешественникъ, прїѣхавшій въ городъ по желѣзной дорогѣ, отдавая свой багажъ комисіонеру, имѣетъ единственную гарантію въ его честности — номеръ на его шляпѣ или бляху съ номеромъ на груди. Такъ и хозяева, и представители промышленныхъ предпріятій не имѣютъ ни времени, ни достаточныхъ указаній, чтобы вѣрно судить о кандидатѣ, предъявившемъ свое желаніе занять вакантное мѣсто. И они судятъ по диплому, который представляетъ имъ кандидатъ. Дипломъ, если и не говоритъ о высшемъ развитіи, все-таки удостоверяетъ, что владѣлецъ его обладаетъ извѣстными способностями и знакомъ съ извѣстной спеціальностью. Къ тому-же представители промышленныхъ предпріятій менѣе довѣряютъ людямъ высшаго развитія; они даже боятся ихъ и предпочитаютъ имъ представителей средняго интеллекта.

Подвергая точному анализу доказательства въ пользу системы обязательности, принятой въ политехникумѣ, нельзя не придти къ тому заключенію, что выгоды этой системы слишкомъ преувеличиваются. Полученіе диплома зависитъ, конечно, отъ экзамена, а разъ дипломъ составляетъ существенную необходимость для молодого человека (иначе ему трудно устроить себѣ обезпеченное положеніе), онъ и безъ внѣшнихъ понуканій постарается во что-бы то ни стало добиться драгоцѣннаго для него куска пергамента. Доказательство на лицо. Университетъ слѣдуетъ свободной системѣ, но извѣстно, что студенты медицинскаго факультета заняты не только

не меньше, но даже больше студентовъ политехникума. Они не обязаны ни репетиціями, ни мѣсячными экзаменами; никому нѣтъ дѣла, работаютъ они или нѣтъ; но такъ-какъ на экзаменахъ не дѣлается никакихъ послабленій, то этого вполне достаточно, чтобы заставитьъ медицинскихъ студентовъ употреблять на занятія столько времени, сколько позволяетъ имъ ихъ здоровье. Преимущество системы политехникума заключается главнымъ образомъ въ томъ, что тамъ занятія идутъ болѣе правильно и потому менѣе утомляютъ студента, чѣмъ въ университетѣ, гдѣ студентъ, предоставленный самъ себѣ, одинъ день занимается чрезмерно много, до полного утомленія, а въ другой ничего не дѣлаетъ.

Мы разсматривали университетъ и политехникумъ, какъ представителей двухъ системъ обученія. Изъ нашихъ словъ, однакожь, не слѣдуетъ выводить заключенія, что политехникумъ представляетъ изъ себя военную казарму. Напротивъ, политехникумъ отличается вполне либеральнымъ характеромъ своего устройства. Студенты его пользуются полной свободой въ своей частной жизни.

Политехникумъ устроенъ по образцу французской политехнической школы, и какая между ними громадная разница! Правда, онъ устроенъ по образцу этой школы, какою она была въ моментъ своего открытія. Французская буржуазія, обыкновенно уничтожающая все, что ею было приобрѣтено путемъ страшныхъ усилій и жертвъ, мало-по-малу совершенно измѣнила характеръ политехнической школы, нѣкогда считавшейся образцовымъ учебнымъ заведеніемъ. Прежде воспитанники этой школы жили, гдѣ хотѣли; для нихъ была открыта всякая карьера; въ политехнической школѣ читали лучшіе професоры и она стояла на самой высокой степені умственнаго развитія. Теперь она превратилась въ обыкновенное артилерійское училище; воспитанники ея живутъ въ казармѣ и совершенно подчинены военной дисциплинѣ и военному устройству.

IV.

Нормальная школа для учителей и учительницъ.

Мы кончимъ, какъ и начали, — первоначальной школой. Въ государствѣ первоначальная школа составляетъ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ нервовъ. Нормальная школа, приготовляющая учи-

телей и учительницъ для первоначальныхъ школъ, безъ особенной натяжки можетъ быть названа сердцемъ страны.

При всемъ томъ кантонъ Цюрихъ заслуживаетъ упрека, что онъ до послѣдняго времени заботился о своей нормальной школѣ менѣе, чѣмъ о своихъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. Еще очень недавно рѣшено было принимать въ нормальную школу въ Куснахтѣ женщинъ для приготовленія изъ нихъ учительницъ, до тѣхъ-же поръ женщинъ не принимали на учительскія мѣста. Конечно, въ городахъ существовали частныя пансіоны для дѣвицъ, гдѣ преподавали женщины, но это было исключеніемъ. Въ общинныхъ-же школахъ преподавали исключительно учителя. Ненормальность такого положенія особенно ярко выказывалась въ тѣхъ классахъ, гдѣ сидѣли исключительно ученицы, что случается въ очень населенныхъ общинахъ, предпочитающихъ и въ первоначальныхъ школахъ отдѣлять дѣвочекъ отъ мальчиковъ. Между тѣмъ уже давно признано аксіомой, что маленькихъ дѣтей женщины ведутъ лучше, чѣмъ мужчины. Ребенокъ по большей части дичится учителя и охотно поддается ласкамъ учительницы, которая напоминаетъ ему мать. Между учителями первоначальныхъ школъ лучшими всегда считались тѣ, которые обладали нѣсколькими женственными качествами: голосомъ нѣжнымъ и симпатичнымъ, быстротой соображенія, отзывчивымъ сердцемъ, и не имѣли двухъ чисто-мужскихъ пороковъ: педантизма и черствости. Женщина-учительница обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ быстро примѣняться къ характеру ребенка. „Она несравненно болѣе терпѣлива, говорится въ официальномъ отчетѣ главнаго управленія учебнымъ дѣломъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ въ первоначальныхъ школахъ двѣ трети преподавателей—женщины.—Ребенокъ лучше пойметъ нѣжный упрекъ учительницы, чѣмъ угрозу и [холодную логику учителя. Строгія правила и абстрактныя теоріи учителя менѣе дѣйствуютъ на ребенка, чѣмъ кажущаяся беспорядочность управленія школой учительницы. Учительница улыбкой своей достигаетъ несравненно большихъ результатовъ въ отношеніи порядка, чѣмъ учитель наказаніями и выговорами...“

Официальнымъ мотивомъ недопущенія женщинъ въ нормальную школу кантона Цюриха обыкновенно выставлялось, что онѣ мало способны къ изученію математики и естественныхъ наукъ. Опытъ другихъ странъ доказалъ неосновательность такого предположенія.

Дѣйствительной-же причиной недопущенія женщинъ къ занятію учительскихъ мѣстъ была боязнь мужчинъ, что въ нихъ они встрѣтятъ опасныхъ конкурентовъ.

Наконецъ, реформаторы цюрихскаго кантона одержали верхъ надъ рутиной и теперь женщины принимаются въ нормальную школу. По окончаніи курса въ нормальной школѣ онѣ будутъ получать мѣста учительницъ не только въ женскихъ отдѣленіяхъ (гдѣ они существуютъ) первоначальныхъ школъ, но и въ тѣхъ школахъ, гдѣ оба пола обучаются совмѣстно. Учительницы наравнѣ съ учителями будутъ преподавать также въ дополнительныхъ школахъ.

Съ допущеніемъ учительницъ въ цюрихскомъ кантонѣ окончательно рѣшенъ вопросъ о совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ въ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и раздѣльномъ въ среднихъ. Обычай раздѣленія половъ въ школахъ введенъ католическимъ духовенствомъ, которое въ прежнее время, завѣдуя образованіемъ, вводило въ школахъ монастырскіе порядки и дѣвочекъ исключительно воспитывало въ женскихъ монастыряхъ. Правительство цюрихскаго кантона въ своемъ рѣшеніи руководилось опытомъ Соединенныхъ Штатовъ, который торжественно доказалъ, что совмѣстное обученіе обоихъ половъ представляетъ однѣ выгоды и не только не ведетъ къ безнравственности, а, напротивъ, водворяетъ истинную нравственность, способствуетъ благотворному вліянію одного пола на другой и возбуждаетъ конкуренцію между полами, усиливающую успѣшность занятій въ школѣ. Цюрихское правительство удержало старый порядокъ только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и тутъ сдѣлало уступку новому направленію: на уроки пѣнія во второразрядныхъ школахъ сходятся вмѣстѣ и мальчики, и дѣвочки, и отъ такого совмѣстнаго обученія до сихъ поръ не вышло никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Нормальная школа находится въ Куснахтѣ, небольшомъ мѣстечкѣ, расположенномъ на берегу Цюрихскаго озера. Въ этой школѣ воспитанники получаютъ энциклопедическое образованіе; она представляетъ собою въ сокращенномъ видѣ политехникумъ и универ-

ситетъ; большая часть учебныхъ предметовъ въ ней преподаются въ извлеченіи. Въ Цюрихѣ не разъ поднимался вопросъ о томъ, что не лучше-ли учителей и учительницъ первоначальныхъ школъ проводить чрезъ университетъ и политехникумъ, гдѣ они будутъ приобретать болѣе солидныя знанія и, слѣдовательно, много выиграютъ въ общественномъ уваженіи; масса постоянно сравниваетъ ихъ съ пасторами, и только потому, что пасторы получаютъ университетскій дипломъ, часто отдастъ имъ предпочтеніе предъ учителями первоначальныхъ школъ. Между тѣмъ для успѣховъ учебнаго дѣла существенно необходимо, чтобы учитель имѣлъ вліяніе въ общинѣ. Но вопросъ этотъ, вѣроятно, еще очень долго будетъ оставаться открытымъ.

Курсъ въ нормальной школѣ продолжается четыре года. Обученіе идетъ по шести часовъ въ день. Ученикъ или ученица нормальной школы расходуютъ на свое обученіе въ четырехлѣтній курсъ 5,760 часовъ. Прибавляя сюда 12,000 часовъ, истраченныхъ на обученіе въ первоначальной и второразрядной школѣ, выйдетъ, что учитель или учительница первоначальной школы должны затратить на свое предварительное обученіе около 18,000 часовъ.

При нормальной школѣ существуетъ „образцовая школа“ съ тридцатью учениками, гдѣ воспитанники и воспитанницы нормальной школы практически изучаютъ свои будущія обязанности учителей и учительницъ.

На нормальную школу кантонъ Цюрихъ тратитъ 50,000 франковъ.

Въ школѣ въ послѣдній учебный годъ было 130 учениковъ и ученицъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ въ нормальной школѣ слушаютъ втеченіи года дополнительный курсъ въ университетѣ или политехникумѣ и тогда уже получаютъ дипломъ на званіе учителя первоначальной школы.

Назначеніе на открывшуюся учительскую вакансію зависитъ вполне отъ общины. Выборъ учителя производится такъ-же, какъ и выборъ муниципальнаго совѣтника, — абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Когда открывается вакансія, община публи-

куеть о томъ въ газетахъ. Если является нѣсколько конкурентовъ, между ними производится конкурсъ; но если въ числѣ конкурентовъ находится такой, который пробылъ нѣсколько времени помощникомъ учителя (въ нѣкоторыхъ школахъ существуетъ такая должность), почти всегда ему отдается преимущество предъ прочими соискателями. Учитель назначается обыкновенно на шесть лѣтъ. По истеченіи этого срока община можетъ выбрать его на новое шестилѣтіе и т. д.

Въ цюрихскомъ кантонѣ 600 учительскихъ мѣстъ. Въ нормальной школѣ 130 учениковъ и ученицъ. Такая значительная цифра учащихся показываетъ, что на открывшіяся вакансіи учительскихъ мѣстъ не бываетъ недостатка въ конкурентахъ. А это въ свою очередь показываетъ, что положеніе учителя первоначальной школы въ цюрихскомъ кантонѣ довольно обеспеченное и пользуется достаточно уваженіемъ въ странѣ. Учитель первоначальной школы — чиновникъ не государственный, но муниципальный. Онъ отвѣтственъ передъ общиной. Нужно, чтобы учитель велъ себя крайне скандально и община, вопреки здравому смыслу, поддерживала-бы его во что-бы то ни стало, чтобы кантональная администрація сочла себя въ правѣ вмѣшаться и принять противъ такого учителя какую-нибудь репрессивную мѣру.

Центральное правительство кантона пользуется правами инспектора первоначальныхъ школъ. Оно присылаетъ свои замѣчанія общинной школѣ, и община, смотря по обстоятельствамъ, принимаетъ ихъ къ свѣденію или руководству. Центральное правительство во всякомъ случаѣ никогда не стѣсняетъ общинныя школы, но всегда старается имъ помочь. Если оно убѣждается, что учитель получаетъ мало содержанія, оно даетъ ему прибавку изъ общаго бюджета. Законами цюрихскаго кантона опредѣлено, что содержаніе, назначаемое учителю первоначальной школы, не должно быть ниже 1,200 франковъ. Среднее содержаніе учителя 1,500 фр. въ годъ. Прибавьте къ этому квартиру, отопленіе и небольшой огородъ. Учитель второразрядной школы получаетъ жалованья отъ 1,800 до 2,000 фр. въ годъ, также квартиру, отопленіе и огородъ. Помощники учителей получаютъ минимумъ жалованья: въ первоначальной школѣ 80, во второразрядной 100 франковъ въ мѣсяцъ.

Прослуживъ извѣстное число лѣтъ, учителя получаютъ слѣдующую прибавку: послѣ 6 лѣтъ службы по 100 франковъ въ годъ, послѣ 12—по 200 фр., послѣ 18—по 300, послѣ 24 по 400 франковъ.

Занимавшіе учительскую должность болѣе 30 лѣтъ и вышедшіе въ отставку получаютъ пенсіонъ отъ государства. На эту статью расхода въ послѣднемъ бюджетѣ цюрихскаго кантона отнесено 40,000 франковъ.

Прибавочное жалованье учителямъ выплачиваетъ также центральное правительство. „Назначенныя прибавки жалованья учителямъ и асигнованныя имъ пенсіи требуютъ увеличенія нашего расхода на 250,000 франковъ, писали въ отчетѣ финансовой комисіи за 1872 годъ.—Прекрасное состояніе нашихъ финансовъ дозволяетъ эту роскошь; мы убѣждены, что наши сограждане не пожалѣютъ, что приходится дѣлать новую жертву для полезнаго учрежденія, составляющаго нашу гордость и славу“.

Но и кромѣ матеріальнаго обезпеченія, существуютъ другія побужденія, заставляющія молодыхъ людей являться соискателями на мѣсто учителя первоначальной школы. Ни въ одной странѣ въ мірѣ сельскій учитель не пользуется такимъ громаднымъ вліяніемъ на общественныя дѣла, какъ въ кантонѣ Цюрихѣ. Окончившіе курсъ въ нормальной школѣ воспитанники или поступаютъ прямо на учительскія мѣста въ своемъ кантонѣ (что случается очень рѣдко), или-же берутъ мѣсто помощниковъ учителей у своихъ товарищей, уже получившихъ мѣста учителей, или-же отправляются въ сосѣдніе кантоны и даже въ другія европейскія страны и въ Америку. Нѣкоторые, однакожь, измѣняютъ професію и поступаютъ въ банки или въ торговыя и промышленныя предпріятія, куда ихъ охотно принимаютъ. Нерѣдко случается, что община выбираетъ учителей своихъ школъ на важнѣйшія общественныя должности, напримѣръ, въ должность мирового судьи. Въ настоящее время въ кантонѣ Цюрихѣ многія изъ важнѣйшихъ общественныхъ должностей заняты бывшими учителями первоначальныхъ школъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ теперь президентомъ государственнаго совѣта, другой — генераль-прокуроромъ; третій — директоромъ почтъ; четвертый—предсѣдателемъ правленія компаніи пароходства, и т. д. Можно сказать, что власть въ кантонѣ Цюрихѣ

находится въ рукахъ бывшихъ учителей перворазрядныхъ и второразрядныхъ школъ и центръ политической тяжести кантона находится въ корпораціи учителей; во всякомъ случаѣ; вліяніе университета на дѣла кантона менѣе значительно, чѣмъ вліяніе нормальной школы. Въ кантонѣ существуетъ даже партія, постоянно кричащая противъ тиранніи и деспотизма учителей, противъ „педаггикратіи“. Но ея голосъ постоянно заглушается сочувствіемъ огромнаго большинства, которое видитъ, сколько блага приноситъ кантону хорошо устроенная школа, которая [къ тому-же въ большинствѣ слѣдуетъ системѣ дарового и обязательнаго обученія. „Если выбирать между преобладаніемъ пастора, адвоката и школьнаго учителя, мы всегда предпочтемъ послѣдняго“, говорятъ защитники учительскаго вліянія на дѣла страны.

По бюджету 1874 года кантонъ Цюрихъ тратилъ на общественное образованіе 1,500,000 франковъ, что составляетъ болѣе 5 франковъ на человѣка, при населеніи кантона въ 285,000 человѣкъ. Это тратитъ центральное правительство; кромя того существуютъ спеціальныя общинныя расходы, не входящія въ бюджетное ассигнованіе. Къ нимъ еще надо приложить расходы на частныя школы и тогда только получится дѣйствительная цифра расходовъ на общественное образованіе.]

Если-бы, напримѣръ, Франція или Россія отдѣляли изъ своего государственнаго бюджета на общественное образованіе по 5 франковъ съ человѣка, то онѣ должны-бы были расходовать: Франція 180,000,000, а Россія 350,000,000 франковъ. Между тѣмъ Франція расходуетъ только пятую часть, т. е. 36,000,000, а Россія нѣсколько болѣе седьмой части, т. е. 53,000,000 франковъ.

ГЛАВА IV.

Заключеніе.

Правительству цюрихскаго кантона, конечно, было интересно узнать, принесли-ли плоды его заботы объ общественномъ образованіи, какой степеню пользы окупилась жертвы, принесенныя

для развитія этого дѣла. Въ 1872 и 1873 годахъ были произведены экзамены конскриптамъ, поступившимъ въ военную службу. Экзамены эти были несравненно серьезнѣе и существеннѣе тѣхъ, какіе въ то-же время производились въ другихъ государствахъ.

Молодыхъ людей экзаменовали въ чтеніи, письмѣ и арифметикѣ, при чемъ главное вниманіе обращалось на качество, а не на количество знаній. Экзаменующіеся обязаны были объяснять прочитанное; отъ нихъ требовались письменные отвѣты на заданныя темы; требовалось, на примѣръ, описать родительскій домъ, деревню, школу, въ которой обучался испытуемый, казарму, гдѣ онъ теперь жилъ, и пр. Экзаменъ изъ арифметики заключался преимущественно въ рѣшеніи задачъ изустно и письменно. ¶

Отвѣтокъ было принято пять: 4 означало очень хорошо; 3 — хорошо; 2 — посредственно; 1 — слабо; 0 — очень плохо.

Эти отвѣтки назначались:

При чтеніи: 5 — тому, кто читалъ бѣгло, выразительно и давалъ точныя объясненія прочитанному; 3 — тому, кто проявлялъ тѣ-же самыя качества, но въ нѣсколько слабѣйшей степени; 2 — тому, кто дѣлалъ нѣкоторыя ошибки, какъ въ произношеніи, такъ и въ объясненіи прочитаннаго; 1 — тому, кто дѣлалъ этихъ ошибокъ значительно больше; 0 — тому, кто не могъ читать бѣгло и очень плохо объяснялъ прочитанное.

По письму: 4 — тому, кто писалъ правильно и красиво; 3 — если дѣлалъ какую-нибудь ошибку или писалъ не совсѣмъ красиво; 2 — если замѣчались погрѣшности и въ томъ, и въ другомъ; 1 — если дѣлалъ много ошибокъ въ правописаніи; 0 — тому, кто почти совсѣмъ не могъ писать подъ диктовку.

По арифметикѣ: 5 — тому, кто быстро рѣшалъ задачи какъ изустно, такъ и письменно; 3 — кто рѣшалъ ихъ безошибочно, но медленнѣе; 2 — кто дѣлалъ какую-нибудь ошибку; 1 — тому, кто зналъ только четыре правила; 0 — тому, кто дѣлалъ ошибки и въ четырехъ правилахъ.

Экзаменовалось 1,479 новобранцевъ. Изъ нихъ только два получили нуль и въ чтеніи, и въ письмѣ, и въ арифметикѣ. Сто получили высшую отвѣтку, т. е. 4 по всѣмъ тремъ предметамъ испытанія.

Изъ тысячи экзаменующихся получили отиѣтки:

	0	1	2	3	4
Чтеніе . . .	5	83	273	462	177
Письмо . . .	5	134	395	355	111
Арифметика .	6	43	233	518	200

Такимъ образомъ средняя отиѣтка была: для арифметики 2,86; для чтенія 2,73, для письма 2,38.

Средняя отиѣтка по всѣмъ тремъ предметамъ—2,68. Замѣчательно, что совершенно такой-же средній выводъ получился изъ экзаменныхъ листовъ первоначальныхъ школъ въ предыдущемъ 1871-мъ году.

Приведенныя цифры, несмотря на свою сухость и безжизненность, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о замѣчательной успешности преподаванія въ первоначальныхъ школахъ цюрихскаго кантона. Не надо забывать, что экзаменъ, производившійся конскриптамъ, былъ очень строгъ. Если-бъ онъ производился такъ, какъ производится въ другихъ странахъ, нѣтъ сомнѣнія, что получились-бы отиѣтки еще болѣе благопріятныя для экзаменующихся.

Общій выводъ приближается къ отиѣткѣ 3; а такой средній выводъ—это все, чего можетъ желать школа.

Такъ-какъ во время экзаменовъ въ Цюрихѣ высшую отиѣтку ставили только тѣмъ, кто выказывалъ извѣстную степень развитія, то весьма любопытно полученныя цифры расположить иначе и сдѣлать изъ нихъ соотвѣтственный выводъ. Высшую отиѣтку, т. е. 4, получили въ арифметику 200 экзаменующихся; въ чтеніи 177; въ письмѣ 111; арифметика требуетъ, конечно, болѣе умственного развитія, чѣмъ чтеніе и письмо; чтеніе болѣе, чѣмъ письмо. Отиѣтку 3 и 4, вмѣстѣ взятыя, получили: по арифметикѣ 718, по чтенію 639, по письму 466—почти совершенно та-же пропорція, какъ и для получившихъ высшую отиѣтку, 4. Такимъ образомъ три пятыхъ экзаменующихся получили выше средней отиѣтки и только двѣ пятыхъ ниже средней; нуль получили всего одна двухсотая часть экзаменующихся.

Для большей наглядности мы расположимъ эти цифры въ слѣдующей таблицѣ:

Изъ числа экзаменующихся получили:

	0, 1 и 2	3 и 4.
Арифметика	282	718
Чтеніе	361	639
Письмо.	534	466
Всего	1,177	1,823

Съ перваго взгляда отмѣтка 2,86, т. е. между хорошо и посредственно, можетъ показаться не особенно утѣшительной. Но она принимаетъ другое значеніе, если сравнить ее съ отмѣтками, получаемыми на экзаменахъ новобранцамъ, производимыхъ, напримеръ, во Франціи и въ Англии. У насъ подъ руками нѣтъ такихъ подробныхъ цифръ французскаго и англійскаго экзамена, какія имѣются относительно цюрихскаго, но все-таки есть данныя, пригодныя для сравненія.

Вышшую отмѣтку въ Цюрихѣ среднимъ числомъ получили 163 человекъ на тысячу, т. е. почти пятая часть экзаменующихся. Ноль—5 на 1,000, т. е. двухсотая часть. Не надо забывать, что ноль ставился не совсѣмъ неграмотнымъ (такихъ нѣтъ въ Цюрихѣ), а такимъ, которые не могли читать бѣгло или дѣлали много ошибокъ въ правописаніи. Во Франціи изъ 1,000 новобранцевъ четвертая часть, т. е. 250 человекъ, совсѣмъ неграмотны. Настоящую цифру такихъ, грамотность которыхъ не превышаетъ той степени познаній, за которую въ Цюрихѣ ставятъ ноль—опредѣлить очень трудно. Но мы мало ошибемся, если примемъ ее въ 80 человекъ. Такимъ образомъ, третья часть французскихъ новобранцевъ должна числиться въ числѣ получившихъ отмѣтку ноль. Продолжая далѣе свои выводы, мы должны будемъ сказать, что французское невѣжество въ шестьдесятъ разъ превышаетъ невѣжество цюрихское. Къ какому-же выводу мы должны придти, если для сравненія возьмемъ въ совоушности оба пола? Въ Цюрихѣ обученіе обязательно для дѣвочекъ, также какъ и для мальчиковъ; во Франціи число безграмотныхъ женщинъ значительно превышаетъ число неграмотныхъ мужчинъ. Слѣдовательно, сравнительный выводъ будетъ еще болѣе невыгоденъ для Франціи.

Мы не знаемъ, сколько человекъ изъ 1,000 французскихъ новобранцевъ, подвергаясь такому-же экзамену, какъ въ Цюри-

хѣ, получили-бы высшую отмѣтку, т.-е. 4, но полагаемъ, что по сравненію съ подобной-же цифрой, выведенной для Цюриха, получился-бы выводъ весьма печальный для Франціи. О средней же отмѣткѣ нечего и говорить. Тамъ, гдѣ третья часть экзаменующихся получаетъ нуль, средняя отмѣтка должна очень немногимъ превышать единицу.

Въ Великобританіи первоначальная школа находится тоже не въ блестящемъ состояніи. По исчисленію министерства народнаго просвѣщенія, около 3,500,000 дѣтей должны-бы посѣщать первоначальную школу. Между тѣмъ по изслѣдованіямъ Пайна оказывается, что въ дѣйствительности ее посѣщаютъ только 1,250,000 дѣтей. Какъ ни печаленъ этотъ фактъ, доказывающій, что только третья часть дѣтей учится въ школахъ, еще печальнѣе другой фактъ. По вычисленіямъ того-же Пайна оказывается, что изъ 15,000 англійскихъ школъ, въ которыхъ обучаютъ 26,000 учителей, ежегодно выходитъ только 16,000 учениковъ, получившихъ высшую отмѣтку, 6, которая, однакожь, ставится за познанія низшія не только тѣхъ, за которыя въ Цюрихѣ ставятъ 4, но даже и тѣхъ, за которыя ставятъ тамъ 3. Вообще же изъ англійскихъ школъ только одинъ изъ 63 выходитъ знающимъ писать, читать и считать довольно хорошо. Высшую же отмѣтку получаютъ 6 изъ 1,000 экзаменующихся. Хотя эта высшая отмѣтка даже не соотвѣтствуетъ отмѣткѣ 3 въ Цюрихѣ, но для облегченія вычисленія допустимъ, что она однозначаща отмѣткамъ 4 и 3 въ Цюрихѣ; тогда получимъ, что въ то время, какъ изъ тысячи экзаменующихся въ Англіи получаютъ высшую отмѣтку только 6 человекъ, въ Цюрихѣ получаютъ ее 600. Выводъ для Англіи не менѣе печаленъ, какъ и для Франціи.

Экзаменаторы въ Цюрихѣ раздѣлили конскриптовъ на двѣ группы: въ одной помѣстили окончившихъ первоначальную школу, въ другой—второразрядную. Средняя отмѣтка для первой группы вышла 3,1; для второй 2,4. Оказывается, что средняя отмѣтка для учениковъ перворазрядной школы немногимъ ниже средней отмѣтки для обѣихъ группъ.

Въ очеркъ общественнаго образованія въ Цюрихъ, сдѣланномъ нами, мы постарались указать на достоинства и недостатки его учебныхъ заведеній. Мы смѣло скажемъ, что цюрихскій кантонъ своимъ благосостояніемъ обязанъ прямо своей школѣ. Благодаря своей превосходной системѣ общественнаго образованія, этотъ кантонъ, по климату и почвѣ, одна изъ бѣднѣйшихъ мѣстностей въ Европѣ, пользуется благосостояніемъ, которому могутъ позавидовать страны, лучше другихъ надѣленныя естественными богатствами и превосходнымъ климатомъ.

Эли Триго.

П О Э Т У.

Здѣсь, въ царствѣ вѣчной суеты,
Разлада, злобы и паденья,
Смолкають мирныя мечты
И робко гаснетъ вдохновенье.
Минуты нѣтъ отдаться имъ,
Когда, глуша иные звуки,
Несутся съ ревомъ грознымъ
Валы отчаянья и муки.
Въ кровавой пѣнѣ ихъ хребты,
И бьется въ скалы валъ за валомъ,
Къ чему-же свѣтлыя мечты,
Служенье кроткимъ идеаламъ?
Челнокъ ничтожный—мысль твоя:
Ему-ли справиться съ валами,
Что значить утлая ладья,
Гдѣ валъ играетъ кораблями?
Громады скаль у береговъ,
Въ клочки изорвано вѣтрило...
Такихъ не мало челноковъ
Безъ цѣли море погубило.

Нѣтъ! нуженъ здѣсь поэтъ иной,
Съ такой-же мыслью грозовою,
Безмѣрной, какъ просторъ морской,
Какъ чайка смѣлой надъ волною.
Пусть будетъ взглядъ его суровъ,
Рука крѣпка и сердце твердо
И грозный ревъ морскихъ валовъ
Онъ, не смущаясь, встрѣтитъ гордо.
И будетъ пѣснь его слышна,
Не споря съ нею смолкнетъ море,
И буревѣстникомъ она
Зарѣветъ смѣло на просторѣ.
На гордой мачтѣ отдохнетъ,
Иль на утесѣ сложитъ крылья
И не уснетъ, а вновь вспорхнетъ
Во мглу и бурю безъ усилья.
И будетъ пѣснь его слышна
И тѣ, что гордо съ бурей бьются
Бойцы, чья мысль еще сильна,
Ей отовсюду отзовутся...

В. Славянской.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЛЛЕТРИСТЫ-ЭМПИРИКИ И БЕЛЛЕТРИСТЫ- МЕТАФИЗИКИ.

(1. Куцевскій: Маленькіе рассказы, очерки, картинки и легкіе наброски. Спб., изд. Базунова (Библиот. соврем. писат., 1875 г.). 2. Успенскій (Глѣбъ): „Глушь“, провинціальныя и столичныя очерки. Спб., 1875. 3. Боборыкинъ: а) „Дѣльцы“, ром. въ 2 томахъ, 1874. б) „Докторъ Цыбулька“, рассодія въ трехъ книгахъ. Москва, изд. Салаевыхъ. 1875. с) „Пол-жизни“, ром. въ 2-хъ книг. Спб., изд. Кехрибарджи, 1874 г. д) „Въ усадьбѣ и на порядбѣ“, повѣсть („Вѣстникъ Европы“, январь, 1875 г.). 4. Смирнова: „Соль земли“, ром. въ четырехъ частяхъ. Спб., 1875.)

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

I.

Человѣческая мысль, въ какой-бы сферѣ мы ее ни разсматривали, въ сферѣ-ли научнаго или въ сферѣ художественнаго творчества, всегда проходитъ три фазиса развитія. Сперва она, игнорируя изученіе фактовъ дѣйствительной жизни, торопится поскорѣе добратся до кое-какихъ обобщеній, возводитъ эти обобщенія въ непреложныя аксіомы, дѣлаетъ ихъ основнымъ критеріумомъ для всѣхъ своихъ впечатлѣній. Все, что даетъ ей опытъ и непосредственное наблюденіе, все, что навязываютъ ей извнѣ окружающія ее объективныя условія, — все это она подводитъ подъ эти „непреложныя аксіомы“ и сообразно съ ними распредѣляетъ свои матеріалы. Сущствующее она признаетъ и изучаетъ лишь настолько, насколько оно кажется ей воплощеніемъ этихъ аксіомъ. Внѣ ихъ она ничего не видитъ и ничего не знаетъ. Онѣ начало и конецъ всего сущаго; отъ нихъ все начинается и ими все окан-

чивается; понять ихъ — значитъ все понять. Очевидно, что въ этотъ періодъ развитія мысли отвлеченныя идеи, абстрактныя формулы являются главнымъ и почти единственнымъ предметомъ ея изученія; въ нихъ однихъ только она и черпаетъ матеріалъ для своей дѣятельности; ко всему остальному она относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Міръ реальныхъ фактовъ, міръ конкретной дѣятельности слишкомъ низокъ для ея возвышенныхъ полетовъ; заниматься имъ можетъ лишь жалкая эмпирика. Такимъ образомъ, сама того не замѣчая, наша мысль раздвѣиваетъ свою дѣятельность на чисто-метафизическую и чисто-эмпирическую; послѣдняя, выдѣлившись изъ первой, пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе, — значеніе, которое постоянно возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ расширяющійся опытъ все болѣе и болѣе начинаетъ подкапываться подъ непреложность „непреложныхъ аксіомъ“. Чувствуя потребность защитить себя и провѣрить, мысль, отложивъ въ сторону свою метафизическую гордыню, смиренно спускается съ облаковъ на землю и начинаетъ прилежно штудировать то, на что прежде и смотрѣть не хотѣла. Но тутъ ее встрѣчаетъ новая бѣда: обиліе частныхъ фактовъ и ихъ кажущаяся безсвязность сбиваютъ ее съ толку.

Привыкшая къ „абстрактному“, никогда неимѣвшая дѣла съ „конкретнымъ“, ненаучившаяся еще искусству правильныхъ обобщеній, она видитъ себя въ печальной необходимости — либо совсѣмъ отказаться отъ всякихъ обобщеній и ограничиться запоминаніемъ и описаніемъ однихъ лишь частныхъ фактовъ, либо снова прибѣгнуть къ помощи метафизическихъ формулъ и безъ хлопотъ подвести подъ нихъ всё тѣ отрывочныя и безсвязныя впечатлѣнія, которыми снабжаетъ ее міръ „реальныхъ конкретностей“. Слѣдовательно, въ „эмпирической“ фазисѣ развитія мысли ея дѣятельность только отчасти высвобождается изъ-подъ гнета метафизическихъ обобщеній. Въ большинствѣ случаевъ эмпирикѣ не можетъ обойтись безъ содѣйствія метафизика. Отвергая его помощь, онъ превращается изъ изслѣдователя въ скромнаго собирателя сырыхъ матеріаловъ, въ кропотливаго казуиста, ничего несмыслящаго по части „общихъ понятій“, похерившаго всякіе „отвлеченные принципы“, прикованнаго къ мелькимъ, единичнымъ фактамъ конкретной дѣятельности. Онъ впадаетъ по необходимости въ крайность, въ крайность хотя и діаметрально-

противоположную, но тѣмъ не менѣе нелѣпую и не менѣе вредную крайность метафизика. Какъ послѣдній ничего не видитъ и не знаетъ внѣ своихъ конкретныхъ формулъ, такъ точно первый ничего не видитъ и не знаетъ внѣ своихъ конкретныхъ мелочей. Если одинъ въ наивной гордости воображаетъ, будто онъ проникъ въ самую суть вещей, будто онъ открылъ и постигъ скрытыя пружины всего сущаго, то за-то другой, въ не менѣе наивномъ смиреніи, полагаетъ, будто не его ума дѣло гоняться за „общими причинами“, не его ума дѣло въ конкретномъ разнообразіи явленій жизни отыскивать обобщающее единство. Понятно, что смиреніе второго стоитъ гордости перваго и что оба они съ своими ложными методами одинаково далеки отъ правильнаго пониманія дѣйствительности.

Намучавшись до упомишательства съ метафизическими „абстракціями“, навозившись до самоотупленія съ эмпирическими „конкретностями“, человѣческая мысль научается, наконецъ, правильно наблюдать факты дѣйствительности, привыкаетъ логически обобщать ихъ. Односторонности метафизика и эмпирика сглаживаются и стираются въ „научномъ изслѣдователѣ“. Въ „научномъ“ фазисѣ своего развитія мысль одинаково отрицательно относится и къ метафизической абстракціи, и къ эмпирической казуистикѣ; рука объ руку съ изученіемъ частныхъ фактовъ у нея идетъ обобщеніе ихъ, и, наоборотъ, въ основѣ ея абстракціи всегда лежатъ конкретное.

Эти три фазиса:—метафизическій, эмпирический и научный, мы неизмѣнно находимъ въ исторіи развитія нашего мышленія, въ какой-бы сферѣ оно ни проявлялось, и почти всегда или, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ два первые фазиса предшествуютъ послѣднему. Художественное творчество, какъ одно изъ выраженій дѣятельности мысли, не можетъ, конечно, составлять исключенія изъ этого общаго психологическаго закона. И оно, дѣйствительно, не составляетъ, хотя въ немъ гораздо труднѣе различить эти фазисы, чѣмъ въ дѣятельности чистой ученой. Трудность эта обуславливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ художественную дѣятельность въ несравненно большей степени, чѣмъ въ дѣятельность ученую, примѣшивается элементъ творческой фантазіи, заслоняющій и отодвигающій на задній планъ элементъ чисто-интеллектуальный. Твор-

ческая фантазія нерѣдко или, лучше сказать, почти всегда до такой степени маскируетъ истинный характеръ художественнаго произведенія, что можетъ подчасъ совершенно сбить съ толку критика, желающаго опредѣлить, въ какому именно періоду человѣческой мысли слѣдуетъ его отнести. Подкупленная яркостью красокъ, живостью изображенія, критика не вдумывается въ смыслъ произведенія, относить его къ періоду „научному“, къ послѣднему фазису развитія человѣческой мысли, хотя въ дѣйствительности оно, быть можетъ, принадлежитъ къ метафизическому или эмпирическому періодамъ. Часто случается и наоборотъ. Многіе, или даже, выражаясь точнѣе, почти всѣ критики держатся того мнѣнія, что къ оцѣнкѣ дѣятельности мысли въ области художественнаго творчества нельзя и не слѣдуетъ примѣнять тѣхъ-же критеріумовъ, которые мы примѣняемъ въ области научной. „Въ художественномъ творествѣ, говорятъ они (или, если и не говорятъ, то сказали-бы),—главную роль играетъ непосредственное чувство; въ творествѣ научномъ—логическая мысль; какъ-же возможно оцѣнивать и разбирать первое съ точки зрѣнія законовъ второй?“—А почему-же нѣтъ? Анализируйте это пресловутое „непосредственное“ чувство—и вы не замедлите убѣдиться, что это не иное что, какъ одинъ изъ видовъ проявленія той-же самой мысли, которая создаетъ науку и законы развитія которой всегда и вездѣ одни и тѣ-же. Вся разница только въ томъ, что человѣкъ науки творитъ подъ вліяніемъ мысли сознательной, а художникъ, въ большинствѣ случаевъ, создаетъ свои образы подъ вліяніемъ мысли безсознательной или такъ-называемаго вдохновенія. Психологія-же не даетъ намъ никакого права предполагать, будто исторія развитія безсознательной мысли подчиняется какимъ-то инымъ законамъ, непохожимъ на тѣ, которымъ подчиняется исторія развитія мысли сознательной. Всякая мысль, сознаемъ-ли мы ее или не сознаемъ. прежде, чѣмъ научится дѣлать правильныя обобщенія, т. е. прежде, чѣмъ вступить въ послѣдній фазисъ своего развитія, дѣлаетъ обобщенія поверхностныя, неправильныя (метафизическій фазисъ развитія), или, не дѣлая никакихъ оставяетъ свои наблюденія въ хаотическомъ состояніи сырого, неразсортированнаго матеріала (фазисъ эмпирической). При дѣятельности сознательной мысли мы можемъ, правда, прослѣдить самый процессъ этихъ обобщеній; при дѣятельности-же мысли безсознательной мы судимъ о

нихъ только по ея продуктамъ. Вотъ и все. Очевидно, что эта разница не на-столько существенна, чтобы изъ-за нея мы должны были, при оцѣнкѣ дѣятельности мысли въ области художественнаго творчества, отказаться отъ тѣхъ критеріумовъ, которые принято примѣнять къ оцѣнкѣ ея дѣятельности въ области положительнаго знанія.

Критикъ всякаго ученаго произведенія прежде всего старается или, по крайней мѣрѣ, долженъ стараться выяснитъ себѣ общій характеръ этого произведенія, т. е. опредѣлитъ, къ какому періоду человѣческой мысли его слѣдуетъ отнести: написано-ли оно въ метафизическомъ, эмпирическомъ или строго-научномъ духѣ? Почему-же-бы и критику художественнаго произведенія не ставить себѣ тѣхъ-же самыхъ вопросовъ? Развѣ для послѣдняго эти вопросы не такъ-же существенны, какъ и для перваго? Развѣ внѣ отвѣта на нихъ возможна правильная, безпристрастная, чуждая субъективныхъ симпатій оцѣнка степени развитія художественной мысли у того или другого автора?

Мнѣ замѣтятъ, пожалуй, что введеніе подобныхъ вопросовъ въ область художественной критики можетъ только окончательно сбить ее съ толку. Она и то ходитъ ощупью, у нея и безъ того нѣтъ никакихъ твердыхъ точекъ опоры, ей и безъ того на каждомъ шагу приходится апеллировать къ „непосредственному“ эстетическому чувству, а тутъ ей еще предлагаютъ такіа задачи, которыя ей и во снѣ не снились. Къ чему ей знать и какимъ образомъ узнаетъ она, метафизикъ-ли данный художникъ, или онъ эмпирикъ, или-же научно-мыслящій человѣкъ? Что это такіе за „метафизическіе“, „эмпирическіе“ и „научные“ періоды въ области художественнаго творчества? Какіе ихъ признаки, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другого, въ чемъ ихъ сущность? „Метафизическая беллетристика“, „беллетристика эмпирическая“ — какое странное сочетаніе словъ! Неужели подобныя „беллетристики“ существуютъ?

Да, читатель, существуютъ, несомнѣнно существуютъ. Если возможно изучать жизнь метафизически и эмпирически, то почему-же нельзя точно такимъ-же образомъ и воспроизводить ее?

Когда художникъ, нисколько не сообразуясь съ реальной дѣйствительностью, искажаетъ и уродуетъ ее въ угоду какой-нибудь предвзятой нравственной сентенціи, какого-нибудь невѣрнаго, по-

верхностнаго обобщенія, когда онъ, вмѣсто того, чтобы всесторонне наблюдать человѣческіе характеры, схватываетъ одну какую-нибудь ихъ сторону, одно какое-нибудь чувство, и владеть эту отвлеченную абстракцію въ основу своихъ художественныхъ построеній, онъ поступаетъ совершенно такъ-же, какъ и метафизикъ; подобно ему, онъ создаетъ реальный міръ конкретныхъ фактовъ изъ апіористическаго абстракта, подобно ему, онъ передѣлываетъ окружающую его дѣйствительность по образу и подобию своихъ метафизическихъ абсолютвъ. Когда художникъ ограничиваетъ свою творческую дѣятельность воспроизведеніемъ однихъ лишь конкретныхъ деталей, когда онъ обнаруживаетъ полнѣйшую неспособность связать ихъ въ одно стройное цѣлое, понять ихъ скрытый смыслъ, возвыситься отъ частнаго къ общему, онъ по всей справедливости можетъ быть названъ эмпирикомъ,—по крайней мѣрѣ, его отношенія къ явленіямъ внѣшняго міра совершенно таковы, какъ и отношенія послѣдняго. Наконецъ, когда художникъ всесторонне наблюдаетъ и правильно обобщаетъ наблюдаемое, когда онъ, съ одной стороны, изучая частные факты, старается понять ихъ общую идею, а съ другой — не укладываетъ разнообразныхъ отношеній реальной жизни на прокустово ложе какихъ-бы то ни было абстракцій, когда онъ не кастрируетъ живыхъ людей, превращая ихъ въ мертвыя воплощенія психологическихъ отвлеченностей, тогда, очевидно, онъ дѣйствуетъ, въ сферѣ художественнаго творчества,—точно такъ-же, какъ дѣйствуетъ и человѣкъ „науки“, — науки, въ истинномъ значеніи этого слова, науки, высвободившейся изъ оковъ метафизики и грубаго эмпиризма. Ихъ приемы одинаково научны, одинаково удовлетворяютъ основнымъ требованіямъ логическаго метода. Вся разница только въ томъ, какъ я уже сказалъ, что ученый вполне отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ научныхъ приемахъ, что онъ ясно сознаетъ свой методъ, тогда какъ художникъ творить, въ большинствѣ случаевъ, безотчетно, нисколько даже и не подозрѣвая, что онъ слѣдуетъ какому-то методу, что онъ подчиняется какимъ-то правиламъ логики. Его сознаніе схватываетъ уже готовый результатъ, сложившійся, почти законченный типъ; какъ получился этотъ результатъ, какъ создался этотъ типъ — этого онъ не знаетъ и не можетъ знать, потому-что работа твор-

ческой мысли совершается обыкновенно за предѣлами сознательной мысли.

Разницу эту никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, въ противномъ случаѣ легко впасть въ самыя грубыя ошибки; и хотя она нисколько не нарушаетъ единства законовъ развитія нашего мышленія, хотя она не даетъ намъ права вносить въ область художественной критики такіе критеріи, которые неприменимы въ области критики научной, однако, она имѣетъ весьма важное значеніе для оцѣнки общественно-историческаго значенія дѣятельности какъ ученаго, такъ и художника. Человѣкъ науки, какъ и человѣкъ искусства, неизмѣнно проходятъ три фазиса развитія: метафизическій, эмпирический и научный. Но ученый всегда бываетъ сознательнымъ метафизикомъ, сознательнымъ эмпирикомъ, сознательнымъ научнымъ мыслителемъ. Художникъ-же, наоборотъ, почти всегда бываетъ бессознательнымъ метафизикомъ, бессознательнымъ эмпирикомъ и научнымъ мыслителемъ. А такъ-какъ наша сознательная дѣятельность постоянно подвергается нашему субъективному контролю, такъ-какъ она въ несравненно-большой степени подчинена вліянію нашей личности, чѣмъ дѣятельность нашей бессознательной души, такъ-какъ послѣдняя вырабатывается въ насъ помимо нашей воли и нашего вѣдома, подъ непосредственнымъ давленіемъ окружающихъ насъ внѣшнихъ условій, то отсюда мы неизбѣжно должны придти къ слѣдующему заключенію: въ художественномъ творествѣ вліяніе „среды“ выражается рѣзче, опредѣленнѣе и яснѣе, чѣмъ въ творествѣ научномъ.

Поэтому по данному художественному произведенію гораздо удобнѣе и гораздо легче судить о данномъ состояніи породившей его общественной жизни, чѣмъ по произведенію чисто-ученому. Говоря объ ученомъ, критика можетъ безъ особаго ущерба для правильности своихъ сужденій отодвинуть на задній планъ и даже совсѣмъ умолчать о тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, о той обстановкѣ, которая его окружала. Она знаетъ, что чѣмъ сознательнѣе была эта дѣятельность, тѣмъ менѣе она должна была зависѣть отъ окружавшей его среды. Но говоря о художникѣ, она не можетъ этого сдѣлать. Художникъ гордится бессознательностью своего творчества; онъ ничего не знаетъ, и не хочетъ знать, какъ и почему въ его умѣ созда-

ются тѣ или другіе типы, тѣ или другія картины, тѣ или другія идеи. Поэтическія ссылки на „вдохновеніе“, на „музу“ и т. п., очевидно, никого теперь не удовлетворяютъ.

Правда, въ былое, и даже очень недавнее время, критика удовлетворялась ими; она раздѣляла съ художникомъ его наивную вѣру въ музу - вдохновительницу, она считала художественное творчество какимъ-то наитіемъ свыше, — наитіемъ, неизмѣющимъ никакого отношенія къ субъективной работѣ нашей мысли. Но въ наше время критика знаетъ или, по крайней мѣрѣ, должна знать, что „вдохновеніе“ есть ничто иное, какъ только переходъ (сопровожаемый нѣкоторымъ аффектомъ) бессознательной мысли въ сознательную; что, слѣдовательно, ему предшествуетъ цѣлый длинный рядъ разнообразныхъ умственныхъ операцій, совершающихся въ потемкахъ бессознательной души. Она знаетъ далѣе, что матеріаломъ для этихъ операцій служатъ тѣ впечатлѣнія, которыя выноситъ человѣкъ изъ условій окружающей его жизни и которыя въ большинствѣ случаевъ еще не успѣли вполне сознательно переработаться въ его умѣ. Если-же вдохновеніе есть только видимый результатъ невидимой работы бессознательной мысли и если эта работа опредѣляется, въ свою очередь, суммою впечатлѣній, полученныхъ изъ внѣшней среды, то, слѣдовательно, эта-то „среда“ и есть та загадочная „муза“, о которой такъ много чудеснаго рассказываютъ поэты и которой мы съ вами, читатель, конечно, никогда не видали, хотя, какъ теперь оказывается, и находились съ нею въ постоянномъ соприкосновеніи. Разъ критика поняла, что „муза“ тождественна „средѣ“, она должна признать, что ссылки, дѣлаемыя на нее поэтами и художниками, вполне правильны. Да, только эта муза-среда можетъ дать намъ болѣе или менѣе точные отвѣты на тѣ *какъ* и *почему*, на которые поэтъ отвѣчаетъ обыкновенно либо презрительнымъ молчаніемъ, либо вѣжливою просьбою къ „черни непросвѣщенной“ „умолкнуть“. Итакъ, если мы не желаемъ умолкнуть, то обратимся къ „средѣ“.

Въ какихъ отношеніяхъ къ „средѣ“ находится дѣятельность бессознательной творческой мысли, — иными словами, какими именно условіями общественнаго быта опредѣляется каждый изъ трехъ фазисовъ ея развитія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объяснить намъ тѣ внѣшніе факторы, подъ вліяніемъ которыхъ художникъ усваиваетъ себѣ то метафизическое, то чисто-эмпирическое, то научно-

логическое отношеніе къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности, т. е. онъ дастъ вѣрный ключъ къ разрѣшенію нашихъ: *какъ и почему.*

II.

Какъ-бы ни былъ человѣкъ стѣсненъ во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности, какимъ-бы отсутствіемъ самостоятельности онъ ни отличался, какъ-бы ни былъ онъ забитъ умственно, съ какою-бы бессмысленною пассивностью онъ ни относился къ своей горькой дѣйствительности, у него всегда имѣются въ головѣ какіе-нибудь готовые принципы, какія-нибудь установившіяся правила, въ истинности которыхъ онъ не сомнѣвается и на которые онъ смотритъ, какъ на нѣчто вполне удовлетворительно объясняющее и опредѣляющее ему его жизненное назначеніе, его отношенія къ окружающимъ его явленіямъ. Въ сущности-же эти правила и принципы ровно ничего ему не объясняютъ и въ своей практической дѣятельности онъ даже никогда и не сообразуется съ ними, да и не можетъ сообразоваться, потому что они не имѣютъ ничего общаго съ тою реальною дѣйствительностью, среди которой онъ живетъ и развивается, потому что они выведены совсѣмъ не изъ тѣхъ конкретныхъ фактовъ, съ которыми онъ ежеминутно сталкивается; это—абстрактныя обобщенія, сдѣланныя когда-то и кѣмъ-то (когда и кѣмъ—онъ этого не знаетъ) изъ условій жизни, весьма мало похожихъ на условія окружающаго его общественнаго міра. Можетъ быть, въ тѣ отдаленныя вѣка, когда умы болѣе или менѣе самостоятельныя выдумали ихъ, они и имѣли какое-нибудь дѣйствительное значеніе. Съ развитіемъ исторической жизни, съ усложненіемъ и видоизмѣненіемъ ея разнообразныхъ отношеній, имъ-бы тоже слѣдовало видоизмѣниться, но они остались все тѣ-же, они не измѣнились ни на іоту. Почему это такъ случилось—это знаетъ всякій. Такъ-называемый „историческій прогрессъ“, усложняя и разнообразя бытовныя формы, весьма мало благоприятствовалъ развитію человѣческой самостоятельности вообще и самостоятельности мысли въ частности. Люди, вступая въ новыя отношенія, сталкиваясь съ новыми фактами, упорно продолжали подводить ихъ подъ старыя, традиціонныя принципы, завѣщанныя имъ ихъ отдаленными пред-

ками. Само собою понятно, что эти принципы должны были, наконецъ, утратить всякое жизненное значеніе, превратиться въ чистѣйшіе абстракты. Подобострастно преклоняясь передъ ними на практикѣ, человѣческій умъ не рѣшался даже и въ области чистой теоріи подвергать ихъ своему критическому анализу, вникать въ ихъ скрытый смыслъ, извлекать изъ нихъ ихъ общую идею; онъ спокойно подлаживалъ подъ нихъ готовые принципы, насильственно втискивалъ ихъ въ отжившія формулы, ни мало не смущаясь и даже не замѣчая разницы, существующей между ихъ абстрактными фикціями и конкретной дѣйствительностью.

Однако, это приурочиваніе традиціонныхъ абстракцій, устарѣлыхъ, такъ-сказать „заморожившихся“ формъ мысли къ постоянно измѣняющимся отношеніямъ жизни возможно лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и до извѣстной степени. Когда житейскія отношенія вступаютъ въ рѣзкое, для всѣхъ и каждаго очевидное противорѣчіе съ міровоззрѣніемъ, установившимся для большинства мыслящихъ людей, тогда человѣческая мысль все-таки почувствуетъ потребность въ нѣкоторой провѣркѣ, въ критикѣ своихъ, на вѣру принятыхъ, обобщеній. Провѣрка эта возможна только путемъ изученія фактовъ дѣйствительной жизни. И мысль, волею-неволею, принимается за это изученіе. Если внѣшнія обстоятельства благопріятствуютъ ему, если они не стѣсняють свободу ея дѣятельности ни въ теоретической, ни въ практической сферѣ, она не замедлитъ изъ тщательнаго наблюденія и изученія этихъ частныхъ явленій возвыситься до общаго пониманія ихъ, до выработки новыхъ идеаловъ, новыхъ принциповъ, новыхъ теоретическихъ формулъ, вполне удовлетворяющихъ потребностямъ дѣйствительности, вполне воплощающимъ въ себѣ всѣ ея разнообразныя конкретныя отношенія. Если-же, наоборотъ, жизнь, измѣнивъ экономическія формы быта на-столько, на-сколько это было нужно для подорванія кредита господствовавшихъ абстракцій, не внесла, однакожь, никакихъ существенныхъ измѣненій въ условія дѣятельности той среды, въ которой по преимуществу развивается мысль такъ-называемой „мыслящей“, интеллигентной среды, если историческій прогрессъ не уничтожилъ тѣхъ преградъ, тѣхъ „кампей преткновенія“, которые загромождали свободное теченіе мысли, которые сдавливали и стѣсняли самостоятельность личности, въ такомъ случаѣ человѣческому уму

придется по необходимости остановиться на полдорогѣ. Начавъ подмѣчать, наблюдать и изучать „частности“, единичные, конкретные факты, онъ такъ и застрянетъ на этомъ началѣ. До общаго ихъ смысла, до ихъ абстрактнаго формулированія онъ не въ состояніи будетъ подняться. Не смѣя доходить ни до какихъ общихъ выводовъ, онъ долженъ будетъ ограничиться болѣе или менѣе голословнымъ отрицаніемъ отвергнутыхъ жизнью абстрактныхъ и кропотливою вознею съ мелкими, единичными явленіями окружающей его дѣйствительности. Но такъ-какъ голословное отрицаніе и грубый эмпиризмъ удовлетворить его вполне не могутъ, то онъ вынужденъ будетъ, незамѣтно для себя, возвращаться время отъ времени къ своимъ старымъ традиціямъ, окружать ихъ ореоломъ и свое отрицаніе, и свою эмпирику.

Изъ всего сказаннаго (сознаюсь, сказаннаго не особенно удобопонятно; но читатель долженъ меня извинить. Я увлекся господствующею модою, не хотѣлъ отстать отъ другихъ, хотѣлъ показать, что я тоже „не лыкомъ шить“ и могу писать довольно... неудобопонятно), — изъ всего сказаннаго можно сдѣлать такой выводъ: когда люди имѣютъ основаніе бояться думать, они мало-по-малу отвыкаютъ отъ мышленія, сохраняя способность къ этому возвышенному и благородному времяпрепровожденію ровно настолько, сколько это нужно „*pour boire et manger*“. Однако, несмотря на такое парализированіе ихъ мыслительныхъ функцій, они, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ относиться къ явленіямъ и отношеніямъ окружающей ихъ жизни „какъ скоты безсловесные“. Жизненные впечатлѣнія, жизненный опытъ оставляютъ въ ихъ умахъ свои слѣды (о, Боже, я опять начинаю выражаться въ метафизическомъ стилѣ, — такое ужъ, значить, время!); слѣды эти, предоставленные сами себѣ, естественно уложатся въ тѣ готовыя формы, которыя они найдутъ въ пассивно-воспринимающемъ умѣ. Но эти формы, т.-е., говоря проще, эти общія понятія не составляютъ продукта его самостоятельной работы; они безсознательно унаслѣдованы имъ отъ длиннаго ряда его предковъ, — предковъ, еще неуспѣвшихъ отвыкнуть отъ мышленія. Само собою понятно, что понятія, невыведенныя изъ правильнаго обобщенія существующихъ фактовъ, усвоенныя безсознательно и затѣмъ появившіяся въ сознательной душѣ человѣка съ характеромъ „непредложной аксіомы“, постигаемой à priori, — такія

понятія, по существу своему, суть чисто-метафизическія. Сводя къ нимъ и перерабатывая (перерабатывая, какъ я сейчасъ сказалъ, почти безъ всякаго участія собственной воли, бессознательно) по ихъ шаблону всё впечатлѣнія окружающей ихъ дѣйствительной жизни, эти люди должны относиться къ ней, какъ метафизики, хотя метафизики бессознательные. И если они становятся поэтами, белетристами, художниками, то не видя даже ихъ художественныхъ твореній, не читая ихъ пѣснопѣній, не перелистывая ихъ романовъ, можно держать пари, 100 на 1, что всё ихъ произведенія насевозъ пропитаны метафизическимъ духомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе художника къ окружающей его бытовой дѣйствительности всегда имѣетъ ту общую черту съ отношеніемъ къ той-же дѣйствительности простыхъ смертныхъ, что и у перваго, какъ и у вторыхъ, оно бессознательно. Слѣдовательно, если у простыхъ смертныхъ впечатлѣнія жизни бессознательно складываются въ традиціонныя формы, т.-е окрашиваются въ метафизическій растворъ отжившихъ абстракцій, то и впечатлѣнія художника необходимо должны пройти черезъ тотъ-же процессъ и привести къ тому-же самому результату.

Исторія нашей литературы подтверждаетъ эту мысль съ поразительною наглядностью.

До послѣднихъ экономическихъ реформъ наше общество находилось въ періодѣ метафизическаго созерцанія условій окружающаго его быта. Въ своихъ будничныхъ, повседневныхъ, чисто-практическихъ отношеніяхъ оно, разумѣется, какъ это и всегда бываетъ съ метафизиками, ничѣмъ инымъ не руководилось, кромѣ своего эгоизма; но за то въ области теоріи, въ области нравственно-общественнаго міросозерцанія у него всегда имѣлось про-запасъ нѣсколько абстрактныхъ формулъ, съ которыми оно носилось и употребляло ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Оно не отдавало себѣ отчета, какъ и откуда произошли эти абстракты, но оно упорно держалось за нихъ, оно вѣрило въ ихъ непреложность и неприкосновенность. Правда, на практикѣ оно ихъ ежеминутно отрицало, что, однакожъ, ни чуть не мѣшало ему кичиться и величаться ими. Если ему указывали на неблаговидность его будничной жизни; оно преисполнялось благороднымъ негодованіемъ: „Какъ, я безнравственно, я безобразно живу и поступаю!?” восклицало оно устами своихъ достойныхъ предста-

вителей. — О, вы не знаете моихъ принциповъ, вы незнакомы съ моими правилами...“ и абстрактныя формулы нравственности и житейской мудрости выкладывались на ладони. Хотя въ этихъ абстрактахъ было очень мало реальнаго, хотя они насильственно втискивали конкретное разнообразіе человѣческихъ отношеній въ узкія, тѣсныя рамки отвлеченныхъ нравственныхъ понятій, хотя они вносили крайне искусственную и одностороннюю классификацію въ оцѣнку личныхъ характеровъ и поступковъ людей, — однако, они все-же были несравненно выше обыденной практики этого общества. Бѣда только въ томъ, что они, какъ все непрактическое, никогда не могли перейти изъ области абстракта въ область дѣйствительности; непримѣнимые и невѣдомые въ жизни, они красовались лишь на дѣтскихъ прописяхъ, они жили только въ книгахъ.

Одними изъ ихъ наиболѣе рьяныхъ пропагандистовъ и жрецовъ явились, какъ и слѣдовало ожидать, наши беллетристы. Тогдашняя беллетристика, подобно тогдашнему обществу, насквозь была пропитана нравственною и психологическою метафизикою. Романистъ старался (многіе, вѣроятно, совершенно безсознательно) освѣтить или, лучше сказать, искусственно подтянуть живую дѣйствительность подъ мертвые абстракты; человѣческіе характеры, людскія отношенія, событія дѣйствительной жизни, проходя съвозъ „горнило его вдохновенія“, превращались въ какіе-то отвлеченные знаки и этими знаками онъ выводилъ тѣ изъ ходячихъ, прописныхъ сентенцій, на которыя, въ данную минуту, чувствовался спросъ. Я сомнѣваюсь, чтобы въ дѣтскихъ прописяхъ можно было отыскать хоть одну таковую „истину“, по поводу которой не было-бы написано нѣсколько романовъ. Разверните, наудачу, любой романъ Загоскина, Лажечникова, Зотова, Булгарина или всякаго другаго изъ менѣе замѣчательныхъ романистовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и вы никогда ничего въ немъ не найдете, кромѣ „развитія въ лицахъ“ образной аргументаціи на темы: „будь чловѣкъ мужественъ и добродѣтеленъ, ибо мужество и добродѣтель награждаются, а порокъ и слабодушіе наказываются“; или: „сколько сладостно любить отечество“, или: „родителей надлежитъ почитать, старшихъ уважать“, или: „избѣгай любви, неосвященной бракомъ, ибо отъ таковой любви, кромѣ горя и несчастія, произойти ничего не мо-

жетъ“; „жена да повинуется мужу, мужъ да любить жену“... Но, читатель, вы и безъ меня хорошо знаете эти темы и мнѣ не зачѣмъ утомлять васъ перечисленіемъ ихъ. Спору нѣтъ, что всѣ эти прекрасныя изрѣченія въ основѣ своей—непогрѣшимая истина, и очень можетъ быть (по крайней мѣрѣ, мы-бы съ вами, читатель, ничего противъ этого не имѣли), факты изъ дѣйствительной жизни,—факты, основательно и безпристрастно изученные и проанализированные,—во-очію доказываютъ непогрѣшимость этой истины. Но бѣда вся въ томъ, что у нашихъ романистовъ прекрасныя сентенціи являются не выводомъ изъ реальныхъ фактовъ, не обобщеніемъ конкретныхъ явленій жизни, а какою-то чисто-априористическою абстракціею, аксіомою, нетребующею доказательствъ; подъ нее они лишь подводятъ, ею они лишь объясняютъ тѣ случайныя и отрывочныя впечатлѣнія, которыя имъ удалось вынести изъ своего опыта. Въ этомъ-то именно и заключается метафизическій характеръ ихъ художественныхъ построеній.

Съ 40-хъ годовъ (и даже съ конца 30-хъ) нравственно-сентенціозные романы перестали удовлетворять потребностямъ наиболее развитой части публики. Передовые люди того времени начинали уже смутно чувствовать несоотвѣтствіе абстрактныхъ формулъ съ конкретными фактами. Но тѣ внѣшнія условія, въ которыя они были поставлены, не дозволили имъ ни понять истинный характеръ этого несоотвѣтствія, ни отвергнуть традиціонные принципы, ни провѣрить ихъ путемъ опыта и наблюденія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эти люди, отвернувшись отъ метафизики, приготовляемой подъ однимъ соусомъ, съ большимъ аппетитомъ стали кушать ее подъ другимъ.

Вмѣсто романистовъ-метафизиковъ по части нравственности появились романисты-метафизики по части психологіи.

Въ области нравственной метафизикъ, произвольно выдѣляя изъ цѣлостной природы человѣка нѣкоторыя единичныя душевныя движенія, обобщаетъ ихъ въ какія-то абстрактныя сущности и съ точки зрѣнія этихъ, только въ его воображеніи существующихъ „сущностей“ (да проститъ мнѣ читатель существованіе сущности, но вѣдь это метафизика, а въ метафизикѣ, какъ и въ стихахъ, допускаются всякія словесныя вольности), онъ дѣлитъ всѣхъ людей на невозможныя категоріи (въ родѣ категоріи „злыхъ“

и „добрых“), превращает ихъ въ ходячія вывѣски своихъ нравственныхъ фикцій. Тѣ-же самыя штуки продѣлываетъ онъ и въ области психологической. Цѣлостный характеръ человѣка, „человѣческую душу“ онъ развивчиваетъ на ея составныя частички и, взявъ одну какую-нибудь изъ этихъ частичекъ, отдѣливъ ее отъ всего, что съ нею такъ или иначе неразрывно связано въ реальномъ мірѣ, рассматриваетъ ее какъ нѣчто цѣлое, самостоятельное, само-по-себѣ существующее.

И вотъ, подобно тому, какъ романисты до-гоголевскаго періода клали въ основу своихъ художественныхъ произведеній нравственные абстракты, такъ точно романисты 40-хъ годовъ стали воспроизводить жизнь, руководствуясь абстрактами психологическими *). Какъ у однихъ на первомъ планѣ красовалась нравственно-метафизическая, такъ у другихъ психолого-метафизическая сентенція. Для первыхъ главною задачею было такъ расположить событія и отгѣнить характеры, чтобы читатель, дочитавъ романъ до послѣдней странички, наглядно убѣждался въ пользѣ и пріятности добродѣтели, во вредѣ и непріятности порока. Для вторыхъ внѣшнія событія не играли существенной роли; все ихъ вниманіе сосредоточивалось на обрисовкѣ внутренняго міра человѣка; но при этомъ они брали не реальнаго, конкретнаго человѣка, а человѣка абстрактнаго, такого человѣка, у котораго вся душа сводилась къ одному какому-нибудь чувству, къ одной какой-нибудь мысли,—человѣка, который всю жизнь пребывалъ въ одномъ и томъ-же настроеніи духа, всю жизнь повторялъ на разные тоны и лады одинъ и тотъ-же мотивъ. Выяснить читателямъ какъ можно ярче этотъ однообразный мотивъ, запечатлѣть его на вѣки въ ихъ памяти—такова была предвзятая цѣль этихъ новыхъ романистовъ,—цѣль, которая, очевидно, могла быть достигнута (какъ и цѣль старыхъ романистовъ) только въ ущербъ реальной правдѣ, только при посред-

*) Разумѣется, я не претендую на особенно-точное обозначеніе періодовъ. Рѣзкихъ границъ между ними не существуетъ. Одновременно съ романистами-психологами процвѣтали нѣкоторые и изъ романистовъ-сентентиковъ, напримѣръ, г. Лажечниковъ. Читатель долженъ имѣть также въ виду, что я говорю здѣсь только объ общемъ направленіи романа, а общее направленіе не исключало возможности появленія отдѣльных, единичныхъ произведеній, составленныхъ въ духѣ не только несходномъ съ нимъ, но иногда даже и рѣшительно ему противоположномъ. Нѣтъ правила безъ исключенія.

ствѣ ложнаго, односторонняго освѣщенія истинной природы человека.

Чтобы измѣнить такое направленіе нашей белетристики, требовалось одно изъ двухъ условій: или въ экономической, общественной жизни народа должны были произойти измѣненія на-столько существенныя, чтобы противорѣчіе между реальной дѣйствительностью и господствующими абстрактами могло обнаружиться и выясниться для всѣхъ и каждаго; или-же должны-бы были, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени умалиться тѣ внѣшнія преграды, которыя стѣсняли и ограничивали самостоятельное развитіе мысли, хоть въ тѣхъ слояхъ общества, которые по преимуществу живутъ мыслью.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оба эти условія оказались на лицо. И направленіе, духъ нашей белетристики мгновенно измѣнился. Беллетристы, вмѣстѣ съ выросшившею ихъ средою, почувствовали потребность въ иномъ, чѣмъ прежде, отношеніи къ явленіямъ окружавшей ихъ жизни. Новыя впечатлѣнія уже не укладывались такъ легко, какъ старыя, въ готовыя, традиціонныя формы. Отсюда, съ одной стороны, стремленіе къ отрицанію метафизическихъ абстрактовъ, съ другой—стремленіе дойти до болѣе правильнаго пониманія дѣйствительности посредствомъ тщательнаго изученія тѣхъ конкретныхъ, единичныхъ фактовъ, изъ которыхъ она складывается.

Первое изъ этихъ стремленій породило цѣлый циклъ „либерально-цивическихъ“ романовъ, второе—цѣлую литературу мелкихъ очерковъ, рассказовъ и сценъ, преимущественно изъ жизни низшихъ, некультурныхъ слоевъ общества.

„Либерально-цивическіе“ романы, почти всѣ безъ исключенія, носили на себѣ печать метафизическаго построенія. Въ нихъ, какъ и въ романѣ нравственно-метафизическаго періода, реальныя, жизненныя отношенія сплошь и рядомъ приносились въ жертву какому-нибудь абстрактному божью, хотя ихъ герои были обыкновенно ходячими воплощеніями отрицанія всякихъ метафизическихъ абстракцій. Подобно произведеніямъ вѣчной памяти Загоскиныхъ, Лажечниковыхъ и компаніи, и цивическіе романы представляли собою ничто иное, какъ „развитіе въ лицахъ“ той или другой сентенціи. Правда, сентенціи брались обыкновенно не изъ кодекса „метафизической морали“, а изъ какого-нибудь политико-экономическаго учебника, но сущность дѣла отъ этого нисколько

не мѣнялась. Напишите-ли вы свой романъ съ единственною цѣлью наглядно убѣдить читателя въ выгодахъ артельнаго производства, въ пользѣ и необходимости труда вообще, въ невыгодѣ и ненужности тунеядства, или вы будете имѣть въ виду привести его къ сознанию сладости любви къ отечеству, къ увѣренности, что порокъ всегда наказуется, а добродѣтель торжествуетъ, что начальство слѣдуетъ любить и т. п., — и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вашъ романъ будетъ одинаково метафизическимъ романомъ.

Конечно, не всѣ наши либерально-цивическіе романы отличались сентенціозностью, однако, даже и тѣ изъ нихъ, которые были свободны отъ этого грѣха, не были свободны отъ психологической метафизики. По-прежнему, на сцену являлись не живые люди, а мертвыя воплощенія тѣхъ или другихъ искусственно-созданныхъ свойствъ человѣческой души. Разумѣется, „мотивы“, воплощаемыя героями цивического романа, были не совсѣмъ похожи на тѣ, которые носили въ себѣ герои романовъ сороковыхъ годовъ, но отъ этого, конечно, сущность дѣла ни мало не могла измѣниться.

Но если „дѣлатели“ либерально-цивическихъ романовъ не могли освободиться отъ метафизической подкладки, то этого, повидимому, нельзя сказать о белетристахъ, принявшихъ за изученіе и воспроизведеніе конкретныхъ фактовъ дѣйствительности. Они отбросили всякіе абстракты, всякія общія понятія, всякія сентенціи; безхитростная и по возможности дагеротипная копировка видѣннаго и слышаннаго, — вотъ та скромная задача, которую они себѣ ставятъ. Очевидно, они утвердились или, по крайней мѣрѣ, стараются утвердиться на почвѣ дѣйствительности, на которой только и можетъ возникнуть и развиваться истинно-художественное произведеніе. Казалось-бы, что изъ нихъ-то и должны были выработаться настоящіе художники, что имъ-то и суждено дать разумное направленіе нашей творческой мысли, что, благодаря имъ, эта мысль дойдетъ до правильнаго пониманія окружающей ее дѣйствительности, до логически-вѣрнаго обобщенія всѣхъ разнообразныхъ явленій и отношеній. Путь, на который они вступили, давалъ право возлагать на нихъ эти надежды.

И что-же, однако, вышло? Какъ и на-сколько оправдались эти надежды?

Читатель уже знаетъ, какъ и на-сколько. Копировщики такъ и

остались копировщиками; додуматься до внутренняго смысла копируемых явленій, возвыситься отъ частнаго къ общему они не могли... Жизнь какъ будто сказала имъ: „копировать меня, въ извѣстныхъ, разумѣтся, предѣлахъ, вы можете, но идти дальше — ни-ни! Не вашего ума это дѣло“. Они должны были послушаться и остановиться. Но стоять долго на одной точкѣ оказалось невозможнымъ. Копировать и только копировать, не дѣлая никакихъ выводовъ, тщательно избѣгая всякихъ обобщеній, — это была работа слишкомъ непосильная даже и для людей непривыкшихъ думать. Какъ-бы ни былъ обилень притокъ новыхъ впечатлѣній, но если человѣку приходится относиться къ нимъ болѣе или менѣе пассивно, если онъ не хочетъ или не можетъ подвергать ихъ переработкѣ своей мысли, они не въ состояніи будутъ дать слишкомъ много разнообразнаго матеріала для его творческой дѣятельности. Самъ того не замѣчая, онъ не замедлитъ, какъ говорится, исписаться, выдохнуться. И тогда ему остается одно изъ двухъ: либо постоянно повторять зады, либо отказаться отъ дальнѣйшихъ подвиговъ на беллетристическомъ поприщѣ. Избѣжать этой горькой участи для него возможно лишь тогда, когда онъ снова примирится съ метафизикою или удовлетворится самымъ грубымъ, мелочнымъ эмпиризмомъ.

Одни изъ корифеевъ беллетристики разсматриваемаго направленія (Н. Успенскій, В. Слѣпцовъ) сочли за лучшее удалиться со сцены. Подаривъ публику 2—3 томиками своихъ рассказовъ и очерковъ, они наложили печать молчанія на уста свои и скрылись въ область безплотныхъ тѣней. И благо имъ: они совершили въ предѣлахъ земного все, что имъ положено было совершить. Другіе (напр., Левитовъ) упорно продолжаютъ повторять зады. Наконецъ, третьи... но объ нихъ-то мы и будемъ держать теперь рѣчь.

III.

Вотъ они опять передъ нами, наши старые знакомцы: тоскующій пѣсописецъ „разоренья“ и „подававшій надежды“ биографъ „благополучнаго россиянина“, и онъ, легкомысленно-неутомимый и неутомимо-легкомысленный Петръ Боборыкинъ. Два года тому назадъ они были, однако, не совсѣмъ такими, каковы

теперь. Одинъ только г. Успенскій остается почти тѣмъ-же, чѣмъ и былъ. Авторъ „Солидныхъ добродѣтелей“, равно какъ и авторъ „Николая Негорева“, значительно подвинулись... впередъ или назадъ—я не знаю, но во всякомъ случаѣ въ томъ именно направленіи, въ которомъ подвинулась и наша жизнь.

Особенно поразительна и поучительна переменна, прошедшая съ г. Кушевскимъ. Въ своей „автобіографіи“ онъ обнаружилъ несомнѣнное стремленіе не только наблюдать и списывать, но и обобщать и анализировать... Онъ сдѣлалъ попытку—и, какъ первая, эта попытка была довольно удачна—повяты и воспроизвести въ образахъ самую душу нашихъ „благополучныхъ“ согражданъ. Этою попыткою онъ рѣзко выдѣлился изъ группы нашихъ белетристовъ-казуистовъ, корпящихся надъ частностями и деталями, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ на пути отъ художественнаго эмпиризма къ художественному реализму. Мое сердце возрадовалось и я имѣлъ наивность надѣяться, я думалъ: авось этотъ первый шагъ не будетъ послѣднимъ. Но „авось“, этотъ неизмѣнный обманщикъ русскаго человѣка, обманулъ и меня, и какъ жестоко обманулъ! И зачѣмъ это понадобилось г. Базунову издавать эти „Маленькіе рассказы, очерки, картинки и легкіе наброски“? Дѣло въ томъ, что я—и, конечно, не одинъ я—не имѣю удовольствія слѣдить за тѣми, вѣроятно, весьма почтенными органами печати, на страницахъ которыхъ находятъ себѣ обыкновенно пріютъ „маленькіе рассказы“ и „легкіе наброски“, и, слѣдовательно, если-бы г. Базунову не пришла въ голову несчастная мысль составить изъ всего этого „маленькаго“ и легонькаго“ 2-ю серію 2-го тома „Библіотеки современныхъ писателей“, то я-бы обрѣтался въ полнѣйшемъ невѣденіи насчетъ беллетристическихъ упражненій г. Кушевскаго, и въ своемъ наивномъ невѣжествѣ воображалъ-бы, будто авторъ „благополучнаго россиянина“ все собирается создать нѣчто „большое“ и „солидное“.

Впрочемъ, нѣтъ, это только въ первую минуту. мысль г. Базунова можетъ показаться „несчастною“; въ дѣйствительности-же это была очень счастливая мысль. Перелистывая „Маленькіе рассказы и легкіе наброски“, я испытывалъ нѣкоторое непріятное чувство въ самомъ началѣ, потомъ-же, когда я пробѣжалъ всю книгу, я ощутилъ нѣкоторую радость, нѣкоторое самодовольство. Мудрое правило: невозможно прати противъ рожна,—правило, ко-

торое съ дѣтства вбивалось въ мою голову и въ непогрѣшимой истинности котораго я, къ великому своему горю, дерзалъ иногда сомнѣваться, это мудрое правило снова возсіяло передо мною во всемъ своемъ лучезарномъ блескѣ и наполнило душу мою отраднымъ спокойствіемъ. Да, противъ рожна прать невозможно, а потому и не слѣдуетъ. Благо г. Куцевскому, что онъ во время это понялъ и благоразумно отказался отъ тяжелой обязанности думать. Зачѣмъ думать, зачѣмъ вникать, зачѣмъ утруждать свои мозги всеми этими анализами и обобщеніями? Грубая дѣйствительность смотритъ искоса на подобное времяпрепровожденіе; оно ей рѣшительно не нравится. Пересказывать подслушанное, передавать видѣнное—это еще ничего; но вникать въ его суть, дѣлать изъ него общіе выводы, стараться понять и свести въ одно цѣлое его конкретныя, частныя проявленія,—это уже совсѣмъ не годится. Къ чему-же прать противъ рожна

Но что-же, въ такомъ случаѣ, остается дѣлать „современному писателю“? Писать „маленькіе рассказы“ и „легкіе наброски“. Чего-же лучше! И выгодно, и пріятно, и никакихъ усилій мысли не требуется. Если вы, читатель, грамотны—въ чемъ я, конечно, не сомнѣваюсь—и если вы не сидите сиднемъ въ четырехъ стѣнахъ, вы можете въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца приподнести г. Базунову такую массу „маленькихъ рассказовъ“ и „легкихъ набросковъ“, что ее не вмѣститъ и вся библіотека „современныхъ писателей“.

Встрѣтили вы купца, который ѣстъ въ посту скоромное, дѣлая, однакожь, видъ, что онъ ѣстъ постное,—чините перо и готовьте бумагу—вотъ вамъ одинъ „легкій набросокъ“ и готовъ. У кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ есть, конечно, билетъ либо перваго, либо втораго займа съ выигрышами (у кого ихъ теперь нѣтъ?), и, конечно, передъ каждымъ днемъ тиража сердце счастливаго обладателя 200,000 р. in spe преисполняется нѣкоторыми невинными иллюзіями и онъ нетерпѣливо ждетъ роковой таблички,—таблички, которая, увы! не всегда бываетъ чужда опечатокъ. Вотъ и еще тема, да и какая! изъ нея можно выкроить, по крайней мѣрѣ, до полсотни „маленькихъ рассказовъ“ и тысячь до двухъ „маленькихъ набросковъ“. А городскіе слухи и сплетни?—ну да, этого матеріала такъ много, что вы не будете знать, за что и взяться. Нина Николаевна убѣжала отъ своего мужа

въ акушерки, но, не дойдя до Надеждинской, раздумала и снова возвратилась въ супружескія объятія. Мовша Форманъ надулъ своихъ кредиторовъ и заплатилъ имъ по три гривны за рубль. „Почтенѣйшій“ Иванъ Петровичъ на первой недѣлѣ Великаго поста затесался къ нѣмцамъ на пивникъ и натворилъ тамъ всяческихъ безобразій и т. д., и т. д. Изложите всё эти эпизоды на бумагѣ, приправьте прѣсный анекдотъ юмористическою солью „Петербургскаго Листка“, и все это сойдетъ съ рукъ на нашемъ литературномъ рынкѣ, ибо — и г. Базуновъ, и г. Владимірскій, и г. Стопановскій, и г. Соколовъ, и всё вообще редакторы и издатели нашей *миниатюрной прессы* у ногъ вашихъ жалобно выпрашиваютъ вашихъ „маленькихъ разсказовъ“, вашихъ „легкихъ набросковъ“. И вотъ вы уже стоите въ почтенномъ сонмѣ „современныхъ писателей“.

Вы думаете, что я шучу? Обратитесь въ такомъ случаѣ къ г. Куцевскому, а если вы съ нимъ незнакомы лично, возьмите и перечитайте его „Маленькіе разсказы, очерки, картинки и т. д.“ — и вы убѣдитесь, что я говорю совершенно серьезно, серьезно же даже, чѣмъ-бы слѣдовало говорить о такихъ пошлыхъ вещахъ.

Развернемъ на удачу нѣсколько разсказовъ.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ подъ заглавіемъ „За наживою“ (стр. 232—256). У нѣкоего бѣднаго чиновника, Андрея Петровича, былъ билетъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа; разумѣется, онъ разсчитывалъ выиграть 200,000 — и, разумѣется, не выигралъ ихъ. Возвращаясь послѣ тиража изъ банка, онъ встрѣтилъ на пути своего пріятеля; пріятель затащилъ его въ игорный домъ, и тамъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, спустилъ не только свой билетъ, но и билетъ своей квартирной хозяйки.

Интересно и поучительно; жаль только, что Андрей Петровичъ не проигралъ своего билета раньше тиража, авось г. Куцевскій избралъ-бы тогда какую-нибудь другую, болѣе оригинальную тему для своего „наброска“.

Въ другомъ разсказѣ, „Передъ золотымъ тельцомъ“ — снова въ роли главнаго героя фигурируетъ билетъ внутренняго съ выигрышами займа, но только не перваго, а втораго. Какъ Андрей Петровичъ всё свои надежды возлагалъ на 2-е января, такъ Гавріилъ Матвѣевичъ возлагаетъ ихъ на 1-е марта. Разумѣется, 1-е марта точно такъ-же разочаровываетъ Гавріила Матвѣевича,

какъ 2-е января разочаровало Андрея Петровича. Купивъ табличку выигрышей, онъ выписалъ нѣсколько Л.Л., и въ томъ числѣ № серіи и билета, выигравшаго 200,000, и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился домой, къ своему милому племянничку, у котораго онъ жилъ „на хлѣбахъ изъ милости“. Этого племянничка онъ когда-то выручилъ изъ бѣды, ссудивъ ему 800 рублей. Деньги эти пошли племянничку впрокъ: онъ достигъ „степеней извѣстныхъ“ и сталъ, хотя и маленькимъ, но все-таки домовладѣльцемъ. А такъ-какъ благодушный дядюшка никакого векселя или иного документа съ него не взялъ, то, разумѣется, онъ не счелъ себя обязаннымъ возвратить ему ссуду, и только тогда, когда Гавріиль Матвѣевичъ совсѣмъ уже обнищалъ, онъ пустилъ его къ себѣ изъ милости въ мезонинъ. Въ этотъ-то мезонинъ и возвратился теперь обладатель невыигравшаго билета; легъ сейчасъ въ постель, „ноги, руки раскинулъ, разметался“ и сталъ охать да стонать. Племянничекъ повѣрилъ его мнимой болѣзни и думалъ-было отправить его въ больницу. Но хитрый дядюшка изъявилъ желаніе составить духовное завѣщаніе, да за одно ужъ и разузнать, не выигралъ-ли онъ чего 1-го марта. И онъ вручилъ племянничку списокъ тѣхъ нумеровъ, которые имъ были списаны съ таблицы выигрышей. Ну, развязка понятна: племянникъ, узнавъ, что дядинъ билетъ выигралъ 200,000 руб., и надѣясь сдѣлаться его наслѣдникомъ, начинаетъ передъ нимъ распаркиваться и великодушно возвращаетъ ему свой долгъ.

Каковъ анекдотецъ? Но все-таки жаль, что г. Куцевскій не обладаетъ остроуміемъ Гавріила Матвѣевича: онъ, вѣроятно, изобрѣлъ-бы тогда что-нибудь позамысловатѣе!

Впрочемъ, нѣтъ, какъ можно! Онъ ничего не изобрѣтаетъ, онъ только *докладываетъ* о видѣнномъ и слышанномъ. О богатствѣ содержанія этихъ докладовъ вы можете судить по двумъ приведеннымъ образцамъ; знакомить съ другими не стоитъ. Скажу только, что большинство ихъ блещетъ еще вящимъ отсутствіемъ не только содержанія, но даже и смысла, въ родѣ, напр., рассказовъ „Постъ и покаяніе“ (стр. 292—312), „Кто изъ нихъ дуракъ?“ (360—375), „Голова съ мозгами“ (стр. 395—411), „Мы гуляемъ, гуляемъ, гуляемъ“ (стр. 256—273) и т. д., и т. д.

Человѣкъ, относящійся хоть сколько-нибудь серьезно къ задачамъ

и назначенію беллетристики, не въ состояніи будетъ пробѣжать ни одного изъ этихъ „маленькихъ разсказовъ“ безъ того, чтобы не ощутилъ чувства глубочайшаго омерзѣнія къ литературѣ подобнаго сорта. Ихъ безхитростная плоскость шокируетъ самый нетребовательный умъ, оскорбляетъ самый незатѣливый вкусъ. Однако, да не подумасть г. Кушевскій, что я говорю все это ему въ укоръ. О, нѣтъ, я его нисколько не обвиняю; напротивъ, если-бъ отъ моего поощренія могло зависѣть дальнѣйшее безпрепятственное теченіе его „беллетристической“ дѣятельности, я-бы готовъ былъ даже поощрить его. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли кто другой способенъ былъ такъ наглядно и убѣдительно выяснитъ, до какой пошлости, мелочности, до какого безсмыслія можетъ дойти беллетристъ, даже и не лишенный нѣкоторой наблюдательности и не совсѣмъ чуждый нѣкоторой способности къ психическому анализу,— до какой пошлости и безсмыслія онъ можетъ дойти, отказавшись отъ обязанности думать и обобщать, ограничивъ свою творческую дѣятельность скромнымъ копированіемъ частныхъ, единичныхъ фактовъ жизни,—вѣрнѣе, дагеротипною передачею случайно видѣннаго, случайнаго лысанаго. Разъ замкнувшись въ душную, подавляющую сферу грубаго эмпиризма, онъ мало-по-малу до того входитъ во вкусъ его, что, наконецъ, совершенно утрачиваетъ способность отличать важное отъ неважнаго, стоящее вниманія отъ нестоящаго. И оно понятно: у него нѣтъ для этого никакого критерія. Отказываясь понимать жизнь, онъ не можетъ и знать, что въ ней существенно, что нѣтъ. Чисто-вишнія, случайныя обстоятельства наталкиваютъ его на тотъ или другой сюжетъ, опредѣляютъ выборъ темы его произведенія. А такъ-какъ пошлыхъ темъ и пошлыхъ сюжетовъ гораздо больше, чѣмъ темъ и сюжетовъ, представляющихъ собою дѣйствительный общественный интересъ, то весьма естественно, что беллетристу-эмпирику въ большинствѣ случаевъ приходится возитъя съ такими явленіями, которыя и выѣденнаго яйца не стоятъ. И г. Кушевскій, дѣйствительно, возитъя въ своей навозной кучѣ съ какимъ-то мужественнымъ самоотверженіемъ, забывъ всѣ свои прежнія попытки, не думая даже о своей репутаци.

Какъ-же не поощрять этого героя, добровольно взявшаго на себя неблагоприятную роль беллетристическаго илота, долженствующаго, подобно спартанскому илоту, предостерегать и собственнымъ

примѣромъ отвращать своихъ собратій, „современныхъ писателей“, отъ чрезмѣрнаго упоенія одурманивающимъ эмпиризмомъ?

Роль эту онъ исполняетъ весьма добросовѣстно, — такъ добросовѣстно, что никто, ни даже *самъ* издавшій виды г. Базуновъ не рѣшится заподозрить его „въ играніи роли“: очень ужъ естественно выходить.

Похвально, очень похвально!

За одно только нельзя его похвалить. Чувствуя, вѣроятно, самъ всю пошлость и мизерность вдохновляющихъ его сюжетовъ, понимая или догадываясь, какъ мало интереса они могутъ представлять даже и для наименѣе требовательнаго читателя, г. Кушевскій тѣщится прикрасить и приправить свои лубочныя творенія нѣкоторою юмористическою солью. Но, Боже мой, что это за соль! Почтенный авторъ „благополучнаго россиянина“ добываетъ ее, какъ кажется, непосредственно изъ давно забытаго и заброшеннаго солончака вѣчной памяти „Весельчаковъ“, „Бардадымовъ“ и др. Онъ думаетъ, вѣроятно, что время улучшило качества этой соли или, по крайней мѣрѣ, сдѣлало нашъ вкусъ не такъ разборчивымъ. Насчетъ послѣдняго обстоятельства, т. е. неразборчивости нашего вкуса, его расчеты довольно вѣрны: многое изъ того, что въ приснопамятныя времена „Весельчаковъ“ и „Бардадымовъ“ казалось намъ крайне пошлымъ и нелѣпымъ, теперь кажется „нелишеннымъ остроуміемъ“ и глубокаго смысла. Однако, всему есть мѣра, и какъ ни притупился нашъ вкусъ, а все-же есть еще такія вещи, которыя ему рѣшительно претягъ.

Я думаю, что не сдѣлаю ошибки, отнеся къ числу подобныхъ вещей и бардадымовскій юморъ автора „Маленькихъ рассказовъ и легкыхъ набросковъ“. Не желая, однако, чтобы бывшіе читатели „Бардадыма“ заподозрили меня въ пристрастіи, я позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько на удачу выбранныхъ образчиковъ этого юмора изъ толкучаго рынка.

Вотъ, напр., какими язвительными красками живописуетъ г. Кушевскій наружность той злосчастной квартирной хозяйки, билетъ которой не менѣе ея злосчастный Андрей Петровичъ спустилъ въ игорномъ домѣ 2-го января 1873 года:

„Талія ея тоньше эрудиціи г. Лохвицкаго, волосы длиннѣе романа Боборыгина и темнѣе „Задачъ психологін“ г. Кавелина, губки краснѣе самыхъ красныхъ делибашей „Дѣла“, зубки мель-

че, чѣмъ плаваеъ знаменитый публицистъ князь Мещерскій, и острѣе эпиграмъ графа А. К. Толстого, глазки быстрѣе разоренія на акціяхъ, взглядъ губительнѣе всякой желѣзной дороги“ (стр. 235) и т. д., все въ томъ-же родѣ. Каково остроуміе? Развѣ это не бардадымовскіе „перлы и алмаменты?“

А вотъ еще. Нѣкая „голова съ мозгами“ совѣтуетъ нѣкоей головѣ „безъ мозговъ“ заплучить концесію и для этого рекомендуетъ, прежде всего, задобрить журналистовъ. „Дѣло, говорить, — теперь къ празднику... Ну, „Незнакомцу“ полосатаго ситцу на рубаху, Коршу —ночной колпакъ, Буренину —варежки, Нилу Адмирари —аршинъ холста на полотенецѣ“... (стр. 407) и т. п.

Разсказъ „Наши гласные“ (стр. 375—395) сплошь усыпанъ подобными перлами. Но я уже не стану показывать ихъ читателю... щадя самую пошлость г. Куцевскаго.

IV.

Въ базуновской коллекціи „современныхъ писателей“ г. Куцевскій стоитъ рядомъ съ г. Гл. Успенскимъ. Сопоставленіе знаменательное и для г. Гл. Успенскаго весьма поучительное. Оба писателя, вмѣстѣ взяты, представляютъ собою какъ-бы законченный кругъ процесса вырожденія эмпирической беллетристики. Одинъ изображаетъ изъ себя начальную, другой —конечную точку этого процесса. Переходъ отъ начала къ концу простъ и естественъ; очертить его можно въ немногихъ словахъ.

Въ началѣ беллетристъ-эмпирикъ всегда дѣлаеъ нѣкоторый выборъ между разнообразными явленіями конкретной дѣйствительности, доступными его умственному взору. Выборъ этотъ опредѣляется его міросозерцаніемъ, степенью его развитія, окружающею его средою и разными иными, болѣе или менѣе посторонними обстоятельствами. Не ко всѣмъ фактамъ жизни онъ относится съ одинаковымъ интересомъ; одни возбуждаютъ его вниманіе въ болѣе, другіе въ меньшей степени; отъ послѣднихъ онъ отворачивается, на первыхъ сосредоточиваетъ всю свою наблюдательность; ими-то обыкновенно и очерчивается въ началѣ кругъ дѣятельности беллетриста.

Попавъ въ этотъ замкнутый кругъ, онъ работаетъ на первыхъ порахъ весело и бодро; единичныя подробности, мелкія де-

тали, частныя явленія поражаютъ его своею новизною и оригинальностью. Онъ видитъ передъ собою жизнь, настоящую жизнь, онъ слышитъ живыхъ людей, онъ чувствуетъ себя на реальной почвѣ и ему кажется, что онъ открылъ неизсякаемый родникъ для своего вдохновенія. Но скоро онъ разочаровывается. Матеріаль, вчера еще представлявшійся неисощимымъ, сегодня уже весь исчерпанъ. Частныя, единичныя факты начинаютъ поражать его своимъ однообразіемъ, даже детали и подробности почти не мѣняются. Все одно и то-же да одно и то-же! Онъ понимаетъ, что, оставаясь на точкѣ зрѣнія чисто-эмпирическихъ наблюденій, онъ напрасно будетъ искать въ сферѣ своего замкнутого круга чего-нибудь новаго, оригинальнаго, чего-нибудь интереснаго. Если онъ не хочетъ повторяться, ему остается или совсѣмъ погнунуть беллетристическое поприще, или раздвинуть свой кругъ, расширить область своихъ эмпирическихъ наблюденій, или-же, наконецъ, измѣнить самый характеръ своихъ отношеній къ явленіямъ окружающей жизни, стараться возвыситься отъ частнаго къ общему, отъ единичнаго къ цѣлому, отъ внѣшняго и случайнаго — къ внутреннему, постоянному. Первый исходъ требуетъ для своего осуществленія такой значительной дозы самопознанія и самоотреченія, что онъ можетъ быть доступенъ только для очень немногихъ. Послѣдній возможенъ, какъ я старался показать выше, лишь при извѣстныхъ благопріятствующихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Разумѣется, для натуръ исключительныхъ, геніальныхъ, онъ возможенъ и помимо этихъ условій. Но я здѣсь имѣю въ виду не беллетристовъ геніальныхъ, а беллетристовъ заурядныхъ, не исключеніе, а общее правило.

Слѣдовательно, остается одинъ только второй исходъ; онъ доступенъ всѣмъ и каждому, а для человѣка, направливавшаго свою руку въ копированіи деталей, приспособившаго свои глаза къ микроскопическому изслѣдованію частныхъ, онъ представляетъ къ тому-же столько соблазнительныхъ прелестей, что отвернуться отъ него было-бы даже отчасти противоестественно.

И вотъ, мало-по-малу, беллетристъ-эмпирикъ, увлекаясь процессомъ микроскопическаго анализа, все болѣе и болѣе расширяетъ область своихъ наблюденій. Старый критерій, прежнія идеи, опредѣлившія въ началѣ кругъ дѣятельности беллетриста, отходятъ на задній планъ, ступшеваются, забываются. Разборчивость

въ выборѣ фактовъ, достойныхъ воспроизведенія, притупляется, утрачивается способность различенія важнаго отъ неважнаго, и беллетристъ въ концѣ-концовъ дописывается до „маленькихъ разсказовъ“ и „легкихъ набросковъ“ г. Куцевскаго.

Бокъ-о-бокъ съ измельчаніемъ сюжетовъ этой беллетристической „микроскопіи“ мельчаетъ и самый талантъ беллетриста. Г. Куцевскій, напр., какъ я уже замѣтилъ выше, не лишень ни наблюдательности, ни нѣкоторой способности къ психическому анализу. Въ его романѣ „Николай Негоревъ“ вы встрѣчаетесь съ несомнѣнными проблесками весьма недюжиннаго беллетристическаго таланта. И что-же, однако, вышло изъ этого таланта? Способность къ анализу, постоянно упражняемая надъ такими предметами, которые не заслуживаютъ не только вниманія, но даже и упоминанія, наблюдательность, направленная къ созерцанію разныхъ попоекъ и кутежей господъ купцовъ, къ изобличенію ихъ въ несоблюденіи постовъ и т. п., естественнымъ образомъ должны были выродиться, притупиться, потерять всю свою прежнюю силу и остроту. Могло-ли быть иначе? Всякая человѣческая способность, принадлежитъ-ли она къ категоріи такъ-называемыхъ психическихъ или чисто-физическихъ способностей, оставленная на долгое время безъ упражненія, соответствующаго ея дашной силѣ, въ концѣ-концовъ неизбѣжно ослабѣваетъ, а иногда даже и совсѣмъ атрофируется. Таковъ общій законъ. Какъ-бы ни были хорошо развиты ваши мускулы, но если вы не будете постоянно развивать ихъ работою, соответствующею ихъ силѣ, они утратятъ свою крѣпость, они перестанутъ оказывать вамъ и половину тѣхъ услугъ, которыя оказывали прежде. Точно также и беллетристъ не можетъ безнаказанно пренебрегать развитіемъ въ себѣ тѣхъ психическихъ свойствъ, которыя составляютъ его „художественный талантъ“. А для того, чтобы эти свойства могли постоянно развиваться и укрѣпляться, ему необходимо поддерживать ихъ въ должномъ напряженіи, ему не слѣдуетъ обращать ихъ на такую дѣятельность, при которой они могутъ пребывать въ мертвенномъ застоѣ, которая ихъ усыпляетъ и расслабляетъ. Въ области творческаго искусства, какъ и во всякой другой области, застои—неизбѣжный предтеча разрушенія и смерти.

Біографъ „Николая Негорева“ испыталъ силу этого закона

на собственной персонѣ. Неужели и г. Гл. Успенскому суждено подвергнуться тому-же испытанію?

Теперь еще его отдѣляетъ отъ г. Буцевскаго дистанція „благородныхъ размѣровъ“. Онъ не раздвинулъ еще окончательно того круга жизненныхъ явленій, которыя онъ давно уже сдѣлалъ главнымъ предметомъ своихъ эмпирическихъ наблюденій. Онъ по-прежнему упорно возится въ гниющихъ останкахъ „разореннаго“ гнѣзда, тщательно разыскиваетъ копошавшихся тамъ всяческихъ гадовъ и пресмыкающихся, и, вытащивъ ихъ изъ зловонной кучи мусора и пыли, подставляетъ подъ свой беллетристическій микроскопъ. Онъ по-прежнему занимаетъ насъ живописаніемъ скуки, пустоты и безсодержательности жизни людей „забитых“ и искалѣченныхъ „прижимкою“. По-прежнему міръ городского и пригороднаго пролетаріата, міръ мелкаго мѣщанства и чиновничества служитъ постояннымъ источникомъ для его вдохновенія, доставляетъ главный матеріалъ для его фотографическихъ работъ. Сравните изданный имъ теперь сборникъ его новыхъ очерковъ и рассказовъ („Глушь“) съ его „Разореніемъ“, „Растеряевою улицею“ и съ другими мелкими рассказами, вошедшими, если не ошибаюсь, въ первый томъ базуновской „Библіотеки современныхъ писателей“, и вы не найдете между ними ни малѣйшаго различія: тѣ-же сюжеты, та-же манера рассказа, то-же отношеніе къ описываемымъ явленіямъ. Никакой перемѣны ни въ чемъ, точно будто и „Разоренье“, и „Глушь“, и рассказы, вошедшіе въ новое базуновское изданіе, написаны имъ были въ одно и то-же время. А между тѣмъ между ними лежитъ промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ. И въ эти нѣсколько лѣтъ—ни шага впередъ. Дурной признакъ, и даже весьма дурной, въ особенности если принять въ соображеніе общій характеръ, такъ - сказать природу тѣхъ явленій, живописаніемъ которыхъ специально занимается г. Глѣбъ Успенскій.

Явленія эти, какъ я уже сказалъ, могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи. Одна обнимаетъ собою тѣ явленія, въ которыхъ болѣе или менѣе рельефно воплощается скука и безсодержательность жизни забитыхъ прижимкою людей; другая—явленія, выражающія отношенія этихъ людей къ постигнутому ихъ „разоренію“, ихъ пониманіе водворенныхъ среди нихъ новыхъ порядковъ. Первая категорія отличается устойчивымъ, постоян-

нымъ, почти неизмѣннымъ характеромъ. Для люда, искалѣченнаго прижимкою, послѣ-реформенная жизнь представляется почти настолько-же лишленною смысла и содержанія, какъ и жизнь до-реформенная. Ни та, ни другая не давала имъ ничего такого, что-бы могло разшевелить ихъ спящую мысль, возбудить въ нихъ какіе-нибудь интересы высшаго порядка. „Всемирный потопъ“, какъ выражается г. Успенскій, смыслъ, правда, многихъ съ тепленькихъ, насиженныхъ мѣстечекъ, у многихъ вынесъ изъ кармановъ вкусные и аппетитные куски, но за то не мало оказалось и такихъ людей, которыхъ онъ, нежданно-негаданно, возвысилъ изъ ничтожества и дотащилъ на своихъ волнахъ до тихаго и мирнаго пристанища. Затопленные и спасенные остались все тѣми-же допотопными людьми; въ ихъ экономическомъ положеніи произошла нѣкоторая перетасовка, но самое положеніе нисколько не измѣнилось. По-прежнему, погоня за кускомъ насущнаго хлѣба была для нихъ единственно серьезною цѣлью жизни, единственнымъ вопросомъ, способнымъ волновать ихъ мысль. Самые способы этой погони остались для нихъ (мелкаго чиновничества и мѣщанства) безъ всякой почти перемѣны. Время свободное отъ хлѣбосканія, время отдыха, рекреациі, и теперь, какъ прежде, рѣшительно нечѣмъ наполнить, кромѣ какъ водкою да разными супружескими и родительскими пререканіями. Пьянство и домашнее безобразіе и теперь, какъ прежде, являются единственно-возможнымъ исходомъ, единственнымъ спасеніемъ отъ давящей скуки, отъ невыносимой пустоты и безсодержательности жизни. И самая эта пустота и безсодержательность жизни отличается поразительнымъ однообразіемъ; обусловленная повсюду однѣми и тѣми-же причинами, она, разумѣется, и проявляется-то всегда будетъ подъ однѣми и тѣми-же формами. Такимъ образомъ, оказывается, что и причины, порождающія пустоту и безсодержательность жизни, и послѣдствія этой пустоты и безсодержательности, гнетущая скука, а затѣмъ водка и домашнія безобразія, выражаются совершенно въ одинаковыхъ конкретных фактахъ, возьмемъ-ли мы какого-нибудь Петра Кузмича или Ивана Матвѣича, какого-нибудь Одноглавова или Малинина и т. п. И сколько-бы мы ни возились съ этими фактами и какъ-бы мы ихъ ни перевертывали, мы все-таки не прибавимъ къ нимъ ничего новаго, ничего такого, что-бы могло существенно измѣнить ихъ общій однообраз-

ный характеръ. Отсюда ясно, что белетристъ, сдѣлавъ ихъ спеціальнымъ предметомъ своего наблюденія и своего воспроизведе- нія, очень скоро исчерпываетъ весь имѣющійся у него матеріалъ и затѣмъ пачетъ повторять самъ себя, пережевывать старую жвачку. И дѣйствительно, это уже и случилось съ г. Гл. Успенскимъ. Тѣ изъ его новыхъ рассказовъ, въ которыхъ онъ тщится, и не безъ успѣха, живописать намъ безсодержательную пустоту чинов- ничьяго житья-бытья (см., напр., рассказъ о Шелоговѣ въ „Буд- ни“, стр. 197—217), представляютъ собою не иное что, какъ простое воспроизведеніе нѣкоторыхъ изъ его старыхъ рассказовъ, написанныхъ на ту-же тему. И если онъ и на будущее время станетъ продолжать свои эмпирическія экскурсіи въ этой уже до- статочно извѣщенной имъ области, то можно опасаться, что его наблюдательность, играющая такую важную роль въ его творче- скомъ процесѣ, окончательно притушится, ослабнетъ, утратитъ всю свою теперешнюю живость и мѣткость.

Явленія второй категоріи по своему общему характеру суще- ственно разнятся отъ явленій первой категоріи. Отношенія заби- таго прижимкою люда къ постигшему его „потопу“ отлщаются сразнительно съ послѣдними и большимъ разнообразіемъ, и мень- шею устойчивостью, меньшимъ постоянствомъ.

Они непрерывно измѣняются и сегодня они уже не тѣ, что были вчера. „Старыя“ понятія, *донотопныя* идеи и привычки постепенно преобразуются подъ вліяніемъ „новыхъ порядковъ“, а „новые порядки“ подвергаясь, въ свою очередь, вліянію первыхъ, утрачиваютъ мало-по-малу часть своей новизны, теряютъ свой первичный характеръ, входятъ въ сдѣлки и компромисы съ жи- вучими остатками донотопной жизни. Это постоянное взаимодей- ствіе двухъ противорѣчивыхъ началъ, это приспособленіе стараго къ новому и новаго къ старому наполняетъ собою всю жизнь переживаемаго нами историческаго періода; оно составляетъ ея самый существенный, самый выдающійся интересъ; оно налагаетъ свою печать на всѣ ея разнообразныя отношенія, на всѣ кон- кретныя мелочи „окружающей насъ дѣйствительности“. Потому белетристъ, направляющій свою наблюдательность преимущественно на факты, характеризующіе это „приспособленіе“ хотя-бы въ предѣлахъ одного какого-либо общественнаго класса, никогда не почувствуетъ недостатка въ матеріалахъ для своего вдохновенія,

конечно, если только онъ не будетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Жизненный процессъ „приспособленій“ ни на минуту не останавливается; художникъ долженъ зорко слѣдить за его теченіемъ, онъ не долженъ терять изъ виду ни одной изъ его разнообразныхъ перипетій, въ противномъ случаѣ жизнь его обгонитъ и ему ничего болѣе не останется, какъ созерцать и воспроизводить одни „зады“.

Посмотримъ теперь, удовлетворяетъ-ли г. Успенскій этому условію, двигается-ли онъ впередъ? Посмотримъ, на-сколько въ его произведеніяхъ отражается то постоянно видоизмѣняющееся теченіе „процесса приспособленія“ стараго къ новому и новаго къ старому, о которомъ я только-что говорилъ.

V.

Когда „новые порядки“ неожиданно-негаданно „предъявились“ захолустнымъ обитателямъ нашей „глуши“, они произвели на нихъ въ первую минуту точно такое-же впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, „опарашенный“ невзначай ударомъ обуха по головѣ. При видѣ этихъ „чугунокъ“, этихъ новоставленныхъ станковыхъ и исправниковъ, неберущихъ взятокъ и говорящихъ съ мужикомъ на „вы“, они совсѣмъ ошалѣли, выпучили глаза, разинули рты и, съ испугомъ оглядываясь по сторонамъ, вопрошали другъ друга: „Какъ? что? почему? въ какомъ смыслѣ?“ Не получая ни отъ кого толковыхъ отвѣтовъ на такое неумѣстное проявленіе любопытства и чувствуя въ то-же время, что волны „всемірнаго потопа“, подымаясь все выше и выше, неудержимо стремятся смыть ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, они, какъ угорѣлые, стали метаться изъ стороны въ сторону, то проклиная, то благословляя, то умолая, то угрожая, то ликуя, то рыдая. Сумбуръ вышелъ страшный. Но среди этого всеобщаго хаоса, этого поголовнаго смятенія, одно было ясно какъ день: нужно приноровиться. Нельзя прать противъ рожна. Всякій почувялъ, что жить „по-старому“ нельзя, надо „по-новому“. — „Теперь, матушка, начинаешь поучать супругъ Одноглавовъ свою почтенную половину, — и бить ребяты перестали! Розгу надо забросить, вотъ что я тебѣ скажу! Теперь, другъ любезный, во всемъ пошла свобода!

Вотъ, что я тебѣ скажу!“ — „Забросить розгу? восклицаетъ ошеломленная супруга. — Что-же, забрось! Я посмотрю, какъ ты, уснешь-ли хоть на одну минуточку...“ — „Посмотри!“ — „Посмотрю! это очень любопытно... Не бить!“ — „Да, настойчиво говорить мужъ, — не бить! И больше ничего. Полная свобода во всемъ“... И затѣмъ на всѣ дальнѣйшія представленія жены и кухарки онъ упорно возглашалъ: „Никакихъ розогъ! Ни-ка-кихъ!“ (Глушь, стр. 39, 40).

Частный приставъ, въ интересахъ того-же „приспособленія“, ежесекундно подлетаетъ къ дому „новаго“ начальства съ докладами о разныхъ городскихъ происшествіяхъ, а когда происшествій нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, съ успокоительнымъ словомъ: „Все въ порядкѣ-съ!“ И нѣтъ ни одного разбитаго глаза, вырваннаго волоса, обожженнаго пальца, раскровавленнаго носа, о которыхъ-бы немедленно и во всей подробности не доводилось до свѣденія попечительнаго начальства (ib., стр. 42—44).

И въ семейной, и въ общественной жизни каждый норовитъ показать себя „новымъ“. Однако, это благородное увлеченіе не могло продолжаться долго. Юное поколѣніе чиновника Одноглавова, освобожденное отъ „розогъ“, начало столь неумѣренно пользоваться своею свободою, что терпѣніе „новаго“ папеньки, наконецъ, лопнуло. „Р-р-ро-зогъ!“ зычнымъ голосомъ прогремѣлъ онъ въ одинъ прекрасный день, — и свободѣ насталъ конецъ (стр. 41). „Ну, батюшки, говорилъ реформаторъ впоследствии, — я эту свободу-то очень, очень хорошо знаю... Она у меня вотъ гдѣ сидитъ!“

Частнаго пристава постигло разочарованіе еще горше: его ежесекундное врываніе въ начальнической кабинетъ съ докладами о „выѣденномъ яйцѣ“ до такой степени прискучили „новой“ власти, что въ одно, тоже прекрасное, утро она ему категорически заявила: „Потрудитесь подать просьбу объ отставкѣ“. — „Я говорила тебѣ, съ злораднымъ торжествомъ пробирала его супруга, — я говорила тебѣ, что не надо соваться, а дѣлалъ-бы по-старому, какъ прежде...“ — „Да вѣдь для общества, пытается оправдаться злосчастный ревнитель общественной тишины и спокойствія. — Говорятъ, нерасторопень... Ну, вотъ я и... Чортъ ихъ разберетъ, чего имъ“ (стр. 44).

„Чортъ разберетъ, чего имъ!“ это восклицаніе стало разда-

ваться все чаще и чаще, обыватели начали мало-по-малу убѣждаться, что, дѣйствительно, одинъ только чортъ можетъ разобрать, „чего надо имъ...“ этимъ „новымъ порядкамъ“. Разумѣется, въ подобномъ убѣжденіи не было ничего успокоительнаго. Напротивъ, оно нагнало на ихъ души еще пушій страхъ. И они съ какимъ-то не то озлобленіемъ, не то индиферентизмомъ опустили руки, рѣшивъ про-себя, что такъ-какъ на „новые порядки“ потрафить трудно, то лучше уже на время смолкнуть, съежиться и ни единымъ знакомъ не заявлять о своемъ существованіи. „Подать прошеніе, разсуждаетъ бѣдный захолустный учитель, обремененный семьею и незнающій, какъ сводить концы съ концами, — подать можно, отчего не подать. А ну-ка, да вѣпятся? То-то, брать!.. Мнѣ и самому частенько-таки въ голову забредаетъ—семь, молъ, куда-нибудь прошеніе... попрошу... авось... Иной разъ даже и очень тебя буравить: „подай, подай!“ Ну, боюсь! Время лютое. Кажется, и ничего-бы, а боишься... Кажется, и резоны есть, и законныя основанія, а подумашь... и неловко...“ (стр. 23).

Разумѣется, въ такомъ мучительномъ состояніи страха и неизвѣстности человѣкъ—какъ-бы ни былъ онъ ошарашенъ—находиться долго не можетъ. Простой инстинктъ самосохраненія заставитъ его, наконецъ, шевельнуть мозгами, заставить постараться понять свое положеніе. И дѣйствительно, обитатели „глуши“ и „разореннаго гнѣзда“, въ лицѣ своихъ наиболѣе интеллигентныхъ представителей, въ родѣ волостного писаря, помѣщичьяго управляющаго и т. п., почувствовали потребность выикнуть въ суть „новыхъ порядковъ“ и уяснить себѣ разъ на всегда, что это за штука такая.

Вотъ какъ передаетъ намъ белетристъ эти первые проблески „выиканія“ и „уясненія“.

„Многіе не понимаютъ порядковъ-съ! ораторствуетъ волостной писарь, гордый сознаниемъ, что онъ не принадлежитъ къ числу этихъ „многихъ“.—Такъ вотъ иной шумитъ, шумитъ, а что такое? Дѣло, точно, что было, посадили одну женщину въ темную, ну, только это на томъ основаніи, что самовольно она его (своего сына) изуродовала. Нонче этого нельзя. Первымъ долгомъ въ настоящее время надо подавать жалобу... Если если-бы она пришла къ господамъ судьямъ да попросила-бы ихъ: „позвольте, молъ, мнѣ солдатъ казенныхъ, я женщина слабая, не могу сына

моего выучить... удержать, напимѣрь, не въ силахъ“. Ни слова-бы ей никто не сказалъ! Надобно первымъ долгомъ доложить, спроситься... А то, эва, начала его трепать самовольно... надо спроситься“. „Ноньче, братъ, Европу стараются водворить, а не по-свински... Сначала поди-ка доложи да спросись, а потомъ бей! Да и то оглядывайся, какъ-бы самого не чесанули... Такъ-то!“ (стр. 16, 17).

Управляющій генеральши, также какъ и писарь, является рѣшительнымъ сторонникомъ „новыхъ порядковъ“, но онъ понимаетъ ихъ нѣсколько глубже, чѣмъ послѣдній. По его мнѣнію, „новый духъ и форматъ“, который „пошелъ теперь повсюду“, требуетъ, „чтобы все, какъ-бы сказать, вывернуть противу прежняго. Будемъ говорить такъ: я погнулъ двѣсти пудовъ сѣна, предположимъ; зная науку, я не долженъ этого опасаться, потому въ то-же время я получаю удобреніе...“ „Слѣдовательно, я долженъ вводить новый порядокъ, фасонъ... Телѣги у меня будутъ ѣздить въ поле съ флагами. Далѣе: устраивается деревянная башня для обзору, а равно и для набатовъ. Еще-съ: теперь, даже сію минуту, поспѣваютъ моего изобрѣтенія грабли... Слѣдовательно, мы уже не можемъ оставаться при старыхъ порядкахъ, тѣмъ болѣе, что я съ работника моего могу требовать самую послѣднюю каплю, ибо, коли ежели да при реформахъ... такъ вѣдь я его, шельму...“ (ib., стр. 25, 26).

Очевидно, обыватели „глуши“ не могли долго довольствоваться этими чересчуръ уже смутными проблесками „сознанія“. Благодаря указаніямъ просвѣщенныхъ людей въ родѣ писаря и управляющаго, „идея“ новыхъ порядковъ должна была значительно упроститься въ умахъ: она стала вполне доступною ихъ пониманію. А разъ они ее поняли,—хотя-бы даже и такъ, какъ ее понималъ писарь,—для нихъ должно было сдѣлаться, и дѣйствительно сдѣлалось ясно какъ день, что ломать имъ себя для этого „новаго духа и формата“ совсѣмъ не приходится. „Духъ-то“ оказался давно имъ знакомымъ, ну, а „форматъ“-то... форматъ-то можно и передѣлать. И вотъ начинается второй фазисъ процесса „приспособленія“: приспособленіе не стараго къ новому, а новаго къ старому. Обыватели, полусознательно, полунинстинктивно, вступаютъ въ упорную, то въ скрытую, то явную борьбу съ „новымъ форматомъ“. Страхъ и смятеніе исчезаютъ; въ душѣ

„ошарашеннаго люда“ снова водворяется миръ и спокойствіе. вмѣстѣ съ страхомъ испаряется и прежнее озлобленіе. Обыватели перестаютъ теперь возмущаться этимъ, когда-то столь не любезнымъ имъ „форматомъ“, они уже не противятся ему и не отрицаютъ его, они только „измѣняютъ“ его, измѣняютъ тихо, медленно, постепенно, но неуклонно и безостановочно...

Вступили-ли мы въ этотъ фазисъ? Или мы все еще въ страхѣ и смятеніи ломаемъ наши бѣдныя головы надъ раскусываніемъ вопроса: что это за штука такая „новый форматъ“?

Сомнѣваюсь, чтобы среди моихъ читателей нашелся хотя одинъ такой непроницательный человекъ, который-бы далъ „отрицательный“ отвѣтъ на первый вопросъ и „положительный“ — на второй. Всѣ мы знаемъ, несомнѣнно знаемъ, что второй фазисъ „приспособленія“ наступилъ уже довольно давно и что едва-ли есть теперь такая „глушь“, такое „разоренное гнѣздо“, въ которомъ-бы вопросъ о „новомъ форматѣ“ серьезно занималъ и мучилъ обывателей.

Но г. Успенскій совершенно игнорируетъ этотъ фактъ. Явленія „второго фазиса“ не привлекаютъ къ себѣ его вниманія; онъ какъ-будто не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать ихъ. Онъ все еще никакъ не можетъ выйдти изъ той области фактовъ, которые характеризуютъ обывательское „разореніе“, хотя эти факты уже стали достояніемъ прошлаго. Онъ все еще продолжаетъ воспроизводить передъ нами давно знакомыя намъ фигуры обывателей, „ошарашенныхъ новыми порядками“, хотя подобныя обыватели стали уже теперь археологическою находкою. Да, г. Успенскій рѣшительно не слѣдитъ за теченіемъ жизни; онъ приросъ къ одной точкѣ, къ одной группѣ конкретныхъ явленій, и не хочетъ сдѣлать ни шагу впередъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого упорнаго стоянія на одномъ мѣстѣ всегда бываетъ то, какъ я уже сказалъ выше, что белетристъ - эмпирикъ впадаетъ, мало-по-малу, въ „старческое безпамятство“. Онъ начинаетъ повторяться, онъ рассказываетъ по десяти разъ объ одномъ и томъ-же. Г. Успенскаго, кажется, уже посѣтила эта старческая немочь. Кто читалъ, напр., его повѣсти и рассказы, изданные года 2—3 тому назадъ г. Базуновымъ, тотъ не найдетъ въ его „Глуши“ рѣшительно ничего новаго. Стоитъ переимѣнить заглавія, переимѣнить имена дѣйствующихъ лицъ — и г. Базуновъ можетъ вчи-

нить къ г. Успенскому искъ за перепечатку проданнаго ему, Базунову, изданія. Прискорбно, весьма прискорбно, особенно если принять во вниманіе, что г. Успенскій написалъ, сравнительно говоря, довольно еще мало и что на него все еще смотрять какъ на „начинающаго“ и „подающаго надежды“. Начинать-же съ повтореній—это уже совсѣмъ не годится.

Однако, какъ все это ни печально, но есть одно обстоятельство, еще болѣе печальное. Г. Успенскій, какъ кажется, уже самъ начинаетъ сознавать, что отмежеванное имъ себѣ поле наблюденія приближается къ окончательному истощенію, что пора его расширить... Какъ?—А такъ-же, какъ и г. Куцевскій. Отказаться отъ излишней шепетильности въ выборѣ предметовъ, „достойныхъ наблюденія“, хватать за шиворотъ cadaго изъ мимоидущихъ людей и безъ всякихъ разговоровъ и объясненій, не медля ни минуты, тащить его въ свою беллетристическую дагеротипию. Это очень просто и очень удобно. Не правда-ли, г. Успенскій?—Вѣрно, что да; по крайней мѣрѣ, въ его послѣднемъ сборникѣ есть цѣлый отдѣлъ („Изъ столичной жизни“) дагеротиповъ съ невзначай встрѣченныхъ прохожихъ *). Какъ, зачѣмъ и для чего они туда попали, какая надобность была тратить и время, и бумагу на ихъ воспроизведеніе? На эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: авторъ „Разоренія“ и „Нравовъ Растеряевой улицы“, замѣчая, что въ предѣлахъ своего „спеціальнаго“ круга наблюденій онъ уже совершилъ все, что могъ совершить, начинаетъ, à la Куцевскій, вводить въ него все, что только попадется подъ руку. По крайней мѣрѣ, его очерки „изъ столичной жизни“ смѣло могутъ выдержать конкуренцію съ любымъ изъ „маленькихъ рассказовъ“ и легкихъ „набросковъ“ почтеннаго біографа Николая Негорсва. Та-же безсодержательность, та-же мелочность, та-же, если можно такъ выразиться, плоскость и небрежность въ отдѣлкѣ сюжета. Читая ихъ, особенно „легкій набросокъ“ о дворникѣ и „маленькій рассказъ“ „Обстановка“, можно даже подумать, что г. Успенскій просто по ошибкѣ и недосмотру внесъ въ свой сборникъ чужую автор-

* Я говорю о слѣдующихъ рассказахъ: Дворникъ, По черной лѣстницѣ, Швея и Обстановка (стр. 127—190).

скую собственность, что онъ совершилъ нѣкоторый плагиатъ... относительно г. Куцевскаго.

Что-же это такое? Начальная точка процесса вырожденія эмпирической беллетристики уже дѣлаетъ попытки сблизиться съ его конечною точкою. Не слишкомъ ли это скоро? Неужели запасъ вашихъ средствъ, г. Успенскій, на-столько уже истощился, что вы не въ силахъ поддержать себя хоть на той высотѣ, на которой пока еще стоите? Вспомните, что нѣкоторые наши кригики еще очень недавно ставили ваше имя рядомъ съ именами Шедрина, Островскаго и даже, если память меня не обманываетъ, Гоголя... И изъ Гоголя-то вдругъ превратиться въ Куцевскаго! Вотъ такъ метаморфоза, почище будетъ овидіевыхъ метаморфозъ. Но вы можете еще ся избѣжать. Конечно, къ ней влекутъ васъ не-удержимо самыя свойства вашего таланта,—таланта, недущаго далѣе чисто-эмпирической обработки даннаго конкретнаго факта; конечно, нельзя думать или, по крайней мѣрѣ, весьма рискованно предполагать, будто вы можете измѣнить по доброй волѣ характеръ и природу своего таланта. Но вы можете не суживать безъ всякой надобности кругъ тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя вы избрали главнымъ предметомъ своихъ наблюдений, съ которыми всего болѣе гармонируетъ и ваше душевное настроеніе. Явленія эти постоянно измѣняются, постоянно отливаются въ новыя и новыя формы; слѣдите за этими видоизмѣненіями, не прилѣпляйтесь къ какой-нибудь одной изъ этихъ формъ—и у васъ никогда не будетъ недостатка въ живомъ матеріалѣ, и вамъ не зачѣмъ будетъ „ловить“ свои сюжеты на улицѣ...

Но что-же это? я начинаю впадать въ дидактическій тонъ, наводящій всегда скуку на читателей; да я и самъ уже начинаю ее испытывать. Впрочемъ, можетъ быть, это происходитъ оттого, что я приближаюсь къ господину Петру Боборыкину... А chaque seigneur—hopneur! Однако, возданіе должной ему чести мы должны отложить до слѣдующей статьи, которая будетъ посвящена нашимъ беллетристамъ-метафизикамъ. Г. Боборыкинъ, хотя и не чуждъ эмпиризма, но все-таки онъ болѣе метафизикъ (въ области психологіи), чѣмъ эмпирикъ. Слѣдоват. о немъ рѣчь впереди.

II. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ.)

НОВЫЯ КНИГИ.

Курсъ статистики, съ 2 политипажами и картою населенности Россіи.
Составилъ Н. Карсевичъ. Спб., 1874 г. Изд. «книжнаго магазина
для иногородныхъ».

По ясности изложенія, искусной группировкѣ и толковому выбору статистическихъ фактовъ руководство г. Карсевича принесетъ несомнѣвную пользу не только учащейся молодежи, для которой оно собственно и предназначено, но и каждому образованному читателю. Въ нашей литературѣ очень много сочиненій по статистикѣ, а въ иностранной ихъ несмѣтное количество, но все это по большей части изданія дорогія, многотомныя, трактующія иногда о какомъ-либо специальномъ вопросѣ, а главное—рѣдко знакомящія русскаго читателя, въ общемъ очеркѣ, съ статистикою Россіи. Руководство г. Карсевича въ этомъ отношеніи является очень кстати; по цѣнѣ своей (1 р. 50 к.) оно доступно большинству читающей публики и, кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ весьма удачный сводъ всѣхъ важнѣйшихъ свѣденій относительно Россіи. Очень жаль только, что авторъ, примѣняясь къ програмѣ училищъ, для которыхъ онъ составлялъ свое руководство, выпустилъ изъ него самыя интересныя и очень важныя отдѣлы, какъ, напр., статистику просвѣщенія и статистику общественной нравственности. Едва-ли эти отдѣлы, а также не менѣе важная статистика кредита заняли-бы много мѣста при умѣнши авторъ выражаться сжато. Выпустить эти отдѣлы изъ курса статистики—значитъ нарисовать фizioномію и не помѣстить на ней носа. Общественная нравственность есть слишкомъ важный элементъ въ государственномъ быту націи, чтобы можно было ее игнорировать. Всѣ промышленныя, экономическія и біологическія отношенія, выражающіяся въ цифрахъ, складятся въ одномъ общемъ пунктѣ—въ общественной нравственности. Первыя отношенія суть причины, національная-же нравственность—послѣдствіе этихъ причинъ. Авторъ довольно подробно распространился о промышленной и экономической дѣятельности Россіи, но ничѣмъ нельзя было-бы разъяснить такъ хорошо смыслъ и направленіе этой дѣятельности, какъ

безпристрастнымъ изложеніемъ фактовъ общественной нравственности. О важности статистики просвѣщенія нечего, разумѣется, и говорить; ея отсутствіе въ руководствѣ г. Карасевича необъяснимо тѣмъ болѣе, что авторъ, такъ дорожившій истомъ, могъ-бы ввести ее въ свою книгу на счетъ множества излишнихъ подробностей въ статистикѣ движенія населенія или даже промышленныхъ отношеній.

Нельзя не упрекнуть также г. Карасевича въ ошибкахъ, въ которыя обыкновенно впадаютъ всѣ составители учебниковъ. По общепринятому обычаю, онъ въ самомъ началѣ старается дать какъ можно болѣе рѣзкое и догматическое опредѣленіе статистикѣ, и потому оно, какъ и всѣ школьныя опредѣленія, улечивается въ общихъ фразахъ. Начать съ того, что статистика вовсе не наука, какъ называетъ ее г. Карасевичъ. По крайней мѣрѣ, это очень и очень спорный вопросъ, весьма далекій отъ разрѣшенія. Статистикъ можетъ быть столько, сколько существуетъ на земномъ шарѣ человѣческихъ обществъ. Въ высшей степени странно читать, когда г. Карасевичъ для поясненія статистическихъ законовъ, которыхъ совершенно и не бываетъ, прибѣгаетъ къ физикѣ. Напротивъ, между физическими и общественными явленіями, которыя констатируются статистикой, существуетъ крайне рѣзкій контрастъ. Физика имѣетъ дѣло съ непреложными и постоянными явленіями, которыя если не существуютъ въ данный моментъ, то возможны въ будущемъ,—слѣдовательно, вообще съ явленіями потенциальными; статистика-же всегда имѣетъ дѣло съ фактами существующими. Она опирается не на идеаль, — для этого у нея нѣтъ никакихъ данныхъ,—но на то, что у ней передъ глазами, а передъ глазами у нея, безъ сомнѣнія, далеко не все то, что должно существовать для того, чтобы выводить законы нормальной общественной жизни. Самое большее, чего достигаетъ статистика, это то, что она показываетъ, что извѣстный фактъ существуетъ. Она даже и не методъ, именно потому, что она только обнаруживаетъ наличность извѣстнаго общественнаго явленія. Она не показываетъ, на-сколько это явленіе вытекаетъ изъ случайнаго состоянія общественнаго организма и на-сколько оно есть пороженіе его неизбѣжнаго естественнаго состоянія. Если-бъ она это показала, она была-бы наукой и ея законы имѣли-бы силу и въ сѣ физическихъ законовъ. Г. Карасевичъ говоритъ, что, подобно физикѣ, статистика учитъ насъ, что извѣстное явленіе должно случиться при извѣстныхъ условіяхъ, и это будто-бы даетъ статистикѣ право быть наукой. Но это большая разница, г. Карасевичъ. Физика *сначала* наблюдаетъ условія, при которыхъ совершаются явленія, такими, какими ихъ даетъ реальная природа, т. е. въ естественномъ видѣ и въ воли и человѣка, и затѣмъ уже она воспроизводитъ искусственно эти условія и выводитъ законы. Она не выдумываетъ эти условія и не рассматриваетъ ихъ черезъ призму случайнаго, искусственнаго состоянія соціальной обстановки.

Будутъ-ли люди бѣдны или богаты, больны или здоровы, стары или молоды, надъ ними непрежѣнно будутъ тяготѣть законы теплоты, притяженія, инерціи и т. п. Но если для того, чтобы стряхнуть съ себя оковы закона, нѣтъ стоитъ только разогнуть свое туловище и раскрыть зажмуренные глаза, то, очевидно, меня давилъ не законъ, но самая нелѣпая, противоестественная случайность.

Мы не знаемъ, на-сколько вѣски возбужденныя нами сомнѣнія противъ научнаго значенія статистики, но, во всякомъ случаѣ, эта научность ни чуть не доказана г. Карасевичемъ, равно какъ и всѣми учеными, которые пытались возвести статистику на степень науки. Кетле, напр., называетъ ее «физикой общества», а Баумгауеръ „физиологіей общества“. Но физиологія есть наука, которая показываетъ, при какихъ тѣлесныхъ условіяхъ человѣкъ можетъ правильно развиваться,—слѣдовательно, и статистика, согласно Баумгауеру, должна показывать, при какихъ общественныхъ условіяхъ общество можетъ правильно развиваться. Извѣстно, однако, что статистика и не думаетъ этимъ заниматься. Еще неудачнѣе опредѣляетъ статистику самъ г. Карасевичъ. Онъ говоритъ, что „статистика, имѣя предметомъ своимъ постоянно измѣняющееся и отыскивая законы этой измѣняемости, стремится сдѣлаться наукой точной, т. е. основанною на числахъ и выводящую формулы математическимъ методомъ“. Нелогичность такого разсужденія слишкомъ очевидна. Изъ прямого факта можно сдѣлать кривой выводъ; одно явленіе можно считать причиной другого, тогда какъ оно есть слѣдствіе его, и т. д. Обладать точнымъ фактомъ—значитъ обладать только половиной истины; другая состоитъ въ умѣннѣи опредѣлить, составляетъ-ли этотъ фактъ результатъ нашей глупости, невѣжества, случайныхъ несчастій или онъ порожденъ неизбѣжнымъ порядкомъ вещей, какъ біеніе пульса физиологическимъ актомъ кровообращенія. Еще неудачнѣе сопоставленіе статистики съ исторіей; мы не понимаемъ, почему г. Карасевичъ называетъ «знаменитою» фразу Шлепера, сказавшаго, что статистика есть остановившаяся исторія, а исторія—непрерывная, движущаяся статистика. Фраза эта просто нелѣпость, хотя и сказанная знаменитымъ человѣкомъ; никакого смысла она не имѣетъ. Не имѣетъ смысла и слѣдующее сравненіе г. Карасевича: «Исторія, говоритъ онъ,—сводитъ событія, чтобы ихъ различить; статистика сводитъ, чтобы ихъ объединить. Матеріалъ для статистики составляютъ преимущественно проявленія внутренней жизни народа; матеріалъ для исторіи—преимущественно факты внѣшней дѣятельности народа». Здѣсь, что ни слово—выдумка и изузительно отважное кассированіе самыхъ установившихся, элементарныхъ положеній. Нѣтъ такой науки, которая-бы не старалась объединять факты или событія. Каждая наука сперва различаетъ, а потомъ соединяетъ; если наука останавливается на различеніи, то она, значитъ, не доросла еще до науки, до объединения. Что-же касается ма-

теріяла статистики и исторіи, то безъ дальнѣйшихъ разсужденій мы со- вѣтовали-бы г. Карасевичу выбросить эти соображенія изъ слѣдующихъ из- даній своего «Курса», если, конечно, публика почтитъ его своимъ вниманіемъ.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ читателей упрекнетъ насъ за то, что мы слишкомъ долго остановились на опредѣленіи г. Карасевича. Но мы не можемъ признать такой упрекъ справедливымъ. Полезное вліяніе науки опредѣляется главнымъ образомъ достоинствомъ того общаго міровоззрѣ- нія, которое вытекаетъ изъ частныхъ анализовъ фактовъ, съ которыми наука эта имѣетъ дѣло. Конечная цѣль каждой науки есть общественное благо, и для человѣчества несравненно важнѣе знать, чего не даетъ ему наука, чѣмъ то, что она даетъ ему. Наука, которая показываетъ, какъ общество топчется на одномъ мѣстѣ, не есть наука, потому что благо общества заключается въ нормальномъ и непрерывномъ движеніи впередъ.

Во всякой наукѣ опредѣленія имѣютъ существенное значеніе, но въ политической экономіи, о которой такъ много говоритъ г. Карасевичъ въ своемъ «Курсѣ», опредѣленія получаютъ особую важность, потому что они предрѣшаютъ методъ изслѣдованія и даже выводы изъ наблюдаемыхъ фактовъ. Ни съ однимъ политико-экономическимъ опредѣленіемъ г. Кар- севича не согласится безпристрастный и мыслящій читатель. То, что онъ выдаетъ въ своемъ «Курсѣ» за политическую экономію или за науку о народномъ хозяйствѣ, вовсе не наука, но сборъ мнѣній одной партіи, одной школы, выводы которой въ настоящее время безъ труда опровергаются школой противоположной. Безпристрастное отношеніе къ предмету требовало хоть упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о существо- ваніи другой школы, ученіе которой несогласно съ мнѣніями самого г. Кар- севича. Но если онъ нашелъ и это неудобнымъ, то не лучше-ли было помолчать о политической экономіи, чтобъ не сбивать съ толку неопытную молодежь и не затруднять для нея въ будущемъ дѣло самостоятельнаго усвоенія политико-экономической науки борьбой противъ заранее навязанныхъ мнѣній и взглядовъ?

Разсматривая бѣгло статистическій матеріалъ, обработанный г. Кар- севичемъ, мы находимъ, что большая часть собранныхъ имъ фактовъ и объясненій довольно удачна. Только въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о фабрично-заводской промышленности (стр. 291), намъ кажется, что его толкованія крайне поверхностны и неудовлетворительны. Онъ при- водитъ весьма интересную таблицу, заимствованную, вѣроятно, изъ Воен- но-статистическаго Сборника,—таблицу, которая бросаетъ очень много свѣта на экономическое положеніе Россіи.

Въ этой таблицѣ показано развитіе фабрикъ и заводовъ въ слѣдующей постепенности:

Годы:	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.
1765	262	37,682	5 мил.
1804	2,423	95,202	26 „

1850	9,843	517,679	166	„
1865	23,050	459,190	397	„
1866	84,944	919,025	650	„

Такия громадныя колебанія въ количествѣ фабрикъ не могутъ объясняться только тѣмъ, что до 1863 года, какъ говоритъ г. Карасевичъ, заводы, обложенные акцизомъ, не входили въ счетъ. Съ 1765 г. до 1804 ежегодно открывалось по 55 фабрикъ, съ 1804 до 1850—по 161 фабрику въ годъ, съ 1850 до 1865 количество открываемыхъ фабрикъ возрасло до 880 въ годъ, и, наконецъ, въ одинъ 1866 годъ ихъ открыто 61,894. Здѣсь играютъ роль болѣе солидные моменты. Замѣчательно, что число фабрикъ стало быстро увеличиваться послѣ освобожденія крестьянъ, которое, какъ извѣстно, дало, вслѣдствіе многихъ причинъ, громадный, но насильственный толчокъ фабричному производству, и, такимъ образомъ, перевело крестьянъ изъ рукъ помѣщиковъ въ руки заводчиковъ и фабрикантовъ. Выяснить всѣ эти причины обязанъ былъ г. Карасевичъ, такъ какъ онѣ составляютъ прямой предметъ статистики и, кромѣ того, имѣютъ чрезвычайную общественную важность.

Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе рассказы Е. Н. Водовозовой. Томъ I. Жители юга. Съ 25 рисунками В. М. Васнецова. Спб., 1874.

Г-жѣ Водовозовой пришла на умъ счастливая мысль «дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейскихъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ сословій или образованныхъ классовъ, т. е. познакомить съ понятіями народа, выражающимися въ наиболѣе живучихъ его обычаяхъ, въ самомъ складѣ его общественной и семейной жизни, съ степенью развитія въ массахъ и съ ихъ экономическимъ положеніемъ» (Пред., стр. V). Цѣлесообразность подобнаго труда не подлежитъ сомнѣнію, и планъ, предначертанный г-жей Водовозовой, если только онъ придется по ея силамъ и хорошо будетъ исполненъ, заслуживаетъ полного нашего вниманія... До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только первый томъ ея сочиненія, обнимающій жителей юга, т. е. европейской Турціи, Албаніи, Болгаріи, Черногоріи, Сербіи, Румыніи, Греціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Франціи и Швейцаріи,—послѣдней, какъ страны, составляющей переходъ отъ юга Европы къ ея центру. Въ бойкомъ рассказѣ авторъ довольно выразительно обрисовываетъ каждую народность и, не смущаясь ея политическимъ ничтожествомъ, съ любовью останавливается на ея обычаяхъ, вѣрованіяхъ, исторіи, на развитіи ея культуры и экономического быта. Мы не можемъ, однако, не замѣтить, что

трудъ автора, несмотря на обстоятельное и живое изложеніе отдѣльныхъ частностей, несмотря на все усердіе, приложенное авторомъ къ своему дѣлу, производитъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе, вслѣдствіе недостатка, котораго самъ авторъ, повидимому, и не подозреваетъ. Трудъ его страдаетъ, если можно такъ выразиться, излишней описательностью и недостаткомъ научной обработки тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которыми располагалъ авторъ. Въ предисловіи г-жа Водовозова, укоряя литературу за ея пристрастіе къ нѣкоторымъ излюбленнымъ народностямъ и государствамъ, справедливо говоритъ: *«между тѣмъ у науки не должно быть своихъ любимцевъ»*; для нея одинаково интересны и какой-нибудь патриархальный черногорецъ, и дикій, необузданный, во многихъ уголкахъ еще совсѣмъ нетронутой образованіемъ албанецъ, и изысканный, переживающій, такъ-сказать, ультра-цивилизацию парижанинъ». Прекрасно, но у какой науки? Объ ней-то и нельзя составить никакого понятія изъ сочиненія г-жи Водовозовой. Какъ ни интересны ея описанія, но подтѣ конецъ они утомляютъ, и, какъ мы думаемъ, единственно вслѣдствіе недостатка научнаго руководящаго принципа и общихъ критеріевъ. Напрасно, г-жа Водовозова исключила изъ своего сочиненія сравнительную этнографію и антропологию: это придало-бы научный характеръ ея сочиненію и освѣтило-бы интереснымъ свѣтомъ картину нравовъ и физическихъ особенностей народовъ, жизнь которыхъ она изображаетъ. Все интересно только тогда, если понятно. Какъ ни мастерски рассказываетъ г-жа Водовозова объ обычаяхъ, повѣрьяхъ и предрассудкахъ различныхъ народовъ, но въ этомъ еще немного пользы. Кромѣ анекдотическаго интереса, такія описанія никогда ничего не возбуждаютъ въ умѣ читателя. Обычай можно изображать съ двухъ точекъ зрѣнія: такъ, какъ ихъ изображаютъ праздношатающіеся туристы и любители свѣжихъ ощущеній, чтó очень скучно и всегда безцѣльно; или-же обычай можно разсматривать, какъ общественно-психологическое явленіе, имѣющее свои корни въ исторіи умственнаго развитія народа, и тогда это весьма любопытно и занимательно. Г-жа Водовозова иногда чувствовала потребность хоть своимъ умомъ доходить до причинъ извѣстныхъ обычаевъ, но ея странныя объясненія вызываютъ невольную улыбку. Такъ, рассказывая, что албанцы всегда похищаютъ себѣ женъ изъ чужого племени, она говоритъ: „Но почему, вѣроятно, спросятъ читатели, они считаютъ необходимымъ похитить жену, взять ее силою, тогда какъ это можно было-бы устроить мирнымъ путемъ, просто-на-просто пріѣхать въ домъ отца дѣвушки, которая понравилась мирдиту, и посватать ее?“ Это они и сами не объясняютъ вамъ... Обычай такой, да и только, но укоренился-то этотъ обычай, вѣроятно, потому, что мирдиты народъ невѣжественный и неразвитый и смотрятъ на всякій захватъ, какъ на самый похвальный поступокъ; поэтому и въ бракѣ они считаютъ гораздо благороднѣе получить

жену силу, чѣмъ съ ея согласія“ (стр. 63). Какъ просто, въ самомъ дѣлѣ, объясненія г-жи Водовозовой: „обычай такой, да и только“, „невѣжественность и неразвитость“. Но это не языкъ науки, какъ согласится, вѣроятно, и сама г-жа Водовозова. При такомъ объясненіи каждый обычай представляется нелѣпостык, капризомъ національности или результатомъ невѣжества. Современная наука пришла къ тому выводу, что каждый обычай непременно имѣлъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ вполнѣ рациональныя основанія и мотивировался полезностью или даже необходимостью. Вотъ почему современная наука стремится изучить это прошлое и стать на точку зрѣнія народа, выработавшаго себѣ извѣстный обычай. Обычай можетъ утратить всякій смыслъ и все-таки долго жить въ народѣ, но это только характеризуетъ психическую природу націи, а не доказываетъ нелѣпости или необъяснимости обычая. Извѣстно, напр., что человѣку свойственно, при многихъ душевныхъ движеніяхъ, невольно совершать массу совершенно ненужныхъ и необъяснимыхъ жестовъ, но которые, какъ доказано, имѣли глубокой смыслъ въ ранній періодъ жизни человѣка. Кажется, ничего не можетъ быть страннѣе обычая, свойственнаго испанскимъ баскамъ, — обычая, требующаго, чтобы отцы, у которыхъ родился ребенокъ, ложились въ постель, избѣгали сквозного воздуха, постились и вообще изображали изъ себя родильницъ. Между тѣмъ оказывается, что этотъ обычай распространенъ между множествомъ первобытныхъ племенъ съ незначительными варіаціями. Легкомысленные туристы поспѣшили осмѣять этотъ обычай, какъ нелѣпость, но эта нелѣпость раздѣляется, однако, обитателями пяти частей свѣта. Знатоки показали, что въ основаніи этого обычая лежитъ особое воззрѣніе на актъ рожденія ребенка и его внѣутробную жизнь. Всѣ дикари, у которыхъ существуетъ обычай *мужскихъ родовъ* (называемый басками «*soicvade*»), воображаютъ, что послѣ рожденія ребенка родители все еще тѣлесно связаны съ нимъ, такъ что неуиѣренность съ ихъ стороны или простуда можетъ перейти и на ребенка. Если это объясненіе оставляетъ много темнаго, то во всякомъ случаѣ оно больше говоритъ, чѣмъ банальная ссылка на невѣжество или на то, что это „обычай такой, да и только“.

Мы желали только указать г-жѣ Водовозовой этими замѣчаніями на необходимость обращаться къ сравнительной этнографіи и антропологии, участіе которыхъ необходимо при описаніи нравовъ и обычаевъ, занимающихъ въ ея сочиненіи столь видное мѣсто. Что касается разсказаннаго ею обычая похищенія женъ изъ чужого племени, то въ настоящее время всѣ антропологи согласны насчетъ происхожденія этого обычая. Онъ также распространенъ въ сильной степени между первобытными народами и выражаетъ собою два явленія въ ранней исторіи человечества. Въ эту раннюю эпоху люди прежде всего испытали тяжелыя

опытомъ вредъ браковъ или брачнаго сожителства между близкими родственниками, и этотъ опытъ оставилъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что первоначально люди жили небольшими группами или ордами, и, слѣдовательно родство между членами одной группы было чрезвычайно близкое. Извѣстно, что браки между близкими родственниками гибельно отражаются на потомствѣ: отъ такихъ браковъ рождаются глухіе, нѣмые, идіоты. Но если племя мало, то, разумѣется, всѣ члены его могутъ считаться довольно близкими родственниками. Отсюда то отвращеніе, которое питаютъ дикари къ кровнымъ бракамъ, и замѣчательно, что тѣмъ малочисленнѣе племя, тѣмъ сильнѣе въ немъ это отвращеніе. Далѣе понятно, что обычай избѣгать браковъ между членами одного племени неизбѣжно долженъ привести къ обычаю похищенія женъ силою, ибо очень часто происходили такіе случаи, что на женщинъ одного и того-же племени претендовало нѣсколько племенъ. Отсюда борьба, столкновение и насиліе. Такое положеніе дѣлъ продолжалось, конечно, долго, такъ что въ сознаніи людей возникла прочная и бессозпательная ассоціация идеи брака съ захватомъ жены. Въ настоящее время албанцамъ нѣтъ необходимости уводить женъ силою, какъ размышляетъ г-жа Водовозова, но имъ также нѣтъ причинъ избѣгать браковъ въ своемъ племени вслѣдствіе боязни кровосмѣшенія, потому что племя ихъ на-столько размножилось, что племенное родство утратило всякую интенсивность, какъ утратило оно между русскими, французами и т. д. Но этотъ обычай столь-же бессозпательная привычка, какъ, напр., свойственная всѣмъ намъ привычка плевать при ощущеніи чего-нибудь непріятнаго, наморщивать лобъ при размышленіи или цѣловаться отъ избытка пріятныхъ ощущеній. Въ свое время всѣ эти движенія имѣли смыслъ, они были нѣкогда исполнѣ цѣлесообразными актами, но теперь утратили всякое значеніе, также какъ похищеніе женъ албанцами.

Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія г-жа Водовозова пытается объяснить характеръ румынъ вліяніемъ природы, но толкованія ея такъ сбивчивы и туманны, что едва-ли они кого-нибудь убѣдятъ. Говоря о вялости характера румынъ, г-жа Водовозова замѣчаетъ, что, кромѣ историческаго прошлаго она объясняется природой ихъ страны. „Замѣчно говорить она, — что, несмотря на богатство растительное, румынскія растенія безъ сока (?); роскошные цвѣты безъ запаха, домашнія животныя необыкновенно кротки, мясо птицъ и дичи — безвкусно. Вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ-же естественныхъ причинъ и въ характерѣ челоуѣка въ этой странѣ нѣтъ сильныхъ страстей и энергіи къ умственному и физическому труду“ (стр. 200). Вѣроятно, г-жа Водовозова заимствовала все это изъ какой-либо книжки, но такія странности непремѣнно требуютъ строгой провѣрки. Если это не болтовня какого-нибудь празднаго туриста, то въ такомъ случаѣ этотъ фактъ чрезвычайно замѣчателенъ, какъ свидѣтельство еще неслышанной гармонии между природой челоуѣка и окружающимъ его мі-

ромъ. Но, признаться, мы не расположены вѣрить въ эту гармонию. Что это за удивительныя растенія *безъ сока*, что это за домашнія животныя, которыя необыкновенно кротки?

Впрочемъ, въ очеркахъ г-жи Водовозовой гораздо больше достоинствъ, чѣмъ недостатковъ. Предпринятый ею трудъ слишкомъ обширенъ, многосложенъ. Въ исполненіи его видны все-таки добросовѣстность и уваженіе къ своему дѣлу. Мы рекомендуемъ читателямъ обратить вниманіе въ сочиненіи г-жи Водовозовой на житье-бытье нашихъ *братъ-славянъ*, охарактеризованное ею весьма удачно. Что за поразительное убожество матеріальное и умственное, какая масса политической грязи, какой ужасный, безпримѣрный въ исторіи гнетъ и деспотизмъ! По-истинѣ можно удивляться, что славяне, находящіеся подъ турецкимъ владычествомъ, только не разившіеся, но не выродившіеся народъ. Ни счастливыя способности, которыми надѣленъ славянинъ, ни роскошная природа не могли помочь ему вступить на путь европейской цивилизаціи. Онъ всецѣло сохранилъ черты первобытной дикости нравовъ, узкія понятія родового быта, патріархальную власть отца, кровавую месть, рабство женщины и т. д. Всѣ подвластныя Турціи земли непремѣнно характеризуются разбойничествомъ, бѣдностью и невежествомъ населенія. Разбойничество составляетъ главную язву всѣхъ турецкихъ провинцій. Первоначально разбойничество служило оплотомъ населенію противъ турецкаго деспотизма, но постепенно эта цѣль утрачивалась и разбойники-патріоты превращались въ разбойниковъ-грабителей, разорявшихъ родныя села. Несмотря на чрезвычайное плодородіе почвы, крестьяне весьма слабо занимаются земледѣліемъ; этому мѣшаетъ духъ воинственности, привитый населенію непрерывнымъ гнетомъ, необходимость быть вѣчно на-сторожѣ и съ мечемъ въ рукахъ отстаивать свою собственную жизнь и жизнь семьи. Отсюда-же презрѣніе къ ремесламъ и полнѣйшее отчужденіе отъ умственнаго труда. Удивительно, чѣмъ и какъ живутъ крестьяне, если ко всему этому присоединяются еще налоги, для которыхъ турки не ставятъ никакой нормы. Болгарія—едва-ли не самая плодородная изъ всѣхъ славянскихъ и даже европейскихъ странъ, а между тѣмъ народъ здѣсь живетъ въ страшной бѣдности. Лучшая земля роздана туркамъ, а отъ нихъ болгаринъ приобрѣтаетъ ее въ аренду на годъ, но вся жатва, которую онъ снимаетъ съ своего участка, идетъ на уплату долга турецкому землевладѣльцу, такъ что къ серединѣ зимы болгарину нечего ѣсть и онъ входитъ по уши въ долги. «Особенно отягощаютъ болгарскій народъ налоги, говоритъ г-жа Водовозова:—садоводство, огородничество, ремесло—однимъ словомъ, все обложено особыми налогами. За каждую лошадь, корову, за каждую голову домашняго скота нужно платить подать... Къ тому-же чуть не каждый годъ турки собираютъ двойную подать на султана, на устройство крѣпостей, на содержаніе арміи. Такъ въ мирное время. А

что сказать о военномъ или когда, такъ себѣ, для удовольствія, туркамъ вздумается пограбить болгаръ, выдумывая заговоры, бунты?» (с. 88—89). Въ Черногоріи, отъ постоянного столкновенія населенія съ турками, воинственный духъ совершенно убилъ охоту къ земледѣлію и погрузилъ народъ въ безвыходную нищету. Совершенно непонятно замѣчаніе г-жи Водозовой, михоходомъ сдѣланное ею по поводу быта черногорцевъ. „Вообще, говоритъ она,—черногорцы народъ бѣдный, но оттого-ли, что они горды, или потому, что потребности ихъ очень ограничены, вы никогда не услышите отъ нихъ жалобы на свою бѣдность, *да въ сущности они ни въ чемъ и не чувствуютъ нужды, развѣ только иногда въ порохи*“ (стр. 105). Но порохи—плохая пища, и съ „мужественнымъ сердцемъ“ далеко не уйдешь.

Образованіе стоитъ на низкой степени во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Самые невѣжественные, кажется, черногорцы. Къ нимъ вовсе не прививается европейская цивилизація, они не знаютъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни грамотности. «Завернетъ сюда путешественникъ, говоритъ г-жа Водозова,—и встрѣтится здѣсь съ формами давно отжившаго въ Европѣ патриархальнаго быта... Нравы здѣсь даже болѣе патриархальные, чѣмъ въ Сербіи, и совершенно напоминаютъ времена древнихъ героевъ Греціи или первыхъ вѣковъ Рима. Родственные, семейныя отношенія имѣютъ здѣсь громадное значеніе. Власть отца и матери здѣсь такъ-же велика, какъ и въ древности» (стр. 115). Только въ последнее время князь Николай, нынѣшній правитель Черногоріи, сталъ открывать школы и заводить европейскіе порядки. Говорятъ, что черногорскіе юноши и особенно дѣвушки выказываютъ необыкновенное рвеніе къ ученію. Кажется, изъ всѣхъ южно-славянскихъ земель Сербія—наиболѣе образована. Уже въ настоящее время тамъ рѣдко встрѣтится между молодежью безграмотный. На 1,200,000 жителей Сербія имѣетъ 400 низшихъ школъ, въ которыхъ обучается около 20,000 дѣтей, двѣ классическихкія гимназіи, четыре прогимназіи, военную академію, семинарію и лицей. Нѣсколько нѣтъ тому назадъ задуманъ былъ планъ основать въ Бѣлградѣ университетъ, но до сихъ поръ планъ этотъ не приведенъ въ исполненіе. Не смотря, однако, на видимые успѣхи образованія въ Сербіи, оно мало приноситъ пользы обществу, такъ-какъ единственный выходъ для сколько-нибудь образованныхъ и развитыхъ людей—чиновничество. Сербская литература совсѣмъ не развивается, книгъ издается мало, періодической печати почти не существуетъ вслѣдствіе необыкновенной строгости цензуры. Въ Румыніи, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, только надежды на образованіе, въ Болгаріи-же нѣтъ и надеждъ.

Заключимъ нашу краткую замѣтку о сочиненіи г-жи Водозовой пожеланіемъ ему успѣха среди нашей публики, какъ вполне добросовѣстному и полезному труду. Мы полагаемъ, что пожеланіе наше сбудется,

такъ-какъ книга г-жи Водовозовой издана во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и цѣна, назначенная ей, очень дешевая, слѣдов. доступная большинству публики.

Отъ старшаго къ меньшому, отъ малаго къ большому. Сочиненіе Люсьена Біара. Популярныя бесѣды съ дѣтьми о серьезныхъ вопросахъ и научныхъ предметахъ. Спб., 1875.

Въ послѣднее время на поверхности нашихъ литературныхъ водъ стали упорно выплывать изъ глубины неизвѣстности г. Полевой. До сихъ поръ мы полагали, что онъ можетъ только комиллировать плохія хрестоматіи, но съ приближеніемъ рождественскихъ праздниковъ въ немъ пробудился съ особенной страстью, можно сказать, волчій аппетитъ къ изготовленію дѣтскихъ книжекъ. Онъ издалъ «Русскія сказки», отпечаталъ «Популярныя бесѣды съ дѣтьми» Біара, готовитъ еще какую-то педагогическую энциклопедію, которую уже начинаютъ похваливать въ газетахъ, хотя никто еще не видалъ этого изданія. Мы, впрочемъ, противъ похваливаній ничего не имѣемъ; но мы совѣтовали-ли г. Полевому никому не уступать для этого случая своего пера, потому что никто не въ состояніи такъ великодушно отнестись къ самому себѣ и такъ горячо отблагодарить себя, какъ онъ самъ. Читая его предисловіе къ сочиненію Біара, мы невольно вспомнили... кого-бы, вы думали, читатель? — великаго Висмарка, когда онъ, какъ германскій канцлеръ, одобрительно треплетъ по плечу себя, какъ прусскаго министра. Черта эта свойственна вообще нѣмцамъ, потому что за Висмаркомъ намъ припоминается другой экземпляръ, какой-то нѣмецкій пѣтъ, который ежегодно въ день своего ангела собственноручно писалъ себѣ поздравленія и дѣлалъ себѣ подарки. Ужъ не празднуетъ-ли и г. Полевой день своего ангела?..

Но что это за книга, которую самъ г. Полевой прочелъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, „залпомъ“ (не оттого-ли вы, г. Полевой, и не разобрали ея вкуса?) и къ которой приложены, какъ значитъ на обложкѣ, 24 картинки «работы Лалеза, гравированныя Паннемакеромъ и отпечатанныя въ Парижѣ, въ типографіи Лагюра (R. de Fleures, 9)». Какія, подумаешь, жемчужины: Лалезъ, Паннемакеръ и въ особенности Лагюръ! Къ сожалѣнію, такой пріемъ не новъ. Подъ плохими картинками подписываютъ ихъ содержаніе, чтобы барабанъ фizioномъ я не была принята, по ошибкѣ, за человѣчью, къ дряннымъ сочиненіямъ подбираются г. Плотниковымъ фамиліи Писарева или Диксона; господинъ же Полевой на вывѣскѣ своихъ издѣлій пишетъ: «изъ Парижа». Мы охотно

вѣримъ г. Полевому, что въ Парижѣ, дѣйствительно, обитаютъ Лалезъ, Паннемакеръ и даже Лагюръ, но какое-же намъ до этого дѣло, особенно, когда рисунки его никуда не годятся? Въ одной изъ прошлыхъ книжекъ «Дѣла» одинъ изъ нашихъ сотоварищей посвятилъ обстоятельную замѣтку «Русскимъ сказкамъ» г. Полевого и приложеннымъ къ нимъ рисункамъ, тоже гра-вированнымъ Паннемакеромъ. Въ этихъ картинахъ уродливость композиціи хотя нѣсколько выкупается яркостью красокъ, тутъ-же—что ни картина, то верхъ безвкусіи и претенціозной бездарности. Всѣ картины опрятны, но что за безжизненность, какая плоская рутина! Дѣти на этихъ картинахъ точно разряженные, вылощенные деревяшки; лица ихъ не имѣютъ никакого выраженія, приторныя-же фізіономіи взрослыхъ возбуждаютъ, просто, отвращеніе. Замѣчательнѣе всего, что однѣ и тѣ-же дѣтскія фигуры являются съ разными фізіономіями на каждой картинкѣ, а главный герой, Эмиль, въ одной изъ начальныхъ картинокъ изображенъ, по крайней мѣрѣ, на 5 лѣтъ старѣе, чѣмъ въ послѣдующихъ. Композиція-же этихъ рисунковъ такъ-же плоха, какъ и композиція текста.

О текстѣ «Популярныхъ бесѣдъ» Біара немного можно сказать. Это вѣчная, всѣмъ надоѣвшая поддѣлка подъ дѣтскую жизнь. Поддѣлка эта имѣла-бы еще какой-либо смыслъ, если-бъ къ ней авторъ прибѣгнулъ съ цѣлью популяризировать полезныя знанія. Популяризація такъ трудна, что ради ея автору позволительно, за неимѣніемъ лучшихъ средствъ, летать на луну или путешествовать къ центру земли. Но въ томъ-то и дѣло, что у Біара всѣ сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, и всѣ разговоры, которые они ведутъ между собой, ничѣмъ не связаны съ „полезными знаніями“. Между этими сценами нѣкоторыя весьма недурны, но къ нимъ никакъ не пристаешь, несмотря на всѣ усилія автора, ученое содержаніе, и на читателя онѣ производятъ такое-же впечатлѣніе, какъ если-бы, перелистывая сухой учебникъ арифметики, онъ вдругъ нашель между листами изображеніе красивой женщины. Къ чему эти сцены, хотя-бы сами по себѣ онѣ и были хороши? —Чѣмъ лучше онѣ, тѣмъ скорѣе, конечно, дѣти забудутъ о томъ, что кромѣ ихъ въ книгѣ есть еще нѣчто другое, сухое, скучное, но назидательное. Всѣ научныя бесѣды ведетъ самъ авторъ отъ своего лица, но онѣ такъ безцвѣтны и неумѣлы, что не вѣрится, чтобы то-же самое перо способно было начертать что-либо путное. Приведемъ на выдержку нѣсколько научныхъ объясненій Біара, бесѣдующаго съ 7-лѣтней дѣвочкой и десятилѣтнимъ мальчикомъ. «Время, продолжалъ Люсьенъ, —по самому точному опредѣленію, есть послѣдовательность тѣхъ событій, о которыхъ память мы сохранили, и понятіе о немъ тѣсно связано съ понятіемъ о движеніи. Но такъ-какъ на землѣ нѣтъ постояннаго и однообразнаго движенія, то люди заимствовали мѣру времени отъ постояннаго и правильнаго хода свѣтилъ небесныхъ» (стр. 110). Не правда-ли, увлекательно, читатель? На той-же страницѣ, но ниже: „Свѣ-

„Дѣло“, № 3.

дѣла небесныя, въ ихъ вѣчномъ движеніи, имѣють, однакожь, неравенства, правда всегда одни и тѣ-же, но съ которыми люди, по врожденному имъ чувству соразмѣрности, никакъ не могли примириться". Прочтуть-ли это глубокомысленное изрѣченіе дѣти или взрослые, оно одинаково будетъ чепухой и совершенной бессмыслицей. Что это за *неравенства* и какое это такое чувство соразмѣрности? Въ такомъ духѣ написаны всѣ бесѣды о научныхъ вопросахъ. Возьмемъ совершенно наугадъ еще страницу, напр. стр. 133. „А что такое алкалоидъ“? спрашиваетъ любознательный мальчикъ.— „Слѣво алкали есть арабское названіе *natrîa* (!), возразилъ Люсьенъ;— оно употребляется въ *эмліи* для обозначенія известныхъ *ѣдкихъ субстанцій* (!), отличительное *свойство* которыхъ состоитъ въ *энергичномъ* соединеніи съ *кислотами*. Таковы поташъ, известка, магнезія. Главныя составныя части ихъ *металлическія*“ (!) и т. д. Въ настоящее время такой суши не встрѣтишь даже и въ школьныхъ учебникахъ. Чтобы убѣдить читателя, что такія „мѣста“ въ сочиненіи Біара не случайность, но что ими наполнена почти вся книга, возьмемъ еще страницу и, для разнообразія, съ самаго начала. Вотъ, напр., стр. 9: „Обыкновенные чернила, настойка изъ чернильныхъ орѣшковъ, были, говорятъ, извѣстны еще за 400 *лѣтъ* до Р. Хр. Изготовленіе чернилъ основывается на свойствѣ желѣза образовывать въ соединеніи съ *танниномъ* (!) черный осадокъ. Въ составъ чернилъ входитъ и *таннинъ*, и *желѣзо*; туда-же добавляють немного и *аравійской камеди*“ (!) и т. д. Забудьте, что при этомъ дѣтямъ совсѣмъ не объясняется, что такое *таннинъ* и *аравійская камедь*, и при чемъ тутъ настойка изъ чернильныхъ орѣшковъ. Кажется, что, независимо отъ собственной неумѣлости автора говорить съ дѣтми занимательнымъ и яснымъ языкомъ, ему пора дѣлать и переводчикъ г. Полевой. Такъ на стр. 142, г. Полевой открылъ совершенно новую породу рыбъ *карпиевъ*, что, очевидно, есть переводъ французскаго слова *carpiens*, т. е. карпы. И у г. Полевого хватаетъ смѣлости говорить о подобной книгѣ, что она „нерѣдко облекаетъ серьезное научное объясненіе въ такую общедоступную форму, въ которой даже и фактическая сторона того или другого вопроса воспринимается читающимъ легко и свободно закрѣпляется въ его памяти“ (пред., стр. XV). О самомъ важномъ недостаткѣ книги Біара мы еще не сказали. Недостатокъ этотъ состоитъ въ безграничномъ обилии научныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ авторомъ, но никогда не разрѣшаемыхъ имъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что на каждой страницѣ возбуждается новый вопросъ, объясняется новый научный фактъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ, такъ что если-бы книга автора была изложена толково, она вызвала-бы у дѣтей головокруженіе. Но, по счастью, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Невыносимо скучное изложеніе автора, вѣроятно, съ перваго-же раза отобьетъ у дѣтей всякую охоту къ „серь-

езныиъ вопросамъ и научнымъ предметамъ". Г. Полевой и здѣсь по-
радѣлъ автору. Такъ вездѣ, гдѣ встрѣчаются французскіе сантиметры
и монеты, онъ оставлялъ ихъ безъ всякихъ разъясненій и не потрудился
даже въ прилѣжаніи перевести ихъ на русскіи мѣры. Но изумительнѣе
всего, что г. Полевой ставитъ это себѣ въ достоинство. „Мы сочли, го-
ворятъ онъ въ предисловіи, вовсе не нужнымъ измѣнять французскія
имена на русскія, подстанавливать русскія мѣры и русскія монеты на
мѣсто французскихъ сантиметровъ и франковъ. Подобное измѣненіе об-
щаго характера переводимой книги, французской, нѣмецкой или англійской
(хотя оно у насъ и въ обычаѣ между переводчиками), мы считаемъ вполне
незаконнымъ уже потому, что при всеи желаніи изломать нашъ дѣтскій
бытъ на всевозможныя лады, мы все-же находимъ его на-столько ориги-
нальнымъ, на-столько непохожимъ въ его домашней обстановкѣ на бытъ
остальной Европы, что и не беремся грѣшить противъ истины, подставляя
русскія имена и русскія черты быта въ картину жизни, неизмѣющей ни-
чего общаго съ русскою дѣтскою жизнью“. А все-таки, г. Полевой, фран-
цузскія мѣры и монеты нужно было перевести на русскія. Неужели г. По-
левой не поднимаетъ, что *величина предметовъ* у всѣхъ націй одна и
та-же, что разница только въ названіяхъ величинъ и что перелагать фран-
цузскія мѣры на русскія—значитъ *переводить* названія или значенія
французскихъ мѣръ на русскій языкъ? Если отъ этого перевода фран-
цузскихъ мѣръ на русскій языкъ коверкается французская дѣтская жизнь,
то зачѣмъ онъ вообще переводилъ свою книгу? Не изъ подражанія ли
другому такому-же надателю, г. Плотникову? Если это такъ, то въ доб-
рый часъ!

Толковый словарь 40.000 многостранныхъ словъ, вошедшихъ въ рус-
скій языкъ, русскихъ старинныхъ, мѣстныхъ и техническихъ, по
всѣмъ отраслямъ знанія, выраженій и словъ. Кромѣ русскихъ мѣст-
ныхъ словъ въ „Словарь“ вошли и слова инородческія (калмыцкія,
татарскія, киргизскія, сибирскихъ инородцевъ и проч., и проч.),
употребляемыя въ русской рѣчи.—Въ словарь этотъ вошли рѣши-
тельно всѣ иностранныя слова, помѣщенные въ словаряхъ гг. Ми-
хельсона, Бурдона, Дубровскаго и другихъ, и, кромѣ того, онъ до-
полненъ А. Дмитриевымъ, по словарямъ В. И. Даля, г. Макарова,
профессора Сувинова и многимъ другимъ. Москва, 1875 г.

Подобныхъ словарей у насъ много, но всѣ они очень плохи, до того
плохи, что даже этотъ „Словарь“, Festinodверское заглавіе котораго толь-
ко что вмѣнено нами, принадлежащій къ числу лучшихъ, оказывается
не менѣе плохимъ, чѣмъ и его товарищи.

Мы подвергнемъ составителя этого словаря, г. А. Дмитріева, легенькому испытанію „по всѣмъ отраслямъ знанія“. Г. Дмитріевъ, скажите намъ, напр., что такое „конфузъ“?

— Конфузъ,—отвѣчаетъ на 433-й стр. своего словаря А. Дмитріевъ,—конфузъ—носочная часть лодки, гдѣ хранятся съѣстные припасы и гдѣ мѣсто кашевара“ (!!!!).

И не конфузно вамъ, г. составитель „Толковаго словаря“ за такое объясненіе?

Но мы лучше примемъ систематическій способъ испытанія „толковаго“ составителя „Словаря“, отдѣльно по каждой отрасли знанія. Начнемъ хотя съ военной части. Что такое „капитанъ“? — „Капитанъ — „старинный“ оберъ-офицерскій чинъ въ пѣхотѣ и въ драгунскихъ полкахъ“. Слѣдовательно, нынѣ, по „Толковому словарю“, нѣтъ капитанскаго чина.—Ну-съ, а „конвой“?—„Прикрытіе, даваемое „въ военное время“ транспортамъ, плѣннымъ, рекрутамъ, разнымъ проѣзжающимъ лицамъ, почтѣ и вообще „всѣмъ частямъ“, принадлежащимъ къ арміи“. А конвой за арестантами, а почетный конвой при высшихъ военныхъ чинахъ?.. Плохо.

По медицинѣ. Что такое „вена“?—„Кровеносная жила, проводящая „обуглившуюся“ кровь въ сердце“!!!—„Геморой“?—„Волѣзнь, въ которой изъ задняго прохода истекають кровь и слизь“. А закрытый геморой?.. Плохо.

По грамматикѣ и риторикѣ. Что такое „эпическая поэзія“?—„Поэзія, имѣющая предметомъ своимъ описаніе „историческаго происшествія“, напр., Илиада Гомера, Энеида Виргилія и т. д.“ А описаніе такихъ происшествій, въ которыхъ нѣтъ ничего „историческаго“, напр., народныхъ сказки, „Носъ“ Гоголя,—не эпическая поэзія?.. „Эпизодъ“?—„Происшествіе, описанное въ романѣ или повѣсти“, но ни въ исторіи, ни въ путешествіи!.. Плохо.

По церковной части. „Иподіаконъ“? — „Поддьяконъ, „монахъ“, не имѣющій званія дьякона“ и т. д., хотя у насъ иподьяконами почти никогда не бывають монахи.—„Баккалавръ“?—„Степень въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, соотвѣтствующая кандидату университета“. Неправда, баккалавръ то-же, что адъюнктъ-профессоръ.—Худо.

По ботаникѣ. Что такое „кедръ сибирскій“?—„Кедръ сибирскій, или сосна съѣдомая“... Очень хорошо, довольно!

По философіи. „Матеріализмъ“?—„Философія, основанная на изученіи природы и, въ позднѣйшее время, непризнающая въ ней духовнаго начала. Основатель ея англійскій философъ Францъ Бэконъ“ и т. д. Бэконъ, который даже въ вѣдѣмъ вѣрилъ, матеріалистъ! Ай да „Толковый словарь“!

По праву. „Привилегированный“, „привилегія“?—„Привилегированный—имѣющій привилегію. — Привилегія — право, данное избрѣтателю

на изобрѣтенный имъ способъ производства, недопускающій ничего совѣстничества впродолженіи извѣстнаго времени“. На какіе-же „способы производства“ получили „право“ привилегированныя сословія?..

Отчаявшись въ научныхъ знаніяхъ составителя „Словаря“, обратимся хоть къ его обыденнымъ, житейскимъ понятіямъ. Что такое „башня“?—„Остроконечное или въ видѣ усѣченнаго конуса строеніе“. А не „остроконечная“ башня—не башня?—Ну, скажите хотя, что такое „квартира“?—„Квартира — часть дома въ нѣсколько комнатъ съ кухней и другими службами, отдаваемая кому-нибудь въ наемъ.“ А весь домъ, а одна комната, а нѣсколько комнатъ безъ кухни и службъ не могутъ быть квартирой?

Ну, хоть по части туалета, г. составитель „Толковаго словаря“, отвѣтите сносно.—Кальсоны? — „Кальсоны — нижнее мужское бѣлье“. Не знаетъ даже того, что и женщины носятъ это „мужское“ бѣлье.—Шиньонъ?—„Взбитая напередъ коса въ прическѣ“!..

Но довольно. Не только атестата зрѣлости нельзя дать вамъ, но даже слѣдовало-бы по-настоящему перепечатать заглавный листъ вашей книги такимъ образомъ: „Безтолковый словарь. — Въ словарь этотъ вошли *рѣшительно не всѣ* иностранныя слова“ и т. д. Вы утверждаете, что „Словарь“ вашъ „толковый“; но мы видѣли уже, до какой степени это несправедливо; вы утверждаете, что „въ него вошли *рѣшительно всѣ* иностранныя слова“, но это рѣшительная ложь: въ него не внесены очень многія и очень очень важныя слова, напр., „бахча“, „вакцинація“, „Гекуба“, „картонажъ“, „позитивизмъ“, „экзогамія“, „эндогамія“, „этикетка“ и т. д. За то изъ иностранныхъ словарей заимствовано въ этотъ „безтолковый словарь“ много словъ, рѣшительно неимѣющихъ въ русскомъ языкѣ никакого значенія. Это по-англійски, напр., г. Дмитріевъ, а не по-русски курсивъ называется „итоническимъ шрифтомъ“. Сифилиса у насъ тоже не называютъ „итальянской болѣзнью“, духовенства не называютъ „клерже“, и т. д.

Но довольно, надоѣло толковать объ этомъ „безтолковомъ-толковомъ словарѣ“.

ВРЕДЪ ИЛИ ПОЛЬЗА?

(Народныя чтенія въ „Солиномъ городѣ“.)

Да отвѣтъ-ли это, полно,
На проклятыя вопросы?
Гейне.

I.

„Пруссія побѣдила Австрію и Францію при помощи школьнаго учителя“.

Со времени произнесения этой трескучей фразы вопросъ о народномъ образованіи сталъ и для нашего общества моднымъ вопросомъ, — серьезнымъ вопросомъ земства и правительства онъ сталъ по необходимости гораздо ранѣе, со времени освобожденія крестьянъ. Говорить и заботиться въ настоящее время о развитіи адвокатуры, желѣзныхъ дорогъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и тому подобныхъ учрежденій — значитъ быть „ташвентцемъ“. Говорить о народномъ образованіи и быть хотя на пристяжкѣ при этомъ дѣлѣ — значитъ быть „прогрессистомъ“. И сколько было говорено, сколько было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ какія-нибудь восемь лѣтъ! У насъ не только появилось множество народныхъ школъ и семинарій, но и возникли лѣтніе учительскіе курсы, различные методы преподаванія, самыя разнообразныя учебники, книги для чтенія, народныя лекціи и т. д. Книжки въ родѣ народныхъ книгъ гг. Ушинскаго и Евтушевскаго стали расходиться въ баснословномъ для Россіи количествѣ экземпляровъ; руководителямъ лѣтнихъ курсовъ стали платить очень хорошія деньги; народныя чтенія стали приносить извѣстный барышъ. Такимъ образомъ, горячее участіе въ дѣлу

народнаго образованія стало даже приносить извѣстный доходъ, такъ-что въ этомъ дѣлѣ могли уже принять участіе и „ташкентцы“.

Повидимому, все обстояло благополучно, когда случился мадеврскій скандалъ: въ послѣднее время начали появляться статьи, намекавшія очень ясно, что общество обольщается своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ, что успѣхи излюбленнаго дѣла „прогрессивистовъ“ еще довольно сомнительны, что, наконецъ, сами „прогрессивисты“, если посмотрѣть на нихъ „съ холоднымъ вниманіемъ“, какъ-то смахиваютъ на господъ „ташкентцевъ“, точно между ними есть что-то фамильное. Статья гр. Л. Толстого надѣдала болѣе всего шуму, и хотя, повидимому, гр. Л. Толстой былъ совершенно разбитъ, хотя ему было доказано, что онъ ровно ничего серьезно не знаетъ по части народнаго образованія, но все-таки не безъ ранъ вышли изъ этой войны и противники гр. Л. Толстого. Репутація ихъ методовъ и книгъ сильно пошатнулась, и какой-нибудь г. Евтушевскій если и можетъ еще считать себя „папою“ преподаванія арифметики въ народныхъ школахъ, то только папою, потерявшимъ непогрѣшимость. Поднялся и вопросъ о малой пользѣ или даже о бесполезности лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, на которые за полную готовностью рады были за большія деньги пригласить кого угодно — и г. Гасабова, и г. Водовозова. Правда, нашлись люди, которые готовы были доказывать, что лѣтніе учительскіе курсы полезны даже въ томъ случаѣ, если на нихъ истратится рублей четыреста и руководить ими будетъ, положимъ, г. Гасабовъ, но все-таки выяснилось, что теперь уже стало возможно сомнѣваться въ пользѣ даже лѣтнихъ учительскихъ курсовъ.

Однимъ словомъ, въ обществѣ начался переломъ въ вопросѣ о народномъ образованіи, и теперь, когда кто-нибудь рисуетъ тѣмъ, что онъ скачетъ на пристяжкѣ при этомъ дѣлѣ, присутствующіе начинаютъ задумываться и мысленно спрашиваютъ про оратора:

— Да чортъ возьми, точно-ли онъ прогрессистъ, а не ташкентецъ? Ужъ очень безкорыстно онъ распинается за народные интересы. А что ему народъ?

Но въ то время, когда „бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья“ старался подорвать въ насъ вѣру въ непогрѣшимость г. Евту-

шевскаго и лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, другой болѣе добрый геній говорилъ намъ: „Мужайтесь! Пусть погибнетъ г. Евтушевскій, пусть исчезнуть безслѣдно лѣтніе учительскіе курсы,—отъ нашего времени все-таки останется несокрушимый памятникъ: народныя чтенія... въ „Соляномъ городкѣ“, прибавлялъ добрый геній, такъ-какъ онъ, повидимому, вовсе не сочувствовалъ полуофіціальнымъ народнымъ чтеніямъ, продающимся въ домѣ градоначальника, и питалъ симпатію только къ чтеніямъ „Соляного городка“. Это видно было уже изъ того, что онъ хранилъ гробовое молчаніе о первыхъ изъ этихъ чтеній и безъ умолку говорилъ о вторыхъ. У этого добраго генія, какъ видно, устроено было даже свое бюро, гдѣ писались отчеты во всѣ газеты о засѣданіяхъ комисіи „Соляного городка“ и каждый изъ этихъ отчетовъ былъ если и не гимномъ этимъ народнымъ чтеніямъ, то, по крайней мѣрѣ, формулировался въ родѣ того, что въ комисіи:

— Все обстоитъ благополучно, вашество!

Въ нашъ сомнѣвающійся вѣкъ такъ сладко встрѣтить хотя какое-нибудь вполне отрадное явленіе. Что-же мудренаго, что мы купили всѣ книжечки народныхъ чтеній „Соляного городка“ и рѣшились отдохнуть надъ этимъ „отраднымъ явленіемъ“.

II.

Странно было первое впечатлѣніе, произведенное на насъ этими чтеніями. Когда мы начали пересматривать обложки этихъ книжекъ, намъ показалось, что мы вдругъ попали въ совершенно незнакомое намъ общество.

Мы надѣялись встрѣтить на обложкахъ этихъ книжекъ давно знакомыя и болѣе или менѣе, дорогія намъ фамиліи извѣстныхъ писателей. Мы думали: „тутъ встрѣтятся намъ по русской исторіи труды гг. Костомарова, Мордовцева, Соловьева, Забѣлина, Бестужева-Рюмина; по исторіи литературы мы найдемъ труды гг. Пыпина, Миллера; по санитарнымъ вопросамъ мы встрѣтимся съ трудами гг. Архангельскаго, Эрисмана, Губнера, Андреевскаго; по естественно-научнымъ предметамъ намъ представятся труды гг. Вагнера, Бекетова, Сѣченова...“ Мы жестоко ошиблись. Тутъ

не было ни одного сколько-нибудь громкаго имени, успѣвшаго привлечь къ себѣ симпатіи общества; здѣсь встрѣчались однѣ фамиліи какихъ-то таинственныхъ незнакомецѣвъ. Кто такіе всѣ эти гг. П. И. Роговы, И. И. Шалфеевы, Е. П. Вишняковы, Ф. А. Тарапыгины, Н. П. Животовскіе, В. П. Коховскіе, Н. Ф. Глинскіе, А. М. Воронежскіе, А. И. Николичи, Я. М. Шмулевичи, П. А. Аниѣевы, Н. В. Медеры и тому подобныя господа, именъ которыхъ вы не найдете ни въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, ни въ „Вѣстникѣ Европы“, ни въ „Отечественныхъ Запискахъ“, ни въ „Дѣлѣ“, ни въ „Словарѣ Толля“, ни въ хрестоматіяхъ, ни въ ученыхъ каталогахъ бібліотекъ?

„Но, впрочемъ, кто-же нынче дорожить авторитетами? утѣшали мы себя.—Быть можетъ, это люди молодые, полныя свѣжести и силъ, вышедшіе на литературное поприще для того, чтобы оживить нашу дряхлую литературу. Можетъ быть, они хотятъ показать старикамъ, что и какъ нужно теперь говорить обществу. Можетъ быть, мы, смотря на эти книжки, смотримъ на зарожденіе будущей блестящей и бодрой литературы, которая затмитъ литературу, созданную тѣми авторитетами, имена которыхъ хотѣлось намъ встрѣтить на обложкахъ народныхъ чтеній? Можетъ быть!“

Мы принялись за чтеніе произведеній этой „новой литературы“.

Одинъ изъ „литературныхъ отцовъ“, г. Тургеневъ, напомнилъ въ своихъ воспоминаніяхъ „литературнымъ дѣтямъ“, что русскій языкъ такая драгоценность, которую нужно беречь и беречь. Дѣйствительно, въ послѣднее время писатели очень часто грѣшатъ противъ русскаго языка. Но никогда еще мы не встрѣчали такихъ искаженій роднаго языка, какія мы встрѣтили въ той „новой литературѣ“, которую стараются создать всѣ эти гг. В. П. Коховскіе, Я. М. Шмулевичи, А. М. Воронежскіе. Можетъ быть, они очень умные люди, очень талантливые писатели, но, тѣмъ не менѣе, вѣрно и то, что это господа малограмотныя, незнающіе русскаго языка, неполучившіе-бы даже „тройки“, если-бы они представили учителю въ пятомъ классѣ гимназіи сочиненія, подобныя тѣмъ, которыя они представляютъ на судъ публики, которыя они предназначаютъ для обученія народа. Какъ-бы ни было скучно указывать на „перлы“ безграмотности этихъ

господь, мы рѣшаемся на этотъ трудъ, — рѣшаемся потому, что народныя чтенія предназначаются именно для тѣхъ лицъ, которыя болѣе всего нуждаются въ грамотномъ изложеніи мыслей.

Обратимъ вниманіе, напримеръ, на книжку г. В. П. Коховскаго: „О трудѣ и отдыхѣ“. Мы не станемъ упрекать на небрежность корректуры; мы предположимъ, что г. В. П. Коховскій знаетъ, что слово: „перемѣна“ женскаго рода, и что, говоря про „перемѣны“, нужно говорить *она*, а не *они*, какъ это дѣлаетъ онъ (стр. 3). Предположимъ, что только вслѣдствіе корректурныхъ ошибокъ у него въ книгѣ появляются слѣдующія фразы: „Землю пахали подъ пшеницу *руки* человѣка; засѣвали ее зерномъ — *они-же*, убирали хлѣбъ съ поля, молотили и вѣяли — опять *они-же*. Возили молотъ и мололи зерно на муку въ мельницахъ, *что* тѣ-же руки построили, — *они-же*. Вывозили на базаръ, продавали въ лавки, наваливали на барку, грудью таяли барку по водѣ тысячу и больше верстъ и дотянули до Петербурга — *они-же*. Пекли изъ той муки булки и продавали ихъ намъ — *они-же*, все руки человѣческія“. Но сваливая всю отвѣтственность за эту безграмотность на корректуру, мы все-таки должны замѣтить г. В. П. Коховскому, что значительная доля отвѣтственности должна пасть и на него, если онъ дѣйствительно сознаетъ, что грамматика учить писать не такъ, а иначе. Вѣдь его книжка предназначена для учащагося народа и потому нельзя не считать вредною ту книжку, въ которой учащійся встрѣтитъ такую массу самыхъ грубыхъ ошибокъ. Однако, положимъ, что во всемъ этомъ виноватъ, главнымъ образомъ, корректоръ. Но мы никакъ не думаемъ, чтобы г. В. П. Коховскій только вслѣдствіе корректурныхъ ошибокъ говорилъ такія фразы: „лѣса *вырубляются*“, „земля *топится* моремъ“, „*внутренности* земли раскрывались“, „моремъ *укрывалось* все“, „*есть животныя, что утромъ родится, а къ вечеру уже пропало*“, „*остригемъ* волоса“, „не замѣчаемъ, какъ *разошлось изъ желудка* то, что мы ѣли и пили“, „*грохнулись на землю не живые, а черезъ что смерть послѣдовала, какъ не черезъ то, что черезъ силу хватили*“, „*расплывемъ мы, крови застои, а тутъ и ударъ какъ разъ хватить*“, „*въ перинѣ* полежать“, „онъ свой языкъ забываетъ, а *чего ужъ, кажется, какъ родную рѣчь забыть*“, „носъ *улышалъ*“, „ваше *вниманіе было повернуто на слуша-*

нѣ чтенія“, и т. д. Изъ этихъ примѣровъ довольно ясно видно, что г. В. П. Коховскій очень плохо знаетъ русскій языкъ, что у него не достаетъ даже тѣхъ познаній изъ русской грамматики, которыя приобретаются въ гимназіяхъ.

Но г. Коховскій является не прискорбнымъ исключеніемъ среди „новыхъ писателей“ „Соляного городка“. Нѣтъ, всѣ они отличаются такимъ-же незнаціемъ духа того языка, на которомъ они пишутъ. Разверните любую изъ книжекъ, разбираемыхъ нами, и вы убѣдитесь въ справедливости нашихъ словъ. Вотъ примѣры, взятые наудачу: „*обзаведаясь семьей, ему стало куда труднѣе жить*“, „*есть за что пожалѣть его (по смыслу должно было стоять: пожалѣть о немъ)*“ (Домоносовъ, В. М. Сорокина, стр. 15, 22). „*Торгашъ разсыпается передъ покупателемъ*“, „*куда намъ бываетъ какъ легче*“, „*не разжалобилъ онъ старосту своею бѣдностью, не захотѣлъ староста отдать за него дочку и не пошелъ онъ (кто?) съ горя въ кабакъ*“ (Кольцовъ, А. И. Николаича, стр. 4, 9, 16). „*Старые-ли люди удушливы*“, „*мы придерживаемся больше прогляднаго содержанія*“, „*ставить много воды въ печь для разнаго употребленія, повидимому, общааетъ хорошее и полезное*“, „*можно и животь свой на полѣхъ положить*“, „*отъ чего болѣе ввязывается чахотка*“ (Наши жилища, П. Илинскаго, стр. 3, 4, 5, 10, 11). А знаете-ли, господа, вамъ пригласить-бы къ себѣ въ сотрудники того приказнаго, который писалъ въ своемъ рапортѣ: „*Иванъ Сидоровъ вышелъ изъ бани и бросился въ озеро, но по неимѣнію должнаго водоплаванія въ глубокости онаго утонулъ*“. Вѣдь языкъ этого приказнаго очень мало отличается отъ вашего способа выражаться.

Но мы устали дѣлать выписки и думаемъ, что приведенныхъ нами примѣровъ вполне достаточно, чтобы читатель понялъ, насколько знаютъ русскій языкъ „новые писатели“ „Соляного городка“. Мы, конечно, не поставили-бы въ упрекъ подобную безграмотность какимъ-нибудь составителямъ народныхъ книжекъ, издаваемыхъ разными гг. Манухинными. Но вѣдь тутъ дѣло идетъ о составителяхъ народныхъ чтеній, предназначенныхъ для распространенія знаній въ народѣ. Хороши выйдутъ ученики, поучаемые безграмотными учителями!

Мы не знаемъ, гдѣ получили первоначальную подготовку эти

учителя: можетъ быть, они кончили свое образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, можетъ быть, они были и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, и только забыли русскій языкъ, потому что имъ, по ихъ положенію въ обществѣ, долго не приходилось заниматься умственной работой. Но, не зная этого, мы можемъ сказать навѣрное, что эти господа принялись за писательство безъ всякой литературной подготовки. Имъ чужды всѣ тѣ вопросы, о которыхъ много говорилось въ литературѣ и которые давно уже разрѣшены въ томъ или другомъ смыслѣ. Такъ, напримеръ, въ литературѣ давно обсуждался и давно рѣшился вопросъ, какимъ языкомъ нужно писать народныя книги. Давно было признано, что языкъ народныхъ книгъ долженъ быть простъ, ясенъ и понятенъ, но никакъ не долженъ быть поддѣлкою подъ народную или, лучше сказать, подъ простонародную рѣчь. Давно уже говорилось о томъ, что въ книгахъ для народа не должно быть тѣхъ искаженій русскаго языка, которыя встрѣчаются въ простонародьи. Но если-бы даже это и не было признано у насъ, то каждый человѣкъ, принимающійся писать для народа, долженъ-бы былъ познакомиться съ тѣмъ, какъ смотрятъ на это дѣло за-границей, гдѣ народная литература получила уже давно сильное развитіе. Тамъ никто уже не признаетъ возможнымъ вводить въ литературный языкъ всѣ тѣ неправильности и искаженія того или другого языка, которыя встрѣчаются въ низшихъ классахъ общества. Но для „новыхъ писателей“ „Соляного городка“ не существуетъ литературныхъ преданій. Что-бы ни говорила до нихъ литература, имъ все равно и они поютъ свою пѣсню по-своему. Въ ихъ книжкахъ вы на каждомъ шагѣ встрѣтите *коли вмѣсто если, больно вмѣсто очень, можетъ вмѣсто можетъ быть, словно вмѣсто точно, нѣту вмѣсто нѣтъ* и т. д. При языкѣ неправильномъ и безъ того, при массѣ корректурныхъ ошибокъ, при полнѣйшемъ невѣденіи относительно знаковъ препинанія, эти книжки дѣлаются въ сущности неудобочитаемыми и можно только пожалѣть тотъ народъ, которому преподносится такая умственная пища. Большинство этихъ чтеній напоминаетъ рассказы „раешниковъ“: „А вотъ городъ Парижъ,—пріѣдешь, сейчасъ угоришь“. Возьмемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ.

„Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“ говорить наша русская

пословица. Не сочинена, не выдумана эта пословица, а сложилась она, какъ и многія другія, сама собою, сложилась потому, что люди не разъ замѣчали, что ученье помогаетъ много человѣку въ жизни, ученье раскрываетъ ему много такого, чего, не учившись, онъ никогда и не узналъ-бы, о чемъ онъ и понятія не имѣлъ-бы и бродилъ-бы *словно* въ потемкахъ. Ученье разгоняетъ эти потемки и, *словно солнышко*, разсѣвая туманъ, сквозь который ничего не видно, освѣщаетъ путь человѣку... Но за то какъ трудно бываетъ иногда ему пробиться сквозь этотъ туманъ: сколько трудовъ, лишней приходится перенести ему, пока успѣетъ онъ разогнать эту тьму. Въ особенности трудно достается это человѣку простому, бѣдному. Но тѣмъ болѣе чести и славы бываетъ такому человѣку, *коли* у него хватить силъ, какъ говорится, выбраться на дорогу. Были у насъ на Руси такіе люди. Далекъ отъ *Питера*, верстъ 500 еще за Москвой, течетъ рѣка Донъ и стоитъ на ней городъ Воронежъ. Старый, древній, русскій, православный онъ городъ; въ немъ и мощи св. Митрофана покоятся *)).

„Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, говоритъ русская пословица, столь-же стародавняя, какъ и народъ русскій. Сложили ее дѣды и прадеды наши, сложили ее по опыту, присмотрѣвшись къ тому, что кругомъ ихъ дѣлается. Подобно грому небесному, очищающему и освѣжающему воздухъ въ *жары лѣтніе*, бѣды и напасти образумливаютъ человѣка, заставляютъ его попристальнѣе посмотреть на себя и на дѣла свои. И *всѣ-то* напасти наши, главнымъ образомъ, идутъ отъ нашего несогласія; а известное дѣло: если нѣтъ согласія, нѣтъ и удачи ни въ чемъ **).

„Многочисленны и разнообразны животныя, населяющія нашу землю! Куда ни заглянешь, въ какую страну ни заѣдешь—всюду найдешь различныхъ и по виду наружному, и по величинѣ, и по цвѣту звѣрей, птицъ, рыбъ и всякой другой твари! Особенно *коли* кому случится побывать въ *странахъ жаркихъ*, лежащихъ въ полуденную отъ насъ сторону,—чего-чего онъ тамъ не увидитъ! какого звѣря онъ тамъ не повстрѣчаетъ! Въ жар-

*) *Николича*, Кольцовъ, стр. 1.

***) *Рогова*, Татарскій погромъ, первое чтеніе, стр. 1.

кихъ странахъ *солмышко* почти круглый годъ не сходитъ съ дуба и сильно печетъ цѣлый день, не съ примѣръ больше, чѣмъ у насъ въ полдень въ юлѣ мѣсяцѣ^{*)}.

„Это одно; а другое то, что ничто не живетъ на землѣ само по себѣ, а всякая былинка, всякое животное зависятъ одно отъ другого: одно другимъ истребляется и одно другимъ живетъ — точно круговая порука. Червячка, напримѣръ, съѣла рыба, рыбу поймала чайка, чайку съѣлъ орелъ, орла убилъ человекъ и отдалъ собакамъ, собаку съѣлъ волкъ, волкъ, положимъ, ободѣлъ и сгнилъ, гниль перемѣшалась съ землею и удобрила ее. Выроста хорошая трава. Траву съѣла корова, корову съѣли люди, а человекъ умереть, тѣло его закопаютъ въ землю и будетъ оно съѣдено тѣми-же червями, съ которыхъ я началъ, и т. д., въ родѣ этого, безъ конца. Вотъ мы знаемъ, что нѣтъ на землѣ ничего, что-бы не измѣнялось каждую минуту, каждую секунду. Измѣняется такъ-же и человекъ“^{**)}.

Для чего это паисничество? Или эти гг. Коховскіе, Роговы, Воронежскіе и tutti quanti думаютъ серьезно, что нашъ народъ на-столько глупъ, что передъ нимъ непременно нужно являться въ роли балаганнхъ шутовъ и балагуровъ? Неужели они убѣждены, что народъ не можетъ понять простого и яснаго языка „господъ“ и только тогда станетъ слушать этихъ „господъ“, когда они привинутся „мужичками“? Но мы не хотѣли-бы этому вѣрить: такой взглядъ на народъ достоинъ только какихъ-нибудь „ташкентцевъ“. Мы скорѣе готовы думать, что эти господа относятся такъ къ народу просто по недостатку образованія и развитія или „по неопытности и по молодости лѣтъ“.

III.

Такова форма произведеній этихъ „новыхъ писателей“ „Соляного городка“. Теперь мы должны взглянуть на содержаніе этихъ чтеній.

Содержаніе этихъ чтеній крайне разнообразно: лекторы бе-

*) *Аникиева*, Животныя, первое чтеніе, стр. 1.

***) *Козовскаго*, О трудѣ, стр. 1.

рутен за все и каждый изъ нихъ преподноситъ рассказъ о томъ, что онъ, какъ ему кажется, знаетъ. Разбирать каждое изъ этихъ чтеній отдѣльно—очень скучно. Да это и не поведетъ ни къ чему, такъ-какъ всѣ писатели „Соляного городка“ очень не далеко ушли другъ отъ друга.

Остановимся прежде всего на чтеніи г. В. П. Коховскаго: „О трудѣ и отдыхѣ“. Это чтеніе отнесено комисіей къ „области нравственныхъ наукъ“. Въ сущности, оно могло быть названо образцомъ празднословія. Подобныя чтенія составлять очень легко, такъ-какъ тутъ не требуется никакихъ знаній: тутъ нужно только умѣть балагурить, что и дѣлаетъ г. В. П. Коховскій съ необыкновенною развязностью. Вся *суть* этой лекціи заключается въ томъ, что „нужно знать мѣру въ трудѣ и отдыхѣ и упражнять всѣ части души и тѣла“. На развитіе этой темы посвящается 22 страницы и каждая изъ этихъ страницъ есть своего рода „перлъ созданія“. Г. В. П. Коховскій, какъ мыслитель, очень напоминаетъ покойнаго Кузьму Пруткова, сказавшаго, „что необъятнаго никто объять не можетъ“. Вотъ примѣры изъ произведенія философа „Соляного городка“. „Душа наша живетъ въ нашемъ тѣлѣ. Зачѣмъ-же душѣ тѣло? Оно нужно душѣ, какъ хороший работникъ хозяину. Душа думаетъ, а тѣло дѣлаетъ, что ей задумано. Чѣмъ здоровѣе тѣло, тѣмъ легче душѣ, точно также какъ чѣмъ лучше работникъ, тѣмъ легче хозяину. Добрый хозяинъ бережетъ силы работника, а добрый работникъ бережетъ выгоды своего хозяина. Нужно, чтобы душа берегла тѣло, не заставляла его дѣлать непосильную работу, нужно, чтобы и тѣло берегло душу, ибо тѣло безъ души—мертво“. Философъ произноситъ эту галиматью и не замѣчаетъ, что въ ней такъ-же много смысла, какъ въ желаніи Хлестакова удалиться „подъ сѣнь струй“. Онъ говоритъ: „нужно, чтобы душа берегла тѣло, но нужно, чтобы и тѣло берегло душу“. Но вѣдь тѣло-то дѣйствуетъ только по волѣ души? Или по его философій выходитъ, что душа дѣйствуетъ сама по себѣ, а тѣло само по себѣ, что у души есть своя воля, а у тѣла своя?

Начинаетъ философъ „Соляного городка“ разсуждать о трудѣ тѣлесномъ и говоритъ: „привычка къ труду тѣлесному великую намъ пользу дѣлаетъ... и выходитъ теперь, что тѣлесный трудъ для человѣка необходимъ не только для заработка себѣ и семьѣ

достатка, но и для здоровья и долгаго вѣку“. Послѣ этихъ разсуждений, чтобы доказать вредъ, происходящій отъ недостатка тѣлеснаго труда, онъ указываетъ на портныхъ, относя ихъ трудъ не къ числу тѣлесныхъ трудовъ. „Заходимъ, говоритъ онъ, — въ портняжную. Сидятъ хозяинъ и мастеровне съ утра до вечера, поджавши ноги, а за руками и глазомъ иногда слѣдить не успѣешь. Весело смотрѣть на быструю работу, да не весело знать, что у портного, проработавшаго съ поджатыми ногами лѣтъ пять—десять, ноги сохнутъ, слабѣютъ и сильны остаются только руки, да и то больше правая; что у портного, отъ вѣчно согнутой спины, впадаетъ грудь, болѣетъ грудь. Уродомъ дѣлается человекъ и само тѣло его, такъ-сказать, скучаетъ отъ бездѣлья“. Нарисовавъ эту печальную картину, онъ даетъ слѣдующій комичный совѣтъ портнымъ: „Большое было-бы спасибо самымъ этимъ мастерамъ, если-бы они, понимая всю пользу тѣлеснаго труда, каждый разъ, по окончаніи работы иглой, давали-бы работу остальному тѣлу, въ крайности хоть попрыгали-бы, побѣгали, въ городки на дворѣ поиграли. И имъ-бы здоровѣе было, ногъ, груди и спины не уродовали, да и хозяинъ не оставался въ накладѣ, потому что расправивши тѣло, рабочій больше-бы сдѣлалъ за то-же время“. Итакъ, выходитъ, что трудъ портныхъ губить наше здоровье, а тѣлесный трудъ спасаетъ здоровье? Нѣтъ, вы ошибаетесь. На 14 страницѣ философъ „Соляного городка“ говоритъ: „кулье таскать, дрова рубить и посылнымъ бѣгать не въ мѣру, черезъ силу, — плохо: можно не только болѣзнь, но и самую смерть нажить отъ натуги“. Итакъ, какая-же разница между трудомъ портныхъ и тѣлеснымъ трудомъ: и отъ труда портныхъ можно умереть, и отъ труда тѣлеснаго можно смерть нажить? Дѣло въ томъ, что философъ „Соляного городка“ вовсе не умѣетъ подбирать примѣры, что происходитъ, вѣроятно, отъ его малаго знакомства съ дѣломъ, за которое онъ взялся.

Говоритъ онъ, на примѣръ, что умъ устаетъ отъ умственной работы и замѣчаетъ: „сочиняю, на примѣръ, я книжку и устаю въ этомъ трудѣ. Нужно дать отдыхъ тѣмъ силамъ ума, которыя нужны были для работы. Но когда работали эти силы, то другія отдыхали, ибо имъ работы не было; а долго отдыхали, такъ и устали, значить, отъ бездѣлья. Что-же нужно сдѣлать? Нужно

и имъ работу дать, чтобы въ работѣ ихъ освѣжить. Значить, работа для нихъ уже дѣлается отдыхомъ. Я сочинялъ и усталъ. Займусь-же съ кѣмъ-нибудь разговоромъ о чемъ-нибудь любопытномъ, дѣтей своихъ посмотрю, поиграю съ ними, съ женой потолкую о домашнихъ дѣлахъ, наконецъ музыкой самъ займусь или послушаю, какъ другіе играютъ или поютъ. Тогда я одніе душевныя силы мои смѣнилъ въ работѣ другими. Усталымъ далъ отдохнуть, а отдохавшимъ далъ работу и работою оживилъ и ихъ, и себя“. Примѣръ опять-таки крайне неудачный. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ мало пойметъ народъ изъ этого объясненія о разныхъ душевныхъ силахъ, объ этихъ перегородкахъ въ умѣ человѣка. Но кромѣ того, простой читатель можетъ подумать, что при сочиненіи книжки у философа „Соляного городка“ работаетъ одна часть мозга, а при разговорѣ „о чемъ-нибудь любопытномъ“ или при „толкахъ съ женою о домашнихъ дѣлахъ“ работаетъ другая часть мозга. Впрочемъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ при сочиненіи той книжки, о которой мы говоримъ, у философа „Соляного городка“ работала не та часть мозга, которая работаетъ у него при разговорахъ съ знакомыми и женою. Въ „своемъ кругу“ онъ говоритъ, вѣроятно, логичнѣе и яснѣе.

Если-бы мы стали выписывать все, что изрекаетъ этотъ философъ, то наша статья вышла-бы очень длинною. Вотъ, напримеръ, что онъ говоритъ въ книгѣ „Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ“: „Каждый человѣкъ способенъ дѣлаться лучше, т. е. умнѣе, добрѣе, набираться знаній и опыта житейскаго, да не только способенъ къ этому самъ, но можетъ все это передавать и дѣтямъ своимъ. Въ этомъ человѣкъ не имѣетъ себѣ подобнаго между животными. Чему и какъ животное ни научи, *къ чему и какъ животное ни привыкнетъ, а своей науки или своей привычки оно приплodu своему передать не можетъ*“. Но ужъ не господинъ-ли Коховскій учить муравьевъ, бобровъ, кротовъ, пчелъ возводить постройки извѣстными способами и по извѣстному плану? Или г. Коховскій никогда не видалъ, какъ животныя *учатъ* своихъ дѣтенышей? Если онъ этого не знаетъ, то ему слѣдовало-бы заняться естественными науками, если только онъ непремѣнно желаетъ приводить въ своихъ книгахъ примѣры и изъ этой области знаній. Нашъ народъ такъ невѣжественъ, что, право, должно быть стыдно тому изъ нашего круга, кто рѣшится еще болѣе

извращать и безъ того извращеннаго понятія этого народа. „Ребеноеъ раньше узнаеть мать, говорить г. Коховскій въ другомъ мѣстѣ. — Но что она ему именно мать, а не такъ что-то, что чаще подвертывается подъ глаза, что-то болѣе знакомое, — это онъ узнаеть позже, тогда-же, когда узнаеть отца, дядю, тетку и чужихъ людей. А когда онъ посмотрится на всѣхъ людей, на многія вещи, на животныхъ, то пойметъ что его мать—человекъ“. Неужели только тогда?

Но перейдемъ къ другимъ писателямъ „Соляного городка“.

Какъ-бы ни было безцѣльно и сбивчиво произведеніе г. В. П. Коховскаго, но оно все-таки можетъ считаться гениальнымъ въ сравненіи съ произведеніемъ г. А. И. Николича. Г. А. И. Николичъ пишетъ біографію Кольцова. Біографія написана неподражаемымъ тономъ. У воронежскаго мѣщанина Василья Кольцова родился сынъ. „Славный, здоровый росъ парнишка... Вывало шалить съ другими ребятами и сбѣгаетъ себѣ по улицамъ зря Алешка... Алеша сталъ подростать и отецъ отдалъ его въ школу... Мальчишка смысленный, бойкій — скоро, мѣсяца въ четыре, выучился читать... Ну, довольно учить грамотѣ, свазалъ батька, пора и за работу — и взялъ сынишку изъ школы... Молодой Кольцовъ, Алеша, хотя и немногую выучился въ школѣ, но полюбилъ грамоту. Всѣ денжонки мальчишка тратилъ на покупку книжекъ... Такъ росъ парень...“ Какъ видите, тонъ очень развязный: Алешка, мальчишка, парнишка. Впрочемъ, помилуйте, что тутъ стѣсняться: дѣло идетъ о сынѣ какого-то мѣщанина и притомъ біографія этого мѣщанина пишется для народа! Но если г. Николичъ не считаетъ нужнымъ болѣе прилично относиться къ какому-нибудь сыну мѣщанина, то, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ знать, что человекъ, пишущій для народа не долженъ поддерживать въ народѣ привычки къ такимъ кличкамъ, какъ Алешка, Федька, Митька. Эти клички являются у насъ наслѣдствомъ тѣхъ горькихъ явленій нашей давно-прошедшей жизни, слѣды которыхъ долженъ истреблять каждый изъ насъ. Можетъ быть, г. Николичъ знаетъ, почему и когда стали именоваться Алешками и Федьками не только люди, вышедшіе изъ толпы, но и дружинники, и бояре...

Но интереснѣе всего то, какъ понимаетъ г. А. И. Николичъ и личность Кольцова, и процессъ творчества. Онъ говоритъ про по-

эта: „Читая часто книжки, дивился онъ, какъ это люди выучились такъ хорошо рассказывать въ книжкахъ про разныя вещи, которыя видѣли, про разные случаи, какіе съ кѣмъ были, какъ это они научились такъ хорошо складывать пѣсни. Чѣмъ больше онъ читалъ и дивился этому, тѣмъ больше ему самому хотѣлось сложить пѣсню, и сталъ онъ складывать, да сначала все какъ-то у него не клеилось дѣло, однако, онъ ничего, все пытался, ну, и удалось, наконецъ, и ему сложить пѣсенку... Конечно, не такъ скоро это ему удалось, какъ вотъ я говорю, потому что извѣстно вѣдь: „сказка скоро говорится, а дѣло медленно творится“. И онъ уже парень взрослый былъ и хорошо выучился грамотѣ, когда сложилъ первую пѣсню“. Какъ видите, дѣло очень просто: захотѣлъ сложить пѣсню, попытался и сложилъ. Г. А. И. Николичъ даже не дѣлаетъ во всей своей книжонкѣ и намека на то, что для „сложенія“ пѣсни одного хотѣнья очень недостаточно, что, напримѣръ, онъ, г. А. И. Николичъ, при самомъ страстномъ желаніи все-таки не „сложитъ“ и во сто лѣтъ такихъ пѣсень, какія слагалъ Кольцовъ, и что поэтому онъ потратилъ-бы даромъ время, если-бы сталъ пытаться „складывать“ какія-нибудь пѣсни. Но г. А. И. Николичъ, должно быть, имѣетъ на творчество свои особенныя взгляды. Онъ говоритъ: „Кольцову, когда онъ выучился складывать пѣсни, захотѣлось поразсказать другимъ прежде всего про степь, которая ему такъ полюбилась и въ которой онъ такъ хорошо проводилъ время. И вотъ, когда онъ хорошо выучился грамотѣ, то и сложилъ про эту степь такую пѣсню“. Но г. А. И. Николичъ не только самъ такъ смотритъ на творчество, но, повидимому, думаетъ, что и другіе такъ-же смотрятъ на этотъ предметъ. Онъ замѣчаетъ: „Кольцову пришлось побывать по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ; тамъ онъ попалъ въ кругъ людей образованныхъ, которые оцѣнили его способности, его страсть къ чтенію, къ ученію. *Пѣсни его тѣмъ понравились всѣмъ образованнымъ людямъ, что въ нихъ онъ рассказывалъ про народную крестьянскую жизнь*“. „Кольцову хотѣлось, чтобы всѣ узнали русскаго мужика и его мужицкую жизнь. *Вотъ потому онъ всѣ пѣсни и складывалъ больше про эту жизнь, а въ этихъ пѣсняхъ рассказывалъ онъ и про горе, и про радость мужика, словомъ про всю его жизнь*“. „Кольцовъ, сынъ простого мужика, а *захотѣлъ, какъ говорится, выйдти въ люди—и вы-*

шелъ, научился грамотъ да уму-разуму. Умные люди за то еще больше его уважали, что всю жизнь свою онъ встрѣчалъ одни только неудачи да препятствія: другой-бы и рукой махнулъ, пересталъ-бы учиться, но не таковъ былъ Кольцовъ“. Тутъ что ни фраза, то нелѣпость. Никогда пѣсни Кольцова не нравились только за то, что онъ рассказывалъ про крестьянскую жизнь. Не потому Кольцовъ складывалъ пѣсни про эту жизнь, что хотѣлъ, чтобы ее узнали. Захотѣтъ выйти въ люди можетъ каждый, но отъ хотѣнія до осуществленія желанія еще очень далеко. Вообще каждая высказанная г. Николичемъ идея только компрометируетъ его въ глазахъ публики. Эти идеи — идеи ребенка, необщающаго ничего въ будущемъ. Далѣе, рассказавъ крайне поверхностно, что Кольцову тяжело жилось, потому что его не уважали и не понимали въ Воронежѣ, г. А. И. Николичъ заключаетъ: „Вотъ какова была жизнь этого *умнаго, честнаго и добраго* человека. Много онъ видалъ въ жизни горя, много испыталъ неудачъ, много натерпѣлся напрасливъ отъ людей, но сохранилъ совѣсть, потому что звалъ Бога, и чистымъ предсталъ передъ судомъ Его, Всемоущаго. Не пришлось краснѣть ему передъ людьми, потому что краснѣеть только тотъ, у кого совѣсть не чиста; а онъ былъ съ чистою душою, съ чистою совѣстью. *Умные и честные люди за это и уважали его*; и несмотря на то, что умеръ онъ давно, что былъ простой мужицкій сынъ, всѣ грамотные люди знаютъ его, а пѣсни его и доселѣ читаютъ и поютъ“. Признаемся откровенно, мы краснѣемъ за г. А. И. Николича. Предполагать, что Кольцова уважали и цѣнили умные люди за его чистую совѣсть и чистую душу, за его стремленіе къ ученю—это такое ребячество, до котораго не дойдетъ ни одинъ гимназистъ пятаго класса. Но что было-бы еще простительно для гимназиста, то непростительно для человека. Желающаго фигурировать въ роли писателя, поучающаго народъ, Высказывать подобныя наивныя воззрѣнія публично, извращать факты въ народной книгѣ,—это безтактно и недобросовѣстно, чтобы не сказать болѣе.

Впрочемъ, мы думаемъ, что „новые писатели“ „Соляного городка“ высказываютъ подобныя воззрѣнія больше по невѣденію, чѣмъ по безтактности. Загляните, на примѣръ, въ сочиненіе г. А. М. Воронцова: „О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ“, и вы

найдете въ немъ слѣдующія объясненія: „Телескопы дѣлаются такъ: въ большую трубу, деревянную или мѣдную, съ обѣихъ концовъ вставляютъ *особыя* стекла; а такъ-какъ большую трубу удержать въ рукахъ нельзя, то ставятъ ее на *особыхъ* подмосткахъ. Случалось, дѣлали такіе большіе телескопы, что внутри ихъ могло помѣститься нѣсколько человѣкъ. Телескопы стали ставить въ *особыхъ* домахъ, а дома строятъ гдѣ-нибудь повыше, на горѣ“. Это совершенно *особое* объясненіе *особаго* писателя, въ сущности, не объясняетъ ничего и ясно говоритъ о томъ, что этотъ *особый* писатель *не можетъ* дать другого, болѣе понятнаго объясненія. А между тѣмъ онъ взялся писать для „темнаго“ народа и потому каждое его объясненіе должно-бы быть ясно и понятно. Но что ему за дѣло до народа: онъ захотѣлъ сдѣлаться писателемъ, и потому пишетъ. Невѣжество всегда храбро. Не лучше объясняетъ этотъ *особый* писатель и способъ измѣренія разстоянія земли отъ солнца. Онъ говоритъ: „Узнать, какъ далеко отъ насъ солнце или планета какая, простому человѣку кажется очень мудренымъ. Вѣдь веревки не протянешь, самъ не поѣдешь. Правда, дѣло это мудреное, но все-же возможное. Всѣ видали, а если кто не видалъ, такъ ужъ вѣрно слыхалъ, какъ землеѣры мѣряютъ землю. Мѣряютъ они ее цѣпью, но мѣряютъ ее и безъ всякой цѣпи или веревки. Случится, наприѣръ, землеѣру ширину рѣки смѣрить; ему не нужно черезъ нее цѣпь тащить, а есть у него *инструментъ такой* (*особый, должно быть*) и *знаетъ землеѣръ, какъ это дѣло сдѣлать*. (Эта фраза восхитительна! Право, ни одинъ англійскій юмористъ не выдумалъ-бы болѣе комичной фразы, желая показать, какъ невѣжественный человѣкъ поучаетъ народъ. Но г. Воронцовскій даже не сознаетъ комизма этой фразы и повторяетъ ее, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ.) И вотъ, не переходя рѣки, безъ всякой цѣпи смѣряетъ землеѣръ ширину рѣки, и смѣряетъ такъ точно, что и на вершокъ его не учтешь. И мѣритъ ему все равно,—какъ-бы широка рѣка ни была, лишь-бы только противоположный берегъ былъ видѣнъ. Если можно смѣрить ширину рѣки, т. е. узнать, какъ далеко отъ насъ противоположный берегъ, то можно, значить, узнать и какъ далеко отъ насъ какой-нибудь предметъ. Тутъ и величина разстоянія не причесть, лишь-бы предметъ былъ намъ видѣнъ. Теперь не трудно догадаться,

что и на планеты незачѣмъ ѣздить, чтобы узнать, какъ далеко отъ насъ та или другая планета. Есть и у астрономовъ инструменты (тоже особыя?), приспособленные для этого дѣла, и *знаютъ астрономы, какъ это дѣло дѣлать*". Какъ вы думаете, читатель: станетъ-ли послѣ этого объясненія менѣе мудреннымъ для „простого человѣка“ понятіе объ измѣреніи разстоянія земли отъ солнца или нѣтъ? Если до этого объясненія „простой человѣкъ“ не зналъ, какъ дѣлать эти измѣренія, то вѣдь и послѣ этого объясненія онъ не будетъ этого знать. Но „особый“ писатель „Соляного городка“ не смущается и продолжаетъ дѣлать подобныя объясненія. Онъ пишетъ далѣе: „Какъ трудно на первый разъ кажется неученому человѣку измѣрить разстояніе безъ веревки, такъ трудно кажется ему измѣрить и величину предмета, не подходя къ нему. А между тѣмъ для этого дѣла и къ землѣмъру ходить незачѣмъ, потому что этому уже и въ школахъ учатъ. Если можно смѣрить величину предмета у насъ на землѣ, какъ-бы далеко онъ отъ насъ ни былъ, лишь-бы его видно было, такъ точно можно смѣрить и величину планеты. И дѣйствительно, у астрономовъ на это дѣло есть *особые* инструменты“. Такими „особыми объясненіями“ наполнено все чтеніе этого „особаго писателя“. Эти-то объясненія и даютъ полное право думать, что г. А. М. Воронецкій такъ-же невѣжественъ, какъ и г. Коховскій, и г. Николичъ.

Если г. А. М. Воронецкій находитъ себѣ спасеніе во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ при помощи *особыхъ* объясненій, то г. Я. М. Шмулевичъ прибѣгаетъ въ затруднительныхъ случаяхъ къ фразамъ: „говорятъ“, „полагаютъ“ и т. п. Онъ пишетъ: „*Говорятъ*, что въ сырой квартирѣ человѣкъ меньше потѣетъ, а я уже сказалъ, что потому выходитъ изъ нашего тѣла много вредныхъ для насъ веществъ. Если-же потъ задерживается, то и эти вещества задерживаются въ тѣлѣ и человѣкъ отъ этого заболѣваетъ“. „*Многіе доктора утверждаютъ* такъже, что отъ испорченнаго воздуха дѣти болѣютъ англійскою болѣзнью“. „*Нѣкоторые ученые утверждаютъ*, что повѣтренныя и заразительныя болѣзни происходятъ оттого, что въ наше тѣло вмѣстѣ съ воздухомъ или съ пищею попадаютъ зародыши маленькихъ животныхъ и растений, которые и производятъ въ насъ эти болѣзни“. „*Говорятъ*, что молнія особенно очищаетъ воздухъ;

правда то, что послѣ молніи воздухъ получаетъ особенный запахъ и что этотъ воздухъ уничтожаетъ всякое гніющее вещество“. „Прежде холера бывала только лѣтомъ; теперь она у насъ во многихъ мѣстахъ является и зимою; *нѣкоторые думаютъ*, что это бываетъ оттого, что по деревнямъ народъ пьетъ воду изъ снѣга, на который прежде вылили изверженія холернаго больного; холерный ядъ такимъ образомъ опять попадаетъ въ тѣло человѣка“.

Такія объясненія, конечно, никуда не годятся въ народныхъ книжкахъ. Мало-ли что „говорятъ“, могутъ замѣтить читатели, но вѣдь не даромъ-же говоритъ пословица: не всякому слуху вѣрь. Но что-же дѣлать господамъ писателямъ „Соляного городка“, если у нихъ нѣтъ положительныхъ знаній и есть сильное желаніе писать? Господину-же Я. М. Шмулевичу и вообще не всегда можно вѣрить на-слово. Такъ, напримѣръ, онъ высказываетъ слѣдующую мысль. „Лѣтъ 300—400 тому назадъ пища бѣднаго народа не была хуже теперешней, а между тѣмъ тогда болѣзни, если онѣ временно появлялись, такъ свирѣпствовали между людьми, похищали такое громадное количество жертвъ, о какомъ мы теперь и понятія не имѣемъ. *А почему это такъ было? Потому, что дома были устроены безъ малѣйшаго вниманія къ здоровью ихъ жителей*, улицы были узки, въ нихъ застаивался и гнилъ воздухъ, ну и сами жители страшно содѣйствовали этому своею нечистоплотностью“. Противъ этого положенія можно сильно и сильно поспорить. Онъ говоритъ, что пища простого народа была за 300—400 лѣтъ не хуже, чѣмъ теперь. Но говорить это—значить не знать вовсе исторіи: если-бы онъ зналъ исторію, то онъ зналъ-бы и то, что за 300—400 лѣтъ бѣдный народъ страдалъ отъ такихъ страшныхъ „голодovieкъ“, о которыхъ мы не имѣемъ и понятія, и каждый разъ голодъ сопровождался моромъ. Объ этомъ г. Шмулевичъ могъ-бы узнать какъ изъ всеобщей, такъ и изъ русской исторіи. Но это не единственная ложная мысль приведенной нами небольшой выдержки изъ его книги. Даже читатели изъ народа могли-бы спросить г. Шмулевича: „да неужели въ старые годы наши деревни, гдѣ и теперь есть курныя избы, были построены еще хуже?“ Кромѣ этого можно-бы было спросить г. Шмулевича, гдѣ въ западной Европѣ за 300, за 400 лѣтъ встрѣчались, кромѣ еврейскихъ

кварталовъ, хуже устроенныя помѣщенія, большее скучиванье народа, чѣмъ въ современныхъ бѣдныхъ кварталахъ Лондона, Лилля, Рубэ и т. д.? Однако, даже въ этихъ кварталахъ не бываетъ той смертности во время повальныхъ болѣзней, которая встрѣчалась въ европейскихъ городахъ въ старыя годы во время эпидемій. Наконецъ, самъ-же г. Шмулевичъ говоритъ въ другой брошюрѣ: „Затѣмъ замѣтили, что многіе города, наприимѣръ, у насъ Москва, страшно пострадали отъ холеры. Когда болѣзнь прекратилась и, по настоянію докторовъ, были пересмотрѣны и очищены всѣ колодцы, баки и водопроводы, то въ слѣдующій разъ, когда болѣзнь была занесена, она была чрезвычайно слаба, между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ, гдѣ водохранилища не были очищены, болѣзнь свирѣпствовала съ тою-же силою, какъ и прежде“. Такимъ образомъ ясно, что далеко не одно устройство домовъ, не однѣ сырыя и грязныя квартиры бываютъ причиною болѣзней. Дѣло въ томъ, что г. Шмулевичъ не сообразилъ всей сложности того вопроса, котораго онъ коснулся, и высказалъ вполне невѣрную мысль. Нужно еще замѣтить, что г. Шмулевичъ вовсе, кажется, не понимаетъ, къ кому онъ обращается съ своими лекціями. Укажемъ на два примѣра. Онъ пишетъ: „Во-первыхъ, въ водѣ бываютъ *эти самыя соли*, но только въ очень большомъ количествѣ; особенно много бываетъ въ водѣ *известки*. Такая вода называется жесткою. Вотъ эта жесткая вода и есть та самая, которая негодна для мытья бѣлья, потому что *известка* портитъ мыло; она также негодна для варки, потому что *соли* ложатся на мясо снаружи, затыкаютъ всѣ его отверстія и не даютъ мясу вывариться внутри, какъ слѣдуетъ“. Пойметъ-ли что-нибудь изъ этого тотъ читатель, который едва разбираетъ по складамъ народныя книжки? Въ его головѣ непременно перепутаются понятія объ известкѣ и соляхъ. Но сумбуръ въ его головѣ увеличится еще болѣе; когда черезъ нѣсколько строкъ онъ прочтетъ: „Вода очень многихъ рѣкъ всегда дѣлаетъ разстройство желудка, потому что въ ней находится много *известки и другихъ такихъ каменистыхъ веществъ*“. Какъ-же это, подумаетъ читатель, то съ какими-то солями сравниваютъ известку, то каменистымъ веществомъ ее называютъ? И какія это такія соли бываютъ? Далѣе г. Шмулевичъ говоритъ: „Въ холерное время пьютъ часто *газовую воду*, полагая,

что она безвредна. Я долженъ сказать, что если эта газовая вода дѣлается изъ нечистой воды, то она отъ газа нисколько не поправляется. Это есть также вредная вода, только съ газомъ“. Это народъ-то, читающій лекціи „Соляного городка“, пьетъ „газовую“ воду! Да онъ, г. Шмулевичъ, даже не пойметъ, что это за штука „газовая вода“. Нѣтъ, вы не знаете ни своего предмета, ни своей публики. Тѣ люди, которые пьютъ „газовую воду“ въ холерное время, не станутъ поучаться изъ вашихъ книгъ.

Такъ-же плохи тѣ свѣденія, напримѣръ, по части исторіи, которыя сообщаются народу лекторами „Соляного городка“. Возьмемъ для примѣра чтенія г. Вишнякова „О Кавказѣ и кавказской войнѣ“. Какія понятія даетъ народу лекторъ о коренныхъ жителяхъ Кавказа? „Горскіе народы, говоритъ онъ, — *одно слово азіаты*“. Послѣ этого ничего необъясняющаго народу объясненія онъ входитъ въ такія подробности: „Всѣ горцы склонны къ праздности и хищничеству. Большую часть дня они проводятъ, ничего не дѣлая. Мужчина полагаетъ недостойнымъ себя всякое ремесло или домашнее хозяйство; это обязанность женщинъ; его же занятіе — воровство, набѣгъ, война. Въ то время, когда жены носятъ вязанки дровъ, вувшины воды, работаютъ въ садахъ, онъ выходитъ на улицу и лежитъ цѣлый день подъ тѣнью своего дома, стругаетъ палочку, куритъ трубку и слушаетъ рассказы и новости. Оставаясь цѣлый день въ бездѣйствіи, горцы съ удовольствіемъ собираются для хищныхъ нападений и въ этомъ все ихъ развлеченіе“. Читая эту тираду, невольно спрашиваешь: неужели-же цѣлый край могъ существовать, ничего не дѣлая? Неужели-же дѣйствительно вся жизнь кавказскихъ народовъ проходила „въ лежаньи подъ тѣнью своихъ домовъ“ и „въ струганьи палочекъ“? И какъ согласить съ этимъ слова самого лектора о томъ, что „несмотря на свою лѣнь, горцы чрезвычайно легки и поворотливы; жирнаго, неповоротливаго мужчину они презираютъ. Проворство, сила и храбрость — вотъ качества, цѣнимыя горцами выше всѣхъ благъ земныхъ. Они умѣренны въ пищѣ и во снѣ, неутомимы и чрезвычайно выносливы. Худо одѣтые, подъ дождемъ, босые, безъ теплой пищи и питья, горцы не знаютъ усталости и болѣзней“. Вѣдь эти два опредѣленія характера горцевъ не вяжутся между собою. Оче-

видно, что лекторъ, дѣлая первое опредѣленіе, умолчалъ кое-чемъ и только желалъ доказать народу, что горцы нигде негодные люди. Дѣйствительно, стремленіе выставить только дурныя стороны горцевъ проглядываетъ у г. Вишнякова вездѣ. Онъ говоритъ: „всѣ, однако, равно не любили русскихъ и, ведя войну съ нами, считали это дѣло священнымъ“. Эта нелюбовь горцевъ къ русскимъ ставится въ вину горцамъ. Но развѣ русскіе-то любили и могли любить горцевъ? Конечно, нѣтъ. Но ихъ за это г. Вишняковъ не упрекаетъ; онъ даже старается и теперь поддерживать своими чтеніями эту нелюбовь, хотя горцы уже вошли въ составъ русскаго государства. Онъ на каждой страницѣ говоритъ: „Можно себѣ представить также, легка-ли была война, которую мы вели 60 лѣтъ, въ такой опасной мѣстности, гдѣ каждый кустъ, дерево или камень могли скрывать непріятеля дерзкаго, предприимчиваго и мстительнаго“. „Нашимъ войскамъ привелось имѣть дѣло съ непріателемъ жестокимъ и дикимъ“. „Въ самое первое время владычества русскихъ въ Грузіи кавказское начальство требовало отъ одного изъ сосѣднихъ Грузіи обществъ, чтобы оно уняло своихъ *разбойниковъ*“. „Ребенокъ чуть только подростеть — считается уже взрослымъ; родители скоро оставляютъ всѣ попеченія о дѣтяхъ. Если мальчикъ дѣлается сорванцомъ, неоднократно замѣчался въ воровствѣ, —отецъ радуется: значить, изъ сына прокъ будетъ, думаетъ родитель“. „Большая часть горцевъ скорѣе были похожи на дикихъ звѣрей, чѣмъ на людей. Они незнакомы съ великодушіемъ, вѣроломны и въ высшей степени самолюбивы. Самая храбрость ихъ есть кровожадность или свирѣпость дикаго звѣря. Воровство у горцевъ считалось удалью, молодечествомъ. Необузданности горца можно было удивляться“. „Убийцами изъ-за мести бывали даже маленькія дѣти. Горцы не признавали никакого права, кромѣ права сильнаго. Всякіе совѣты, внушенія или снисхожденія, даже самое прощеніе они считали за слабость. Съ ними нужно было поступать круто и жестоко, лишь тогда они смирялись“. Однимъ словомъ, горцы рисуются такими, какими не рисуетъ Бремъ и хищныхъ звѣрей. Г. Вишняковъ въ своемъ патріотическомъ увлеченіи забываетъ даже похвалить горцевъ за ихъ несомнѣнный патріотизмъ. Лекторъ сыплетъ обвиненіями и не объясняетъ даже причинъ, по которымъ горцы сдѣ-

лались такими людьми. Читая его характеристики горцевъ, народъ долженъ придти къ убѣжденію, что война съ горцами была не обыкновеннымъ явленіемъ, а чѣмъ-то священнымъ, что мы спасали міръ отъ какихъ-то немислимыхъ злодѣевъ, что мы даже сплеховали, не истребивъ всѣхъ до единого этихъ злодѣевъ. Но самъ г. Вишняковъ упрекаетъ кавказскихъ учителей, внушавшихъ горцамъ тѣ-же чувства, которыя внушаетъ онъ нашему народу. Онъ говоритъ: „нѣкоторые изъ ихъ священниковъ, такъ-называемые муллы, стали проповѣдывать общую ненависть къ христіанамъ, разжигали народъ на войну; эту войну они называли казаватомъ или священной войною и всякому идущему въ битву, особенно-же убитымъ, обѣщали самыя лучшія наслажденія въ будущей жизни“. Но вѣдь самъ г. Вишняковъ дѣлаетъ въ сущности то-же, что дѣлали кавказскіе муллы, только съ тою разницею, что тѣ проповѣдывали во время войны, а онъ проповѣдуетъ въ мирное время. Или онъ полагаетъ, что, рисуя горцевъ шайкой „мошенниковъ“, „разбойниковъ“, „грабителей“, онъ не возбуждаетъ къ нимъ ненависти и не порождаетъ въ читателѣ мысль, что истребленіе подобныхъ людей есть дѣло священное? Впрочемъ, г. Вишняковъ, вѣроятно, ничего не думалъ и не соображалъ, когда писалъ свои брошюры. Ему, просто, нужно было выставить на видъ свой патріотизмъ. Къ несчастію, г. Вишняковъ очень несообразителенъ и потому онъ не понималъ, что чувство ищры нужно вездѣ, и хватилъ черезъ край. Признавая всѣ подвиги горцевъ безъ исключенія „дерзостью“, „грабежемъ“, „разбоемъ“, „вѣроломствомъ“, „коварствомъ“, г. Вишняковъ всѣ подвиги русскихъ, тоже безъ исключенія, признаетъ доблестями. Вотъ, наприимѣръ, какъ онъ рисуетъ характеръ гребенскихъ казаковъ: „Прежде другихъ поселились гребенцы; они дошли до рѣки Терека, перешли ее и устроились на гребняхъ невысокихъ горъ, покрытыхъ густыми лѣсами, обзавелись кое-какимъ хозяйствомъ, стали и поля разрабатывать. Но недолго довелось имъ жить спокойно; буйные сосѣди, чеченцы, захотѣли выжить непрощенныхъ гостей. Начались постоянныя стычки, но выжить нашихъ земляковъ чеченцамъ не удалось. *Трудно было справиться съ лихимъ, молодецкимъ народомъ.* Вотъ эти-то самыя поселенцы и были предками гребенскихъ казаковъ, поселившихся, какъ сказано, на гребняхъ горъ за Терекомъ. Такъ и на-

звались они гребенскими. И всѣ казаки, поселенные въ этихъ станицахъ, стали называться линейными или линейцами, иногда и станичниками. Скоро свыклись линейцы съ новыми мѣстами жительства и, изо дня въ день тревожимые непріателемъ, сами стали для него грозю. Живя лицомъ къ лицу съ неугомонными сосѣдями, они всегда были на готовѣ и, въ свою очередь, *дѣлали смѣлые набѣги на горскія селенія или аулы, отгоняли у нихъ скотъ, портили посѣвы, жили жилища, вообще въ дому не оставались.* Въ такой-то школѣ безпрестанныхъ тревогъ и боевыхъ опасностей воспитывался казакъ съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ. Про него говорятъ, что онъ чуть-ли не родится вооруженный и на конѣ. Возвратясь съ похода и слѣзши съ лошади, казакъ бросаетъ поводья своему 6-лѣтнему сыну, а грудного ребенка, поддерживая за поясъ, сажаетъ на сѣдло. Линейные казаки и казачки отъ колыбели *привыкли слышать рассказы о подвигахъ храбрости и самоотверженія своихъ отцовъ, братьевъ и мужей*“. Г. Вишняковъ даже не можетъ сообразить того, что первые поселенцы-казаки въ своихъ подвигахъ въ сущности ничѣмъ не отличались отъ горцевъ, если не брать во вниманіе того, что горцы жили у себя дома, а казаки явились пришельцами. Рассказываетъ, напримѣръ, г. Вишняковъ такой случай: „Однажды солдатъ, отставшій отъ колонны, былъ убитъ выстрѣломъ изъ-за куста, растущаго при дорогѣ. Бросились къ кусту и, съ трудомъ раздвинувъ вѣтви, нашли въ немъ сѣдого, какъ лунь, старика, который грозно ворочалъ глазами. Оказалось, что старикъ этотъ не имѣлъ даже силы ходить и былъ принесенъ сюда своими родственниками. Онъ во всю жизнь не убилъ ни одного русскаго и при дверяхъ гроба, желая получить блаженство рая, упросилъ родственниковъ доставить ему возможность попасть туда помощью убійства; такъ сильно подѣйствовали на него слова муллы! Надобно было видѣть звѣрскую радость этого старика: „бейте, колите, рѣжьте, бормоталъ онъ глухимъ, едва слышнымъ голосомъ, — вы тѣмъ скорѣе переселите меня въ рай!“ Старикъ порицается за такой патріотизмъ, приравнивается къ звѣрю; но если-бы этотъ старикъ былъ русскій, положимъ, житель Москвы во время 1812 года, вѣроятно, г. Вишняковъ восплѣль-бы его любовь къ отчизнѣ. Странные эти господа, квасные патріоты! Не могутъ они безпристрастно смотрѣть на историче-

скіе факты и потому у нихъ всегда выходитъ, что дважды-два—стеариновая свѣчка. Говорятъ они: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть, и думаютъ, что они высказываютъ великую истину, что они высказываютъ похвалу русскому народу. И ни одинъ изъ нихъ не сознаетъ, что ему могутъ сказать: „да, а что нѣмцу здорово, то русскому—смерть“. Г. Вишняковъ является именно такимъ патриотомъ, точно отличиться этимъ думаетъ. Но передъ вѣмъ-же? Онъ рассказываетъ другой случай: „14-лѣтній казаченокъ Васютка Столяровъ, сынъ войскового старшины, посланъ былъ отцомъ, съ казачкомъ деньщикомъ на двухъ парахъ воловъ, за порубленнымъ лѣсомъ для постройки. Деньщикъ принялся съ парюю воловъ за тягу бревенъ, а Васютка съ гармоникой усѣлся у повозокъ, поставленныхъ на полянкѣ, и такъ углубился въ свою музыку, что замѣтилъ только тогда съ десятокъ горцевъ, окружившихъ его, когда двое изъ нихъ принялись вязать ему руки назадъ. О сопротивленіи и подумать было некогда. Пришлось хлопцу съ парюю воловъ раздѣлить одну долю и идти на поводку. Такъ прошли они съ утра до заката. Утомленный, голодный мальчуганъ уже падалъ отъ усталости, но не терялъ бодрости духа и казацкой отваги. Остановились горцы на роздыхъ, развели огонь, считая себя вполне безопасными отъ преслѣдованія, принялись за хлѣбъ и жареное просо, чѣмъ угостили и плѣнника, развязавъ ему руки. Гармоника занимала горцевъ даже во время пути, несмотря на то, что могла ихъ выдать; но нивакъ дикари не могли подладиться сыграть что-нибудь. И вотъ они на привалѣ взялись снова за гармонику, а все складу и ладу нѣтъ, какъ нѣтъ. Не выдержавъ Васютка, схватилъ гармонику и лихо отхваталъ горскій танецъ лезгинку. Не выдержали и горцы знакомой музыки, принялись выплясывать. А Васютка, хотя и занялся музыкой, но уже помышлялъ, какъ-бы удрать по добру, по здорову въ родную хату. Далеко за полночь Васютка потѣшалъ своимъ искусствомъ горцевъ, наигрывая знакомыя ему плясовыя пѣсни, не исключая и трепака, который очень понравился горцамъ. Разошелся онъ до того, что сталъ передразнивать грузинъ, какъ они коверкаютъ слова, говоря по-русски или по-горски. Эта потѣха привела горцевъ въ такой восторгъ, въ такое веселье, что они совсѣмъ забыли, что имѣютъ дѣло съ плѣнникомъ; утомленные пляскою и нахохотавшись до судорогъ, они заснули, не связавъ мальчишку.

Этого-то и нужно было Васютѣ. Притворился онъ крѣпко спящимъ, а самъ полуоткрытыми глазами зорко слѣдитъ за караульнымъ у костра, сидѣвшимъ къ нему спиной. Улучивъ время, онъ ловко вынулъ кинжалъ изъ ноженъ у сильно храпѣвшаго горца, ужомъ подползъ къ караульному и, поднявшись за нимъ на колѣни, съ размаха всадилъ по рукоятъ кинжалъ. Ударъ былъ такъ ловко нанесенъ, что горецъ, не пикнувъ, упалъ лицомъ въ огонь. Обобравъ осторожно Васютка то оружіе, какое только можно было взять у крѣпко спавшихъ, и, вооруженный съ ногъ до головы, осторожно пробрался въ лѣсную чашу. На другой день Васютка былъ дома съ своей дорогой гармоникой и съ захваченнымъ оружіемъ. Тутъ, какъ видите, все ставится въ доблесть—и хитрость, и ловкій ударъ сзади, и кража оружія у врага. Будь все это сдѣлано горцемъ, г. Вишняковъ разразился-бы цѣлой тирадой противъ безнравственности горцевъ, у которыхъ даже 14-лѣтнія дѣти способны на такое коварство, всосанное съ молокомъ матери, и т. д. Нападеніе горцевъ, защищающихъ свое отечество, на станицу называется у г. Вишнякова хищничествомъ; нападеніе-же казаковъ на чужіе аулы называется доблестью. Мы дадимъ совѣтъ г. Вишнякову; пусть онъ попробуетъ поставить горцевъ на мѣсто русскихъ и русскихъ на мѣсто горцевъ, тогда онъ увидитъ, что нельзя безусловно обвинять горцевъ и нельзя безусловно хвалить русскихъ. Да и вообще похвалы и порицанія очень мало нужны въ исторіи и еще менѣе нужны въ народныхъ лекціяхъ по исторіи; здѣсь нужно только безпристрастіе. Г. Вишняковъ вообще никакъ не можетъ понять простой истины, что и горцы, и казаки вели себя такъ, какъ ведутъ обыкновенно себя люди на войнѣ. Онъ просто хочетъ быть кваснымъ патріотомъ, во что-бы то ни стало, и не можетъ даже сообразить, какіе инстинкты онъ возбуждаетъ въ народѣ. Впрочемъ, его лекціи такъ плохо написаны, такъ ярко выставляютъ на видъ его малую сообразительность, что — да отпустятся ему грѣхи его.

Мы—признаемся откровенно—устали дѣлать выписки изъ произведеній „новыхъ писателей“ „Соляного городка“. Впрочемъ, едва ли и нужно выписывать еще что-нибудь изъ сочиненій этихъ гг. Роговыхъ, Медеровъ, Аникіевыхъ, Жывоговскихъ. Всѣ эти господа ни въ чемъ не уступятъ гг. Коховскимъ, Шмулевичамъ,

Вишняковскимъ, Воронцовскимъ. Всѣ они немислимы въ роли сотрудниковъ какого-нибудь серьезнаго литературнаго органа, и, вѣроятно, потому-то они и пріютились подъ гостепріимный кровъ „Соляного городка“.

IV.

Таковы, какъ мы сказали, по большей части всѣ народныя чтенія, избранныя комисією къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произнесенныхъ въ „Соляномъ городкѣ“. Можно себѣ представить, каковы должны быть тѣ чтенія, которыя не рѣшается печатать даже сама комисія и которыя только произносятся въ залѣ „Соляного городка“!

Но почему-же такъ часто появляются въ газетахъ сочувственные отзывы о трудахъ именно этой частной комисіи, тогда какъ о трудахъ другой комисіи народныхъ чтеній, носящей болѣе officialный характеръ, не встрѣчается никакихъ отчетовъ? Неужели труды этой мало-извѣстной комисіи еще хуже? Не думаемъ. Мы еще не успѣли познакомиться съ этими трудами, но полагаемъ, что хуже народныхъ чтеній „Соляного городка“ едва-ли можетъ быть что-нибудь въ этомъ родѣ. Отчего-же труды комисіи „Соляного городка“ занимаютъ прессу?

Дѣло объясняется очень просто, если взглянуть на него поближе.

Въ нашъ изворотливый и практическій вѣкъ въ жизни играетъ очень важную роль реклама. Ежедневно встрѣчаете вы въ газетахъ объявленія разныхъ господъ, распродаютыхъ чуть не даромъ полотно; ежедневно вы читаете изъявленія благодарности г. Гоффу за его цѣлебное пиво; ежедневно вы видите среди объявленій похвалы той или другой книгѣ, — похвалы, написанныя полубезграмотнымъ издателемъ этой книги. Эти рекламы на-столько грубы и топорны, что на нихъ поддаются теперь только очень недалъновидные люди. Но есть еще множество родовъ рекламъ, на-столько ловкихъ, что имъ вѣрятъ даже довольно опытные люди. Къ числу такихъ ловкихъ и расчетливыхъ рекламъ мы не безъ основанія должны отнести всѣ благопріятные отчеты о засѣданіяхъ и трудахъ комисіи „Соляного городка“.

Дѣло вотъ въ чемъ. Кто можетъ писать эти отчеты? Обыкновенные газетные репортеры? Посторонніе посѣтители засѣданій комисіи?

Нѣтъ.

Засѣданія комисіи „Соляного городка“ происходятъ не публично, хотя въ настоящее время всѣ частныя ученныя и благотворительныя общества, болѣе или менѣе, стараются сдѣлать свои засѣданія публичными. На засѣданія комисіи „Соляного городка“ можно попасть не иначе, какъ сдѣлавшись членомъ этой комисіи, а сдѣлаться ея членомъ можетъ только тотъ, чье „чтеніе“ будетъ принято этою комисіею. Такимъ образомъ, отчеты о засѣданіяхъ этой комисіи могутъ писать только ея члены.

Понятно, что, хвала труда комисіи, они отчасти хвалятъ и свои труды, а порицая ея труды, отчасти порицаютъ и свои труды. Такимъ образомъ, тотъ добрый геній, который пишетъ въ разныхъ газетахъ благопріятные отчеты о трудахъ комисіи, есть никто иной, какъ одинъ изъ членовъ этой самой комисіи.

Можно-ли ждать отъ него безпристрастія? Можно-ли ему вѣрить? Конечно, нѣтъ.

Дѣло, какъ видите, устроено довольно ловко: засѣданія комисіи закрыты для публики, публика не знаетъ, что дѣлается на этихъ засѣданіяхъ, а между тѣмъ въ газетахъ постоянно появляются сочувственные отчеты о трудахъ комисіи, — отчеты никѣмъ неподписанные и принимаемые обществомъ за обыкновенные отчеты газетныхъ репортеровъ. Такой образъ дѣйствія, конечно, приноситъ честь изобрѣтательности комисіи, но едва-ли можно желать, чтобы обсужденіе дѣлъ частными комисіями, — обсужденіе дѣлъ, касающихся всего общества, — велось вообще такимъ „ташкентскимъ“ способомъ. Если-бы отчеты о засѣданіяхъ географическаго и вольно-экономическаго, архитектурнаго и техническаго обществъ или о засѣданіяхъ общества дешевыхъ квартиръ писались только членами этихъ обществъ и притомъ самими главными членами этихъ обществъ, то повѣрьте, что эти отчеты были-бы очень далеки отъ истины. Если-бы критическія статьи о журналахъ и газетахъ писались только редакторами этихъ журналовъ и газетъ, то публика узнавала-бы, что на свѣтѣ ничего не можетъ быть лучше этихъ журналовъ и газетъ. Къ счастью, такой способъ давать отчеты объ общественныхъ явленіяхъ давно уже

признанъ рекламированіемъ и къ нему могутъ прибѣгать только люди мало знакомые съ обычаями и приличіями прессы или люди, окрещенные названіемъ ташкентцевъ.

Мы уже говорили, что мы считаемъ лекторовъ „Соляного городка“ людьми, неимѣющими литературнаго образованія, литературной подготовки, а потому мы вполне искренно вѣримъ, что они пишутъ похвальные отчеты о трудахъ комисіи, т. е. о своихъ собственныхъ трудахъ, только потому, что имъ неизвѣстны литературные обычай и приличія. Они въ этомъ случаѣ похожи на тѣхъ неразвитыхъ и невѣжественныхъ матерей, которыя, рекомендуя своихъ дочерей, говорятъ: „онѣ у насъ и по-французскому умѣютъ, и музыкѣ обучены, и книжки разныя читаютъ“. Простодушныя женщины и не подозрѣваютъ, какъ онѣ комичны съ своими похвалами своимъ собственнымъ дочерямъ. Онѣ думаютъ только объ одномъ—какъ-бы поскорѣе сбыть съ рукъ этихъ дочерей.

При такомъ устройствѣ комисіи, т. е. при ея замѣнотости и при полнѣйшемъ отсутствіи какой-бы то ни было подготовки къ дѣятельности ея членовъ, очень понятно, что въ эту комисію не рискнуть проникнуть гг. Костомаровы, Мордовцевы, Андреевскіе, Миллеры, Бекетовы, Архангельскіе, Эрисманы, Губнеры, Пыпини и тому подобные болѣе или менѣе извѣстные ученые. Прежде всего имъ пришлось-бы представить свои труды на судъ гг. Коховскихъ, Воронцовыхъ, Шмулевичей, Николичей и тому подобныхъ господъ, необладающихъ, какъ мы видѣли, не только серьезными знаніями, но даже не отличающихся простою грамотностью. Но положимъ, что эти господа гдѣ-нибудь и отъ кого-нибудь слышали, что гг. Костомаровы, Архангельскіе, Андреевскіе, Эрисманы, Губнеры, Бекетовы—серьезные ученые, и потому постыдились-бы отстранить этихъ людей, приняли-бы ихъ чтенія, не сдѣлали-бы даже поправокъ въ этихъ чтеніяхъ. Что же дальше? Не пришлось-ли-бы голосамъ этихъ ученыхъ быть подавленными въ засѣданіяхъ комисіи голосами разныхъ гг. Коховскихъ и Воронцовыхъ, составляющихъ большинство комисіи? Не пришлось-ли-бы этимъ ученымъ прежде всего сказать гг. Коховскимъ и Николичамъ, что они, гг. Коховскіе, Воронцовы, Николичи, никакъ не могутъ держать въ своихъ рукахъ такое дѣло, какъ дѣло народнаго образованія при помощи

народныхъ чтеній, что они, гг. Коховскіе, Воронежскіе, Николичи, сами нуждаются въ самыхъ элементарныхъ званіяхъ, какъ лица, вѣроятно, нагдѣ не кончившія курса или давно забывшія то, чему они учились прежде. Вообще мыслимо-ли, чтобы серьезныя ученые сошлись хотя на чемъ-нибудь съ этими господами или вырвали-бы дѣло народныхъ чтеній изъ ихъ неумѣлыхъ рукъ? Конечно, нѣтъ. Всѣ эти гг. Коховскіе, Воронежскіе, Николичи, Шмулевичи стануть держаться уперно за свое дѣло уже потому, что оно приноситъ очень серьезныя выгоды. Мы не говоримъ о томъ, что лекторы „Соляного городка“ могутъ дойти до степеней извѣстныхъ при помощи своихъ чтеній. Нѣтъ, комисія „Соляного городка“ носитъ частный характеръ и потому, конечно, этимъ путемъ нельзя добиться чиновъ и знаковъ отличія. Вѣдь не произведутъ-же эти господа другъ друга въ генералы отъ „Соляного городка“ или не наградятъ другъ друга орденомъ „Соляного городка“. Но матеріальныя выгоды, доставляемыя чтеніями, далеко не ничтожны и трудъ лекторовъ никакъ нельзя назвать безкорыстными. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Г. П. И. Роговъ написалъ шесть чтеній. Каждое чтеніе не превышаетъ 32 страницъ очень разгонистой печати и оплачивается 50 рублями. Такимъ образомъ, г. П. И. Роговъ получилъ 300 рублей за чтенія, изъ которыхъ каждое отняло у него, въ крайнемъ случаѣ, одинъ день на работу и три-четыре часа на произнесеніе написаннаго. Но это не все. За изданіе каждаго чтенія комисія платитъ 150 рублей. Такимъ образомъ, г. П. И. Роговъ получилъ при первомъ изданіи этихъ чтеній 900 рублей, что вмѣстѣ съ 300 рублями составляетъ 1,200 рублей. Это очень хорошая плата за недѣлю труда. Мы думаемъ, что Шпильгагенъ, Викторъ Гюго, графъ Левъ Толстой, г. Тургеневъ и тому подобныя знаменитые писатели никогда и не мечтали о такой платѣ за литературный трудъ. Но представьте себѣ, что дѣлается второе изданіе чтеній г. П. И. Рогова: онъ получаетъ еще 900 рублей. Такимъ образомъ, его недѣльный трудъ можетъ давать ему втеченіи долгаго времени очень крупныя барыши,—давать при помощи рекламъ комисіи, при умѣньи комисіи сбывать свои изданія, при отсутствіи строгой критики относительно этихъ изданій, при несчастномъ невѣжествѣ народныхъ массъ и множествѣ тому подобныхъ условій. Мы понимаемъ, что

въ виду этихъ выгодъ члены комисіи „Соляного городка“ должны рекламировать о трудахъ этой комисіи. Дѣйствительно, г. Животовскій, потративъ три дня на составленіе трехъ чтеній, получилъ до 600 руб.; г. Илипскій за какіе-нибудь четыре вечера стяжалъ около 800 руб.; г. Коховскій, написавъ 40 страничекъ самой безсодержательной болтовни, могъ пріобрѣсти 400 руб., т. е. по 10 рублей за печатную страницу, равняющуюся половинѣ страницы нашихъ толстыхъ журналовъ, или по 30 копеекъ за строчку. Какъ-же не дорожить этимъ господамъ процвѣтаніемъ комисіи, но процвѣтаніемъ безъ гг. Костомаровыхъ, Бекетовыхъ, Архангельскихъ, Андреевскихъ и т. п.? Эти ученые, если-бы ихъ пригласила комисіа, конечно, не отказались-бы читать въ „Соляномъ городкѣ“. Не могутъ-же они не сознавать пользы „серьезныхъ“ народныхъ чтеній и не могутъ-же они считать этотъ трудъ плохо вознаграждаемымъ трудомъ. Но вѣдь вступленіе въ комисію десятка такихъ ученыхъ было-бы равносильно полнѣйшему fiasco разныхъ гг. Коховскихъ, Воронежскихъ и т. п. Идти рука объ руку эти двѣ группы не могутъ. По крайней мѣрѣ, мы считали-бы этотъ союзъ неестественнымъ.

Намъ остается коснуться еще одного пункта. Намъ могутъ замѣтить, что чтенія „Соляного городка“ пользуются все-таки успѣхомъ. Это правда. Балаганъ г. Берга тоже пользуется успѣхомъ, трактиры и кабаки въ праздники тоже пользуются успѣхомъ, въ церквѣ г. Чинизели въ праздники тоже нѣтъ мѣста и т. д. Толпы народа, посѣщающія чтенія, ничего не доказываютъ. Мы даже не будемъ утверждать, что эти толпы идутъ на чтеніе только ради туманныхъ картинъ, музыки и пѣнія, преподносимыхъ за б к. Мы даже готовы признать, что народъ идетъ на чтенія ради самихъ чтеній, а не ради ихъ балаганныхъ авсесуаровъ. И все-таки это не говоритъ въ пользу достоинства чтеній: народъ плохой критикъ въ отношеніи достоинства публичныхъ чтеній, какъ ребенокъ плохой критикъ въ отношеніи достоинства тѣхъ или другихъ игръ и игрушекъ. Народныя массы вездѣ невѣжественны и невзыскательны; для нихъ вездѣ существуетъ мало развлеченій; онѣ вездѣ и во всѣ времена бѣжали въ свободное время толпами и на кулачные бои, и на представленія дрессированныхъ собакъ, и въ балаганы, и въ кабаки, и въ публичные дома. Были-ли разумны эти развлечения или нѣтъ — объ этомъ

онѣ не разсуждали и не могли разсуждать. То-же можно сказать и относительно успѣха изданій народныхъ чтеній. Если даже чтенія сильно раскупаются народомъ, то это еще не говорить о достоинствѣ этихъ книгъ, такъ-какъ „Гуагъ“, „Англійскій милордъ“, „Сонники“, „Пѣсенники“ и тому подобныя нигде негодныя книги сбываются въ количествѣ 10,000 экземпляровъ каждой книги въ годъ, хотя эти книги стоятъ дороже чтеній „Соляного городка“. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ народъ, кажется, чутье угадалъ, что чтенія „Соляного городка“ не имѣютъ для него никакихъ достоинствъ — ни достоинствъ серьезныхъ книгъ, ни достоинствъ занятныхъ книжекъ. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ удобствахъ сбыта этихъ книгъ, при всѣхъ рекламахъ комисіи, при всей дешевизнѣ этихъ отдѣльныхъ брошюръ, чтенія „Соляного городка“ раскупаются плохо: въ два года не разошлось еще и по 5,000 экземпляровъ чтеній г. Коховскаго „О трудѣ и отдыхѣ“ и „Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ“, г. Сорокина „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“, г. Илинскаго „О сохраненіи силы и здоровья“, г. Николича „Большовъ“ и т. д. Всѣ эти книги, изданныя въ началѣ 1873 года, существуютъ еще въ продажѣ.

Впрочемъ, и то сказать, какъ станутъ раскупать эти книги, когда о нихъ составляются членами комисіи объявленія въ родѣ слѣдующаго:

„Задавшись цѣлью возможно широкаго распространенія издаваемыхъ мною трудовъ комисіи педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній, выбранныхъ ею изъ числа народныхъ чтеній, произнесенныхъ въ С.-Петербургѣ, въ аудиторіи „Соляного городка“, я считаю умѣстнымъ ознакомить лицъ, могущихъ оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, со способомъ составленія означенныхъ чтеній, и обратиться съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ распространеніи и слѣдующаго сообщенія.

„При педагогическомъ отдѣлѣ музея прикладныхъ знаній состоятъ комисія, члены которой принадлежатъ по профессіи къ числу педагоговъ, литераторовъ и медиковъ.

„Главный предметъ заботъ комисіи — устройство публичныхъ лекцій для лицъ, обладающихъ уже извѣстною подготовкою, и народныхъ чтеній для людей, не получившихъ такой подготовки.

„Лекціи и чтенія сопровождаются, когда того требуетъ ихъ со-

державіе, туманными картинами, опытами и другими наглядными пособиями: обильная коллекція послѣднихъ находится въ томъ-же помѣщеніи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Кроме того, народнымъ чтеніямъ каждый разъ предшествуетъ и за ними слѣдуетъ исполненіе музыкальныхъ и вокальныхъ произведеній; для послѣднихъ при аудиторіи состоятъ, обученный однимъ изъ нашихъ лучшихъ учителей пѣнія (Н. И. Соколовымъ), хоръ изъ желающихъ, преимущественно изъ числа слушателей чтеній. Пѣніе и музыка дѣйствуютъ на аудиторію, какъ вліяніе облагораживающее, приводящее въ настроеніе наслажденія изящнымъ, какъ отдыхъ, сглаживающій для простолюдина переходъ отъ серьезно-полезнаго чтенія къ занятіямъ обыденной жизни.

Процессъ составленія чтеній слѣдующій: кто-либо изъ членовъ комисіи или лицъ ей постороннихъ, даже иногородныхъ, составляетъ письменный проектъ полнаго изложенія чтенія на тему, избранную самимъ авторомъ, считаемою имъ полезною для сообщенія слушателямъ. Составитель можетъ, если пожелаетъ, передать или переслать свою рукопись предѣдателю комисіи, который, разсмотрѣвъ предлагаемое чтеніе со стороны общихъ требованій, поручаетъ затѣмъ предварительное прочтеніе статьи кому-либо изъ специалистовъ по той области знаній, къ которой чтеніе относится. Далѣе рукопись, подлежащая обсужденію, читается въ общемъ засѣданіи членовъ комисіи и подвергается со стороны послѣднихъ критикѣ, преимущественно въ отношеніи: 1) пригодности фактическихъ знаній, сообщенныхъ чтеніемъ его предполагаемымъ слушателямъ—простолюдинамъ; 2) вѣрности освѣщенія и объясненія фактовъ, содержащихся въ чтеніи, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки; 3) способа изложенія чтенія, при чемъ избѣгается всякая поддѣлка подъ какой-либо мѣстный говоръ, равно какъ и недоступность выраженій пониманію простолюдиновъ; 4) количество опредѣленно-полезныхъ свѣденій, которыя могутъ быть вынесены простолюдиномъ изъ даннаго чтенія; 5) практическаго интереса этихъ свѣденій для его жизни и занятій, и 6) соответствія времени продолжительности чтенія (45—60 минутъ).

„Прослушавъ и обсудивъ предлагаемый проектъ чтенія, комисія рѣшаетъ: должно-ли подвергнуть его окончательной передѣлкѣ, равносильной составленію новаго проекта (судьба большин-

ства представляемыхъ проектовъ), или данный проектъ можетъ быть измѣненъ въ частяхъ и исправленъ согласно съ тѣми замѣчаніями и указаніями, которыя выработаны комисією. Исправленные проекты чтеній слушаются комисією вновь и, только послѣ вторичнаго обсужденія, могутъ быть разрѣшаемы къ представленію въ министерство народнаго просвѣщенія для дозволенія произнести ихъ въ аудиторіи „Соляного городка“. Наконецъ, авторъ произноситъ чтеніе въ аудиторіи.

„Наступаетъ новая серія труда для автора. Исправивъ чтеніе, уже произнесенное имъ, согласно требованіямъ, вызываемымъ отсутствіемъ въ книжкѣ печатной опытовъ и того удобства для пониманія, которое составляетъ естественное преимущество слушаемаго изъ устъ хорошаго чтеца передъ читаемымъ про себя человѣкомъ только грамотнымъ (здѣсь нѣтъ ошибокъ у насъ и мы вполне сохранили языкъ составителя этого объявленія), авторъ въ третій разъ вноситъ свой трудъ въ комисію, которая рѣшаетъ закрытою подачею голосовъ, можетъ-ли быть данная рукопись выбрана къ представленію въ цензурный комитетъ для дозволенія къ печати.

„Таковъ путь, который проходятъ труды комисіи, избираемые ею для печати. Путь этотъ приведенъ не съ цѣлью увѣренія, что эти труды непременно должны быть вполне удовлетворительны, но лишь для того, чтобы заглавный листокъ каждой изъ брошюръ, заключающихся подъ общою виньеткою народныхъ чтеній „Соляного городка“, не имѣлъ въ пониманіи читателей неопредѣленнаго, невыясненнаго значенія.“

Вѣдь это циркулярное письмо издателя народныхъ чтеній, члена комисіи „Соляного городка“ и извѣстнаго педагога, едва-ли грамотнѣе написано, чѣмъ приведенный нами докладъ приказнаго „объ утонутіи крестьянина Сидорова“. И такіе-то грамотнѣе являются судьями въ комисіи „Соляного городка“!

V.

Всего сказаннаго нами, кажется, вполне достаточно для того, чтобы понять, какъ неумѣло, какъ безцѣльно, какъ печально ведется то дѣло, которое могло-бы имѣть великое значеніе для

общества. Если-бы мы не придавали серьезнаго значенія изданію народныхъ книгъ, мы не стали-бы и говорить о чтеніяхъ „Соляного городка“. Но, зная всю важность книгъ для народа, мы не могли молчать, когда передъ нашими глазами подносятъ народу такую умственную пищу, отъ которой можно ждать только вреда, а не пользы. Мы не знаемъ, какъ смотреть на это дѣло сами члены комисіи „Соляного городка“. Можетъ быть, они смотрятъ на него, какъ на выгодную аферу; можетъ быть, они полны благихъ намѣреній, но страдаютъ неумѣлостью, неразвитостью, недостаткомъ образованія. Мы этого не знаемъ, но во всякомъ случаѣ считаемъ долгомъ поставить слѣдующіе вопросы, вытекающіе изъ нашей замѣтки.

Нужно-ли писать книжки, предназначенныя для развитія и образованія народа, грамотно и можно-ли назвать грамотными тѣ книжки, изъ которыхъ мы сдѣлали выписки?

Если объяснить всѣ граматическія ошибки и всѣ безграмотныя обороты рѣчи оплошностью, недосмотромъ, небрежностью, а не невѣжествомъ авторовъ, то позволительно-ли относиться къ дѣлу оплошно, неосмотрительно и небрежно, когда оно такъ серьезно, какъ это дѣло?

Нужно-ли писать книжки для народа простымъ, удобопонятнымъ языкомъ или слѣдуетъ ихъ писать простонароднымъ слогомъ и можетъ-ли теперь сколько-нибудь литературно образованный писатель для народа согласиться на поддѣлку подъ простонародный говоръ?

Можно-ли признать серьезными приведенныя нами „особыя объясненія“ г. Воронцова, идеи о Кольцовѣ г. Николича, взгляды на горцевъ г. Вишнякова, разсужденія г. Коховскаго, и возможно-ли серьезнымъ людямъ сообщать такіе взгляды и идеи народу?

Благотворно-ли закрывать отъ публики частную комисію, занимающуюся такимъ дѣломъ, какъ обсужденіе чтеній для народа, и ограничивать составъ ея членовъ тѣми господами, которые, какъ мы видѣли, или не умѣютъ даже правильно писать, или настолько небрежно относятся къ дѣлу, что не считаютъ нужнымъ правильно писать?

Можно-ли положиться на выборъ, на редакцію, на разумность

людей, которые издають такъ небрежно даже свои собственныя произведенія?

Пользу или вредъ приносятъ небрежное отношеніе комисіи къ своему дѣлу, необразованность ея членовъ, ея замѣнутость, и если признать, что небрежность отношенія къ серьезному дѣлу, незнаніе того, что дѣлаешь, отсутствіе специальной подготовки къ избранному роду занятій, стремленіе устроить изъ частной комисіи какую-то закрытую канцелярію, приносятъ вредъ, то не слѣдуетъ-ли желать, чтобы все дѣло устройства чтеній въ „Соляномъ городкѣ“ было реорганизовано до основанія?

Если указанныя нами ошибки не выдуманы нами, а дѣйствительно существуютъ, если члены комисіи не могутъ отрицать, что сдѣланныя нами выписки сдѣланы, дѣйствительно, изъ ихъ произведеній, то нравственно-ли со стороны членовъ закрывать глаза передъ этими ошибками и дѣлать то дѣло, которое вовсе неизвѣстно гг. членамъ комисіи?

Какъ-бы ни были горьки эти вопросы, но они вытекають прямо изъ приведенныхъ нами фактовъ, и отвергать эти факты, конечно, не станутъ даже сами члены комисіи „Соляного городка“: чтенія этихъ господъ напечатаны и мы подкрѣпляли всѣ свои выводы цитатами изъ этихъ чтеній. Какъ-бы ни стали оправдывать господа члены комисіи, наприимѣръ, безграмотность книжки г. Коховскаго или „особенность“ объясненій г. Воронежскаго, но они никогда не докажутъ того, что этой безграмотности книжки г. Коховскаго и этой „особенности“ объясненій г. Воронежскаго не существуетъ. Пусть они обвиняютъ во всемъ корректора, пусть они назовутъ все это мелочами,—мы отвѣтимъ имъ, что примѣры безграмотности, приведенные нами, не могутъ быть свалены на корректора и что мелочей въ серьезныхъ изданіяхъ для народа не можетъ быть. Пусть они оправдываютъ себя тѣмъ, что они дѣлають промахи по новизнѣ дѣла, по неопытности, по разнымъ независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ,—мы отвѣтимъ имъ, во-первыхъ, что такіа оправданія въ серьезномъ дѣлѣ не могутъ быть оправданіями, и во-вторыхъ, что и при новизнѣ дѣла, и при неопытности, и при разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ можно понять, что, наприимѣръ, идеи г. Ниболича ребячески наивны, а взгляды г. Вишнякова крайне вредны. Да, повторяемъ еще разъ: мы признаемъ чтенія „Соляного городка“, въ

томъ видѣ, въ которомъ они существуютъ теперь, и безграмотными, и небрежными, и вредными, и намъ только остается пожалѣть, что еще одно изъ серьезныхъ и важныхъ явленій нашей общественной жизни попало въ такія руки. Эти чтевія вредны уже потому, что теперь, когда заговариваешь о необходимости лекцій для народа, въ обществѣ сейчасъ слышатся голоса:

— Да вѣдь у насъ есть лекціи для народа! Развѣ вы забыли о „Соляномъ городкѣ?“ Чего-же вамъ еще надо?

Да, точно, лекціи въ „Соляномъ городкѣ“ существуютъ,

Но отвѣтъ-ли это, полно,
На проклятые вопросы?

М. Н. Поповъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неопредѣленность нашихъ понятій относительно значенія фактовъ общественной жизни. — Вопросъ о землевладѣніи. — Желательно-ли для Россіи развитіе фермерства?—Предложеніе гр. Орлова-Давидова.—Крупное землевладѣніе.— Что стануть дѣлать крестьяне, продавшіе свои земельныя надѣлы?—Земледѣльческія артели. — Пауперизмъ. — Испытанія неспособныхъ къ военной службѣ.—Собранія врачей.!

Въ одной небольшой, но разсудительной газетѣ достопочтенный критикъ вѣзема тонко сравнилъ наше недавнее прошлое съ теперешнимъ настоящимъ и доказалъ, что хотя всякое время года имѣетъ свои прелести, но лѣто все-таки лучше весны. Мнѣ кажется, что общественная метеорологія и климатологія на-столько еще у насъ не разработана, что разсуждать о преимуществахъ лѣта или весны мы пока еще не можемъ. Да и что такое весна, что такое лѣто, что такое медовый мѣсяць челоѳчества, когда кончается одно время года и начинается другое? Въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя я нахожу только, что мы похожи на лисицу, очутившуюся въ большой ямѣ. Когда лисица провалилась, она суетливо забѣгала изъ угла въ уголь, и на вопросъ журавля, о чемъ она такъ хлопочетъ, отвѣтила, что у нея тысяча думушекъ. Совершенно столько-же думушекъ и у насъ. Когда я читаю въ газетахъ факты изъ современной русской жизни, я чувствую себя въ какомъ-то калейдоскопѣ, я чувствую себя подавленнымъ тысячами, миліонами фактовъ русской жизни, которые разрываютъ меня на части, и совершенно понимаю г. Всеволода Крестовскаго, которому русская общественная жизнь показалась „Сумбуромъ“. Ахъ, читатель, на-сколько журавль съ своей одной думушкой былъ счастливѣе г. Крестовскаго и суетливой лисицы— журавль вылетѣлъ, а лисица и г. Крестовскій остались въ ямѣ.

Вотъ почему я не могу согласиться и съ достопочтеннымъ критикомъ разсудительной газеты, что у насъ была весна, а теперь наступило лѣто, и что лѣто лучше весны. Во-первыхъ, перемѣны времени года не совершаются такъ быстро, а во-вторыхъ, хоть это и не понравится критику, — одна думушка всегда лучше тысячи думушекъ, и я вамъ сейчасъ представлю доказательство.

Какіе факты нужно считать общественными фактами и какіе изъ нихъ служить характеристикой общественной жизни, общественныхъ явленій, общественной думы и общественного направленія? — Я вамъ представлю ихъ ровно тысячу.

Говорятъ, что въ Петербургъ пріѣхала г-жа Делавинь, чтобы устроить нѣсколько публичныхъ чтеній о приготовленіи искусственныхъ цвѣтовъ. Г-жа Делавинь желаетъ обратить особенное вниманіе русскаго общества на приготовленіе красокъ для искусственныхъ цвѣтовъ и устроить вечерніе курсы для обученія разрисовкѣ.

„Биржа“ сообщаетъ, что на-дняхъ вышла въ Одессѣ брошюра подъ заглавіемъ „Наша биржа“, и въ ней сообщается, что одной молодой человѣкъ, вздумавшій открыто протестовать противъ нѣкоторыхъ одесскихъ балковъ и называть вещи по ихъ имени, посаженъ въ домъ умалишенныхъ, откуда онъ былъ освобожденъ лишь по особымъ настояніямъ.

„Харьковскія Вѣдомости“ объявляютъ о продажѣ за недоимку въ купянскомъ уѣздѣ 115 имѣній, изъ которыхъ на шести недоимка не превышаетъ одного рубля, имѣніе-же полковницы Павловой продается за недоимку въ шесть копеекъ.

Въ Миргородѣ производились недавно розыски автора корреспонденціи, напечатанной въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“. Когда розыски не привели ни къ чему, въ контору редакціи явился какой-то пожилой человѣкъ и сначала просилъ, а потомъ сталъ требовать, чтобы ему сообщили имя корреспондента, нарушившаго покой мирныхъ обитателей города Миргорода. Чтобы узнать адресъ корреспондента, пожилой господинъ даже попышался подкупить конторщика.

Въ „Кавказѣ“ пишутъ, что въ эриванской духовной семинаріи преподается французскій языкъ, а между тѣмъ въ ней нѣтъ порядочнаго, постоянного учителя русскаго языка, и что въ число учебныхъ предметовъ введены въ 1873 году — танцы.

„Петербургскій Листокъ“ заявилъ, что какая-то собака была раздавлена на рельсахъ николаевской желѣзной дороги проходившимъ локомотивомъ. На это фельетонистъ „Петербургской Газеты“ замѣтилъ, что онъ положительно думаетъ, что упомянутая собака сотрудничала въ „Петербургскомъ Листѣ“ или-же вообще находилась съ его редакціей въ близкихъ отношеніяхъ, потому что иначе съ какой стати печатать собачій некрологъ. Тогда „Петербургскій Листокъ“ возразилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ фельетонистъ г. Л — нъ вышелъ изъ „Петербургскаго Листа“, въ газетѣ не осталось ни одного четвероногого сотрудника. „Примѣнять-же г. Л — на четвероногому, говорить „Листокъ“, мы положительно можемъ, на томъ основаніи, что какъ намъ, такъ и другимъ часто приходилось его видѣть въ прикащичьемъ клубѣ въ подобномъ положеніи“.

Два товарныхъ поѣзда кіево-брестской желѣзной дороги шли на вѣсѣхъ парахъ другъ противъ друга и у станціи Казякинъ столкнулись. Двѣнадцать вагоновъ съ товаромъ разбились въ щепки и тринадцать человѣкъ прислуги получили страшныя увѣчья. „Кіевлянинъ“ говоритъ, что несчастные изувѣченные, съ поломанными руками и ногами, больше часа лежали подъ развалинами вагоновъ, пока со станціи Казякинъ подана была кое-какая помощь. Сначала хотѣли-было оставить несчастныхъ въ степи на холодѣ до пріѣзда доктора со станціи Кожанки, но протестъ и крики остальной поѣздной прислуги были весьма сильны; слышались крики: „долголи будутъ насъ убивать?“ Министерство путей сообщенія приняло, наконецъ, рѣшительныя мѣры противъ кіево-брестской желѣзной дороги и вызвало все ея управленіе въ Петербургъ.

16 января въ московскомъ окружномъ судѣ разыгралась такая драма. Дѣйствующимъ лицомъ была 16-лѣтняя дѣвушка Машенька. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣла ея воспитательница, обвиняемая въ присвоеніи этой Машеньки, а свидѣтельницей явилась дѣйствительная мать Маріи. На судѣ выяснилось, что законная мать отдала Марію по третьему году воспитательницѣ и втеченіи тринадцати лѣтъ не могла получить ее обратно. Между тѣмъ ребенокъ до четырнадцати лѣтъ считалъ воспитательницу за настоящую мать и всею силой души привязался къ ней и къ ея мужу, „и вотъ четырнадцати лѣтъ, сказала дѣвушка на судѣ, — я узнаю, что настоящая моя мать Потапова; тогда я еще больше стала ее пре-

зирать, а ихъ (воспитателей) еще больше полюбила, и ни за что въ свѣтъ не пойду къ ней!..“ — „Если вы ее отнимете, говорилъ воспитатель,—я наложу на себя руки: я люблю ее, какъ правое свое око!.. она вся моя опора!..“ — „Не разлучите насъ!“ въ свою очередь, зарыдала подеудимая. И тогда, какъ воспитатели рыдали на всю залу, одна только настоящая мать сидѣла твердо, не обнаруживая смущенія, и, повидимому, вполне увѣренная въ счастливомъ для нея исходѣ дѣла. Когда присяжные вышли и объявили: „нѣтъ, не доказано“, дѣвушка и ея воспитатели залились слезами радости—радовались и плакали, плавали и радовались.

Въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ сообщаютъ, что изъ Имеретіи, Мингреліи и Грузіи за разные преступленія ежегодно сотнями по суду высылаются молодые люди, преимущественно изъ дворянскаго сословія.

Тотъ-же „Тифлисскій Вѣстникъ“ говоритъ, что воинскій поѣздъ съ новобранцами сошелъ съ рельсовъ на стрѣльбѣ у полустанціи Мариемесъ поти-тифлисской желѣзной дороги по винѣ стрѣлочника, 8-лѣтнаго ребенка.

Въ газетѣ „Донъ“ мы читаемъ, что въ Воронежѣ убійства стали случаться слишкомъ часто. Не успѣли еще засыпать могилу Рутякова, какъ находятъ отставнаго солдата Волкова съ признаками насильственной смерти на улицѣ, гдѣ ходятъ сторожа по ночамъ. Еще возмутительнѣе фактъ, сообщаемый „Русскими Вѣдомостями“. Въ череповскомъ уѣздѣ новгородской губерніи убить крестьянинъ деревни Уваровой, Иванъ Тихоновъ. На трупъ страшно было взглянуть, такъ онъ былъ изуродованъ. Не нашлось ни одной части тѣла, которая не подверглась-бы истязанію. Кости ногъ и рукъ надломлены, въ одномъ боку сломано три, въ другомъ четыре ребра. На мѣстѣ убійства найденъ цѣлый возъ палокъ, по вѣсу 1 пудъ 30 фунтовъ.

„Петербургскій Листокъ“ пишетъ, что въ номерныя бани въ Моховой улицѣ явились три какіе-то господина и заявили номерному, что они пришли мыться. Часа черезъ два изъ номера послышался крикъ. Послали за городовымъ, и когда двери номера были сломаны, оказалось, что посѣтители не мылись, а играли въ карты. Двое изъ играющихъ не имѣли постоянныхъ занятій, жили исключительно игрою въ карты, а третій игрокъ былъ купеческій сынокъ, только-что пріѣхавшій изъ Москвы.

Въ Одессѣ, во время спектакля, въ фойе театра одинъ молодой человѣкъ курилъ папиросу; къ нему подошелъ околоточный надзиратель, выбилъ папиросу изъ рукъ и сказалъ, что курить воспрещено. Курившій возразилъ, и надзиратель распорядился отвести его въ участокъ, гдѣ онъ за рѣшеткой просидѣлъ цѣлую ночь. Послѣ арестованія надзиратель Крапивницкій вошелъ въ кассу театра и сталъ рассказывать объ этомъ случаѣ. Бывшій тамъ редакторъ „Одесскаго Листка“, г. Навроцкій, поинтересовался узнать, имѣеть-ли полиція право заарестовывать и сажать за рѣшетку за куреніе папиросъ? Тогда надзиратель составилъ протоколъ и привлекъ къ мировому судѣ Сковородина, курившаго папиросу, и Навроцкаго за подстрекательство публики. Мировой судья Сковородина оправдалъ, а Навроцкаго приговорилъ къ штрафу въ 16 руб. Дѣло перешло въ сѣздъ мировыхъ судей, гдѣ, по причинѣ неявки свидѣтелей, оно откладывалось нѣсколько разъ, но, наконецъ, было разсмотрѣно, и, какъ сообщаютъ въ „Одесскомъ Листкѣ“, приговоръ мирового судьи былъ отмѣненъ и Навроцкій по суду оправданъ.

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, на основаніи официальныхъ свѣденій, сообщается, что въ кievской губерніи за трехлѣтіе съ 1871 по 1873 годъ истреблено хищными животными: крупнаго скота — 7,642 штуки и мелкаго больше 25,000 головъ. Сравнивая среднюю убыль съ общимъ количествомъ разнаго скота въ губерніи, получимъ, что дикими животными истребляется ежегодно 0,29% крупнаго и свыше 0,65% мелкаго скота. Средній-же ежегодный убытокъ скотоводства кievской губерніи составляетъ болѣе 110,000 руб. Въ тотемскомъ уѣздѣ вологодской губерніи поѣдается ежегодно хищными животными домашняго скота среднимъ числомъ на 33,380 руб. Если-бы изъ этихъ цифръ сдѣлали обобщеніе, то казалось-бы, что общій убытокъ скотоводства въ Россіи отъ дикихъ животныхъ составляетъ ежегодно почти 6,000,000 руб.

Въ Кременцѣ, какъ пишетъ „Кіевлянинъ“, происходила на дняхъ въ Вишневахъ продажа съ публичнаго торга движимаго имущества палаца Вишневецкихъ, въ удовлетвореніе кредиторовъ графа Платера. На торгъ, кромѣ нѣсколькихъ вышихъ сановниковъ, сосѣднихъ землевладѣльцевъ, прибыли антикваріи изъ Вѣны и какой-то необыкновенно богатый любитель, нещадившій денегъ. Цѣны набивались съ какой-то лихорадочною горячностью. За одно

изломанное и оборванное кресло съ гербомъ Вишневецкихъ заплачено 148 руб.; за чучело чижики въ клѣткѣ, котораго собственноручно кормилъ король Августъ II, заплачено 800 рублей. За вещи, оцѣненные въ 2,700 рублей, любитель-богачъ заплатилъ 31,915 руб.

Въ Новохоперскѣ открылся въ нынѣшнюю зиму клубъ или, вѣрнѣе, семейное собраніе, и хотя фондъ клуба составляетъ всего 350 руб., но, какъ пишетъ корреспондентъ „Дона“, — „ужь одинъ починъ подобнаго дѣла — отрадное явленіе въ губернской глуши. Остается пожелать только, чтобы лица, взявшія на себя руководить этимъ благимъ дѣломъ, оказались достойными и способными стать во главѣ нашей пробудившейся общественной жизни. Хоръ музыкантовъ-слѣпцовъ — нашъ первый оркестръ! Спасибо обстоятельствамъ и за то! восхваляетъ корреспондентъ. — Но что буфетъ и кухня поручены кучеру мирового судьи, то фактъ этотъ, какъ хотите, звучитъ дисонансомъ въ общемъ строѣ“. Дальше корреспондентъ весьма краснорѣчиво доказываетъ, что молодость, сила ума и сердца новохоперской дѣвушки и молодой женщины *ржавятъ въ кухню и за домашнимъ обиходомъ, не освѣжаясь токомъ воздуха общественной жизни*. Задичавшія дѣвушки и молодыя женщины являются на семейные вечера по большей части изысканными, безмолвными и натянутыми. Особенно огорчаетъ корреспондента то, что на новохоперскихъ вечерахъ почти не танцуютъ и что въ городѣ невозможно устроить ни любительскихъ спектаклей, ни чтеній, ни подобныхъ развлеченій. Впрочемъ, корреспондентъ не падаетъ духомъ: онъ твердо убѣжденъ, что безмолвныя новохоперскія барышни, наконецъ, заговорятъ, руководители клуба „проявятъ честную, разумную дѣятельность на вновь открытомъ полѣ“, а умиленная редакция „Дона“ проситъ корреспондента сообщить дальнѣйшій ходъ семейныхъ вечеровъ, а также ждетъ перечня и другихъ фактовъ изъ жизни города и уѣздовъ.

29 января г. Выгановскій далъ въ Воронежѣ, въ дворянскомъ собраніи, концертъ. „Трудно передать словами ту пѣвучесть и бархатность звуковъ, ту плавную и мягкую гармонію съ ея безжонечными переливами и переходами, ту, наконецъ, живую душу, которая такъ понятна къ композиторѣ и такъ неотразимо отзывчата въ слушатель“, говоритъ музыкальный обозрѣватель „Дона“. И за то, что г. Выгановскій сумѣлъ возбудить „неотразимую

отзывчатость“, ему при громѣ рукоплесканій былъ поднесенъ бриліантовый перстень. Въ концертѣ Выгановскаго принимали еще участіе любители, и палму первенства корреспондентъ вручаетъ г-жѣ Пупыкиной.

Я могъ-бы собрать въ тысячу разъ больше самыхъ противорѣчивыхъ фактовъ, цѣлый калейдоскопъ непримиримаго, взаимноисключающаго, несходнаго; могъ-бы собрать цѣлый Уральскій хребетъ разнороднаго матеріала для кропотливой сортировки по кучкамъ всѣхъ этихъ камушковъ, различныхъ по цвѣту, величинѣ, формѣ. И сколько-бы въ этомъ матеріалѣ заключалось данныхъ для нравственныхъ, экономическихъ, соціальныхъ, историческихъ и философскихъ выводовъ и обобщеній! Сколько противоположныхъ данныхъ для самыхъ противоположныхъ довазательствъ! Тутъ можно было-бы разсуждать о веснѣ, лѣтѣ, осени, зимѣ, единоличной и колективной жизни общества, объ умѣ и глупости, о нравственности и безнравственности, передовитости и отсталости, задушевности и бездушіи, счастіи и несчастіи, о самообольщеніи и трезвой разсудительности, — и чтобы ни сказалъ обозрѣватель и къ какому-бы выводамъ онъ ни пришелъ, онъ былъ-бы всегда правъ, потому что говорилъ-бы на основаніи фактовъ. Но развѣ не былъ-бы правъ и читатель, отвѣтившій ему извѣстной народной поговоркой: „и ты говоришь правду, и я говорю правду, и всякій говоритъ правду; но отчего-же нѣтъ нигдѣ правды?“

Выслушайте, читатель, еще одинъ фактъ. Внутренній обозрѣватель „Дона“, разсуждая объ отечественныхъ вопросахъ, замѣчаетъ, что ихъ такая масса, что у непривычнаго человѣка сдѣлается головокруженіе. Совсе не желая очутиться въ положеніи лисицы съ ея тысячами кумушекъ, или сидѣть съ г. Крестовскимъ въ Сумбурѣ, обозрѣватель беретъ только тѣ вопросы, которые глубже затрогиваютъ нашу жизнь. Конечно, можно поспорить съ нимъ, точно-ли самые важные тѣ вопросы, которые кажутся ему важными, и достаточно-ли онъ поднимается при оцѣнкѣ ихъ на философскую высоту. Но не желая полемизировать съ обозрѣвателемъ „Дона“, вполне полагаюсь на его сортировку. Главнѣйшую злобу дня обозрѣватель видитъ въ адвокатахъ. „Во всѣхъ провинціяхъ Австріи, включая и Вѣну, говоритъ онъ, — находится 482 адвоката, имѣющихъ ученую степень доктора правъ. Умѣренность этой цифры оказывается еще болѣе поразительной, когда припомнишь, сколько адвокатовъ

находится, напримѣръ, въ Одессѣ. Въ ней чуть-ли не *вдвое* людей, занимающихся такъ-называемымъ веденіемъ дѣлъ. Подобное положеніе можно объяснить только тѣмъ легкомысліемъ общества, съ какимъ оно смотритъ на людей, которымъ ввѣряетъ свои матеріальные интересы, и которое породило на Руси извѣстное сословіе „аблакатовъ“, „дровокатовъ“ и тому подобныхъ людей, — словомъ, людей, эксплуатирующихъ довѣріе невѣжественной массы. Истинныхъ юристовъ у насъ мало, и тѣ, которые встрѣчаются иногда, терпятъ при *настоящемъ* положеніи такіа неудобства, какъ возможность быть забракованными судомъ въ виду... *несоответственности* или даже, какъ въ иныхъ мѣстахъ случается, только потому, что забраковали“.

Въ паралель къ этому факту я приведу другой, изъ „Земледѣльческой газеты“. Въ 3-мъ № за нынѣшній годъ есть въ ней статья: „Желательно-ли въ Россіи развитіе фермерства“. Статья эта — извлеченіе изъ доклада, читаннаго на IV съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Харьковѣ 12 декабря 1874 года. Авторъ спрашиваетъ, кто тѣ лица, которыя нынче становятся арендаторами земель, хуторовъ и цѣлыхъ имѣній въ Россіи? Откуда берутся эти люди, когда о нихъ 15 лѣтъ тому назадъ не было и слышно, и насколько настоящіе арендаторы удовлетворяютъ понятію арендатора-фермера западной Европы? Въмѣсто отвѣта на такіе вопросы, говоритъ авторъ, — можно, и было-бы гораздо проще, спросить, кого нѣтъ въ числѣ арендаторовъ имѣній? Всѣ сословія и всѣ специальности имѣютъ своихъ представителей на поприщѣ сельско-хозяйственной дѣятельности. Теперь арендуютъ земли и цѣлыя имѣнія помѣщики, бывшіе управляющіе, бывшіе бурмистры, старосты, купцы, мѣщане, крестьяне, отставные солдаты, наконецъ кабатчики и евреи. Послѣдній людъ отличается только умѣніемъ пользоваться плохими обстоятельствами своего ближняго и основывать свою наживу на разореніи другихъ. Арендаторство евреевъ весьма развито въ губерніяхъ: черниговской, полтавской, подольской, кievской, волынской, бесарабской, гродненской, минской, могилевской, витебской. Евреи любятъ арендовать имѣнія, въ которыхъ есть заводы винокуренные, свеклосахарные и пр.; арендуютъ лѣса, мельницы, постоянные дворы, шинки, удои скота, и принадлежать въ сущности, какъ и мірѣды собственно русскихъ губерній, къ сельско-хозяйственнымъ аферистамъ.

Мы сопоставили этотъ фактъ съ фактомъ, приводимымъ обозрѣвателемъ „Дона“, для того, чтобы защитить русское общество отъ упрека въ легкомысліи, который ему дѣлаютъ. Неужели вы думаете, что мы отдаемъ свои имѣнія въ аренду евреямъ, кабатчикамъ, солдатамъ только по легкомыслію; по легкомыслію ввѣряемъ свои дѣла аблакатамъ и дровокатамъ; по легкомыслію отдаемся въ руки людей насъ эксплуатирующихъ? Кстати, спросите эксплуататоровъ, евреевъ, солдатъ и кабатчиковъ, кулаковъ и мироѣдовъ, поступаютъ-ли они въ противоположность нашему легкомыслію изъ глубокомыслія, — и когда вы спросите, вы поймете, что приведенныя мною два противоположныхъ сообщенія говорятъ совсѣмъ не то, что думаетъ „Донъ“ и въ чемъ старается увѣрить одинъ достопочтенный критикъ одной разсудительной газеты. Онъ, напримѣръ, старается увѣрить, что нынче въ общественномъ мнѣніи Россіи царить небывалое еще отрицательное отношеніе къ современной дѣйствительности, выражающееся въ „объединеніи на почвѣ скептицизма“. По его мнѣнію, этотъ признакъ объединенія обозначился съ особенною ясностью въ характерѣ и содержаніи „Дѣла“. Журналъ этотъ, по его словамъ, усвоилъ въ 1874 году „степенность“, сдѣлался гораздо благопристойнѣе въ манерахъ, пересталъ кричать и размахивать руками и многими своими книжками приблизился въ степенности къ „Вѣстнику Европы“. Если-бы мнѣ пришлось судить о русскомъ объединеніи только по „Вѣстнику Европы“, по „Отечественнымъ Запискамъ“, по „Дѣлу“, по „Недѣлѣ“, и если-бы я пришелъ къ подобному-же выводу, то, для провѣрки себя, я прочиталъ-бы еще всѣ мелкія корреспонденціи нашей большой и малой прессы и провинціальныхъ газетъ. Я знаю, что мнѣ пришлось-бы измѣнить заключеніе. Я-бы согласился съ мнѣніемъ г. Крестовскаго, выглядывающаго на свѣтъ Божій изъ „Сумбура“, а-бы сказалъ, что все то, на что жалуется обозрѣватель „Дона“ и съѣздъ харьковскихъ сельскихъ хозяевъ, всѣ разнорѣчивые факты изъ общественной и частной жизни указываютъ не на объединеніе, о которомъ говоритъ достопочтенный критикъ, а на то, что въ нашемъ обществѣ всѣ основные элементы, его составляющіе, и всѣ дѣятельныя его силы поднялись съ своихъ мѣстъ, стремятся къ новому укладу, ищутъ новаго мѣста въ природѣ и до сихъ поръ этого мѣста не нашли. А не нашли они его потому, что даже по самымъ основнымъ жизненнымъ вопросамъ у насъ

не выработалось еще точныхъ, ясныхъ представлений и нѣтъ еще отвѣтовъ даже на первые вопросы.

Двадцать лѣтъ съ необыкновенной подробностью и настойчивостью мы разрѣшаемъ вопросъ о русскомъ земледѣліи и землевладѣніи, и вопросъ этотъ, со всѣми его отгѣнками, частностями и подробностями, является вновь передъ нами, какъ вновь испеченное яйцо. „Русскій Міръ“, по поводу прошлогодней брошюры гр. Орлова, опять заговорилъ о томъ, что крѣпостное право упразднено у насъ только сверху, а не снизу, и что всѣ поземельныя отношенія современной Россіи, управляющія народнымъ бытомъ, и всѣ истекающія изъ нихъ послѣдствія, держатся и до сихъ поръ на крѣпостныхъ преданіяхъ. Графъ Орловъ-Давыдовъ, мнѣніе котораго раздѣляетъ „Русскій Міръ“, говоритъ, что $\frac{9}{10}$ населенія обязательно прикрѣплено къ землѣ, и потому трудъ его получаетъ цѣнность искусственную, которая можетъ подниматься очень высоко. Эта искусственность тормозитъ промышленность и частное сельское хозяйство, не обогащая рабочаго класса, которому не предоставленъ свободный выборъ труда. Потому, что рабочія руки прикрѣплены къ землѣ, не остается свободныхъ рукъ для промышленности, которая живетъ лишь обрывками вольнаго труда, оставленнаго ей обязательнымъ земледѣліемъ. Иначе, гр. Орловъ-Давыдовъ желаетъ, чтобы русскій крестьянинъ не былъ обязательнымъ землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, чтобы онъ имѣлъ право бросить принадлежащій ему клочекъ земли, когда ему вздумается, и затѣмъ предложить свои освобожденные руки русской промышленности.

Мы не отрицаемъ, что гр. Орлову-Давыдову хорошо извѣстенъ Мальтусовъ законъ и что въ своихъ разсужденіяхъ онъ исходитъ изъ основнаго положенія англійскаго экономиста. Читателю извѣстно, что Мальтусова теорія заключается вовсе не въ ученіи о лишнихъ и нелишнихъ людяхъ и въ опредѣленіи того, что имѣетъ право участвовать на ширу природы и кому на это претендовать нельзя. Хотя эта часть ученія Мальтуса и оказалась наиболѣе доступной общему пониманію, но въ сущности она только головной выводъ изъ тѣхъ ошибочныхъ статистическихъ данныхъ, которыя были опровергнуты еще при Мальтусѣ. Взявъ за основаніе своихъ расчетовъ только существующій размѣръ экономической производительности, Мальтусъ совершенно игнорировалъ основной производительный источникъ человѣческой дѣятельности, заключающійся

въ умственномъ ростѣ человѣчества. Мальтусъ не хотѣлъ знать, что хлѣбъ человѣка не въ землѣ, а въ головѣ, и основалъ весь свой расчетъ о людяхъ, непритяженныхъ на пиръ природы, на количествѣ продуктовъ, производимыхъ землею при извѣстномъ, данномъ уровнѣ знаній. Допустивъ прогрессивное увеличеніе народонаселенія въ геометрической пропорціи, онъ приложеніе умственныхъ способностей къ производству взялъ въ пропорціи арифметической. Эта ошибка Мальтуса уже на-столько доказана и опровергнута, что повторять старыя доказательства едва-ли нужно. А между тѣмъ теорія Мальтуса гораздо лучше извѣстна въ ея ошибочной части, чѣмъ въ его непреложномъ, основномъ законѣ. Законъ-же этотъ гласитъ, что количество земледѣльческихъ продуктовъ не находится въ строгомъ отношеніи къ количеству прилагаемыхъ производительныхъ силъ и что двойной, тройной, четверной трудъ еще не даетъ двойного, тройного, четверного продукта. Исходя изъ этого закона, гр. Орловъ-Давыдовъ всѣ свои дальнѣйшіе выводы строить на томъ несомнѣнномъ положеніи, что развитіе земледѣльческое, въ противоположность развитію промышленному, не допускаетъ на данномъ пространствѣ неопредѣленнаго и неограниченно-возрастающаго числа рабочихъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится мануфактурная промышленность. Расширеніе ея производства не стѣснено никакими естественными условіями и ограничивается только обширностью рынка, постоянно способнаго раздвигаться, потому что рынкомъ этимъ служить весь міръ.

Эти два положенія, только освѣжаемыя гр. Орловымъ-Давыдовымъ и „Русскимъ Міромъ“, переносятъ насъ въ начало нынѣшняго столѣтія, когда вопросъ о земледѣльческой и фабрично-заводской промышленности, порожденной машинами, явился такимъ тревожнымъ вопросомъ для экономическихъ теоретиковъ, идеалистовъ и мечтателей. Мы понимаемъ, что семьдесятъ лѣтъ тому назадъ можно было испугаться за будущее человѣчества и за его умственное безсиліе; но бояться этого теперь, повторять нынче то, что повторялось тогда, значить или не желать, или не имѣть способности видѣть умственнаго, промышленнаго и соціальнаго роста прогрессирующаго цивилизованнаго міра. Въ началѣ XIX вѣка было двѣ боязни. Съ одной стороны испугалъ Мальтусъ, раздѣлившій человѣчество на избранныхъ и неизбранныхъ и пригрозившій неизбраннымъ голодной смертью, съ другой—навели паническій

страхъ машины, совершенно измѣнившія прежнія патріархальныя отношенія и заставившія Сисмонди напомнить Европѣ сказку о водоносѣ. Друзья человѣчества серьезно испугались за послѣдствія чрезмѣрнаго развитія промышленности. Имъ показалось, что всѣ руки будутъ отвлечены на фабрики и масса ненужныхъ никому продуктовъ фабричности похоронитъ подъ собою умершее отъ голоду человѣчество. Говорить серьезно въ этомъ тонѣ нынче, бояться за то, что люди умрутъ или отъ недостатка хлѣба, или оттого, что продукты, удешевленные машинами, убьютъ всякій другой трудъ, или-же, наконецъ, поступать такъ, какъ поступали рабочіе англійскихъ мануфактуръ, думавшіе, что если они изломаютъ машины, то умереть и духъ изобрѣтенія, — конечно, даже и не смѣшно, а просто слишкомъ старо. Поэтому мы не можемъ придавать серьезнаго значенія размышленіямъ гр. Орлова-Давыдова, желающаго освободить русскія руки отъ земледѣльческой промышленности и такъ-сказать, оттянуть ихъ отъ земли на фабрики. У насъ и такъ, по расчету комисіи, разработавшей нынче вопросъ о наймѣ рабочихъ, 15,000,000 живутъ трудомъ личнаго найма, трудомъ едва ихъ обеспечивающимъ, трудомъ, въ которомъ предложеніе превышаетъ спросъ. Допуская, что наше населеніе дѣйствительно привязано къ землѣ и находится въ обязательныхъ къ ней отношеніяхъ, мы спросили-бы гр. Орлова-Давыдова, чего достигла-бы русская промышленность, если-бы каждый земледѣлецъ понесъ свои освобожденные руки на фабрики? По увѣреніямъ автора брошюры, наше земледѣліе ведется хищническимъ способомъ, мы давно уже истощаемъ свои почвы и вывозимъ свое плодородіе за границу. Но развѣ это происходитъ оттого, что нашъ крестьянинъ привязанъ силою къ землѣ? развѣ это происходитъ оттого, что у насъ мало луговъ и слабо скотоводство, а не оттого у насъ мало луговъ, что у крестьянъ осталось мало пашень? Промышленный трудъ — неоспоримое подспорье, и мы готовы согласиться съ гр. Орловымъ-Давыдовымъ, что въ промышленности нашъ народъ находитъ слабое подспорье; только пусть авторъ брошюры докажетъ сначала, что развитіе промышленности зависитъ отъ свободныхъ рабочихъ рукъ, а не отъ промышленныхъ и изобрѣтательныхъ способностей интеллигенціи и свободныхъ капиталовъ. Гр. Орловъ находитъ, что наше общинное устройство способно къ улучшенію лишь въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ и что кромѣ общины съ ея круговой порукой

наша бѣда заключается въ слишкомъ дробномъ землевладѣніи. Въ числѣ причинъ невозможности улучшить общину авторъ брошюры указываетъ на слѣдующіе факты: „Одинъ сельскій хозяинъ пожелалъ имѣть подробныя свѣденія о крестьянскихъ земляхъ своего имѣнія и поручилъ землеѣру положить на планъ всѣ участки, которыми каждое хозяйство пользовалось. Вышла убійственная работа: на планѣ выходило множество мелкихъ и неправильныхъ фигуръ, большею частью длинныхъ паралелограмовъ, имѣющихъ не болѣе десяти сажень ширины, а иногда и менѣе. Планъ имѣлъ видъ чрезвычайно мелкой, но неправильной мозаики, и весьма трудно было узнать на немъ всѣ участки, принадлежащіе одному хозяину. Сами хозяева были призываемы для облегченія этого расчета, но даже въ ихъ присутствіи было очень трудно дойти до вѣрнаго исчисленія земли каждаго, потому что изъ предоставленныхъ въ пользованье лоскутковъ нѣкоторые, слишкомъ отдаленные или невыгодные, не обрабатывались вовсе. Болѣе двухъ лѣтъ было употреблено на составленіе этого плана, который никогда не былъ оконченъ, потому что многія изъ фигуръ измѣнились втеченіи этого времени вслѣдствіе постоянного переверстанія полей“. Поэтому гр. Орловъ-Давыдовъ считаетъ размежеваніе общинной земли на душевые или посеимые участки невыполнимымъ, а если бы оно было исполнено, то привело-бы къ окончательному разоренію крестьянъ вслѣдствіе разнаго качества почвы участковъ и вслѣдствіе невозможности найти даже на лучшихъ участкахъ всѣ необходимыя условія хозяйства и жизни. И такъ-какъ этихъ условій не существуетъ, такъ-какъ равенства почвъ нѣтъ, такъ-какъ размежеваніе повело-бы къ разоренію народа, то авторъ желаетъ воспользоваться тѣмъ-же самымъ размежеваніемъ, какъ средствомъ спасенія. Онъ желаетъ размежеванія, онъ хочетъ, чтобы оно состоялось, и если оно состоится, то каждый, кому достался клочекъ, не дающій ему средствъ существованія, конечно постарается сбыть его. Клочекъ этотъ достанется другому, прежній владѣлецъ останется не причемъ; свободный, какъ птица Божія, онъ пойдетъ искать себѣ другое гнѣздо, возможность иного приложенія руей, въ распредѣленіи земель произойдетъ иная комбинація и нынѣшнее дробное, закрѣпляющее землевладѣніе смѣнится свободнымъ, подвижнымъ и преимущественно крупнымъ. Мы не станемъ вдаваться въ теорію вопроса о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, не

потому, чтобы считали его исчерпаннымъ, а потому, что ему не мѣсто во „внутреннемъ обозрѣніи“, и потому, что мы хотимъ только показать царящую у насъ неясность понятій и отсутствіе умственного единодушія даже въ такомъ краеугольномъ камнѣ русскаго быта, какъ вопросъ о землѣ. Что нашего крестьянина заѣдаетъ не мелкое землевладѣніе и что онъ бѣденъ не потому, что мѣстами на душу приходится всего одна десятина или четыре десятины на семью, мы могли-бы указать на Саксонію, гдѣ, напримѣръ подъ Дрезденомъ, семья изъ восьми душъ существуетъ тремя четвертями десятины огородной земли. Конечно, если-бы крестьянину былъ предоставленъ полный произволъ продавать свою землю, весьма вѣроятно, что въ минуту жизни трудную онъ могъ-бы продать свой клочекъ земли, какъ продаетъ иногда свою послѣднюю корову, и что отъ этого въ рукахъ его сосѣда могло очутиться земли вдвое больше, но скажите, куда-бы продавшій пристроилъ свои руки, когда эти грубыя, неуклюжія, мозолистыя руки неспособны держать ничего, кромѣ сохи, способны только колоть щебень на большой дорогѣ да рубить лѣсъ? Конечно, земельная собственность, освобожденная отъ крѣпостной ея приписки, свободно переходя изъ рукъ въ руки, можетъ, наконецъ, очутиться въ очень немногихъ рукахъ; но что отъ этого выиграетъ ея производительность и что выиграетъ русское земледѣліе, если мы въ сей моментъ въ своемъ распредѣленіи землевладѣнія уподобимся Англіи? Этому вопросу гр. Орловъ-Давыдовъ не разрѣшаетъ, онъ просто теоретизируетъ, отдается какимъ-то мечтамъ и дѣлаетъ паралели съ Европой, пользуясь выгодными для его выводовъ статистическими данными. Требуя плѣнительной экономической свободы на основаніи принципа *laissez faire laissez passer*, гр. Орловъ-Давыдовъ предоставляетъ будущему сдѣлать, что сдѣлается, открывая свободное поле именно тому ошибочному движенію мысли и той неумѣлости, на которую указываетъ органъ довольно компетентный въ вопросахъ земледѣлія и сельскаго хозяйства — „Земледѣльческая газета“.

То, чего гр. Орловъ-Давыдовъ желаетъ въ будущемъ, въ извѣстной мѣрѣ существуетъ уже въ настоящемъ, но русская земледѣльческая промышленность отъ этого нисколько не выигрываетъ. Гр. Орловъ-Давыдовъ, проповѣдуя свободное передвиженіе поземельной собственности, устанавливаетъ этимъ начало перехода земли изъ рукъ неспособныхъ или слабыхъ въ руки способныя и сильныя.

Дѣйствительно, если-бы всякое дѣло находилось въ рукахъ способныхъ, каждая способность находила-бы свое мѣсто и каждая сила развивалась-бы въ направленіи наиболѣе выгодномъ, то подобное состояніе общества равнялось-бы осуществленію высшаго идеала благополучія. Слава-богу, мы еще не на-столько мечтатели, чтобы заглядывать въ недоступное и невидимое для насъ будущее и не замѣчать фактовъ суровой дѣйствительности, которыми одними мы можемъ сдерживать свою теоретическую фантазію и поправлять ошибки сужденія. Въ этомъ случаѣ болѣе компетентный судья, „Земледѣльческая газета“, сводитъ насъ съ облаковъ на землю и указываетъ на такіе факты и на такое раздвоеніе мысли, которые являются самымъ полнымъ и неотразимымъ возраженіемъ односторонне-мечтательному и совершенно непримѣнному къ Россіи плану гр. Орлова-Давыдова.

Гр. Орловъ-Давыдовъ ради принципа *laissez faire, laissez passer* требуетъ свободнаго передвиженія собственности и группировки ея болѣе или менѣе въ однѣхъ рукахъ. Но заключаются-ли въ этомъ успѣхи и прогрессъ самаго земледѣлія, зависитъ-ли его качество отъ размѣра собственности или другихъ причинъ; на-сколько та или другая система землевладѣнія можетъ сама по себѣ служить источникомъ процвѣтанія земледѣльческой промышленности и точно-ли секретъ этого процвѣтанія заключается въ осуществленіи идеи гр. Орлова-Давыдова? На-сколько отвѣты на эти вопросы уже выяснились, мы могли-бы доказать однимъ историческимъ фактомъ. Предполагая его общеизвѣстность, мы уважемъ на него коротко. Зибель рисуетъ такую картину земледѣльческаго состоянія Франціи въ половинѣ прошлаго столѣтія. Изъ 25 миліоновъ жителей занимались земледѣліемъ 21 миліонъ; изъ 51 миліона гектаровъ земли, составлявшихъ всю площадь королевства, было распахано 35 миліоновъ. Двѣ трети распаханнаго пространства принадлежали церкви, дворянству и разнымъ другимъ капиталистамъ, остальная треть была собственностью крестьянъ и была раздроблена на такіе мелкіе кусочки, которые рѣшительно не были въ состояніи прокормить ихъ владѣльцевъ. Во Франціи стояли одинъ противъ другого два вида землевладѣнія—очень крупное и очень мелкое; середины не было. Послѣдствія подобнаго распредѣленія были такія, что крупныя землевладѣльцы сельскимъ хозяйствомъ не занимались; переселившись въ столицу и города, они жили на счетъ доходовъ съ своихъ

имѣній, а обладатели кусочковъ должны были искать заработковъ на сторонѣ. Дворянскія земли большею частью дѣлились на участки въ 10 или 15 гектаровъ и отдавались въ аренду крестьянамъ изъ половины. Такъ-какъ крестьяне знали, что они должны отдать половину хлѣба или, точнѣе, половину результатовъ своего труда, то, конечно, они не заботились объ улучшеніи земледѣлія; поэтому, когда крестьянину предстоялъ извозъ или другая работа, онъ предпочиталъ ее, потому что весь заработокъ оставался ему. Кромѣ того, крестьяне старались оставлять подъ паромъ больше земли, потому что паръ служилъ выгономъ для скота, всецѣло принадлежавшимъ крестьянину, и исходя изъ того-же соображенія, они пасли гусей на пшеничныхъ поляхъ, потому что пшеница принадлежала имъ на половину, а гуси—вполнѣ. Ясно, что земледѣліе должно было падать и не могло обеспечивать крестьянина. Только въ счастливый годъ крестьянинъ могъ прокормиться своимъ хлѣбомъ, вообще-же онъ нуждался и хозяйство его шло все хуже и хуже. Кене говоритъ, что въ 1750 году во Франціи около четвертой части пашни было запущено и заброшено. Къ 1790 году болѣе 9,000,000 гектаровъ удобной земли лежало пустыней. Французскій крестьянинъ питался такимъ хлѣбомъ, который можно было назвать хлѣбомъ только изъ вѣжливости; грамотность была неизвѣстна, книгъ и газетъ никто не читалъ, о томъ, что дѣлалось за околицей, крестьянинъ не вѣдалъ, да и вѣдать не интересовался; вся внѣшняя жизнь его ограничивалась только поѣздками на ближайшій базаръ, да и онъ считался путешествіемъ труднымъ и опаснымъ. Но вотъ проходитъ 50 лѣтъ—и Франція представляетъ совсѣмъ иную картину. Перемѣна эта произошла вовсе не потому, что земля получила право свободнаго передвиженія, а потому, что значительная часть крупныхъ земель ушла въ собственность народа и землевладѣніе перестало быть привилегіей. Въ томъ передвиженіи земли, которое предполагается на основаніи принципа, предлагаемаго гр. Орловымъ-Давыдовымъ, до сихъ поръ замѣчался такой порядокъ: земельная собственность, концентрируясь въ однихъ рукахъ, приводила къ системѣ земледѣлія, которая, какъ нынче въ Англіи, вела къ увеличенію луговодства и скотоводства въ ущербъ хлѣбопашеству, и когда, наконецъ, какъ въ древнемъ Римѣ, подобное концентрированіе вело къ упадку земледѣлія и къ уменьшенію земледѣльческихъ продуктовъ, то, по закону реакціи, явля-

лась на смѣну иная система, при которой даже и бѣдному земледѣльцу оказывалась возможность жить своимъ земледѣльческимъ трудомъ. Тогда снова число землевладѣльцевъ увеличивалось, а съ ними увеличивалось общее благосостояніе и богатство государства. Затѣмъ опять наступалъ новый порядокъ и стремленіе къ крупному владѣнію начинало брать верхъ, находя поддержку частью въ невѣжествѣ земледѣльческихъ сословій, частью въ покровительствѣ законовъ. Такимъ образомъ, то, что выдаетъ гр. Орловъ-Давыдовъ за законъ, вовсе не законъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ это понимаетъ, т. е. это вовсе не неизбѣжная непреложность, предначертанная и установленная на вѣки вѣковъ впередъ. Законъ, о которомъ говоритъ авторъ брошюры, не больше, какъ извѣстная комбинація причинъ и послѣдствій, являющаяся при перевѣсѣ однихъ обстоятельствъ надъ другими. Если, по этому закону, земельная собственность изъ мелкой будетъ переходить въ крупную, потому изъ крупной въ мелкую, затѣмъ изъ мелкой снова въ крупную и, такимъ образомъ, повторится нескончаемая сказка о бѣломъ бычкѣ, тянущаяся вѣка, мы въ подобномъ идеалѣ земледѣльческаго существованія никакъ не можемъ, вмѣстѣ съ гр. Орловымъ-Давыдовымъ, усмотрѣть законъ человѣческаго благополучія. Мы думаемъ, что благополучіе не есть понятіе юридическое, заключающееся въ формахъ юридическаго землевладѣнія, но въ томъ смыслѣ, какъ ставить этотъ вопросъ и самъ гр. Орловъ-Давыдовъ, имѣетъ экономическую сущность и заключается въ количествѣ продуктовъ, получаемыхъ отъ земли, и въ успѣхахъ земледѣлія. Чѣмъ-же обеспечиваются эти успѣхи—юридическими или экономическими условіями? Мы уже видѣли, къ чему пришла Франція при односторонней группировкѣ землевладѣнія; теперь посмотримъ, какіе экономическіе результаты представляетъ Россія, по словамъ органа, въ компетентности котораго мы сомнѣваться не имѣемъ права, во-первыхъ, потому, что это газета земледѣльческая, во-вторыхъ, потому, что она газета казенная, наконецъ, потому, что мы пользуемся фактами изъ доклада, читаннаго на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Харьковѣ, которыхъ, разумѣется, нѣтъ основанія заподозрить въ увлеченіяхъ.

Такихъ имѣній, въ которыхъ хозяйство вели-бы сами владѣльцы, на свой рискъ, у насъ необыкновенно мало. Такихъ имѣній, въ которыхъ хозяйство ведется черезъ управляющихъ на жалованьи, тоже сравнительно немного, и къ нимъ принадлежатъ обыкновенно очень

крупныя имѣнія. Третья система хозяйства есть исполная, и эта система распространена у насъ наиболѣе. Четвертая система—отдача земли въ аренду крестьянскимъ обществамъ, и пятая—отдача въ аренду одному лицу. Лучшая система—безспорно первая, т. е. когда хозяйствомъ управляютъ сами владѣльцы; но такъ-какъ подобныхъ владѣльцевъ у насъ слишкомъ мало, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ земледѣліе находится въ прямой зависимости отъ лицъ постороннихъ, или, иначе, землевладѣніе, какъ юридическій принципъ, не находитъ никакой органической связи съ земледѣліемъ, какъ принципомъ экономическимъ.

Одно время „Московскія Вѣдомости“ необыкновенно вооружались противъ абсентеизма. Фактъ абсентеизма неоспоримъ; печальныя послѣдствія его тоже очевидны. Выѣсть съ „Земледѣльческой газетой“ мы можемъ пожелать, чтобы наши имѣнія управлялись самими ихъ владѣльцами; но одного желанія еще мало, и именно потому, что землевладѣніе есть понятіе юридическое, а земледѣліе—экономическое. Земля переходитъ въ собственность по наслѣдству, она не больше, какъ капиталъ, разумное употребленіе котораго зависитъ отъ такихъ причинъ, на которыя юридическія права не обнаруживаютъ никакого вліянія. Въ большинствѣ случаевъ земля достается людямъ, вовсе неимѣющимъ сельско-хозяйственныхъ познаній, достается интеллигенціи, для умственныхъ силъ которой существуютъ болѣе выгодныя приложенія, чѣмъ жизнь въ глуши и занятіе сельскихъ хозяйствомъ. Поэтому рѣшительное большинство нашихъ имѣній будетъ эксплуатироваться не ихъ владѣльцами, а лицами посторонними. Въ такомъ постороннемъ пользованіи являются двѣ формы — единичная и общинная. Въ единичной участвуютъ управляющіе и разныхъ видовъ арендаторы; въ общинной участвуютъ крестьяне, снимающіе земли цѣлой общиной. Докладчикъ приводитъ любопытный фактъ, что за послѣднія десять лѣтъ, болѣе чѣмъ въ десяти извѣстныхъ ему имѣніяхъ управляющіе смѣнялись почти каждый годъ, и затѣмъ каждый новый управляющій управлялъ по-своему. Предполагая, что владѣльцы имѣній будутъ вознаграждать управляющихъ извѣстнымъ процентомъ изъ чистаго дохода, мы не устранимъ этимъ неудобствъ системы, потому что болѣею частью управляющій и хозяинъ не сходятся во взглядахъ на пріемы хозяйства, и вотъ почему эта система пользованія не установилась за границей. Въ остальныхъ системахъ выгоды земле-

владѣльцевъ еще менѣе точны. Всѣ эти системы можно причислить къ той печальной земледѣльской системѣ, грустныя послѣдствія которой испытываетъ теперь Россія, сдавая свои земли евреямъ, кабатчикамъ и другимъ импровизированнымъ фермерамъ. Если, основываясь на опытѣ Европы, мы придемъ тоже къ фермерной формѣ управленія, то когда же наступитъ пора, что всѣ теперешніе съемщики имѣній сдѣлаются фермерами, какими богата западная Европа; когда весь этотъ людъ, потерявшій свое мѣсто въ природѣ, всѣ эти евреи, кабатчики, бывшіе управляющіе, бурмистры, старосты, бывше дворовые превратятся въ ученыхъ агрономовъ? Конечно, никогда. И вотъ докладчикъ судитъ пріятную перспективу, что знающіе фермеры явятся у насъ черезъ два, три а можетъ быть и болѣе поколѣній, т. е. не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ! Указывая на эту отдаленную пріятность, докладчикъ совершенно отрицаетъ всякое коллективное или общинное арендованіе земель. По его словамъ, въ крестьянской общинѣ нѣтъ необходимыхъ элементовъ для успѣшнаго веденія дѣла, нѣтъ умѣнія распоряжаться, нѣтъ любви къ дѣлу. Когда-то еще наша крестьянская община будетъ состоять изъ знающихъ людей, теперь-же если она является арендаторомъ, хозяйство ея всегда шагъ назадъ, а не впередъ. Но какой-же шагъ впередъ дѣлаютъ, напримѣръ, кабатчики, евреи и тѣ ловкіе проходимцы, которые, чтобы покрыть крышу своего собственнаго дома, снимаютъ тесъ съ дома землевладѣльца? Общій выводъ доклада все-таки въ томъ, что не форма землевладѣнія и не крупный ея размѣръ могутъ способствовать успѣхамъ земледѣлія, а распространеніе агрономическихъ познаній и образованіе особеннаго сословія фермеровъ. Что-же касается до ученой крестьянской общины, то харьковскій сѣздъ сельскихъ хозяевъ, объщающій ученыхъ фермеровъ черезъ столѣтіе, вовсе даже и не отваживается глядѣть въ такую астрономическую даль. И это мнѣніе, совершенно противоположное мнѣнію гр. Орлова-Давыдова, высказывается и поддерживается людьми вовсе не противоположныхъ ему воззрѣній.

Но вотъ фактъ еще болѣе любопытный. Въ той-же „Земледѣльской газетѣ“, которая только-что осудила безнадежно общину и, основываясь на приговорѣ барона Гаетстаузена, обозвала ее „дурной привычкой“, помѣщена замѣтка автора, котораго редакція „Земледѣльской газеты“ называетъ „многочужаеимымъ хо-

заяномъ, близко знакомымъ съ бытомъ и хозяйствомъ крестьянъ“, — замѣтка, въ которой авторъ становится рѣшительно на сторону земледѣльческихъ артелей. Авторъ сѣтуетъ, что о земледѣльческихъ ассоціаціяхъ у насъ писалось очень мало, тогда какъ о рабочихъ ассоціаціяхъ въ послѣднее время писалось у насъ такъ много. Онъ думаетъ, что единственная рабочая ассоціація, успѣхъ которой не зависить отъ денежныхъ средствъ, есть крестьянская земледѣльческая артель, и потому находитъ тѣмъ болѣе страннымъ ея игнорированіе печатью, интересующейся исключительно ремесленными артелями.

„Замѣтка“ говоритъ, что крестьянское земледѣліе стоитъ ближе къ прогрессивному почину, чѣмъ помѣщичье, и свое мнѣніе основываетъ на томъ, что если время улучшать помѣщичьи имѣнія уже наступило, то для крестьянъ оно наступило гораздо раньше, благодаря первобытному способу обработыванія и до нельзя истощенной землѣ, въ особенности въ средней, нечерноземной полосѣ. Далѣе авторъ считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы крестьяне могли пользоваться отдѣльно своими земельными надѣлами. Для этого нужно, чтобы деревни разсыпались на выселки, чего, конечно, никогда не будетъ, потому что русскій крестьянинъ привыкъ жить большими селеніями. Одно средство поставить крестьянское хозяйство на рациональную почву — земледѣльческая артель, при чемъ пахотную и луговую землю соединивъ въ одно цѣлое, считать ее какъ-бы собственностью всей общины и обработывать сообща. Такимъ общимъ трудомъ крестьянское земледѣліе какъ-бы приравняется къ земледѣлію крупныхъ помѣстій съ помощью усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій.

Любопытно, что все то, что ставится другими писателями причиною неуспѣшности крестьянскаго земледѣлія и заставляетъ ихъ требовать выдѣленія крестьянина изъ общины, приводитъ автора „Замѣтки“ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Напримеръ, чтобы вводить травосѣяніе, крестьянину необходимо бросить трехпольную систему и ввести многопольную; но развѣ онъ можетъ это сдѣлать безъ согласія односельцевъ и безъ увѣренности, что онъ будетъ имѣть одинъ и тотъ-же надѣлъ? Теперь крестьянинъ не можетъ начать ни одной работы ранѣе своихъ сосѣдей, и тѣмъ, кто-бы пожелалъ сдѣлать преобразование въ хозяйствѣ, нѣтъ возможности сдѣлать что-либо помимо всего общества.

Авторъ думаетъ, что съ введеніемъ земледѣльческой артели препятствія эти уничтожатся сами собой. Земля не будетъ раздроблена на мелкія полосы и составитъ какъ-бы одно хозяйственное цѣлое, обрабатываемое и воздѣлываемое подъ руководствомъ одного главнаго лица. Крестьянское хозяйство при этомъ условіи встанетъ даже на болѣе прочную ногу, чѣмъ всякое помѣщичье, и благосостояніе крестьянъ возвысится. Помѣщичье хозяйство находится въ зависимости отъ рабочихъ рукъ, цѣна на которыя возвышается иногда до того, что не окунается трудъ. Въ крестьянской земледѣльческой артели этого быть не можетъ. При теперешнемъ крестьянскомъ хозяйствѣ полосы пахотной земли остаются часто незаспаиванными, потому что въ отдѣльныхъ семействахъ нѣтъ достаточно силъ для ея обработки. Въ земледѣльческой артели ничего подобнаго случиться не можетъ, потому что вся пахотная земля обрабатывается вполне. Что-бы ни случилось съ отдѣльной рабочей крестьянской силой — заболѣетъ-ли крестьянинъ, уѣдетъ-ли на сторону, отсутствіе его только освободитъ его отъ работы, но не лишитъ доли въ урожаѣ. При теперешнемъ личномъ хозяйствѣ у крестьянина часто не бываетъ сѣмянъ и онъ поневолѣ опаздываетъ посѣвомъ. Въ артели сѣмена будутъ заготавливаться заранее и посѣвъ совершится одновременно. Особенное облегченіе артельное земледѣліе внесетъ въ сѣнокошеніе. При теперешнихъ сѣнокосахъ, разбросанныхъ клочками въ различныхъ мѣстахъ, крестьянинъ теряетъ много времени на одну только ходьбу при сушеніи и уборкѣ; далѣе, у крестьянъ, преимущественно средней полосы, сѣнокосовъ такъ мало, что больше одной коровы на семью имъ держать невозможно. Крестьяне поэтому снимаютъ сѣнокосы у сосѣднихъ помѣщиковъ, которые отдаютъ имъ, конечно, то, что не стоитъ труда обработки. Съ введеніемъ-же травосѣянія въ многопольномъ хозяйствѣ у крестьянъ образуются отличнѣйшіе покосы, въ количествѣ всей прежней запашки. Въмѣстѣ съ тѣмъ новая система полеводства усилитъ и урожай. Неправедности, неизбѣжны нынче при дѣленіи пахотной земли, исчезнутъ при артельномъ хозяйствѣ; уничтожатся и всѣ пагубныя послѣдствія отъ пожаровъ овиновъ, которые нынче разоряютъ цѣлыя семейства; при артельномъ земледѣліи убытокъ отъ пожара распределится на всѣхъ потерей нечувствительной. Земледѣльческая артель представляетъ больше выгодъ, чѣмъ всякая другая, промышленная или ремесленная артель, ибо рабочее обязатель-

ство земледѣльческаго артельщика связываетъ его только втеченіи шести лѣтнихъ мѣсяцевъ и то не каждый день.

Изложивъ главныя основанія земледѣльческой артели, авторъ „Замѣтки“ даетъ и програму для ея организаціи. Онъ не видитъ никакихъ особенныхъ затрудненій ни для общей организаціи дѣла, ни для подробностей, и совершенно увѣренъ въ томъ, что сельскія общества не затруднятся пріисканіемъ изъ себя опытныхъ руководителей.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на эту замѣтку вовсе не для того, чтобы касаться теоретической или практической стороны вопроса; мы хотимъ только сказать, что въ вопросахъ наиболѣе капитальныхъ и основныхъ у насъ еще не установилось никакихъ точныхъ мнѣній. А если мы не выработали себѣ руководящихъ основаній, то совершенно понятно, почему въ вопросахъ и земледѣлія, и землевладѣнія мы до сихъ поръ чувствуемъ себя безъ почвы. Лучшимъ доказательствомъ неопредѣленности основныхъ принциповъ служить то, что „Земледѣльческая газета“, помѣщающая въ одномъ № статью о фермерствѣ и личномъ хозяйствѣ и осуждающая крестьянскую общину, въ другомъ печатаетъ замѣтку въ защиту земледѣльческой артели и при этомъ высказываетъ такое мнѣніе: „не позволяя себѣ, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, встать на ту или другую сторону, мы ограничиваемся пока слѣдующею замѣткой, которая, какъ намъ кажется, можетъ облегчить обсужденіе возбужденнаго авторомъ вопроса“. Редакція думаетъ что для вѣрной оцѣнки сдѣланнаго предложенія нужно отнестись къ нему не съ абсолютной точки зрѣнія, а въ предѣлахъ извѣстныхъ условій. Однимъ изъ главныхъ условій она ставитъ опредѣленіе размѣра артельного хозяйства. При соединеніи въ артель десяти-пятнадцати надѣловъ, осуществленіе проекта редакція не считаетъ труднымъ. Соединеніе-же въ одно артельное хозяйство трехсотъ-четырехсотъ и болѣе десятинъ или всей общинной земли даннаго селенія редакція хотя и не считаетъ невозможнымъ, но трудно достижимымъ. Причину этого „Земледѣльческая газета“ видитъ въ томъ, что нельзя рассчитывать на добровольное согласіе всѣхъ крестьянъ селенія, и если эти несогласные составятъ даже незначительное меньшинство, ихъ все-таки нельзя обязывать участіемъ въ артели, потому что это было-бы несогласно съ основнымъ принципомъ ассоціаціи — правомъ свободнаго поступленія и выхода. „Но до-

пустимъ, говорить редакція, — что такъ или иначе артель составилась; являются другіе вопросы: напримѣръ, не будетъ-ли это артельное хозяйство въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находятся многія помѣщичьи хозяйства, вслѣдствіе недостатка въ нужномъ капиталѣ, недостатка въ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ управляющихъ, въ своеволіи рабочихъ и т. п.? Повторяемъ, заключаетъ редакція, — все это мы говоримъ не съ цѣлью рѣшить вопросъ, а съ цѣлью на частномъ примѣрѣ уяснить нашу мысль о необходимости при обсужденіи предложенія отправляться не отъ абсолютной точки зрѣнія, а отъ извѣстныхъ условий“.

Мы остановимъ вниманіе читателя на послѣднихъ словахъ редакціи, потому что, съ одной стороны, усматриваемъ въ нихъ извѣстнаго рода уклончивость, а съ другой — замаскированный намекъ на утопичность предложенія, вѣрнаго лишь съ абсолютной точки зрѣнія, но не съ практической. Вовсе и не для того, чтобы полемизировать или возражать редакціи, съ цѣлью доказать вѣрность или ошибочность ея оцѣнки, мы отнесемъ нѣсколько критически къ ея замѣчаніямъ. Если мнѣніе автора замѣтки, вѣрное лишь съ абсолютной и теоретической точки зрѣнія, неосуществимо, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, на практикѣ, то вѣдь то-же самое можно сказать о проектѣ графа Орлова-Давыдова и о проектѣ фермернаго хозяйства, предлагаемаго харьковскимъ добладомъ. Мы еще не знаемъ, осуществленію какого проекта принадлежит болѣе ближайшее будущее, и если хорошихъ фермеровъ можно ожидать не ближе, какъ черезъ сто лѣтъ, то когда-же можно ожидать тѣхъ плодовъ улучшеннаго земледѣлія и усиленныхъ урожаевъ, которые обѣщаетъ въ неизвѣстномъ будущемъ графъ Орловъ-Давыдовъ?

Цѣль всѣхъ этихъ проектовъ, конечно, благосостояніе Россіи и обезпеченіе народа, цѣль ихъ — усиленіе сельско-хозяйственной производительности. Ни одинъ изъ авторовъ не скрываетъ, что теперешнее земледѣліе не только не обезпечиваетъ народъ, но чуть-ли не грозитъ ему въ ближайшемъ будущемъ полнымъ разореніемъ. Гр. Орловъ-Давыдовъ сравниваетъ Россію даже съ Ирландіей, онъ указываетъ на авторитетъ Либиха, беретъ угрожающія цифры изъ земледѣльской статистики Франціи и Англіи и все это лишь ради того, чтобы убѣдить, что единственный выходъ заключается въ улучшеніи земледѣлія путемъ крупнаго землевладѣнія и свободнаго

перехода поземельной собственности. Харьковскій сѣздъ видитъ исходъ въ сельско-хозяйственномъ образованіи, въ личномъ хозяйствѣ и абсолютно осуждаетъ на безпомощность общину; наконецъ, авторъ „Замѣтки“ видитъ спасеніе въ общинѣ и какъ-бы замыкаетъ кругъ, соприкасаясь своею крайностью съ крайностью гр. Орлова-Давыдова: и тотъ, и другой приходятъ къ идеѣ крупнаго землевладѣнія—однаго личнаго, другого артельного. Что-же изъ всего этого вѣрно, за что держаться, какому плану слѣдовать въ будущемъ—того не опредѣляли ни одинъ земледѣльческій сѣздъ, ни одно сельско-хозяйственное изданіе, ни одно сельско-хозяйственное общество. Вопросъ стоитъ открытымъ и даже никѣмъ еще не поставленъ прямо и рѣшительно.

Мы даже думаемъ, что вопросъ о роли земледѣлія въ жизни народа и во вліяніи его не только на бытъ, но и на вырожденіе поколѣній, ни однимъ изъ представителей нашего сельскаго хозяйства никогда не былъ поставленъ во всей его полнотѣ, во всей грандіозности его размѣровъ. Въ то-же время между строками каждаго проекта вы читаете грозное указаніе на постоянно усиливающееся обѣдненіе и какъ-бы видите страшный, грозящій прирѣзокъ науперизма. Мы думаемъ, что угрозы науперизмомъ больше ничего, какъ одно изъ средствъ убѣжденія путемъ страха, и что этотъ вопросъ до сихъ поръ не былъ изслѣдованъ вполне ни сельскими хозяевами, ни статистиками, ни еще болѣе компетентными лицами—врачами-гигиенистами. То, что намъ извѣстно о науперизмѣ, больше ничего, какъ теоретическое ученіе, основанное на изслѣдованіяхъ Кетлэ. Ему первому принадлежитъ указаніе, что отъ высоты цѣны на хлѣбъ или, точнѣе, отъ отношенія всѣхъ различныхъ питательныхъ средствъ къ народонаселенію и его потребностямъ зависятъ не только здоровье и смертность, но браки и рожденія. Кетлэ доказалъ, что чѣмъ дороже хлѣбъ и чѣмъ больше заболѣваетъ и умираетъ людей, тѣмъ менѣе заключается браковъ и рождается дѣтей. Дѣйствующія причины дороговизны могутъ быть самыя разнообразныя—неурожай, скудная обработка почвы, комерческая спекуляція, чрезмѣрные налоги. Возвышеніе налоговъ, неизмѣющее, повидимому, никакого отношенія къ дороговизнѣ хлѣба, тѣмъ не менѣе сопровождается всегда возвышеніемъ числа заболѣвающихъ и умирающихъ. Какъ доказательство вліянія неурожаевъ, приводятъ статистическія изслѣдованія надъ числомъ

годныхъ и негодныхъ въ рекруты. Исслѣдованія показали, что молодые люди призывнаго возраста, непредставляющіе законныхъ условий тѣлосложенія, всѣ родились въ годъ неурожая, и Кетля, первый замѣтившій этотъ фактъ, по поводу его говорить: „кажется, что неурожайные годы налагаютъ глубокую печать на человѣческій родъ, подобно тому, какъ суровыя зимы оставляютъ слѣды на ростъ деревьевъ нашихъ лѣсовъ“. По нашимъ официальнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ 1846—50 годы среднее число рождений на 435,836 превышало число смертныхъ случаевъ; напротивъ того, въ неурожайномъ и голодномъ 1848 году число смертныхъ случаевъ на 295,943 превышало число новорожденныхъ, что составляетъ разницу въ 730,000 противъ нормы.

То состояніе человѣческаго общества, при которомъ взаимное соприкосновеніе и отношеніе людей порождаетъ болѣзнетворный факторъ, проявляющійся сокращеніемъ жизни и усиленіемъ смертности, и называется пауперизмомъ. „Какъ зловерный паразитъ, говоритъ „Московская медицинская газета“, — пауперизмъ вѣздается въ человѣческомъ индивидуумѣ уже въ колыбели и не отстаётъ отъ него до самой могилы. Подверженный этому общественному недугу индивидуумъ въ моментъ полового самозабвенія передаетъ дурныя задатки своего организма своему потомству, котораго естественный подборъ облагаетъ безмилосердно своимъ тяжелымъ налогомъ... „Дѣйствія этого столь важнаго и существеннаго недуга человѣческаго общества простираются одинаково на всѣ необходимыя жизненныя условія — на жилище, одежду, пропитаніе и т. д.“. Оставляя вопросъ о томъ, есть-ли у насъ пауперизмъ или нѣтъ его, намѣтилась или не намѣтилась даже самая возможность его появленія, или-же теперешнія наши экономическія условія угрожаютъ намъ пауперизмомъ, мы-бы спросили гр. Орлова-Давыдова и всѣхъ остальныхъ составителей землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ проектовъ, имѣли-ли они въ виду вопросъ о пауперизмѣ, было-ли имъ ясно, что ихъ проекты ведутъ къ имущественнымъ комбинаціямъ, совершенно исключая возможность появленія болѣзнетворныхъ общественныхъ факторовъ? И этотъ вопросъ мы ставимъ тоже только для того, чтобы показать, на-сколько неполны тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы съ увѣренностью въ непогрѣшимость нашихъ выводовъ составляемъ свои заключенія, облекая ихъ въ фѣрму всероссійскихъ проектовъ,

Причины этого, конечно, нужно искать не въ отсутствіи доброжелательства нашихъ сельскихъ хозяевъ, а въ томъ, что для правильныхъ выводовъ другія области знанія не даютъ данныхъ для полныхъ заключеній. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы представимъ слѣдующіе факты. „Московская медицинская газета“, рассуждающая о пауперизмѣ, указываетъ въ числѣ несомнѣнныхъ признаковъ его на измѣненіе тѣлосложенія въ молодыхъ людяхъ призывнаго возраста, руководствуясь данными Кеттлэ. Не вотъ въ „Петербургскомъ медицинскомъ вѣстникѣ“ мы находимъ статью г. Веревкина „Слабосиліе передъ рекрутскимъ присутствіемъ“, въ которой онъ сообщаетъ свои наблюденія надъ пригодностью къ военной службѣ сельскаго населенія.

Втеченіи пяти послѣднихъ рекрутскихъ наборовъ, съ 1870 — 1874 годовъ, перебывало на испытаніи въ судебно-медицинскомъ отдѣленіи с.-петербургскаго клиническаго военнаго госпиталя 868 рекрутовъ. По отдѣльнымъ наборамъ они распредѣлялись въ такомъ порядкѣ:

Въ 1870 году	68	рекр.
„ 1871 „	96	„
„ 1872 „	203	„
„ 1873 „	216	„
„ 1874 „	285	„
	868 рекр.	

Чѣмъ-же объяснить такое постоянное нарастаніе числа лицъ, возбуждающихъ сомнѣніе въ своей пригодности? Для уясненія этого вопроса г. Веревкинъ допускаетъ три предположенія: или что податное сословіе по времени дѣлалось все болѣе и болѣе негоднымъ къ военной службѣ, или что рекрутскія присутствія, подвергаясь отвѣтственности за неудачный пріемъ, становились строже и осторожнѣе, или-же, наконецъ, рекрутскія присутствія по недостатку времени не исполняли своихъ обязанностей какъ слѣдуетъ.

Допуская первое предположеніе, нужно ожидать, что число негодныхъ рекрутовъ изъ года въ годъ увеличивается, а годныхъ уменьшается, но такое предположеніе на дѣлѣ не оправдывается. Распредѣленіе годныхъ и негодныхъ по годамъ было слѣдующее:

	Годныхъ:	Негодныхъ:
Въ 1870 году	39	20
„ 1871 „	70	26

„ 1872	„ 131	72
„ 1873	„ 134	82
„ 1874	„ 181	104
	555	303
Или въ 1870 году	57,3%	42,7%
„ 1871	73	27
„ 1872	64,5	35,5
„ 1873	62	38
„ 1873	63	37
	64 ⁰ / ₀	36 ⁰ / ₀

Выведенный процентъ указываетъ съ несомнѣнностью, что число негодныхъ рекрутовъ, особенно за послѣдніе три года, самымъ незначительнымъ образомъ уклонялось отъ средней цифры; поэтому нужно полагать, что число негодныхъ людей не увеличивалось и, слѣдовательно, въ средѣ податного сословія здороваго элемента не уменьшалось.

Сопоставляя процентъ негодныхъ и годныхъ, г. Верекинъ прямо выводитъ заключеніе, что число рекрутовъ, ежегодно подвергавшихся сомнѣнію, увеличивалось вслѣдствіе осторожности рекрутскихъ присутствій.

Итакъ, весь вопросъ объяснился очень просто и объ увеличеніи или уменьшеніи болѣзнетворнаго элемента въ средѣ народа мы, на основаніи изслѣдованія г. Верекина, въ сущности никакого вывода сдѣлать не можемъ. Конечно, изслѣдованіе г. Верекина слишкомъ неполно и не заключаетъ въ себѣ отвѣта на теоретическій вопросъ „Московской медицинской газеты“. Но мы не станемъ упрекать ни г. Верекина, ни другихъ нашихъ медиковъ за то, что ихъ усилія не были направлены въ сторону подобныхъ изслѣдованій народной жизни, какъ не упрекаемъ и нашихъ сельскихъ хозяевъ за ихъ недоконченные проекты. Мы констатируемъ только факты, а факты говорятъ вотъ что: въ каждомъ губернскомъ городѣ есть у насъ общество русскихъ врачей; кромѣ того, есть у насъ физико-медицинскія общества, есть вспомогательныя медицинскія кассы, завелись съѣзды врачей-гигиенистовъ и съѣзды просто; но, но... на всѣхъ этихъ съѣздахъ и засѣданіяхъ совершаются разсужденія о такихъ спеціальныхъ медицинскихъ вопросахъ, которыхъ ни вы, ни я, читатель, понимать не въ состояніи. Врачи сообщаютъ другъ

другу свои патологическія наблюденія и изслѣдованія, сообщаютъ новыя факты изъ области теоретической и практической медицины, вообще поучаютъ другъ друга и дѣлятся между собой новыми познаніями, такъ-сказать чисто-практическими, изъ области практической медицины, но вовсе не той медицины или гигиены, которая бы помогала и служила на пользу русскимъ среди ихъ дѣйствительной социальной обстановки. Изъ этого непреложнаго факта можно заключить только одно: что русская медицина находится еще въ приготовительномъ классѣ и наши медики не доросли еще до того высшаго ея момента, когда она служитъ средствомъ и орудіемъ для послѣдующихъ высшихъ общественныхъ выводовъ. Что это такъ, мы можемъ сослаться на годовичное собраніе харьковскаго медицинскаго общества въ январѣ нынѣшняго года.

Засѣданіе было отъкрыто сообщеніемъ г. Сочавы: „Характеристики врачей, современниковъ Мольера“. Казалось-бы, для чего намъ знать о французскихъ врачахъ, жившихъ 250 лѣтъ тому назадъ, но если намъ говорятъ нынче, и говорятъ въ медицинскомъ обществѣ, то ужь, конечно, не съ литературно-критическими цѣлями.

Мольеръ, какъ извѣстно, смѣялся надъ всѣмъ, что было смѣшно и глупо. Онъ осмѣивалъ герцоговъ и маркизовъ, осмѣивалъ теологовъ, осмѣивалъ женщинъ и осмѣивалъ врачей. У Мольера, конечно были свои причины не вѣрить докторамъ. Онъ постоянно хворалъ со дня рожденія, постоянно кашлялъ, жаловался на одышку, и только строгая діета облегчала его страданія. Это сдерживаніе и строгость жизни давались ему не совсѣмъ легко и должны были возбуждать въ немъ злое чувство, уже только по одному тому, что ему приходилось отказываться отъ участія въ наслажденіяхъ и лукуловскихъ пиршествахъ роскошнаго двора Людовика XIV. Мольеръ очень хорошо видѣлъ, что медицины въ сущности нѣтъ, что врачи только противорѣчатъ себѣ и всею своею медицинской практикою обличаютъ лишь свое невѣжество. Осмѣивая узкій педантизмъ и шарлатанство, Мольеръ давалъ своей сатирѣ чисто-личный характеръ, онъ строилъ ее на фактическихъ основаніяхъ, и въ *Malade imaginaire* заявляетъ беспощадный протестъ умирающаго человѣка противъ безсилія медицины и медиковъ. И Мольеръ имѣлъ право бросить такимъ протестомъ. Во время представленія этой пьесы, когда Мольеръ въ роли Аргана, посвящаемого въ медики, произносилъ клятву, у него появился сильный припадокъ кашля и удушья. По

окончаніи спектакля его отвезли домой едва живого. Это было 10 февраля, а 17 февраля Мольеръ умеръ, — умеръ безъ медицинской помощи.

Въ свою бытность въ Парижѣ въ 1871 году г. Сочава познакомился съ физиологами Мореемъ и Лореномъ. Въ ихъ лабораторіи стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ бюстъ Мольера. „Достойное наказаніе за насмѣшки, которыми онъ когда-то осыпалъ врачей!“ замѣчаетъ г. Сочава. Такъ-ли? Если-бы бюстъ Мольера очутился въ кабинетѣ каждаго русскаго врача, какъ вы думаете, служило-бы это достойнымъ наказаніемъ Мольеру, или-же, напротивъ, онъ стоялъ-бы такимъ-же упрекомъ для современныхъ русскихъ медиковъ, какимъ былъ для французскихъ 250 лѣтъ назадъ?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Качества, отличающія версальское собраніе отъ всѣхъ другихъ представительныхъ собраній.—Принятіе конституціонныхъ законовъ.—Республиканская форма правленія.—Текстъ новой конституціи.—Ея достоинства и недостатки.—Затрудненія, встрѣченныя при составленіи новаго кабинета.—Рѣчь Бюффе, удивившая всѣхъ, и друзей, и недруговъ.—Краткій очеркъ жизни Бюффе.—Члены новаго кабинета.—Избраніе Одифре-Паке въ президенты національнаго собранія.—Анекдотъ.—Революція въ Буэносъ-Айресѣ.—Конституція буэносъ-айресской республики.—Быстрое развитіе благоденствія во время президентства Митре и Сармиенто.—Избирательная борьба.—Пораженіе возстанія.

I.

Версальское національное собраніе, удивляющее міръ своими неожиданными рѣшеніями и вообще отличающееся чисто-отрицательными качествами, раздѣляется, какъ и всякое представительное собраніе, на партіи; но партій въ немъ не двѣ, не три, какъ въ другихъ собраніяхъ, а нѣсколько. Каждая партія, кромѣ того, раздѣляется на нѣсколько группъ или отѣнковъ. Большинство въ этомъ собраніи составляется не такъ, какъ въ другихъ парламентахъ, а совершенно оригинально, по особому закону; въ его составъ входятъ не однородныя по своимъ принципамъ группы, а совершенно случайныя комбинаціи группъ, сплотившихся между собой только потому, что каждая изъ этихъ группъ дала изъ среды своей министровъ не однороднаго министерства, а какого-то примирительнаго, представляющаго собою союзъ умѣренныхъ представителей всѣхъ партій, входящихъ въ составъ коалиціи. Большинство, составленное изъ разнородныхъ элементовъ, конечно, бессильно и не можетъ провести никакой существенной законодательной мѣры, потому что оно непременно распадется

при обсужденіи подробностей. Неспособность версальскаго собранія придти къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ особенно ярко выразилась при обсужденіи конституціонныхъ законовъ, послѣдствіемъ которыхъ было, повидимому, достиженіе извѣстнаго результата, именно установленія во Франціи республиканской формы правленія. Во всякомъ представительномъ собраніи законъ, получившій за себя болышинство, считается окончательно принятымъ. Но въ версальскомъ собраніи, объявившимъ себя учредительнымъ, дѣло иначе идетъ. Приняло оно законъ, устанавлиющій республиканскую форму правленія. Законъ этотъ обнародованъ. Французы радуются, что они вышли, наконецъ, изъ неопредѣленнаго положенія. Но вдругъ оказывается, что они ошибаются, и въ этомъ ихъ увѣряетъ первый министръ французской республики, Бюффе. Излагая програму новаго министерства въ пространной рѣчи, сказанной имъ въ національномъ собраніи, Бюффе ни разу не упомянулъ слова „республика“. Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы обойти это щекотливое слово; онъ говоритъ „маршалъ-президентъ“, „правительство“, но о существующей правительственной формѣ ни словечкомъ не премоулся. Всѣхъ, конечно, удивила такая странность, тѣмъ болѣе, что Бюффе получилъ власть именно отъ того парламентскаго болышинства, которое вотировало республиканскую форму правленія; болышинство-же 24 мая, монархическое или септеналистское, какъ оно само себя называло, этой власти Бюффе никогда-бы не дало. Между тѣмъ удивляться тутъ нечему. Болышинство, провозгласившее республиканскую форму правленія, чисто фиктивное; его связала не однородность принциповъ, а побочныя обстоятельства. Септеналистское болышинство, рушившееся также потому, что оно не было связано однородностью принциповъ, видѣло безвыходность своего положенія; терять же министерскихъ мѣстъ оно не желало; не хотѣлось этого, по крайней мѣрѣ, части этого болышинства—одлеанистамъ, которые собственно и располагали властью. Они понимали хорошо, что новое болышинство можетъ образоваться только въ такомъ случаѣ, если они присоединятся къ лѣвой сторонѣ, требующей признанія республиканской формы правленія. Въ качествѣ людей ловкихъ, они захотѣли, какъ говоритъ, „овладѣть“ положеніемъ и дать требуемой правительственной формѣ такое устройство, которое-бы вполне соотвѣт-

ствовало видамъ ихъ партіи. Они выставили своего оратора Валлона, который и сдѣлался крестнымъ отцомъ французской республики. Предложеніе Валлона, требовавшего признанія республиканской формы правленія, было принято, такъ-какъ голоса за него подали не только республиканцы, но также и партія Валлона, т. е. орлеанисты. Такимъ образомъ составилось такое огромное большинство, котораго версальская палата не имѣла ни во время управленія Тьера, ни во время управленія монархистовъ или септеналистовъ или, еще правильнѣе, орлеанистовъ: 436 голосовъ противъ 262.

Республиканцы довольны; но еще болѣе ликуютъ орлеанисты, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые, какъ говоритъ Лабулэ, сдѣлались республиканцами „изъ благоразумія“. Что ликуютъ эти господа — это совершенно понятно, но слѣдуетъ-ли радоваться республиканцамъ — отвѣтить время. Франція пережила много, вынесла на себѣ опыты различныхъ правительствъ, но, къ сожалѣнію, партіи въ ней ничего не забываютъ, ничему не научаются. Не научились французы и тому простому закону, который сталъ уже общимъ мѣстомъ даже въ странахъ несравненно менѣе ихъ развитыхъ въ политическомъ отношеніи, — что изъ искусственнаго соединенія партій, исповѣдующихъ противоположныя принципы, не можетъ выйти ничего прочнаго. Конечно, можно только пожелать, чтобы настоящее искусственное большинство версальскаго собранія явилось исключеніемъ изъ общаго правила, но трудно вѣрить въ прочность созданія, измышленнаго этимъ большинствомъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что конституція 13 (25) февраля недолговѣчна, потому что она далеко не удовлетворяетъ даже тѣхъ, кто ее создалъ. Но вопросъ въ томъ, въ какомъ смыслѣ она будетъ измѣнена: въ реакціонномъ или прогрессивномъ? Рѣшеніе вопросовъ въ ту или другую сторону, въ свою очередь, будетъ зависѣть отъ новыхъ выборовъ, которые должны состояться послѣ распушенія настоящей палаты, выбранной съ спеціальною цѣлью заключенія мира съ нѣмцами и присвоившей себѣ власть учредительнаго собранія; а еще болѣе отъ разрѣшенія самаго существеннаго вопроса: возможенъ-ли теперь во Франціи государственный переворотъ въ пользу котораго-нибудь изъ претендентовъ или новаго честолюбца, или-же французскій народъ самъ въ себѣ заключаетъ столько нравственной силы, что спосо-

бень будетъ поощрять всякимъ насильственнымъ попыткамъ въ такомъ родѣ?

Законъ 13 (25) февраля изложенъ очень кратко и въ этой краткости заключается главное достоинство новой конституціи; ея текстъ не затемненъ, какъ это бывало съ большей частью французскихъ законовъ, пышными фразами и громкими словами, за которыми скрывалась западня, т. е. желаніе дать возможность толковать законъ въ смыслѣ, благоприятномъ господствующей партіи.

Основанія этой конституціи заключаются въ слѣдующемъ:

„Законодательная власть французской республики ввѣряется двумъ палатамъ: палатѣ депутатовъ и сенату.

„Палата депутатовъ избирается всеобщей подачей голосовъ. (Орлеанистамъ очень хотѣлось ограничить всеобщую подачу различными дополнительными узаконеніями, но въ виду сопротивленія, встрѣченнаго въ массѣ населенія, они на это не рѣшились.)

„Сенатъ состоитъ изъ 300 членовъ. 225 изъ нихъ избираются департаментами и колоніями. Избраніе ихъ совершается особенными коллегіями, составленными изъ депутатовъ національнаго собранія (а впоследствии палаты депутатовъ), членовъ генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ и выборныхъ отъ общинныхъ совѣтовъ. Эти сенаторы избираются на девять лѣтъ; но черезъ каждые три года треть ихъ выбываетъ и замѣняется вновь избранными. Остальные 75 сенаторовъ избираются національнымъ собраніемъ; они несменяемы. (Такая сложная система выбора сенаторовъ принята съ единственной цѣлью обезпечить интересы консервативныхъ партій, какъ то свидѣтельствовали ораторы, настаивавшіе на принятіи этого предложенія.)

„Для выбора въ сенаторы требуется, чтобы кандидатъ былъ французомъ, пользовался гражданскими и политическими правами и имѣлъ не менѣе 40 лѣтъ отъ роду.

„Исполнительная власть принадлежитъ президенту республики.

„Президентъ не имѣетъ права налагать „вето“ на законы, принятые законодательной властью. Если законъ принятъ палатою депутатовъ и сенатомъ, онъ немедленно вступаетъ въ силу. Президентъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, съ согласія сената, имѣетъ право распустить палату депутатовъ, но при этомъ вы-

боры въ новую палату должны быть назначены непременно втеченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ ея распушенія.

„Президентъ избирается на семь лѣтъ, но можетъ быть выбранъ вновь на слѣдующее семилѣтіе и далѣе, не ограничивая числа семилѣтій.

„Президентъ избирается собраніемъ, составленнымъ изъ сената и палаты депутатовъ; онъ избирается простымъ большинствомъ голосовъ.

„За дѣйствія правительства президентъ лично не отвѣтственъ. Онъ предается суду только въ случаѣ государственной измѣны.

„Министерство отвѣтственно предъ палатами въ цѣломъ своемъ составѣ за общую политику правительства. Каждый министръ, кромя того, отвѣчаетъ отдѣльно за свои личныя дѣйствія“.

Въ этомъ извлеченіи заключается сущность новой конституціи. Въ ней нѣтъ ничего рѣзкаго, что замѣтно выдѣляло-бы ее изъ массы конституцій, принятыхъ въ различныхъ странахъ Европы и Америки втеченіи настоящаго столѣтія. Она похожа на всѣ существующія и существовавшія посредственныя конституціи и въ этомъ-то именно лежитъ залогъ ея непрочности. Французская буржуазія, и на этотъ разъ преобладающая въ большинствѣ, создавшемъ новую конституцію, остановилась на полусловѣ, испугалась сама своей отваги и снова принялась за старыя средства, оказавшія много разъ несостоятельными. Принявъ предложеніе о выборѣ сенаторовъ всеобщей подачей голосовъ, она внезапно передумала и хотѣла уже снова отвергнуть конституціонные законы и оставить страну въ прежнемъ переходномъ, неопредѣленномъ состояніи въ отношеніи правительственной формы, но докладъ Савари о бонапартистскихъ интригахъ образумилъ ее и она пошла на уступки. Волянь государственнаго переворота въ пользу Наполеона III побудила ее принять конституціонные законы, хотя основнымъ принципомъ новой конституціи было признаніе республиканской формы правленія, противъ чего она боролась съ Тьеромъ и свергла его.

Отъ мудрости и предусмотрительности французскаго народа, которому предстоитъ высказать свои желанія посредствомъ выбора депутатовъ въ новое собраніе, будетъ зависѣть прочность новой правительственной формы и созданіе такой конституціи, которая

соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ настоящей минуты.

Принятіемъ конституціонныхъ законовъ обуславливалось избраніе новаго кабинета. Восторжествовавшему большинству слѣдовало дать министровъ изъ своей среды. Кому поручить составленіе новаго министерства? Казалось, по этому вопросу не могло представиться никакихъ затрудненій. Въ послѣднее время во Франціи такъ часто смѣнялись министерства и такое множество личностей, и способныхъ, и совершенно неспособныхъ (послѣднихъ гораздо болѣе) обладали министерскими портфелями, что, по выраженію одного изъ французскихъ фельетонистовъ, изъ экс-министровъ могъ составиться батальонъ изрядной боевой силы. Слѣдовательно, выбирать было изъ чего, потому-что вопросъ шелъ о лицахъ, а не о принципахъ. Между тѣмъ представились неожиданныя и весьма серьезныя затрудненія. На этотъ разъ не мало затрудненій дѣлалъ самъ президентъ республики.

Не знаемъ, на-сколько вѣрны были слухи о готовящемся государственномъ переворотѣ, но только они твердо держались втеченіи нѣсколькихъ дней въ Парижѣ. Говорили, что послѣ принятія національнымъ собраніемъ 30 января (11 февраля) предложенія Паскаля Дюпра объ избраніи сенаторовъ всеобщей подачей голосовъ, шесть генераловъ явились къ маршалу Мак-Магону съ предложеніемъ разогнать собраніе и произвести государственный переворотъ въ пользу Наполеона IV. Мак-Магонъ, напуганный чрезмѣрно-демократическимъ настроеніемъ собранія, будто бы собралъ совѣтъ изъ остальныхъ генераловъ и полковниковъ, находившихся въ Парижѣ, для обсужденія положенія дѣлъ. Большинство участвовавшихъ въ совѣтѣ высказалось противъ предложенія генераловъ. Тогда и Мак-Магонъ заявилъ рѣшительно, что онъ не допуститъ никакого насильственнаго переворота.

На-сколько былъ справедливъ этотъ слухъ—намъ неизвѣстно, но несомнѣнно то, что слухъ этотъ отчасти повліялъ на рѣшенія національнаго собранія, которому были извѣстны интриги бонапартистовъ. Разстроившееся послѣ заявленія перваго министра Сиссе о неудовольствіи правительства голосованіемъ по поводу

предложенія Дюпра, — искусственно созданное большинство снова сплотилось. Послѣ долгихъ переговоровъ между президентами разныхъ партій, составлявшихъ это большинство, было, наконецъ, рѣшено предложить составить министерство президенту національнаго собранія Бюффе. Нѣсколько разъ Бюффе то соглашался принять на себя это порученіе, то снова отказывался; онъ то сговаривался съ Дюфоромъ и Мак-Магономъ, то расходился съ ними до того, что составленіе кабинета казалось уже невозможнымъ. Наконецъ онъ составилъ министерство, которое обязались поддерживать всѣ партіи, составлявшія большинство, т. е. крайняя лѣвая, просто лѣвая, лѣвый центръ и большая часть праваго центра. Министерство вступило въ отправленіе своихъ обязанностей и президентъ министровъ явился въ палату, чтобы выяснить передъ нею програму, которой намѣревалось слѣдовать новое министерство. Къ удивленію всѣхъ, и большинства, и меньшинства, Бюффе заявилъ програму, какой не ожидали ни тѣ, ни другіе.

По соглашенію съ большинствомъ, Бюффе долженъ былъ заявить: во-1) о восстановленіи закона, отмѣненнаго „правительствомъ борьбы“, относительно избранія мэровъ; во-2) о снятіи осаднаго положенія; въ-3) объ увольненіи чиновниковъ-бонапартистовъ, которые помогали интригамъ бонапартистской партіи. Бюффе говорилъ очень много, но совсѣмъ не то, что онъ обязался сказать, а между тѣмъ только на этомъ условіи онъ и получилъ портфель отъ большинства. Онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой ни разу не упомянулъ слова „республика“; говорилъ обо всемъ, но такъ темно и двусмысленно, что его рѣчь можно было комментировать въ смыслѣ совершенно противоположномъ желаніямъ большинства и во вкусѣ пораженнаго меньшинства. По вопросу о мэрахъ онъ сказалъ: „мы требуемъ удержанія въ силѣ, на извѣстное время, закона о мэрахъ, но мы обязываемся избирать мэровъ, на-сколько это будетъ возможно, изъ среды муниципальных совѣтниковъ“. Насчетъ снятія осаднаго положенія Бюффе заявилъ, что „правительство не можетъ отказаться отъ исключительной власти, предоставляемой ему осаднымъ положеніемъ въ нѣкоторыхъ департаментахъ, пока не будетъ принятъ новый законъ о печати“. Принятіе-же новаго закона о печати, по его словамъ, обуславливается „необходимостью обезпечить пре-

кращеніе излишняго своеволія, которое можетъ подорватьъ въ глазахъ умѣренныхъ людей довѣріе къ свободѣ печатнаго слова". Наконецъ, что касается чиновниковъ-бонапартистовъ, Бюффе приподнесъ имъ такую похвалу, какой они навѣрное не ожидали. „Мы надѣемся найти себѣ, сказалъ Бюффе, — дѣльныхъ и усердныхъ помощниковъ въ администраціи, которая съумѣла поддержать порядокъ во время пережитыхъ нами трудныхъ обстоятельствъ; она въ свою очередь всегда можетъ рассчитывать на нашу поддержку". И это онъ говоритъ о той самой администраціи, которая, по разслѣдованію специальной комисіи о бонапартистскихъ интригахъ, ему вполне извѣстному, употребляла все свое вліяніе на поддержаніе противозаконной бонапартистской агитаціи, имѣвшей конечной цѣлью государственный переворотъ.

Бюффе много распространялся о тѣхъ предметахъ, о которыхъ любятъ говорить французскіе министры, когда желаютъ совершенно затемнить свою мысль: о поддержаніи порядка, о строго-консервативной политикѣ новаго министерства, чуждой какъ вызывающаго характера, такъ и слабости, о сомнѣніи, которое возбудилось въ умахъ публики принятіемъ конституціонныхъ законовъ (сомнѣніа, разумѣется, никакого не было, на биржѣ послѣ принятія этихъ законовъ весьма значительно поднялся курсъ бумагъ; про населеніе и говорить нечего, оно радовалось, да и самъ Бюффе попалъ въ министры только потому, что эти законы были вотированы); о примиряющемъ направленіи правительства, о воззваніи къ умѣреннымъ людямъ всѣхъ партій, чтобы они оказали министерству содѣйствіе, и пр., и пр. Однимъ словомъ, говорилъ то-же, что сказалъ нѣкогда Брольи.

Рѣчь Бюффе произвела неблагоприятное впечатлѣніе на большинство собранія, давшее жизнь новому министерству. Лѣвая сторона была рѣшительно недовольна; въ лѣвомъ центрѣ съ сомнѣніемъ покачивали головой; легитимисты иронически улыбались; даже часть орлеанистовъ — самые либеральные — переглядывались съ изумленіемъ. Довольными остались: орлеанисты изъ числа друзей Брольи и въ особенности бонапартисты. По окончаніи рѣчи Бюффе къ нему первымъ подошелъ рыаный бонапартистъ Гальони д'Истріа и съ нѣжностью пожалъ ему руку. Руэръ во все время рѣчи Бюффе улыбался и потиралъ руки; чувство удовольствія такъ и играло на лицѣ этого государственнаго бандита.

„Мнѣ казалось, что Бюффе читалъ передовую статью газеты „Français“ (которая составляетъ органъ герцога Брולי), сказалъ Гамбета. „Въ словахъ Бюффе мнѣ слышался Брולי“, писалъ Кремье своимъ алжирскимъ избирателямъ. Большая часть членовъ лѣвой республиканской партіи говорили то-же самое. Но спрашивается, о чемъ-же они думали раньше? Хорошо зная Бюффе, могли-ли они рассчитывать, что онъ, ихъ всегдашній противникъ, внезапно измѣнитъ свои убѣжденія и сдѣлается ихъ сторонникомъ? Зная прошедшее Бюффе, они не могли ошибаться, какого закала человѣку предлагаютъ свою поддержку. Наконецъ одинъ изъ самыхъ искренно-убѣжденныхъ представителей ихъ партіи, Гриви, предупреждалъ ихъ, что Бюффе никогда не можетъ быть ихъ союзникомъ, защитникомъ тенденцій ихъ партіи.

Бюффе родился въ департаментѣ Вогезовъ въ 1818 году. Окончивъ въ Парижѣ юридическое образованіе, Бюффе отправился въ Англію изучать политическую экономію, а также ея учрежденія. Возвратясь въ Парижъ, онъ занялся адвокатурой, но вскорѣ переѣхалъ въ Нанси, надѣясь получить тамъ большія выгоды. Онъ удачно занимался здѣсь адвокатской практикой, когда произошла революція 1848 года. Онъ явился кандидатомъ на выборахъ въ учредительное собраніе и былъ выбранъ. Въ собраніи онъ сѣлъ на правую сторону. Нѣсколько ловко сказанныхъ рѣчей доставили ему извѣстность; въ 1849 году, когда президентомъ сдѣлался принцъ Наполеонъ, Бюффе получилъ портфель министра земледѣлія въ министерствѣ Одилона Баро; однакожь онъ очень недолго оставался въ министерствѣ; не соглашаясь съ нѣкоторыми мнѣніями своихъ товарищей, онъ вышелъ въ отставку. Въ 1850 году онъ былъ выбранъ въ члены парламентской комисіи, которой было поручено ограничить всеобщую подачу голосовъ. Комисія выработала извѣстный законъ 31 мая, много способствовавшій впоследствии успѣху государственнаго переворота 2 декабря. Въ комисіи Бюффе высказался какъ рѣшительный противникъ принципа всеобщей подачи голосовъ. Въ 1851 году онъ снова вступилъ въ министерство, на обязанности котораго лежало примѣненіе закона 31 мая. Сначала всѣ товарищи были согласны съ Бюффе насчетъ необходимости точнаго примѣненія новаго закона, но потомъ, когда принцъ Наполеонъ задумалъ государственный переворотъ, одинъ Бюффе остался при прежнемъ

миѣннїи, товарищи-же его заговорили другое. Бюффе вышелъ въ отставку. Въ день совершенїя государственнаго переворота Бюффе былъ посаженъ въ тюрьму, но чрезъ нѣсколько дней выпущенъ на свободу. Съ 1852 по 1864 годъ онъ жилъ вдали отъ политической жизни. Въ 1864 году онъ былъ избранъ въ законодательный корпусъ и сѣлъ рядомъ съ членами умѣренной оппозиціи. Въ составѣ 45 (численность тогдашней оппозиціи) онъ подписалъ заявленіе о необходимости расширенїя свободы во Франціи. Въ 1870 году Бюффе вступилъ въ такъ-называемый либеральный кабинетъ второй имперїи. Вскорѣ онъ разошелся съ своими товарищами по министерству въ вопросѣ о плебисцитѣ и вышелъ въ отставку. Бюффе довольно энергично возставалъ противъ войны. Когда произошла мирная революція 4 сентября, онъ протестовалъ противъ нея и удалился въ Вогезскій департаментъ, гдѣ жилъ во все время нѣмецкой войны. Въ февралѣ 1871 года онъ былъ избранъ въ настоящее національное собраніе, гдѣ присталъ къ орлеанистской группѣ праваго центра. Въ 1873 году онъ былъ избранъ президентомъ національнаго собранїа. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ низверженїя Тьера. Какъ президентъ собранїа, онъ не отличался безпристрастіемъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать, что его симпатїи лежатъ къ правой, а не къ лѣвой сторонѣ. Онъ за самыя ничтожныя отступленїя призывалъ къ порядку ораторовъ лѣвой стороны и спускалъ весьма рѣзкія выходки ораторамъ правой.

Что-же побудило республиканскую партїю версальскаго собранїа возложить свои надежды на человѣка, который всегда относился къ ней враждебно? Во-первыхъ, то, что Бюффе ничѣмъ не связанъ ни съ однимъ изъ претендентовъ, а во-вторыхъ, его ловкость, съ которой онъ велъ пренїя по конституціоннымъ законамъ, всѣми средствами помогая искусственно-образовавшемуся большинству. Рѣчь его, какъ мы говорили, произвела дурное впечатлѣніе на его новыхъ союзниковъ, но они были нѣсколько утѣшены заявленїемъ министра иностранныхъ дѣлъ Деказа, который по поводу рѣчи Бюффе замѣтилъ, что къ этой рѣчи не слѣдуетъ относиться слишкомъ серьезно, потому что „слова—одно, а дѣло—совсѣмъ другое“. Такое утѣшеніе имѣетъ во Франціи большой смыслъ; министры второй имперїи прїучили публику смотрѣть на министерскїя рѣчи, какъ на простую формальность; ни одинъ министръ Наполеона III не

считалъ себя никогда связаннымъ общаѣмъ, которое онъ давалъ палатѣ, и поступалъ совершенно противоположно тому, что онъ говорилъ для развлеченія такъ-называемыхъ представителей французскаго народа.

Въ новомъ министерствѣ Бюффе занимаетъ должность президента совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ. Прочіе министерскіе портфели вручены: военнаго министра генералу Сиссе; морскаго—адмиралу Монтаньяку; министерства иностранныхъ дѣлъ—герцогу Деказу; юстиціи—Дюфору; финансовъ—Леону Сэ; народнаго просвѣщенія—Валлону; путей сообщенія—Калью; земледѣлія и торговли—виконту де-Мо.

Изъ предыдущаго министерства въ кабинетъ Бюффе перешли, Сиссе, Монтаньякъ, герцогъ Деказь и Калью. По парламентскимъ группамъ новые министры распредѣляются такъ: правая сторона представляется въ министерствѣ виконтомъ де-Мо; лѣвый центръ—Дюфоромъ и Сэ; остальные принадлежатъ къ правому центру.

Герцогъ Деказь пользуется хорошей репутаціей, въ особенности потому, что во все время существованія второй имперіи держался въ сторонѣ и не увлекся, какъ его друзья, ея будто-бы либеральнымъ направлениемъ. Деказь хорошій дипломатъ и въ должности посланника онъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ должности министра. Онъ отличается либеральнымъ образомъ мыслей и, кажется, довольно искренно мирится съ необходимостію установленія во Франціи республиканской формы правленія.

О Дюфорѣ было много говорено въ нашемъ журналѣ. Онъ принадлежитъ къ числу людей, которые теряются въ рѣшительную минуту и потому приносятъ своей партіи скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Леонъ Сэ извѣстенъ своими финансовыми статьями въ „Journal des Débats“ и пріятельскими отношеніями съ извѣстными французскими капиталистами. Онъ уже былъ министромъ финансовъ при Тьерѣ и умѣлъ угодить всѣмъ. Благодаря мягкости своего характера, онъ попалъ въ составъ новаго министерства, хотя по-прежнему остался въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Тьеромъ.

Калью хорошій инженеръ, но крайне неуживчивый человѣкъ. Во время своего министерства онъ успѣлъ перессориться со всѣми желѣзно-дорожными компаниями; онъ вызвалъ противъ себя много жалобъ и даже процессовъ. Лѣвая сторона настаивала на его уда-

леніи изъ министерства, и почему онъ остался — рѣшительно ничѣмъ нельзя объяснить.

Политическія убѣжденія адмирала Монтаньяка мало кому извѣстны. Военный министр, генераль Сиссе, повидимому, болѣе всего склоняется къ бонапартизму.

Виконтъ де-Мо — зять и ученикъ Монталамбера, тѣсно связанный съ извѣстнымъ интриганомъ, іезуитомъ Фаллу. Виконтъ де-Мо одинъ изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ Бролья, который сильно хлопоталъ у маршала-президента о доставленіи ему министерскаго портфеля. Говорятъ, что Бролья соглашался уже ѣхать куда-нибудь посланникомъ, но убѣдившись, что Мо будетъ сдѣланъ министромъ, передумалъ. Конечно, онъ надѣется при пособіи Мо вліять на новый кабинетъ, а главное всегда во время узнавать о планахъ кабинета и принимать соответствующія мѣры. Бролья, какъ видно, еще не отказался отъ надежды снова подарить Францію своимъ министерствомъ. И кто знаетъ, можетъ быть, Франціи опять придется выносить управленіе этого фатальнаго человѣка, котораго слѣдуетъ считать главнымъ виновникомъ возрожденія бонапартизма и неопредѣленности положенія, изъ котораго Франціи выйти не легко.

Валлонъ, герой настоящей минуты, творецъ новой конституціи, всегда былъ ультрамонтаномъ. Онъ ратовалъ противъ Ренана съ большей энергіей, чѣмъ многіе извѣстные клерикалы изъ среды духовенства. Онъ ранѣе всѣхъ предложилъ канонизировать Жанну д'Аркъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя зависть въ епископъ Дюпанлу, что едва не помѣшало ему получить министерскій портфель. Дюпанлу успѣлъ убѣдить маршала и въ особенности его жену, что Валлонъ плохой католикъ и потому не годится быть министромъ народнаго просвѣщенія. Маршалъ ставилъ много затрудненій вступленію Валлона въ кабинетъ. Какъ ораторъ, Валлонъ не замѣчательнъ. Вообще, до послѣдняго времени Валлонъ почти не разѣваль рта въ палатѣ. Случайность выдвинула его на замѣтный постъ, удержаться на которомъ ему будетъ не легко.

Точно также есть основаніе сомнѣваться въ прочности вообще новаго министерства. Можно сказать навѣрное, что ни Бюффе, ни Валлонъ, ни ихъ товарищи не въ состояніи будутъ разрѣшить тѣхъ существенныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе

Франціи. По всей вѣроятности, они будутъ управлять не лучше и не хуже предшествовавшаго имъ министерства.

Съ назначеніемъ Бюффе министромъ національному собранію предстояло выбрать себѣ новаго президента. Вся лѣвая сторона и либеральная часть праваго центра согласились подать свои голоса за герцога Одифре-Пахье. Болѣе всѣхъ хлопоталъ объ избраніи герцога Гамбета; его блистательная рѣчь, сказанная передъ всѣми тремя отгѣнками лѣвой, побудила ихъ настаивать на избраніи Одифре-Пахье, который и былъ избранъ огромнымъ большинствомъ: 418 голосовъ противъ 180.

Вступая въ эту должность, Одифре-Пахье произнесъ очень хорошую рѣчь, встрѣченную громкими рукоплесканіями всей лѣвой стороны и части праваго центра. Приводимъ изъ его рѣчи слѣдующія слова: „Вы не должны забывать, что Франція минутами процвѣтанія и славы, слѣдовавшими за жестокими пораженіями, обязана парламентскому правительству и принципу самоуправленія. Благодаря имъ, Франція въ послѣдніе четыре года перенесла жестокія испытанія, какія очень рѣдко выпадаютъ на долю великой націи. Своими недавними рѣшеніями вы ввѣрили будущее Франціи этому правительству и этому принципу. Вы не забыли, вѣроятно, во что обходится странѣ отреченіе отъ общественной свободы. Настоящему собранію будетъ вѣчно принадлежать честь возстановленія этой свободы и уваженія къ ней. Благодаря вашей умѣренности, эта свобода съ каждымъ днемъ будетъ становиться для страны дороже. Вы докажете ей, что желанные для нея порядокъ и безопасность лучше всего обеспечиваются свободой...“

Одифре-Пахье, которому уже около шестидесяти лѣтъ отъ роду, принадлежитъ къ искренно-убѣжденнымъ либеральнымъ аристократамъ. Во все время второй имперіи онъ жилъ въ провинціи, въ департаментѣ Орнье, и всегда заявлялъ ей свою оппозицію. Выбранный въ національномъ собраніи председателемъ комисіи, изслѣдовавшей подряды, заключенные во время второй имперіи, онъ возбуждалъ противъ себя страшную ненависть бонапартистовъ за то, что въ рѣзкой рѣчи, вызвавшей энтузіазмъ во всей Франціи, обличилъ злоупотребленія правительства второй имперіи. Онъ нарисо-

валь поразительную картину расхищенія государственной казны. „Всѣ, кто могъ, по словамъ Одифре-Паке, запускали руку въ эту казну; безсовѣстные авантюристы грабили, безобразно проживали награбленное и навлекли на Францію страшныя бѣдствія.“ За эту рѣчь бонапартисты ненавидятъ Одифре-Паке, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ республиканцевъ.

Орлеанисты отплатили республиканцемъ за выборъ Одифре-Паке. При выборѣ вице-президента они подали голосъ за кандидата республиканской стороны Дюклера и онъ былъ выбранъ значительнымъ большинствомъ.

Въ одной изъ французскихъ газетъ рассказанъ слѣдующій характеристичный анекдотъ.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, профессоръ Шарль Робэнъ, обѣдалъ у своихъ хорошихъ знакомыхъ. Разговоръ зашелъ о древности человѣка и о послѣднихъ открытiяхъ въ геологiи.

Робэнъ, замѣтивъ, что геологическіе вопросы интересуютъ общество, вошелъ въ подробности и увлекся своимъ предметомъ. Все общество слушало его съ большимъ вниманiемъ, стараясь не проронить ни одного слова.

Вдругъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ его рѣчи, увлекшійся Робэнъ былъ внезапно прерванъ какимъ-то господиномъ, одѣтымъ съ модной изысканностью и въ бѣломъ галстухѣ.

— Я не понимаю, какъ можете вы съ такимъ изумительнымъ хладнокровiемъ проповѣдывать эти грѣшныя, безумныя идеи. Знаете, милостивый государь, что если ваши идеи будутъ изложены въ книгѣ, изданной для публики, я не отвѣчаю за честность моихъ подчиненныхъ, чиновниковъ моей канцелярiи.

Понятно, какой необыкновенный эффектъ произвели эти слова. Робэнъ хотѣлъ отвѣчать, но замѣтилъ взгляды хозяйки, которыми она умоляла его оставить въ покоѣ этого господина. Послѣ обѣда она отвела Робэна въ сторону.

— Извините насъ, сказала она, — мой мужъ, человѣкъ про-

гресивныхъ мыслей, какъ вамъ извѣстно, забылъ предупредить васъ объ этомъ господинѣ, съ которымъ всякій споръ излишенъ.

Черезъ нѣсколько дней Робанъ снова пришелъ въ этотъ домъ.

— Сегодня, кажется, нѣтъ у васъ моего обличителя? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Развѣ вы не знаете, онъ въ тюрьмѣ. Его фамилія Шасто. Онъ служилъ кассиромъ въ казначействѣ города Парижа. У него міліона три или четыре состоянія, а онъ все-таки укралъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ.

Замѣчательно, что въ то-же время былъ арестованъ кассиръ благотворительнаго общества за то, что запустилъ лапу въ казенный сундукъ. И этотъ тоже считался столпомъ правовѣрія, вышелъ изъ іезуитской коллегіи и находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ почтенными отцами.

II.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ телеграфъ принесъ извѣстіе о революціи, вспыхнувшей въ Буэносъ-Айресѣ и охватившей собою всѣ провинціи огромной ла-платской провинціи. Имя извѣстнаго генерала и бывшаго президента республики, ставшаго предводителемъ революціи, ручалось, что это движеніе нешуточное и можетъ повлечь за собою серьезныя затрудненія для легальнаго правительства. Но, къ удивленію всѣхъ, вопреки традиціямъ южно-американскихъ республикъ, революція или, скорѣе, возмущеніе окончилось въ два мѣсяца полной побѣдой правительства.

Маколей совершенно правильно замѣтилъ, что восьмидневная революція въ Лондонѣ отразится въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ міра и будетъ оказывать вліяніе, по крайней мѣрѣ, втеченіи полулѣта. Это предположеніе, вѣрное для Лондона, справедливо, конечно въ меньшей степени, и для такой республики, какъ Буэносъ-Айресъ. И дѣйствительно буэносъ-айресская революція отразилась на лондонской биржѣ, съ которой Буэносъ-Айресъ имѣетъ постоянныя сношенія. Она отразилась и во Франціи, ведущей постоянныя торговыя сношенія съ ла-платской республикой; еще болѣе, конечно, отразилась она въ сосѣднихъ съ Буэносъ-Айресомъ

странахъ. Понятно теперь, съ какимъ интересомъ слѣдили въ Европѣ за буэносъ-айресскими событіями, въ особенности, когда стало извѣстно, что во главѣ возстанія стоитъ генераль Митре, который былъ первымъ президентомъ всей буэносъ-айресской республики, а не нѣсколькихъ только провинцій, какъ его предшественники. Со дня независимости до полнаго объединенія республики должно было пройти 50 лѣтъ, полныхъ непрерывными волненіями. Съ президентства-же Митре началась мирная эра буэносъ-айресской республики, продолжавшаяся до послѣдняго возстанія. Замѣчательно, что въ этомъ возстаніи революціонерами были консерваторы, т. е. большая часть поземельныхъ собственниковъ и финансовыхъ тузовъ республики.

Аргентинская республика, имѣющая столицей городъ Буэносъ-Айресь, состоитъ изъ 14 провинцій. Она управляется президентомъ, который, вмѣстѣ съ министрами, имѣ избираемыми, представляетъ исполнительную власть республики; законодательная власть ввѣрена двумъ палатамъ: палатѣ депутатовъ и сенату. Палаты засѣдаютъ въ Буэносъ-Айрессѣ. Депутаты и сенаторы избираются на основаніи избирательнаго закона. Каждая провинція управляется губернаторомъ, избраннымъ населеніемъ, палатой депутатовъ и сенатомъ; каждая имѣетъ свою собственную конституцію. Третья часть депутатовъ и сенаторовъ возобновляется каждый годъ. Губернаторы избираются на 3 года, а президентъ на 6. Выборы всегда сопровождаются сильной агитаціей, въ особенности президентскіе; они волнуютъ страну въ продолженіи цѣлаго года.

Конституція, какъ провинціальная, такъ и національная, вообще хороши, такъ-какъ онѣ составлены по образцамъ европейскихъ конституцій, изъ которыхъ аргентинскіе законодатели заимствовали все лучшее. Конституціи эти, въ своемъ основаніи, вполне демократическія, онѣ такъ обезпечиваютъ свободу гражданъ, какъ ни одна изъ образцовыхъ европейскихъ конституцій. Въ нихъ, повидимому, все предусмотрено, устранены недоразумѣнія, которыя въ Европѣ приводятъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Прочитывая буэносъ-айресскія конституціи, можно придти къ заключенію, что аргентинская республика едва-ли не самая счастливейшая страна въ мірѣ и должна пользоваться бла-

годенствіемъ и спокойствіемъ. Но, къ несчастію, эта страна получила въ наслѣдіе отъ Испаніи большой недостатокъ, причинившій странѣ не мало бѣдствій, хотя косвенно повліявшій на развитіе ея настоящаго благосостоянія. Граждане аргентинской республики чрезвычайно честолюбивы и страстно любятъ занимать общественныя должности. Каждый изъ нихъ стремится достигнуть такой должности во что-бы то ни стало и всякими средствами. Это и было причиной, что со дня объявленія независимости въ 1812 году до 1862 года, когда Митре былъ избранъ президентомъ всѣхъ соединенныхъ провинцій аргентинской республики, въ ней шла безконечная междоусобная война, за то въ эти бурные полувѣка, изъ которыхъ 20 лѣтъ страна находилась подъ управленіемъ жестокаго тирана, Розаса, аргентинцы поняли значеніе свободы и привыкли цѣнить ее. Слѣдующій періодъ исторіи аргентинской республики научилъ цѣнить ее и мирное развитіе.

Время управленія президента Митре, съ 1862 по 1868 годы, ознаменованное войной съ Парагваемъ, было эпохой, въ которую началось мирное развитіе аргентинской республики. Война съ Парагваемъ, противъ которой можно многое сказать, привела, однакожь, къ блистательнымъ результатамъ, потому что прямымъ послѣдствіемъ ея было сверженіе тирана Лопеца, а это, въ свою очередь, дало возможность установить болѣе правильныя торговыя сношенія между республиками, лежащими по рѣкѣ Ла-Платѣ, и бразильской имперіей. Плоды добытыхъ результатовъ для аргентинской республики обнаружались очень скоро: въ 1868 году кончался срокъ президентства Митре и президентскіе выборы прошли совершенно спокойно. Преемникомъ Митре былъ избранъ докторъ Доминго Сармиенто, человекъ очень умный, съ значительнымъ политическимъ развитіемъ. Онъ былъ во время президентства Митре посланникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и изучилъ строй тамошней политической жизни и причины изумительнаго благосостоянія этой страны.

Сдѣлавшись президентомъ, Сармиенто прежде всего добился у палаты закона, обезпечивающаго за эмигрантами изъ Европы и изъ другихъ мѣстъ гражданскія права. Съ этихъ поръ каждый эмигрантъ, вступивъ на почву Буэнос-Айреса, дѣлается уже из-

бирателемъ въ муниципальныя должности и можетъ быть избранъ въ мэры и муниципальныя совѣтники; онъ только не можетъ участвовать въ политическихъ выборахъ. Результатомъ этого закона была значительная эмиграція изъ Европы въ Буэносъ-Айресъ, которая, постоянно увеличиваясь, достигла до того, что въ первые шесть мѣсяцевъ 1874 года сюда переселилось 35,000 европейцевъ, преимущественно французовъ и итальянцевъ.

Переселеніе европейцевъ быстро оказало благодѣтельное дѣйствіе на развитіе промышленности въ этомъ краѣ. Аргентинская республика богата естественными и сырыми продуктами, но бѣдна предприимчивостью и капиталомъ; и то, и другое ей дали иностранцы. Республика славилась необозримыми стадами рогатаго скота и овецъ. Цѣнность ихъ была поразительно низка: лучший быкъ стоилъ не болѣе пяти рублей, громаднѣйшій баранъ шелъ за пятьдесятъ копеекъ. Европейскіе эмигранты открыли для этого скота сбытъ на европейскихъ рынкахъ и цѣнность его значительно увеличилась. Богатныя, плодородныя земли республики лежали впустѣ; онѣ принадлежали небольшому числу собственниковъ, которые не знали, что съ ними дѣлать. Весь доходъ они получали отъ массы рогатаго скота и овецъ, пасущихся на ихъ безконечныхъ лугахъ. Объ европейской роскоши и комфорта они не имѣли никакого понятія, жили въ неудобныхъ домахъ, питались говядиной безъ хлѣба. Въ шесть лѣтъ президентства Сармиенто все измѣнилось: европейскіе эмигранты стали арендовать и покупать эти земли, разводили на нихъ хлѣбъ, который отправляютъ теперь въ Европу. Иностранцы устроили въ Буэносъ-Айресѣ фабрики и заводы, своими капиталами они положили основаніе акціонернымъ компаніямъ, вообще развили промышленность и торговлю, что повело, конечно, къ значительному увеличенію государственныхъ доходовъ. Таможенный сборъ, достигавшій въ 1867 году до 12 миліоновъ піастровъ, дошелъ въ 1873 году до 20 миліоновъ; вывозъ въ этомъ году достигъ до 250 миліоновъ, ввозъ стоялъ почти на той-же цифрѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ сильно подвинулось впередъ и просвѣщеніе: въ 1868 году правительственныхъ школъ было всего 20, въ 1873—1,117; въ 1862 году существовала всего одна библіотека, въ 1873 году ихъ было уже 140. Всѣ провинціи соединились съ столицей те-

леграфомъ; изъ Буэнос-Айреса каждый мѣсяць отходятъ 20 пароходовъ; печатной бумаги въ 1868 году шло въ дѣло всего 12,000 стопъ, въ 1873 году—200,000; различныхъ машинъ въ дѣйстви въ 1868 году было всего 5,500, въ 1873 число ихъ увеличилось до 70,000. Такое быстрое развитіе естественно должно было развить въ массѣ любовь къ миру и отвращеніе къ междуусобнымъ смутамъ. Въ это-же время были пересмотрѣны существующіе законы и сводъ ихъ составленъ знаменитымъ юристомъ Далмаціо Велецъ-Сарефильдомъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ пересмотрѣлъ и изучилъ законы всѣхъ извѣстныхъ европейскихъ странъ, и затѣмъ взялъ изъ нихъ все, что находилъ лучшимъ и применимымъ для Буэнос-Айреса. Основаніемъ его труда послужила, впрочемъ, преимущественно французская юриспруденція, которая легла въ основу законовъ Чили, Перу и Бразиліи. Вмѣстѣ съ изданіемъ свода законовъ сдѣланъ былъ пересмотръ конституцій, какъ національной, такъ и провинціальныхъ. Пересмотръ этотъ произведенъ съ должнымъ вниманіемъ и изъ провинціальныхъ конституцій выкинуты статьи, которыя до сихъ поръ возбуждали массу недоразумѣній и не разъ служили предлогомъ для гражданскихъ войнъ между отдѣльными провинціями.

Какъ туземцы, такъ и иностранцы, такъ привыкли въ послѣднія шесть лѣтъ къ миру и спокойствію, что безъ всякаго опасенія смотрѣли на приближавшіеся президентскіе выборы.

Кандидатами явились три претендента: первымъ былъ извѣстный генералъ Митре; его избраніе казалось несомнѣннымъ въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ: съ Бразиліей вышли недоразумѣнія, которыя могли окончиться войной. Въ случаѣ войны шпига Митре была необходима. Съ другой стороны, Митре во время парагвайской войны сблизился съ бразильскимъ императоромъ и потому легче другихъ могъ сойтись съ нимъ на пути мирнаго окончанія спора.

Вторымъ кандидатомъ былъ докторъ Донъ Адольфо Альзина, вице-президентъ республики. Будучи губернаторомъ провинціи Буэнос-Айреса, онъ составилъ себѣ здѣсь довольно сильную партію и рассчитывалъ на ея поддержку. Эта партія, состоявшая изъ честолюбцевъ и посредственностей всякаго рода, была крайне не симпатична иностранцамъ. Она вслухъ заявляла, что если до-

стигнетъ власти, то сейчасъ-же положить предѣлъ наплыву эмигрантовъ. Въ провинціяхъ Альзина почти не имѣлъ сторонниковъ и потому избраніе его было вообще сомнительно.

Третій кандидатъ, докторъ Авеланеда, наоборотъ имѣлъ сильную партію въ провинціяхъ, въ Буэносъ-Айресѣ-же его поддерживала небольшая кучка людей развитыхъ и просвѣщенныхъ. Родомъ изъ Тукумана, — еще человекъ молодой, Авеланеда былъ уже извѣстенъ, какъ блистательный адвокатъ. Но его несравненно болѣе знали въ провинціяхъ, чѣмъ въ Буэносъ-Айресѣ, гдѣ даже имя его не было извѣстно избирателямъ.

Уже съ первыхъ дней избирательной борьбы стало замѣтно, что верхъ долженъ одержать Авеланеда. Избирательные голоса въ Буэносъ-Айресѣ раздѣлились между Митре и Альзиной; во всѣхъ-же остальныхъ провинціяхъ масса избирателей подавала свои голоса за Авеланеду. Избирательная борьба на этотъ разъ была жаркая, мѣстами даже раздавались ружейные выстрѣлы. Правительство президента Сармиенто поступило безтактно: вмѣсто того, чтобъ оставаться нейтральнымъ, оно употребляло всѣ усилія, чтобъ обезпечить побѣду за Альзиной; между тѣмъ и генералъ Митре, и Альзина сами вмѣшались въ борьбу; ихъ вмѣшательство привело ко многимъ печальнымъ случаямъ.

Авеланеда дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ: онъ оставался въ сторонѣ, какъ-будто дѣло его не касалось. Когда стали считать голоса, оказалось, что Авеланеда одержалъ полную и рѣшительную побѣду. Онъ былъ избранъ президентомъ.

Избирательная борьба кончилась; партія Митре, хотя взбѣшенная своей неудачей, рѣшилась, однакожь, примириться съ поражениемъ и бороться съ новымъ правительствомъ на легальной почвѣ; но альзинисты, т. е. партія Альзины, не хотѣли примириться безъ вознагражденія. Авеланеда, во избѣжаніе гражданской войны, рѣшился сдѣлать для нихъ уступки. Онъ обѣщалъ имъ нѣсколько мѣстъ и далъ имъ поддержку своей партіи на провинціальныхъ выборахъ. Альзинисты не замедлили злоупотребить полученными выгодами. Въ провинціяхъ они силой выгнали депутатовъ палаты, принадлежавшихъ къ партіи, предводимой генераломъ Митре.

Послѣ такого поступка борьба на легальной почвѣ дѣлалась

уже невозможной. Партия генерала Митре заявила, что насилие она будет отвѣчать насиліемъ-же и не допустить, чтобъ новый президентъ вступилъ 12 октября въ отправленіе своей должности. Партия генерала Митре представляла серьезную опасность для новаго правительства: въ ея рядахъ были генералы, легисты и государственные люди, а главное она могла располагать значительной военной силой. Ея важности не замѣчали только альзинисты, которые продолжали относиться къ ней нагло и презрительно.

Какую-же военную силу могло противопоставить инсургентамъ правительство? Большая часть войскъ находилась на границахъ республики и ближайшая военная сила квартировала въ сотнѣ верстъ отъ столицы. Принужденная вѣчно воевать съ индѣйцами, аргентинская республика держитъ свои войска преимущественно на сѣверовосточной и западной границахъ государства. Буэнос-айресская республика, какъ извѣстно, занимаетъ пространство, превосходящее въ восемь разъ Францію; столица ея лежитъ на юго-востоку; возможно - ли правительству при такихъ условіяхъ рассчитывать на помощь арміи, стоящей на отдаленныхъ границахъ? Правительство могло еще располагать мобилизированной національной гвардіей, но эта военная сила могла оказать пользу развѣ только въ томъ случаѣ, если-бъ инсургенты осадили Буэнос-Айресъ. Понимая опасность гражданской войны, правительство Сармиенто, подъ предлогомъ возможности войны съ Бразиліей, удержало одинъ полкъ въ Буэносъ-Айресъ. Но что значилъ этотъ полкъ, въ вѣрности котораго еще можно было сомнѣваться, въ сравненіи съ военными силами, какими могли располагать инсургенты? Митре не дремалъ: онъ привлекъ на свою сторону генераловъ Риваса и Аредондо и полковниковъ Боргеса, Мурга и Махадо, командовавшихъ пограничными войсками.

Инсургенты назначили днемъ возстанія 24 сентября. Буэнос-айресскія газеты, принадлежащія къ партіи Митре, напечатали воззваніе этого генерала, призывавшее къ оружію. Митре рассчитывалъ на помощь столичнаго населенія, но оно осталось спокойно; напротивъ, масса его рѣшилась сопротивляться инсургентамъ до послѣдней крайности. Инсургенты сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, овладѣли мирной подгородной деревней, затѣмъ быстро от-

ступили въ рѣкѣ, сѣли на суда и переправились въ Монтевидео, чтобы оттуда двинуться на помощь своимъ единомышленникамъ, поднявшимъ знамя возстанія въ провинціи. Возстаніе въ столицѣ, такимъ образомъ, было подавлено почти безъ всякаго кровопролитія.

Эта попытка къ возстанію въ Буэносъ-Айресѣ ясно показала, какъ измѣнились взгляды мѣстнаго населенія. Пользуясь уже значительнымъ благосостояніемъ, оно естественно явилось противникомъ насильственнаго переворота и его твердости болѣе всего обязано правительству своей окончательной побѣдой надъ инсургентами.

Наступило 12-е октября. Правительство ожидало новаго возстанія въ Буэносъ-Айресѣ. Были разставлены пушки, но все обошлось благополучно и новый президентъ спокойно занялъ президентскій дворецъ.

Между тѣмъ инсургенты сосредоточили свои силы въ провинціяхъ. Они заняли главные города сѣверныхъ и восточныхъ провинцій. Генераль Митре основалъ свою главную квартиру въ Тульѣ. Во всѣхъ занятыхъ инсургентами провинціяхъ была устроена новая администрація, при чемъ, конечно, парламенты были разогнаны. Митре располагалъ значительной военной силой: у него было 20,000 лошадей и 5,000 вооруженныхъ солдатъ, такъ что на каждаго солдата приходилось по 4 лошади. Расположивъ свои войска въ необозримыхъ пампасахъ, Митре втеченіи двухъ мѣсяцевъ избѣгалъ всякаго столкновенія съ правительственными войсками. Онъ утомлялъ ихъ постоянными переходами съ мѣста на мѣсто, что для правительственныхъ войскъ было крайне неудобно, такъ-какъ большая часть ихъ состояла изъ пѣхоты.

Наконецъ черезъ два мѣсяца, къ великому удовольствію Буэносъ-Айреса, произошло столкновеніе: 800 человекъ правительственныхъ войскъ, вооруженныхъ превосходными ремингтоновскими ружьями, засѣли въ полевои укрѣпленіи; 5,000-ная кавалерія Митре, спѣшившись, атаковала это укрѣпленіе. Войска Митре были вооружены плохими ружьями; немудрено, что залпъ изъ ремингтоновскихъ ружей произвелъ страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ, однакожь они не струсили и, выхвативъ ножи, полѣзли на штурмъ. Ножи и лаесо — любимое оружіе аргентинцевъ, жи-

вущихъ въ пампасахъ; ими владѣютъ они съ изумительнымъ искусствомъ; но, во всякомъ случаѣ, ножи плохое оружіе противъ длинныхъ штыковъ. Атакующіе были отбиты и въ беспорядкѣ отступили. Митре могъ-бы удалиться въ пампасы, скрыться тамъ отъ преслѣдованія правительственныхъ войскъ и затянуть войну на долгое время. Но Митре всегда былъ хорошимъ патріотомъ. Видя, что общественное мнѣніе страны слишкомъ очевидно высказывается противъ инсурекиці, онъ рѣшился пожертвовать своей военной славой и собственной личностью. Онъ подписалъ капитуляцію, выговоривъ въ ней полную амнистію своимъ подчиненнымъ, а себя и двухъ своихъ помощниковъ генераловъ отдалъ въ распоряженіе суда.

Въ первый разъ гражданская война въ южной Америкѣ окончилась въ такое короткое время. Прежде она, бывало, тянулась годами. Осада Монтевидео продолжалась 12 лѣтъ, осада Буэносъ-Айреса—9. Этотъ фактъ очевидно говоритъ о прогресѣ, какой сдѣлала страна въ послѣднее время въ гражданскомъ развитіи. Этимъ она обязана иностранцамъ, быстро поднявшимъ ея матеріальное благосостояніе, а также и предъидущимъ гражданскимъ войнамъ и переворотамъ.

Въ Европѣ вообще неправильно судятъ о значеніи южно-американскихъ революцій. Въ Европѣ ихъ считаютъ дѣломъ личнаго честолюбія и не обращаютъ никакого вниманія на ихъ результаты. Между тѣмъ большая часть этихъ революцій, въ особенности въ Буэносъ-Айресѣ, оканчивалась всегда весьма серьезными результатами для политическаго развитія этой дѣйственной, въ политическомъ смыслѣ, страны. Перенесясь назадъ, мы увидимъ, что въ годъ объявленія независимости, въ 1812 году, аргентинская республика находилась почти въ первобытномъ состояніи. Затѣмъ наступила эпоха мрачнаго деспотизма Розаса, этого оригинальнаго человѣка, который то удивлялъ своимъ величіемъ, то возбуждалъ смѣхъ и презрѣніе. Во время его управленія аргентинцы поняли, что имъ необходимѣ всего сплотиться между собой и дѣйствовать соединенными усилиями. Свергнувъ Розаса, они убѣдились, что прежде, чѣмъ достигнуть чего-нибудь, необходимо подчиняться дисциплинѣ,—и партія прогресса дисциплинировалась. Частые перевороты, слѣдовавшіе за сверженіемъ Розаса до президентства Митре, были школой, въ которой аргентинцы научились давать цѣну миру и спокойствію. Въ послѣд-

ни-же 6 лѣтъ они на-столько развились политически, что теперь предпочитаютъ мирное развитіе насильственнымъ переворотамъ. Это позволяетъ намъ надѣяться, что президентство Авеланды будетъ служить продолженіемъ президентства Сармиенто, и развитіе Буэносъ-Айреса не перестанетъ идти такъ-же быстро, какъ оно шло въ послѣднее время. Аргентинской республикѣ, конечно, еще недостаетъ очень многого, въ ней нѣтъ главнаго — народнаго образованія, но начатки его уже положены, притомъ въ размѣрахъ довольно почтенныхъ, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла; тѣмъ болѣе, что въ Буэносъ-Айресѣ во главѣ народнаго образованія стоитъ не католическое духовенство, какъ въ сосѣднихъ странахъ, а свѣтская власть. Сосѣдній Парагвай, томившійся десятки лѣтъ подъ ферулой иезуитовъ, послужилъ хорошимъ примѣромъ для государственныхъ людей Буэносъ-Айреса и они постарались не впасть въ ошибку, послужившую причиной многихъ бѣдствій для ихъ сосѣдей.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ СТУДЕНТАМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА ПЕРВЫЙ ГОДЪ (НОЯБРЬ 1873—НОЯБРЬ 1874).

Уставъ Общества вспомошествованія студентамъ с.-петербургскаго университета утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 4-го ноября 1873 г.; первое общее собраніе членовъ-учредителей, посвященное избранію предсѣдателя и членовъ Комитета, состоялось 14-го ноября. Въ составъ Комитета вошли слѣдующія лица: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія А. С. Вороновъ, предсѣдатель Общества и Комитета, П. Г. Рѣдкинъ, ректоръ с.-петербургскаго университета, непремѣнный членъ Комитета (на основаніи примѣч. къ § 13 уст.), и члены по выбору—изъ преподавателей (на основаніи того-же § устава): А. Н. Бекетовъ, А. Д. Градовскій, О. О. Миллеръ и Н. С. Таганцевъ; изъ числа прочихъ членовъ Общества: В. И. Базилевскій, И. И. Боргманъ, М. А. Веневитиновъ, В. И. Семевскій, Н. Д. Сергѣевскій и С. Е. Шевичъ.

Комитетъ выбралъ изъ своей среды, на основ. § 16 устава, въ товарищи предсѣдателя О. О. Миллера, въ казначеи В. И. Базилевскаго и въ секретари: И. И. Боргмана и М. А. Веневитинова, а во время отсутствія секретарей ихъ обязанности, по порученію Комитета, исправлялъ Н. Д. Сергѣевскій.

Втеченіи года Комитетъ собирався 25 разъ—первое время каждую недѣлю, а затѣмъ, за исключеніемъ лѣтняго времени, съ 31-го мая по 2-е сентября, каждыя двѣ недѣли.

Всѣхъ членовъ Общества, считая и учредителей, состоитъ въ настоящее время 394. Изъ общаго числа членовъ нѣкоторые еще не уплатили взносовъ за первый годъ. Комитетъ считаетъ долгомъ обратиться къ послѣднимъ съ убѣдительноѣйшей просьбою ускорить взносомъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ, указывая при этомъ, что въ силу примѣчанія 1-го къ § 7 устава, члены, не платившіе своего взноса втеченіи 2-хъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

Взносы принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ книжномъ магазинѣ Базунова (Невскій, д. Ольхина). Туда-же обращаются съ заявленіями о желаніи поступить въ число членовъ Общества.

Согласно § 2 устава, задачи Общества и его Комитета заключаются въ слѣдующемъ:

- 1) выдавать нуждающимся студентамъ пособія, единовременныя и постоянныя;
- 2) принимать, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, мѣры къ удешевленію жизни студентовъ;
- 3) заботиться, какъ о пользованіи заболѣвшихъ студентовъ на дому, такъ и о помѣщеніи ихъ въ больницахъ и клиникахъ;
- 4) прискивать нуждающимся студентамъ занятія, могущія доставить имъ средства къ жизни.

Сообразно этимъ четыремъ задачамъ, выполнение которыхъ лежало на обязанности Комитета, мы и настоящій отчетъ распредѣляемъ на четыре части.

I. Выдача ссудъ. При выдачѣ ссудъ Комитетъ руководствовался слѣдующими главными основаніями: студенты, желающіе получить ссуду, были приглашаемы чрезъ объявленіе, выставленное въ университетѣ, подавать о томъ письменныя заявленія, преимущественно тому преподавателю своего факультета, который состоялъ членомъ Комитета. По поданнымъ прошеніямъ собирались тотчасъ-же необходимыя справки о степени состоятельности просителя изъ правленія университета, а также отъ товарищей просителя, и прошенія затѣмъ докладывались Комитету въ ближайшемъ засѣданіи.

Всего по 14-е ноября 1874 г. было выдано ссудъ 14,047 рублей, 373 студентамъ. Всѣхъ прошеній поступило 433; но 60 изъ

нихъ пришлось отклонить, большею частью вслѣдствіе недостатка средствъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распределеіе выданныхъ ссудъ по каждому факультету и курсу отдѣльно *).

Наибольшій размѣръ ссуды, выдаваемой въ однѣ руки, доходилъ втеченіи года до 122 руб.; при этомъ на старшихъ курсахъ болѣе крупныя ссуды выдавались нерѣдко подъ залогъ стипендій, а также на короткій срокъ, по соглашенію съ заемщиками. Изъ такихъ краткосрочныхъ ссудъ возвращено студентами втеченіи года 2,287 р. 9 коп.

Наиболѣе крупная сумма выданныхъ ссудъ приходится, какъ и слѣдовало ожидать, на долю юридическаго факультета, самаго многочисленнаго, а именно 5,993 руб., распределенныхъ между 163 студентами. Наименѣе студентовъ, нуждающихся въ помощи, оказалось на факультетѣ восточныхъ языковъ, на которомъ выдано 1,120 руб., 28 лицамъ.

Особый видъ пособій составлялъ взносъ платы за ученіе недостаточныхъ студентовъ; общая сумма такого взноса составляла втеченіи года 2,947 руб. 50 к., которые распределены были между 98 студентами, именно:

а) по физико-математическому факультету 45 студентамъ	1,497 р. 50 к.
б) по юридическому факультету 39 студентамъ	1,100 " — "
в) по филологическому факультету 7 студентамъ	175 " — "
г) по восточному факультету 7 студентамъ	175 " — "
Итого 98 студентамъ	
2,947 р. 50 к.	

Плата вносилаь въ правленіе университета частію въ полномъ размѣрѣ 50 руб. за оба полугодія, и большею частію въ размѣрѣ 25 р. и даже 12 р. 50 к. за одно полугодіе.

*)	Юридическій факультетъ.				Физ.-математ. факульт.			
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
	Сумма: 1899р.50к. 1078р. 1592р.50к. 1422р.50к. 2210р. 1682р. 610р. 625р.							
Количество лицъ, получившихъ ссуды .	46	31	46	40	66	40	17	16
	Филологическ. факульт.				Вост. фак.			
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
	Сумма: 517 р. 465 р. 255 р. 560 р. 645 р. 250 р. 190 р. 25 р.							
Количество лицъ, получившихъ ссуды .	13	11	9	10	15	6	6	1
	Итого. . 14,047 р. на 373 чел.							

II. Мѣры къ удешевленію жизни студентовъ. Съ самаго начала своей дѣятельности Комитетъ обратилъ особое вниманіе на необходимость устройства кухмистерской, въ которой студенты могли бы получать дешевый и хорошій обѣдъ. Но открытіе такой кухмистерской, непосредственно отъ Общества вспомошествованія студентамъ, замедлилось, какъ по разнымъ обстоятельствамъ, отъ Комитета независящимъ, такъ и вслѣдствіе необходимости на первое время ограничивать расходъ ссудами, въ которыхъ просящіе безотлагательно нуждались.

Между тѣмъ въ концѣ прошлаго академическаго года Комитетъ получилъ отъ Общества дешевыхъ столовыхъ, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны, предложеніе содѣйствовать устройству дешевой столовой, преимущественно для студентовъ университета, по близости самаго зданія университета. Начавшіеся вслѣдствіе этого переговоры привели къ слѣдующему результату: Общество дешевыхъ столовыхъ взяло на себя распоряженіе по устройству кухмистерской, на содержаніе которой Комитетъ Общества вспомошествованія студентамъ обязался, въ видѣ опыта, отпускать втеченіи двухъ лѣтъ ежегодно по 500 руб. изъ суммъ Общества. Двое членовъ Комитета приглашаются въ составъ Комитета Общества дешевыхъ столовыхъ; кромѣ того, всѣмъ членамъ Комитета принадлежитъ право наблюденія за исправнымъ содержаніемъ кухмистерской.

На основаніи состоявшагося такимъ образомъ соглашенія, дешевая столовая, которою могутъ пользоваться и студенты, открыта 10-го ноября настоящаго года, на Васильевскомъ островѣ, у Тучкова моста, въ домѣ Петрова.

III. Медицинская помощь. Въ выполненіи этой задачи Общества Комитетъ встрѣтилъ живое содѣйствіе со стороны многихъ врачей и медицинскихъ учреждений въ С.-Петербургѣ.

Содержатели аптекъ: гг. Боргманъ, Гауеръ, Пель, Шамбахеръ, Шульцъ, Трофимовъ и Иорданъ, выразили готовность отпускать безплатно и по уменьшенной цѣнѣ медикаменты, недостаточнымъ студентамъ; пневматическая лечебница доктора Симонова передала въ распоряженіе Комитета 300 разовыхъ билетовъ на бесплатное леченіе сгущеннымъ воздухомъ, которые почти всѣ розданы; лечебница докторовъ Билибина, Веймарна и Лесгафта предоставила 30-ти недостаточнымъ студентамъ право на ежедневное бесплатное пользованіе гидропатіей, электричествомъ и гимнастикой; наконецъ, доктора: Эриксенъ, Вари, Доббертъ, Карѣвъ, Уверскій и Вильцеръ выразили желаніе подавать бесплатно медицинскіе совѣты не-

достаточнымъ студентамъ. Студентовъ, желавшихъ пользоваться вышеозначенною медицинскою помощью, Комитетъ снабжалъ особыми свидѣтельствами, выдаваемыми членомъ Комитета И. И. Боргманомъ. Такихъ свидѣтельствъ выдано г. Боргманомъ втеченіи года болѣе 80-ти. Сверхъ того, С.-Петербургское Гимнастическое Общество допустило, по засвидѣтельствованію предсѣдателя Общества вспомошествованію студентамъ, къ бесплатному обученію гимнастикѣ 6 студентовъ.

IV. Доставленіе занятій студентамъ. Желая по возможности устранить случайность, господствующую въ настоящее время въ распредѣленіи занятій и уроковъ между студентами, Комитетъ старался служить посредникомъ между послѣдними и лицами, предлагающими работу или уроки. Но въ этомъ отношеніи Комитетъ, къ сожалѣнію, достигъ весьма незначительныхъ результатовъ.

Несмотря на неоднократныя заявленія Комитета во всѣхъ газетахъ о томъ, что лица, имѣющія надобность въ студентахъ-преподавателяхъ, могутъ обращаться за рекомендаціею таковыхъ къ предсѣдателю Общества, а также и ко всѣмъ членамъ Комитета, такихъ заявленій поступило втеченіи года весьма немного, такъ-что занятія удалось доставить не болѣе, какъ 40 студентамъ.

Такое равнодушіе нашего образованнаго общества тѣмъ прискорбнѣе, что указанія Комитета, болѣе или менѣе знающаго студентовъ и относительно степени ихъ подготовки къ преподаванію, казалось-бы, должны представлять болѣе ручательства за вѣрный выборъ преподавателя, чѣмъ газетныя объявленія о лицахъ, желающихъ принять на себя преподавательскія обязанности.

Говоря о результатахъ своей годичной дѣятельности, Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что если онъ былъ въ состояніи хотя сколько-нибудь выполнить возложенную на него задачу, то онъ обязанъ этимъ въ значительной мѣрѣ содѣйствію и пожертвованіямъ нѣкоторыхъ лицъ и учреждений. Наиболѣе значительныя денежныя пожертвованія поступили: 1,000 р. отъ неизвѣстнаго, при самомъ открытіи Общества; 1,000 р. отъ министерства народнаго просвѣщенія; 500 руб. билетами отъ Н. О. Кульжинскаго, 250 руб. отъ литературнаго фонда, по сборной книгѣ О. Э. Миллера собрано 1,600 р. (выручка отъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ). Всего лекторомъ получено отъ Петербургскаго Собранія Художниковъ 1,947 р. (половина чистаго сбора — по уговору); изъ этой суммы удержано имъ 150 р. въ уплату за стенографированіе 10-ти его лекцій, а 197 руб. для распредѣленія по его собственному усмотрѣнію между нѣкоторыми учащимися, не вполне подходившими

подъ уставъ Общества; такимъ образомъ, въ кассу Общества пожертвовано имъ всего 1,600 руб. изъ полученнаго имъ гонорара; по книгѣ М. А. Веневитинова и С. Е. Шевича собрано 1,000 р.; на обѣдѣ бывшихъ студентовъ с.-петербургскаго университета, 8-го февраля, внесено пожертвованій до 1,000 руб.; отъ распорядителей студентскаго вечера 8-го февраля получено 1,000 р.; собрано г. П.—выдѣ въ Енисейскѣ — 500 руб. Всего дохода поступило свыше 15,600 руб.

Кромѣ пожертвованій деньгами, Комитетъ встрѣтилъ самое живое сочувствіе дѣлу Общества со стороны редактора „Вѣстника Европы“, М. М. Стасюлевича; въ его журналѣ помѣщались безвозмездно протоколы засѣданій Комитета (а въ началѣ также и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“) и въ его типографіи печатаются также безвозмездно всѣ бумаги Общества.

Въ заключеніе своего отчета Комитетъ считаетъ своей обязанностью обратить вниманіе членовъ Общества и на тѣ явленія въ первоначальной жизни нашего Общества, которыхъ нельзя назвать утѣшительными.

Кромѣ указаннаго выше недостатка въ доставленіи занятій студентамъ, къ этимъ явленіямъ относится прежде всего медленное возрастаніе числа членовъ Общества. Быть можетъ, оно объясняется новостью дѣла и желаніемъ узнать сначала, какъ поставить себя новое Общество. Съ этой цѣлью Комитетъ озаботится о доставленіи возможно большей гласности настоящему отчету, и разошлетъ вмѣстѣ съ нимъ приглашенія къ участию въ Обществѣ ко многимъ бывшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета и другимъ лицамъ, могущимъ быть полезными Обществу.

Еще одинъ недостатокъ, обнаружившійся въ дѣятельности Комитета, заключался въ томъ, что при отсутствіи какой-либо связи между студентами, собираніе справокъ объ имущественномъ положеніи лицъ, обращающихся въ комитетъ за ссудой, было крайне затруднительно. Ошибки, недосмотры были неизбѣжны. Къ устраненію этого весьма важнаго недостатка, неизбѣжнаго, какъ намъ кажется, въ дѣятельности всякаго Общества, подобнаго Обществу вспомошествованія студентамъ, могло-бы послужить повсемѣстное распространеніе въ провинціальныхъ городахъ обществъ для помощи молодымъ людямъ, готовящимся къ поступленію въ университетъ. Отъ одного изъ возникшихъ уже провинціальныхъ обществъ такого рода нашимъ Обществомъ получено 25 р. въ уплату за слушаніе лекцій студентомъ, бывшимъ воспитанникомъ гимназіи въ томъ городѣ, гдѣ означенное общество возникло. Возникновеніе подобныхъ обществъ, уже существующихъ въ нѣкоторыхъ городахъ,

напр., въ Саратовѣ и Калугѣ, и установленіе связи между ними и Обществами, находящимися при университетахъ, придадо-бы дѣлу помощи студентамъ болѣе твердое и широкое основаніе.

Вступая во второй годъ существованія Общества, Комитетъ надѣется, что сочувствіе его дѣлу будетъ расти среди нашего общества; что всякій бывшій студентъ, знавшій когда-то всю подавляющую обстановку студентской жизни и дошедшій путемъ образованія до лучшаго положенія, а также и всякій образованный человѣкъ, пораженный невѣжествомъ окружающей его темной массы, сочтутъ своею обязанностью людямъ, стремящимся къ знанію, протянуть руку помощи въ ихъ постоянной, томительной борьбѣ съ нуждою и всякими невзгодами.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

Чужое преступленіе. Часть III. (Окончаніе.)	<i>П. Лятнева.</i>
Святогоръ и Микула Селяниновичъ. Стихотвореніе	<i>М. Р.</i>
Законъ и жена. Романъ. (Гл. XXX—XXXVIII.)	<i>Уильки Колинза.</i>
Жоржъ - Зандъ. Биографическій очеркъ. (Продолженіе.)	<i>П. Гр—ли.</i>
Проектъ тюремной реформы во Франціи.	<i>В. Ю.</i>
Исповѣдь старика. Романъ. (Гл. I—II).	<i>Иполита Ньево.</i>
Сухая липа. Стихотвореніе.	<i>Петра Вейнбера.</i>
Горячіе каштаны. (Изъ А. Мюссе.)	<i>В. Торнина.</i>
Развитіе европейской мысли XVI — XIX вѣка. (Ст. третья.)	<i>С. Ставрина.</i>
Общественное образованіе въ Цюрихѣ. (Окончаніе.)	<i>Эли Трио.</i>
Поэту. Стихотвореніе.	<i>В. И. Славянскаго.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики. (Статья первая.)	<i>Н. Никитина.</i>
Новыя книги.	
Вредъ или польза? (Народныя чтенія въ „Соляномъ городѣ“.)	<i>М. Н. Попова.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	
Политическая и общественная хроника.	
Отчетъ о дѣятельности комитета общества вспомошествованія студентамъ с-петербургскаго университета.	

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И
МОСКВЫ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) Щеголи во время первой революціи, романъ *Жюль Кларети*. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 коп.

2) На даленихъ окраинахъ, романъ *Н. Н. Каразина*. Изданіе иллюстрированное. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пересылкой 3 р.

3) Исторія маленькой дѣвочки (для чтенія дѣтей старшаго возраста). Соч. *Е. А. С—вой*. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой 1 р. 75 коп.

4) Повѣсти и рассказы *Н. Н. Каразина*. Изданіе иллюстрированное. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пересылкой 3 р.

5) Люди третьей республики. Цѣна 1 р. 30 коп., съ пересылкой 1 р. 50 коп.

6) Приключенія нѣмецной колоніи, романъ *Ф. Герштекера*. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 коп.]

Гг. подписчики на журналъ „Дѣло“ пользуются уступкой 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

РОСКОШНОЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ:

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ,

Большой альбомъ хромолитографій, исполненныхъ заведеніями: Вилкельмана и Штейнбока въ Берлинѣ, по оригинальнымъ акварелямъ Н. Н. Каравина,

вышелъ и поступилъ въ продажу.

Просятъ обращаться съ требованіями въ главный складъ изданія, квартиру художника, Спб., Кабинетская улица, д. № 6, кварт. № 4.

Цѣна безъ пересылки 18 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ 20 р., въ прочіе города 22 р.

Подписчикамъ журнала „Дѣло“ уступается со скидкой 10%.

СОЛОВКИ

(ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПОЕЗДКИ СЪ ВОГОМОЛЬЦАМИ).

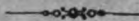
В. И. Немяровича-Данченко.

Изданіе исправленное и дополненное. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 1 р. 75 коп.

Подписчики журнала „Дѣло“ пользуются уступкою 20%.

ская форма правленія.—Текстъ новой конституціи.—Ея достоинства и недостатки.—Затрудненія, встрѣченныя при составленіи новаго кабинета.—Рѣчь Бюффе, удивившая всѣхъ, и друзей, и недруговъ.—Краткій очеркъ жизни Бюффе.—Члены новаго кабинета.—Избраніе Одифре-Паке въ президенты національнаго собранія.—Анекдотъ.—Революція въ Буэнос-Айресѣ.—Конституція буэнос-айресской республики.—Быстрое развитіе благоденствія во время президентства Митре и Сармиенто.—Избирательная борьба.— Пораженіе возстанія.

XVII. Отчетъ о дѣятельности комитета общества вспомошествованія студентамъ с.-петербургскаго университета.

ВЫШЛИ ОТДѢЛЬНЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ И ПРОДАЮТСЯ ВО
ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

РОМАНЪ П. ЛѢТНЕВА:

ВНѢ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ,

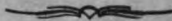
изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ
пересылкой 2 р.

РОМАНЪ ЛУИЗЫ АЛЬКОТЪ:

АМЕРИКАНКА.

Цѣна безъ перес. 1 р. 20 к. Съ перес. 1 р. 50 к.

*На всѣ изданія Редакціи журнала „Дѣло“ уступается
подписчикамъ на этотъ журналъ 20%.*

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1875 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) о выходѣ въ свѣтъ новыхъ книгъ; 4) о выходѣ роскошнаго художественнаго изданія „Хивинскій походъ“; 5) о выходѣ книги „Соловей“, В. И. Немировича-Данченко.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1875 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39) и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова,
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи
Ольхиной, и въ Книжномъ Магазинѣ
для Иногороднихъ, на Невскомъ, въ д.
Льсинкова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева,
на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алек-
сѣева; а также въ книжномъ магазинѣ
А. А. Васильева, на Страстномъ буль-
варѣ, въ д. Шамардина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ 16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества —
20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 139